

Полные воспоминания о личной жизни Наполеона

Луи Констант Уэйри

NAPOLÉON 1814.

Электронная книга проекта "Гутенберг" с воспоминаниями о частной жизни Наполеона — Полная

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Воспоминания о частной жизни Наполеона — Полностью

Автор: Луи Констант Уэйри

Переводчик: Уолтер Кларк

Дата выхода: 7 сентября 2004 г. [Электронная книга № 3580]

Последнее обновление: 8 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсер Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВОСПОМИНАНИЯ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ НАПОЛЕОНА" — ЗАВЕРШЕНО ***

Выбор формата

Текущий формат лучше всего подходит для большинства **ноутбуков** и **компьютеров** и хорошо генерирует файлы в форматах **.mobi** и **.epub**. Изображения более высокого качества в этом файле не уменьшаются в размере, чтобы соответствовать маленьким экранам планшетов и смартфонов — часть изображений большего размера может сбиться сбоку. Другой формат доступен при нажатии на следующую строку:

*Файл с изображениями, которые автоматически приспосабливаются к любому размеру экрана; это лучший выбор для небольших экранов **планшетов** и **смартфонов**.*

*RECOLLECTIONS OF
THE PRIVATE LIFE
OF
NAPOLEON*

*RECOLLECTIONS[®]
OF THE
PRIVATE
LIFE
OF
NAPOLEON*

—
CONSTANT

THE MERRIAM
COMPANY

*RECOLLECTIONS
OF THE
PRIVATE
LIFE
OF
NAPOLEON*

—
CONSTANT

THE MERRIAM
COMPANY

*RECOLLECTIONS
OF THE
PRIVATE
LIFE
OF
NAPOLEON*

—
CONSTANT

THE MERRIAM
COMPANY

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ НАПОЛЕОНА,
полные

КОНСТАНТОМ, ГЛАВНЫМ КАМЕРДИНЕРОМ

ПЕРЕВОД УОЛТЕРА КЛАРКА

1895

NAPOLÉON AT MALMAISON.

Содержание

ТОМ I.

- ГЛАВА I.
- ГЛАВА II.
- ГЛАВА III.
- ГЛАВА IV.
- ГЛАВА V.
- ГЛАВА VI.
- ГЛАВА VII.
- ГЛАВА VIII.
- ГЛАВА IX.
- ГЛАВА X.
- ГЛАВА XI.
- ГЛАВА XII.
- ГЛАВА XIII.
- ГЛАВА XIV.
- ГЛАВА XV.
- ГЛАВА XVI.
- ГЛАВА XVII.
- ГЛАВА XVIII.
- ГЛАВА XIX.
- ГЛАВА XX.
- ГЛАВА XXI.
- ГЛАВА XXII.

ГЛАВА XXIII.
ГЛАВА XXIV.
ГЛАВА XXV.
ГЛАВА XXVI.
ГЛАВА XXVII.
ГЛАВА XXVIII.
ГЛАВА XXIX.
ГЛАВА XXX.
ГЛАВА XXXI.

ТОМ II.

ГЛАВА I.
ГЛАВА II.
ГЛАВА III.
ГЛАВА IV.
ГЛАВА V.
ГЛАВА VI.
ГЛАВА VII.
ГЛАВА VIII.
ГЛАВА IX.
ГЛАВА X.
ГЛАВА XI.
ГЛАВА XII.
ГЛАВА XIII.
ГЛАВА XIV.
ГЛАВА XV.
ГЛАВА XVI.
ГЛАВА XVII.
ГЛАВА XVIII.
ГЛАВА XIX.
ГЛАВА XX.
ГЛАВА XXI.
ГЛАВА XXII.

ГЛАВА XXIII.
ГЛАВА XXIV.
ГЛАВА XXV.
ГЛАВА XXVI.
ГЛАВА XXVII.
ГЛАВА XXVIII.
ГЛАВА XXIX.
ГЛАВА XXX.
ГЛАВА XXXI.

ТОМ III.

ГЛАВА I.
ГЛАВА II.
ГЛАВА III.
ГЛАВА IV.
ГЛАВА V.
ГЛАВА VI.
ГЛАВА VII.
ГЛАВА VIII.
ГЛАВА IX.
ГЛАВА X.
ГЛАВА XI.
ГЛАВА XII.
ГЛАВА XIII.
ГЛАВА XIV.
ГЛАВА XV.
ГЛАВА XVI.
ГЛАВА XVII.
ГЛАВА XVIII.
ГЛАВА XIX.
ГЛАВА XX.
ГЛАВА XXI.
ГЛАВА XXII.

ГЛАВА XXIII.
ГЛАВА XXIV.
ГЛАВА XXV.
ГЛАВА XXVI.
ГЛАВА XXVII.
ГЛАВА XXVIII.
ГЛАВА XXIX.
ГЛАВА XXX.
ГЛАВА XXXI.
L'ENVOI.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

НАПОЛЕОН В МАЛЬМЕЗОНЕ *Фронтиспис Vol. 1.* ПРИНЦ
ЕВГЕНИЙ ЖОЗЕФ И НЕЙДА ВУБЕРТЬЕ МАКДОНАЛЬДО ЖЕРО
НАПОЛЕОН, 1814 г. *Фронтиспис Том 2.* РАППМЮРАТ ЛЮСЬЕН
БОНАПАРТ СУЛЬТБЕРНАДОТТ МАРИЯ ЛУИЗА ДЮРОК
НАПОЛЕОН И ЕГО СЫН *Фронтиспис Том 3.* ЛАНН ЖОЗЕФ НАПОЛЕОН МАССЕНА КОРОЛЬ
РИМА ЖЕРОМ БОНАПАРТ МАРШАЛ НЕЙУДИНО

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Хотя эта работа была впервые опубликована в 1830 году, до сих пор она никогда не переводилась на английский. Действительно, тома почти вышли из печати. Несколько лет назад, находясь в Париже, автор с большим трудом раздобыл копию, с которой был сделан этот перевод. Примечания были добавлены переводчиком, а иллюстрации - издателями, что, как полагают, повысит интерес Константа к оригинальной работе.

"Изображать Цезаря раздетым - не значит изображать Цезаря", - сказал кто-то. И все же мужчинам всегда будет интересно посмотреть на великую "одежду". В этих томах герой изображен раздетым. Его слабости, его особенности, его пороки здесь изображены без утайки. Но таковы же его доброта сердца, его обширный интеллект, его знание людей, его необычайная энергия, его общественный дух. Ставни сняты, и обнажена работа могучего механизма.

Покойный принц Наполеон (который был более настоящим "племянником своего дяди", чем Наполеон III.) в своей книге "Наполеон и его недоброжелатели" яростно критикует это произведение Константа, нападая как на его подлинность, так и на правильность содержащихся в нем утверждений. Но, по-видимому, нет веских оснований сомневаться в его подлинности, и правдивость многих его деталей полностью подтверждается другими авторитетными источниками. Несмотря на свои эксцессы и безумия, великая Французская революция всегда будет представлять всепоглощающий интерес для человечества, потому что она началась как борьба за продвижение дела мужественности, свободы и равных прав. Это было чрезвычайно серьезное движение; и по прошествии столетия интерес к великому солдату, который восстановил порядок, организовал и сохранил новые идеи с помощью своего Гражданского кодекса и твердого правительства, не ослабевает.

Те, кто жил в те героические времена, опубликовали бесчисленное количество мемуаров. И все же за все, что прольет новый свет на главных действующих лиц этой великой драмы человечества, по-прежнему жадно хватаются, особенно за то, что касается Императора.

Это не только потому, что он был великим завоевателем; ибо таковыми были, на свой лад, Чингисхан, Тимур и сотни других. Но это из-за человеческого интереса, который проявляется к замечательной карьере Наполеона и событиям, центральной фигурой которых он был.

Никогда поэт или романист не представлял себе сцен столь невероятных. Сын никому не известного юриста на незначительном острове становится императором Франции и королем Италии. Его братья и сестры становятся королями и королевами. Сыновья трактирщиков, нотариусов, юристов и крестьян становятся маршалами империи. Император, впервые сделавший вест-индскую креолку своей женой и императрицей, прогоняет ее и женится на дочери самого надменного и старейшего королевского дома в Европе, племяннице королевы, которую народ Франции обезглавил несколько лет назад. Их сын рождается королем — королем Рима. Затем внезапно пышность исчезает, и император, короли и королевы снова становятся подданными. Мечтало ли воображение когда-нибудь о чем-нибудь более необузданном, чем это? Драматический интерес этой истории всегда будет привлекать, но есть и более глубокий. Тайную пружину всех этих быстрых перемен и истинную причину огромного интереса, который человечество всегда будет испытывать к истории тех богатых событиями времен, следует искать в собственном объяснении Наполеона — "Карьера, открытая для талантов, без различия происхождения". До того дня случайность рождения была ключом ко всем почестям и каждому положению. Ни один человек не мог бы получить даже звание лейтенанта в армии, если бы на его гербе не было четырех четвертаков.

Именно как "вооруженный апостол демократии" Наполеон шел вперед, побеждая и для того, чтобы побеждать. На острове Святой Елены он заявил, что его "всегда поддерживали мнения шести миллионов мужчин".

Пожилая женщина, которая встретила его инкогнито, поднимаясь на холм Тараре, и в ответ на его утверждение, что "Наполеон был таким же тираном, как и все остальные", воскликнула: "Может быть, и так, но другие - короли знати, в то время как он один из нас, и мы сами выбрали его", - выразила великую правду. Пока Наполеон олицетворял народовластие, он был непобедим; но когда, посчитав себя достаточно сильным, чтобы выстоять в одиночку, он попытался примирить старый порядок вещей и, разведясь с дочерью народа, взял в жены дочь королей и вступил с ними в союз, — в этот момент, подобно другому Самсону, "сила покинула его". Бедствия обрушились на него так же, как они обрушивались на него раньше, но на этот раз сердце народа было уже не с ним. Он упал.

Этого человека изучали как солдата, государственного деятеля, организатора, политика. Во всем он был бесспорно велик. Но мужчинам всегда будет интересно узнать что-нибудь о нем как о мужчине. Выдержит ли он это испытание? Эти книги ответят на этот вопрос. Они написаны человеком, который присоединился к Первому консулу в Хосписе на горе Сен-Бернар по пути в Маренго в июне 1800 года и который был с ним в качестве его главного личного помощника днем и ночью, не покидая его "больше, чем его тень" (всего восемь дней), за исключением того богатого событиями дня четырнадцать лет спустя, когда, отложив в сторону скипетр величайшей империи, которую мир знал за семнадцать столетий, он спустился по подковообразным ступеням в Фонтенбло в присутствии солдат, которых он вел к победе от Мадрида до Москвы. , снова частное лицо.

Чтобы люди, владеющие англосаксонским языком, могли иметь возможность увидеть императора и судить о нем "с близкого расстояния" и увидеть его таким, каким он предстал в глазах своих личных приближенных, эти тома были переведены и теперь представлены публике. Хотя замечание Фридриха Великого о том, что "Ни один человек не является героем для своего камердинера", в данном случае не совсем подтверждается, все же будет видно, что здесь нет ничего от той "божественности, которая ограждает короля". В этих томах Наполеон предстает человеком, очень великим человеком, но все же простым человеком, а не полубогом. Их прочтение, несомненно, приведет к более истинному представлению о его характере, проявляющемся как в его хороших, так и в его дурных чертах. Первые были для него естественны; вторые часто вызывались исключительными обстоятельствами, которые его окружали, и чрезвычайными искушениями, которым он подвергался.

Несомненно, эти тома проливают более правдивый и полный свет на колоссальную фигуру, которая навсегда останется одним из самых интересных исследований во всей истории человечества.

ПЕРЕВОДЧИК.

Введение.

По константе.

Карьера человека, вынужденного прокладывать свой собственный путь, который не является ремесленником или каким-либо другим ремеслом, обычно начинается не раньше, чем ему исполнится около двадцати лет. До тех пор он прозябает, неуверенный в своем будущем, не имея и не способный иметь какой-либо четко определенной цели. Только когда он достигнет полного развития своих способностей и проявит свой характер и склонности ума, он сможет определить свою профессию или призвание. Только тогда он узнает себя и увидит, что перед ним открыт свой путь. Фактически, только тогда он начинает жить.

Рассуждая таким образом, моя жизнь с двадцатого года составила тридцать лет, которые можно разделить на равные части, если считать дни и месяцы, но очень неравные части, учитывая события, произошедшие в каждый из этих двух периодов моей жизни.

Я был связан с личностью императора Наполеона в течение пятнадцати лет, я видел всех людей и был свидетелем всех важных событий, которые происходили вокруг него. Я видел гораздо больше, чем это; ибо у меня были перед глазами все обстоятельства его жизни, как наименьшие, так и величайшие, самые тайные, так и те, которые известны истории, — у меня постоянно был, повторяю, перед глазами человек, чье имя, одинокое и неповторимое, заполняет самые славные страницы нашей истории. Пятнадцать лет я следовал за ним в его путешествиях и кампаниях, был при его дворе и видел его в уединении его семьи. Какой бы шаг он ни хотел предпринять, какой бы приказ он ни отдавал, императору неизбежно было очень трудно не посвятить меня, пусть даже невольно, в свое доверие; так что, сам того не желая, я не раз оказывался обладателем тайн, которые предпочел бы не знать. Какие замечательные вещи произошли за эти пятнадцать лет! Те, кто был рядом с императором, жили как бы в центре вихря; и так быстра была череда ошеломляющих событий, что человек чувствовал себя как бы ошеломленным, и если он хотел остановиться и сосредоточить свое внимание на мгновение, мгновенно налетала, подобно другому наводнению, череда событий, которые уносили его с собой, не давая ему времени собраться с мыслями.

После этих периодов активности, от которых кружился мозг, ко мне пришел абсолютнейший покой в уединенном убежище, где я провел еще пятнадцать лет после ухода от Императора. Но какой контраст! Что осталось сегодня от тех, кто жил, подобно мне, среди завоеваний и чудес Империи? Если сила нашей зрелости прошла среди суеты столь коротких, но столь насыщенных жизнью лет, то наша карьера была достаточно долгой и плодотворной, и пришло время предаться отдыху. Мы можем отстраниться от мира и закрыть глаза. Возможно ли увидеть что-либо равное тому, что видели мы? Такие сцены не повторяются дважды в жизни ни одного человека; и увиденного ими достаточно, чтобы занять его память на все оставшиеся годы, и, выйдя на пенсию, он не может найти ничего лучшего, чтобы занять свой досуг, чем воспоминания о том, чему он был свидетелем.

Так было и со мной. Читатель охотно поверит, что я не испытывал большего удовольствия, чем предаваться воспоминаниям о годах, проведенных на службе императору. Насколько это было возможно, я держал себя в курсе всего, что было написано о моем бывшем хозяине, его семье и его дворе; и пока я слушал эти рассказы, которые читали моя жена и сестра у нашего камина, долгие вечера пролетали как одно мгновение! Когда я обнаружил в этих книгах, некоторые из

которых на самом деле являются всего лишь жалкими пародиями, утверждения, которые были неверными, ложными или клеветническими, я с удовольствием исправил такие утверждения или показал их абсурдность. Моя жена, которая, как и я, жила в эпицентре этих событий, тоже внесла свои исправления и, не преследуя иной цели, кроме нашего собственного удовлетворения, записала наши совместные наблюдения.

Все, кто приходил навестить нас в нашем убежище и получал удовольствие от того, что я рассказывал об увиденном, были поражены и часто возмущены ложью, которой невежество или недоброжелательство клеветали на императора и Империю, и, выражая свою благодарность за правильную информацию, которую я смог им предоставить, посоветовали мне также представить ее общественности. Но я не придавал значения этому предложению и был далек от мечты о том, что когда-нибудь стану автором книги, пока господин Ладвока не пришел в наш эрмитаж и искренне не убедил меня опубликовать мои мемуары, предложив себя в качестве издателя.

В то самое время, когда мы с женой получили этот неожиданный визит, мы вместе читали Мемуары Буррьена, которые только что выпустило издательство *Ladvoct*; и мы не раз отмечали, насколько эти мемуары лишены как того духа пренебрежения, так и лести, который мы с отвращением замечали в других книгах на ту же тему. Господин Ладвока посоветовал мне завершить очерк императора, который Буррьен, благодаря своему высокому положению и обычным занятиям, смог сделать только с политической точки зрения; и следуя его совету, я изложу простыми словами и в манере, соответствующей моим отношениям с императором, те вещи, которые Буррьен по необходимости опустил и которые никто не мог знать так хорошо, как я.

Я откровенно признаю, что мои возражения против совета месье Ладвока были полностью преодолены, когда он обратил мое внимание на этот отрывок во введении к мемуарам Буррьена: "Если каждый, кто имел какие-либо отношения с Наполеоном, независимо от времени и места, будет точно и непредвзято записывать то, что он видел и слышал, будущий историк о его жизни будет богат материалами. Я надеюсь, что тот, кто возьмется за эту трудную задачу, найдет в моих записях некоторую информацию, которая может оказаться полезной для совершенствования его работы".

Внимательно перечитав эти строки, я сказал себе, что могу предоставить памятные записки и информацию, которые опровергнут ошибки, заклеят ложь и прольют свет на то, что, как я знал, было правдой. Одним словом, я чувствовал, что могу дать свои показания и что это был мой долг на долгом судебном процессе, который продолжался с момента свержения императора; ибо я был очевидцем, видел все и мог сказать: "Я был там". Другие также были близки к императору и его двору, и я могу часто повторять то, что они говорили, поскольку я имел такую же возможность быть свидетелем описываемых ими подвигов; но, с другой стороны, все, что я знаю о частных делах, и все, что я могу раскрыть, что было тайным и неизвестным, никто до этого времени не мог знать или, следовательно, рассказать.

С момента отъезда Первого консула в кампанию при Маренго, куда я отправился вместе с ним, до отъезда из Фонтенбло, когда я был вынужден покинуть его, я отсутствовал всего дважды: один раз на три дня и один раз на семь или восемь дней. За исключением этих коротких отпусков, последний из которых был по состоянию здоровья, я покидал императора не более чем тенью.

Было сказано, что никто не является героем для своего камердинера. Прошу разрешения с этим не согласиться. Император, как бы близок я ни был к нему, всегда был героем, и для меня было большим преимуществом видеть этого человека таким, какой он был. На расстоянии вы ощущали только престиж его славы и его могущества; но, приблизившись к нему, вы, кроме того, насладились удивительным очарованием его разговора, всей простотой его семейной жизни и, не колеблясь, скажу, обычной добротой его характера.

Читатель, которому заранее интересно узнать, в каком духе написаны эти мемуары, возможно, с интересом прочтет этот отрывок из письма, которое я написал своему издателю:

"У Буррьена, возможно, были причины сурово относиться к Наполеону как к общественному человеку. Но мы смотрим на него с разных точек зрения, и я говорю только о герое в "раздевании". Тогда он почти всегда был добрым, терпеливым и редко несправедливым. Он был очень привязан к окружающим и с добротой и добродушием принимал услуги тех, кто ему нравился. Он был человеком привычек. Я хочу говорить об императоре как преданный слуга, и ни в коем случае не как критик. Однако то, что я хочу написать, не является апофеозом в нескольких томах, ибо в этом я в чем-то похож на отцов, которые признают недостатки своих детей и искренне упрекают их, в то же время они готовы оправдывать свои ошибки".

Я надеюсь, что мне простят фамильярность или, если угодно, неуместность этого сравнения, ради чувства, которое его продиктовывает. Кроме того, я не собираюсь ни хвалить, ни порицать, а просто рассказать о том, что было мне известно, не пытаюсь предвосхитить чье-либо мнение.

Я не могу закончить это вступление, не сказав несколько слов в свой адрес, в ответ на клевету, которая не пощадила, даже находясь на пенсии, человека, у которого не было бы врагов, если бы для защиты от злого умысла было достаточно сделать немного добра и никому не причинить вреда. Меня упрекают в том, что я бросил своего учителя после его падения и не разделил с ним изгнание. Я покажу, что если я не последовал за императором, то только потому, что мне не хватило для этого не воли, а силы. Бог знает, что я не хочу недооценивать преданность верных слуг, которые до конца следили за судьбой императора. Однако не будет лишним сказать, что, каким бы ужасным ни было для него падение императора, положение (я говорю здесь только о личных преимуществах) на острове Эльба тех, кто остался у него на службе и кого неумолимая необходимость не задержала во Франции, все же было не лишено преимуществ; и поэтому не мои личные интересы заставили меня покинуть его. Ниже я объясню причины, по которым я уволился с его службы.

Я также расскажу правду о предполагаемом злоупотреблении доверием, в котором, по мнению других, я был виновен по отношению к императору. Простое изложение ошибки, породившей эту ложь, я надеюсь, очистит меня от всякого подозрения в неделикатности; но если необходимо добавить другие доказательства, я мог бы получить их от тех, кто жил ближе всех к императору и кто был в состоянии знать и понимать, что произошло между нами; и, наконец, я призываю пятьдесят лет безупречной жизни и могу сказать: "Когда я был в состоянии оказать великие услуги, я делал это; но я никогда не продавал их. Я мог бы извлечь выгоду из прошений, которые я подавал людям, которые в результате моих домогательств приобрели огромные состояния; но я отказался даже от надлежащего признания, которое в знак своей благодарности (очень глубокой в то время) они сочли необходимым предложить мне, предложив долю в своих предприятиях. Я не стремился воспользоваться для собственной

выгоды щедростью, с которой император так долго удостоивал меня чести, чтобы обогатить или обеспечить места для моих родственников; и я ушел в отставку бедным после пятнадцати лет, проведенных на личной службе у самого богатого и могущественного монарха Европы".

Сделав эти заявления, я с уверенностью буду ожидать суждения моих читателей.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ НАПОЛЕОНА

PRINCE EUGENE.

JOSEPHINE.

NEY.

DAVOUST.

BERTHIER.

MACDONALD.

AUGEREAU.

ТОМ I.

ГЛАВА I.

Я очень мало буду упоминать о себе в этих мемуарах, поскольку знаю, что публика будет изучать их только в поисках подробностей, касающихся великого человека, с которым судьба связывала меня в течение шестнадцати лет и с которым я почти не расставался все это время. Несмотря на это, я прошу разрешения сказать несколько слов о моем детстве и обстоятельствах, которые сделали меня камердинером императора.

Я родился 2 декабря 1778 года в Перуэльце, городе, который стал французским после присоединения Бельгии к Республике и который тогда принадлежал департаменту Жемап. Вскоре после моего рождения в банях Сент-Аманда мой отец возглавил небольшое заведение под названием "Маленький замок", в котором останавливались приезжие на воды, и в этом ему помогал принц де Крои, в доме которого он был управляющим. Бизнес процветал сверх всяких надежд моего отца, так как в его дом приходило множество высокопоставленных инвалидов. Когда мне исполнилось одиннадцать лет, графу де Люре, главе одного из знатных семейств Валансьена, случилось быть одним из жильцов Маленького замка; и так как я очень понравилась этому замечательному человеку, он попросил у моих родителей разрешения, чтобы я стала компаньонкой его сына, который был при смерти. того же возраста. Моя семья предназначала меня для церкви, чтобы доставить удовольствие одному из моих дядей, который был настоятелем Лессина, человеку великой мудрости и строгой добродетели; и, думая, что предложение графа де Люра не повлияет на мое предполагаемое предназначение, мой отец принял его, рассудив, что несколько лет, проведенных в столь знатной семье, придадут мне вкус к более серьезным занятиям, необходимым для подготовки меня к священству. Поэтому я отправился в путь вместе с графом де Люром, сильно опечаленный разлукой с моими родителями, но в то же время довольный, как это обычно бывает с людьми моего возраста, новыми сценами. Граф отвез меня в одно из своих поместий близ Тура, где графиня и ее дети приняли меня с величайшей добротой, с которыми я был поставлен на совершенно равные условия.

К сожалению, доброта графа и его уроки недолго приносили мне пользу. Меня учили в его доме, потому что в замке не прошло и года, как мы узнали об аресте короля в Варенне. Граф и его семья были в отчаянии; и хотя я была ребенком, я помню, что была глубоко огорчена этим известием, не зная почему, но, несомненно, потому, что естественно разделять чувства тех, с кем ты живешь, когда они относятся к тебе с такой же добротой, с какой граф и графиня относились ко мне. Однако я продолжал наслаждаться счастливой свободой от забот, естественной для юности, пока однажды утром меня не разбудил громкий шум, и я немедленно не был окружен огромным количеством людей, никого из которых я не знал, и которые задавали мне бесчисленные вопросы, на которые я не мог ответить. Затем я узнал, что граф и его семья эмигрировали. Меня отвезли в ратушу, где возобновились те же вопросы с тем же бесплодным результатом; ибо я ничего не знал о намерениях моих недавних защитников и мог ответить

только потоком слез, когда увидел, что меня бросили и предоставили самому себе, на большом расстоянии от моей семьи.

Тогда я был слишком молод, чтобы задумываться о поведении графа; но с тех пор я думал, что его отказ от меня был актом деликатности с его стороны, поскольку он не хотел делать меня эмигрантом без согласия моих родителей. Я всегда считала, что перед своим отъездом граф поручил меня заботам кого-то, кто впоследствии не осмеливался предъявлять на меня права, чтобы не скомпрометировать себя, что было тогда, как хорошо известно, чрезвычайно опасно. Итак, взгляните на меня, двенадцатилетнего, оставшегося без проводника, без средств к существованию, без чьего-либо совета и без денег, более чем в ста лигах от моего дома, и уже привыкшего к удобствам роскошной жизни. Вряд ли можно поверить, что при таком положении дел я считался почти подозреваемым и был обязан каждый день представлять перед городскими властями для большей безопасности Республики. Я хорошо помню, что всякий раз, когда императору было угодно заставить меня рассказать об этих невзгодах моего детства, он никогда не упускал случая несколько раз повторить: "дураки", имея в виду те же самые городские власти. Как бы то ни было, власти Тура, придя, наконец, к выводу, что двенадцатилетний ребенок неспособен свергнуть Республику, выдали мне паспорт с предписанием покинуть город в течение двадцати четырех часов, что я и выполнил с искренней доброжелательностью, но не без глубокой печали, видя себя одиноким и пешим, которому предстоял долгий путь. После долгих лишений и многих лишений я прибыл, наконец, в окрестности Сент-Аманда, которые, как я обнаружил, находились во владении австрийцев и что мне было невозможно добраться до города, так как французы окружили его. В своем отчаянии я сел на край канавы и горько заплакал, когда меня заметил командир эскадрильи Мишау,

[Впоследствии я имел счастье получить для него от императора должность, которую он желал, в качестве места выхода на пенсию, поскольку он потерял способность пользоваться правой рукой. — КОНСТАНТ.]

который впоследствии стал полковником и адъютантом генерала Луазона. Мишау подошел ко мне, расспросил с большим интересом и заставил меня рассказать о моих печальных приключениях, которые глубоко тронули его, хотя он и не скрывал своей неспособности отправить меня обратно к моей семье. Он только что получил отпуск, который собирался провести со своей семьей в Шиноне, и предложил мне сопровождать его, и я с благодарностью принял это приглашение. Я не могу преувеличить доброту и внимание, проявленные ко мне его домочадцами за те три или четыре месяца, которые я провел у них. По истечении этого срока он отвез меня в Париж, где вскоре после этого я был помещен в дом г-на Гобера, богатого купца, который относился ко мне с величайшей добротой.

Недавно я навестил г-на Гобера; и он напомнил мне, что, когда мы путешествовали вместе, он уступил мне одно из сидений своего экипажа, на котором мне разрешалось растянуться и поспать. Я упоминаю это обстоятельство, в остальном несущественное, чтобы показать доброту, которую он всегда проявлял ко мне.

Несколько лет спустя я познакомился с Карратом, который состоял на службе у мадам Бонапарт, пока генерал отсутствовал в египетской экспедиции. Прежде чем рассказать, как я попал в ее дом, уместно упомянуть, как сам Карра поступил к ней на службу, и в то же время рассказать несколько анекдотов о нем, которые покажут, какими были развлечения жителей Мальмезона в то время.

Карра случайно оказался в Пломбьере , когда мадам Бонапарт

[Мадам Бонапарт, урожденная Мари Жозеф Роз Ташер де ла Пажери, родилась на Мартинике в 1763 году; стала вдовой виконта Александра де Богарне в 1794 году; вышла замуж за Наполеона Бонапарта в марте 1796 года; стала императрицей 18 мая 1804 года; развелась 16 декабря 1809 года; умерла в Мальмезоне 20 мая 1814 года.—пер.]

отправился туда, чтобы набраться воды. Каждый день он приносил ей букеты и обращался к ней с небольшими комплиментарными речами, такими странными и забавными, что Жозефина была очень взволнована, как и сопровождавшие ее дамы, среди которых были мадам де Камбис и де Криги, и особенно ее собственная дочь Гортензия, которая была потрясена его странностями. По правде говоря, он был чрезвычайно забавен из-за определенной простоты и оригинальности характера, что, однако, не мешало ему быть человеком умным; и его эксцентричность не вызывала неудовольствия мадам Бонапарт. Когда эта превосходная леди покидала спрингс, произошла сентиментальная сцена. Карра плакал, оплакивал себя и выражал свое глубокое сожаление по поводу того, что не может видеть мадам Бонапарт ежедневно, как привык; и мадам Бонапарт была так добросердечна, что сразу же решила взять его с собой в Париж. Она научила его укладывать волосы и, наконец, назначила его своим парикмахером и камердинером, по крайней мере, таковы были обязанности, которые он должен был выполнять, когда я с ним познакомился. Ему была позволена поразительная свобода слова, иногда он даже бранил ее; и когда мадам Бонапарт, которая была чрезвычайно щедра и всегда любезна со всеми, делала подарки своим женщинам или фамиллярно беседовала с ними, Карра упрекала ее. "Зачем дарить это?" - говорил он и добавлял: "Посмотрите, как вы справляетесь, мадам; вы позволяете себе шутить со своими слугами. Когда-нибудь они проявят к вам недостаток уважения". Но если он таким образом пытался обуздать щедрость своей любовницы по отношению к окружающим, он без колебаний поощрял ее щедрость по отношению к себе; и всякий раз, когда ему что-нибудь нравилось, он просто говорил: "Ты должен подарить мне это".

Храбрость не всегда является неразлучным спутником остроумия, и Каррат не раз приводил доказательства этого. Будучи наделена каким-то простым и неконтролируемым трусством, которое всегда вызывает смех зрителей в комедиях, мадам Бонапарт доставляло огромное удовольствие разыгрывать над ним такие розыгрыши, которые выявляли его странный недостаток храбрости.

Прежде всего следует отметить, что одним из величайших удовольствий мадам Бонапарт в Мальмезоне были прогулки по дороге, проходившей сразу за стенами парка; и она всегда предпочитала эту внешнюю дорогу, несмотря на постоянно поднимавшиеся там облака пыли, восхитительным прогулкам внутри парка. Однажды, сопровождаемая своей дочерью Гортензией, она велела Каррату следовать за ней на прогулке; и он был рад такой чести, пока не увидел внезапно поднимающуюся из канавы огромную фигуру, накрытую белой простыней, фактически настоящее привидение, подобное тому, что я видел описанным в переводах некоторых старинных английских романов.

Нет необходимости говорить, что призрак был кем-то помещен туда по приказу этих дам, чтобы напугать Карра; и, конечно, комедия удалась на удивление хорошо, потому что, как только Карра увидел призрак, он очень испугался и, вцепившись в мадам Бонапарт, сказал ей, дрожа: "Мадам, мадам, вы видите это привидение? Это дух дамы, которая недавно умерла в

Пломбьер.- "Успокойся, Каррат, ты трус". — "Ах, но это действительно вернулся ее дух". Пока Каррат говорил это, человек в белой простыне подошел к нему, встряхивая ее; и бедный Каррат, охваченный ужасом, упал навзничь в обмороке, и потребовалась вся оказанная ему помощь, чтобы привести его в сознание.

В другой раз, когда генерал все еще находился в Египте, и, следовательно, до того, как я поступил на службу к кому-либо из членов его семьи, мадам Бонапарт пожелала продемонстрировать трусость Карра некоторым из своих придворных дам; и с этой целью среди дам Мальмезона был составлен заговор, в котором участвовала мадемуазель Гортензия.

[Гортензии Богарне, родившейся в Париже в 1783 году, тогда было всего шестнадцать лет. Вышла замуж за Луи Бонапарта и стала королевой Голландии в 1806 году. Умерла в 1837 году. Она была матерью Наполеона III. — Пер.]

был главным заговорщиком. Мадам Бонапарт так часто рассказывала об этом инциденте в моем присутствии, что я знаком с нелепыми подробностями. Каррат спал в комнате, к которой примыкал чулан. В стене между этими комнатами было проделано отверстие, через которое была продета веревка, к концу которой была привязана банка, наполненная водой, причем этот охлаждающий элемент подвешивался точно над изголовьем кровати пациента. Это было еще не все, поскольку они также позаботились о том, чтобы убрать перекладки, поддерживавшие матрас; а поскольку Каррат имел привычку ложиться спать без света, он не видел ни приготовлений к своему падению, ни банки с водой, приготовленной для его нового крещения. Все участники заговора уже несколько минут ждали в соседнем чулане; когда он тяжело рухнул на кровать, она с грохотом рухнула, и в то же мгновение игра веревки заставила банку с водой сделать свое эффективное дело. Ставший одновременно жертвой падения и ночного принятия душа, Каррат оплакивал свое двойное несчастье. "Это ужасно", - кричал он во весь голос, в то время как Гортензия злобно говорила вслух своей матери, мадам де Криньи (впоследствии мадам Денон), мадам Шарве и нескольким другим присутствующим в комнате: "О, мама, эти жабы и лягушки в воде нападут на него". Эти слова, соединенные с полной темнотой, только усилили ужас Карра, который, не на шутку перепугавшись, закричал: "Это ужасно, мадам, это ужасно - развлекаться таким образом за счет своих слуг". ."

Я не говорю, что жалобы Каррата были полностью ошибочными, но они. это только усилило веселье дам, которые приняли его за объект своих шуток.

Как бы то ни было, таковы были характер и положение Карра, которого я знал некоторое время, когда генерал Бонапарт вернулся из своей экспедиции в Египет, и Карра сказал мне, что Эжен де Богарне обратился к нему с просьбой о доверенном камердинере, поскольку его собственный был задержан в Каире тяжелой болезнью на момент его отъезда. Его звали Лефевр, и он был старым слугой, всецело преданным своему хозяину, как и все, кто знал принца Евгения; ибо я не верю, что когда-либо жил человек лучше, или более вежливый, более внимательный, или даже более внимательный к тем, кто ему служил.

Карра сказал мне , что Эжен де Богарне

[Родился в 1781 году, вице-король Италии в 1805 году. В 1806 году женился на дочери короля Баварии. Умер в 1824 году. Среди его потомков нынешний король Швеции и покойный император Бразилии. — Пер.]

пожелал найти молодого человека на место Лефевра, и тот порекомендовал меня на это место, я имел счастье быть представленным Эжену и получить удовлетворение; более того, он был так любезен, что сказал мне, что мой внешний вид ему понравился, и он желает, чтобы я немедленно приступил к своим обязанностям. Я был в восторге от этой ситуации, которая, сам не знаю почему, нарисовалась моему воображению в самых ярких красках, и, не теряя времени, отправился за своим скромным багажом, и вот я, временный камердинер г-на де Богарне, не мечтая, что однажды буду принят на личную службу к генералу Бонапарту, и еще меньше - что стану главным камердинером императора.

ГЛАВА II.

16 октября 1799 года Эжен де Богарне прибыл в Париж по возвращении из Египта; и почти сразу после этого мне посчастливилось поступить к нему на службу, поскольку мсье Эжену был тогда двадцать один год. Вскоре после этого я узнал несколько подробностей, которые, как мне кажется, малоизвестны, относительно его прежней жизни и брака его матери с генералом Бонапартом.

Его отец, как хорошо известно, был одной из жертв Революции; и когда маркиз де Богарне погиб на эшафоте, его вдова, чье имущество было конфисковано, опасаясь, что ее сын, хотя и очень юный, также может подвергнуться опасности из-за своей принадлежности к дворянству, поместила его в дом плотника на улице Эшель, где моя знакомая дама, жившая на этой улице, часто видела, как он проходил мимо с доской на плече. Кажется, от этой должности до звания полковника полка консульской гвардии и вице-королевской семьи Италии очень далеко.

Из рассказа самого Юджина я узнал, по какому странному стечению обстоятельств он стал причиной первой встречи своей матери и отчима. Эжену, которому было тогда не более четырнадцати-пятнадцати лет, было сообщено, что генерал Бонапарт стал обладателем шпаги маркиза де Богарне, и он предпринял шаг, который казался рискованным, но увенчался успехом. Генерал любезно принял его, и Юджин объяснил, что пришел просить его вернуть шпагу его отца. Его лицо, его осанка, его откровенная просьба - все произвело такое приятное впечатление на Бонапарта, что он немедленно вручил ему шпагу, которую тот просил. Как только эта шпага оказалась в его руках, он покрыл ее поцелуями и слезами; и все это было проделано так бесхитростно, что Бонапарт пришел от него в восторг.

Мадам де Богарне, узнав о приеме, оказанном генералом ее сыну, сочла своим долгом нанести ему визит благодарности. Бонапарт, оставшись очень довольным Жозефиной во время этой первой беседы, нанес ей ответный визит. Они снова часто встречались; и, как хорошо известно, одно событие вело за другим, пока она не стала первой императрицей Франции; и я могу утверждать, основываясь на многочисленных доказательствах этого факта, которые у меня

были, что Бонапарт никогда не переставал любить Евгения так сильно, как если бы он был его собственным сыном.

Качества Юджина были одновременно привлекательными и солидными. Черты его лица не были правильными, и все же его внешность располагала всех в его пользу. У него была хорошо сложенная фигура, но он не производил впечатления выдающегося человека из-за своей привычки раскачиваться при ходьбе. Он был около пяти футов трех или четырех дюймов [Около пяти футов шести или семи дюймов в английском измерении. —пер.] ростом. Он был добр, весел, дружелюбен, полон остроумия, умен, щедр; и вполне можно сказать, что его открытое лицо было зеркалом его души. Сколько услуг он оказал другим на протяжении своей жизни, причем в тот самый период, когда для этого ему часто приходилось подвергать себя лишениям.

Скоро станет ясно, как случилось, что я провела с Юджином всего месяц; но за этот короткий промежуток времени, я помню, что, неукоснительно выполняя свои обязанности по отношению к матери и отчиму, он был очень пристрастен к удовольствиям, столь естественным для его возраста и положения. Одним из его величайших удовольствий было развлекать своих друзей за завтраком; что он делал очень часто. Это очень забавляло меня из-за комичных сцен, свидетелем которых я часто был. Помимо молодых офицеров штаба Бонапарта, его самых частых гостей, за его столом также часто бывали чревовещатель Тиме, Дюгазон, Дазенкур и Мишо из Французского театра и несколько других лиц, имена которых я сейчас не помню. Как можно себе представить, эти встречи были чрезвычайно веселыми; особенно эти молодые офицеры, вернувшиеся, как и Юджин, из экспедиции в Египет, казалось, пытались компенсировать себе недавние лишения, которые им пришлось вынести. В то время чревовещатели, среди которых Тимет занимал очень видное положение, были в моде в Париже, и их приглашали на частные собрания. Я помню, как однажды, на одном из таких завтраков у Юджина, Тимет назвал по именам нескольких присутствующих, подражая голосам их слуг, как будто они были прямо за дверью, в то время как он спокойно оставался на своем месте, делая вид, что использует губы только для еды и питья - две обязанности, которые он превосходно выполнял. Каждый из вызванных таким образом офицеров вышел и никого не нашел; и тогда Тимет вышел вместе с ними под предлогом оказания помощи в поисках и усилил их недоумение, продолжая заставлять их слышать какой-то хорошо знакомый голос. Большинство из них от души посмеялись над шуткой, жертвами которой они только что стали; но был один, который, будучи менее самоконтролен, чем его товарищи, воспринял это всерьез и очень рассердился, после чего Юджину пришлось признать, что он был автором заговора.

Я вспоминаю еще одну забавную сцену, двумя героями которой были тот самый Тимет, о котором я только что говорил, и Дюгазон. Несколько иностранцев присутствовали на завтраке, устроенном Юджином, роли были распределены и выучены заранее, а также выбраны две жертвы. Когда каждый занял свое место за столом, Дюгазон, притворившись заикающимся, обратился с замечанием к Тимету, который, играя ту же роль, ответил ему, также заикаясь; затем каждый из них притворился, что считает, что другой смеется над ним, и последовала заикающаяся ссора между двумя сторонами, каждому из которых по мере нарастания его гнева становилось все труднее выражать свои мысли. Тимет, который помимо заикания играл еще и глухоту, обратился к своему соседу, приложив трубу к уху:

"Че-че-что-он-говорит?" — "Ничего", — ответил назойливый сосед, желая предотвратить ссору и привести факты, защищая другого заику. - "Так-так-так-хе-хе-хе-хе-хе, он надо мной

издевается!" Затем ссора стала еще более ожесточенной; они были готовы перейти к драке, когда каждый из двух заикавшихся схватил графин с водой и швырнул его в голову своего противника, и обильный поток воды из бутылок показал назойливым соседям, как опасно выступать в роли миротворцев. Двое заикающихся продолжали кричать, как это принято у глухих, пока не пролилась последняя капля воды; и я помню, что Юджин, автор этого розыгрыша, неумеренно смеялся все время, пока длилась эта сцена. Воду вытерли, и вскоре все помирились со стаканом в руке. Юджин, когда ему случалось шутить подобного рода, никогда не упускал случая рассказать об этом своей матери, а иногда и отчиму, которых это очень забавляло, особенно Джозефину.

Я вел в течение месяца очень приятную жизнь с Эженом, когда Лефевр, камердинер, которого он оставил больным в Каире, вернулся совершенно здоровым и попросил занять его место. Эжен, которому я больше подходил по возрасту и активности, предложил ему поступить на службу к его матери, намекнув ему, что там ему будет легче, чем с самим собой; но Лефевр, который был чрезвычайно привязан к своему хозяину, разыскал мадам Бонапарт и поделился с ней своим огорчением по поводу этого решения.

Жозефина обещала помочь ему и утешила его заверениями, что она предложит своему сыну, чтобы Лефевр вновь занял свое прежнее положение, и что она возьмет меня к себе на службу. Это было сделано в соответствии с обещанием, и однажды утром Юджин самым приятным образом объявил мне о моей перемене места жительства. "Констант, - сказал он мне, - я очень сожалею, что обстоятельства вынуждают нас расстаться; но ты знаешь, что Лефевр последовал за мной в Египет, он старый слуга, и я чувствую себя обязанным уступить ему его прежнее место. Кроме того, ты не будешь далеко уезжать, так как поступишь на службу к моей матери, где с тобой будут хорошо обращаться, и мы будем часто видеться. Поезжай к ней сегодня утром; я говорил с ней о тебе. Дело уже улажено, и она ожидает вас.

Как можно догадаться, я, не теряя времени, представился мадам Бонапарт. Зная, что она в Мальмезоне, я немедленно отправился туда и был принят ею с добротой, которая переполнила меня благодарностью, поскольку я тогда не знал, что она проявляла такую же любезность ко всем и что это было так же неотделимо от ее характера, как изящество от ее личности. Обязанности, которые требовались от меня на службе у нее, были чисто формальными, и почти все мое время находилось в моем собственном распоряжении, которым я пользовался, часто посещая Париж. Жизнь, которую я вел в то время, была очень приятной для такого молодого человека, как я, который не мог предвидеть, что через короткое время он окажется в таком же подчинении, в каком был тогда на свободе.

Прежде чем распрощаться со службой, в которой я нашел так много приятного, я расскажу о некоторых происшествиях, относящихся к тому периоду, и о которых мое положение с пасынком генерала Бонапарта дало мне возможность узнать.

Г-н де Буррьенн подробно рассказал в своих мемуарах о событиях 18 Брюмера; [18 Брюмера, 9 ноября 1799 года, был день, когда Наполеон сверг Директорию и сделал себя первым консулом. — ПРИМ.] и рассказ, который он дал о том знаменитом дне, столь же точен, сколь и интересен, так что любой, кому интересно узнать тайные причины, приведшие к этим политическим переменам, найдет, что они точно указаны в повествовании этого государственного министра. Я очень далек от намерения возбудить интерес подобного рода, но чтение работы месье Бурьена снова навело меня на след моих собственных воспоминаний. Эти мемуары касаются

обстоятельств, о которых он не знал или, возможно, намеренно умолчал как о малозначащих; и что бы он ни упустил на своем пути, я считаю, что мне повезло, что мне позволили это выяснить.

Я все еще был с Эженом де Богарне, когда генерал Бонапарт сверг Директорию; но я оказался в таком же благоприятном положении, чтобы знать обо всем, что происходило, как если бы я был на службе у мадам Бонапарт или у самого генерала, поскольку мой хозяин, хотя и был очень молод, пользовался полным доверием своего отчима и, в еще большей степени, своей матери, которая советовалась с ним по каждому поводу.

За несколько дней до 18 Брюмера Эжен приказал мне приготовить завтрак, который он хотел дать в этот день своим друзьям, поскольку число гостей, все военные, было намного больше обычного. Эта холостяцкая трапеза была очень веселой благодаря офицеру, который забавлял компанию, подражая, в свою очередь, манерам и внешности директоров и нескольких их друзей. Изображая режиссера Барраса, он накинул на себя скатерть "а-ля грек", снял черный галстук, опустил воротник рубашки и с наигранным видом двинулся вперед, положив левую руку на плечо самого молодого из своих товарищей, в то время как правой сделал вид, что поглаживает его подбородок. Каждый человек в компании понял смысл такого рода шарады, и раздались неудержимые взрывы смеха.

Затем он взялся изображать аббата Сийеса, вложив ему под шейный платок огромную бумажную ленту и удлинив таким образом до бесконечности длинное бледное лицо. Он сделал несколько кругов по комнате, сидя верхом на стуле, и закончил грандиозным сальто, как будто его сбросил с себя конь. Чтобы понять значение этой пантомимы, необходимо знать, что аббат Сиж недавно брал уроки верховой езды в Люксембургском саду, к великому удовольствию пешеходов, которые собирались толпами, чтобы насладиться неуклюжим и нелюбезным представлением, устроенным этим новым мастером верховой езды.

Завтрак закончился, Эжен явился на службу к генералу Бонапарту, чьим адъютантом он был, и его друзья вернулись к различным командованиям, к которым они принадлежали.

Я вышел сразу же вслед за ними, потому что из нескольких слов, только что оброненных моим молодым хозяином, я заподозрил, что должно произойти нечто серьезное. Господин Эжен назначил встречу со своими товарищами в Пон-Турнана; поэтому я отправился туда и обнаружил значительное скопление офицеров в форме и верхом на лошадях, готовых сопровождать генерала Бонапарта в Сен-Клу.

Генерал Бонапарт попросил комендантов каждой части армии накормить завтраком их офицерский корпус, и они сделали это, как и мой молодой хозяин. Тем не менее, не все офицеры, даже генералы, были посвящены в тайну; и сам генерал Мюрат, который ворвался в Зал Пятисот человек во главе гренадер, полагал, что генерал Бонапарт намеревался предложить только вопрос освобождения по возрасту, чтобы он мог получить место директора.

Я узнал из авторитетного источника, что, когда генерал Жубе, который был предан генералу Бонапарту, собрал во дворе Люксембургского дворца гвардию директоров, которой он командовал, честный мсье Гойе, президент Директории, высунул голову из окна и крикнул Жубе: "Гражданин генерал, что вы там делаете внизу?" — "Гражданин Президент, вы сами можете видеть, что я собираю гвардию". — "Конечно, я вижу это очень ясно, гражданин генерал; но зачем вы их собираете?" — "Гражданин Президент, вы сами видите, что я собираю гвардию". - "Конечно, я вижу это очень ясно, гражданин генерал; но зачем вы их собираете?" -

"Гражданин президент Я собираюсь произвести их инспекцию и отдать приказ о грандиозном маневре. Вперед—марш!" И гражданин генерал выступил во главе своего отряда, чтобы присоединиться к генералу Бонапарту в Сен-Клу, в то время как последнего ждали в доме гражданина президента, а завтрак, на который генерал Бонапарт был приглашен в то самое утро, отложили.

Генерал Мармон также принимал за завтраком офицеров дивизии армии, которой он командовал (это была, я думаю, артиллерия). В конце трапезы он обратился к ним с несколькими словами, призывая не отдалять свое дело от дела завоевателя Италии и сопровождать его в Сен-Клу. "Но как мы можем последовать за ним?" - воскликнул один из его гостей. "У нас нет лошадей". "Если вас останавливает только это, вы найдете лошадей во дворе этого отеля. Я захватил всех из национальной школы верховой езды. Давайте спустимся вниз и сядем в седло. Все присутствующие офицеры откликнулись на приглашение, за исключением генерала Алликса, который заявил, что не будет принимать участия во всех этих беспорядках.

Я был в Сен-Клу два дня, 18 и 19 Брюмера. Я видел, как генерал Бонапарт обращался с речью к солдатам и зачитывал им указ, которым он был назначен главнокомандующим всеми войсками в Париже и всей Семнадцатой армейской дивизией. Я видел, как он вышел очень взволнованным сначала с Совета Древних, а затем с Собрания Пятисот. Я видел, как Люсьена Бонапарта вывели из зала, где заседало последнее собрание, несколько гренадер, посланных защищать его от насилия его коллег. Бледный и разъяренный, он вскочил на коня и поскакал прямо к войскам, чтобы обратиться к ним с речью; и когда он приставил шпагу к груди своего брата, сказав, что убьет его первым, если тот осмелится нанести удар на свободе, раздались крики: "Да здравствует Бонапарт! долой юристов!" - раздалось со всех сторон, и солдаты во главе с генералом Мюратом ворвались в Зал Пятисот. Все знают, что тогда произошло, и я не буду вдаваться в подробности, о которых так часто рассказывали.

Генерал, теперь ставший первым консулом, обосновался в Люксембурге, хотя в то время он проживал также в Мальмезоне. Но он часто бывал в разъездах, как и Жозефина; их поездки в Париж, когда они жили в этой резиденции, были очень частыми, не только по государственным делам, которые часто требовали присутствия Первого консула, но и с целью посещения театра, спектакли которого очень любил генерал Бонапарт, всегда отдавая предпочтение Французскому театру и Итальянской опере. Это замечание я делаю мимоходом, предпочитая впоследствии изложить полученную мной информацию о вкусах и привычках императора.

Мальмезон в тот период, о котором я рассказываю, был местом беспримесного счастья, где все приезжавшие выражали свое удовлетворение положением дел; повсюду я также слышал благословения, обращенные к Первому консулу и мадам Бонапарт. Не было еще и тени того строгого этикета, который впоследствии пришлось соблюдать в Сен-Клу, в Тюильри и во всех дворцах, где император держал свой двор. Консульский двор тогда еще отличался простой элегантностью, в равной степени далекой от республиканской грубости и роскоши Империи. Талейран был в тот период одним из тех, кто чаще всего приезжал в Мальмезон. Иногда он обедал там, но обычно приходил вечером между восемью и девятью часами и возвращался в час, два, а иногда и в три часа ночи.

Все были приняты у мадам Бонапарт на равных, что было весьма отраднo. Там были известные Мюрат, Дюрок, Бертье и все те, кто с тех пор фигурировал в анналах империи как великие сановники, а некоторые даже как монархи.

Семья генерала Бонапарта проявляла усердие в своих заботах; но среди нас было известно, что они не питали любви к мадам Бонапарт, чему у меня было много доказательств. Мадемуазель Гортензия никогда не расставалась со своей матерью, и они были преданно привязаны друг к другу.

Помимо людей, отличившихся своими должностями при правительстве или в армии, там собрались и другие, не менее отличавшиеся личными заслугами или положением, которое им обеспечило их рождение до революции. Это была настоящая панорама, в которой мы видели, как сами люди проходили перед нашими глазами. Сама сцена, даже за исключением веселья, которое всегда сопровождало ужины Юджина, имела свою привлекательность. Среди тех, кого мы видели чаще всего, были Волне, Денон, Лемерсье, принц де Пуа, де Лигль, Шарль Боден, генерал Бернонвиль, Изабе и ряд других, прославленных в науке, литературе и искусстве; короче говоря, большая часть тех, кто составлял общество мадам де Монтессон.

Мадам Бонапарт и мадемуазель Гортензия часто совершали конные экскурсии за город. В этих случаях ее самыми постоянными сопровождающими были принц де Пуа и месье де Лайгль. Однажды, когда эта компания возвращалась во двор Мальмезона, лошадь, на которой ехала Гортензия, испугалась и умчалась прочь. Она была опытной наездницей и очень подвижной, поэтому попыталась спрыгнуть на траву у обочины дороги; но лента, которой был пристегнут конец ее юбки для верховой езды под ногой, помешала ей быстро освободиться, и лошадь сбросила ее с ног и протащила несколько ярдов. К счастью, джентльмены, сопровождавшие ее, увидев, что она падает, вовремя спрыгнули с лошадей, чтобы спасти ее; и, по необычайному везению, она даже не ушиблась и первой посмеялась над своим злоключением.

В течение первой части моего пребывания в Мальмезоне Первый консул всегда спал со своей женой, как обычный гражданин парижской буржуазии; и до меня не доходило никаких слухов о каких-либо интригах в замке. Члены этого общества, большинство из которых были молоды и которых часто было очень много, часто принимали участие в спортивных состязаниях, напоминавших студенческие годы. На самом деле, одним из самых больших развлечений жителей Мальмезона было играть в "базу заключенных". Обычно это было после обеда; и Бонапарт, Лористон, Дидло, де Люке, де Буррьен, Эжен, Рапп, Изаби, мадам Бонапарт и мадемуазель Гортензия разделялись на два лагеря, в которых взятые в плен или обмененные напоминали Первому консулу о большой игре, которую он так любил. В этих играх самыми активными бегунами были Эжен, Изабель и Гортензия. Что касается генерала Бонапарта, то он часто падал, но поднимался, громко смеясь.

Генерал Бонапарт и его семья, казалось, наслаждались почти беспримерным счастьем, особенно в Мальмезоне, резиденция которого, хотя и была приятной в то время, была далека от того, чем она стала с тех пор. Это поместье состояло из замка, который Бонапарт нашел в плохом состоянии по возвращении из Египта, парка, уже несколько улучшенного, и фермы, доход которой наверняка не превышал двенадцати тысяч франков в год. Джозефина лично руководила всеми усовершенствованиями, произведенными там, и ни одна женщина никогда не обладала лучшим вкусом.

С самого начала в Мальмезоне разыгрывали любительскую комедию, которая очень нравилась первому консулу, но в которой он сам не принимал никакого участия, кроме роли наблюдателя. Все в доме посещали эти представления; и я должен признаться, что мы испытывали,

возможно, даже большее удовольствие, чем другие, видя, как на сцене изображают тех, у кого мы были на службе.

Труппа Мальмезона, если можно так назвать актеров столь высокого социального ранга, состояла в основном из Эжена, Жерома, Лористона, де Буррьена, Изаби, де Леруа, Дидло, мадемуазель Гортензии, мадам Каролины Мюрат и двух мадемуазель Ожи, одна из которых впоследствии вышла замуж за маршала Нея,

[Мишель Ней, прозванный Наполеоном "храбрейшим из храбрых", родился в 1769 году в Сарре-Луи (ныне в Пруссии) в семье бондаря. Поступил в армию рядовым в 1787 году, генерал-адъютантом в 1794 году, бригадным генералом в 1796 году, дивизионным генералом в 1799 году, маршалом в 1804 году, герцогом Эльхингенским в 1805 году, князем Московским в 1812 году и командовал арьергардом при знаменитом отступлении из России. По возвращении с Эльбы он перешел на сторону Наполеона; был при Ватерлоо. Впоследствии был взят и, несмотря на условия капитуляции Парижа, предан суду за государственную измену и расстрелян в Люксембургском саду 8 декабря 1815 года. —пер.]

и другой мсье де Брок. Все четверо были очень молоды и обаятельны, и немногие театры Парижа могли показать четырех таких хорошеньких актрис. Вдобавок к этому, они проявили много изящества в своей игре и сыграли свои роли с настоящим талантом; и были так же естественны на сцене, как и в салуне, где вели себя с изысканным изяществом и утонченностью. Поначалу репертуар был мало разнообразен, хотя пьесы, как правило, были хорошо подобраны. Первым представлением, на котором я присутствовал, был "Севильский цирюльник", в котором Изабель играла роль Фигаро, а мадемуазель Гортензия — роль Розины, а также "Злобный любовник". В другой раз я видел, как разыгрывались "Неожиданное пари" и "Ложные консультации". Гортензия и Эжен прекрасно сыграли эту последнюю пьесу; и я до сих пор помню, что в роли мадам ле Блан Гортензия выглядела красивее, чем когда-либо, в образе пожилой женщины, Эжен изображал Ле Нуара, а Лористон - шарлатана. Первый консул, как я уже говорил, ограничивался ролью зрителя; но он, казалось, получал от этих, так сказать, домашних игр величайшее удовольствие, смеялся и от души аплодировал, хотя иногда и критиковал.

Мадам Бонапарт тоже была в восторге; и даже если она не всегда могла похвастаться успешной игрой своих детей, "руководителей труппы", ей было достаточно того, что это было приятным отдыхом для ее мужа и, казалось, доставляло ему удовольствие; ибо ее постоянные занятия должны были способствовать счастью великого человека, соединившего ее судьбу со своей собственной.

Когда назначался день представления пьесы, спектакль никогда не откладывался, а часто менялся; не из-за недомогания или приступа хандры у актрисы (как часто бывает в парижских театрах), а по более серьезным причинам. Иногда случалось, что г-н д'Этьелетт получал приказ вернуться в свой полк или графу Альмавиве поручалась важная миссия, хотя Фигаро и Розина всегда оставались на своих постах; к тому же желание понравиться Первому консулу было настолько распространено среди всех, кто его окружал, что заместители делали все возможное в отсутствие главных героев, и спектакль никогда не проваливался из-за нехватки актера.

[Мишо из "Комеди Франсез" был инструктором труппы. Где бы ни случалось, что актеру не хватало анимации, Мишо восклицал. "Тепло! Тепло! Тепло!" — Прим. автора CONSTANT.]

ГЛАВА III.

Я пробыл совсем недолго на службе у мадам Бонапарт, когда познакомился с Шарве, консьержем Мальмезона, и с каждым днем наши отношения становились все более и более близкими, пока, наконец, он не выдал за меня замуж одну из своих дочерей. Мне не терпелось узнать от него все, что он мог рассказать мне о мадам Бонапарт и Первом консуле до моего появления в этом доме; и в наших частых беседах он находил величайшее удовольствие в удовлетворении моего любопытства. Именно ему я обязан следующими подробностями о матери и дочери.

Когда генерал Бонапарт отправился в Египет, мадам Бонапарт сопровождала его до Тулона и очень хотела отправиться с ним в Египет. Когда генерал высказал возражения, она заметила, что, поскольку она родилась креолкой, жаркий климат был бы для нее скорее благоприятным, чем опасным. По странному совпадению, она хотела совершить путешествие именно на "Ла Помоне", то есть на том самом судне, которое в ранней юности доставило ее с Мартиники во Францию. Генерал Бонапарт, наконец уступив желанию своей жены, пообещал прислать за ней "Ла Помоне" и велел ей тем временем отправиться на воды в Пломбьер. Когда муж и жена договорились об этом, мадам Бонапарт была рада отправиться к источникам Пломбьера, которые она давно хотела посетить, зная, как и все остальные, о репутации этих вод как средства от бесплодия у женщин.

Мадам Бонапарт пробыла в Пломбьере совсем недолго, когда однажды утром, занятая подшивкой тюрбана и беседой с присутствующими дамами, мадам де Камбис, находившаяся на балконе, позвала ее подойти и посмотреть на хорошенькую собачонку, проходившую по улице. Вся компания поспешила вместе с мадам Бонапарт на балкон, из-за чего он рухнул со страшным грохотом. По счастливой случайности никто не погиб, хотя у мадам де Камбис была сломана нога, а мадам Бонапарт получила сильнейшие ушибы, не получив, однако, ни одного перелома. Шарве, находившийся в комнате за салуном, услышал шум и немедленно приказал зарезать и освежевать овцу, а мадам Бонапарт завернуть в шкуру. Прошло много времени, прежде чем она восстановила свое здоровье, ее руки и особенно кисти были настолько покрыты синяками, что она долгое время не могла ими пользоваться; и было необходимо нарезать ей еду, кормить ее и, по сути, выполнять для нее те же функции, что и для младенца.

Я уже упоминал выше, что Жозефина думала, что ей предстоит воссоединиться со своим мужем в Египте, и, следовательно, ее пребывание на источниках Пломбьера будет недолгим, но несчастный случай заставил ее думать, что оно продлится неопределенно долго; поэтому она хотела, ожидая своего полного выздоровления, взять с собой свою дочь Гортензию, которой тогда было около пятнадцати лет, которая получала образование в пансионе мадам Кампан. Она послала за ней мулатку, к которой была очень привязана, по имени Юфими, которая была молочной сестрой мадам Бонапарт и выдавала себя (не знаю, верно ли это

предположение) за ее родную сестру. Юфимия в сопровождении Шарве отправилась в путешествие в одном из экипажей мадам Бонапарт. Мадемуазель Гортензия по прибытии была в восторге от путешествия, которое ей предстояло совершить, и прежде всего от мысли быть рядом со своей матерью, к которой она испытывала самую нежную привязанность. Я бы не сказал, что мадемуазель Гортензия была жадной, но она чрезвычайно любила сладости; и Шарве, рассказывая эти подробности, сказал мне, что в каждом городе любого размера, через который они проезжали, карета была наполнена конфетами и лакомствами, которых мадемуазель потребляла в огромном количестве. Однажды, когда Юфими и Шарве крепко спали, они внезапно проснулись от звука, который показался им пугающим и вызвал у них сильное беспокойство, поскольку, проснувшись, они обнаружили, что проходят через густой лес. Этот нелепый инцидент вызвал у Гортензии приступ смеха, ибо едва они успели выразить свою тревогу, как обнаружили, что их окатила пахучая пена, которая объяснила причину взрыва. Бутылка шампанского, лежавшая в одном из карманов кареты, была откупорена; и жара, добавленная к движению кареты, или, скорее, злоба молодого путешественника, заставила ее взорваться с громким треском.

Когда мадемуазель прибыла в Пломбьер, здоровье ее матери почти восстановилось, так что воспитанница мадам Кампан нашла там все развлечения, которые радуют в возрасте, которого тогда достигла дочь мадам Бонапарт.

Есть правда в поговорке, что во всяком зле есть добро, ибо, если бы с мадам Бонапарт не случилось этого несчастного случая, весьма вероятно, что она стала бы пленницей англичан; на самом деле, она узнала, что "Ла Помоне", судно, на котором она хотела совершить путешествие, попало во власть врагов Франции. Генерал Бонапарт во всех своих письмах по-прежнему отговаривал свою жену от задуманного ею воссоединения с ним, и, следовательно, она вернулась в Париж.

По прибытии Жозефина посвятила свое внимание исполнению пожелания, высказанного ей генералом Бонапартом перед отъездом. Он заметил ей, что хотел бы по возвращении поселиться в сельской местности; и он поручил своему брату позаботиться об этом, чего Джозеф, однако, не выполнил. Мадам Бонапарт, которая, напротив, всегда искала то, что могло бы понравиться ее мужу, поручила нескольким лицам совершить экскурсии по окрестностям Парижа, чтобы выяснить, можно ли найти подходящее жилье. После долгих колебаний между Рис и Мальмезоном она остановила свой выбор на последнем, который купила у г-на Лекульте-Дюмоли, по-моему, за четыреста тысяч франков. Таковы были подробности, которые Шарве любезно сообщил мне, когда я впервые поступил на службу к мадам Бонапарт. Все в доме любили говорить о ней; и уж точно не для того, чтобы злословить, потому что никогда еще женщина не была так любима всеми, кто ее окружал, и никогда еще никто не заслуживал этого так сильно. Генерал Бонапарт был также превосходным человеком в уединении частной жизни.

После возвращения Первого консула из его кампании в Египте было предпринято несколько покушений на его жизнь, и полиция много раз предупреждала его быть настороже и не рисковать собой в одиночку в окрестностях Мальмезона. Первый консул до этого периода был очень беспечен; но раскрытие ловушек, которые были расставлены для него, даже в уединении его семейного круга, заставило его прибегнуть к предосторожностям и благоразумию. Впоследствии было заявлено, что эти мнимые заговоры были лишь измышлениями полиции, призванными сделать себя необходимыми для Первого консула или, возможно, для самого

Первого консула, чтобы удвоить интерес, проявляемый к его персоне, из-за страха перед опасностями, угрожавшими его жизни; и абсурдность этих попыток утверждается в качестве доказательства этого. Я не мог бы претендовать на разгадку подобных тайн; но мне кажется, что в подобных вопросах абсурдность ничего не доказывает или, по крайней мере, не доказывает, что таких заговоров не существовало. Заговорщики того периода не ставили границ своей экстравагантности, ибо что могло быть более абсурдным и в то же время более реальным, чем чудовищное безумие адской машины?

Как бы то ни было, я расскажу о том, что происходило у меня на глазах в течение первого месяца моего пребывания в Мальмезоне. Никто там или, по крайней мере, никто в моем присутствии не выказал ни малейшего сомнения в реальности этих попыток.

Чтобы избавиться от Первого консула, его врагам казалось, что все средства хороши: они учитывали в своих расчетах все, даже его рассеянность. Доказательством этого является следующий случай:

Требовалось отремонтировать и украсить каминную полку в комнатах Первого консула в Мальмезоне. Подрядчик, ответственный за эти работы, прислал мраморщиков, среди которых, по-видимому, было несколько несчастных, нанятых заговорщиками. Лица, прикрепленные к Первому консулу, были постоянно начеку и проявляли величайшую бдительность; и было замечено, что среди этих рабочих были люди, которые делали вид, что работают, но чей вид и манеры сильно контрастировали с их занятием. К сожалению, эти подозрения были слишком обоснованны, ибо, когда апартаменты были подготовлены к приему Первого консула и как раз в тот момент, когда он собирался занять их, кто-то, производя последний осмотр, обнаружил на письменном столе, за который он собирался сесть в первый раз, табакерку, во всех отношениях похожую на одну из тех, которыми он постоянно пользовался. Сначала подумали, что эта коробка действительно принадлежала ему и что она была забыта и оставлена там его камердинером; но сомнения, вызванные подозрительным поведением нескольких резчиков по мрамору, привели к дальнейшему расследованию, табак был исследован и проанализирован. Было обнаружено, что он отравлен.

Говорят, что в то время исполнители этого вероломства поддерживали связь с другими заговорщиками, которые пытались найти другой способ избавиться от Первого консула. Они пообещали напасть на охрану замка Мальмезон и силой увезти главу правительства. С этим намерением они заказали форму, подобную форме консульских гвардейцев, которые затем день и ночь стояли на страже возле первого консула и сопровождали его верхом во время его экскурсий. В этом костюме и с помощью сигналов, со своими сообщниками (мнимыми резчиками по мрамору) внутри, они могли легко приблизиться и смешаться с охраной, которую кормили и размещали в замке. Они могли бы даже добраться до первого консула и увезти его. Однако от этого первого проекта отказались как от слишком сомнительного, и заговорщики льстили себя надеждой, что они преуспеют в своем предприятии более уверенно и с меньшей опасностью, воспользовавшись частыми поездками Первого консула в Париж. С помощью своей маскировки они планировали распределиться по дороге среди проводников эскорта и перебить их, причем местом их сбора были каменоломни Нантера; но их планы были сорваны во второй раз. В парке Мальмезона была глубокая каменоломня; и, опасаясь, что они воспользуются ею, чтобы спрятаться в ней и совершить какое-нибудь насилие над Первым

консулом во время одной из его одиноких прогулок, было решено запереть ее железной дверью.

19 февраля, в час дня, первый консул торжественно отправился в Тюильри, который тогда назывался Правительственным дворцом, чтобы поселиться там со всеми своими домочадцами. С ним были двое его коллег, один из которых, третий консул, должен был занять ту же резиденцию и располагаться в Павильоне Флор. Карета консулов была запряжена шестеркой белых лошадей, которых император Германии подарил завоевателю Италии после подписания мирного договора в Кампо-Формио. Сабля, которую первый консул носил на этой церемонии, была великолепна и также была подарена ему этим монархом по тому же случаю.

Примечательным в этой официальной перемене места жительства было то, что приветствия и энтузиазм толпы и даже самых знатных зрителей, заполнивших витрины улицы Тионвиль и набережной Вольтера, были адресованы только первому консулу и молодым воинам его блестящего штаба, которые еще не загорели под солнцем Пирамид или Италии. Во главе их ехали генерал Ланн и Мюрат; первого легко было узнать по его смелой осанке и солдатским манерам; второго по тем же качествам и, кроме того, по поразительной элегантности как костюма, так и снаряжения. Его новый титул шурина Первого консула также в значительной степени способствовал тому, что всеобщее внимание было приковано к нему. Что касается меня, то все мое внимание было поглощено главной фигурой кортежа, к которой, как и ко всем окружающим меня, я относился с чем-то вроде религиозного благоговения; и его пасынком, сыном моей превосходной хозяйки, который сам когда-то был моим хозяином, - храбрым, скромным, добрым принцем Евгением, который в то время, однако, еще не был принцем. По прибытии в Тюильри Первый консул сразу же вступил во владение апартаментами, которые он впоследствии занимал и которые раньше были частью королевских апартаментов. Эти апартаменты состояли из спальни, ванной, кабинета и гостиной, в которой он давал аудиенции до полудня; из второй гостиной, в которой находились его дежурные адъютанты и которую он использовал как столовую; а также очень большой прихожей. У мадам Бонапарт были свои отдельные апартаменты на первом этаже, те самые, которые она впоследствии заняла как императрица. Под анфиладой комнат, занимаемых Первым консулом, находилась комната Буррьена, его личного секретаря, которая сообщалась с апартаментами Первого консула с помощью отдельной лестницы.

Хотя в то время уже были придворные, двора, однако, еще не было, и этикет был чрезвычайно прост. Первый консул, как, кажется, я уже говорил, спал в одной постели со своей женой; и они жили вместе, иногда в Тюильри, иногда в Мальмезоне. Пока еще не было ни великого маршала, ни камергеров, ни дворцовых префектов, ни фрейлин, ни камеристок, ни гардеробщиц, ни пажей. Домочадцы Первого консула состояли только из месье Пфистера, управляющего; Венара, главного повара; Галиота и Дауге, старших слуг; Колина, дворецкого. Рипо был библиотекарем; Вигонь, старший, отвечал за конюшни. К его личной службе были прикреплены Амбард, главный камердинер; Герберт, рядовой камердинер; и Рустан, мамелюк Первого консула. Кроме них, было еще пятнадцать человек, которые выполняли обычные обязанности по хозяйству. Де Буррьен следил за всем, регулировал расходы и, хотя был очень строг, завоевал всеобщее уважение и привязанность.

Он был добрым, услужливым и, главное, очень справедливым; и поэтому во время его опалы весь дом был очень огорчен. Что касается меня, я сохраняю о нем воспоминания с искренним

уважением; и я верю, что, хотя он имел несчастье найти врагов среди великих, среди своих подчиненных он нашел только благодарные сердца и искренние сожаления.

Через несколько дней после этой установки в замке состоялся прием дипломатического корпуса. Из подробностей, которые я приведу, будет видно, насколько простым в то время был этикет того, что они уже называли Придворным.

В восемь часов вечера апартаменты мадам Бонапарт, расположенные, как я только что сказал, на первом этаже, примыкающем к саду, были переполнены людьми. Там было невероятное богатство перьев, бриллиантов и ослепительных туалетов. Толпа была так велика, что пришлось распахнуть дверь в спальню мадам Бонапарт, поскольку оба салона были так переполнены, что не было места для движения.

Когда после долгих затруднений все, кто мог, заняли свои места, доложили о мадам Бонапарт, и она вошла, опираясь на руку Талейрана. На ней было платье из белого муслина с короткими рукавами и жемчужное ожерелье. Голова ее была непокрыта, а красивые косы, уложенные с очаровательной небрежностью, удерживались черепаховым гребнем. Листивый шепот, приветствовавший ее появление, был ей очень благодарен; и никогда, я думаю, она не проявляла большего изящества и величия.

Талейран,

[Шарль Морис де Талейран-Перигор, родившийся в Париже в 1754 году, происходил из рода графов Перигор. Ставший хромым в результате несчастного случая, он стал священником, а в 1788 году стал епископом Отена. В Генеральных штатах он встал на сторону революции. Во время правления террора он посетил Англию и Соединенные Штаты. Отозванный в 1796 году, он стал министром иностранных дел при Директории, этот пост он сохранил и при консульстве. В 1806 году он стал принцем Беневенто. Вскоре он попал в опалу. Перешел на сторону бурбонов в 1814 году и был министром на Венском конгрессе, президентом совета и министром при короле. Умер в 1838 году. — Пер.]

подавая руку мадам Бонапарт, он имел честь представить ей одного за другим членов Дипломатического корпуса, но не по их именам, а по дворам, которые они представляли. Затем он совершил с ней экскурсию по двум салонам, и обход второго был только наполовину завершен, когда без объявления вошел Первый консул. Он был одет в очень простую униформу, с трехцветным шелковым шарфом с такой же бахромой вокруг талии. На нем были облегающие панталоны из белого касимира и высокие сапоги, а шляпу он держал в руке. Это простое платье среди расшитых камзолов, украшенных кордонами и орденами, которые носили послы и иностранные сановники, представляло такой же разительный контраст, как туалет мадам Бонапарт по сравнению с другими присутствующими дамами.

Прежде чем рассказать, как я сменил службу у мадам Бонапарт на службу у главы государства и пребывание в Мальмезоне во время второй кампании в Италии, я думаю, мне следует остановиться и вспомнить один или два случая, относящиеся ко времени, проведенному на службе у мадам Бонапарт. Она любила засиживаться допоздна и, когда почти все остальные ложились спать, играть в бильярд или, чаще, в триктрак. Однажды случилось так, что, отпустив всех остальных и еще не выспавшись, она спросила, умею ли я играть на бильярде, и, получив мой утвердительный ответ, с очаровательной любезностью предложила мне сыграть с ней; и впоследствии я часто имел честь делать это. Хотя у меня были некоторые навыки, мне всегда

удавалось позволить ей победить меня, что ей чрезвычайно нравилось. Если это была лесть, я должен это признать; но я сделал бы то же самое по отношению к любой другой женщине, независимо от ее положения и отношения ко мне, будь она хотя бы в половину так же красива, как мадам Бонапарт.

Консьерж Мальмезона, пользовавшийся полным доверием своих хозяев, среди других мер предосторожности и бдительности, придуманных им для защиты резиденции и личности Первого консула от любого внезапного нападения, выдрессировал для замка несколько крупных собак, среди которых были два очень красивых ньюфаундленда. Работы по благоустройству Мальмезона продолжались непрерывно, и большое количество рабочих поселилось там на ночь, которых тщательно предупредили, чтобы они не выходили на улицу в одиночку; но однажды ночью, когда несколько сторожевых псов были с рабочими в их домах и позволили себя приласкать, их очевидная покорность побудила одного из этих людей совершить неосторожную выходку. Полагая, что самый надежный способ избежать опасности - это отдаться под защиту одного из этих сильных животных, он взял одного из них с собой, и в очень дружеской манере они вместе вышли за дверь; но не успели они выйти наружу, как собака набросилась на своего несчастного товарища и повалила его на землю. Крики бедного рабочего привлекли нескольких стражников, которые бросились ему на помощь. Как раз вовремя, потому что собака крепко прижимала его к земле и вцепилась в горло. Его спасли, хотя он был тяжело ранен. Мадам Бонапарт, когда ей сообщили об этом несчастном случае, велела ухаживать за ним до полного выздоровления и назначила ему солидное вознаграждение, но порекомендовала ему быть более осмотрительным в будущем.

Каждую минуту, которую Первый консул мог урвать от государственных дел, он проводил в Мальмезоне. Вечер каждого десятилетия

[При Республике воскресенье было отменено. Декада из десяти дней была заменена неделей; а декада, или десятый день, занял место субботы. — Пер.]

это было время ожидания и радости в замке. Мадам Бонапарт посылала слуг верхом и пешком встречать своего мужа и часто ездила сама в сопровождении дочери и своих мальмезонских друзей. В свободное от дежурства время я ходил сам и в одиночку, ибо все испытывали к Первому консулу одинаковую привязанность и испытывали по отношению к нему одинаковую тревогу; и таковы были ожесточение и дерзость его врагов, что дорога, хотя и короткая, между Парижем и Мальмезоном была полна опасностей и ловушек. Мы знали, что было разработано множество планов по его похищению на этой дороге, и что эти попытки могут быть возобновлены. Самым опасным местом были каменоломни Нантера, о которых я уже говорил; поэтому они тщательно обследовались и охранялись его последователями каждый день, когда должен был проезжать Первый консул, и, наконец, были засыпаны впадины, ближайšie к дороге. Первый консул был польщен нашей преданностью ему и предоставил нам доказательства своего удовлетворения, хотя сам он, казалось, всегда был свободен от страха или беспокойства. Действительно, очень часто он мягко высмеивал наше беспокойство и очень серьезно рассказывал доброй Жозефине, как ему едва удалось спастись по дороге; как люди зловещей наружности много раз появлялись на его пути; как у одного из них хватило смелости целиться в него и т.д. И когда он видел, что она сильно напугана, он раздражался смехом, похлопывал ее по щеке и шее или целовал в щеку и шею, говоря ей: "Не бойся, маленькая гусыня, они не посмеют". В эти "дни отпуска", как он их называл, он был больше занят своими

личными делами, чем государственными; но он никогда не мог оставаться праздным. Он заставлял их сносить, ставить снова, строить, расширять, рассаживать, подрезать - непрерывно, как в замке, так и в парке, в то время как сам изучал сметарасходов, предполагаемые поступления и предписывал экономию. За всеми этими занятиями время пролетело незаметно, и вскоре настал момент, когда необходимо было вернуться и, как он выразился, снова надеть ярмо нищеты.

ГЛАВА IV.

В конце марта 1800 года, через пять или шесть месяцев после моего поступления на службу к мадам. Однажды за обедом первый консул Бонапарт пристально посмотрел на меня и, тщательно осмотрев и смерив меня взглядом с головы до ног, сказал: "Молодой человек, - сказал он, - не хотели бы вы отправиться со мной в поход?" Я ответил с большим волнением, что не хотел бы просить ничего лучшего. "Очень хорошо, тогда ты пойдешь со мной!" и, встав из-за стола, он приказал Пфистеру, управляющему, занести мое имя в список его домочадцев, которые будут сопровождать его. Мои приготовления не потребовали много времени, так как я был в восторге от мысли быть прикомандированным к личному служению такого великого человека и в воображении видел себя уже за Альпами. Но Первый консул отправился в путь без меня. Пфистер из-за дефекта памяти, возможно, намеренного, забыл внести мое имя в список. Я был в отчаянии и со слезами пошел рассказать о своем несчастье моей превосходной хозяйке, которая была настолько добра, что попыталась утешить меня, сказав: "Ну, Констант, еще не все потеряно; ты останешься со мной. Вы можете поохотиться в парке, чтобы скоротать время; и, возможно, первый консул все же пришлет за вами ". Однако мадам Бонапарт на самом деле не верила в это; ибо она думала, как и я, хотя по доброте душевной не хотела говорить мне этого, что Первый консул передумал и больше не желает моих услуг в кампании, сам отдал встречные приказы. Однако вскоре у меня были доказательства обратного. Проезжая через Дижон по пути на гору Сен-Бернар, Первый консул спросил обо мне и, узнав, что обо мне забыли, выразил свое недовольство и велел Буррьену немедленно написать мадам Бонапарт с просьбой прислать меня без промедления.

Однажды утром, когда мое огорчение было более острым, чем когда-либо, мадам Бонапарт послала за мной и сказала, держа в руке письмо Буррьена: "Констант, поскольку ты решил покинуть нас, чтобы участвовать в кампании, ты можешь радоваться, потому что сейчас ты собираешься уезжать. Первый консул послал за вами. Отправляйтесь в офис Марета и выясните, скоро ли он пришлет курьера. Вы будете сопровождать его." Я был невыразимо рад этой хорошей новости и не пытался скрыть своего удовольствия. "Вы очень довольны, что покидаете нас", - сказала мадам Бонапарт с доброй улыбкой. "Я радуюсь не тому, что покидаю мадам, а тому, что присоединяюсь к Первому консулу". — "Я надеюсь на это", - ответила она.

"Иди, Констант, и хорошенько заботься о нем". Если бы требовался какой-либо стимул, это предписание моей благородной госпожи усилило бы рвение и верность, с которыми я решил выполнять свои новые обязанности. Я без промедления поспешил в кабинет Марета, государственного секретаря, который уже знал меня и проявил ко мне свою добрую волю. "Немедленно готовьтесь, - сказал он. - курьер отправится сегодня вечером или завтра утром". Я со всей поспешностью вернулся в Мальмезон и объявил мадам Бонапарт о своем немедленном отъезде. Она немедленно приказала приготовить для меня хорошую почтовую карету, а Тибо (так звали курьера, которого я должен был сопровождать) было поручено раздобыть для меня лошадей по пути следования. Марет дала мне восемьсот франков на дорожные расходы, и эта сумма, совершенно неожиданная для меня, привела меня в изумление, потому что я никогда не был так богат. В четыре часа утра, узнав от Тибо, что все готово, я отправился к нему домой, где меня ждала почтовая карета, и мы отправились в путь.

Я путешествовал с большим комфортом, иногда в почтовой карете, иногда верхом; я занимал место Тибо, а он - мое. Я рассчитывал догнать Первого консула в Мартиньи, но его путешествие было таким быстрым, что я догнал его только у монастыря на горе Святого Бернара. На нашем пути мы постоянно встречали марширующие полки, состоящие из офицеров и солдат, которые спешили присоединиться к своим другим корпусам. Их энтузиазм был неудержим — те, кто совершил поход в Италию, радовались возвращению в столь прекрасную страну; те, кто еще не сделал этого, сгорали от нетерпения увидеть поля сражений, увековеченные французской доблестью и гением героя, который все еще маршировал во главе их. Все шли, как на праздник, и, распевая песни, они поднялись на горы Вале. Было восемь часов утра, когда я прибыл в штаб-квартиру. Пфистер доложил обо мне, и я нашел главнокомандующего в большом зале, расположенном в подвале Хосписа. Он завтракал стоя со своими сотрудниками. Как только он увидел меня, он сказал: "Вот ты где, чудак! почему ты не пошел со мной?" Я извинился, сказав, что, к моему великому сожалению, я получил встречный заказ или, по крайней мере, они оставили меня в момент отъезда. - Не теряя времени, друг мой, ешь скорее, мы вот-вот начнем. С этого момента я был приставлен к личной службе Первого консула в качестве обычного камердинера, то есть в свою очередь. Эта обязанность почти не давала мне работы; Амбар, старший камердинер Первого консула, имел привычку одевать его с головы до ног.

Сразу после завтрака мы начали спускаться с горы, многие скользили по снегу, совсем как в саду Божон, с вершины до подножия Русских гор, и я последовал их примеру. Это они называли "катанием на санях". Главнокомандующий также спускался таким образом по почти отвесному леднику. Его проводником был молодой соотечественник, активный и отважный, которому Первый консул пообещал достаток до конца его дней. Несколько молодых солдат, забредших в снег, были найдены почти мертвыми от холода собаками, выпущенными монахами, и доставлены в Странноприимный дом, где им оказали всяческую помощь, и их жизни были спасены. Первый консул привел веские доказательства своей благодарности добрым отцам за столь полезную и щедрую благотворительность. Прежде чем покинуть Странноприимный дом, где он обнаружил столы, уставленные едой, уже приготовленной для солдат, как только они достигли вершины горы, он вручил добрым монахам значительную сумму денег в награду за гостеприимство, оказанное ему и его товарищам по оружию, и распоряжение из казначейства о выплате ренты в поддержку монастыря.

В тот же день мы поднялись на гору Альбаредо; но так как этот переход был неприступен для кавалерии и артиллерии, он приказал им пройти за город Бард, под батареями форта. Первый

консул приказал, чтобы они проезжали по нему ночью и галопом; и он обвязал соломой колеса кессонов и ноги лошадей, но даже этих мер предосторожности было недостаточно, чтобы австрийцы не услышали наших войск. Пушки форта непрерывно стреляли картечью; но, к счастью, городские дома защищали наших солдат от вражеских орудий, и более половины армии прошло без особых потерь. Я был в доме первого консула, который под присмотром генерала Гарданна окружал форт с флангов.

23 мая мы перешли вброд поток, протекавший между городом и фортом, во главе с первым консулом, а затем, сопровождаемые генералом Бертье и несколькими другими офицерами, двинулись по тропинке через Альбаредо, с которой открывался вид на форт и город Бард. Направив свой полевой бинокль на вражеские батареи, от огня которых он был защищен лишь несколькими кустами, он раскритиковал диспозицию, составленную офицером, руководившим осадой форта, и приказал внести изменения, которые, по его словам, приведут к тому, что крепость в скором времени попадет в наши руки. Освободившись теперь от беспокойства, которое причинял ему этот форт и которое, по его словам, мешало ему спать в течение двух дней, проведенных в монастыре Мориса, он растянулся у подножия ели и освежился сном, пока армия совершала переход. Очнувшись после этого краткого перерыва в отдыхе, он спустился с горы и продолжил свой путь в Иври, где мы провели ночь.

Храбрый генерал Ланн, командовавший авангардом, действовал отчасти в качестве квартирмейстера, овладев всеми участками, преграждавшими дорогу. Всего за несколько часов до того, как мы вошли, он форсировал проход через Иври.

Таково было это чудесное прохождение святого Бернарда. Лошади, пушки, кессоны и огромное количество всевозможных армейских припасов - все, фактически, было перевезено по ледникам, которые казались недоступными, и по тропам, которые казались неосуществимыми даже для одного человека. Австрийские пушки остановили французскую армию не более успешно, чем снег. Настолько верно, что гений и настойчивость Первого консула были, так сказать, переданы самым скромным из его солдат и вселили в них мужество и силу, результаты которых покажутся потомкам сказочными.

2 июня, то есть на следующий день после перехода через Тичино и в день нашего вступления в Милан, Первый консул узнал, что форт Барда был взят накануне вечером, что свидетельствует о том, что его действия привели к быстрому результату, и путь сообщения по реке Сен-Бернар теперь свободен от всех препятствий. Первый консул въехал в Милан, не встретив особого сопротивления, все население вышло на улицу при его появлении, и он был встречен тысячью одобрительных возгласов. Доверие миланцев удвоилось, когда они узнали, что он пообещал членам собравшегося духовенства поддерживать католическое богослужение и духовенство в том виде, в каком они уже были установлены, и вынудил их принести присягу на верность цизальпинской республике.

Первый консул оставался в этой столице несколько дней, и у меня было время более близко познакомиться с моими коллегами, которыми были, как я уже сказал, Амбар, Рустан и Эбер. Мы сменяли друг друга каждые двадцать четыре часа, ровно в полдень. Как всегда было моим правилом, когда мне приходилось общаться с незнакомцами, я наблюдал, насколько позволяли обстоятельства, за характером и вспыльчивостью моих товарищей, чтобы я мог регулировать свое поведение по отношению к ним и заранее знать, чего мне следует опасаться или надеяться от общения с ними.

Амбард испытывал безграничную преданность к Первому консулу, за которым он последовал в Египет, но, к сожалению, его характер был мрачным и человеконенавистническим, что делало его чрезвычайно угрюмым и неприятным; и расположение, которым пользовался Рустан, возможно, способствовало усилению этого мрачного расположения. В своего рода мании он воображал себя объектом специального шпионажа; и когда часы его службы заканчивались, он запирался в своей комнате и проводил в скорбном одиночестве все время, пока не был на дежурстве. Первый консул, когда бывал в хорошем настроении, шутил с ним над этим диким нравом, называя его мадемуазель Амбар. "Ах, хорошо, что вы делали там, в своей комнате, совсем один? Несомненно, вы читали какие-нибудь убогие романы или старые книги о принцессах, похищенных и удерживаемых под охраной великаном-варваром. На что Амбард угрюмо отвечал: "Генерал, вы, без сомнения, лучше меня знаете, что я делал", имея в виду таким образом шпионов, которыми, как он считал, он всегда был окружен. Несмотря на это неудачное расположение духа, Первый консул был очень добр к нему. Когда император отправился в лагерь в Булони, Амбар отказался сопровождать его, и император поручил ему в качестве места отступления Медонский дворец. Там у него проявились безошибочные симптомы безумия, и конец его был плачевен. В течение Ста дней, после разговора с императором, он бросился на разделочный нож с такой яростью, что лезвие вышло на два дюйма у него из-за спины. Поскольку в то время считалось, что я навлек на себя гнев императора, за границу распространился слух, что это я покончил жизнь самоубийством, и об этой трагической смерти было объявлено в нескольких газетах как о моей.

Эбер, обычный камердинер, был очень приятным молодым человеком, но очень робким, и был, как и все остальные домочадцы, преданно привязан к Первому консулу. Однажды в Египте случилось так, что последний, который никогда не умел бриться сам (именно я научил его бриться самостоятельно, о чем я подробно расскажу в другом месте), позвал Хеберта, чтобы тот побрил его в отсутствие Амбарда, который обычно исполнял эту обязанность. Поскольку иногда случалось, что Эберт из-за своей большой робости порезал подбородок своему хозяину, в тот день последний, державший в руке ножницы, когда Эберт подошел к нему с бритвой в руке, сказал: "Осторожнее, негодяй; если ты порежешь меня, я воткну ножницы тебе в живот". Эта угроза, высказанная с притворной серьезностью, но которая на самом деле была всего лишь шуткой, подобной той, которую я сотни раз видел у императора, произвела такое впечатление на Хеберта, что он не смог закончить свою работу. Его охватила судорожная дрожь, бритва выпала у него из рук, и главнокомандующий напрасно сгибал ему шею и много раз говорил ему, смеясь: "Ну же, заканчивай, негодяй". Хеберт не только не смог выполнить свою задачу в тот день, но с этого времени ему пришлось отказаться от обязанностей цирюльника. Императору не нравилась такая чрезмерная робость слуг в его доме, но это не помешало ему, когда он восстанавливал замок Рамбуйе, предоставить Эберу место консьержа, о котором он просил.

Рустан, столь хорошо известный под именем Мамелюк, принадлежал к знатной семье Джорджии; в возрасте шести или семи лет его похитили и увезли в Каир, где он воспитывался среди молодых рабов, прислуживавших мамелюкам, пока не достигнет достаточного возраста, чтобы вступить в это воинственное ополчение. Шейх Каира, подарив генералу Бонапарту великолепного арабского коня, подарил ему в то же время Рустана и Ибрагима, другого мамелюка, который впоследствии был прикомандирован к службе мадам Бонапарт под именем Али. Хорошо известно, что Рустан стал незаменимым сопровождающим во всех случаях, когда император появлялся на публике. Он был с ним во всех его экспедициях, во всех процессиях и, что было особенно к его чести, во всех его битвах. В блестящей свите, сопровождавшей

императора, он больше всех других блистал богатством своего восточного костюма; и его внешность производила решительное впечатление, особенно на простой народ и в провинциях. Считалось, что он имел большое влияние на императора, потому что, как говорили легковверные люди, Рустан спас жизнь своему господину, бросившись между ним и саблей врага, который собирался нанести ему удар. Я думаю, что это убеждение было необоснованным, и что особым расположением, которым он пользовался, он был обязан обычной доброте его Величества ко всем, кто находился у него на службе. Кроме того, эта милость никоим образом не повлияла на его семейные отношения; ибо, когда в 1814 и 1815 годах некоторые журналы упрекали Рустана, женившегося на молодой и хорошенькой французенке, некоей мадемуазель Дувиль, отец которой был камердинером императрицы Жозефины, в том, что он не последовал до конца за человеком, к которому он всегда проявлял такую горячую преданность, Рустан ответил, что семейные узы, которые он установил, помешали ему покинуть Францию и что он не мог разрушить счастье своей семьи.

Ибрагим взял имя Али, когда перешел на службу к мадам Бонапарт. Он был не просто арабским уродом, и у него был порочный взгляд. Я вспоминаю в этой связи небольшой инцидент, произошедший в Мальмезоне, который даст представление о его характере. Однажды, играя на лужайке замка, я нечаянно сбросил его с ног во время бега; и, взбешенный своим падением, он вскочил, выхватил свой кинжал, который всегда носил, и бросился за мной, чтобы ударить. Сначала я, как и все остальные, смеялся над этим несчастным случаем и забавлялся, заставляя его бежать; но, предупрежденный криками моих товарищей и оглянувшись, чтобы посмотреть, как близко он был, я одновременно увидел его кинжал и его ярость. Я тут же остановился и уперся ногой, не сводя глаз с его кинжала, и мне посчастливилось избежать его удара, который, однако, задел мою грудь. В свою очередь, разъяренный, как можно себе представить, я схватил его за развевающиеся панталоны и швырнул на десять футов в Мальмезонский ручей, глубина которого едва достигала двух футов. Это падение сразу привело его в чувство; и, кроме того, его кинжал ушел на дно, что делало его гораздо менее опасным. Но от разочарования он закричал так громко, что мадам Бонапарт услышала его; а так как ей очень нравились ее мамелюки, то я получил резкий выговор. Однако этот бедняга Али обладал таким необщительным темпераментом, что у него возникли трудности почти со всеми домочадцами, и в конце концов его отправили в Фонтенбло, чтобы занять там место слуги.

Теперь я возвращаюсь к нашей кампании. 13 июня первый консул провел ночь в Торре-ди-Галифоло, где он разместил свою штаб-квартиру. Со дня нашего вступления в Милан продвижение армии не ослабевало; генерал Мюрат форсировал реку По и овладел Пьяченцей; а генерал Ланн, продолжая продвигаться вперед со своим храбрым авангардом, участвовал в кровопролитном сражении при Монтебелло, имя которого он впоследствии прославил тем, что носил его. Недавнее прибытие генерала Дезэ, только что вернувшегося из Египта, довершило радость главнокомандующего, а также во многом укрепило доверие солдат, которые обожали доброго и скромного Дезэ. Первый консул принял его с самой искренней и сердечной дружбой, и они провели вместе три часа подряд в приватной беседе. В конце этой конференции приказом дня по армии было объявлено, что генерал Десо примет командование дивизией Буде. Я слышал, как некоторые люди из свиты генерала Десо говорили, что его терпение и уравновешенность характера подверглись жестокому испытанию во время плавания из-за встречных ветров, вынужденных задержек, скуки карантина и, прежде всего, из-за плохого поведения англичан, которые некоторое время держали его пленником на своем флоте в виду берегов Франции, хотя у него был паспорт, подписанный английскими властями в Египте.

вследствие капитуляции, о которой было достигнуто взаимное согласие. Следовательно, его негодование против них было очень сильным; и он очень сожалел, по его словам, что врагом, с которым он собирался сражаться, были не англичане.

Несмотря на простоту его вкусов и привычек, никто так не стремился к славе, как этот храбрый генерал. Вся его ярость против англичан была вызвана страхом, что он может не прибыть вовремя, чтобы снискать новые лавры. Он действительно прибыл вовремя, но только для того, чтобы найти славную смерть, увы, столь преждевременную!

Именно четырнадцатого числа произошла знаменитая битва при Маренго, которая началась ранним утром и продолжалась в течение всего дня. Я оставался в штаб-квартире со всеми домочадцами Первого консула, где мы были почти в пределах досягаемости пушек на поле боя. Постоянно поступали противоречивые новости: в одном сообщении говорилось о полном проигрыше битвы, в другом сообщалось о нашей победе. Одно время увеличение числа наших раненых и удвоенная стрельба австрийских пушек заставили нас поверить, что все потеряно; а затем внезапно пришло известие, что это кажущееся отступление было всего лишь смелым маневром первого консула и что атака генерала Дезэ выиграла сражение. Но победа была куплена дорогой для Франции и для сердца Первого консула ценой. Дезэ, сраженный пулей, упал замертво на поле боя; и горе его солдат только усилило их мужество, они обратили в штыковую атаку неприятеля, который уже был потрясен блестящей кавалерийской атакой генерала Келлермана. Первый консул спал на поле битвы и, несмотря на одержанную им решающую победу, был очень опечален и сказал в тот вечер в присутствии Амбарда и меня много такого, что свидетельствовало о глубокой скорби, которую он испытал в связи со смертью генерала Дезэ. Он сказал: "Франция потеряла одного из своих самых храбрых защитников, а я - одного из своих лучших друзей; никто не знал, сколько мужества было в сердце Дезэ и сколько гениальности в его голове". Таким образом, он утешил свое горе, обратившись ко всем без исключения с хвалебной речью в честь героя, павшего на поле чести.

"Мой храбрый Дезэ, - сказал он далее, - всегда хотел умереть именно так", а затем добавил чуть ли не со слезами на глазах: "Но должна ли была смерть так быстро исполнить его желание?"

В нашей победоносной армии не было ни одного солдата, который не разделял бы столь справедливого горя. Рапп и Савари, адъютанты Дезэ, пребывали в глубочайшем горе у тела своего начальника, которого они называли своим отцом, скорее для того, чтобы выразить его неизменную доброту к ним, чем достоинство его характера. Из уважения к памяти своего друга главнокомандующий, хотя его штаб был переполнен, добавил этих двух молодых офицеров в качестве адъютантов.

Комендант Рапп (ибо только таково было его звание в то время) был тогда, как и всегда, хорош, полон мужества и всеобще любим. Его откровенность, которая иногда граничила с резкостью, понравилась императору; и я много раз слышал, как он хвалил своего адъютанта, которого он всегда называл "Мой храбрый Рапп". Раппу не везло в битвах, потому что он редко выходил из них без ран. Предвосхищая таким образом события, я упомяну, что в России накануне битвы при Москве император сказал в моем присутствии генералу Раппу, который только что прибыл из Данцига: "Послушай, мой храбрый друг, мы разобьем их завтра, но будь очень осторожен. Вы не баловень фортуны". — "Это, - сказал генерал, - премия, которая будет выплачена за это дело, но, тем не менее, я сделаю все, что в моих силах".

Савари проявил по отношению к Первому консулу то же горячее рвение и безграничную преданность, которые связывали его с генералом Дезэ; и если ему не хватало каких-либо качеств генерала Раппа, то это, конечно, была не храбрость. Из всех людей, окружавших императора, никто не был более предан его малейшим желаниям. В ходе этих мемуаров у меня, несомненно, будет возможность вспомнить примеры этого беспримерного энтузиазма, за который герцог де Ровиго I был великолепно вознагражден; но справедливо будет сказать, что он не укусил руку, которая его наградила, и что он до конца и даже после смерти своего старого учителя (ибо так он любил называть императора) подавал пример благодарности, которому мало кто подражал.

В июне следующего года правительственным указом было определено, что тело Дезэ должно быть перевезено в приют Святого Бернара и что на этом месте, в стране, где он покрыл себя бессмертной славой, должна быть воздвигнута могила как свидетельство скорби Франции, и особенно скорби Первого консула.

ГЛАВА V.

Победа при Маренго сделала завоевание Италии несомненным. Поэтому первый консул, считая свое присутствие более необходимым в Париже, чем во главе своей армии, передал главнокомандование генералу Массене и начал приготовления к повторному переходу через горы. По возвращении в Милан первого консула встретили с еще большим энтузиазмом, чем во время его первого визита.

Установление республики соответствовало желаниям большого числа миланцев, и они называли Первого консула своим Спасителем, поскольку он избавил их от ига австрийцев. Однако была партия, которая в равной степени ненавидела эти перемены, французскую армию, которая была их орудием, и молодого вождя, который был их автором. На этой вечеринке фигурировал знаменитый артист, певец Маркези.

Во время нашего предыдущего визита Первый консул послал за ним; и музыкант ждал, когда его попросят, ведя себя так, как будто ему причиняют большие неудобства, и, наконец, представился со всей важностью человека, чье достоинство было оскорблено. Очень простой костюм первого консула, его невысокий рост, худощавое лицо и бедная фигура не были рассчитаны на то, чтобы произвести большое впечатление на героя театра; и после того, как главнокомандующий сердечно приветствовал его и очень вежливо попросил спеть какую-нибудь мелодию, он ответил этим неудачным каламбуром, произнесенным тоном, дерзость которого усугублялась его итальянским акцентом: "Синьор генерал, если вам нужна хорошая мелодия, вы найдете ее превосходной, совершив небольшую прогулку по саду". Синьора Маркези за эту прекрасную речь немедленно выставили за дверь, и в тот же вечер был разослан приказ о заключении певца в тюрьму. По нашем возвращении Первый консул, чье негодование

против Маркези, несомненно, смягчила пушка Маренго, и который, кроме того, решил, что наказание музыканта за неудачную шутку было достаточно долгим, снова послал за ним и попросил его еще раз спеть; Маркези на этот раз был скромен и вежлив и пел очаровательно. После концерта Первый консул подошел к нему, тепло пожал ему руку и сделал комплимент в самой нежной манере; и с этого момента между двумя державами был заключен мир, и Маркези пел только дифирамбы Первому консулу.

На этом же концерте Первый консул был поражен красотой известной певицы мадам Грассини. Он ни в коей мере не считал ее жестокой, и по прошествии нескольких часов завоеватель Италии насчитал на одно завоевание больше.

На следующий день она завтракала с Первым консулом и генералом Бертье в кабинете Первого консула. Генералу Бертье было приказано обеспечить поездку мадам Грассини, которую доставили в Париж и прикрепили к концертному залу двора.

Первый консул выехал из Милана 24-го; и мы вернулись во Францию дорогой через Мон-Сени, двигаясь как можно быстрее. Повсюду консула встречали с неопишуемым энтузиазмом. У въезда в каждый город были воздвигнуты триумфальные арки, и в каждый кантон прибыла депутация из числа видных граждан, чтобы обратиться к нему с речью и высказать комплименты. Длинные ряды молодых девушек, одетых в белое, увенчанных цветами, с цветами в руках и бросавших цветы в карету Первого консула, составили его единственный эскорт, окружили его, следовали за ним и опережали его, пока он не прошел или как только он ступил на землю, где бы он ни остановился.

Таким образом, на протяжении всего пути путешествие было сплошным праздником, а в Лионе это вылилось в овацию, встречать его вышел весь город. Он вошел, окруженный огромной толпой, среди самых шумных демонстраций, и вышел у отеля Селестенов. Во времена Террора якобинцы излили свою ярость на город Лион, разрушить который они поклялись; и красивые здания, украшавшие площадь Белькур, были сровнены с землей, а отвратительный калека Кутон, стоявший во главе самой мерзкой толпы в клубах, нанес первый удар молотком. Первый консул ненавидел якобинцев, которые, со своей стороны, ненавидели и боялись его; и его постоянной заботой было уничтожить их труды или, другими словами, восстановить руины, которыми они покрыли Францию. Тогда он подумал, и вполне справедливо, что не может лучше ответить на любовь жителей Лиона, чем всеми силами способствовать восстановлению домов на площади Белькур; и перед своим отъездом он сам заложил первый камень. Город Дижон оказал Первому консулу не менее блестящий прием.

Между Вильнев-ле-Руа и Сансом, на спуске к мосту Монтеро, когда восемь лошадей, переведенных в галоп, быстро несли карету (Первый консул уже путешествовал как король), у одного из передних колес оторвался стук. Жители, стоявшие вдоль дороги, став свидетелями этого происшествия и предвидя, каков будет результат, приложили все усилия, чтобы остановить почтальонов, но им это не удалось, и карета сильно опрокинулась. Первый консул не пострадал; генералу Бертье слегка поцарапало лицо разбитыми окнами, а двух лакеев, находившихся на ступеньках, с силой отбросило на расстояние, и они были тяжело ранены. Первый консул вышел, вернее, его вытащили, через одну из дверей. Это происшествие не задержало его в путешествии; он немедленно пересел в другой экипаж и добрался до Парижа без каких-либо других происшествий. Ночью 2 июля он высадился в Тюильри, а на следующий день, как только весть о его возвращении распространилась по Парижу, все население

заполнило дворы и сад. Они столпились у окон павильона Флоры в надежде хоть мельком увидеть спасителя Франции, освободителя Италии.

В тот вечер не было никого, ни богатого, ни бедного, кто не получал бы удовольствия от освещения своего дома или чердака. Лишь вскоре после своего прибытия в Париж первый консул узнал о смерти генерала Клебера. Кинжал Сулеймана сразил этого великого полководца в тот же день, когда пушка Маренго уложила другого героя египетской армии. Это убийство причинило Первому консулу самое острое горе, свидетелем которого я был и о котором я могу свидетельствовать; и, тем не менее, его клеветники осмелились сказать, что он радовался событию, которое, даже если рассматривать его вне политической связи, привело к тому, что он потерял завоевание, стоившее ему так дорого, а Франции - столько крови и расходов. Другие жалкие негодяи, еще более глупые и пользующиеся еще большей дурной славой, зашли даже так далеко, что сфабриковали и распространили за границей слух о том, что Первый консул сам приказал убить своего товарища по оружию, которого он поставил во главе армии в Египте. На это у меня есть только один ответ, если вообще необходимо отвечать на них; это то, что они никогда не знали Императора.

После своего возвращения Первый консул часто ездил со своей женой в Мальмезон, где иногда оставался на несколько дней. В это время в обязанности камердинера входило следовать за каретой верхом. Однажды Первый консул, возвращаясь в Париж, обнаружил недалеко от замка, что забыл свою табакерку, и послал меня за ней. Я натянул уздечку, пустился галопом и, найдя табакерку на его столе, вернулся по своим следам, чтобы догнать его, но не преуспел в этом, пока он не добрался до Рюэлли. Как только я подъехал к экипажу, моя лошадь поскользнулась на камне, упала и отбросила меня на некоторое расстояние в канаву. Падение было очень тяжелым, и я остался растянутым на земле с вывихнутым плечом и сильно ушибленной рукой. Первый консул приказал остановить лошадей, сам распорядился, чтобы меня подняли, и предупредил, чтобы они были очень осторожны при перемещении меня; и я был доставлен под его присмотром в казармы Рюэлля, где, прежде чем продолжить свой путь, он постарался убедиться, что мне ничего не угрожает. Его домашний врач был отправлен в Рюэль, мне вправили плечо и перевязали руку, а оттуда меня как можно бережнее доставили в Мальмезон, где, добрая мадам, Бонапарт был так любезен, что навестил меня и оказал мне всяческое внимание.

В тот день, когда я вернулся на службу после выздоровления, я находился в приемной Первого консула, когда он выходил из своего кабинета. Он подошел ко мне и с большим интересом спросил, как я себя чувствую. Я ответил, что благодаря заботе, проявленной обо мне, согласно распоряжениям моих превосходных хозяина и хозяйки, я снова вполне здоров. "Тем лучше", - сказал Первый консул. "Констант, поторопись и наберись сил. Продолжай хорошо служить мне, и я позабочусь о тебе. Вот, - добавил он, вкладывая мне в руку три маленьких мятых бумажки, - это для пополнения вашего гардероба." и он прошел дальше, не слушая бурной благодарности, которую я с большим волнением пыталась выразить, гораздо больше за проявленные им внимание и заинтересованность во мне, чем за его подарок, поскольку я тогда не знала, в чем он состоял. Когда он ушел, я развернул свои бумаги: это были три банковских счета, каждый на тысячу франков! Я был тронут до слез такой великой добротой. Мы должны помнить, что в тот период Первый консул был небогат, хотя и был первым магистратом республики. Как глубоко трогает меня воспоминание об этом великодушном поступке даже сегодня. Я не знаю, будут ли интересны подробности, столь личные для меня; но они кажутся мне уместными как

свидетельство истинного характера императора, который был так возмутительно искажен, а также как пример его обычного поведения по отношению к слугам своего дома; в то же время это показывает, была ли суровая экономия, которой он требовал в своем домашнем хозяйстве и о которой я буду говорить в другом месте, результатом, как уже было сказано, низменной скупости, или же это было скорее правило благоразумия, от которого он охотно отступал всякий раз, когда его доброта сердца или его человечность подтолкнула его к этому.

Я не уверен, что моя память не обманывает меня, заставляя привести в этом месте обстоятельство, свидетельствующее о том уважении, с которым Первый консул относился к храбрым солдатам своей армии, и о том, как он любил демонстрировать это при любых обстоятельствах. Однажды я был в его спальне в обычное время для его туалета и исполнял в тот день обязанности старшего камердинера, поскольку Амбар временно отсутствовал или был нездоров, а в комнате, помимо личной прислуги, находился только храбрый и скромный полковник Жерар Лакуи, один из адъютантов Первого консула. Был представлен Жером Бонапарт, которому тогда едва исполнилось семнадцать лет. Этот молодой человек часто вызывал недовольство своей семьи и никого не боялся, кроме своего брата Наполеона, который делал ему выговор, читал нотации и бранил его так, словно он был его собственным сыном. В то время стоял вопрос о том, чтобы сделать из него моряка, не столько с целью сделать ему карьеру, сколько для того, чтобы избавить его от соблазнительных соблазнов, которые из-за высокого положения его брата постоянно возникали на его пути и которым у него было мало сил сопротивляться. Можно себе представить, чего ему стоило отказаться от удовольствий, столь доступных и восхитительных для молодого человека. Он не преминул при всех обстоятельствах заявить о своей непригодности к морской службе, зайдя, как говорят, так далеко, что даже добился того, что экзаменационная комиссия военно-морского флота отвергла его как некомпетентного, хотя он мог бы легко подготовиться к ответам на несколько заданных вопросов. Однако воле Первого консула следовало повиноваться, и Джером был вынужден отправиться в путь. В тот день, о котором я рассказывал, после нескольких минут разговора и упреков, все еще на тему военно-морского флота, Джером сказал своему брату: "Вместо того, чтобы посылать меня умирать от скуки в море, тебе следовало бы назначить меня адъютантом". - "Что ж, возьми себя в руки, новичок", — тепло ответил Первый консул. "Подожди, пока пуля не изуродует твое лицо, и тогда я позабочусь об этом", - в то же время привлекая его внимание к полковнику Лакуи, который покраснел и опустил глаза в пол, как будто был ранен. молодая девушка, ибо, как хорошо известно, у него на лице был шрам, оставленный пулей. Этот доблестный полковник был убит в 1805 году под Гунцбургом, и император глубоко сожалел о его потере, ибо он был одним из самых храбрых и умелых офицеров армии.

Я полагаю, примерно в это же время Первый консул воспылил сильной страстью к очень умной и красивой молодой женщине, мадам Д. Мадам Бонапарт, заподозрив эту интригу, проявила ревность; и ее муж сделал все, что мог, чтобы развеять подозрения ее жены. Прежде чем отправиться в спальню своей любовницы, он обычно дожидался, пока все в замке уснут; и он даже доходил в своих предосторожностях до того, что переходил из своей комнаты в ее в ночной рубашке, без туфель. Однажды я обнаружил, что до его возвращения оставалось совсем немного, и, опасаясь скандала, пошел, как приказал мне в подобном случае Первый консул, уведомить горничную мадам Д., чтобы она пошла к своей хозяйке и сообщила ей, который час. Не прошло и пяти минут после того, как было дано это своевременное уведомление, как я увидел возвращающегося Первого консула в большом волнении, причину которого я вскоре узнал. Вернувшись, он обнаружил одну из служанок мадам Бонапарт, которая сидела в засаде и

видела его через окно чулана, выходящее в коридор. Первый консул, после энергичного выступления против любопытства прекрасного пола, отправил меня к юной разведчице из вражеского лагеря, чтобы передать ей свой приказ придержать язык, если только она не желает быть уволенной без надежды на возвращение. Не знаю, добавил ли я к этим угрозам более мягкий аргумент, чтобы купить ее молчание; но, то ли из страха, то ли в качестве компенсации, у нее хватило здравого смысла промолчать. Тем не менее преуспевающий любовник, опасаясь очередного сюрприза, посоветовал мне снять на Аллее Ирев маленький домик, где он и мадам Д. время от времени встречались. Таковы были и продолжали оставаться меры предосторожности Первого консула по отношению к своей жене. Он питал к ней высочайшее уважение и принимал все мыслимые меры предосторожности, чтобы она не узнала о его изменах. Кроме того, эти мимолетные увлечения не уменьшали нежности, которую он испытывал к ней; и хотя другие женщины внушали ему любовь, ни одна другая женщина не пользовалась его доверием и дружбой в такой степени, как мадам Бонапарт. Была повторена тысяча и одна клевета на грубость и брутальность Первого консула по отношению к женщинам. Он не всегда был галантен, но я никогда не видел его грубым; и, каким бы странным это ни казалось после того, что я только что рассказал, он выражал величайшее почтение к жене образцового поведения, восхищенно отзываясь о счастливых семьях; и он не восхищался цинизмом ни в морали, ни в языке. Когда у него были какие-либо связи, он держал их в секрете и скрывал с большой тщательностью.

ГЛАВА VI.

Третий Нивоз, IX год. (21 декабря 1800 г.),

[При республиканском режиме годы отсчитывались от провозглашения Республики 22 сентября 1792 года. Год был разделен на двенадцать месяцев по тридцать дней в каждом, переименованных из-за какой-то особенности в Brumaire (туманный); Nivose (снежный); Thermidor (жаркий); Fructidor (фруктовый) и т.д.; помимо пяти дополнительных дней праздников, называемых "санкюлотами". Месяцы были разделены на три декады по десять дней вместо недель, причем десятый день (декади) заменял воскресенье. Республиканский календарь просуществовал до 1 января 1806 года, по крайней мере, в том, что касается лет и месяцев, хотя Конкордат восстановил недели и субботы.— Пер. с англ.]

в опере по заказу представили Творение Гайдна, и первый консул объявил, что он будет присутствовать со всеми своими домочадцами на этой великолепной оратории. В тот день он обедал с мадам Бонапарт, ее дочерью и генералами Раппом, Лористонем, Ланном и Бертье. Я был на дежурстве; но так как первый консул собирался в Оперу, я знал, что в замке я не понадобится, и решил, со своей стороны, пойти в Фейдо, заняв ложу, которую нам разрешила мадам Бонапарт и которая находилась под ее ложей. После обеда, который Первый консул проглотил со своей обычной быстротой, он встал из-за стола, за ним последовали его офицеры,

за исключением генерала Раппа, который остался с мадам Жозефиной и Гортензией. Около семи часов Первый консул сел в свой экипаж вместе с Ланном, Бертье и Лористоном, чтобы отправиться в Оперу. Когда они добрались до середины улицы Сент-Никез, сопровождающий, шедший впереди кареты, обнаружил, что дорогу преграждает повозка, которая, казалось, была брошена и на которой был обнаружен бочонок, крепко привязанный веревками. Начальник эскорта приказал отогнать эту повозку на обочину улицы, а кучер Первого консула, которого эта задержка привела в нетерпение, энергично прищипорил своих лошадей, и они помчались со скоростью молнии. Не прошло и двух секунд, как бочка, стоявшая на тележке, взорвалась со страшным грохотом. Никто из эскорта или спутников Первого консула не был убит, но несколько человек были ранены; и потери среди жителей улицы и прохожих возле ужасной машины были намного больше. Более двадцати из них были убиты и более шестидесяти тяжело ранены. Архитектору Трепсату сломали бедро. Впоследствии первый консул наградил его и назначил архитектором дома инвалидов, сказав, что он достаточно долго был самым больным из архитекторов. Все стекла в Тюильри были разбиты, а многие дома разрушены. Все здания на улице Сент-Никез и даже некоторые на прилегающих улицах были сильно повреждены, некоторые осколки попали в дом консула Камбасереса. Стекло в карете Первого консула разлетелось вдребезги. По счастливой случайности экипажи свиты, которые должны были следовать сразу за экипажем Первого консула, оказались на некотором расстоянии сзади, что произошло следующим образом: мадам Бонапарт после обеда заказала шаль, чтобы надеть ее в оперу; и когда ее принесли, генерал Рапп в шутку раскритиковал цвет и попросил ее выбрать другой. Мадам Бонапарт защищала свою шаль и сказала генералу, что он знает о критике туалета столько же, сколько она об атаке форта. Это дружеское подшучивание продолжалось несколько мгновений; и в промежутке Первый консул, который никогда не ждал, выступил вперед, а жалкие убийцы и зачинщики заговора подожгли адскую машину. Если бы кучер Первого консула ехал медленнее и, следовательно, опоздал на две секунды, с его хозяином все было бы кончено; в то время как, с другой стороны, если бы мадам Бонапарт немедленно последовала за своим мужем, это было бы верной смертью для нее и всей ее свиты.

Фактически, мгновенная задержка спасла ее жизнь, а также жизнь ее дочери, ее невестки мадам Мюрат и всех, кто должен был сопровождать их, поскольку карета этих дам, вместо того чтобы ехать непосредственно за каретой Первого консула, как раз отъезжала от площади Карусель, когда машина взорвалась. Стекло задрожало, и хотя мадам Бонапарт не получила никаких повреждений, кроме ужасного испуга, Гортензия была слегка ранена в лицо осколком стекла, а мадам Каролина Мюрат, которая в то время была на позднем сроке беременности, была так напугана, что ее пришлось отнести обратно в Тюильри. Эта катастрофа оказала свое влияние даже на здоровье ее ребенка, поскольку мне сказали, что принц Ахилл Мурац по сей день подвержен частым приступам эпилепсии. Как хорошо известно, первый консул отправился в оперу, где был встречен бурными приветствиями, причем неподвижность его лица сильно контрастировала с бледностью и волнением мадам Бонапарт, которая боялась не столько за себя, сколько за него. Кучера, который так удачно вез Первого консула, звали Жермен. Он последовал за ним в Египет и в стычке убил араба собственной рукой на глазах главнокомандующего, который, пораженный его храбростью, воскликнул: "Дьявол! это храбрый человек, он цезарь". Это имя прилипло к нему. Было сказано, что этот храбрый человек был пьян во время этого взрыва; но это ошибка, которой его поведение в данных обстоятельствах противоречит самым положительным образом. Когда Первый консул, после того как он стал императором, инкогнито отправился в Париж, именно Цезарь сопровождал его без ливреи. В

Мемориале Святой Елены говорится, что император, говоря о Цезаре, заявил, что тот был в состоянии полного опьянения и принял звук взрыва за артиллерийский салют и только на следующий день узнал, что произошло. Это совершенно не соответствует действительности, и император был неправильно проинформирован относительно своего кучера. Цезарь гнал Первого консула очень быстро, потому что ему было приказано это сделать, и потому что он считал, что его честь заинтересована в том, чтобы не допустить, чтобы препятствие, которое адская машина воздвигла на его пути перед взрывом, задержало его. Вечером в день этого события я видел Цезаря, который был совершенно трезв, и он сам рассказал мне часть подробностей, которые я только что привел. Несколько дней спустя четыре или пятьсот кучеров наемного экипажа собрались вместе, чтобы почтить его память, и устроили великолепный обед по двадцать четыре франка с человека.

В то время как адский заговор приводился в исполнение и стоил жизни множеству невинных граждан, не достигая цели, которую предлагали убийцы, я был, как я уже говорил, в театре Фейдо, где я приготовился провести на досуге целый свободный вечер среди удовольствий сцены, к которым я всю свою жизнь питал большую симпатию. Однако едва я уселся поудобнее, как вошел кассир в величайшем возбуждении и закричал: "Месье Констан, говорят, что они только что взорвали первого консула; произошел ужасный взрыв, и утверждается, что он мертв". Эти ужасные слова были как удар грома - для меня. Не отдавая себе отчета в том, что я делаю, я бросилась вниз по лестнице и, забыв свою шляпу, как сумасшедшая помчалась к замку. Пересекая улицу Вивьен и Пале-Рояль, я не заметил никаких особых беспорядков; но на улице Сент-Оноре была очень большая суматоха, и я видел, как увозили на носилках множество мертвых и раненых, которых сначала отнесли в соседние дома на улице Сент-Никез. Образовалось множество групп, и все в один голос проклинали до сих пор неизвестных авторов этой подлой попытки. Некоторые обвиняли в этом якобинцев, потому что три месяца назад они передали кинжал в руки Черрачи, Арена и Топино Лебрена; в то время как другие, возможно, менее многочисленные, думали, что только аристократы, роялисты, могут быть виновны в этом зверстве. Я не мог уделить времени этим различным обвинениям, за исключением того, что меня задержали, когда я пробивался сквозь огромную и тесно сбитую толпу, и я как можно быстрее пошел дальше и через две секунды был у Карусели. Я бросился к калитке, но двое часовых мгновенно скрестили штыки перед моей грудью. Бесполезно было кричать, что я камердинер Первого консула, потому что моя непокрытая голова, мои дикие манеры, беспорядок как в одежде, так и в мыслях показали им подозрительными, и они энергично и очень упрямо отказались впустить меня. Затем я попросил их послать за привратником замка; и как только он пришел, меня впустили, или, вернее, втащили в замок, где я узнал, что только что произошло. Вскоре после этого прибыл первый консул, и его немедленно окружили его офицеры и все его домочадцы, причем все присутствующие были в величайшем беспокойстве. Когда Первый консул вышел из своей кареты, он казался спокойным и улыбающимся; у него даже был веселый вид. Войдя в вестибюль, он сказал своим офицерам, потирая руки: "Что ж, господа, мы совершили прекрасный побег!" Они содрогнулись от возмущения и злости. Затем он вошел в большой салон на первом этаже, где уже собралось большое количество государственных советников и высокопоставленных лиц; но едва они начали выражать свои поздравления, как он прервал их, причем в такой яростной манере, что его было слышно за пределами салона. Нам сказали, что после этого совета у него произошла оживленная перепалка с министром полиции Фуше, которого он упрекнул в незнании этого заговора, открыто обвинив якобинцев в том, что они были авторами.

В тот вечер, когда я уходил, Первый консул со смехом спросил меня, боюсь ли я. "Больше, чем вы, мой генерал", - ответил я и рассказал ему, как услышал роковую весть в Фейдо и побежал без шляпы к самой калитке Карусели, где часовые пытались помешать мне войти. Его позабавили ругательства и оскорбительные эпитеты, которыми они сопровождали свою защиту ворот, и наконец он сказал мне: "В конце концов, мой дорогой Констант, тебе не следует сердиться на них; они всего лишь выполняли приказ. Это храбрые люди, на которых я могу положиться". Правда в том, что Консульская гвардия в тот период была не менее предана делу, чем с тех пор, как стала Императорской гвардией. При первых слухах о большом риске, которому подвергся первый консул, все солдаты этого верного отряда спонтанно собрались во дворе Тюильри.

После этой печальной катастрофы, которая принесла горе во всю Францию и скорбь во многие семьи, вся полиция была активно вовлечена в поиски авторов заговора. Жилище Первого консула сначала было взято под наблюдение, и за нами, сами того не подозревая, непрерывно наблюдали шпионы. Все наши прогулки, все наши визиты, все наши уходы и приезды были известны; и особое внимание уделялось нашим друзьям и даже нашим связям. Но такова была преданность всех и каждого личности Первого консула, такова была привязанность, которую он так хорошо умел внушать окружающим, что ни одного из лиц, состоявших у него на службе, ни на мгновение не заподозрили в причастности к этому позорному покушению. Ни в это время, ни в каком другом деле подобного рода члены его семьи никогда не были скомпрометированы; и никогда имя самого низкого из его слуг не было замешано в преступных заговорах против жизни, столь ценной и столь славной.

Министр полиции подозревал в этом покушении роялистов, но Первый консул приписал это якобинцам, поскольку они, по его словам, уже были виновны в столь отвратительных преступлениях. Сто тридцать самых известных людей из этой партии были арестованы по чистому подозрению и без какого-либо судебного разбирательства. Теперь известно, что обнаружение, суд и казнь Сен-Регента и Карбона, настоящих преступников, доказали, что предположения министра были более правильными, чем предположения главы государства.

4-го числа, в полдень, Первый консул устроил грандиозный смотр на площади Карусель, куда собралась бесчисленная толпа граждан, чтобы посмотреть, а также засвидетельствовать свою привязанность к его персоне и свое негодование против врагов, которые осмелились напасть на него только путем убийства. Едва он повернул своего коня к первой линии гренадеров Консульской гвардии, как со всех сторон раздались их бесчисленные одобрительные возгласы. Он проехал вдоль рядов, шагом, очень медленно, выказывая свою признательность и отвечая несколькими простыми и нежными словами на это излияние народной радости; раздавались крики "Да здравствует Бонапарт! Да здравствует Первый консул!" не умолкали до тех пор, пока он не вернулся в свои апартаменты.

Заговорщики, которые с такой яростью продолжали покушаться на жизнь Первого консула, не могли выбрать период, в который обстоятельства были бы более неблагоприятными для их планов, чем в 1800 и 1801 годах, ибо тогда консула любили не только за его военные подвиги, но еще больше за надежду на мир, которую он подарил Франции, и эта надежда вскоре осуществилась. Как только распространился первый слух о заключении мира с Австрией, большая часть жителей Парижа собралась под окнами Павильона Флоры. Благословения, крики благодарности и радости раздавались со всех сторон; затем собрались музыканты, чтобы

спеть серенаду главе государства, и начали формироваться в оркестры; и всю ночь продолжались танцы. Я никогда не видел зрелища более поразительного и более радостного, чем вид этого импровизированного юбилея с высоты птичьего полета.

Когда в октябре месяце был заключен Амьенский мир с Англией, Франция оказалась избавленной от всех войн, которые она вела на протяжении стольких лет, и ценой стольких жертв, было бы невозможно составить представление о радости, которая разразилась со всех сторон. Декреты, предписывавшие либо разоружать военные суда, либо переводить форты на мирную основу, приветствовались как залог счастья и безопасности. В день приема лорда Корнуоллиса, посла Англии, Первый консул распорядился, чтобы все было обставлено с величайшим великолепием. "Необходимо, - сказал он накануне вечером, - показать этим гордым британцам, что мы не доведены до нищенства". Дело в том, что англичане, прежде чем ступить на французский континент, ожидали найти там только руины, нищету и убожество. Вся Франция была описана им как находящаяся в самом плачевном состоянии, и они думали, что вот-вот высадятся в варварской стране. Их удивление было велико, когда они увидели, сколько зла Первый консул уже исправил за столь короткое время, и все улучшения, которые он все еще намеревался осуществить; и они распространили по своей стране весть о том, что они сами называли чудесами Первого консула, которые побудили тысячи их соотечественников прийти и судить об этом собственными глазами. В тот момент, когда лорд Корнуоллис вошел в большой зал послов со своей свитой, глаза всех англичан, должно быть, были ослеплены видом Первого консула, окруженного двумя своими коллегами, всем дипломатическим корпусом и и без того блестящим военным двором.

Среди всех этих богатых мундиров его мундир поражал своей простотой; но бриллиант под названием "Регент", который был заложен при Директории и несколько дней назад выкуплен Первым консулом, сверкал на рукояти его шпаги.

ГЛАВА VII.

В мае месяце 1801 года в Париж прибыл принц Тосканы дон Луи Первый, направлявшийся вступить во владение своим новым королевством, которого Первый консул только что провозгласил королем Этрурии. Он путешествовал под именем графа Ливорно со своей женой, инфантой Испании Марией Луизой, третьей дочерью Карла Четвертого; но, несмотря на инкогнито, которое, судя по скромному титулу, который он присвоил, он, казалось, действительно стремился сохранить, особенно, возможно, из-за убогого вида своего маленького двора, его, несмотря ни на что, принимали в Тюильри как короля. Этот принц был слаб здоровьем, и говорили, что у него эпилепсия. Их поселили в резиденции испанского посольства, бывшем отеле Монтессори; и он попросил мадам де Монтессори, которая жила в

соседнем доме, возобновить частное сообщение между домами, которое долгое время было закрыто. Он, как и королева Этрурии, очень наслаждался обществом этой дамы, которая была вдовой герцога Орлеанского, и каждый день проводил много часов в ее доме. Сам бурбон, он, несомненно, любил слушать все подробности о бурбонах Франции, которые вполне мог бы рассказать тот, кто жил при их дворе и был в близких отношениях с королевской семьей, с которой она была связана узами, которые, хотя и не были официальными, тем не менее были хорошо известны и признаны.

Мадам де Монтессон принимала в своем доме всех самых выдающихся представителей парижского общества. Она воссоединила остатки самого избранного общества прежних времен, рассеянного Революцией. Подруга мадам Бонапарт, она также пользовалась любовью и уважением Первого консула, который желал, чтобы о нем хорошо отзывались в самом благородном и элегантном салоне столицы. Кроме того, он полагался на опыт и утонченность этой дамы, чтобы установить во дворце и его обществе, из которого он уже мечтал создать придворный, обычаи и этикет, обычные для государей.

Царь Этрурии не любил работать и в этом отношении не нравился Первому консулу, который терпеть не мог безделья. Однажды я слышал, как он в разговоре со своим коллегой Камбасересом жестоко расправился со своим королевским протеже (в его отсутствие, конечно). "Вот принц, - сказал он, - который мало заботится о своих дорогих и горячо любимых подданных, а проводит время, кудахча со старухами, которым он громко расхваливает мои достоинства, в то время как шепотом жалуется, что обязан своим возвышением главе этой проклятой Французской Республики. Его единственное занятие - прогулки, охота, балы и театры." Утверждают, - заметил Камбасерес, - что вы хотели вызвать у французского народа отвращение к королям, показав им такой образец, как спартанцы вызывали отвращение к пьянству у своих детей, показывая им пьяного раба".

"Не так, не так, мой дорогой сэр", - ответил Первый консул. "У меня нет желания вызывать у них отвращение к королевской власти, но пребывание короля Этрурии вызовет раздражение у ряда хороших людей, которые неустанно работают над созданием благоприятных для бурбонов настроений". Дон Луис, возможно, не заслуживал такой суровости, хотя, надо признать, он был наделен небольшим умом и немногочисленными приятными чертами характера. Когда он обедал в Тюильри, ему было очень неловко отвечать на самые простые вопросы, с которыми обращался к нему Первый консул. Помимо дождя и непогоды, лошадей, собак и других подобных тем для разговора, он не мог дать вразумительного ответа ни по одному вопросу. Королева, его жена, часто делала знаки, чтобы наставить его на путь истинный, и даже шептала ему, что он должен сказать или сделать; но это только еще больше бросалось в глаза, что ему совершенно не хватает присутствия духа. Люди веселились за его счет, но, однако, они тщательно следили за тем, чтобы не делать этого в присутствии Первого консула, который не потерпел бы недостатка уважения к гостю, которому он так много оказывал. Что вызвало наибольшее количество шуток в адрес принца, так это его чрезмерная экономность, достигшая поистине невероятных размеров. Приводились бесчисленные примеры, этот, пожалуй, самый поразительный. Первый консул часто присылал ему во время его пребывания великолепные подарки, такие как ковры Савоннери, лионские ткани и севрский фарфор; и в таких случаях его Величество выдавал небольшое вознаграждение тем, кто приносил эти драгоценные изделия. Однажды ему принесли вазу очень большой ценности (она стоила, я полагаю, сто тысяч крон), для установки которой в покоях короля потребовалась дюжина рабочих. Закончив работу,

рабочие ждали, пока его Величество не выскажет им своеудовлетворение, и льстили себе надеждой, что он проявит поистине королевскую щедрость. Поскольку, несмотря на это, время шло, а ожидаемая награда не поступала, они, наконец, обратились к одному из его камергеров и попросили его положить их прошение к ногам короля Этрурии. Его Величество, который все еще был в восторге от красоты настоящего и щедрости Первого консула, был поражен такой просьбой. "Это был подарок, - сказал он, - и, следовательно, он должен был получать, а не отдавать", и только после долгих настояний управляющий получил по шесть франков за каждого из этих рабочих, в чем эти добрые люди отказались. Лица из свиты принца утверждали, что к этому крайнему отвращению к расходам он добавлял чрезмерную суровость по отношению к ним самим; однако первая из этих черт, вероятно, побудила слуг короля Этрурии преувеличивать вторую.

Слишком экономных хозяев всегда считают суровыми, и в то же время они подвергаются суровой критике со стороны своих слуг. Возможно, по этой причине (я бы сказал мимоходом) среди некоторых людей распространена клевета, согласно которой императору часто нравится избивать своих слуг. Экономия императора Наполеона заключалась всего лишь в стремлении к совершеннейшему порядку в расходах его домашнего хозяйства. Единственное, что я могу положительно утверждать в отношении его Величества, короля Этрурии, это то, что он искренне не испытывал ни всего энтузиазма, ни всей благодарности, которые выражал по отношению к Первому консулу, и у последнего было более одного доказательства этой неискренности. Что касается таланта короля управлять и царствовать, то первый консул сказал Камбасересу на его приеме в том самом разговоре, отрывок из которого я уже цитировал, что испанский посол жаловался на высокомерие этого принца по отношению к нему, на его крайнее невежество и на отвращение, которое внушает ему любой бизнес. Таков был король, который отправился управлять частью Италии и был возведен на престол генералом Мюратом, который, по-видимому, понятия не имел, что для него уготован трон в нескольких лье от того, на который он усадил дона Луиса.

Царица Этрурии была, по мнению Первого консула, более проникательной и благоразумной, чем ее августейший супруг. Эта принцесса не отличалась ни изяществом, ни элегантностью; она одевалась утром на весь день и гуляла в саду, ее голова была украшена цветами или диадемой, и на ней было платье, шлейф которого подметал песок дорожек; часто она также несла на руках одного из своих детей, все еще в длинных платьях, из которых легко понять, что к вечеру туалет ее Величества был несколько в беспорядке. Она была далеко не хорошенькой, и ее манеры не соответствовали ее положению. Но, что полностью искупало все это, она была добродушна, ее очень любили те, кто был у нее на службе, и она скрупулезно выполняла все обязанности жены и матери; и, как следствие, Первый консул, который придавал большое значение домашним добродетелям, питал к ней самое высокое и искреннее уважение.

В течение всего месяца, который их Величества провели в Париже, была черед празднеств, одно из которых Талейран устроил в их честь в Нейи с большим великолепием, и на которое я, находясь при исполнении служебных обязанностей, сопровождал первого консула. Замок и парк были освещены ярким изобилием разноцветных огней. Сначала был концерт, по окончании которого конец зала отодвинули в сторону, как занавес в театре, и мы увидели главную площадь Флоренции, дворец герцогов, играющий фонтан и тосканцев, предающихся играм и танцам своей страны и поющих куплеты в честь своих монархов. Талейран вышел вперед и попросил их Величества пообщаться со своими подданными; и едва они ступили в сад,

как оказались в сказочной стране, где фейерверки, ракеты и бенгальские огни вспыхивали во всех направлениях и во всех формах, колоннады, триумфальные арки и огненные дворцы возникали, исчезали и непрерывно сменяли друг друга. В покоях и в саду были накрыты многочисленные столы, за которыми по очереди рассаживались все зрители, и наконец великолепный бал завершил этот волшебный вечер. Его открыли король Этрурии и мадам Ле Клерк (Паулина Боргезе).

Мадам де Монтессон также устроила для их Величеств бал, на котором присутствовала вся семья Первого консула. Но из всех этих развлечений у меня сохранилось самое яркое воспоминание о том, которое устроил Шапталь, министр внутренних дел, и днем, который он выбрал, было четырнадцатое июня, годовщина битвы при Маренго. После концерта, театра, бала и другого представления города и жителей Флоренции в саду, под военными палатками, задрапированными флагами и украшенными гербовыми группами и трофеями, был накрыт великолепный ужин, каждую даму сопровождал и обслуживал за столом офицер в форме. Когда король и королева Этрурии вышли из своей палатки, был выпущен воздушный шар, который огненными буквами вознес в небеса название Маренго.

Их Величества пожелали перед отъездом посетить главные государственные учреждения, поэтому их отвели в Музыкальную консерваторию, на заседание Института, о котором они, по-видимому, мало что понимали, и на Монетный двор, где в их честь была отчеканена медаль. Шапталь получил благодарность королевы за то, как он принимал и угощал своих королевских гостей, как в качестве члена Института, так и в качестве министра в своем отеле, а также за визиты, которые они совершали в различные учреждения столицы. Накануне своего отъезда король имел продолжительную личную беседу с Первым консулом; и хотя я не знаю, что произошло, я заметил, что, уходя, ни один из них, казалось, не был доволен другим. Однако у их Величеств, в целом, должно было сложиться самое благоприятное впечатление о том, как их приняли.

ГЛАВА VIII.

На всех празднествах, устраиваемых Первым консулом в честь их Величеств, короля и королевы Этрурии, мадемуазель Гортензия блистала тем блеском и грацией, которые делали ее гордостью своей матери и самым красивым украшением растущего двора Первого консула.

Примерно в это же время она пробудила самую бурную страсть в джентльмене из очень хорошей семьи, который был, я думаю, немного не в себе, прежде чем эта безумная любовь повлияла на его рассудок. Этот несчастный беспрестанно бродил по Мальмезону и, как только мадемуазель Гортензия выходила из дома, подбегал к ее экипажу с самыми живыми изъявлениями нежности и бросал в окно цветы, пряди своих волос и стихи собственного сочинения. Когда он пешком встретил мадемуазель Гортензию, он бросился перед ней на

колени тысячами страстных жестов, обращаясь к ней в самых ласковых выражениях, последовал за ней, несмотря на все сопротивление, даже во двор замка и предался всевозможным безумствам. Сначала мадемуазель Гортензия, молодая и веселая, была позабавлена выходками своего поклонника, прочла стихи, которые он адресовал ей, и показала их сопровождавшим ее дамам. Одного такого поэтического излияния было достаточно, чтобы вызвать смех (и можно ли ее винить?); но после первого взрыва смеха мадемуазель Гортензия, добрая и обаятельная, как ее мать, не преминула сказать с сочувственным выражением лица и тоном: "Бедняга, его очень жаль!" В конце концов, однако, назойливость бедного сумасшедшего возросла до такой степени, что стала невыносимой. Он подходил к дверям парижских театров, где ожидали мадемуазель Гортензию, и бросался к ее ногам, умоляя, плача, смеясь и жестикулируя одновременно. Это зрелище слишком позабавило толпу, чтобы долго развлекать мадемуазель де Богарне; и Карра было приказано увести беднягу, которого поместили, как я думаю, в частную лечебницу для умалишенных.

Мадемуазель Гортензия была бы слишком счастлива, если бы могла познать любовь только по тому абсурдному воздействию, которое она производила на этот больной мозг, поскольку таким образом она видела ее только в приятном и комическом аспекте. Но пришло время, когда она была вынуждена ощутить все, что есть болезненного и горького в переживании этой страсти. В январе 1802 года она вышла замуж за Луи Бонапарта, брата Первого консула, что было наиболее подходящим союзом с точки зрения возраста, поскольку Луи было двадцать четыре года, а мадемуазель де Богарне не больше восемнадцати; и тем не менее для обеих сторон это было началом долгих и нескончаемых горестей.

Луи, однако, был добрым и рассудительным, полным добрых чувств и интеллекта, прилежным и любящим литературу, как и все его братья (за исключением одного); но у него было слабое здоровье, он почти непрерывно страдал и отличался меланхолическим нравом. Все братья Первого консула более или менее походили на него своей внешностью, а Людовик все же больше остальных, особенно во времена консульства и до того, как император Наполеон так располнел. Но ни один из братьев императора не обладал тем внушительным видом и теми быстрыми и властными манерами, которые пришли к нему сначала инстинктивно, а затем из привычки командовать. У Людовика были мирные и скромные вкусы. Утверждалось, что на момент женитьбы он был глубоко привязан к человеку, имя которого установить не удалось и который, я думаю, до сих пор остается загадкой.

Мадемуазель Гортензия была чрезвычайно хорошенькой, с выразительным и подвижным лицом, и вдобавок к этому грациозной, талантливой и приветливой. Добросердечная и любезная, как ее мать, она не обладала тем чрезмерным желанием услужить, которое иногда умаляло характер мадам Бонапарт. Тем не менее, это та самая женщина, которую так возмутительно оклеветали злобные слухи, распространяемые жалкими скандалистами! Мое сердце переполняется отвращением и возмущением, когда я слышу, как такие отвратительные нелепости повторяются и разрозненно передаются по радио. Согласно этим честным фальсификаторам, Первый консул, должно быть, соблазнил дочь своей жены, прежде чем выдать ее замуж за собственного брата. Просто озвучить такое обвинение - значит понять всю его ложность. Я лучше, чем кто-либо другой, знал любовные похождения императора. В этих тайных связях он боялся скандала, ненавидел демонстрацию порока, и я могу подтвердить по чести, что приписываемые ему постыдные желания никогда не приходили ему в голову. Как и все остальные, кто был рядом с мадемуазель де Богарне, и поскольку он знал свою падчерицу

еще ближе, он испытывал к ней самую нежную привязанность; но это чувство было полностью отеческим, и мадемуазель Гортензия отвечала ему тем почтением, которое благородного происхождения молодая девушка испытывает к своему отцу. Она могла бы получить от своего отца все, что пожелала, если бы ее крайняя робость не помешала ей попросить; но вместо того, чтобы обратиться непосредственно к нему, она сначала прибегла к заступничеству секретаря и тех, кто окружал императора. Неужели она поступила бы именно так, если бы злые слухи, распространяемые ее врагами и императором, имели хоть малейшее основание?

До замужества Гортензия была привязана к генералу Дюроку, которому едва исполнилось тридцать лет, он обладал прекрасной фигурой и был любимцем главы государства, который, зная его благоразумие и сдержанность, доверял ему важные дипломатические миссии. Как адъютант Первого консула, дивизионного генерала и губернатора Тюильри, он долго жил в дружеских отношениях в Мальмезоне, был в домашней обстановке императора и во время вынужденных отлучек по долгу службы переписывался с мадемуазель Гортензией; и все же равнодушие, с которым он позволил состояться браку последней с Людовиком, доказывает, что он отвечал взаимностью, но лишь в слабой степени, на привязанность, которую он внушал. Несомненно, что он мог бы это сделать. Мадемуазель де Богарне была бы его женой, если бы он был готов принять условия, на которых Первый консул предлагал руку его падчерицы; но он ожидал чего-то лучшего, и его обычная осмотрительность изменила ему в то время, когда она должна была показать ему будущее, которое было легко предвидеть и рассчитано на удовлетворение честолюбия, еще более возвышенного, чем его собственное. Поэтому он решительно отказался, и мольбы мадам Бонапарт, которые уже оказали влияние на ее мужа, увенчались успехом.

Мадам Бонапарт, видевшая, что братья Первого консула относятся к ней так недружелюбно, пыталась сделать его семьей своей защитой от заговоров, которые постоянно собирались вокруг нее, чтобы отвратить ее от сердца мужа. Именно над этим замыслом она работала изо всех сил, чтобы добиться брака своей дочери с одним из ее зятеев.

Генерал Дюрок, несомненно, немедленно раскаялся в своем опрометчивом отказе, когда посыпались короны августейшей семьи, с которой он имел возможность вступить в союз; когда он увидел, что Неаполь, Испания, Вестфалия, Верхняя Италия, герцогства Парма, Лукка и т.д. Стали придатками новой императорской династии; когда сама красивая и грациозная Гортензия, которая так преданно любила его, взошла, в свою очередь, на трон, который она была бы только счастлива разделить с объектом своей юной привязанности. Что касается его, то он женился на мадемуазель Эрва д'Альменара, дочери банкира испанского двора. Это была маленькая женщина с очень смуглым цветом лица, очень худая и лишенная изящества, но, с другой стороны, весьма сварливого, надменного, требовательного и капризного нрава. Поскольку после замужества ей предстояло получить огромное приданое, Первый консул потребовал ее руки для своего старшего адъютанта. Я слышал, мадам Дюрок забывалась настолько, что била своих слуг и самым странным образом вела себя по отношению к людям, которые никоим образом не были ее изживенцами. Когда мсье Дюбуа пришел настроить ее пианино, к несчастью, она была дома и, сочтя шум, необходимый для этой операции, невыносимым, с величайшей яростью прогнала настройщика. Во время одного из таких необычных приступов она однажды сломала все клавиши его инструмента. В другой раз Мунье, часовщик императора и глава его профессии в Париже, вместе с Breguet, подарив ей часы очень большой ценности, которые мадам, герцогиня Фриульская, сама заказала, но которые ей

не понравились, она пришла в такую ярость, что в присутствии Мунье швырнула часы на пол, станцевала на них и разнесла на атомы. Она наотрез отказалась платить за это, и маршал был вынужден сделать это сам. Таким образом, недальновидность Дюрока, отказавшегося от руки Гортензии, вкупе с заинтересованными расчетами мадам Бонапарт привели к несчастью двух семей.

Портрет, который я набросал, и я искренне верю, что он, хотя и не является лестным, представляет собой всего лишь молодую женщину со всей импульсивностью испанского характера, избалованную, как единственная дочь, воспитанная во снисхождении и со всем пренебрежением, которое мешает образованию всех юных леди ее страны. Время умерило живость ее юности, и мадам, герцогиня Фриули, с тех пор показала пример самой верной преданности долгу и огромной силы духа в суровых испытаниях, которые ей пришлось пережить. В связи с потерей мужа, какой бы тяжелой она ни была, глори могла предложить вдове великого маршала хоть какое-то утешение. Но когда ее юная дочь, единственная наследница громкого имени и выдающегося титула, внезапно лишилась всех ожиданий и преданности своей матери, кто мог осмелиться предложить ей утешение? Если бы что-то и могло быть (во что я не верю), то это было бы воспоминание о заботах и нежности, которые материнская любовь расточала ей до последнего. Герцогине были неприятны такие воспоминания, в которых горечь смешивалась со сладостью.

Религиозная церемония бракосочетания Людовика и Гортензии состоялась 7 января в доме на улице Виктуар; и брак генерала Мюрата с Каролиной Бонапарт, который был признан только гражданскими властями, был освящен в тот же день. И Людовик, и его невеста были очень опечалены. Она горько плакала в течение всей церемонии, и ее слезы не скоро высохли. Она не делала никаких попыток завоевать расположение своего мужа, в то время как он, со своей стороны, был слишком горд и слишком глубоко уязвлен, чтобы преследовать ее своими ухаживаниями. Добрая Жозефина сделала все, что могла, чтобы примирить их; ибо она, должно быть, чувствовала, что этот союз, начавшийся так неудачно, был ее работой, в которой она пыталась совместить свои собственные интересы, или, по крайней мере, то, что она считала таковыми, и счастье своей дочери. Но ее усилия, так же как ее советы и молитвы, ничего не дали; и я много раз видел, как Гортензия искала уединения в своей комнате и сердца друга, чтобы излить там свои слезы. Слезы иногда текли из ее глаз даже посреди одного из приемов Первого консула, где мы с грустью наблюдали, как эта молодая женщина, блестящая и веселая, которая так часто изящно оказывала почести в подобных случаях и соблюдала все тонкости этикета, удалялась в угол или в амбразуру окна с одной из своих самых близких подруг, чтобы, к сожалению, сделать ее наперсницей своих испытаний. Во время этого разговора, после которого она поднялась с красными и опухшими глазами, ее муж оставался задумчивым и молчаливым в противоположном конце комнаты. Ее Величество, королеву Голландии, обвиняли во многих грехах; но все сказанное или написанное против этой принцессы отмечено постыдным преувеличением. Столь высокое состояние привлекало к ней все взоры и возбуждало жгучую зависть; и все же те, кто завидовал ей, не преминули бы оплакать себя, если бы их поставили на равное место при условии, что они будут нести ее горести. Несчастья королевы Гортензии начались с самой жизни. Ее отец был казнен на революционном эшафоте, а мать брошена в тюрьму, и, будучи еще ребенком, она оказалась одна и ни на что другое не могла положиться, кроме верности старых слуг семьи. Говорят, что ее брат, благородный и достойный принц Евгений, был вынужден служить подмастерьем. У нее было несколько лет счастья или, по крайней мере, покоя за то время, пока она находилась под опекой мадам

Кампан, и сразу после того, как она окончила школу-интернат. Но ее злая судьба была далека от того, чтобы оставить ее; и, когда ее желаниям не суждено было сбыться, несчастливый брак открыл для нее новую череду неприятностей. Смерть ее первого сына, которого император хотел усыновить и которого он намеревался сделать своим преемником в Империи, развод ее матери, трагическая смерть ее самой любимой подруги, мадам де Брок, которая на ее глазах скатилась с обрыва; свержение императорского трона, повлекшее за собой потерю титула и положения королевы, потерю, которую она, однако, переживала меньше, чем несчастья того, кого она считала своим отцом; и, наконец, постоянные семейные раздоры, из-за которых она потеряла своего отца. досадные судебные процессы и муки, которые она испытывала, видя, как ее старшего оставшегося в живых сына забирают у нее по приказу мужа, — таковы были главные катастрофы в жизни, которая, как можно было подумать, была обречена на такое счастье.

На следующий день после свадьбы мадемуазель Гортензии Первый консул отправился в Лион, где его ожидали депутаты Цизальпинской республики, собравшиеся для избрания президента. Повсюду на его пути его встречали празднествами и поздравлениями, которыми все стремились осыпать его в связи с тем, каким чудесным образом он избежал козней своих врагов. Это путешествие ничем не отличалось от поездок, которые он впоследствии совершал в качестве императора. По прибытии в Лион его посетили представители всех властей, учредительных органов, депутации из соседних департаментов и члены итальянских советов. Мадам Бонапарт, сопровождавшая его в этом путешествии, присутствовала вместе с ним на этих публичных мероприятиях и разделила с ним великолепный праздник, устроенный для него городом Лионом. В день, когда совет избрал и провозгласил Первого консула президентом Итальянской Республики, он произвел смотр войскам гарнизона на площади Брото и узнал в рядах многих солдат египетской армии, с которыми некоторое время беседовал. Во всех этих случаях первый консул был одет в тот же костюм, который он носил в Мальмезоне и который я описывал в другом месте. Он вставал рано, садился на лошадь и посещал общественные сооружения, в том числе на площади Белькур, краеугольный камень которой он заложил по возвращении из Италии, проезжал по площади Бротто, все осматривал и, как всегда неутомимый, по возвращении работал так, словно побывал в Тюильри. Он редко менял свою одежду, за исключением тех случаев, когда принимал за своим столом представителей власти или главных жителей города. Он принял все прошения самым любезным образом и перед отъездом преподнес мэру города почетный шарф, а папскому легату - красивую табакерку, украшенную его изображением.

Депутаты совета получили подарки и были очень щедры в их приготовлении, подарив мадам Бонапарт великолепные украшения из бриллиантов и драгоценных камней, а также другие самые ценные украшения.

Первый консул, прибыв в Лион, был глубоко опечален внезапной кончиной достойного прелата, которого он знал по своей первой кампании в Италии.

Архиепископ Миланский, несмотря на свой преклонный возраст, приехал в Лион, чтобы повидаться с Первым консулом, которого он любил с такой нежностью, что в разговоре почтенный старик постоянно обращался к молодому генералу "мой сын". Крестьяне Павии взбунтовались, потому что их фанатизм был возбужден ложными утверждениями о том, что

французы хотели уничтожить их религию, и архиепископ Милана, чтобы доказать беспочвенность их страхов, часто появлялся в карете с генералом Бонапартом.

Этот прелат хорошо перенес путешествие и выглядел в добром здравии и прекрасном расположении духа. Талейран, прибывший в Лион за несколько дней до первого консула, дал обед цизальпинским депутатам и главной знати города, на котором архиепископ Миланский сиделсправа от него. Едва он занял свое место и только наклонился вперед, чтобы заговорить с господином де Талейраном, как упал замертво в своем кресле.

12 января в городе Лион в честь Первого консула и мадам Бонапарт был устроен великолепный праздник, состоявший из концерта, за которым последовал бал. В восемь часов вечера три мэра в сопровождении распорядителей праздника нанесли визит своим знатым гостям во дворце правительства. Я могу представить, что снова вижу перед собой этот огромный амфитеатр, красиво украшенный и освещенный бесчисленными люстрами и свечами, сиденья задрапированы самыми дорогими тканями, изготовленными в городе, и заполнены тысячами женщин, некоторые из которых блистательны молодостью и красотой, и все великолепно разодеты. Местом проведения праздника был выбран театр, и при появлении Первого консула и мадам Бонапарт, которая шла, опираясь на руку одного из мэров, раздался гром аплодисментов и одобрительных возгласов. Внезапно декорации театра исчезли из виду, и появилась площадь Бонапарта (бывшая площадь Белькур) в том виде, в каком она была восстановлена по приказу Первого консула. В центре возвышалась пирамида, увенчанная статуей Первого консула, который был изображен восседающим на льве. На одной стороне изображены оружейные трофеи и барельефы, на другой - Маренго.

Когда первые восторги, возбужденные этим зрелищем, сразу напомнившим о благодеяниях и победах виновника торжества, улеглись, наступила глубокая тишина, и зазвучала восхитительная музыка вперемежку с песнями, посвященными во славу Первого консула, его жене, окружавшим его воинам и представителям италийских республик. Певцы и музыканты были любителями Лиона. Мадемуазель Лонге, почтмейстер Жербет и торговец Теодор, каждый из которых очаровательно исполнил свою роль, получили поздравления от Первого консула и самую любезную благодарность от мадам Бонапарт.

Что меня больше всего поразило в куплетах, которые были спеты по этому случаю и которые во многом напоминали все стихи, написанные для подобных случаев, так это то, что Первому консулу были поднесены благовония в тех самых выражениях, которые с тех пор по очереди использовали все поэты Империи. Все преувеличения лести были исчерпаны во время консульства, и в последующие годы поэтам приходилось часто повторяться. Так, в лионских двустушиях Первый консул был Богом победы, покорителем Нила и Нептуна, спасителем своей страны, миротворцем мира, арбитром Европы. Французские солдаты превратились в друзей и компаньонов Алсидеса и т.д., и все это выбивало почву из-под ног певцов будущего.

Лионский праздник закончился балом, который продолжался до рассвета, на котором первый консул пробыл два часа, которые провел в беседах с городскими властями. В то время как лучшие слои населения устраивали эти грандиозные развлечения для своих гостей, люди, несмотря на холод, предавались веселью и танцам на общественных площадях, и ближе к полуночи на площади Бонапарта был устроен великолепный фейерверк.

После того, как в Лионе прошло пятнадцать или восемнадцать дней, мы вернулись в Париж, причем первый консул и его жена по-прежнему предпочитали проживать в Мальмезоне. Я думаю, вскоре после возвращения Первого консула бедно одетый человек попросил аудиенции; был отдан приказ пропустить его в кабинет, и Первый консул поинтересовался его именем. "Генерал, - ответил проситель, напуганный его присутствием, - это я имел честь давать вам уроки письма в бриенской школе". — "Вы стали прекрасным учеником!" - яростно перебил его Первый консул. - "Я хвалю вас за это!" Затем он начал смеяться над собственной горячностью и обратился с несколькими добрыми словами к этому хорошему человеку, чью робость такой комплимент не успокоил. Через несколько дней после этого учитель получил от наименее многообещающего, несомненно, из всех своих учеников в Бриенне (вы знаете, как писал император) пенсию, вполне достаточную для его нужд.

Другой из старых учителей первого консула, аббат Дюпюи, был назначен им на должность частного библиотекаря в Мальмезоне, где жил и умер. Он был скромным человеком и слыл хорошо образованным. Первый консул часто навещал его в его комнате и оказывал ему всевозможное внимание и уважение.

ГЛАВА IX.

В день, когда Первый консул обнародовал закон об общественном богослужении, он встал рано и пошел в гардеробную, чтобы совершить свой туалет. Пока он одевался, я увидел, как Жозеф Бонапарт вошел в его комнату вместе с Камбасересом.

"Что ж, - сказал Первый консул последнему, - мы идем на мессу. Что думают об этом в Париже?" — "Многие люди, - ответил г-н Камбасерес, - пойдут на представление с намерением прошипеть пьесу, если они не найдут ее забавной".

- Если кто-нибудь вздумает шипеть, я прикажу гренадерам Консульской гвардии выставить его за дверь.

- А если гренадеры начнут шипеть, как остальные?

- Я этого не боюсь. Мои старые солдаты пойдут в Нотр-Дам точно так же, как они ходили в мечеть в Каире. Они будут наблюдать за мной; и, видя, что их генерал остается спокойным и почтительным, они поступят так же, как он, сказав себе: "Это знак отличия!"

- Боюсь, - сказал Жозеф Бонапарт, - что генералы не будут столь любезны. Я только что покинул Ожеро, который изрыгал огонь и ярость против того, что он называет вашими капризными заявлениями. Его и еще нескольких человек будет нелегко вернуть в лоно нашей святой матери, церкви".

"Ба! это похоже на Ожеро. Он скандалист, который поднимает большой шум; и все же, если у него есть маленький слабоумный кузен, он отдает его в колледж священников, чтобы я сделал из него капеллана.

"Это напомнило мне, - продолжал первый консул, обращаясь к своему коллеге, - когда ваш брат собирается вступить во владение своим Руанским престолом? Вы знаете, что там находится лучший архиепископский дворец во Франции? Не пройдет и года, как он станет кардиналом; этот вопрос уже решен".

Второй консул поклонился. С этого момента его обращение к Первому консулу было скорее придворным, чем равным.

Уполномоченными, которые были назначены для рассмотрения и подписания Конкордата, были Жозеф Бонапарт, Круэ и аббат Бернье. Этот последний, которого я иногда видел в Тюильри, был вождем шуанов (шуаны были роялистами во время восстания в Бретани.) и принимал видное участие во всем, что происходило. Первый консул в этой самой беседе, начало которой я только что изложил, обсуждал со своими двумя спутниками тему совещаний по Конкордату. "Абби Бернье, - сказал первый консул, - внушал страх итальянским прелатам горячностью своей логики. Можно было бы сказать, что он воображал, будто заново переживает те дни, когда он вел "вандейцев" в атаку на "синих". Ничто не могло быть более разительным, чем контраст его грубых и сварливых манер с безупречной осанкой и медоточивым тоном прелатов. Кардинал Капрара пришел ко мне два дня назад с потрясенным видом, чтобы спросить, правда ли, что во время Вандейской войны аббат Бернье соорудил из трупов республиканцев алтарь, на котором можно было отслужить мессу. Я ответил, что ничего об этом не знаю, но что это возможно. - Генерал, первый консул, - воскликнул испуганный кардинал, - это не красная шляпа, а красная шапочка, которая должна быть у этого человека?

"Я очень боюсь, - продолжал Первый консул, - что такая шапочка помешает аббату Бернье получить красную шляпу".

Эти джентльмены покинули Первого консула, когда он закончил свой туалет, и отправились приводить себя в порядок. Первый консул был одет в тот день в костюм консулов, который состоял из алого плаща без подкладок и с широкой золотой вышивкой в виде пальм по всем швам. Его меч, который он носил в Египте, висел у него на боку на поясе, который, хотя и был не очень широким, был прекрасной работы и богато расшит. Он носил свой черный шарф, предпочитая кружевной шейный платок, и, как и его коллеги, носил бриджи до колен и туфли; французская шляпа с развевающимися трехцветными плюмажами дополняла этот богатый костюм.

Празднование этого таинства в Соборе Парижской Богоматери было новым зрелищем для парижан, и многие присутствовали на нем так, словно это было театральное представление. Многие также, особенно среди военных, сочли это скорее насмешкой, чем назиданием; и те, кто во время Революции приложил все свои силы к ниспровержению культа, который только что восстановил Первый консул, с трудом скрывали свое негодование и досаду.

Простые люди видели в "Te Deum", который пели в тот день за мир и Конкордат, лишь дополнительное удовлетворение своего любопытства; но среди средних классов было большое количество благочестивых людей, которые глубоко сожалели об упразднении тех форм богослужения, в которых они были воспитаны, и которые были очень счастливы вернуться к

старому богослужению. И действительно, тогда не было ни одного проявления суеверия или фанатизма, достаточного, чтобы встревожить врагов нетерпимости.

Духовенство чрезвычайно следило за тем, чтобы не казаться слишком требовательным; они мало требовали, никого не осуждали; и представитель Святого Отца, кардинал-легат, нравился всем, за исключением, возможно, нескольких недовольных старых священников, своей снисходительностью, светским изяществом своих манер и свободой своего поведения. Этот прелат был полностью согласен с Первым консулом и получал большое удовольствие от беседы с ним.

Несомненно также, что помимо всех религиозных чувств, верность людей своим древним обычаям заставила их с удовольствием вернуться к отдыху и празднованию воскресенья. Республиканский календарь, несомненно, был составлен с умом; но каждый с первого взгляда поражается нелепости замены легенды о святых старого календаря днями осла, свиньи, репы, лука и т. Д. Кроме того, если она была искусно вычислена, то ни в коем случае не была удобно разделена. Я вспоминаю по этому поводу замечание человека большого ума, который, несмотря на неодобрение, подразумевавшееся в его замечании, тем не менее желал установления республиканской системы везде, кроме альманаха. Когда был опубликован декрет Конвента, предписывающий принять республиканский календарь, он заметил: "Они прекрасно справились, но им приходится бороться с двумя врагами, которые никогда не сдаются, - бородой и белой рубашкой".

[То есть парикмахер и прачка, для которых десять дней были слишком долгим промежутком. — пер.]

Правда в том, что интервал от одного десятилетия к другому был слишком долгим для рабочих классов и для всех тех, кто был постоянно занят. Я не знаю, было ли это следствием глубоко укоренившейся привычки, но люди, привыкшие работать шесть дней подряд и отдыхать на седьмой, находили девять дней последовательного труда слишком долгими, и, следовательно, отмена декады получила всеобщее одобрение. Указ, предписывавший обнародовать запреты на бракосочетание в воскресенье, не был столь популярен, поскольку некоторые люди боялись усмотреть в этом возрождение прежнего господства духовенства над гражданскими властями.

Через несколько дней после торжественного восстановления католического богослужения в Тюильри прибыл генерал, который, возможно, предпочел бы установление Магомета и превращение Собора Парижской Богоматери в мечеть. Он был последним главнокомандующим египетской армией и, как говорили, стал мусульманином в Каире, бывшим бароном де Мену. Несмотря на поражение от англичан, которое он недавно потерпел в Египте, генерал Абдалла-Мену был хорошо принят первым консулом, который вскоре после этого назначил его генерал-губернатором Пьемонта. Генерал Мену отличался испытанным мужеством и доказал это не только на поле боя, но и в самых тяжелых обстоятельствах.

После 10 августа, хотя он и принадлежал к республиканской партии, он сопровождал Людовика Шестнадцатого на Ассамблею и был осужден якобинцами как роялист. В 1795 году Сент-Антуанское предместье массово восстало и выступило против Конвента, генерал Мену окружил и разоружил мятежных горожан; но он отказался подчиниться жестоким приказам комиссаров Конвента, которые постановили сжечь все предместье, чтобы наказать жителей за их непрекращающиеся восстания. Некоторое время спустя, после того как он снова отказался

подчиниться приказу, отданному этими комиссарами Конвента, расстрелять картечью парижских повстанцев, он был вызван в комиссию, которая непременно отправила бы его на гильотину, если бы генерал Бонапарт, сменивший его на посту командующего внутренней армией, не использовал все свое влияние, чтобы спасти ему жизнь. Таких повторяющихся актов мужества и великодушия достаточно, и более чем достаточно, чтобы заставить нас простить этому храброму офицеру вполне естественную гордость, с которой он хвастался тем, что вооружил Национальную гвардию и заменил белый флаг трехцветным. Трехцветный цвет он назвал моим флагом. Отправительства Пьемонта он перешел к правительству Венеции и умер в 1810 году из-за любви к актрисе, за которой последовал из Венеции в Реджо, несмотря на свои шестьдесят лет.

Учреждению ордена Почетного легиона за несколько дней предшествовало провозглашение пожизненного консульства, которое было приурочено к празднику, отмечаемому 15 августа. Это была годовщина со дня рождения Первого консула, и эта возможность была использована для того, чтобы впервые провести в честь этой годовщины фестиваль. В тот день Первому консулу исполнилось тридцать три года.

В октябре следующего месяца я отправился с Первым консулом в его путешествие по Нормандии, где мы остановились в Иври, и Первый консул посетил поле боя. Прибыв туда, он сказал: "Почти память лучшего француза, который когда-либо сидел на троне Франции", - и приказал восстановить колонну, которая была воздвигнута ранее в память о победе, одержанной Генрихом Четвертым. Читатель, возможно, пожелает прочесть здесь надписи, которые были выгравированы по его приказу на четырех гранях пирамиды.

Первая надпись. НАПОЛЕОН БОНАПАРТ, ПЕРВЫЙ КОНСУЛ, В ПАМЯТЬ ГЕНРИХА ЧЕТВЕРТОГО, ОДЕРЖАВШЕГО ПОБЕДУ НАД ВРАГАМИ ГОСУДАРСТВА НА ПОЛЕ ИВРИ, 14 МАРТА 1590 ГОДА.

Вторая надпись. ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ ЛЮБЯТ СЛАВУ ТЕХ, КТО ПОХОЖ НА НИХ.

Третья надпись. 7-ГО БРЮМЕРА XI ГОДА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НАПОЛЕОН БОНАПАРТ, ПЕРВЫЙ КОНСУЛ, ПОСЕТИВ ЭТО ПОЛЕ, ПРИКАЗАЛ ВОССТАНОВИТЬ ПАМЯТНИК, ПРИЗВАННЫЙ УВЕКОВЕЧИТЬ ПАМЯТЬ ГЕНРИХА IV И ПОБЕДУ При ИВРИ.

Четвертая надпись. БЕДСТВИЯ, ПЕРЕЖИТЫЕ ФРАНЦИЕЙ В ЭПОХУ БИТВЫ При ИВРИ, БЫЛИ РЕЗУЛЬТАТОМ ОБРАЩЕНИЯ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН ВО ФРАНЦИИ К ИСПАНИИ И АНГЛИИ. КАЖДАЯ СЕМЬЯ, КАЖДАЯ ПАРТИЯ, ПРИЗЫВАЮЩАЯ НА ПОМОЩЬ ИНОСТРАННЫЕ ДЕРЖАВЫ, ЗАСЛУЖИЛА И БУДЕТ ЗАСЛУЖЕНА ДЛЯ САМЫХ ОТДАЛЕННЫХ ПОТОМКОВ ПРОКЛЯТИЯ ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА.

Все эти надписи с тех пор были стерты и заменены следующей: "На этом месте стоял Генрих Четвертый в день битвы при Иври, 14 марта 1590 года".

Месье Ледье, мэр Иври, сопровождал первого консула в этой поездке; и первый консул провел с ним долгую беседу, которая, по-видимому, произвела на него приятное впечатление. У него сложилось не слишком хорошее мнение о мэре Эвре, и он резко прервал его посреди лестной речи, которую этот достойный судья пытался произнести перед ним, спросив, знает ли он своего коллегу, мэра Иври. "Нет, генерал", - ответил мэр. "Что ж, тем хуже для вас; я надеюсь, вы с ним познакомитесь".

Также в Эвре высокопоставленный чиновник позабавил мадам Бонапарт и ее свиту наивностью, которую один только Первый консул не находил забавной, потому что ему не нравилась такая простота, проявляемая чиновником. Месье де Ш. оказывал почести провинциального городка жене Первого консула, и это, несмотря на его возраст, с большим рвением и активностью; и мадам Бонапарт, среди прочих вопросов, которые ее обычная доброта и изящество подсказали ей, спросили его, женат ли он и есть ли у него семья. "В самом деле, мадам, я бы так и подумал", ответил месье де Ш. с улыбкой и поклоном: "Да здравствуют ваши друзья". — "О боже, - воскликнула мадам Бонапарт, - какой полк! Это невероятно; что, сударь, захватите enfants?" — "Да, сударыня, cinq-z-enfants, cinq-z-enfants", - повторил чиновник, который не видел в этом ничего особенного и удивлялся изумлению, проявленному мадам Бонапарт. Наконец кто-то объяснил ей ошибку, которую заставила ее совершить опасная связь г-на де Ш., и добавил с комической серьезностью: "Соблаговолите, мадам, извинить г-на де Ш. Революция прервала его занятия". Ему было более шестидесяти лет.

Из Эвре мы отправились в Руан, куда прибыли в три часа пополудни. Шапталъ, министр внутренних дел, Бенъо, префект департамента, и Камбасерес, архиепископ Руана, приехали встретить первого консула на некотором расстоянии от города. Мэр Фонтенэ ждал у ворот и вручил ключи. Первый консул некоторое время подержал их в руках, а затем вернул мэру, сказав ему достаточно громко, чтобы его услышала толпа, окружившая карету:

"Граждане, я не могу доверить ключи от города никому лучше, чем достойному магистрату, который столь достойно пользуется моим доверием и вашим собственным", - и усадил Фонтенэ в свою карету, сказав, что желает почтить Руан в лице его мэра.

Мадам Бонапарт ехала в экипаже со своим мужем; генерал Монси, генеральный инспектор полиции, верхом справа; во втором экипаже ехали генерал Сульт и его адъютанты; в третьем экипаже - генерал Бессьер и господин де Люге; в четвертом - генерал Лористон; затем следовали экипажи личной свиты, Амбар, Эбер и я находились в первом.

Невозможно дать представление об энтузиазме жителей Руана по поводу прибытия Первого консула. Рыночные носильщики и лодочники в пышных костюмах ожидали нас за городом; и когда показалась карета, в которой находились две августейшие особы, эти храбрецы выстроились в шеренгу по двое и таким образом предшествовали экипажу до гостиницы префектуры, где вышел Первый консул. Префект и мэр Руана, архиепископ и генерал, командующий дивизией, обедали с Первым консулом, который во время трапезы проявлял самое приятное оживление и с большой заботой расспрашивал о состоянии мануфактур, о новых открытиях в области мануфактурного искусства, фактически обо всем, что касалось процветания этого города, который был по существу промышленным.

Вечером и почти всю ночь огромная толпа окружала отель и заполняла сады префектуры, которые были освещены и украшены аллегорическими транспарантами в честь Первого консула; и каждый раз, когда он появлялся на террасе сада, воздух оглашался аплодисментами и одобрительными возгласами, которые, по-видимому, доставляли ему наибольшее удовольствие.

На следующее утро, совершив верхом экскурсию по городу и посетив величественные места, которыми он окружен, Первый консул прослушал мессу, которую архиепископ отслужил в одиннадцать часов в часовне префектуры. Час спустя ему пришлось принимать генеральный

совет департамента, совет префектуры, муниципальный совет, духовенство Руана и суды справедливости, и ему пришлось выслушать полдюжины речей, высказанных почти в одних и тех же выражениях, и на которые он отвечал таким образом, чтобы дать ораторам самое высокое мнение об их собственных заслугах. Все эти тела, покинув Первого консула, были представлены мадам Бонапарт, которая приняла их со своей обычной любезностью, в тот вечер, когда мадам Бонапарт устроила прием для жен чиновников, на котором присутствовал Первый консул, и некоторые воспользовались этим, чтобы представить ему нескольких эмигрантов, которые недавно вернулись по акту амнистии, и которых он принял любезно.

После чего последовали толпы, иллюминация, возгласы, все те же, что и накануне вечером. У всех был радостный вид, который приводил меня в восторг и странно контрастировал, как мне показалось, с ужасными деревянными домами, узкими, грязными улочками и готическими зданиями, которыми тогда отличался город Руан.

В понедельник, 1 ноября, в семь часов утра Первый консул сел на коня и в сопровождении отряда городской молодежи, составлявшего добровольческую гвардию, миновал лодочный мост и достиг предместья Сен-Север. Когда он вернулся с этой экскурсии, мы нашли толпу, ожидавшую его у начала моста, откуда они сопровождали его в отель префектуры, проявляя живейшую радость.

После завтрака архиепископ отслужил торжественную мессу по случаю праздника Всех Святых; затем выступили ученые общества, главы администрации и мировые судьи со своими речами, одна из которых содержала замечательную фразу, в которой эти добрые магистраты в своем энтузиазме просили разрешения Первого консула присвоить ему звание великого мирового судьи Европы. Когда они выходили из квартиры консула, я заметил их представителя; в его глазах стояли слезы, и он с гордостью повторял ответ, который только что получил.

Я сожалею, что не помню его имени, но мне сказали, что он был одним из самых уважаемых людей в Руане. Его лицо внушало доверие и носило выражение откровенности, которое расположило меня в его пользу.

Вечером Первый консул отправился в театр, который был забит до потолка и представлял собой очаровательное зрелище. Муниципальные власти подготовили восхитительный праздник, который пришелся по вкусу первому консулу и по поводу которого он несколько раз делал комплименты префекту и мэру. Став свидетелем открытия бала, он сделал два или три оборота по залу и удалился в сопровождении сотрудников Национальной гвардии.

Во вторник большую часть дня Первый консул провел в посещении мастерских многочисленных фабрик города в сопровождении министра внутренних дел, префекта, мэра, генерала, командующего дивизией, генерального инспектора полиции и сотрудников консульской охраны. На фабрике в предместье Сен-Север министр внутренних дел представил ему декана рабочих, известного как соткавший первый кусок бархата во Франции; и первый консул, похвалив этого почтенного старика, назначил ему пенсию. Другие награды и поощрения были также розданы нескольким лицам, чьи полезные изобретения вызвали общественную благодарность.

В среду рано утром мы отправились в Эльбеф, куда прибыли в десять часов, в сопровождении шестидесяти молодых людей из самых знатных семей города, которые, следуя примеру жителей Руана, стремились к чести составить гвардию Первого консула.

Местность вокруг нас была покрыта неисчислимым множеством народа, собранного из всех окрестных коммун. Первый консул остановился в Эльбефе, в доме мэра, где позавтракал, а затем подробно осмотрел город, повсюду получая информацию; и, зная, что одним из первых желаний горожан было строительство дороги из Эльбефа в небольшой соседний городок под названием Ромийи, он отдал приказ министру внутренних дел немедленно приступить к работам.

В Эльбефе, как и в Руане, Первого консула осыпали почестями и благословениями; и мы вернулись из этого последнего города в четыре часа пополудни.

Купцы Руана устроили праздник в зале Фондовой биржи, на котором первый консул и его семья присутствовали после обеда. Он долгое время оставался на первом этаже этого здания, где были выставлены великолепные образцы промышленности этого Департамента. Он все осмотрел и заставил мадам Бонапарт сделать то же самое, и она также купила несколько кусков ткани.

Затем первый консул поднялся на второй этаж, где в большом салоне собралось около сотни дам, замужних и незамужних, и почти все хорошенькие, жены и дочери крупнейших купцов Руана, которые ждали, чтобы сделать ему комплимент. Он уселся в этом очаровательном кругу и оставался там примерно с четверть часа; затем перешел в другую комнату, где его ожидало исполнение небольшой пословицы, содержащей двустушия, выражающие, как можно себе представить, привязанность и благодарность жителей Руана. За этой игрой последовал бал.

В четверг вечером Первый консул объявил, что он выедет в Гавр на следующее утро на рассвете; и ровно в пять часов меня разбудил Эбер, который сказал, что в шесть часов мы отправимся в путь. Я проснулся с плохим самочувствием, меня тошнило весь день, и я бы многое отдал, чтобы поспать еще несколько часов; но мы были вынуждены тронуться в путь. Прежде чем сесть в свою карету, Первый консул подарил монсеньору архиепископу табакерку со своим портретом, а также мэру города, на которой была надпись "Французский народ".

Мы остановились в Кодебеке позавтракать. Мэр этого города представил Первому консулу капрала, который участвовал в итальянской кампании (кажется, его звали Руссель) и который получил почетный меч в награду за свое храброе поведение при Маренго. Он находился в Кодебеке в полугодовом отпуске и попросил разрешения Первого консула быть часовым у дверей апартаментов августейших путешественников, что было получено; и после того, как Первый консул и мадам Бонапарт уселись за стол, послали за Русселем и пригласили его позавтракать со своим бывшим генералом. Таким образом, в Гавре и Дьеппе Первый консул пригласил к своему столу всех солдат или матросов, получивших почетные ружья, сабли или абордажные топоры. Первый консул остановился на час в Больбеке, проявляя большое внимание и интерес к осмотру продукции промышленности района, похвалив проходивших перед ним почетных стражей за их прекрасный внешний вид, поблагодарив духовенство за молитвы за него, которые они обращали к Небесам, и оставив бедным, либо в их собственные руки, либо в руки мэра, сувениры о своем пребывании. По прибытии Первого консула в Гавр город был иллюминирован, и Первый консул и его многочисленный кортеж прошли между двумя рядами иллюминаций и всевозможных огненных столбов. Суда в порту казались охваченным пожаром лесом; они были освещены цветными лампами до самых верхушек своих мачт. В день своего прибытия в Гавр первый консул принял лишь часть городских властей и вскоре после этого удалился, сказав, что устал; но в шесть часов утра следующего дня он был

уже верхом и до двух часов дня проехал более лиги вдоль морского побережья и невысоких холмов Ингувиля и берегов Сены до утесов Хок. Он также совершил экскурсию за пределы цитадели. Около трех часов дня Первый консул начал принимать представителей власти. Он подробно рассказал им о работе, проделанной в этом месте для того, чтобы их порт, который он всегда называл парижским, достиг наивысшей степени процветания, и оказал честь супрефекту, мэру, двум председателям трибуналов, коменданту города и начальнику десятой полубригады легкой пехоты, пригласив их к своему столу.

Вечером Первый консул отправился в театр, где сыграли пьесу, сочиненную специально для этого случая, почти такую же замечательную, какими обычно бывают подобные пьесы, но за которую Первый консул и мадам Бонапарт особенно похвалили авторов. Иллюминация была даже более яркой, чем накануне вечером; и я особенно запомнил, что на самом большом количестве диапозитивов была надпись "18 Брюмера, viii год".

В воскресенье, в семь часов утра, после посещения Морского арсенала и всех доков, при очень хорошей погоде Первый консул сел на небольшую баржу и несколько часов оставался на рейде в сопровождении большого количества барж, заполненных мужчинами и элегантно одетыми женщинами, и музыкантов, исполнявших любимые мелодии Первого консула. Затем несколько часов снова прошли в приеме купцов, причем Первый консул заверил их, что он получил величайшее удовольствие, посоветовавшись с ними относительно торговли Гавра с колониями. Вечером купцы устроили праздник, на котором первый консул пробыл полчаса; а в понедельник, в пять часов утра, он сел на люггер, направлявшийся в Онфлер. Во время его отъезда погода была немного испорченной, и Первому консулу посоветовали не садиться на корабль. Мадам Бонапарт, до ушей которой дошел этот слух, побежала за своим мужем, умоляя его не пускаться в путь; но он обнял ее, смеясь, обозвав трусихой, и сел на ожидавший его корабль. Едва он поднялся на борт, как ветер внезапно стих, и погода стала очень хорошей. По возвращении в Гавр Первый консул устроил смотр на площади Цитадели и посетил артиллерийские казармы, после чего до вечера принимал большое количество государственных сановников и купцов; а на следующий день, в шесть часов утра, мы отправились в Дьепп.

Когда мы прибыли в Фекамп, город представлял собой чрезвычайно необычное зрелище. Все жители города и прилегающих городков и деревень последовали за духовенством, распевая "Те Деум" в годовщину 18 Брюмера; и эти бесчисленные голоса, возносящиеся к небесам в его честь, глубоко тронули Первого консула. За завтраком он несколько раз повторил, что, услышав эти песнопения под небесным сводом, испытал больше эмоций, чем когда-либо, слушая самую блестящую музыку.

Мы прибыли в Дьепп в шесть часов вечера. Первый консул удалился только после того, как получил все их поздравления, которые, безусловно, были там очень искренними, как и во всей Франции в то время. На следующий день, в восемь часов, Первый консул отправился в гавань, где долго оставался, наблюдая за возвращением рыбаков, а затем посетил предместье Полле и работы в доках, которые тогда только начинались. Он пригласил к своему столу супрефекта, мэра и трех матросов из Дьеппа, награжденных почетными абордажными топорами за то, что отличились в бою у берегов Булони. Он приказал построить волнорез во внутреннем порту и продолжить судоходный канал, который предполагалось расширить до Парижа и от которого до настоящего времени осталось всего несколько морских сажений. Из Дьеппа мы отправились в

Жизор и в Бове; и, наконец, Первый консул и его жена вернулись в Сен-Клу после двухнедельного отсутствия, в течение которого рабочие были усердно заняты восстановлением древней королевской резиденции, которую Первый консул решил принять, как я уже говорил.

ГЛАВА X.

Поездка Первого консула по самым богатым и просвещенным департаментам Франции изгнала из его головы опасения многих трудностей, которых он опасался поначалу при осуществлении своих планов. Повсюду к нему относились как к монарху, и не только к нему лично, но и к мадам Бонапарт, которую принимали со всеми почестями, обычно предназначенными для коронованных особ. Не было никакой разницы между почтением, оказанным им в то время, и тем, которое они получили позже, даже во времена Империи, когда их Величества в разное время совершали поездки по своим государствам. По этой причине я приведу некоторые подробности; и если они покажутся вам слишком длинными или не очень оригинальными, читатель вспомнит, что я пишу не только для тех, кто жил во времена Империи. Поколение, которое было свидетелем таких великих деяний и которое на их глазах с самого начала своей карьеры видело величайшего человека этого столетия, уже уступило место другому поколению, которое может судить о нем только по тому, что другие могут рассказывать о нем. То, что может быть знакомо тем, кто видел своими глазами, не является таковым для других, которые могут воспринимать только из вторых рук те вещи, которые у них не было возможности увидеть своими глазами. Кроме того, детали, опущенные историей как несерьезные или банальные, что придает профессии большую серьезность, вполне уместны в простых мемуарах и часто позволяют более правильно понять эпоху и судить о ней. Например, мне кажется, что энтузиазм, проявленный всем населением и всеми местными властями по отношению к Первому консулу и его жене во время их поездки по Нормандии, ясно показал, что глава государства не встретит большого сопротивления со стороны страха, тем более со стороны нации, когда ему заблагорассудится сменить свой титул и провозгласить себя императором.

Вскоре после нашего возвращения указом консулов к мадам Бонапарт были приставлены четыре дамы, чтобы помогать ей оказывать дворцовые почести. Это были мадам де Ремюза, де Таллуэ, де Люсе и де Лористон. При империи они стали фрейлинами. Мадам де Лористон часто вызывала улыбку небольшими проявлениями скупости, но она была доброй и услужливой. Мадам де Ремюза обладала большими достоинствами и здравым смыслом, хотя и казалась несколько надменной, что было тем более примечательно, что г-н де Ремюза был полной противоположностью. Впоследствии появилась еще одна знатная дама, мадам де Ларошфуко, о которой у меня будет возможность поговорить позже.

Даму мантий, мадам де Люсе, сменила мадам Ла Валлетт, впоследствии столь прославившаяся своей преданностью мужу. Было двадцать четыре французские фрейлины, среди которых были мадам де Ремюза, де Таллуэ, де Лористон, Ней, д'Арберг, Луиза д'Арберг (впоследствии графиня Лобау), де Уолш-Серент, де Кольбер, Ланн, Савари, де Тюренн, Октав де Сегюр, де Монталиве, де Мареско, де Буйе Солар, Ласкари, де Бриньоль, де Канизы, де Шеврез, Виктор де Мортемар, де Монморанси, Матиньон и Марет. Там также были двенадцать придворных дам-итальянок.

Эти дамы служили по очереди по одному месяцу каждая, таким образом, вместе дежурили две француженки и одна итальянка. Император сначала не допускал незамужних дам в число фрейлин; но он смягчил это правило сначала в пользу мадемуазель Луизы д'Арберг (впоследствии графини Лобау), а затем в пользу мадемуазель де Люсе, которая с тех пор вышла замуж за графа Филиппа де Сегюра, автора превосходной истории военной кампании в России; и эти две молодые леди своим благоразумием и осмотрительным поведением доказали, что они выше критики даже при дворе.

Там были четыре дамы-билетерши: мадам Сустра, Дюкрест-Вильнев, Фелиситэ Лонгрой и Эгле Марчери.

Две горничные первой леди, мадам Рой и Марко де Сент-Илер, на попечении которых были парадный гардероб и шкатулка с драгоценностями.

Там были обычные горничные четырех дам.

Читательница.

В штат двора императрицы входили следующие лица: главный конюший, сенатор Харвилл, исполнявший обязанности кавалера почета.

Главный камергер, дивизионный генерал Нансути.

Вице-камергер, представитель послов, де Бомон.

Четыре ординарных камергера: де Куртомер, Деграв, Галар де Беарн, Эктор д'Обюссон де ла Фейяд.

Четыре конюших: Корбино, Беркхайм, д'Оденард и Фоулер.

Генеральный суперинтендант двора ее Величества Хингуэрло.

Министр командования Дешам.

Два главных камердинера, Фрер и Дувиль.

Обычные четыре камердинера.

Слуги - четверо мужчин.

Два старших лакея, Л'Эсперанс и д'Аржанс. Шесть обычных лакеев. Кухонный и санитарный персонал был таким же, как и в доме императора; и, кроме того, при императрице постоянно находились шесть императорских пажей.

Главным раздавателем милостыни был Фердинанд де Роган, бывший архиепископ Камбрэ.

Другим указом от той же даты были установлены обязанности дворцовых префектов. Четырьмя главными префектами консульского дворца были де Ремюза, де Крайамель (впоследствии назначенный представителем послов и церемониймейстером), де Люге и Дидло. Последний впоследствии стал префектом департамента Шер.

Мальмезона было уже недостаточно для первого консула, двор которого, как и двор мадам Бонапарт, с каждым днем становился все многочисленнее. Возникла необходимость в гораздо большем здании, и первый консул остановил свой выбор на Сен-Клу.

Жители Сен-Клу обратились с петицией к Законодательному корпусу, молясь о том, чтобы Первый консул сделал их замок своей летней резиденцией; и этот орган поспешил передать ему петицию, добавив свои молитвы того же содержания и приведя сравнения, которые, по их мнению, были бы ему приятны. Генерал официально отказался, заявив, что, когда он закончит выполнение обязанностей, возложенных на него народом, он сочтет за честь получить любое вознаграждение, которым его наградит народная воля; но пока он глава правительства, он ничего не примет.

Несмотря на решительный тон этого ответа, жители деревни Сен-Клу, которые были больше всего заинтересованы в удовлетворении петиции, возобновили ее, когда Первый консул был избран пожизненным консулом; и тогда он согласился принять ее. Расходы на ремонт и меблировку были огромными и значительно превысили расчеты, которые были сделаны для него; тем не менее, он не был удовлетворен ни мебелью, ни украшениями и пожаловался Шарве, консьержу в Мальмезоне, которого он назначил на ту же должность в новом дворце и которому он поручил общий надзор за меблировкой и расстановкой мебели, что он оборудовал апартаменты, подходящие только для любовницы, и что в них были только безделушки и блески, и ничего существенного. И в этот раз он дал еще одно доказательство своего обычного желания творить добро, несмотря на предрассудки, которые еще не израсходовали своей силы. Зная, что в Сен-Клу находится большое количество бывших слуг королевы Марии-Антуанетты, он поручил Шарве предложить им либо их старые места, либо пенсии, и большинство из них вернулись на свои прежние должности. В 1814 году бурбоны действовали далеко не столь великодушно, поскольку уволили всех служащих, даже тех, кто служил Марии-Антуанетте.

Первый консул пробыл в Сен-Клу совсем недолго, когда замок, который, таким образом, за огромные деньги снова стал резиденцией монарха, едва не стал жертвой пожара. Караульное помещение находилось под вестибюлем, в центре дворца; и однажды ночью, когда солдаты развели необычайно большой огонь, печь стала такой горячей, что загорелся диван, спинка которого касалась одного из дымоходов, обогревавших салон, и игры быстро распространились на другую мебель. Дежурный офицер, заметив это, немедленно сообщил об этом консьержу, и они вместе побежали в комнату генерала Дюрока и разбудили его. Генерал поспешно поднялся и, приказав соблюдать полную тишину, выстроил людей в цепь. Он занял свою позицию у бассейна вместе с консьержем и оттуда два или три часа поливал солдат водой, по истечении которых пожар был потушен, но только после того, как пожрал всю мебель; и только на следующее утро Первый консул, Жозефина, Гортензия, короче говоря, все остальные обитатели замка, узнали о происшествии, и все они, особенно Первый консул, выразили свою признательность за проявленное внимание, не потревожившее их.

Чтобы предотвратить или, по крайней мере, снизить вероятность подобных происшествий в будущем, Первый консул организовал ночную охрану в Сен-Клу, а впоследствии сделал то же самое во всех своих резиденциях; эта охрана получила название "дозор".

Во время своего раннего пребывания в Сен-Клу Первый консул спал в одной постели со своей женой; впоследствии этикет запретил это; в результате супружеская привязанность несколько охладилась, и в конце концов Первый консул занял апартаменты на некотором расстоянии от апартаментов мадам Бонапарт. Чтобы добраться до ее комнаты, нужно было пересечь длинный коридор, справа и слева от которого располагались комнаты фрейлин, служанок и т.д. Когда он хотел провести ночь со своей женой, он раздевался в своей комнате и выходил оттуда в халате и ночном колпаке, а я шел впереди него со свечой. В конце этого коридора лестница из пятнадцати или шестнадцати ступенек вела в апартаменты мадам Бонапарт. Для нее было большой радостью принять визит своего мужа, и на следующее утро все были уведомлены об этом. Я так и вижу, как она потирает свои маленькие ручки, говоря: "Я сегодня поздно встала; но, видите ли, это потому, что Бонапарт провел со мной ночь". В такие дни она была более любезна, чем когда-либо, никому не отказывала, и все получали все, что просили. Я сам много раз испытывал доказательства этого.

Однажды вечером, когда я сопровождал Первого консула в один из таких визитов к его жене, мы заметили в коридоре красивого молодого человека, выходящего из апартаментов одной из служанок мадам Бонапарт. Он попытался улизнуть, но Первый консул закричал громким голосом: "Кто там идет? Куда ты идешь? Что тебе нужно? Как тебя зовут?" Он был всего лишь камердинером мадам Бонапарт и, ошеломленный этими поразительными расспросами, испуганным голосом ответил, что только что выполнил поручение мадам Бонапарт. "Очень хорошо, - ответил Первый консул, - но не позволяйте мне снова поймать вас". Довольный тем, что доблестный воин извлечет пользу из этого урока, генерал не стал выяснять ни его имени, ни имени его возлюбленной. Это напоминает мне случай, когда он был гораздо более суров по отношению к другой горничной мадам Бонапарт. Она была молода и очень хороша собой и внушала самые нежные чувства Раппу и Э., двум адъютантам, которые осаждали ее своими вздохами и посылали ей цветы и *billets-doux*. Молодая девушка, по крайней мере, таково было всеобщее мнение, не поощряла их, и Жозефина была к ней очень привязана; тем не менее, когда Первый консул заметил галантность молодых людей, он рассердился и уволил бедную девушку, несмотря на ее слезы и мольбы мадам Бонапарт и храброго и честного полковника Раппа, который наивно клялся, что вина полностью на его стороне, что бедное дитя не послушалось его и что ее поведение достойно всяческих похвал. Ничто не могло помешать решению Первого консула, единственным ответом которого было: "Я не потерплю ничего непристойного в моем доме и никакого скандала".

Всякий раз, когда Первый консул производил раздачу почетного оружия, в Тюильри всегда устраивался банкет, на который допускались без различия и независимо от их ранга все, кто имел долю в этих наградах. На этих банкетах, которые проводились в большой галерее замка, иногда присутствовало до двухсот гостей; и генерал Дюрок, будучи церемониймейстером в этих случаях, Первый консул позаботился о том, чтобы рекомендовать ему смешивать рядовых, полковников, генералов и т.д. Он приказал слугам проявлять особое внимание к рядовым и следить за тем, чтобы у них было вдоволь самой лучшей еды и питья. Это самые продолжительные застолья, которые я видел у императора; и в этих случаях он был любезен и совершенно непринужден, прилагая все усилия, чтобы расположить своих гостей к себе в

непринужденной обстановке, хотя для многих из них это было трудной задачей. Нет ничего забавнее, чем видеть этих бравых солдат, сидящих в двух футах от стола, не осмеливающихся приблизиться к своим тарелкам или еде, красных до ушей и вытянувших шеи в сторону генерала, словно ожидая приказа. Первый консул заставлял их рассказывать о выдающихся деяниях, принесших каждому из них национальное признание, и часто громко смеялся над их странными рассказами. Он поощрял их есть и часто пил за их здоровье; но, несмотря на все это, его ободрение не смогло преодолеть робость некоторых, и слуги убрали тарелки с каждым блюдом, даже не притронувшись к ним, хотя это стеснение не помешало им быть полными радости и энтузиазма, когда они вставали из-за стола. "До свидания, мои храбрые люди, - говорил им Первый консул, - поскорее окрестите для меня этих новорожденных", касаясь пальцами их почетных сабель. Одному богу известно, щадили ли они себя!

Это предпочтение Первого консула рядовому напоминает случай, имевший место в Мальмезоне и, кроме того, полностью опровергающий выдвинутые против него обвинения в суровости.

Однажды утром первый консул отправился пешком, одетый в свой серый сюртук для верховой езды, в сопровождении генерала Дюрока по дороге в Марли. Болтая на ходу, они увидели пахаря, который, направляясь к ним, прокладывал борозду.

"Послушайте, мой дорогой, - сказал Первый консул, останавливая его, - ваша борозда не прямая. Вы не знаете своего дела". — "Это не вы, мой прекрасный джентльмен, можете учить меня. Вы не можете делать так же хорошо. Нет, в самом деле - вы так думаете; очень хорошо, просто попробуйте", - ответил добрый человек, уступая свое место Первому консулу, который взялся за рукоять плуга и, заставив упряжку тронуться, начал давать свой урок. Но он не вспахал ни ярда по прямой. Вся борозда была кривой. "Ну, ну, - сказал крестьянин, кладя свою руку на руку генерала, чтобы тот снова взялся за плуг, - ваша работа никуда не годится. Каждый занимается своим делом. Прогуливайтесь, это ваше дело. Но Первый консул не стал продолжать, не заплатив за полученный урок. Генерал Дюрок вручил рабочему два или три луидора в качестве компенсации за потерю времени, которую они ему причинили; и крестьянин, пораженный такой щедростью, оставил свой плуг, чтобы рассказать о своем приключении, и встретил по дороге женщину, которой рассказал, что встретил двух крупных мужчин, судя по тому, что было у него в руке.

Женщина, более осведомленная, попросила его описать одежду мужчин и по его описанию определила, что это были Первый консул и один из его сотрудников; добрый человек был вне себя от изумления. На следующий день он принял смелое решение и, надев свою лучшую одежду, явился в Мальмезон, попросив разрешения поговорить с первым консулом, чтобы поблагодарить его, по его словам, за прекрасный подарок, который он преподнес ему накануне.

Я уведомил Первого консула об этом визите, и он приказал мне привести рабочего. Пока я отсутствовал, чтобы доложить о нем, он, по его собственному выражению, собрал все свое мужество обеими руками, чтобы подготовиться к этой грандиозной встрече; и по возвращении я застал его стоящим посреди прихожей (ибо он не осмеливался сесть на диваны, которые, хотя и были очень простыми, казались ему великолепными) и обдумывающим, что ему сказать Первому консулу в знак своей благодарности. Я шел впереди него, а он следовал за мной, осторожно ступая каждой ногой по ковру; и когда я открыл дверцу шкафа, он с большой вежливостью настоял, чтобы я пошел первым. Когда Первому консулу нечего было сказать или

надиктовать наедине, он разрешал оставлять дверь открытой; и теперь он сделал мне знак не закрывать ее, чтобы я мог видеть и слышать все, что происходило.

Честный труженик, войдя в кабинет, приветствовал спину де Буррьена, который не мог его видеть, поскольку был занят писаниной за маленьким столиком, стоявшим в нише у окна. Первый консул видел, как он отвешивал поклоны, а сам полулежал в кресле, одну из подлокотников которого, по привычке, он покалывал кончиком ножа. Наконец он заговорил. "Ну что, мой храбрый товарищ". Крестьянин обернулся, узнал его и снова отдал честь. "Ну, — продолжал Первый консул, — хороший ли урожай был в этом году?" - "Нет, при всем уважении, гражданин генерал, но не такой уж плохой".

"Для того, чтобы земля производила, необходимо, чтобы она была взрыта, не так ли? Благородные джентльмены не годятся для такой работы.

- Не хочу вас обидеть, генерал, но у буржуа слишком мягкие руки, чтобы управляться с плугом. Чтобы обращаться с этими инструментами, нужен твердый кулак".

"Это так", - ответил Первый консул, улыбаясь. "Но каким бы большим и сильным ты ни был, тебе следовало бы обращаться с чем-нибудь другим, а не с плугом. Хороший мушкет, например, или рукоять хорошей сабли.

Рабочий выпрямился с гордым видом. "Генерал, в свое время я поступал так же, как другие. Я была замужем шесть или семь лет, когда эти чертовы пруссаки (прошу прощения, генерал) вошли в Ландреси. Пришла заявка. В штаб-квартире коммуны мне дали ружье и патронташ, и марш! Душа моя, мы не были экипированы так, как те рослые кавалеры, которых я только что видел, входя во двор". Он имел в виду гренадеров Консульской гвардии.

- Почему вы оставили службу? продолжил Первый консул, который, казалось, проявлял большой интерес к разговору.

- Поверьте, генерал, каждому свое, и ударов сабли хватит на каждого. Один упал на меня там" (достойный работник склонил голову и разделил пряди своих волос); "и после нескольких недель в полевом госпитале меня выписали, чтобы я мог вернуться к моей жене и моему плугу".

- У вас есть дети? - спросил я.

- У меня трое детей, генерал, два мальчика и девочка.

- Ты должен сделать солдатом самого старшего. Если он будет хорошо себя вести, я позабочусь о нем. Прощай, мой храбрец. Всякий раз, когда я смогу тебе помочь, приходи ко мне снова". Первый консул встал, заставил де Буррьена дать ему несколько луидоров, которые он добавил к тем, которые рабочий уже получил от него, и велел мне проводить его, и мы уже дошли до прихожей, когда Первый консул подозвал крестьянина, чтобы сказать ему: "Вы были во Флерюсе?" — "Да, генерал". — "Не могли бы вы назвать мне имя вашего главнокомандующего?" — "Действительно, я так думаю. Это был генерал Журден". — "Совершенно верно. До свидания"; и я увел старого солдата Республики, очарованный его приемом.

ГЛАВА XI.

В начале этого года (1803) в Париж прибыл посланник из Туниса, который подарил Первому консулу от имени бея десять арабских лошадей. Бей в то время опасался гнева Англии и надеялся найти во Франции могущественного союзника, способного защитить его; и он не мог бы найти лучшего времени для обращения с просьбой, поскольку все указывало на разрыв Амьенского мира, которому так радовалась вся Европа, поскольку Англия не сдержала ни одного из своих обещаний и не выполнила ни одной статьи договора. Со своей стороны, Первый консул, потрясенный такой недобросовестностью и не желая быть обманутым, открыто готовился к войне и приказал пополнить ряды и набрать сто двадцать тысяч новобранцев. Война была официально объявлена в июне, но боевые действия начались еще до этого времени.

В конце этого месяца Первый консул совершил поездку в Булонь и посетил Пикардию, Фландрию и Бельгию, чтобы организовать задуманную им экспедицию против англичан и привести северное побережье в состояние обороны. Он вернулся в Париж в августе, но в ноябре отправился во второй раз в Булонь.

Эти постоянные разъезды были непосильны для Амбарда, который долгое время отличался слабым здоровьем; и когда Первый консул собирался отправиться в свое первое турне по Северу, Амбард попросил извинения, сославшись, что было чистой правдой, на плохое состояние своего здоровья. "Посмотрите, какой вы, - сказал Первый консул, - вечно больной и жалующийся; и если вы останетесь здесь, кто тогда побреет меня?" — "Генерал, - ответил Амбард, - Констант умеет бриться не хуже меня". Я присутствовал и в тот самый момент был занят одеванием Первого консула. Он посмотрел на меня и сказал: "Ну, странный ты парень, раз уж ты такой опытный, ты должен немедленно это доказать. Мы должны посмотреть, как ты справишься." Я знал о злоключении бедняги Эбера, о котором я уже рассказывал; и, не желая подобного опыта, я некоторое время практиковался в искусстве бриться. Я заплатил парикмахеру, чтобы он научил меня своему ремеслу; и я даже в минуты досуга проходил стажировку в его мастерской, где брил, без различия, всех его клиентов. Подбородки этих добрых людей несколько пострадали, прежде чем я приобрел достаточную ловкость, чтобы провести бритвой по подбородку консула; но благодаря неоднократным экспериментам с бородами простых людей я достиг такой степени мастерства, которая внушала мне величайшее доверие; поэтому, повинаясь приказу Первого консула, я принес теплой воды, смело открыл бритву и приступил к операции. Как раз в тот момент, когда я собирался приставить бритву к лицу Первого консула, он резко поднялся, повернулся и уставился на меня обоими глазами с выражением суровости и вопроса, которое я не в состоянии описать. Видя, что я несколько не смутился, он снова сел, сказав мне мягким тоном: "Продолжай". Я проделал это с достаточным мастерством, чтобы удовлетворить его; и когда я закончил, он сказал мне: "Отныне ты будешь брить меня"; и, фактически, после этого он не желал, чтобы его брил кто-либо другой. С этого времени мои обязанности также стали гораздо более строгими, поскольку каждый день мне

приходилось брить Первого консула; и я признаю, что это было нелегко, потому что, пока онбрился, он часто говорил, читал газеты, двигался в своем кресле, резко поворачивался, и я был вынужден принимать величайшие меры предосторожности, чтобы не порезать его. К счастью, этого так и не произошло. Когда случайно он не заговаривал, он оставался неподвижным и оцепенелым, как статуя, и его нельзя было заставить ни опустить, ни поднять, ни склонить голову набок, как это было необходимо для легкого выполнения задачи. У него также была странная привычка намыливать и брить одну половину лица, прежде чем приступить к другой, и он не позволял мне переходить к другой стороне его лица, пока первая половина не была полностью закончена, поскольку Первый консул считал, что этот план подходит ему лучше всего.

Позже, когда я стал его главным камердинером, и он соизволил выказать мне доказательства своей доброты и уважения, и я мог разговаривать с ним так свободно, как позволяло его звание, я взял на себя смелость убедить его побриться самому; ибо, как я только что сказал, не желая, чтобы его брил кто-либо, кроме меня, он был вынужден ждать, пока меня известят, особенно в армии, когда он вставал нерегулярно. Он долгое время отказывался следовать моему совету, хотя я часто повторял его. "Ах, ха, мистер Айдлер!" он, смеясь, говорил мне: "Вы очень хотите, чтобы я выполнил половину вашей работы", но в конце концов мне удалось убедить его в моей бескорыстности и мудрости моего совета. Дело в том, что мне больше всего хотелось убедить его в этом; ибо, учитывая, что неизбежно произошло бы, если бы неизбежное отсутствие, болезнь или какая-либо другая причина разлучили меня с Первым консулом, я не мог без содрогания думать о том, что его жизнь зависит от милости первого встречного. Что касается его самого, я уверен, что он никогда не задумывался об этом; ибо, какие бы истории ни рассказывали о его подозрительной натуре, он никогда не принимал никаких мер предосторожности против ловушек, которые могла расставить для него измена. Его чувство безопасности в этом отношении было равносильно даже неосторожности; и, следовательно, все, кто любил его, особенно те, кто его окружал, старались восполнить этот недостаток предосторожности всей бдительностью, на которую они были способны; и нет необходимости утверждать, что именно эта забота о драгоценной жизни моего хозяина побудила меня настоять на данном им совете побриться.

В первые разы, когда он пытался применить мои уроки на практике, наблюдать за императором было даже более тревожно, чем смешно (ибо таковым он тогда был); поскольку, несмотря на уроки, которые я давал ему с многократными иллюстрациями, он все еще не знал, как держать бритву. Он хватал бритву за ручку и прикладывал ее перпендикулярно к своей щеке, вместо того чтобы класть плашмя; он делал внезапный рывок бритвой, неизменно нанося себе порез, а затем быстро отдергивал руку, крича: "Смотри туда, негодяй; из-за тебя я порезался". Затем я брал бритву и заканчивал операцию, на следующий день повторялась та же сцена, но с меньшим кровопролитием; и с каждым днем мастерство императора совершенствовалось, пока, наконец, благодаря бесчисленным урокам, он не стал достаточно искусен, чтобы обходиться без меня, хотя время от времени все еще порезался, за что всегда мягко упрекал меня, хотя и в шутку и по доброте душевной. Кроме того, судя по манере, с которой он начинал и которую он никогда не менял, для него было невозможно иногда не порезать лицо, потому что он брился вниз, а не вверх, как все остальные; и этот плохой метод, который не могли изменить все мои усилия, вдобавок к обычной резкости его движений, заставлял меня вздрагивать каждый раз, когда я видел, как он берет в руки бритву.

Мадам Бонапарт сопровождала первого консула в первой из этих поездок; и, как и во время поездки в Лион, продолжалась череда праздников и ликования.

Жители Булони в ожидании прибытия Первого консула воздвигли несколько триумфальных арок, простиравшихся от Монтрейских ворот до большой дороги, которая вела к его казарме, расположенной в лагере справа. Каждая триумфальная арка была украшена вечнозелеными растениями, и на ней можно было прочесть названия стычек и сражений, в которых он одержал победу. Эти купола и арки из зелени и цветов представляли собой замечательный переворот в искусстве. Одна триумфальная арка, более высокая, чем другие, была установлена посреди улицы Экю (главной улицы), и вокруг нее собралась элита горожан; в то время как более сотни молодых людей с гирляндами цветов, дети, старики и множество храбрецов, которых воинский долг не задержал в лагере, с нетерпением ожидали прибытия Первого консула. При его приближении радостный грохот пушек возвестил англичанам, чей флот находился неподалеку в море у Булони, о появлении Наполеона на берегу, где он собрал грозную армию, которую решил бросить против Англии.

Первый консул восседал верхом на маленькой серой лошадке, которая была проворна, как белка. Он спешил и, сопровождаемый своим блестящим штабом, обратился к жителям города с такими отеческими словами: "Я приехал, чтобы обеспечить счастье Франции. Чувства, которые вы выражаете, и все ваши свидетельства благодарности трогают меня; я никогда не забуду своего вступления в Булонь, которую я избрал центром воссоединения моих армий. Граждане, не пугайтесь этого множества. Это толпа защитников вашей страны, которые вскоре станут завоевателями надменной Англии".

Первый консул продолжил свой путь в окружении всего населения, которое провожало его до дверей его штаба, где его приняли более тридцати генералов, хотя стрельба из пушек, звон колоколов, крики радости прекратились только тогда, когда закончился этот великий день.

На следующий день после нашего прибытия Первый консул посетил Пон-де-Брик, маленькую деревушку, расположенную примерно в полумиле от Булони. Фермер прочитал ему следующее комплиментарное обращение: —

"Генерал, от имени двадцати отцов мы предлагаем вам дюжину отличных парней, которые есть и всегда будут в вашем распоряжении. Ведите их, генерал. Они могут нанести вам хороший удар, когда вы вступите в Англию. Что касается нас, то мы выполним другой долг. Мы будем возделывать землю, чтобы храбрые люди, которые сокрушат англичан, не испытывали недостатка в хлебе".

Наполеон, улыбаясь, поблагодарил патриотически настроенных соотечественников и, взглянув на маленький загородный дом, построенный на краю шоссе, обратился к генералу Бертье со словами: "Вот где я хотел бы разместить свою штаб-квартиру". Затем он пришпорил коня и ускорился, а генерал и несколько офицеров остались выполнять приказ Первого консула, который в ту же ночь, как прибыл в Булонь, вернулся ночевать в Пон-де-Брик.

Они рассказали мне в Булони подробности морского сражения, которое произошло незадолго до нашего прибытия между французским флотом под командованием адмирала Брюи и английской эскадрой, с которой Нельсон блокировал порт Булонь. Я расскажу об этом так, как мне сказали, считая весьма необычным тот комфортный режим, в котором французский адмирал руководил действиями моряков.

Около двухсот лодок, считая канонерские лодки и миноносцы, баржи и шлюпы, образовывали линию обороны, берег и форты которой ошестинились батареями. Несколько фрегатов выступили из неприятельской линии и, предшествуемые двумя или тремя бригами, выстроились в боевую линию перед нами, в пределах досягаемости орудий нашей флотилии; и сражение началось. Мячи полетели во все стороны. Нельсон, который обещал уничтожить флотилию, восстановил свою боевую линию двумя другими линиями кораблей и фрегатов; и, таким образом, расположившись эшелонами, они сражались со значительно превосходящими силами. В течение более чем семи часов море, покрытое огнем и дымом, представляло всему населению Булони великолепное и устрашающее зрелище морского боя, в котором одновременно было выпущено более тысячи восьмисот пушек; но гений Нельсона не мог помочь ни нашим морякам, ни солдатам. Адмирал Брюи находился в своем штабе недалеко от сигнальной станции и с этой позиции руководил сражением с Нельсоном, выпивая со своим штабом и несколькими дамами из Булони, которых он пригласил на ужин. Гости воспевали первые победы Первого консула, в то время как адмирал, не вставая из-за стола, маневрировал флотилией с помощью приказанных им сигналов. Нельсон, стремясь к победе, приказал всем своим военно-морским силам наступать; но ветер был в пользу французов, и он не смог сдержать данное им в Лондоне обещание сжечь наш флот, в то время как, напротив, многие из его собственных лодок были так сильно повреждены, что адмирал Брюи, видя, что англичане начинают отступать, воскликнул "Победа!", разливая шампанское для своих гостей. Французская флотилия пострадала очень мало, в то время как вражеская эскадра была уничтожена непрерывным огнем наших стационарных батарей. В тот день англичане узнали, что они никак не могут приблизиться к берегу в Булони, который после этого они назвали Железным берегом (Кот-де-Фер).

Когда Первый консул покидал Булонь, он договорился проехать через Аббевиль и остановиться там на сутки. Мэр города ничего не упустил из виду, готовясь к подобающему приему, и Аббевиль в тот день был великолепен. Лучшие деревья из окрестных лесов были вырваны с корнями, чтобы образовать аллеи на всех улицах, по которым должен был проезжать Первый консул; и некоторые горожане, владевшие великолепными садами, выставили вдоль его пути самые редкие кустарники; а ковры фабрики Геке-Дорваля были расстелены на земле, чтобы по ним ступали его лошади. Но непредвиденные обстоятельства внезапно прервали праздник.

Когда мы приближались к городу, прибыл курьер, посланный министром полиции, который уведомил первого консула о заговоре с целью его убийства двумя лье дальше; были названы день и час. Чтобы сорвать покушение, которое они замыслили против него лично, Первый консул галопом пересек город и, сопровождаемый несколькими уланами, прибыл к месту, где на него должны были напасть, остановился примерно на полчаса, съел несколько аббевильских лепешек и отправился в путь. Убийцы были обмануты. Они не ожидали его прибытия до следующего дня.

Первый консул и мадам Бонапарт продолжили свое путешествие по Пикардии, Фландрии и Нидерландам. Каждый день Первый консул получал предложения о военных кораблях от различных генеральных советов, граждане продолжали обращаться к нему с речами, а мэры вручали ему ключи от городов, как будто он осуществлял королевскую власть. Амьен, Дюнкерк, Лилль, Брюгге, Гент, Брюссель, Льеж и Намюр отличились блестящими приемами, которые они оказали знаменитым путешественникам. Жители Антверпена подарили Первому консулу шестерых великолепных гнедых лошадей. Повсюду также Первый консул оставил ценные

сувениры о своем путешествии, и по его приказу немедленно были начаты работы по углублению и благоустройству порта Амьен. Он посетил в этом городе и во всех других, где останавливался, выставку промышленной продукции, поощряя производителей своими советами и отдавая им предпочтение в своих указах. В Льеже он предоставил в распоряжение префекта нашего округа сумму в триста тысяч франков для ремонта домов, сожженных австрийцами в этом департаменте в первые годы революции. Антверпен обязан ему внутренним портом, бассейном и строительством столярных мастерских. В Брюсселе он приказал соединить Рейн, Маас и Шельду каналом. Он подарил Гиве каменный мост через Маас, и в Седане вдова мадам Руссо получила от него сумму в шестьдесят тысяч франков на восстановление разрушенной пожаром фабрики. Действительно, я не могу начать перечислять все блага, как общественные, так и частные, которые Первый консул и мадам Бонапарт рассыпали по своему пути.

Вскоре после нашего возвращения в Сен-Клу первому консулу, катавшемуся верхом в парке со своей женой и Камбасересом, захотелось покататься на четверке лошадей, запряженных в экипаж, подаренный ему жителями Антверпена. Он занял свое место на сиденье кучера и взял поводья из рук Цезаря, своего кучера, который встал позади экипажа. В этот момент они были на аллее подков, ведущей к дороге, ведущей к павильону Бретей и Вилле д'Авре. В Мемориале Святой Елены говорится, что адъютант, неловко напугав лошадей, заставил их убежать; но Цезарь, который подробно рассказал мне об этом печальном происшествии через несколько минут после того, как произошел несчастный случай, ни словом не обмолвился мне об адъютанте; и, по правде говоря, для того, чтобы опрокинуть карету, не требовалось ничего, кроме неловкости кучера с таким небольшим опытом, как у Первого консула. Кроме того, лошади были молоды и резвы, и самому Цезарю требовалось все его умение, чтобы управлять ими. Не чувствуя своей руки на поводьях, они пустились галопом, в то время как Цезарь, увидев новое направление, в котором они повернули направо, громовым голосом крикнул: "налево". Консул Камбасерес, еще более бледный, чем обычно, не позаботился о том, чтобы успокоить мадам Бонапарт, которая была очень встревожена, но закричал изо всех сил: "Стойте, стойте! ты сломаешь нам всем шеи!" Это вполне могло случиться, потому что Первый консул ничего не слышал и, кроме того, не мог управлять лошадьми; и когда он добрался, или, вернее, был с быстротой молнии перенесен к самым воротам, он не смог удержаться на дороге и налетел на столб, где карета тяжело опрокинулась, и, к счастью, лошади остановились. Первого консула отбросило шагов на десять, он упал на живот, потерял сознание и не приходил в себя до тех пор, пока кто-то не попытался поднять его. Мадам Бонапарт и второй консул отделались лишь легкими ушибами, но добрая Жозефина ужасно беспокоилась о своем муже. Однако, хотя он был сильно ушиблен, кровь не шла, и он удовлетворился несколькими растираниями одеколоном, своим любимым средством. В тот вечер, уходя на покой, он весело рассказал о своем злоключении и о сильном испуге, который выказал его коллега, и закончил словами: "Мы должны воздать кесарю кесарево; пусть он оставит свой кнут себе, и пусть каждый из нас занимается своим делом".

Однако, несмотря на все свои шутки, он признался, что никогда не думал, что так близок к смерти, и что ему казалось, что он был мертв в течение нескольких секунд. Я не помню, было ли это в этот или другой раз, когда я слышал, как император сказал, что "смерть - это всего лишь сон без сновидений".

В октябре месяце этого года Первый консул принял на публичной аудиенции Халеда-Эфенди, посла Оттоманской Порты.

Прибытие турецкого посла произвело сенсацию в Тюильри, потому что он привез первому консулу большое количество кашемировых шалей, которые, как все были уверены, будут розданы, и каждая женщина льстила себя надеждой, что ее благосклонно заметят. Я думаю, что без своего иностранного костюма и без своих кашемировых шалей он произвел бы мало впечатления на людей, привыкших видеть, как суверенные принцы ухаживают за главой правительства в его резиденции и в их собственной. Даже его костюм был не более примечателен, чем у Рустана, к которому мы привыкли; а что касается его поклонов, то они были едва ли ниже, чем у обычных придворных Первого консула. Говорят, в Париже энтузиазм длился дольше — "Так странно быть турком!" Несколько дам имели честь видеть, как ест бородатый посол. Он был вежлив и даже галантен с ними и сделал им несколько подарков, которые высоко ценились; его манеры были не слишком мусульманскими, и он не был сильно шокирован, увидев наших хорошеньких парижанок без вуалей на лицах. Однажды, который он почти полностью провел в Сен-Клу, я видел, как он молился. Это было во дворе чести, на широком парапете, окаймленном каменной балюстрадой. Посол велел расстелить ковры по той стороне покоев, которые впоследствии стали покоями римского короля; и там он преклонил колени на глазах у многих обитателей дома, которые из уважения к нему держались за своими окнами. Вечером он присутствовал в театре, и, по-моему, играли "Заира" или "Магомета", но, конечно, он ничего из этого не понял.

ГЛАВА XII.

В ноябре месяце этого года Первый консул вернулся в Булонь, чтобы посетить флот и произвести смотр войскам, которые уже были собраны в лагерях, предназначенных для армии, с которой он предполагал напасть на Англию. У меня сохранилось несколько заметок и множество воспоминаний о моих различных поездках в Булонь. Никогда император не демонстрировал более грандиозной военной мощи; и никогда не было собранных в какой-то момент войск, более дисциплинированных или более готовых выступить по малейшему сигналу своего командира; и неудивительно, что я сохранил в своих воспоминаниях об этом периоде подробности, которые, я думаю, никто еще не додумался опубликовать. И, если я не ошибаюсь, никто не мог быть в лучшем положении, чем я, чтобы знать их. Впрочем, читатель теперь будет судить сам.

На различных смотрах, которые устраивал Первый консул, он, казалось, стремился возбудить энтузиазм солдат и усилить их привязанность к своей особе, усердно пользуясь любой возможностью возбудить их тщеславие.

Однажды, особо отметив отличную выправку Тридцать шестого и пятьдесят седьмого линейных полков и Десятого полка легкой пехоты, он приказал всем офицерам, от капрала до полковника, выйти вперед; и, встав среди них, выразил свое удовлетворение, напомнив им случаи, когда в прошлом под пушечным огнем он отмечал выправку этих трех храбрых полков. Он похвалил младших офицеров за хорошую муштру солдат, а капитанов и командиров батальонов - за слаженность и точность их движений. В общем, каждый получил свою долю похвалы.

Это лестное отличие не возбудило зависти в других частях армии, поскольку каждый полк получил в тот день свою долю комплиментов, больших или незначительных; и когда смотр закончился, они спокойно разошлись по своим квартирам. Но солдаты Тридцать шестого, Пятьдесят седьмого и десятого полков, очень обрадованные тем, что им оказали такую особую милость, отправились после обеда выпить за свой триумф в трактир, часто посещаемый гренадерами гвардейского кавалерийского полка. Они начали спокойно выпивать, разговаривая о кампаниях, о взятых городах, о Первом консуле и, наконец, об утреннем смотре. Тогда молодым людям из Булони, которые были среди выпивох, пришло в голову спеть куплеты совсем недавнего сочинения, в которых превозносились до небес храбрость и подвиги трех полков, без единого слова похвалы в адрес остальной армии, даже в адрес гвардии; и эти куплеты были исполнены на любимом курорте гвардейских гренадеров! Эти последние поначалу хранили мрачное молчание, но вскоре, сочтя его невыносимым, громко запротестовали против этих двустуший, которые, по их словам, были отвратительны. Ссора стала очень ожесточенной; они кричали, осыпали друг друга оскорблениями, стараясь, однако, не производить слишком много шума, и назначили встречу на следующий день, в четыре часа утра, в предместье Маркиза, маленькой деревушки примерно в двух лье от Булони. Было очень поздно вечером, когда эти солдаты покинули трактир.

Более двухсот гвардейских гренадеров по отдельности отправились к месту встречи и обнаружили, что местность занята почти равным числом их противников из тридцать шестого, Пятьдесят седьмого и десятого полков. Не тратя времени на объяснения, едва слышно было ни звука, каждый солдат обнажил свой меч, и более часа они сражались в хладнокровной, обдуманной манере, на которую было страшно смотреть. Человек по имени Мартин, гвардейский гренадер гигантского роста, собственноручно убил семь или восемь солдат Десятого полка. Они, вероятно, продолжались бы до тех пор, пока все не были перебиты, если бы генерал Сент-Илер, слишком поздно узнав об этой кровавой ссоре, не выслал со всей поспешностью кавалерийский полк, который положил конец сражению. Гренадеры потеряли двух человек, а линейные солдаты - тринадцать, с большим количеством раненых с обеих сторон.

Первый консул посетил лагерь на следующий день и привел к себе тех, кто устроил эту ужасную сцену, и сказал им суровым тоном: "Я знаю, почему вы сражались друг с другом; много храбрых людей пало в борьбе, недостойной их и вас. Вы будете наказаны. Я отдал приказ напечатать стихи, ставшие причиной стольких неприятностей. Я надеюсь, что, узнав о вашем наказании, дамы Булони поймут, что вы заслужили порицание своих товарищей по оружию".

Однако войска, и прежде всего офицеры, начали уставать от своего пребывания в Булони, городе, который, возможно, менее, чем какой-либо другой, мог сделать такое бездеятельное существование сносным. Однако они не роптали, потому что там, где находился Первый консул, никогда не было места ропоту; но, тем не менее, они кипели от злости, видя, что их держат в

лагере или форте, а Англия совсем рядом, всего в девяти или десяти лигах от них. Увеселения в Булони были редкостью; женщины, в целом хорошенькие, но чрезвычайно робкие, не осмеливались устраивать приемы в своих собственных домах, опасаясь вызвать неудовольствие своих мужей, очень ревнивых мужчин, как и все жители Пикардии. Там, однако, был красивый зал, в котором легко можно было бы устраивать балы и званые вечера; но, хотя этим дамам очень хотелось это сделать, они не осмеливались им воспользоваться. Наконец, значительное число парижских красавиц, тронутых печальной судьбой стольких храбрых и красивых офицеров, приехали в Булонь, чтобы развеять скуку столь долгого мира. Пример парижанок задел жительниц Аббевиля, Дюнкерка, Амьена, и вскоре Булонь наполнилась незнакомцами, мужчинами и женщинами, которые приехали оказать почести городу. Среди всех этих дам наиболее заметной по стилю, уму и красоте была хозяйница Дюнкерка по имени мадам Ф., превосходная музыкантша, полная веселья, грации и молодости; мадам Ф. не могла не вскружить многим головы. Полковник Жозеф, брат первого консула, генерал Сульт, ставший впоследствии маршалом, генералы Сент-Илер и Андре Осси и несколько других выдающихся личностей были у ее ног; хотя, как говорят, только двоим удалось завоевать ее расположение, и из этих двоих одним был полковник Жозеф, который вскоре приобрел репутацию любимого человека мадам Ф. Прекрасная дама из Дюнкерка часто устраивала званые вечера, на которых полковник Жозеф неизменно присутствовал. Среди всех его соперников, а их, конечно, было очень много, только один питал к нему недоброжелательство; это был главнокомандующий Сульт. Это соперничество несколько не ущемляло интересов мадам Ф., но, как искусный тактик, она ловко вызывала ревность двух своих поклонников, принимая от каждого из них комплименты, букеты, а иногда и многое другое.

Первый консул, осведомленный об увлечениях своего брата, решил однажды вечером пойти повеселиться в маленьком салоне мадам Ф., которая вела весьма прирученную жизнь в комнате на втором этаже дома столяра на улице Минимум. Чтобы его не узнали, он был одет как гражданин и носил парик и очки. Он посвятил в свои тайны генерала Бертрана, который уже пользовался его большим расположением и который сделал все, что было в его силах, чтобы полностью скрыть его.

Переодевшись таким образом, первый консул и его спутница явились к мадам Ф. и спросили о господине суперинтенданте Аркамбале. Первый консул внушил Аркамбалу самое совершенное инкогнито, которое ни за что на свете не было бы узнано; и г-н Аркамбаль, пообещав сохранить тайну, объявил о двух посетителях под названием военных комиссаров.

Они играли в бульотку; столы были покрыты золотом, а игра и пунш до такой степени поглощали внимание счастливых обитателей заведения, что никто из них не обратил внимания на только что вошедших. Что касается хозяйки квартиры, то она никогда не видела ни Первого консула, кроме как издали, ни генерала Бертрана; следовательно, ей нечего было опасаться. Я сам думаю, что полковник Жозеф узнал своего брата, но он никак не подтвердил этого.

Первый консул, избегая, насколько мог, чужих взглядов, заметил взгляды своего брата и мадам Ф. Думая, что они обмениваются сигналами, он уже собирался покинуть салон хорошенькой дюнкеркессы, когда она, очень озабоченная тем, чтобы число ее гостей не уменьшилось, подбежала к двум фальшивым военным комиссарам и грациозно задержала их, сказав, что все собираются сыграть в фанты и они не должны уходить, не дав обещаний. Первый консул,

предварительно взглянув на генерала Бертрана, счел за благо остаться и поиграть в эти невинные игры.

Действительно, через несколько минут, по просьбе мадам Ф., игроки оставили бульон и окружили ее. Они начали с танца буланжер; затем юные невинки привели мяч в движение. Пришла очередь Первого консула объявить фант. Сначала он был очень смущен, имея при себе только листок бумаги, на котором он написал имена нескольких полковников; однако он отдал этот листок мадам Ф., умоляя ее не вскрывать его.

Желание Первого консула было уважено, и бумажка оставалась сложенной на коленях прекрасной женщины до тех пор, пока не пришло время выплачивать неустойку. Затем великому капитану было назначено странное наказание в виде назначения привратником, в то время как мадам Ф. вместе с полковником Жозефом совершала "путешествие в Цитеру" в соседней комнате. Первый консул с достоинством справился с отведенной ему ролью; и после того, как неустойки были погашены, сделал знак генералу Бертрану следовать за ним, и они вышли. Вскоре подошел столяр, живший на первом этаже, и принес небольшую записку мадам Ф.

Это была записка:

Я благодарю вас, мадам, за любезный прием, который вы мне оказали. Если вы когда-нибудь придете в мои казармы, я буду привратником, если вам это понравится; но в этом случае я не откажусь ни от какого другого удовольствия сопровождать вас в "путешествии по Китру". (Подпись) БОНАПАРТ

Хорошенькая женщина не стала читать записку вслух; она также не позволила раздающим фанты оставаться в неведении о том, что ее посетил Первый консул. Через час компания разошлась, и мадам Ф. осталась одна, размышляя о визите и записке великого человека.

Именно во время этого же визита на рейде Булони произошла ужасная битва за то, чтобы обеспечить вход в порт флотилии, состоящей из двадцати или тридцати судов, пришедших из Остенде, Дюнкерка и Ньюпора, груженных оружием для национального флота.

Великолепный фрегат с тридцатишестифунтовыми орудиями, куттером и бригом отделился от английского флота, чтобы перехватить голландскую флотилию на пути следования; но их встретили таким образом, что отбили всякое желание возвращаться.

Порт Булонь защищали пять фортов: форт-де-ла-Ясли, Форт-ан-Буа, форт-Мюсуар, замок Крои и замок д'Орд, все они были укреплены большим количеством пушек и гаубиц. Линия судов, преграждавших вход, состояла из двухсот пятидесяти канонерских лодок и других судов; дивизион императорских канонерских лодок составлял их часть.

На каждом шлюпе было по три двадцатичетырехфунтовых орудия - два для преследования и одно для отступления; таким образом, по врагу было открыто пятьсот залпов, независимо от всех батарей фортов, причем каждое орудие стреляло более трех раз в минуту.

Бой начался в час дня. Погода была прекрасная. При первом пушечном выстреле первый консул покинул штаб в Пон-де-Брик и галопом примчался в сопровождении своего штаба, чтобы отдать приказы адмиралу Брюи; но вскоре, желая лично ознакомиться с ходом обороны и принять участие в руководстве ими, он бросился вслед за адмиралом и несколькими

офицерами в шлюпку, которой управляли матросы гвардии. Таким образом, первый консул был перенесен в гущу кораблей, составлявших линию обороны, через тысячи опасностей, под градом снарядов, бомб и пушечных ядер. С намерением высадиться в Вимере, пройдя вдоль линии, он приказал им держать курс на замок Крои, сказав, что он должен удвоить скорость. Адмирал Брюи, встревоженный опасностью, которой он собирался подвергнуться, напрасно убеждал первого консула в неосторожности такого шага. "Что мы выиграем, - сказал он, - удвоив этот форт? Ничего, кроме как подставиться под пушечные ядра. Генерал, обойдя его с фланга, мы прибудем как можно скорее. Первый консул не разделял мнения адмирала и настаивал на удвоении форта. Адмирал, рискуя получить выговор, отдал матросам противоположные приказы, и Первый консул счел себя обязанным пройти за форт, хотя и был сильно раздражен и упрекал адмирала.

Однако это вскоре прекратилось, ибо едва прошел пуск, как транспорт, обогнувший замок Крои, был сбит и потоплен тремя или четырьмя снарядами.

Первый консул замолчал, увидев, насколько правильным было суждение адмирала, и остаток путешествия, вплоть до маленького порта Вимере, прошел без помех с его стороны. Прибыв туда, он взобрался на утес, чтобы подбодрить канониров, поговорил со всеми ними, похлопал их по плечу и призвал хорошенько прицеливаться. "Мужайтесь, друзья мои, - сказал он, - помните, что вы не боевые товарищи, которые продержатся долго. Прогоните их обратно с военными почестями". И, заметив прекрасное сопротивление и величественные маневры фрегата, он спросил: "Можете ли вы поверить, дети мои, что капитан - англичанин? Я так не думаю.

Артиллеристы, воодушевленные словами Первого консула, удвоили свое рвение и быстроту стрельбы. Один из них сказал: "Посмотрите на фрегат, генерал; его бушприт вот-вот упадет". Он говорил правду, бушприт был разрублен надвое его пулей. "Дайте двадцать франков этому храброму человеку", - сказал первый консул офицерам, которые были с ним. Рядом с батареями Вимере была печь для разогрева пушечных ядер; и Первый консул заметил, как они управляются с печами, и дал указания. "Этого недостаточно, мальчики; их нужно послать покрасивее, чем это, идемте, идемте". Один из них знал его, когда тот был лейтенантом артиллерии, и сказал своим товарищам: "Видите ли, он прекрасно разбирается в этих мелочах, так же как и в более важных".

В тот день двое солдат без оружия находились на утесе, наблюдая за маневрами. Они начали ссору таким необычным образом. "Смотри, - сказал один, - видишь там Маленького капрала?" (они оба были пикардийцами). "Нет, я его не вижу". — "Разве вы не видите его на катере?" — "О, да, теперь я вижу; но, конечно, он не помнит, что, если что—нибудь ударит по нему, это заставит плакать всю армию - почему он так выставляет себя напоказ?"

"Действительно, это его место!" — "Нет, это не так" — "Это так" — "Это не так. Послушайте, что бы вы сделали завтра, если бы Маленького капрала убили?" - "Но я говорю вам, что это его место!" И, не имея других аргументов ни с той, ни с другой стороны, они начали драться на кулаках. Их с большим трудом разняли.

Сражение началось в час дня, и около десяти часов вечера голландская флотилия вошла в порт под самым ужасным огнем, который я когда-либо видел. В темноте бомбы, которые падали друг на друга во всех направлениях, образовали над портом и городом огненный свод, в то время как непрерывные залпы всей этой артиллерии отражались эхом от скал, создавая ужасающий

грохот; и, что самое странное, никто в городе не встревожился. Жители Булони привыкли к опасности и каждый день ожидали чего-то ужасного. У них на глазах постоянно происходили приготовления к нападению или обороне, и они стали солдатами, потому что постоянно видели это. В тот день во время обеда слышался грохот пушек, и по-прежнему все обедали, причем время трапезы не приближалось и не откладывалось. Мужчины занимались своими делами, женщины занимались домашним хозяйством, молодые девушки играли на пианино, все равнодушно смотрели, как пушечные ядра пролетают над их головами; а любопытные, которых привлекло на утесы желание понаблюдать за боем, проявляли едва ли больше эмоций, чем обычно бывает при виде военной пьесы, исполняемой у Франкони.

Я все еще спрашиваю себя, как три судна могли выдержать в течение девяти часов столь сильное потрясение; ибо, когда наконец флотилия вошла в форт, английский куттер затонул, бриг был сожжен раскаленными пушечными ядрами, и остался только фрегат с раскаченными мачтами и порванными парусами, но он все еще оставался там, непоколебимый, как скала, и так близко к нашей линии обороны, что матросов с обеих сторон можно было увидеть и сосчитать. За ней, на скромном расстоянии, стояло более сотни английских кораблей.

Наконец, после десяти часов, сигнал английского адмирала заставил фрегат отойти, и стрельба прекратилась. Наша линия кораблей не сильно пострадала в этом долгом и ужасном бою, потому что бортовые залпы с фрегата просто врезались в наш такелаж, а не вошли в корпус наших судов. Бриг и катер, однако, причинили больше вреда.

ГЛАВА XIII.

Первый консул покинул Булонь и вернулся в Париж, чтобы присутствовать на свадьбе одной из своих сестер. Принц Камилл Боргезе, потомок знатнейшей семьи Рима, уже прибыл в Париж, чтобы жениться на мадам Полин Бонапарт, вдове генерала Леклерка, умершего от желтой лихорадки в Сан-Доминго. Я припоминаю, что видел этого несчастного генерала в резиденции Первого консула незадолго до его отъезда в злополучную экспедицию, которая стоила ему жизни, а Франции потери многих храбрых солдат и больших сокровищ. Генерал Леклерк, чье имя сейчас почти забыто или пользуется слабым уважением, был добрым и порядочным человеком. Он был страстно влюблен в свою жену, легкомыслие которой, мягко говоря, сильно огорчало его и повергало в глубокую и привычную меланхолию, свидетелем которой было больно становиться. Принцесса Полина (которая тогда была далеко не принцессой) вышла за него замуж добровольно и по собственному выбору; но это не помешало ей мучить мужа своими бесчисленными капризами и по сто раз на дню повторять ему, что ему действительно повезло жениться на сестре Первого консула. Я уверен, что генерал Леклерк со своими простыми вкусами и спокойным нравом предпочел бы меньше отличий и больше покоя. Первый консул

потребовал, чтобы его сестра сопровождала мужа в Сан-Доминго. Она была вынуждена подчиниться и покинуть Париж, где она управляла скипетром моды и затмевала всех других женщин своей элегантностью и кокетством, а также своей несравненной красотой, чтобы бросить вызов опасному климату и свирепым спутникам Кристофа и Дессалина. В конце 1801 года адмиральский корабль "Океан" вышел из Бреста, доставив на мыс Сан-Доминго Генерала Леклерка, его жену и их сына. После ее прибытия на Мыс поведение мадам Леклерк было выше всяких похвал. Не раз, но особенно в том случае, который я сейчас попытаюсь описать, она проявляла мужество, достойное ее имени и положения ее мужа. Я узнал эти подробности от очевидца, которого знал в Париже на службе у принцессы Полины.

В день великого восстания чернокожих в сентябре 1802 года отряды Кристофа и Дессалина, состоявшие более чем из двенадцати тысяч негров, разъяренные своей ненавистью к белым и уверенностью, что, если они сдадутся, пощады не будет, предприняли нападение на город Кейп, который защищала всего тысяча солдат; ибо только это небольшое число осталось от большой армии, отплывшей из Бреста год назад в прекрасном расположении духа и полной надежд. Эта горстка храбрецов, большинство из которых были ослаблены лихорадкой, во главе с главнокомандующим экспедицией, который уже тогда страдал от болезни, ставшей причиной его смерти, неслыханными усилиями и героической доблестью отразила неоднократные атаки чернокожих.

Во время этого боя, в котором решимость, если не количество и сила, были равны с обеих сторон, мадам Леклерк вместе со своим сыном находилась под охраной преданного друга, которому подчинялась лишь слабая артиллерийская рота, все еще занимавшая дом, где обосновался ее муж, у подножия невысоких холмов, окаймлявших побережье. Главнокомандующий, опасаясь, как бы эта резиденция не была застигнута врасплох вражеским отрядом, и будучи неспособным предвидеть исход борьбы, которую он вел на высотах Кейпа и против которой чернокожие предпринимали свои самые яростные атаки, отдал приказ доставить его жену и сына на борт флота. Полина ни за что не согласилась бы на это. Всегда верная гордости, которую внушало ей ее имя (но на этот раз в ее гордости было столько же величия, сколько благородства), она обратилась к дамам города, которые нашли у нее убежище, и умоляла их уйти, обрисовав им ужасающую картину ужасного обращения, которому они подвергнутся, если негры разгромят войска. "Вы можете уйти. Вы не сестры Бонапарта".

Однако, поскольку опасность с каждой минутой становилась все более серьезной, генерал Леклерк отправил в свою резиденцию адъютанта и приказал ему, в случае, если Полин все еще будет упорствовать в своем отказе, применить силу и доставить ее на борт против ее воли. Офицер был обязан выполнить этот приказ в точности. В результате мадам Леклерк насильно усадили в кресло, которое несли четверо солдат, в то время как гренадер маршировал рядом с ней, неся на руках сына генерала. Во время этой сцены бегства и ужаса ребенок, уже достойный своей матери, играл с пером солдата, который нес его. Сопровождаемая кортежем дрожащих, заплаканных женщин, единственным источником силы которых во время этого опасного путешествия было ее мужество, она была доставлена на берег моря. Однако как раз в тот момент, когда они собирались посадить ее на шлюп, другой адъютант ее мужа принес известие о поражении черных. "Теперь вы видите, - сказала она, возвращаясь в свою резиденцию, - я была права, не желая садиться на корабль". Однако опасность еще не была вне опасности, потому что отряд негров, составлявший часть армии, которая только что была так чудесно отброшена, пытаясь успешно отступить к дамбам, встретил небольшой эскорт мадам Леклерк.

Поскольку они, казалось, были готовы атаковать, было необходимо рассеять их выстрелами с близкого расстояния. На протяжении всей этой стычки Полин сохраняла совершенное хладнокровие. Обо всех этих обстоятельствах, оказавших мадам Леклерк такую честь, было доложено первому консулу.

Это польстило его самолюбию; и я полагаю, что именно князю Боргезе он сказал однажды на приеме: "Полине суждено выйти замуж за римлянина, потому что она римлянка с головы до ног".

К сожалению, это мужество, которому мог бы позавидовать мужчина, не сочеталось в принцессе Полине с теми добродетелями, которые менее блестящи и более скромны, а также более подобают женщине и которые мы, естественно, ожидаем найти в ней, а не с отвагой и презрением к опасности.

Я не знаю, правда ли, как где-то было написано, что мадам Леклерк, когда ей пришлось отправиться в Сан-Доминго, запала на актера Французского театра. Я также не могу сказать, правда ли, что мадемуазель Дюшенуа имела наивность воскликнуть перед сотней людей по поводу этого отъезда: "Лафон никогда не утешится; это убьет его!" но то, что я сам знаю о слабости этой принцессы, заставляет меня поверить, что этот анекдот правдив.

Весь Париж знал об особой благосклонности, с которой она чтит г-на Жюля де Канувилля, молодого и блестящего полковника, красивого и храброго, с идеальной фигурой и уверенностью в себе, что было причиной его бесчисленных успехов у некоторых женщин, хотя он и не проявлял особой осмотнительности по отношению к ним. Связь принцессы Полины с этим любезным офицером была самой продолжительной из всех, которые у нее когда-либо были; и поскольку, к сожалению, ни один из них не отличался сдержанностью, их взаимная нежность вскоре приобрела скандальную огласку. Позже я воспользуюсь случаем, чтобы рассказать в надлежащем месте об инциденте, который привел к позору, изгнанию и, возможно, даже смерти полковника де Канувилля. Столь преждевременная и, главное, столь жестокая смерть, поскольку его поразила не вражеская пуля, вызвала сожаление всей армии.

[Месье Буске был вызван в Нейи (резиденцию принцессы Полины), чтобы осмотреть прекрасные зубы ее Императорского высочества. Представленный ей, он приготовился приступить к работе. "Месье, - сказал очаровательный молодой человек в халате, небрежно лежавший на диване, - прошу вас, позаботьтесь о том, что вы делаете. Я испытываю большой интерес к зубкам моей Полетт и возлагаю на вас ответственность за любой несчастный случай". — "Будьте спокойны, мой принц; я могу заверить ваше императорское высочество, что никакой опасности нет". В течение всего времени, пока Буске работал над "прелестным ротиком", эти рекомендации продолжались. Наконец, покончив с тем, что ему предстояло сделать, он прошел в приемную, где застал в сборе придворных дам, камергеров и т. Д., ожидавших возможности войти в покои принцессы. Они поспешили расспросить Буске о новостях о принцессе: "Ее императорское высочество чувствует себя очень хорошо и, должно быть, счастлива от нежной привязанности, которую испытывает к ней ее августейший супруг, которую он столь трогательно продемонстрировал в моем присутствии. Его беспокойство было чрезвычайным. Я лишь с трудом смог убедить его в результате самой простой вещи в мире; я везде расскажу о том, чему я только что был свидетелем. Приятно иметь возможность привести такой пример супружеской нежности в столь высоком звании. Это произвело на меня глубокое впечатление". Они не пытались

остановить доброго мсье Буске в проявлении его энтузиазма. Желание рассмеяться помешало ему произнести хоть одно слово, и он ушел, убежденный, что нигде не было семьи лучше, чем у принца и принцессы Боргезе. Последний находился в Италии, и красивым молодым человеком был господин де Канувиль. Я заимствую этот любопытный анекдот из "Воспоминаний Жозефины", автор которых, который видел и описал Наваррский и Мальмезонский дворы с такой правдивостью и здравомыслием, как говорят, женщина, и, по правде говоря, она должна быть очень интеллектуальной и лучше, чем кто-либо другой, разбираться в личных делах ее Величества императрицы. -КОНСТАНТ. Он был убит ядром из французской пушки, выпущенным после окончания сражения, в котором он проявил самое блестящее мужество. — КОНСТАНТ.]

Более того, какой бы большой ни была слабость принцессы Полины по отношению к своим любовникам, и хотя самые невероятные примеры этого можно пересказать, не нарушая правды, ее восхитительная преданность личности императора в 1814 году должна заставить относиться к ее недостаткам снисходительно.

В бесчисленных случаях бесстыдство ее поведения, и особенно недостаток внимания к императрице Марии Луизе, раздражали императора против принцессы Боргезе, хотя он всегда заканчивал тем, что прощал ее; несмотря на это, во время падения своего августейшего брата она снова была в опале, и, узнав, что остров Эльба был выбран в качестве тюрьмы для императора, она поспешила запереться там вместе с ним, покинув Рим и Италию, лучшие дворцы которой принадлежали ей. Перед битвой при Ватерлоо его величество в критический момент обнаружил, что сердце его сестры Полины все еще остается верным. Опасаясь, что он может нуждаться в деньгах, она послала ему свои самые красивые бриллианты, стоимость которых была огромной; и они были найдены в карете императора, когда та была захвачена при Ватерлоо, и выставлены на всеобщее обозрение жителей Лондона. Но бриллианты были потеряны; по крайней мере, для их законного владельца.

ГЛАВА XIV.

В день ареста генерала Моро первый консул находился в состоянии сильного возбуждения.

[Жан Виктор Моро, родился в Морле в Бретани в 1763 году, сын известного юриста. Одно время он соперничал по репутации с Бонапартом. Он был главнокомандующим Рейнской армией в 1796 году и снова в 1800 году, в этом последнем году он одержал победу в битве при Гогенлиндене. Замешанный в заговоре Пишегру, он был сослан и уехал в Соединенные Штаты. Он вернулся в Европу в 1813 году и, присоединившись к союзным армиям против Франции, был убит пушечным выстрелом во время атаки на Дрезден в августе того же года.]

Утро прошло в беседах с его эмиссарами, агентами полиции; были приняты меры к тому, чтобы арест был произведен в указанный час либо в Гро-Буа, либо в доме генерала на улице

предмесье Сент-Оноре. Первый консул беспокоило ходил взад и вперед по своей комнате, когда послал за мной и приказал мне занять позицию напротив дома генерала Моро (того, что в Париже), посмотреть, произошел ли арест и не было ли каких-либо беспорядков, и немедленно вернуться и доложить. Я повиновался, но ничего экстраординарного не произошло, и я увидел только нескольких полицейских шпионов, идущих по улице и наблюдающих за дверью дома человека, которого они наметили своей добычей. Думая, что мое присутствие, вероятно, будет замечено, я удалился; и когда, возвращаясь в замок, я узнал, что генерал Моро был арестован по дороге из своего поместья Гро-Буа, которое он продал несколько месяцев спустя маршалу Бертье перед отъездом в Соединенные Штаты, я ускорил шаг и поспешил сообщить первому консулу новость об аресте. Он уже знал это, но ничего не ответил и все еще продолжал задумчиво, в глубоком раздумье, как и утром.

Раз уж я заговорил о генерале Моро, я напомним, какие роковые обстоятельства побудили его запятнать свою славу. Мадам Бонапарт выдала его замуж за мадемуазель Юло, свою подругу и, как и она сама, уроженку острова Франция. Эта юная леди, нежная, дружелюбная и обладающая теми качествами, которые делают хорошую жену и мать, страстно любила своего мужа и гордилась этим славным именем, которое окружало ее уважением и почестями; но, к несчастью, она испытывала величайшее почтение к своей матери, чьи амбиции были велики и которая желала только одного - видеть свою дочь восседающей на троне. Влияние, которое она оказывала на мадам Моро, вскоре распространилось и на самого генерала, который, руководствуясь ее советами, стал мрачным, задумчивым, меланхоличным и навсегда утратил то душевное спокойствие, которое его отличало. С этого времени дом генерала был открыт для интриг и заговоров, и это было место встречи всех недовольных, которых было много. Генерал взял на себя задачу не одобрять все действия Первого консула; он выступал против восстановления общественного богослужения и критиковал институт ордена Почетного легиона как детское и нелепое ряженье. Эти серьезные неосторожности, как и многие другие, дошли до ушей Первого консула, который сначала отказался им поверить; но как он мог оставаться глухим к сообщениям, которые повторялись каждый день с большим основанием, хотя, несомненно, преувеличивались по злему умыслу?

По мере того, как опрометчивые речи генерала лишали его уважения Первого консула, его теща с опасным упрямством поощряла его сопротивление, убежденная, по ее словам, в том, что будущее воздаст должное настоящему. Она не понимала, что говорит так искренне; и генерал очертя голову бросился в разверзшуюся перед ним пропасть. Как сильно его поведение противоречило его характеру! Он испытывал явное отвращение к англичанам, ненавидел шуанов и все, что имело отношение к старой знати; и, кроме того, такой человек, как генерал Моро, который так славно служил своей стране, был не из тех, кто поднимал оружие против нее. Но он был обманут, и он обманывал самого себя, думая, что достоин играть большую политическую роль; и он был уничтожен лестью партии, которая возбудила всевозможную враждебность против Первого консула, воспользовавшись завистью его бывших товарищей по оружию. Я был свидетелем не одного доказательства привязанности, проявленной Первым консулом к генералу Моро. Во время визита последнего в Тюильри и во время беседы с первым консулом генерал Карно прибыл из Версаля с парой пистолетов дорогой работы, которые версальская мануфактура прислала в подарок Первому консулу. Он взял это красивое оружие из рук генерала Карно, с минуту полюбовался им и немедленно предложил его генералу Моро, сказав ему: "Возьми их, поистине, они не могли появиться в лучшее время". Все это было

сделано быстрее, чем я успеваю описать; генерал был чрезвычайно польщен таким доказательством дружбы и горячо поблагодарил Первого консула.

Имя и судебный процесс над генералом Моро напоминают мне историю храброго офицера, который был скомпрометирован в этом прискорбном деле и который после многих лет позора был помилован только благодаря мужеству, с которым он осмелился навлечь на себя гнев императора. Подлинность деталей, о которых я расскажу, может быть засвидетельствована, при необходимости, живыми людьми, которых я буду иметь случай назвать в своем повествовании и чьи показания ни одному читателю не придет в голову подвергнуть сомнению.

Поначалу немилость генерала Моро распространилась на всех, кто его окружал; и поскольку любовь и преданность, которые испытывали к нему все офицеры и солдаты, служившие под его началом, были хорошо известны, были арестованы его адъютанты, даже те, кого тогда не было в Париже. Один из них, полковник Делели, уже много месяцев находился в отпуске в Безансоне, отдыхая после своих кампаний в кругу своей семьи и с молодой женой, на которой он недавно женился. Кроме того, в то время он очень мало интересовался политическими делами, очень много - своими удовольствиями и совсем не занимался заговорами. Товарищ и брат по оружию полковников Гильемино, Гюго, Фуа, — все трое впоследствии стали генералами, — он весело проводил с ними вечера в гарнизоне или в тихих удовольствиях своего семейного круга. Внезапно полковник Делели был арестован, посажен в почтовую карету, и только когда он галопом мчался по дороге в Париж, он узнал от сопровождавшего его офицера жандармов, что генерал Моро участвовал в заговоре и что в качестве адъютанта он был причислен к заговорщикам.

Прибыв в Париж, полковник был помещен в строгое заключение, по-моему, в Ла Форс. Его жена, сильно встревоженная, последовала за ним по пятам; но прошло несколько дней, прежде чем она получила разрешение пообщаться с заключенным, и тогда она могла сделать это только знаками со двора тюрьмы, пока он показывался на несколько мгновений и просовывал руки через решетку окна. Однако строгость этих приказов была смягчена для маленького ребенка полковника трех- или четырехлетнего возраста, и его отец удостоился благосклонности обнять его. Каждое утро он приходил на руках у матери, и надзиратель относил его к заключенному, перед этим неудобным свидетелем бедняжка разыгрывал свою роль со всем мастерством непревзойденного актера. Он притворялся хромым и жаловался на песок в ботинках, который причинял ему боль, а полковник, поворачиваясь спиной к тюремщику и беря ребенка к себе на колени, чтобы устранить причину неприятностей, находил в ботинке своего сына записку от жены, в нескольких словах сообщавшую ему о ходе судебного разбирательства и о том, на что ему самому следует надеяться или опасаться. Наконец, после многих месяцев плена, когда заговорщикам был вынесен приговор, полковник Делели, против которого не было выдвинуто никаких обвинений, не был освобожден от ответственности, как он имел право ожидать, но был вычеркнут из армейского списка, произвольно помещен под наблюдение и ему было запрещено приближаться ближе чем на сорок лье к Парижу. Ему также было запрещено возвращаться в Безансон, и прошло больше года после выхода из тюрьмы, прежде чем ему разрешили это сделать.

Молодой и полный мужества, полковник видел из глубины своего уединения, как его друзья и товарищи прокладывают себе путь и завоёвывают на поле боя славу, чин и почести, в то время как сам он был обречен на бездействие и безвестность и проводить свои дни, отслеживая на

карте триумфальный марш тех армий, в которых он чувствовал себя достойным вновь получить свое звание. Он и его друзья обращались к главе Империи с бесчисленными просьбами разрешить ему отправиться хотя бы в качестве простого добровольца и присоединиться к своим бывшим товарищам с рюкзаком за плечами; но эти просьбы были отклонены, воля императора была непреклонна, и на каждое новое прошение он отвечал только: "Пусть подождет". Жители Безансона, считавшие полковника Делели своим согражданином, горячо интересовались незаслуженными злоключениями этого храброго офицера; и когда представился случай вновь рекомендовать его императору для помилования или, вернее, для правосудия, они воспользовались этим.

Я полагаю, что по возвращении из Пруссии и Польши со всех концов Франции прибыли депутации, которым было поручено поздравить императора с его многочисленными победами. Полковник Делели был единогласно избран членом депутации Ду, в которую входили также мэры и префекты Безансона и председателем которой был distinguished маршал Монси, и таким образом полковнику Делели наконец представилась возможность добиться отмены длительного срока заключения, который тяготил его и не давал покоя его шпаге. Он мог обратиться к императору и почтительно, но с достоинством пожаловаться на позор, в котором его так долго держали без всякой причины. Он мог бы от всего сердца поблагодарить за щедрую привязанность своих сограждан, чьи пожелания, как он надеялся, будут заступаться за него перед его Величеством.

Депутаты Безансона по прибытии в Париж представились разным министрам. Министр полиции отвел председателя депутации в сторону и спросил его, что означает присутствие среди депутатов человека, о котором всем известно, что он в опале и вид которого не мог не быть неприятен главе Империи.

Маршал Монси, выйдя после этой частной беседы, бледный и испуганный, вошел в комнату полковника Делли:

"Друг мой, - сказал он, - все потеряно, ибо я убедился в бюро, что они по-прежнему враждебно настроены по отношению к вам. Если император увидит тебя среди нас, он воспримет это как открытое признание в пренебрежении его приказами и придет в ярость.

"А, ладно, какое я имею к этому отношение?"

"Но для того, чтобы не компрометировать департамент, депутацию и, действительно, для того, чтобы не компрометировать себя, вы, возможно, поступили бы правильно", — маршал заколебался. "Я справлюсь?" спросил полковник.

"Возможно, уйти, не выставляя себя напоказ" —

Здесь полковник прервал председателя депутации: "Маршал, позвольте мне отклонить этот совет; я зашел так далеко не для того, чтобы падать духом, как ребенок, перед первым препятствием. Я устал от позора, которого я не заслужил, и еще больше устал от вынужденного безделья. Пусть император будет раздражен или доволен, он увидит меня; пусть он прикажет расстрелять меня, если пожелает. Я не считаю достойным вести такую жизнь, какую я вел последние четыре года. Тем не менее, я буду удовлетворен любым решением моих коллег, депутатов Безансона".

Эти последние не отвергли решения полковника, и он сопровождал их в Тюильри в день торжественного приема всех делегаций Империи. Все залы Тюильри были заполнены толпой в богато расшитых сюртуках и блестящих мундирах. Военный двор императора, его гражданский двор, генералы, присутствующие в Париже, дипломатический корпус, министры и главы различных администраций, депутаты департаментов со своими префектами и мэры, украшенные трехцветными шарфами, - все они были собраны в многочисленные группы и вполголоса беседовали в ожидании прибытия его Величества.

В одной из таких групп был замечен высокий офицер, одетый в очень простую форму, скроенную по моде нескольких лет назад. Он не носил ни на воротнике, ни даже на груди ордена, которого не хватало ни одному офицеру его ранга. Это был полковник Делели. Председатель делегации, членом которой он был, выглядел смущенным и почти огорченным. Из бывших товарищей полковника очень немногие осмелились узнать его, и самые смелые отвесили ему сдержанный кивок, выражавший одновременно тревогу и жалость, в то время как более благоразумные даже не взглянули на него.

Что касается его самого, то он оставался невозмутимым и решительным.

Наконец раздвижные двери открылись, и швейцар крикнул: "Император, джентльмены".

Группы разделились, и образовалась шеренга, полковник встал в первую шеренгу.

Его Величество начал свой обход зала, поприветствовав председателя каждой делегации несколькими лестными словами. Прибывший раньше делегации из Дубса император, сказав несколько слов храброму маршалу, который был президентом, собирался перейти к следующему, когда его взгляд упал на офицера, которого он еще не видел. Он удивленно остановился и обратился к помощнику шерифа со своим фамильярным вопросом: "Кто вы?"

- Сир, я полковник Делели, бывший адъютант генерала Моро.

Эти слова были произнесены твердым голосом, который прозвучал среди глубокой тишины, установившейся в присутствии государя.

Император отступил назад и устремил оба взгляда на полковника. Тот не выказал никаких эмоций, но слегка поклонился.

Маршал Монси был бледен как смерть.

Заговорил император. - О чем ты пришел сюда просить?

- То, о чем я просил много лет, сир: чтобы ваше величество соизволили сообщить мне, в чем я провинился, или восстановить мне мое звание.

Среди тех, кто находился достаточно близко, чтобы слышать эти вопросы и ответы, мало кто мог вздохнуть свободно. Наконец улыбка приоткрыла плотно сжатые губы императора; он приложил палец к губам и, подойдя к полковнику, сказал ему смягченным и почти дружеским тоном: "У вас есть основания немного жаловаться на это, но давайте больше не будем об этом", - и продолжил свой обход. Он отошел на десять шагов от группы, образованной депутатами от Бескансона, когда вернулся и, остановившись перед полковником, сказал: "Господин военный министр,

запишите имя этого офицера и обязательно напомните мне о нем. Он устал ничего не делать, и мы дадим ему занятие".

Как только аудиенция закончилась, началась борьба за то, кто должен быть наиболее внимателен к полковнику. Его окружили, поздравляли, обнимали и тащили за собой. Каждый из его старых товарищей хотел унести его, и у него не хватало рук, чтобы схватить всех протянутых к нему. Генерал Савари, который в тот же вечер еще больше напугал маршала Монси, будучи поражен тем, что у кого-то может хватить смелости бросить вызов императору, обнял за плечи тех, кто столпился вокруг полковника, и пожал ему руку самым сердечным образом, на какой только был способен. "Делли, - воскликнул он, - не забывай, что я жду тебя завтра к завтраку".

Через два дня после этой сцены при дворе полковник Делели получил назначение начальником штаба армии Португалии, которой командовал герцог д'Абрантеш. Вскоре его приготовления были закончены, и непосредственно перед отъездом у него состоялась последняя беседа с императором, который сказал ему: "Полковник, я знаю, что бесполезно убеждать вас наверстывать упущенное. Я надеюсь, что через некоторое время мы оба будем довольны друг другом".

Выйдя с этой последней аудиенции, храбрый Делели сказал, что ничто не могло сделать его счастливым, кроме хорошей возможности разорвать себя на куски ради человека, который так хорошо знал, как залечить раны долгого позора. Таково было влияние, которое его Величество оказывал на умы людей.

Полковник вскоре пересек Пиренеи, проехал через Испанию и был принят Жюно с распростертыми объятиями. Армия Португалии сильно пострадала за те два года, в течение которых она неравными силами боролась как с населением, так и с англичанами. Продовольствие доставалось с трудом, а солдаты были плохо одеты и полуобуты. Новый начальник штаба сделал все, что было возможно, чтобы исправить этот беспорядок; и солдаты только начали ощущать благотворное воздействие его присутствия, когда он заболел от переутомления и умер, не успев, по выражению императора, "наверстать упущенное время".

Я уже говорил в другом месте, что при каждом заговоре против жизни Первого консула все члены его семьи немедленно подвергались строгому надзору; за их малейшими действиями следили; за ними следили за пределами замка; об их поведении сообщалось даже до мельчайших подробностей. В то время, когда был раскрыт заговор Пишегрю, у портфеля был только один хранитель по имени Ландуар; и его положение было очень тяжелым, поскольку ему приходилось постоянно находиться в маленьком темном коридоре, в который открывалась дверь кабинета, и он ел на бегу, полуодетый. К счастью для Ландуара, они дали ему помощника, и это послужило поводом для этого.

Анхелю, одному из привратников дворца, Первый консул приказал встать у барьера Боншомов во время суда над Пишегрю, распознавать и наблюдать за членами семьи, которые приходили и уходили по своим делам, никому не разрешалось покидать Париж без разрешения. Отчеты Огеля понравились первому консулу, он послал за ним, остался доволен его ответами и разведанными и назначил его помощником Ландуара по хранению портфеля. Таким образом, задача последнего стала легче наполовину. В 1812 году Анхель участвовал в кампании против России и умер по возвращении, в нескольких лье от Парижа, от усталости и лишений, которые мы делили с армией.

Однако такому надзору подвергались не только те, кто состоял на службе у Первого консула или в замке.

Когда Наполеон стал императором, смотрители всех императорских дворцов были снабжены реестром, в который все лица извне и все незнакомцы, приходившие навестить кого-либо во дворце, были обязаны вписывать свои имена вместе с именами лиц, с которыми они приходили повидаться. Каждый вечер этот реестр приносили главному маршалу дворца, а в его отсутствие - губернатору, и император часто сверялся с ним. Однажды он нашел там некое имя, подозревать которое у него, как у мужа, были свои причины, и, возможно, веские. Его Величество ранее приказал исключить этого человека; и, снова обнаружив это несчастливое имя в реестре хранителей, он был разгневан сверх всякой меры, полагая, что они с обеих сторон посмели ослушаться его приказа. Немедленно было проведено расследование, и, к счастью, выяснилось, что посетитель был самым незначительным человеком, единственной ошибкой которого было то, что он носил имя, которое было справедливо скомпрометировано.

ГЛАВА XV.

1804 год, который был так полон славы для императора, был также годом, который принес ему больше забот и тревог, чем все остальные, за исключением 1814 и 1815 годов. Не в моей компетенции выносить суждения о таких серьезных событиях или определять, какую роль сыграл в них император или те, кто окружал его и давал советы, поскольку моя цель - рассказать только о том, что я видел и слышал. 21 марта того же года я рано вошел в комнату императора и обнаружил, что он не спит, опираясь на локоть. Он казался мрачным и усталым; но когда я вошел, он сел, много раз провел рукой по лбу и сказал мне: "Констант, у меня болит голова". Затем, сбросив одеяло, он добавил: "Я очень плохо спал". Он казался чрезвычайно озабоченным и поглощенным, и его вид выражал меланхолию и страдание до такой степени, что я был удивлен и несколько встревожен. Пока я одевал его, он не произнес ни слова, что случалось только тогда, когда его что-то волновало. В это время присутствовали только Рустан и я. Когда он закончил свой туалет и я уже протягивал ему табакерку, носовой платок и коробочку для конфет, дверь внезапно отворилась, и вошла жена Первого консула в утреннем пеньюаре, очень взволнованная, со следами слез на щеках. Ее внезапное появление удивило и даже встревожило Рустана и меня, ибо только чрезвычайное обстоятельство могло заставить мадам Бонапарт выйти из своей комнаты в этом наряде, не приняв всех необходимых мер предосторожности, чтобы скрыть ущерб, нанесенный ей отсутствием принадлежностей туалета. Она вошла, вернее, ворвалась в комнату с криком: "Герцог Энгийенский мертв! Ах, друг мой! что ты наделал?" Затем она, рыдая, упала в объятия Первого консула, который побледнел как смерть и сказал с необычайным волнением: "Эти несчастные действовали слишком быстро!" Затем он вышел из комнаты, поддерживая мадам Бонапарт, которая едвамогла ходить и все еще плакала. Известие о смерти принца вызвало ужас в замке, и первый консул заметил это

всеобщее горе, но никого за это не упрекнул. Дело в том, что величайшее огорчение, которое эта скорбная катастрофа причинила его слугам, большинство из которых были привязаны к нему даже больше, чем по долгу службы, было вызвано верой в то, что это неизбежно запятнает славу и разрушит душевный покой их хозяина.

Первый консул, вероятно, прекрасно понимал наши чувства; но как бы то ни было, я здесь рассказал все, что я сам видел и знаю об этом прискорбном событии. Я не претендую на то, чтобы знать, что происходило на заседании кабинета министров, но эмоции Первого консула показались мне искренними и неподдельными; и он оставался печальным и молчаливым в течение многих дней, очень мало разговаривая во время своего туалета и говоря только то, что было необходимо.

В течение этого и следующего месяца я заметил, что многие лица, которые, как мне сказали, были членами государственного совета, трибунами или сенаторами, постоянно проходили мимо Первого консула и часто беседовали с ним. Долгое время армия и огромное количество граждан, боготворивших героя Италии и Египта, открыто проявляли свое желание видеть его носящим титул, достойный его славы и величия Франции. Было также хорошо известно, что он один исполнял все обязанности правительства и что его номинальные коллеги на самом деле были его подчиненными. Поэтому было сочтено правильным, чтобы он номинально стал верховным главой государства, каким он уже был на самом деле. С момента его падения я часто слышал, как его Величество называли узурпатором, но единственное, что это производило на меня впечатление, - вызывать жалостливую улыбку; ибо, если император узурпировал трон, у него было больше сообщников, чем у всех тиранов трагедии и мелодрамы вместе взятых, ибо в заговоре участвовало три четверти французского народа. Как хорошо известно, 18 мая была провозглашена Империя, и Первый консул (которого я отныне буду называть императором) принял в Сен-Клу Сенат во главе с консулом Камбасересом, который несколько часов спустя стал архи-канцлером Империи; и именно от него император впервые услышал, как ему приветствовали титулом "сир". После этой аудиенции Сенат отправился засвидетельствовать свое почтение императрице Жозефине. Остаток дня прошел в приемах, презентациях, интервью и поздравлениях; все в замке были пьяны от радости; каждый чувствовал, что его внезапно повысили в звании, поэтому они обнимали друг друга, обменивались комплиментами и делились друг с другом надеждами и планами на будущее. Не было ни одного подчиненного, слишком скромного, чтобы не воспылать честолюбием; одним словом, приходя, за исключением разницы в лицах, представляла собой точное повторение того, что происходило в салоне. Ничто не могло быть более забавным, чем замешательство всей службы, когда приходилось отвечать на вопросы его Величества. Они начинали с ошибки, затем пробовали снова и делали еще хуже, повторяя десять раз в одну и ту же минуту: "Сир, генерал, ваше Величество, гражданин, Первый консул". На следующее утро, войдя, как обычно, в кабинет Первого консула, на его обычные вопросы: "Который час? Какая погода?" Я ответил: "Сир, семь часов; хорошая погода". Когда я подошел к его кровати, он схватил меня за ухо и ударил по щеке, назвав "месье ле Дроль", что было его любимым выражением, когда он был особенно доволен мной. Его величество не спал и работал допоздна, и я нашел его серьезным и озабоченным, но вполне удовлетворенным. Как отличалось это пробуждение от предыдущего, 21 марта! В этот день его величество отправился на свой первый торжественный прием в Тюильри, где ему были представлены все гражданские и военные власти. Братья и сестры императора были сделаны принцами и принцессами, за исключением Люсьена, который поссорился с его величеством по случаю его женитьбы на мадам Жубертон. Восемнадцать

генералов были возведены в достоинство маршалов империи. Начиная с этого дня, все вокруг их Величеств приобрело вид придворной и королевской власти. Много говорилось о неловкости первых придворных, еще не привыкших к новым обязанностям, возложенным на них, и к церемониям этикета; и действительно, вначале некоторое замешательство испытывали те, кто находился на непосредственной службе императора, как я уже говорил выше; но это длилось недолго, и камергеры и высшие чиновники приспособились к новому режиму почти так же быстро, как камердинеры. У них также были наставниками многие особы старого двора, которые были вычеркнуты из списка эмигрантов по доброте императора и теперь усердно добивались для себя и своих жен работы при новом императорском дворе.

Его величеству не нравились годовщины Республики; некоторые из них всегда казались ему отвратительными и жестокими, другие - нелепыми; и я слышал, как он выражал свое возмущение тем, что они осмелились сделать ежегодным празднеством годовщину 21 января, и с жалостью улыбался при воспоминании о том, что он называл маскарадами теофилантропов, которые, по его словам, "не хотели иметь Иисуса Христа и все же сделали святыми Фенелона и Лас Касаса —католических прелатов".

Бурьен в своих Мемуарах говорит, что в политике Наполеона не было ничего необычного в том, что в первые годы своего правления он сохранил праздник 14 июля. По этому поводу я замечу, что если его Величество использовал это ежегодное торжество, чтобы с помпой появиться на публике, то, с другой стороны, он настолько изменил цель праздника, что было бы трудно распознать в нем годовщину взятия Бастилии и создания Первой Федерации. Я не думаю, что во всей церемонии было хоть одно слово, намекающее на эти два события; и чтобы еще больше запутать воспоминания республиканцев, император приказал отмечать праздник 15-го числа, потому что это было воскресенье, и, таким образом, жители столицы не теряли времени даром. Кроме того, не было сделано никакого намека на чествование узников Бастилии, это было сделано просто по случаю торжественного вручения креста Почетного легиона.

Это был первый случай, когда их Величества предстали перед народом во всех атрибутах власти.

Кортеж пересек большую аллею Тюильри по пути к отелю инвалидов, церковь которого (преобразованная во время революции в Храм Марса) была восстановлена императором для католического богослужения и использовалась для великолепных церемоний того дня. Это также был первый раз, когда император воспользовался привилегией проехать в экипаже по саду Тюильри. Его кортеж был великолепен, кортеж императрицы Жозефины не менее великолепен; и опьянение народа достигло такой степени, что его невозможно было выразить. По приказу императора я смешался с толпой, чтобы узнать, в каком духе население примет участие в празднестве; и я не услышал ни малейшего ропота, так велик был энтузиазм всех классов по отношению к его Величеству в то время, что бы ни говорилось с тех пор. Император и императрица были встречены у дверей отеля инвалидов губернатором и графом де Сегюром, великим церемониймейстером, а у входа в церковь кардиналом дю Беллуа во главе многочисленного духовенства. После мессы де Ласепед, великий канцлер ордена Почетного легиона, произнес речь, за которой последовала переключка высших офицеров легиона, после чего император занял свое место и, надев шляпу, твердым голосом повторил формулу присяги, в конце которой все члены Легиона воскликнули: "Je le jure!" (Я клянусь в этом); и тотчас же крики "Да здравствует Император", повторенные тысячу раз, раздались в церкви и снаружи.

Необычное обстоятельство еще больше усилило интерес, который вызвала церемония. В то время как кавалеры нового ордена один за другим проходили перед императором, который приветствовал их, человек из народа в кольчуге опустился на ступени трона. Его величество выказал некоторое удивление и на мгновение остановился, после чего допрашиваемый предъявил свой ордер. Император немедленно и с большой сердечностью пригласил его выступить вперед и вручил ему орден, сопровождаемый бурными почестями. На обратном пути кортеж проследовал тем же маршрутом, снова пройдя через сад Тюильри.

18 июля, через три дня после этой церемонии, император отправился из Сен-Клу в Булонский лагерь. Полагая, что его Величество пожелает обойтись без моего присутствия на несколько дней, и поскольку прошло несколько лет с тех пор, как я видел свою семью, я почувствовал естественное желание встретиться с ними снова и обсудить с моими родителями те странные обстоятельства, через которые я прошел с тех пор, как покинул их.

Признаюсь, я испытал бы огромную радость, поговорив с ними о моем теперешнем положении и моих надеждах; и я почувствовал потребность свободно выражать свои мысли и наслаждаться конфиденциальностью домашней жизни в качестве компенсации за подавление и стеснение, которые налагало на меня мое положение. Поэтому я попросил разрешения провести восемь дней в Перуэльце. Это было с готовностью исполнено, и я, не теряя времени, отправился в путь; но можно себе представить мое изумление, когда на следующий же день после моего прибытия курьер принес мне письмо от графа де Ремюза, в котором мне приказывалось немедленно присоединиться к императору, добавляя, что я нужен его Величеству и у меня не должно быть другой мысли, кроме как вернуться без промедления. Несмотря на разочарование, вызванное такими приказами, я, тем не менее, чувствовал себя польщенным тем, что стал так необходим великому человеку, который соизволил принять меня к себе на службу, и сразу же попрощался с моей семьей. Едва его величество добрался до Булони, как немедленно снова отправился в многодневную поездку по северным департаментам. Я был в Булони до его возвращения и организовал службу его величества так, чтобы по прибытии он нашел все готовым; но это не помешало ему сказать мне, что меня долго не было.

Раз уж я затронул эту тему, я расскажу здесь, хотя и за несколько лет вперед, об одном или двух обстоятельствах, которые дадут читателю лучшее представление о строгом заключении, которому я был подвергнут. Вследствие утомительных моих постоянных переездов в свите императора я заболел болезнью мочевого пузыря, от которой ужасно страдал. Долгое время я боролся с болезнью терпеливо и соблюдал диету; но, наконец, когда боль стала совершенно невыносимой, в 1808 году я попросил у его Величества месячный отпуск, чтобы вылечиться, поскольку доктор Бойе сказал мне, что месяц - это самый короткий срок, абсолютно необходимый для моего выздоровления, и что без него моя болезнь станет неизлечимой. Я поехал в Сен-Клу навестить семью моей жены, где Иван, хирург императора, навещал меня каждый день. Не прошло и недели, как он сказал мне, что его величество считает, что я должен быть совершенно здоров, и желает, чтобы я вернулся к своим обязанностям. Это желание было равносильно приказу; именно так я понял его и вернулся к императору, который, видя мою бледность и мучительные страдания, соизволил сказать мне много добрых слов, не упомянув, однако, о новом отпуске. Это были мои единственные отлучки за шестнадцать лет; поэтому по возвращении из Москвы и во время кампании во Франции, когда моя болезнь достигла апогея, я покинул императора в Фонтенбло, потому что для меня было невозможно, несмотря на всю мою привязанность к столь доброму хозяину и всю благодарность, которую я испытывал к нему,

дольше исполнять свои обязанности. Даже после этой разлуки, которая была для меня чрезвычайно болезненной, едва хватило года, чтобы вылечить меня, да и то не полностью. Но я воспользуюсь случаем, чтобы рассказать об этом печальном событии позже. Теперь я возвращаюсь к перечислению фактов, которые доказывают, что я мог с большим основанием, чем многие другие, считать себя персоной огромной важности, поскольку мои скромные услуги казались незаменимыми для повелителя Европы, и многим завсегдатаям Тюильри было бы труднее, чем мне, доказать их полезность. Не слишком ли много тщеславия в том, что я только что сказал? и разве чемберлены не имели бы права быть раздосадованными этим? Меня это не волнует, поэтому я продолжаю свой рассказ. Император был цепок к старым привычкам; как мы уже видели, он предпочитал, чтобы я служил ему, а не всем другим; тем не менее, мой долг заявить, что все его слуги были полны рвения и преданности, хотя я пробыл с ним дольше всех и никогда не покидал его. Однажды император попросил чаю в середине дня. Господин сенешаль был на дежурстве, поэтому приготовил чай и подал его его Величеству, который объявил его отвратительным и приказал вызвать меня. Император пожаловался мне, что его пытаются отравить (так он выражался, когда находил в чем-либо дурной вкус); поэтому, пройдя на кухню, я налила из того же чайника чашку, которую приготовила и отнесла его Величеству, как обычно, с двумя серебряными с позолотой ложечками, одну для того, чтобы попробовать чай в присутствии императора, а другую для него. На этот раз он сказал, что чай превосходный, и сделал мне комплимент по этому поводу с доброй фамильярностью, которую он иногда соизволил использовать по отношению к своим слугам. Возвращая мне чашку, он потянул меня за уши и сказал: "Ты должен научить их заваривать чай; они ничего в этом не смыслят". Де Буррьен, чьи превосходные мемуары я прочел с величайшим удовольствием, где-то говорит, что император в минуты хорошего настроения щипал за кончики ушей своих приближенных. Я сам думаю, что он ущипнул все ухо, часто даже оба уха сразу, причем рукой мастера. Он также говорит в тех же Мемуарах, что император слегка дружески похлопал двумя пальцами, в чем Де Буррьен очень умерен, поскольку я могу засвидетельствовать по этому поводу, что его Величество, хотя его рука и не была большой, расточал свои милости гораздо шире; но этот вид ласки, так же как и первый, был дан и принят как знак особого расположения, и получатели тогда были далеки от жалоб. Я слышал, как не один сановник говорил с гордостью, подобно сержанту в комедии:

- Сэр, потрогайте вот здесь, удар по моей щеке все еще теплый.

В своих личных покоях император почти всегда был весел и доступен, свободно беседовал с людьми, состоявшими у него на службе, расспрашивал их об их семьях, делах и даже об их удовольствиях. Когда он закончил приводить себя в порядок, его внешность внезапно изменилась; он стал серьезным и задумчивым и снова принял осанку императора. Говорили, что он часто бил своих домочадцев, но это утверждение не соответствует действительности. Я видел его всего один раз, когда он поддался на угар подобного рода; и, конечно, обстоятельства, вызвавшие это, и последовавшее за этим возмещение ущерба должны были бы сделать это если не простительным, то по крайней мере легко понятным: это инцидент, свидетелем которого я был и который произошел в пригороде Вены на следующий день после смерти маршала Ланна. Император был глубоко тронут и во время своего туалета не произнес ни слова. Как только он оделся, он попросил подать ему лошадь; и, по несчастливой случайности, Жардена, управляющего конюшнями, не удалось найти, когда лошадь была оседлана, а грум не надел на нее обычную уздечку, вследствие чего не успел его величество сесть в седло, как животное дернулось, встало на дыбы, и всадник тяжело рухнул на землю.

Жарден прибыл как раз в тот момент, когда император поднимался с земли, вне себя от гнева; и в своем первом приступе ярости он ударил Жардена хлыстом прямо по лицу. Жарден удалился, ошеломленный таким жестоким обращением, столь необычным для его Величества; и несколько часов спустя Коленкур, великий конюший, оставшись наедине с его Величеством, описал ему горе и унижение Жардена. Император выразил глубокое сожаление по поводу своего гнева, послал за Жарденом и говорил с ним с добротой, которая стерла воспоминание о жестоком обращении с ним, и через несколько дней прислал ему три тысячи франков. Мне сказали, что аналогичный инцидент произошел с Вигонем-старшим в Египте. Но хотя это может быть правдой, только двух таких случаев за всю жизнь императора, которые происходили в обстановке, столь хорошо рассчитанной на то, чтобы заставить человека, даже самого дружелюбного от природы, отступить от своего обычного характера, недостаточно, чтобы навлечь на Наполеона гнусный упрек в жестоком избиении тех, кто был у него на службе.

ГЛАВА XVI.

В своей штаб-квартире на мосту Брик император работал так же регулярно, как и в своем кабинете в Тюильри. После конных прогулок, инспекций, визитов, рецензий он наскоро перекусывал и удалялся в свой кабинет, где часто работал большую часть ночи, ведя, таким образом, ту же жизнь, что и в Париже. Во время конных прогулок Рустан всюду сопровождал его, всегда беря с собой маленькую серебряную фляжку бренди для его величества, который редко просил о ней.

Булонская армия состояла примерно из ста пятидесяти тысяч пехотинцев и девяноста тысяч кавалеристов, разделенных на четыре основных лагеря: лагерь правого крыла, лагерь левого крыла, лагерь Вимеро и лагерь Амблетез.

Штаб-квартира его величества императора находилась в Пон-де-Брик; мне сказали, что он назван так потому, что там были обнаружены кирпичные фундаменты старого лагеря Цезаря. Мост Брик, как я уже говорил выше, находится примерно в полумиле от Булони, и штаб его Величества располагался в единственном доме, который в то время был пригоден для жилья, и охранялся отрядом кавалерии Императорской гвардии.

Четыре лагеря располагались на очень высоком утесе, возвышающемся над морем, так, что в хорошую погоду было видно побережье Англии.

В лагере справа они обустроили казармы для императора, адмирала Брюи, маршала Сульта и Декре, который в то время был министром военно-морского флота.

Императорская казарма была построена под руководством инженера Сорди, исполнявшего функции главного инженера военно-автомобильных дорог; и его племянник Лекат де Рю, прикрепленный в то время к штабу маршала Сульта в качестве адъютанта, был достаточно любезен, чтобы снабдить меня информацией, которая не входила в мою компетенцию.

Императорская казарма была построена из досок, как балаганы на сельской ярмарке, с той разницей, что доски были аккуратно обструганы и выкрашены в серовато-белый цвет. По форме это был длинный квадрат, имеющий на каждом конце по два павильона полукруглой формы. Этот барак окружал забор из деревянной решетки, который снаружи освещался лампами, расположенными на расстоянии четырех футов друг от друга, а окна располагались сбоку. Павильон рядом с морем состоял из трех комнат и холла, главная комната, использовавшаяся как зал заседаний совета, была отделана серебристо-серой бумагой. На потолке были нарисованы золотые облака, посреди которых на голубом небесном своде появился орел, держащий молнию и направляемый в Англию звездой-хранительницей императора. Посреди этой комнаты стоял большой овальный стол с простой крышкой из зеленого сукна; а перед этим столом стояло только кресло его Величества, которое можно было разобрать на части, оно было сделано из натурального дерева, некрашеное и покрыто зеленым сафьяном, набитым шерстью, а на столе стоял письменный стол самшитового дерева. Это было все убранство зала заседаний совета, в котором мог сидеть только его Величество. Генералы стояли перед ним, и во время этих совещаний, которые иногда длились по три-четыре часа, им не на что было опереться, кроме рукоятей своих сабель.

В зал заседаний совета входили из холла. Справа от этого зала находилась спальня его Величества со стеклянной дверью, освещенная окном, выходившим на лагерь в правом крыле, в то время как слева виднелось море. В этой комнате стояла железная кровать императора с большим занавесом из простого зеленого сарсенета, прикрепленного к потолку позолоченным медным кольцом; и на этой кровати были два матраса, один из шерсти, две подушки, одна в изголовье, другая в ногах, без подушки, и два покрывала, одно из белого хлопка, другое из зеленого сарсенета, ватные и стеганые; по бокам кровати два очень простых откидных сиденья, а на окне короткие занавески из зеленого сарсенета.

Эта комната была оклеена розовой бумагой с кружевным рисунком и этрусской каймой.

Напротив спальни находилась такая же комната, в которой стоял своеобразный телескоп, стоивший двенадцать тысяч франков. Этот инструмент был около четырех футов в длину и около фута в диаметре и был установлен на подставке из красного дерева с тремя ножками, ящик, в котором он хранился, был почти в форме пианино. В той же комнате на двух табуретках стоял небольшой квадратный сундук, в котором хранились три полных костюма и белье, составлявшие походный гардероб его Величества. Поверх этого была еще одна шляпа, подбитая белым атласом и гораздо более изношенная, поскольку император, как я скажу позже, говоря о его личных особенностях, имея очень нежную кожу головы, не любил новые шляпы и долгое время носил одни и те же.

Основная часть императорских казарм была разделена на три комнаты: салон, вестибюль и большую столовую, которая сообщалась с кухнями проходом, параллельным тому, о котором я только что упомянул. Рядом с баракком, соединенным с кухней, находился небольшой сарай, крытый соломой, который служил уборной, а также использовался как кладовая дворецкого.

Казарма адмирала Брюи была устроена так же, как казарма императора, но в меньших масштабах.

Рядом с этой казармой находился сигнальный семафор, своего рода морской телеграф, с помощью которого осуществлялось маневрирование флотом. Чуть дальше находился Тур д'Орд с мощной батареей, состоящей из шести мортир, шести гаубиц и двенадцати двадцатичетырехфунтовых орудий.

Эти шесть мортир, самых больших из когда-либо созданных, имели толщину шесть дюймов, расходовали сорок пять фунтов пороха на заряд и бросали бомбы на полторы тысячи туазов [туаз равен шести футам, а лига - трем милям] в воздух и на полторы лиги в море, причем каждая сброшенная бомба обходилась государству в триста франков. Чтобы стрелять из этих устрашающих машин, они использовали двустволки длиной в двенадцать футов; и канонир защищался, как мог, поджав голову между ног и не вставая до тех пор, пока не прозвучал выстрел. Император решил сам взорвать первую бомбу.

Справа от штабной батареи находилась казарма маршала Сульта, построенная в подражание казарме дикаря и покрытая соломой до земли, со стеклом наверху и дверью, через которую можно было спуститься в комнаты, вырытые наподобие погребов. Главная комната была круглой, и в ней стоял большой рабочий стол, покрытый зеленой скатертью, в окружении маленьких кожаных складных стульев.

Последней казармой была казарма Декре, военно-морского министра, обставленная так же, как казарма маршала Сульта. Из своей казармы император мог наблюдать за всеми маневрами на море; а подзорная труба, о которой я уже говорил, была настолько хороша, что Дуврский замок со своим гарнизоном находился, так сказать, под самым взором его Величества. Лагерь правого крыла, расположенный на утесе, был разделен на улицы, каждая из которых носила имя какого-нибудь выдающегося генерала; и этот утес оцетинился батареями от Кельна до Амблетезы, на расстоянии более двух лье.

Чтобы попасть из Булони в лагерь правого крыла, была только одна дорога, которая начиналась на улице Вийяр и проходила над обрывом между казармами его Величества и казармами Брюи, Сульта и Декре, так что, если император во время отлива хотел спуститься к берегу, требовался длинный крюк. Однажды, когда он сильно жаловался на это, Боннефу, морскому префекту Булони, пришлось в голову обратиться к Сорди, инженеру военных дорог, и выяснить, невозможно ли устранить это большое неудобство.

Инженер ответил, что вполне возможно проложить дорогу для его Величества прямо из его казармы на пляж; но что ввиду большой высоты утеса было бы необходимо умерить скорость спуска, сделав дорогу зигзагообразной. "Сделай это, как пожелаешь, - сказал император, - только пусть это будет готово к употреблению через три дня". Искусный инженер принялся за работу, и за три дня и три ночи дорога была построена из камня, скрепленного железными скобами; и император, очарованный таким усердием и изобретательностью, приказал внести имя Сорди в список для следующего вручения креста Почетного легиона, но из-за чьей-то постыдной небрежности имя этого талантливого человека было упущено из виду. В Булонском порту находилось около тысячи семисот судов, таких как плоскодонки, шлюпы, турецкие лодки, канонерские лодки, прерии, миноносцы и т.д.; Вход в порт защищался огромной цепью и четырьмя фортами, двумя справа и двумя слева.

Форт Гусуар, расположенный слева, был вооружен тремя мощными батареями, расположенными одна над другой, нижний ряд нес двадцатичетырехфунтовые орудия, второй и третий - тридцатишестифунтовые. Справа от этого форта находился вращающийся мост, а за этим мостом - старая башня, называемая замком Крой, украшенная батареями, которые были одновременно красивы и эффективны. Слева, примерно в четверти лиги от форта Мюзуар, находился форт Ла Ясли, смело выступающий в море, построенный из тесаного камня и увенчанный грозной батареей; и, наконец, справа от форта Ла Ясли находился форт ан-Буа, прекрасно укомплектованный людьми и прорезанный большим отверстием, которое открывалось во время отлива.

На утесе слева от города, почти на той же высоте, что и предыдущий, располагался лагерь левого крыла. Здесь располагалась казарма принца Джозефа, в то время полковника Четвертого линейного полка; эта казарма была крыта соломой. Ниже лагеря, у подножия скалы, император приказал выдолбить котлован, в работе над которым была занята часть войск.

Именно в этой котловине однажды молодой солдат гвардии, увязший в грязи по колено, из всех сил пытался вытащить свою тачку, увязшую еще хуже, чем он сам; но у него ничего не получилось, и он, весь в поту, ругался и бушевал, как разъяренный гренадер. Случайно подняв глаза, он вдруг увидел императора, который проходил мимо строений, направляясь навестить своего брата Иосифа в лагере слева. Солдат посмотрел на него с умоляющим видом и запел самым сентиментальным тоном: "Приди, о, приди мне на помощь". Его величество не смог сдержать улыбки и сделал знак солдату приблизиться, что бедняга и сделал, с большим трудом высвободившись. "Какой у вас полк" — "Сир, первый в гвардии". — "Как долго вы были солдатом?" — "С тех пор, как вы стали императором, сир". — "Действительно, прошло совсем немного времени! Мне недостаточно времени, чтобы произвести тебя в офицеры, не так ли? Но веди себя хорошо, и я произведу тебя в сержанты. После этого получишь крест и эполеты на первом поле боя. Вы довольны?" — "Да, сир". — "Начальник штаба, - продолжал император, обращаясь к генералу Бертье, - запишите имя этого молодого человека. Вы дадите ему триста франков на чистку панталон и починку тачки". И его величество поехал дальше под одобрительные возгласы солдат.

На внутренней оконечности порта находился деревянный мост, который они называли Служебным мостом. За ним находились пороховые погреба с огромным количеством боеприпасов; и после наступления темноты никому не разрешалось проходить по этому мосту, не дав встречного знака второму часовому, ибо первый всегда пропускал его. Однако ему не разрешалось возвращаться обратно; ибо если какой-либо человек, входивший на мост, не знал о знаке отличия или случайно забывал его, его останавливал второй часовой, а первый часовой у начала моста имел прямой приказ проткнуть штыком тело опрометчивого человека, если он не сможет ответить на вопросы этого последнего часового. Эти строгие меры предосторожности были необходимы из-за близости этих ужасных пороховых погребов, которые от одной искры могли взорваться, а вместе с ними и город, флот и оба лагеря.

На ночь порт закрывался большой цепью, о которой я уже упоминал, а у причалов выставлялись часовые, расставленные в пятнадцати шагах друг от друга. Каждые четверть часа они кричали: "Часовые, берегитесь!" И солдаты морской пехоты, стоявшие на марселях, ответили на это: "Все в порядке", произнесенным протяжным, скорбным тоном. Ничто не могло быть более монотонным или угнетающим, чем этот непрерывный ропот, это мрачное смешение голосов в

одном тоне, особенно если учесть, что те, кто издавал эти крики, старались сделать их как можно более вдохновляющими.

Женщинам, не проживающим в Булони, было запрещено оставаться там без специального разрешения министра полиции. Эта мера была признана необходимой из-за армии, ибо в противном случае каждый солдат, возможно, привез бы с собой в Булонь женщину, и беспорядок был бы неописуемым. Незнакомцев впускали в город с большим трудом.

Несмотря на все эти предосторожности, шпионы английского флота каждый день проникали в Булонь. Когда их обнаружили, пощады не было; и, несмотря на это, эмиссары, высадившиеся неизвестно где, приходили каждый вечер в театр и проявляли свою неосторожность настолько, что писали свое мнение об актерах и актрисах, которых они называли поименно, и вывешивали эти записи на стенах театра, бросая вызов полиции. Однажды на берегу были найдены две маленькие лодки, накрытые брезентом, которыми эти дворяне, вероятно, пользовались в своих тайных экскурсиях.

В июне 1804 года были арестованы восемь англичан, прекрасно одетых, в белых шелковых чулках и т.д., и при них были обнаружены сернистые устройства, с помощью которых они намеревались сжечь флот. Они были расстреляны в течение часа без какого-либо судебного разбирательства.

В Булони тоже были предатели. Школьный учитель, тайный агент лордов Кейта и Мелвилла, был застигнут однажды утром на утесе над лагерем правого крыла врасплох, когда он делал телеграфные сигналы руками; и будучи арестован почти на месте преступления часовыми, он заявил о своей невиновности и попытался обратить инцидент в шутку, но его бумаги были обысканы, и была найдена переписка с англичанами, что ясно доказывало его вину. Он был доставлен на военный совет и расстрелян на следующий день.

Однажды вечером, между одиннадцатью часами и полуночью, брандер, оснащенный как французский корабль, под французским флагом и во всех отношениях напоминающий канонерскую лодку, приблизился к линии боя и прошел сквозь нее. По непростительной небрежности цепь в тот вечер не была натянута. За этим брандером последовал второй, который взорвался, ударившись о шлюп, который пошел ко дну вместе с ним. Этот взрыв поднял тревогу по всему флоту; и огни мгновенно засияли во всех направлениях, показывая первый брандер, продвигавшийся между причалами, зрелище, за которым наблюдали с невыразимой тревогой. К счастью, три или четыре куска дерева, соединенные тросами, остановили ее продвижение; но она взорвалась с такой силой, что стекла во всех окнах в городе разлетелись вдребезги, и большое количество жителей, которые из-за отсутствия кроватей спали на столах, были сброшены на пол и проснулись от падения, не понимая, что произошло. Через десять минут все зашевелились, так как было решено, что англичане вошли в порт; и последовало такое замешательство, такая смесь звуков и криков, что никто не мог ничего понять, пока по городу не были разосланы глашатаи, которым предшествовали барабаны, чтобы успокоить жителей и сообщить им, что вся опасность миновала.

На следующий день песни об этом ночном будильнике были сочинены и вскоре были у всех на устах.

Еще одна тревога, но совершенно иного рода, потрясла всю Булонь осенью 1804 года. Около восьми часов вечера справа по левому борту загорелась труба, и свет этого пожара,

пробивавшийся сквозь мачты флотилии, встревожил коменданта поста на противоположном берегу. В это время на борту всех судов были порох и боеприпасы, и бедный комендант, вне себя от ужаса, закричал: "Ребята, флот в огне", - немедленно ударил в набат. Ужасная весть распространилась со скоростью молнии; и менее чем за полчаса более шестидесяти тысяч человек появились на пристанях, во всех церквях ударили в набат, на фортах дали тревожный залп, а на улицах зазвучали барабаны и трубы, подняв адский шум.

Император находился в штаб-квартире, когда до его ушей донесся ужасный крик: "Флот в огне". "Это невозможно!" - тут же воскликнул он, но, тем не менее, мгновенно выбежал вон.

Войдя в город, какое ужасное зрелище мы увидели! Женщины в слезах, держа на руках своих детей, бежали как сумасшедшие, издавая крики отчаяния, в то время как мужчины покидали свои дома, унося все самое ценное, сталкиваясь друг с другом в темноте. Со всех сторон слышалось: "Mauve qui peat; нас сейчас взорвут, мы все погибли", и проклятий, причитаний, богохульств было достаточно, чтобы волосы встали дыбом.

Адъютанты его величества и маршала Сульта скакали во всех направлениях, пробиваясь сквозь толпу, останавливая барабанщиков и спрашивая их: "Почему вы бьете в набат? Кто приказал вам бить тревогу?" — "Мы не знаем", - ответили они; и барабаны продолжали бить, в то время как шум все нарастал, и толпа бросилась к воротам, охваченная ужасом, который рассеял бы минутное размышление. Но, к сожалению, страх не дает времени на размышления.

Однако верно, что значительное число жителей, менее возбудимых, чем те, которых я описал, спокойно оставались дома, хорошо зная, что, если бы флот действительно горел, у них не было бы времени поднять тревогу. Эти люди приложили все усилия, чтобы успокоить возбужденную толпу. Мадам Ф., очень хорошенькая и очень любезная жена часовщика, готовилась на кухне к ужину, когда вошла перепуганная соседка и сказала ей: "Спасайтесь, мадам, нельзя терять ни минуты!" — "В чем дело?" — "Флот в огне!" — "А-фу!" — "Тогда летите, мадам, летите! Говорю вам, флот в огне". И сосед взял мадам Ф. за руку и попытался потащить ее за собой. Мадам Ф. в этот момент держала в руках сковородку, на которой готовила оладьи. "Берегись, из-за тебя оладьи у меня подгорят", - сказала она, смеясь. И несколькими полусерьезными, полушутливыми словами она успокоила беднягу, который в конце концов рассмеялся над самим собой.

Наконец суматоха утихла, и на смену этому великому испугу пришло глубокое затишье. Взрыва слышно не было; и они поняли, что это, должно быть, была ложная тревога, поэтому каждый вернулся домой, больше не думая о пожаре, но взволнованный другим страхом. Грабители, возможно, воспользовались отсутствием жителей, чтобы разграбить дома, но, по счастливой случайности, ничего подобного не произошло.

На следующий день бедный комендант, который так некстати поднял тревогу, предстал перед военным советом. Он не был виновен ни в каком умышленном преступлении, но закон был ясен, и он был приговорен к смерти. Однако его судьи отдали его на милость императора, который помиловал его.

ГЛАВА XVII.

Многие из храбрых солдат, составлявших булонскую армию, заслужили крест (ордена Почетного легиона) в этих последних кампаниях, и его Величество пожелал, чтобы это вручение стало впечатляющим событием, которое надолго запомнится. Он выбрал день после своего праздника, 16 августа 1804 года. Никогда в прошлом и не может быть в будущем более впечатляющего зрелища.

В шесть часов утра более восьмидесяти тысяч человек покинули четыре лагеря — во главе их били барабаны и играли оркестры - и двинулись подразделениями к полю "Хьюберт Милл", которое находилось на утесе за лагерем правого крыла. На этой равнине была воздвигнута огромная платформа, примерно в пятнадцати футах над землей, обращенная тыльной стороной к морю. К ней вели три пролета ступеней, покрытых богатым ковром, расположенных посередине и по бокам. На образованной таким образом сцене площадью около сорока квадратных футов возвышались три других помоста: на центральном стояло императорское кресло, украшенное трофеями и знаменами, на левом - сиденья для братьев императора и высших сановников, а на правом - треножник античной формы, увенчанный шлемом (я думаю, шлемом Дюгесклена), украшенным крестами и лентами. Рядом с треножником было установлено кресло для архиректора.

Примерно в трехстах шагах от трона местность поднималась небольшим, почти круговым подъемом; и на этом подъеме войска были расположены как в амфитеатре. Справа от трона, на возвышении, были расставлены шестьдесят или восемьдесят палаток, сделанных из военноморских флагов; эти палатки предназначались для городских дам и представляли собой очаровательную картину, но они находились так далеко от трона, что заполнявшим их зрителям приходилось пользоваться биноклями. Между этими палатками и троном была выстроена в боевую линию часть императорской гвардии.

Погода стояла прекрасная; на небе не было ни облачка; английские крейсера исчезли, и на море виднелась только вереница наших судов, красиво украшенных флагами.

В десять часов утра артиллерийский залп возвестил об отъезде императора, и его Величество покинул свои казармы в окружении более восьмидесяти генералов и двухсот адъютантов-дезампом, все его приближенные последовали за ним. Император был одет в мундир генерал-полковника гвардейской пехоты. Он галопом подъехал к подножию трона под всеобщие возгласы и самый оглушительный рев, производимый барабанами, трубами и пушками, которые били, трубили и ревели все вместе.

Его Величество взошел на трон, за ним последовали его братья и высшие сановники; и когда он сел, каждый занял отведенное ему место, и раздача крестов началась следующим образом: адъютант императора называл по именам солдат, заслуживающих чести, которые один за другим останавливались у подножия трона, кланялись и поднимались по ступенькам справа. Там они были приняты архиканцлером, который вручил им их поручения; и два пажа, помещенные между императором и треножником, сняли украшение со шлема Дюгесклена и вручили его его Величеству, который собственноручно прикрепил его к груди храброго воина.

Тотчас же более восьмисот барабанов отбили дробь; и когда солдат, украшенный таким образом, спустился с трона по ступенькам слева, когда он проходил перед блестящим посохом императора, взрыв музыки более чем двенадцати сотен музыкантов возвестил о возвращении в его роту кавалера ордена Почетного легиона. Излишне говорить, что крик "Да здравствует Император!" повторялся дважды при каждом украшении.

Раздача началась в десять часов и закончилась около трех. Затем, согласно приказу, переданному адъютантами дивизиям, раздался артиллерийский залп, и восемьдесят тысяч человек сомкнутыми колоннами приблизились к трону на расстояние двадцати или тридцати шагов. За грохотом барабанов наступила глубочайшая тишина; и после того, как император отдал свои приказы, войска около часа проводили маневры, по окончании которых каждое подразделение дефилировало перед троном, возвращаясь в лагерь. Каждый военачальник, проходя мимо, отдавал честь, опуская острие своего меча. Особенно выделялся среди них принц Джозеф, недавно назначенный полковником Четвертого линейного полка, который отдал честь своему брату скорее изящно, чем по-военному. Император слегка нахмурился, услышав несколько критические замечания, которые, казалось, были склонны делать по этому поводу его старые товарищи по оружию; но, если не считать этого легкого облачка, лицо его Величества никогда не было более сияющим.

Как раз в тот момент, когда войска начали отходить, ветер, который яростно дул в течение двух или трех часов, превратился в настоящий шторм, и дежурный офицер поспешил сообщить его величеству, что четыре или пять канонерских лодок только что были отогнаны к берегу. Император немедленно галопом покинул равнину, сопровождаемый несколькими маршалами, и занял позицию на берегу, пока не были спасены экипажи канонерских лодок, после чего император вернулся в мост Брик.

Эта огромная армия не могла вернуться на свои места раньше восьми часов вечера. На следующий день в лагере левого крыла был устроен военный праздник, на котором присутствовал император.

С раннего утра катера, установленные на колесах, мчались на полной скорости по улицам лагеря, подгоняемые попутным ветром. Офицеры развлекались, скача за ними галопом и редко обгоняя их. Это упражнение продолжалось час или два, но из-за переменившегося ветра катера перевернулись под взрывы смеха.

За этим последовали скачки верхом, приз составил тысячу двести франков. Лейтенант драгун, очень популярный в своей роте, попросил в качестве одолжения допустить его к соревнованиям; но надменный совет старших офицеров отказался допустить его под предлогом того, что его звание было недостаточно высоким, а на самом деле потому, что у него была репутация великолепного наездника. Уязвленный этим несправедливым отказом, драгунский лейтенант обратился к императору, который разрешил ему участвовать в гонках вместе с остальными, узнав, что этот храбрый офицер собственными усилиями содержал многочисленную семью и что его поведение было безупречным.

По заданному сигналу начались скачки. Драгунский лейтенант вскоре обогнал своих противников и почти достиг цели, когда, по досадной случайности, маленький пудель пробежал между ног его лошади и сбил ее с ног. Адъютант, пришедший сразу после этого, был провозглашен победителем. Лейтенант взял себя в руки, насколько мог, и очень печально

готовился удалиться, несколько утешенный признаками интереса, которые проявляли зрители, когда император вызвал его и сказал: "Ты заслуживаешь награды, и ты ее получишь; я назначаю тебя капитаном". И, обращаясь к главному маршалу дворца: "Вы заплатите тысячу двести франков Капитану" (имя мне не приходит в голову), в то время как все кричали: "Да здравствует Император!" - и поздравляли нового капитана с его счастливым падением.

Вечером был устроен фейерверк, который можно было увидеть с побережья Англии. Тридцать тысяч солдат выполняли всевозможные маневры, выпуская небесные ракеты из своих орудий. Коронная статуэтка, изображавшая герб Империи, была так прекрасна, что в течение пяти минут Булонь, сельская местность и все побережье были освещены, как середь бела дня.

Через несколько дней после этих празднеств, когда император переходил из одного лагеря в другой, матрос, поджидавший его, чтобы вручить петицию, был вынужден, поскольку шел проливной дождь, и он боялся испортить лист бумаги, укрыться в изолированном бараке на берегу, который использовался для хранения такелажа. Он ждал долго и промок до нитки, когда увидел императора, галопом выезжающего из лагеря левого крыла. Как раз в тот момент, когда его величество, все еще скача галопом, собирался проехать мимо казармы, храбрый моряк, стоявший на стреме, внезапно выскочил из своего укрытия и бросился к императору, протягивая свою петицию в позе учителя фехтования, защищающегося. Лошадь императора, испуганная этим внезапным появлением, резко остановилась; и его величество, застигнутый врасплох, бросил на моряка неодобрительный взгляд и проехал дальше, не приняв прошения, которое было подано ему столь необычным образом.

Я думаю, именно в этот день месье Декре, военно-морской министр, имел несчастье упасть в воду, к великому удовольствию его Величества. Чтобы император мог перейти с причала на канонерскую лодку, с лодки на причал была переброшена единственная доска. Наполеон прошел или, скорее, перепрыгнул через этот легкий мостик и был принят на борт в объятия солдата гвардии; но г-н Декре, более полный и менее подвижный, чем император, осторожно перелез через доску, которая, к его ужасу, прогибалась у него под ногами, пока, как только он добрался до середины, тяжесть его тела не сломала доску, и военно-морской министр рухнул в воду на полпути между причалом и лодкой. Его Величество обернулся на шум, который произвел при падении господин Декре, и, перегнувшись через борт лодки, воскликнул: "Что? Это наш военно-морской министр позволил себе упасть в воду? Возможно ли, что это может быть он? Император во время этой речи громко смеялся. Тем временем два или три матроса были заняты тем, что вытаскивали г-на Декре из его неловкого положения. Его с большим трудом подняли на шлюп, в плачевном состоянии, как можно предположить, его рвало водой из носа, рта и ушей, и он очень стыдился своего несчастного случая, который шутки императора сделали еще более раздражающим.

Ближе к концу нашего пребывания генералы дали великолепный бал для дам города, на котором присутствовал император.

Для этой цели был возведен временный зал, со вкусом украшенный гирляндами, флагами и трофеями.

Его коллеги назначили церемониймейстером генерала Бертрана и генерала Биссона. Меня назначили заведующим буфетом, и эта должность идеально подходила генералу Биссону, поскольку он был самым большим обжорой в лагере, а его огромный живот сильно мешал ему

ходить. За обедом он выпивал не менее шести или семи бутылок вина, и никогда в одиночку; для него было наказанием не разговаривать за едой, поэтому он обычно приглашал своих адъютантов, которых, без сомнения, по злому умыслу, всегда выбирал из числа самых деликатных и воздержанных в армии. Шведский стол был достоин того, кто за него отвечал.

Оркестр состоял из музыкантов из двадцати полков, которые играли по очереди. Но в начале бала весь оркестр исполнил триумфальный марш, во время которого адъютанты, наиболее элегантно одетые, принимали приглашенных дам и преподносили им букеты.

Для того, чтобы быть допущенным на этот бал, необходимо было иметь как минимум звание коменданта. Невозможно дать представление о сцене, представляемой этим множеством униформ, каждая из которых соперничает в блеске с другой. Пятьдесят или шестьдесят генералов, дававших бал, заказали из Парижа великолепно расшитые мундиры, и группа, которую они образовали вокруг его Величества, когда он вошел, сверкала золотом и бриллиантами. Император пробыл на этом празднике час и станцевал буланьер с мадам Бертран. На нем был мундир генерал-полковника гвардейской кавалерии.

Королевой бала была жена маршала Сульта. На ней было черное бархатное платье, усыпанное бриллиантами, которые называются стразами.

В полночь был подан великолепный ужин, приготовлением которого руководил генерал Биссон, что равносильно утверждению, что недостатка ни в чем не было.

Булонские дамы, никогда не присутствовавшие на подобном празднестве, были вне себя от изумления и, когда подали ужин, посоветовали друг другу наполнить свои ридикюли лакомствами и сладостями. Я думаю, они бы увлекли зал вместе с музыкантами и танцорами; и больше месяца этот бал был единственной темой их разговоров.

Примерно в это время его величество проезжал верхом мимо своих казарм, когда хорошенькая девушка лет пятнадцати-шестнадцати, одетая в белое, с лицом, залитым слезами, бросилась на колени у него на пути. Император немедленно соскочил с коня и помог ей подняться, с величайшим сочувствием спрашивая, что он может для нее сделать. Бедная девушка пришла просить прощения у своего отца, кладовщика в комиссариате, который был приговорен к галерам за тяжкие преступления. Его величество не смог устоять перед многочисленными чарами юной просительницы, и помилование было даровано.

ГЛАВА XVIII.

В Булони, как и везде, император хорошо умел завоевывать сердца людей своей умеренностью, справедливостью и великодушной милостью, с которой он принимал малейшую услугу. Все жители Булони, даже все крестьяне предместий, отдали бы за него жизнь, и мельчайшие

подробности, касающиеся его, постоянно повторялись. Однако однажды его поведение вызвало серьезные нарекания, и его единодушно обвинили, ибо его несправедливость стала причиной ужасной трагедии. Теперь я расскажу об этом печальном событии, подлинный отчет о котором я никогда не видел в печати.

Однажды утром, садясь на коня, император объявил, что в этот день он проведет смотр военно-морским силам, и отдал приказ, чтобы лодки, занимавшие линию обороны, покинули свои позиции, поскольку он намеревался провести смотр в открытом море. Он отправился с Рустаном на утреннюю прогулку верхом и выразил пожелание, чтобы все было готово к его возвращению, час которого он назначил. Каждый знал, что малейшее желание императора - закон; и приказ был передан во время его отсутствия адмиралу Брюи, который невозмутимо ответил "sang froid", что он очень сожалеет об этом, но смотр в этот день не состоится, и, следовательно, ни одно судно не пошевелилось.

Вернувшись с прогулки, император спросил, все ли готово, и ему доложили ответ адмирала. Пораженный тоном, так отличавшимся от того, к чему он привык, он приказал повторить это дважды, а затем, яростно топнув ногой, приказал вызвать адмирала. Он немедленно повиновался, но император, решив, что он пришел недостаточно быстро, встретил его на полпути от своих казарм. Слуги последовали за его Величеством и молча расположились вокруг него, в то время как его глаза метали молнии.

"Адмирал Брюи, - сказал император тоном, в котором сквозило сильное волнение, - почему вы не выполнили мой приказ?"

- Сир, - ответил Брюи с почтительной твердостью, - надвигается ужасная буря. Ваше величество видит это так же хорошо, как и я; готовы ли вы напрасно рисковать жизнями стольких храбрецов?" По правде говоря, тяжесть атмосферы и низкий рокот, который был слышен вдалеке, слишком хорошо оправдывали опасения адмирала. "Государь, - ответил император, раздражаясь все больше и больше, - я отдал приказ; еще раз спрашиваю, почему вы не выполнили его? Последствия касаются только меня. Повинуйтесь!" — "Сир, я не буду повиноваться!" — "Месье, вы наглец!" И император, все еще державший в руке хлыст для верховой езды, двинулся на адмирала, делая угрожающий жест. Адмирал Брюи отступил на шаг и положил руку на рукоять шпаги. "Сир, - сказал он, бледнея, - берегитесь!" Все присутствующие были парализованы ужасом. Император некоторое время оставался неподвижным, с поднятой рукой и устремленным взглядом на адмирала, который все еще сохранял вызывающую позу. Наконец император бросил свой кнут на землю. Адмирал Брюи ослабил хватку на шпаге и с непокрытой головой в молчании ожидал развязки этой ужасной сцены.

"Контр-адмирал Магон! - сказал император. - Вы увидите, что приказы, которые я отдал, будут выполнены немедленно. Что касается вас, сэр, - продолжал он, обращаясь к адмиралу Брюи, - вы покинете Булонь в течение двадцати четырех часов и отправитесь в Голландию. Отправляйтесь! Его Величество сразу же вернулся в штаб; некоторые офицеры, правда, совсем немногие, пожали на прощание руку, которую им протянул адмирал.

Контр-адмирал Магон немедленно отдал приказ о роковом маневре, которым командовал император; но едва были сделаны первые распоряжения, как на море стало страшно смотреть, небо, затянутое черными тучами, прорезали молнии, гром гремел не переставая, а ветер усилился до штормового. Действительно, произошло то, что предвидел адмирал Брюи:

страшный шторм разбросал лодки во всех направлениях и сделал их положение отчаянным. Император, встревоженный и встревоженный, с опущенной головой и скрещенными на груди руками, расхаживал взад и вперед по берегу, как вдруг послышались ужасные крики. Более двадцати канонерских лодок, наполненных солдатами и матросами, только что были пристегнуты к берегу; и бедняги, находившиеся на них, боролись с яростными волнами, умоляя о помощи, которую никто не осмеливался оказать. Император был глубоко тронут этим зрелищем, в то время как его сердце разрывалось от стенаний огромной толпы, которую буря собрала на берегу и прилегающих утесах. Он увидел, что его генералы и офицеры, содрогаясь от ужаса, стоят вокруг него, и, желая показать пример самопожертвования, несмотря на все попытки удержать его, бросился в спасательную шлюпку, говоря: "Оставьте меня в покое, оставьте меня в покое! Их нужно вытащить оттуда". В одно мгновение лодка наполнилась водой, волны захлестнули ее, и император утонул, одна волна сильнее других выбросила его Величество на берег, и с него снесло шляпу.

Воодушевленные таким мужеством, офицеры, солдаты, матросы и горожане начали оказывать помощь, кто вплавь, кто на лодках; но, увы! им удалось спасти лишь очень небольшое число несчастных, составлявших команды канонерских лодок, а на следующий день море выбросило на берег более двухсот человек, а вместе с ними и шляпу завоевателя Маренго.

Следующий день был днем траура и скорби как в Булони, так и в лагере. Жители и солдаты запрудили берег, с тревогой разыскивая тела, которые волны беспрестанно выбрасывали на берег; и император стонал по поводу этого ужасного бедствия, которое в глубине души он не мог не приписать своему собственному упрямству. По его приказу агенты, которым было доверено золото, прошли по городу и лагерю, пресекая готовый вспыхнуть ропот.

В тот день я видел барабанщика, который был среди команды потерпевших кораблекрушение судов, выброшенного на берег на своем барабане, который он использовал как плот. У бедняги было сломано бедро, и он более двадцати часов оставался в таком ужасном состоянии.

Чтобы завершить в этом месте мои воспоминания о Булонском лагере, я расскажу следующее, что, однако, произошло только в августе 1805 года, после возвращения императора из его путешествия в Италию, где он был коронован.

Солдаты и матросы сгорали от нетерпения отплыть в Англию, но столь желанный момент все откладывался. Каждый вечер они говорили себе: "Завтра будет хороший ветер, будет еще и туман, и мы отправимся в путь", - и ложились с этой надеждой, но каждый день, вставая, обнаруживали либо безоблачное небо, либо дождь.

Однако однажды вечером, когда дул попутный ветер, я услышал, как два матроса беседовали на пристани и строили предположения относительно будущего. "Императору следовало бы отправиться в путь завтра утром, - сказал один из них. — лучшей погоды у него никогда не будет, и наверняка будет туман". - "Ба! - сказал другой. - Только он так не думает. Мы ждали уже более пятнадцати дней, а флот так и не сдвинулся с места; однако все боеприпасы на борту, и по одному сигналу мы можем выйти в море".

Появились ночные часовые, и разговоры старых морских волков на этом прекратились; но вскоре мне пришлось признать, что их морской опыт не обманул их. В самом деле, к трем часам утра над морем разлился легкий туман, который был несколько штормовым, ветер, дувший накануне вечером, снова начал дуть, и при свете дня туман стал таким густым, что скрыл флот от

англичан, в то время как повсюду царила глубочайшая тишина. Ночью не было замечено никаких враждебных парусов, и, как и предсказывали моряки, все благоприятствовало спуску.

В пять часов утра с семафора были поданы сигналы, и в мгновение ока все матросы пришли в движение, а порт огласился криками радости, ибо только что был получен приказ отчаливать. Пока поднимали паруса, в четырех лагерях прозвучала длинная переключка и был отдан приказ всей армии взяться за оружие; и они быстрым маршем вошли в город, едва веря в то, что только что услышали. "Мы действительно собираемся начинать", - сказали все солдаты. "Мы действительно собираемся сказать несколько слов этим англичанам", и радость, которая воодушевляла их, вырвалась наружу одобрительными возгласами, которые были заглушены барабанным боем. Затем посадка произошла в глубоком молчании и в таком совершенном порядке, что я едва ли могу дать о ней представление. В семь часов двести тысяч солдат были на борту флота; и когда вскоре после полудня эта прекрасная армия была готова тронуться в путь под крики прощания и добрых пожеланий всего города, собравшегося на стенах и окружающих утесах, и в тот самый момент, когда все солдаты, стоя с непокрытыми головами, собирались попрощаться с землей Франции, крича: "Да здравствует Император!", из императорской казармы прибыло сообщение, приказывающее войскам сойти на берег и вернуться в лагерь. Телеграфная депеша, только что полученная его Величеством, требовала, чтобы он двинул свои войска в другом направлении; и солдаты печально вернулись в свои квартиры, некоторые громким голосом и в очень энергичной манере выражали разочарование, которое вызвала у них эта мистификация.

Они всегда считали успех предприятия против Англии гарантированным, и обнаружить, что их остановили накануне отъезда, было, в их глазах, величайшим несчастьем, которое могло с ними случиться.

Когда порядок был снова восстановлен, император отправился в лагерь правого крыла и обратился к войскам с воззванием, которое было разослано в другие лагеря и расклеено повсюду. Смысл был примерно такой: "Храбрые солдаты Булонского лагеря! вы не поедете в Англию. Английское золото соблазнило императора Австрии, который только что объявил войну Франции. Его армия перешла рубеж, который он должен был уважать, и Бавария захвачена. Солдаты! новые лавры ждут вас за Рейном. Давайте поспешим еще раз победить врагов, которых вы уже победили". Это воззвание вызвало единодушные возгласы радости, и все лица просветлели, ибо для этих бесстрашных людей мало имело значения, кто поведет их против Австрии или Англии; они просто жаждали битвы, и теперь, когда война была объявлена, каждое желание было удовлетворено.

Так исчезли все те грандиозные проекты нападения на Англию, которые так долго вынашивались, так мудро планировались. Теперь нет сомнений, что при благоприятной погоде и настойчивости предприятие увенчалось бы величайшим успехом; но этому не суждено было сбыться.

Несколько полков остались в Булони; и пока их собратья громили австрийцев, они воздвигли на берегу моря колонну, которой суждено было навсегда увековечить память о Наполеоне и его бессмертной армии.

Немедленно после провозглашения, о котором я только что говорил, его Величество отдал приказ, чтобы все готовились к немедленному отъезду; и главному маршалу дворца было

поручено провести ревизию и оплатить все расходы, которые император произвел или которые он приказал произвести во время своих нескольких визитов, не без предупреждения, согласно обычаю, чтобы он был осторожен и не платил за что-либо слишком много или слишком высокую цену. По-моему, я уже говорил, что император был чрезвычайно экономен во всем, что касалось его лично, и что он боялся потратить двадцать франков разве что на какую-нибудь непосредственно полезную цель. Среди многих других отчетов, подлежащих проверке, главный маршал дворца получил отчет Сорди, инженера военных дорог, которому он приказал украсить казарму его Величества как внутри, так и снаружи. Счет составлял пятьдесят тысяч франков. Великий маршал громко воскликнул, услышав эту ужасающую сумму. Он не пожелал одобрить счет Сорди и отправил его обратно, сказав, что не может санкционировать выплату без предварительного получения приказа императора. Инженер заверил великого маршала, что он ничего не переплатил и что он точно следовал его инструкциям, и добавил, что в данном случае для него невозможно произвести ни малейшего снижения цены. На следующий день Сорди получил указание явиться к его величеству. Император находился в своей казарме, о которой шла речь, и перед ним был расстелен не отчет инженера, а карта, на которой он прослеживал предполагаемый марш своей армии. Пришел Сорди, и генерал Каффарелли впустил его. Полуоткрытая дверь позволила генералу, а также мне, слышать последовавший за этим разговор. "Сударь, - сказал его величество, - вы потратили слишком много денег на отделку этой жалкой казармы. Да, конечно, слишком много. Пятьдесят тысяч франков! Только подумайте об этом, сударь! Это ужасно, я не буду вам платить! Инженер, сбитый с толку этим внезапным переходом к делу, сначала не знал, что ответить. К счастью, император, снова бросив взгляд на карту, развернутую перед ним, дал ему время прийти в себя; и он ответил: "Сир, золотые облака, украшающие этот потолок" (ибо все это происходило в зале совета), "и которые окружают звезду-хранительницу вашего Величества, действительно стоят двадцать тысяч франков; но если бы я посоветовался с сердцами ваших подданных, императорский орел, который снова собирается поразить молнией врагов Франции и вашего трона, расправил бы свои крылья среди редчайших алмазов". — "Это очень хорошо, ваше величество". император, смеясь, ответил: "Очень хорошо; но я не хочу, чтобы вам платили сейчас, и поскольку вы говорите мне, что этот орел, который стоит так дорого, поразит австрийцев молнией, подождите, пока он это сделает, и тогда я оплачу ваш счет долларами в риксах императора Германии и золотыми фредериками короля Пруссии". Его величество, снова взявшись за компас, начал перемещать свои армии по карте; и, по правде говоря, счет инженера был оплачен только после битвы при Аустерлице, и то, как сказал император, в риксах и фредериках.

Примерно в конце июля (1804 г.) император покинул Булонь, чтобы совершить турне по Бельгии, прежде чем присоединиться к императрице, которая отправилась напрямик в Экс-ла-Шапель. Повсюду в этом турне его встречали не только с почестями, подобающими коронованным особам, но и с сердечными приветствиями, адресованными ему лично, а не его официальному положению. Я ничего не буду говорить ни о празднествах, которые были устроены в его честь во время этого путешествия, ни о тех замечательных событиях, которые произошли. Описания этих явлений можно легко найти в другом месте; и моей целью является рассказать только о том, что стало предметом моих собственных наблюдений, или, по крайней мере, о деталях, неизвестных широкой публике. Итак, достаточно будет сказать, что наше путешествие по Аррасу, Валансьену, Монсу, Брюсселю и т.д. напоминало триумфальное шествие. У ворот каждого города муниципальный совет вручал его Величеству почетное вино и ключи от заведения. Мы остановились на несколько дней в Лакене; и, находясь всего в пяти лигах от Алоста, маленького

городка, где жили мои родственники, я попросил у императора разрешения покинуть его на двадцать четыре часа, и оно было получено, хотя и неохотно. Аlost, как и вся остальная Бельгия в то время, проявлял величайшую привязанность к императору, и поэтому у меня почти не было ни минуты свободного времени. Я побывал в доме месье Д., одного из моих друзей, семья которого долгое время занимала почетные должности в правительстве Бельгии. Там, я думаю, меня должен был встретить весь город; но я был недостаточно тщеславен, чтобы присвоить себе всю честь этого внимания, ибо каждый пришедший стремился узнать даже самые незначительные подробности о великом человеке, рядом с которым я находился. По этому поводу меня необычайно чествовали, и мои двадцать четыре часа пролетели слишком быстро. По моем возвращении его Величество соизволил задать бесчисленное количество вопросов о городе Аlost и его жителях, а также о том, что думали там о его правительстве и о нем самом. Я был рад, что могу ответить без лести, что его обожают. Он казался довольным и очень ласково говорил со мной о моей семье и о моих собственных мелких интересах.

На следующий день мы выехали в Лакен и проехали через Аlost; и если бы я знал об этом накануне вечером, я, возможно, отдохнул бы на несколько часов дольше. Однако императору было так трудно даровать мне хотя бы один день, что я, вероятно, не осмелился бы потерять больше, даже если бы знал, что дом должен был проезжать мимо этого города.

Император был очень доволен Лакеном; он приказал произвести там значительный ремонт и усовершенствования, и дворец, благодаря этому предпочтению, стал очаровательным местом пребывания.

Это путешествие их Величеств длилось почти три месяца; и мы вернулись в Париж, или, вернее, в Сен-Клу, только в ноябре. Император принимал в Кельне и Кобленце нескольких немецких принцев и принцесс; но поскольку я знаю только понаслышке, что происходило во время этих бесед, я не берусь их описывать.

ГЛАВА XIX.

Нет ничего слишком тривиального, чтобы рассказывать о великих людях; ибо потомство проявляет желание узнать даже самые незначительные подробности, касающиеся их образа жизни, их вкусов, их малейших особенностей. Когда я посещал театр, будь то в свои короткие промежутки времени или в свите его Величества, я отмечал, как остро зрители наслаждались представлением на сцене какого-нибудь великого исторического персонажа, чей костюм, жесты, осанка, даже его немощи и недостатки были изображены в точности так, как они были переданы нам современниками. Я сам всегда получал величайшее удовольствие, созерцая эти живые портреты знаменитых людей, и хорошо помню, что ни разу я так не наслаждался сценой, как тогда, когда впервые увидел очаровательную пьесу на Двух страницах. Флери в роли

Фридриха Великого так прекрасно воспроизвел медленную походку, сухие интонации, резкие движения и даже близорукость этого монарха, что, как только он появился на сцене, весь зал разразился аплодисментами. По мнению людей, достаточно хорошо информированных, чтобы судить, это было самое совершенное и достоверное изображение; и хотя я, со своей стороны, не мог сказать, было ли сходство совершенным или нет, я чувствовал, что оно должно быть. Мишло, которого я с тех пор видел в той же роли, доставил мне не меньшее удовольствие, чем его предшественник; и очевидно, что оба этих талантливых актера, должно быть, глубоко изучили предмет, чтобы так тщательно изучить и так точно передать характерные черты своей модели.

Я должен признаться, что испытываю чувство гордости при мысли о том, что эти мемуары, возможно, вызовут у моих читателей те же приятные эмоции, которые я здесь попытался описать; и что, возможно, в будущем, которое неизбежно наступит, хотя, возможно, и очень далеко сейчас, художник, который попытается вернуть к жизни и придерживаться мировоззрения величайшего человека нашего века, будет вынужден, чтобы дать точные очертания, взять за образец портрет, который я лучше, чем кто-либо другой, смог нарисовать с файфа. Я думаю, что этого еще никто не делал; конечно, не так подробно.

По возвращении из Египта император был очень худым и желтоватым, его кожа имела медный оттенок, глаза ввалились, а фигура, хотя и совершенная, тоже была очень худой. Сходство превосходно на портрете, который Гораций Верне нарисовал в своей картине под названием "Смотр первого консула на площади Карусель". Лоб у него был очень высокий и непокрытый; волосы тонкие, особенно на висках, но очень тонкие и мягкие, насыщенного каштанового цвета; глаза темно-голубые, почти невероятным образом выражавшие различные эмоции, которыми он был охвачен, иногда чрезвычайно нежные и ласковые, иногда суровые и даже непреклонные. У него был очень красивый рот, губы прямые и довольно плотно сжаты, особенно когда он был раздражен. Его зубы, не отличавшиеся особой правильностью, были очень белыми и крепкими, и он никогда ими не страдал. У него был хорошо очерченный нос греческой формы и совершенное обоняние. Все его телосложение было прекрасно сложено, хотя в то время его крайняя худоба не позволяла особенно заметить красоту его черт и оказывала пагубное воздействие на всю его физиономию.

Было бы необходимо описать его черты по отдельности, одну за другой, чтобы составить правильное представление о целом и постичь совершенную правильность и красоту каждой из них. Голова у него была очень большая, двадцать два дюйма в окружности; она была немного длиннее, чем широкая, следовательно, немного сплюснута на висках; она была такой чрезвычайно чувствительной, что я подбивал ему шляпы и потрудился носить их несколько дней в своей комнате, чтобы они не порвались. Его уши были маленькими, идеальной формы и хорошо посаженными. Ноги императора тоже были очень нежными, и мальчик-костюмер по имени Джозеф разбил мне его туфли, которые носили точно такого же размера, как у императора.

Его рост составлял пять футов два дюйма, три линии. У него была довольно короткая шея, покатые плечи, широкая грудь, почти лишенная волос, хорошей формы нога и бедро, маленькая ступня и правильной формы пальцы, совершенно без наростов или ссадин; его руки были изящной формы и хорошо прилегали к телу; его кисти были красивыми, и ногти не умаляли их красоты. Он проявлял величайшую заботу о них, как, собственно, и обо всей своей персоне,

однако без щегольства. Он часто слегка покусывал ногти, что было признаком нетерпения или озабоченности.

Позже он сильно располнел, но ничуть не утратил красоты своей фигуры; напротив, при Империи он был красивее, чем при консульстве; кожа его стала очень белой, а выражение лица оживленным.

Император в моменты или, скорее, в долгие часы своего труда и размышлений был подвержен странным судорожным движениям, которые, по-видимому, были нервной болезнью и которые преследовали его всю жизнь. Оно состояло в том, что он часто и быстро поднимал правое плечо; и люди, не знакомые с этой привычкой, иногда истолковывали это как жест неодобрения и неудовлетворенности и с тревогой спрашивали, чем они могли его обидеть. На него, однако, это несколько не действовало, и он повторял одно и то же движение снова и снова, сам того не сознавая.

Одной из самых замечательных особенностей было то, что император никогда не чувствовал, как бьется его сердце. Он часто упоминал об этом господину Корвизару, а также мне; и не раз он заставлял нас проводить руками по его груди, чтобы доказать это странное исключение. Мы ни разу не почувствовали ни малейшей пульсации. [Другой особенностью было то, что его пульс был всего сорок с точностью до минуты.]

Император ел очень быстро и едва ли провел за столом дюжину минут. Закончив, он встал и прошел в семейную гостиную, но императрица Жозефина осталась и сделала знак гостям сделать то же самое. Иногда, однако, она следовала за его величеством; и тогда, без сомнения, придворные дамы возвращались в свои покои, где им подавали все, что они пожелают.

Однажды, когда принц Евгений встал из-за стола сразу после императора, последний, повернувшись к нему, сказал: "Но у вас не было времени пообедать, Евгений". — "Простите меня, - ответил принц, - я пообедал заранее!" Другие гости, несомненно, сочли, что это не было бесполезной предосторожностью. Так происходило до консульства, ибо впоследствии император, даже когда он был еще только первым консулом, обедал тет-а-тет с императрицей, за исключением тех случаев, когда он приглашал некоторых придворных дам, иногда одну, иногда другую, и все они высоко ценили этот знак благосклонности. В это время там уже был суд.

Чаще всего император завтракал в одиночестве, на маленьком подсвечнике красного дерева без крышки, и эта трапеза, еще более короткая, чем предыдущая, длилась всего восемь-десять минут.

Позже я упомяну о пагубных последствиях, которые привычка есть слишком быстро часто оказывала на здоровье императора. Кроме того, и во многом из-за своей спешки, императору часто не хватало приличия в еде, и он всегда предпочитал свои пальцы вилке или ложке. Большое внимание уделялось тому, чтобы поставить в пределах его досягаемости блюдо, которое он предпочитал, которое он придвигал к себе способом, который я только что описал, и макал хлеб в содержащийся в нем соус, что, однако, не мешало передавать блюдо по кругу и тем, кто ел с него, кто мог; а было мало гостей, которые не могли.

Я видел некоторых, которые, казалось, даже считали этот исключительный акт мужества средством привлечь к себе внимание. Я также легко могу понять, что у многих восхищение его

Величеством заглушило всякое отвращение по той же причине, по которой мы без колебаний едим с тарелки или пьем из бокала человека, которого любим, даже если это может показаться сомнительным с точки зрения утонченности; этого никогда не замечают, потому что любовь слепа. Блюдом, которое предпочитал император, был сорт жареной курицы, которому это предпочтение завоевателя Италии дало название *roulet a la Marengo*. Он также с удовольствием ел фасоль, чечевицу, котлеты, жареную баранину и жареного цыпленка. Ему больше всего нравились самые простые блюда, но он был разборчив в хлебе. Согласно сообщениям, неверно, что он неумеренно употреблял кофе, поскольку выпивал всего полстакана после завтрака и еще одну после обеда; хотя иногда, когда он был сильно занят, он, сам того не замечая, выпивал две чашки подряд, хотя кофе, выпитый в таком количестве, всегда возбуждал его и не давал уснуть.

Также часто случалось, что он пил его холодным, или без сахара, или со слишком большим количеством сахара. Чтобы избежать всех этих неприятностей, императрица Жозефина сочла своим долгом самой наливать императору кофе; и императрица Мария Луиза также приняла тот же обычай. Когда император встал из-за стола и вошел в маленькую гостиную, за ним последовал паж, неся на посеребренном подносе кофейник, сахарницу и чашку. Ее Величество императрица налила кофе, положила в него сахар, попробовала несколько капель и предложила императору.

Император пил только шамбертенское вино и редко обходился без воды, потому что не питал пристрастия к вину и плохо разбирался в нем. Это напоминает о том, что однажды в Булонском лагере, пригласив нескольких офицеров к своему столу, его величество приказал налить вина маршалу Ожеро и с довольным видом спросил его, как оно ему понравилось. Маршал попробовал его, критически отхлебнул и, наконец, ответил: "Есть и получше", - тоном, который нельзя было ни с чем спутать. Император, ожидавший другого ответа, улыбнулся, как и все гости, откровенности маршала.

Все слышали, что его Величество принимал большие меры предосторожности, чтобы не быть отравленным, и это утверждение следует поместить рядом с утверждением о кирасе, защищающей от пуль и кинжалов. Напротив, император зашел в своем недостатке предосторожности слишком далеко. Его завтрак каждый день приносили в приемную, открытую для всех, кому была предоставлена частная аудиенция, и кто иногда ждал там по несколько часов, и завтрак его Величества тоже ждал долго. Блюда оставались как можно более теплыми до тех пор, пока он не вышел из своего шкафчика и не занял свое место за столом. Обед для их Величеств приносили из кухни в верхние комнаты в закрытых корзинах, и были все возможности подсыпать яд; но, несмотря на все это, никогда подобная мысль не приходила в головы людям на его службе, чья преданность императору, даже включая самых скромных, превосходила любое представление, которое я мог передать.

Привычка быстро есть иногда вызывала у его Величества сильные боли в желудке, которые почти всегда заканчивались приступом рвоты.

Однажды дежурный камердинер в большой спешке пришел сообщить мне, что император желает моего немедленного присутствия. У него от обеда было несварение желудка, и он сильно страдал. Я поспешил в комнату его Величества и нашел его растянувшимся во весь рост на ковре, что было привычкой императора, когда он чувствовал недомогание. Императрица Жозефина сидела рядом с ним, положив голову больного себе на колени, в то время как он

попеременно стонал или бушевал, или делал и то и другое одновременно: ибо император переносил такого рода несчастья с меньшим хладнокровием, чем тысячи более серьезных несчастий, которые выпадают на долю солдата; и герой Арколы, чья жизнь подвергалась опасности в сотне сражений, а также в других местах, не уменьшив своей стойкости, показал, что не способен вынести малейшей боли. Ее Величество императрица утешала и ободряла его, как могла; и она, которая сама была такой мужественной, переносила эти головные боли, которые из-за их чрезмерной силы были настоящей болезнью, если бы это было возможно, охотнее всего взяла бы на себя болезнь своего мужа, от которой страдала почти так же сильно, как и он, наблюдая за его страданиями. "Констант, - сказала она, когда я вошел, - иди скорее; ты нужен императору; приготовь ему чаю и не выходи, пока ему не станет лучше". Его величество едва выпил три чашки, как боль уменьшилась, в то время как она продолжала держать его голову у себя на коленях, прижимая его лоб своими белыми пухлыми руками, а также растирая его грудь. - Ты чувствуешь себя лучше, не так ли? Не хочешь ли прилечь ненадолго? Я останусь у твоей кровати с Константином. Эта нежность была действительно трогательной, особенно для человека, занимающего столь высокое положение.

Мое интимное обслуживание часто давало мне возможность насладиться этой картиной домашнего счастья. Раз уж я заговорил о недугах императора, я скажу несколько слов о самых серьезных, которые он перенес, за исключением того, что привело к его смерти.

При осаде Тулона в 1793 году, когда император был тогда всего лишь полковником артиллерии, канонир был убит из своего орудия; и полковник Бонапарт взял трамбовку и несколько раз забил заряд. У несчастного артиллериста был зуд самого злокачественного рода, которым заразился император и от которого он был излечен только через много лет; и врачи считали, что его желтоватый цвет лица и крайняя худоба, которые сохранялись так долго, были результатом неправильного лечения этой болезни. В Тюильри он принимал серные ванны и некоторое время носил пластырь от волдырей, поскольку так долго страдал, потому что, по его словам, у него не было времени позаботиться о себе. Корвизар горячо настаивал на прижигании, но император, желавший сохранить в целости и сохранности форму своей руки, не согласился на это средство.

Именно при этой осаде он был повышен в звании с командира батальона до полковника в результате блестящего боя с англичанами, в ходе которого он получил штыковую рану в левое бедро, шрам от которой он часто показывал мне. От раны в ногу, полученной им в битве при Ратисбоне, не осталось и следа; и все же, когда император получил ее, вся армия встревожилась.

Мы были примерно в тысяче двухстах ярдах от Ратисбона, когда император, увидев, что австрийцы разбегаются во все стороны, решил, что бой окончен. Его обед был доставлен в корзине в указанное императором место, и, направляясь к нему, он повернулся к маршалу Бертье и воскликнул: "Я ранен!" Потрясение было настолько велико, что император упал в сидячем положении, пуля действительно попала ему в пятку. По размеру этого снаряда было очевидно, что он был выпущен тирольским стрелком, чье оружие легко преодолевало расстояние, на котором мы находились от города. Вполне можно понять, что подобное событие встревожило и напугало весь персонал.

Меня вызвал адъютант, и когда я прибыл, то застал доктора Ивана разрезающим сапог его величества и помогал ему перевязывать рану. Хотя боль все еще была довольно сильной, император не пожелал тратить время на то, чтобы снова надеть сапог; и чтобы обратить врага

вспять и успокоить армию относительно своего состояния, он сел на коня и поскакал вдоль строя в сопровождении всего своего штаба. В тот день, как можно предположить, никто не задержался, чтобы позавтракать, но все пообедали в Ратисбоне.

Его величество проявлял непреодолимое отвращение ко всем лекарствам, а если и прибегал к ним, что случалось очень редко, то только к куриному бульону, цикорию или винному камню.

Корвизар рекомендовал ему отказаться от всех напитков, имеющих горький или неприятный вкус, что он и сделал, я полагаю, опасаясь, что его могут попытаться отравить.

В какой бы час ни удалился император, я входил в его комнату в семь или восемь часов утра; и я уже говорил, что его первые вопросы неизменно касались часа и погоды. Иногда он жаловался мне, что плохо выглядит; и если это было правдой, я соглашался с ним, а если нет, то говорил ему правду. В этом случае он дергал меня за уши и, смеясь, называл "grosse bete" и просил зеркало, иногда говоря, что пытается одурачить меня и что у него все очень хорошо. Он читал ежедневные газеты, спрашивал имена людей в приемной, называл тех, кого хотел бы видеть, и беседовал с каждым. Когда пришел Корвизар, он вошел, не дожидаясь приказаний; и императору доставляло удовольствие дразнить его, говоря о медицине, которая, по его словам, была всего лишь искусством домислов, что врачи были шарлатанами, и приводил примеры в доказательство этого, особенно из своего собственного опыта: врач никогда не уступал ни в чем, когда считал себя правым. Во время этих бесед император побрился; ибо я уговорил его взять эту обязанность на себя, часто забывая, что он побрил только одну сторону своего лица, и когда я обратил его внимание на это, он рассмеялся и закончил свою работу. Иван, ординарный врач, а также Корвизар внесли свою лепту в критику и нападки на свою профессию; и эти дискуссии были чрезвычайно забавными. Император был очень весел и разговорчив в такие моменты, и я полагаю, что, когда у него не было под рукой примеров, которые он мог бы привести в поддержку своих теорий, он не стеснялся выдумывать их; следовательно, эти джентльмены не всегда полагались на его утверждения. Однажды его величество дернул за уши одного из своих врачей (кажется, Галле). Доктор резко отстранился, воскликнув: "Сир, вы делаете мне больно". Возможно, эта речь была окрашена некоторым раздражением, и, возможно, доктор был прав. Как бы то ни было, его ушам больше никогда не угрожала опасность.

Иногда, прежде чем приступить к моим трудам, его Величество расспрашивал меня о том, что я делал накануне вечером, спрашивал, обедал ли я в городе и с кем, понравилось ли мне, и что у нас было на ужин. Он часто интересовался также, во что мне обошлась та или иная часть моей одежды; и когда я отвечал ему, он восклицал от цены и говорил мне, что, когда он был младшим лейтенантом, все было намного дешевле, и что в то время он часто обедал в ресторане Розе и очень хорошо ужинал за сорок центов. Несколько раз он рассказывал мне о моей семье и о моей сестре, которая до революции была монахиней и была вынуждена покинуть свой монастырь; и однажды спросил меня, получает ли она пенсию и сколько она составляет. Я сказал ему об этом и добавил, что, поскольку этого недостаточно для ее нужд, я сам выплачивал пособие ей, а также моей матери. Его величество велел мне обратиться к герцогу Бассано и доложить ему о случившемся, поскольку он хотел достойно обойтись с моей семьей. Я не воспользовался этим добрым намерением его Величества, ибо в то время у меня было достаточно средств, чтобы помогать моим родственникам, и я не предвидел будущего, которое, как я думал, не изменит моего положения, и чувствовал деликатность в том, чтобы возложить

моих людей, так сказать, на попечение государства. Признаюсь, я не раз испытывал искушение раскаться в этой чрезмерной деликатности, которой, как я видел, мало кто из людей выше или ниже моего положения подражал. Вставая, император обычно выпивал чашку чая или апельсиновой воды; и если он желал принять ванну, то принимал ее сразу же, как только вставал с постели, и, находясь в ней, его секретарь (Бурьен до 1804 года) читал ему депеши и газеты. Если он не принимал ванну, то садился у огня и заставлял их читать ему там, часто читая их сам. Он диктовал секретарю свои ответы и наблюдения, которые навело его прочтение этих ответов; просматривая каждое из них, он бросал их на пол без всякого порядка. После этого секретарь собрал их всех и распорядился, чтобы их отнесли в личную комнату императора. Его величество, прежде чем заняться своим туалетом, летом надевал панталоны из белого пике и халат из того же материала, а зимой - панталоны и халат из лебяжьей кожи, а на голове у него был тюрбан, завязанный спереди, два конца которого свисали сзади на шею. Когда император надел этот головной убор, его внешний вид был далек от элегантности. Когда он вышел из ванны, мы дали ему другой тюрбан, потому что тот, который он носил, всегда был мокрым в ванне, где он постоянно поворачивался и плескался. Приняв ванну и прочитав свои депеши, он приступил к туалету, и я побрил его еще до того, как он научился бриться сам. Когда у императора появилась эта привычка, он сначала пользовался, как и все, зеркалом, прикрепленным к окну; но он подошел к нему так близко и так энергично намылил себя мылом, что зеркало, оконные стекла, занавески, его халат и сам император - все было покрыто им. Чтобы устранить это неудобство, слуги собрались на совет, и было решено, что Рустан подержит зеркало для его величества. Когда император побрил одну сторону, он повернул другую сторону для обзора и заставил Рустана пройти слева направо или справа налево, в зависимости от того, с какой стороны он начал. После бритья император вымыл лицо и руки и тщательно почистил ногти; затем я снял с него фланелевый жилет и рубашку и натер всю его грудь чрезвычайно мягкой шелковой щеткой, после чего натер его одеколоном, которого он употреблял в большом количестве, так как каждый день его натирали и одевали таким образом. Именно на Востоке он приобрел этот гигиенический обычай, который ему очень нравился и который действительно превосходен. Закончив все эти приготовления, я надела на него легкие фланелевые или кашемировые туфли, белые шелковые чулки, единственные, которые он когда-либо носил, и очень тонкие полотняные панталоны, иногда бриджи до колен из белого касимира и мягкие сапоги для верховой езды, иногда панталоны из той же материи и цвета и маленькие английские полусапожки, доходившие до середины ноги и отделанные маленькими серебряными шпорами, длина которых никогда не превышала шести рядов. Все его сапоги были отделаны этими шпорами. Затем я надеваю на него фланелевый жилет и рубашку, шейный платок из тончайшего муслина и поверх всего черный шелковый платок; наконец, круглый жилет из белого пике и либо егерский, либо гренадерский мундир, обычно первый. Его туалет закончился, ему подарили носовой платок, табакерку и маленькую коробочку из ракушек, наполненную анисовым семенем и лакрицей, очень мелкого помола. Из вышесказанного видно, что император сам был одет своими слугами с головы до ног. Он ни к чему не прикладывал руку, но позволил одеть себя как младенца, его мысли были заняты делом на протяжении всего представления.

Я забыл сказать, что он пользовался зубочистками из самшита и щеткой, смоченной в каком-то опиате. Император был рожден, так сказать, для того, чтобы ему прислуживали (*homme d'valets de chambre*). Когда он был всего лишь генералом, у него было целых три камердинера, и сам он обслуживался с такой же роскошью, как и на пике своего состояния, и с тех пор получал все

знаки внимания, которые я только что описал и без которых для него было почти невозможно обойтись; и в этом отношении этикет никогда не менялся. Он увеличил число своих слуг и наградил их новыми титулами, но не мог допустить, чтобы ему лично оказывали больше услуг. Он очень редко подчинялся высокому этикету королевской семьи, и никогда, например, великий камергер не подавал ему рубашку; и только однажды, когда город Париж давал ему обед во время его коронации, великий маршал подал ему воду для мытья рук. Я приведу описание его туалета в день коронации, и будет видно, что даже в этот день его Величество, император Франции, не требовал никаких других церемоний, кроме тех, к которым он привык в качестве генерала и первого консула Республики.

У императора не было определенного часа для отхода ко сну: иногда он ложился в десять или одиннадцать часов вечера; чаще всего он бодрствовал до двух, трех или четырех часов ночи. Вскоре он был раздет, потому что у него была привычка, входя в комнату, разбрасывать все предметы одежды направо и налево — пальто на пол, парадный кордон на ковер, часы, брошенные на кровать, шляпу, далеко снятую, на какой-нибудь предмет мебели; так было со всей его одеждой, один предмет за другим. Когда он был в хорошем настроении, он звал меня громким голосом, с таким криком: "О, о! о!" в другое время, когда он был не в духе: "Месье, месье Констант!"

В любое время года его постель приходилось согревать грелкой, и только в самую жаркую погоду он обходился без этого. Его привычка раздеваться в спешке редко оставляла мне что-либо делать, кроме как подать ему ночной колпак. Затем я зажег его ночник из позолоченного серебра и затенил его, чтобы он давал меньше света. Когда он не сразу ложился спать, он приказывал позвать одного из своих секретарей или, возможно, императрицу Жозефину, чтобы та почтила ему; эту обязанность никто не мог выполнять лучше, чем ее Величество, по этой причине император предпочитал ее всем своим читателям, ибо она читала с тем особым очарованием, которое было присуще ей во всем, что она делала. По приказу императора в его спальне в маленьких серебряных шкатулочках для духов сжигали иногда древесину алоэ, а иногда сахар или уксус; и почти круглый год во всех его покоях необходимо было разводить огонь, поскольку он обычно был очень чувствителен к холоду. Когда он захотел спать, я вернулся, чтобы взять его лампу, и поднялся в свою комнату, поскольку моя спальня находилась как раз над спальней его Величества. Рустан и камердинер, находившийся на службе, спали в маленькой комнатке, примыкавшей к спальне императора; и если я требовался ему ночью, мальчик-гардеробщик, который спал в прихожей, приходил за мной. Вода для его купания всегда оставалась горячей, потому что часто в любое время ночи и дня им могло внезапно овладеть желание принять ванну.

Доктор Иван появлялся каждое утро и вечер при вставании и отходе ко сну его Величества.

Хорошо известно, что император часто вызывал своих секретарей и даже министров ночью. Во время своего пребывания в Варшаве принц де Талейран однажды получил послание после полуночи; он сразу же приехал и имел долгую беседу с императором, и работа затянулась до поздней ночи, когда его величество, утомленный, наконец погрузился в глубокий сон. Принц Беневенто, который боялся выходить на улицу, опасаясь, что он может разбудить императора или быть отозванным для продолжения разговора, оглядевшись по сторонам, увидел удобный диван, растянулся на нем и заснул. Меневаль, секретарь его Величества, не желавший удаляться до ухода министра, зная, что император, вероятно, вызовет его, как только уйдет

Талейран, потерял терпение из-за столь долгой беседы; что касается меня, то я был не в лучшем расположении духа, поскольку для меня было невозможно удалиться, не забрав лампу его Величества. Мeneваль десятки раз приходил спросить меня, уехал ли принц Талейран. "Он все еще там", - сказал я. "Я уверен в этом, и все же я ничего не слышу". Наконец я упрямил его занять место в комнате, где я тогда находился и в которую выходила наружная дверь, в то время как я пошел караулить в вестибюле, в который выходила комната императора; и было условлено, что тот из нас, кто увидит, как принц выходит, сообщит другому. Пробыло два часа, потом три, потом четыре; никто не появился, и в комнате его Величества не было ни малейшего движения. Наконец, потеряв терпение, я как можно тише приоткрыл дверь; но император, чей сон был очень чутким, вздрогнул и громко спросил: "Кто это? Кто там идет?" "Что это?" Я ответил, что, думая, что принц Беневенто ушел, я пришел за лампой его величества. "Талейран! Талейран! - яростно воскликнул его величество. - Тогда где же он? - и, увидев, что он просыпается, добавил: - Что ж, я заявляю, что он спит! Иди сюда, негодяй, как ты смеешь спать в моей комнате! ах! ах! Я ушел, не взяв лампу; они снова заговорили, и мы с Меневалем ждали окончания беседы тет-а-тет до пяти часов утра.

У императора была привычка пить, когда он работал по ночам, кофе со сливками или шоколадом; но он отказался от этого, и при Империи больше ничего не пил, за исключением время от времени, но очень редко, пунша, мягкого и легкого, как лимонад, или, когда он впервые просыпался, настоя из листьев апельсина или чая.

Император, который так щедро одарил большинство своих генералов, который проявил такую щедрость по отношению к своим армиям и которому, с другой стороны, Франция обязана столькими прекрасными памятниками, не был щедр и, надо даже признать, был немного скуп в своих внутренних делах. Возможно, он напоминал тех глупо тщеславных богатых людей, которые очень тщательно экономят дома и в своих собственных домочадцах, чтобы больше блистать снаружи. Он сделал очень мало подарков, чтобы не сказать "отказал", своим домочадцам; и даже первый день года прошел без того, чтобы ослабить завязки своего кошелька. Когда я раздевала его накануне вечером, он сказал, ущипнув меня за ухо: "Ну, месье Констант, что вы дадите мне в подарок?" Когда он в первый раз задал этот вопрос, я ответил, что подарю ему все, что он пожелает; но должен признаться, я очень надеялся, что на следующий день подарки буду дарить не я. Казалось, эта идея никогда не приходила ему в голову, потому что никто не должен был благодарить его за подарки, и впоследствии он никогда не отступал от этого правила домашней экономии. По поводу этого щипания за уши, к которому я так часто возвращался, потому что его Величество так часто повторял это, необходимо, чтобы я сказал, размышляя об этом и заканчивая эту тему, что любой сильно ошибся бы, предположив, что он слегка задел собеседника, подвергшегося знакам его благосклонности; напротив, он ущипнул очень сильно, и ущипнул настолько сильнее, насколько ему посчастливилось быть в лучшем расположении духа.

Иногда, когда я входил в его комнату, чтобы одеть его, он бросался ко мне как сумасшедший и, приветствуя меня своим любимым приветствием: "Ну что, месье ле дроль", зажимал мне уши так, что я вскрикивал; часто он добавлял к этим нежным ласкам одно или два похлопывания, тоже хорошо примененные. Тогда я был уверен, что весь остаток дня нахожу его в очаровательном расположении духа и полным доброжелательности, каким я его так часто видел. Рустан и даже маршал Бертье получили причитающуюся им долю этих императорских нежностей.

ГЛАВА XX.

Ежегодные расходы его величества на его платье составляли двадцать тысяч франков, и в год коронации он очень рассердился, потому что эта сумма была превышена. Ему всегда с трепетом представляли различные отчеты о домашних расходах, и он неизменно урезал их и рекомендовал всевозможные реформы. Я помню, как после того, как я попросил у кого-то место за три тысячи франков, которое он мне предоставил, я услышал, как он воскликнул: "Три тысячи франков! но понимаете ли вы, что это доход одной из моих коммун? Когда я был младшим лейтенантом, я не тратил столько денег. Это выражение постоянно повторялось в его разговорах с теми, с кем он был знаком; и "когда я имел честь быть младшим лейтенантом" часто было у него на устах, и всегда в качестве иллюстрации сравнений или призывов к экономии.

Говоря о счетах, я вспоминаю обстоятельство, которому следовало бы найти место в моих мемуарах, поскольку оно касается меня лично и, более того, дает представление о том, как его Величество понимал экономику. Он исходил из идеи, которая, как мне кажется, часто была очень правильной, что при частных расходах, как и при государственных, даже при условии честности агентов (что император, я признаю, всегда делал очень медленно), то же самое можно было бы сделать с гораздо меньшими затратами. Таким образом, когда он потребовал сокращения расходов, дело было не в количестве статей расходов, а только в ценах, взимаемых за эти предметы производителями мебели; и я в другом месте приведу несколько примеров того эффекта, который эта идея произвела на поведение его Величества по отношению к бухгалтерским агентам своего правительства. Сейчас я рассказываю только о личных делах. Однажды, разбирая различные счета, император сильно жаловался на расходы на содержание конюшен и урезал значительную сумму; и главный конюший, чтобы добиться требуемой экономии, счел необходимым лишить нескольких человек в доме их экипажей, в том числе и моей. Через несколько дней после приведения в исполнение этой меры его Величество поручил мне поручение, для которого потребовался экипаж; и я был вынужден сообщить ему, что, больше не имея своего, я не смогу выполнять его приказы. Затем император воскликнул, что он этого не хотел, а г-н Коленкур, должно быть, имеет плохое представление об экономии. Когда он снова увидел герцога Виченцы, он сказал ему, что не желает, чтобы ко мне прикасались.

Император иногда читал по утрам новые произведения и романы того времени; и когда какое-нибудь произведение вызывало у него неудовольствие, он бросал его в огонь. Это не означает, что таким образом уничтожались только неподходящие книги; ибо если автор не входил в число его любимых или если он слишком хорошо отзывался о чужой стране, этого было достаточно, чтобы обречь книгу на сожжение. По этому поводу я видел, как его величество бросил в огонь том сочинений мадам де Сталь о Германии. Если он заставлял нас вечером за книгой в маленьком салоне, где мы ожидали часа, когда можно будет отойти ко сну, он проверял, что мы

читаем; и если он обнаруживал, что это романы, они сжигались без жалости, его Величество редко упускал возможность добавить небольшую нотацию к этой конфискации и спросить провинившегося, "не мог ли человек найти лучшего чтения, чем это". Однажды утром он просмотрел и бросил в огонь книгу (какого автора я не знаю); и когда Рустан наклонился, чтобы взять ее, император остановил его, сказав: "Пусть это останется в тайне". мерзкая тварь горит; это все, чего она заслуживает".

Император сел на своего коня весьма нелюбезно, и я думаю, что не всегда был бы в безопасности, находясь там, если бы не уделялось столько внимания тому, чтобы давать ему только тех, кто был прекрасно обучен; но были приняты все меры предосторожности, и лошади, предназначенные для особой службы императору, прошли через грубого послушника, прежде чем удостоиться чести нести его. Они были приучены терпеть, не делая ни малейшего движения, всевозможные пытки; удары кнутом по голове и ушам; били в барабан; стреляли из пистолетов; в ушах у них взрывались фейерверки; перед их глазами потрясали флагами; ких ногам бросали тяжелые гири, иногда даже овец и свиней. Требовалось, чтобы в разгар самого быстрого галопа (император не любил другого темпа) он был способен внезапно остановить свою лошадь; короче говоря, было абсолютно необходимо иметь только самых прекрасно обученных животных.

Господин Жарден-старший, конюший его Величества, справился с этой трудоемкой обязанностью с большим мастерством, поскольку император придавал ей такое значение; он также настоятельно настаивал на том, чтобы его лошади были очень красивыми, и в последние годы своего правления ездил только на арабских лошадях.

Было несколько благородных животных, к которым император питал большую привязанность; среди прочих, Штирия, на которой он объезжал Сенбернар и Маренго. После этой последней кампании он пожелал своему фавориту закончить свои дни в роскоши покоя, ибо Маренго и великий Сенбернар сами по себе были достойной карьерой. Император также много лет ездил верхом на арабской лошади редкого интеллекта, которая доставляла ему большое удовольствие. Пока он ожидал своего всадника, было бы трудно обнаружить в нем хоть малейшую грацию; но как только он услышал барабанную дробь, возвещавшую о присутствии его Величества, он гордо вскинул голову, тряхнул гривой и ударил копытом о землю, и до того самого момента, как император сошел с седла, был самым великолепным животным, какое только можно вообразить.

Его величество придавал большое значение хорошим конюшим, и ничем не пренебрегал, чтобы пажи получили в этом деле самое тщательное образование. Чтобы приучить их садиться твердо и грациозно, они практиковали упражнения в прыжках в высоту, которые, как мне казалось, пригодились бы им только в олимпийском цирке. И действительно, этой частью обучения пажей руководил один из всадников господ Франкони.

Император, как уже говорилось в другом месте, не получал удовольствия от охоты, за исключением тех случаев, когда это было необходимо для соблюдения обычаев, делающих это занятие необходимым дополнением к трону и короне; и все же я видел, как он иногда продолжал заниматься этим достаточно долго, чтобы оправдать предположение, что он не находил это занятие совсем уж неприятным. Однажды он охотился в лесу Рамбуйе с шести утра до восьми вечера, причем целью этой продолжительной прогулки был олень; и я помню, что они вернулись, так и не поймав его. На одной из императорских охот в Рамбуйе, на которой

присутствовала императрица Жозефина, олень, преследуемый охотниками, бросился под карету императрицы; это убежище не подвело его, ибо ее Величество, тронутая страданиями бедного животного, умоляла императора сохранить ему жизнь. Олень был спасен, и Жозефина надела ему на шею серебряный ошейник, чтобы засвидетельствовать его избавление и защитить от нападений всех охотников.

Однако однажды одна из фрейлин императрицы проявила меньше человечности, чем она; и ответ, который она дала императору, вызвал у него крайнее неудовольствие, ибо он любил в женщинах мягкость и жалость. Когда они несколько часов охотились в Булонском лесу, император подошел к экипажу императрицы Жозефины и заговорил с дамой, носившей одно из самых благородных и старинных имен во всей Франции и, как говорят, оказавшейся рядом с императрицей против ее желания. Принц Невшательский (Бертье) объявил, что олень загнан в угол. "Мадам, - галантно обратился император к мадам де К., — я вверяю его судьбу в ваши руки". - "Поступайте с ним, сир, - ответила она, - как вам заблагорассудится. Для меня это не имеет значения". Император бросил на нее неодобрительный взгляд и сказал хозяину гончих: "Поскольку олень в своем несчастье не интересуется мадам К., он не заслуживает жизни; прикажите предать его смерти"; после чего его величество повернул поводья своей лошади и ускорился. Император был шокирован таким ответом и повторил его в тот вечер, вернувшись с охоты, в выражениях, отнюдь не лестных для мадам де К.

В Мемориале Святой Елены говорится, что император во время охоты был сброшен диким кабаном и ранен, от чего на одном из его пальцев остался сильный шрам. Я никогда не видел этого и никогда не знал, что с императором произошел такой несчастный случай. Император не очень крепко прижимал ружье к плечу, и поскольку оно всегда было сильно заряжено, он никогда не стрелял без того, чтобы его рука не почернела от синяков; но я натер ушибленное место одеколоном, и он больше не думал об этом.

Дамы следовали за охотой в своих каретах; для завтрака в лесу обычно накрывался стол, на который приглашались все участники охоты.

Однажды император охотился с соколами на равнине Рамбуйе, чтобы испытать соколиную охоту, которую король Голландии (Людовик) прислал в подарок его Величеству. Домочадцы устроили праздник, увидев эту охоту, о которой мы так много слышали; но императору, по-видимому, это доставляло меньше удовольствия, чем погоня или стрельба, и соколиная охота больше никогда не повторялась.

Его величество чрезвычайно любил эту пьесу, отдавая предпочтение французской трагедии и итальянской опере. Корнель был его любимым автором, и у него на столе всегда лежал какой-нибудь томик произведений этого великого поэта. Я часто слышал, как император декламирует, расхаживая взад и вперед по своей комнате, стихи Цинны или эту речь по поводу смерти Цезаря:

"Цезарь, ты будешь царствовать; увидь августовский день, В который римский народ, всегда несправедливый к тебе" и т.д.

В театре Сен-Клу пьеса для вечера часто состояла из фрагментов и подборок произведений разных авторов, один акт выбирался из одной оперы, другой - из другой, что очень раздражало зрителей, которых начало интересовать первое произведение. Часто также разыгрывались комедии; по этим случаям в доме царил великий ликование, и сам император получал от них

большое удовольствие. Сколько раз я видел, как его буквально захлестывал смех, когда он смотрел Батиста жуниора в "Наследниках", и Мишо также позабавил его в "Веселой вечеринке Генриха IV".

Я не помню, в каком году, но это было во время одного из визитов двора в Фонтенбло, когда Арно-старший представил императору "трагедию венецианцев". В тот вечер, уходя на покой, его величество обсудил пьесу с маршалом Дюроком и высказал свое мнение, приведя множество доводов в ее поддержку. Все эти похвалы, как и критические замечания, были объяснены и обсуждены; великий маршал говорил мало, а император - не переставая. Хотя я сам плохо разбираюсь в подобных вещах, было очень интересно и поучительно услышать мнение императора о пьесах, древних и современных, которые играли до него; и я уверен, что его наблюдения и замечания не преминули бы принести большую пользу авторам, если бы они, как и я, могли их слышать. Что касается меня, если я что-то и извлек из этого, так это возможность немного рассказать об этом здесь (хотя и очень немного), более уместно, чем слепой разбирался бы в цветах; тем не менее, опасаясь сказать что-то не то, я возвращаюсь к вопросам, которые находятся в моей компетенции.

Говорили, что его величество употреблял большое количество табака и что для того, чтобы употреблять его еще чаще и быстрее, он клал его в карман своего жилета, специально обшитый кожей. Это ошибка. Император никогда не употреблял табак, кроме как в своих табакерках; и хотя он тратил его впустую в большом количестве, на самом деле употреблял очень мало, так как брал щепотку, подносил ее к носу просто для того, чтобы понюхать, и тут же давал ей упасть. Это правда, что место, где он был, было покрыто им; но его носовые платки, безукоризненные свидетели в таких делах, почти не были запачканы, и хотя они были белыми и из очень тонкого полотна, на них определенно не было следов человека, нюхавшего табак. Иногда он просто подносил открытую табакерку к носу, чтобы вдохнуть запах табака, который в ней содержался. Эти шкатулки были из черного панциря, с петлями, узкой овальной формы; они были облицованы золотом и украшены старинными камнями или медальонами из золота или серебра. Одно время он пользовался круглыми коробками из-под табака; но поскольку для их открытия требовались две руки, и при этой операции он иногда ронял либо коробку, либо крышку, они вызвали у него отвращение. Его табак был очень крупно натерт и обычно состоял из нескольких сортов табака, смешанных вместе. Часто он развлекался тем, что заставлял есть газелей, которых держал в Сен-Клу. Они очень любили его и, хотя чрезвычайно боялись всех остальных, приближались к его Величеству без малейшего страха.

Императору захотелось однажды, но только однажды, попробовать трубку, о чем я сейчас расскажу. Персидский посол (или, возможно, это был турецкий посол, приехавший в Париж при Консульстве) преподнес его Величеству в подарок очень красивую трубку, какими пользуются жители Востока. Однажды его охватило желание попробовать это блюдо, и он приготовил все необходимое для этой цели. Огонь был поднесен к чашке, и теперь оставалось только поджечь табак; но, судя по тому, как его Величество пытался это сделать, для него это было невозможно, поскольку он попеременно то открывал, то закрывал губы, вообще не делая вдоха. "Да в чем же дело? - воскликнул он. - это вообще не работает". Я обратил его внимание на то, что он не вдыхал должным образом, и показал ему, как это следует делать; но император все еще продолжал свои действия, которые были похожи на какой-то особый вид зевоты. В конце концов, устав от своих бесплодных усилий, он попросил меня прикурить, что я и сделал, и тут же вернул ему сигарету. Но едва он вдохнул, как дым, который он не знал, как снова выдохнуть,

заполнил его горло, проник в трахею и большими клубами выходил через нос и глаза. Как только он смог отдышаться, он выдохнул: "Уберите это! что за зараза! О, негодяи! меня от этого затошнило". На самом деле, он чувствовал себя больным по меньшей мере час после этого и навсегда отказался от "удовольствия от привычки, которая, - сказал он, - хороша только для того, чтобы ничегонеделанием убивать время".

Единственными требованиями, которые император предъявлял к своей одежде, было то, чтобы она была прекрасного качества и идеально удобной; а его пальто для обычного использования, фраки и даже знаменитое серое пальто были сшиты из тончайшей ткани из Лувье. Во время консульства он носил, по тогдашней моде, чрезвычайно длинные полы своего сюртука; впоследствии мода изменилась, и их стали носить короче; но император с необычайным упорством придерживался длины своего сюртука, и мне стоило большого труда убедить его отказаться от этой моды, и только хитростью мне это наконец удалось. Каждый раз, заказывая новый сюртук для его величества, я приказывала портному укоротить юбки по крайней мере на дюйм, пока, наконец, незаметно для него, они больше не казались нелепыми. В этом отношении он отказывался от своих старых привычек не с большей готовностью, чем во всех других; и его самым большим желанием было, чтобы его одежда не была слишком тесной, вследствие чего бывали моменты, когда он выглядел не очень элегантно. Король Неаполя, человек во всей Франции, одевавшийся с величайшей тщательностью и почти всегда с хорошим вкусом, иногда позволял себе слегка подтрунивать над императором по поводу его одежды. "Сир, - сказал он императору, - ваше величество одевается слишком похоже на хорошего семьянина. Прошу вас, сир, будьте примером хорошего вкуса в одежде для ваших верных подданных". — "Хотели бы вы, чтобы я, чтобы доставить вам удовольствие, - ответил император, - одевался как надутый щеголь, как денди, в изысканных нарядах, как король Неаполя и Обеих Сицилий. Что касается меня, я должен придерживаться своих старых привычек". — "Да, сир, и ваших "привычек", - добавил король однажды. "Отвратительно!" - воскликнул император. "Это достойно Брюне". И они от души посмеялись над этой игрой слов, объявив ее такою, как называл ее император.

Однако, поскольку эти обсуждения относительно его одежды были возобновлены во время бракосочетания его Величества с императрицей Марией Луизой, король Неаполя упросил императора разрешить ему прислать ему своего портного. Его величество, который в то время искал все способы угодить своей молодой жене, принял предложение своего шурина; и в тот же день я отправился за Леже, портным короля Иоахима, и привел его со мной в шато, порекомендовав ему сшить костюмы, которые будут заказаны как можно более свободными, хотя я был заранее уверен, что месье Журден [персонаж комедии Мольера], напротив, если император не сможет легко влезть в них, он их не наденет. Леже не обратил внимания на мой совет, но очень тщательно снял мерку. Два сюртука были прекрасно сшиты, но император счел их неудобными и надел их только один раз, и Леже больше не работал для его величества. Когда-то, задолго до этого, он заказал очень красивый сюртук из каштаново-коричневого бархата с бриллиантовыми пуговицами, который он надел на прием к ее Величеству императрице с черным галстуком, хотя императрица Жозефина приготовила для него элегантный кружевной платок, который, несмотря на все мои уговоры, не смогла заставить его надеть.

Жилет и бриджи императора всегда были из белого кассимира; он менял их каждое утро, а стирали их всего три или четыре раза. Через два часа после того, как он покидал свою комнату,

часто случалось, что все его биджи были залепаны чернилами из-за его привычки вытирать о них перо и разбрызгивать чернила вокруг себя, стуча пером по столу. Тем не менее, одеваясь утром на весь день, он по этой причине не переоделся и оставался в таком состоянии весь оставшийся день. Я уже говорил, что на нем не было ничего, кроме белых шелковых чулок, его туфли, которые были очень легкими и тонкими, были подбиты шелком, а сапоги изнутри подбиты белым фустаном; и когда он чувствовал зуд на одной ноге, он натирал ее каблуком своего ботинка или ботинка на другой ноге, что еще больше усиливало эффект чернильных пятен. Пряжки на его ботинках были овальной формы, либо простые золотые, либо с медальонами, и он также носил золотые пряжки на подвязках. Я никогда не видел, чтобы он носил панталоны во времена Империи.

Из-за приверженности императора старым обычаям его сапожник в первые дни Империи был все тем же, кого он нанял в военном училище; и поскольку с тех пор его обувь шили по тем же меркам и никогда не брали новую, его обувь, равно как и сапоги, всегда были плохо сшиты и некрасивы. Долгое время он носил их остроконечными, но я убедил его носить их "en bec de canne", поскольку такова была мода. В конце концов его старая мера оказалась слишком мала, и я получил согласие его величества снять новую; поэтому я позвал сапожника, который сменил своего отца и был чрезвычайно глуп. Он никогда не видел императора, хотя работал на него; и когда он узнал, что должен предстать перед его Величеством, у него совершенно закружилась голова. Как он мог осмелиться предстать перед Императором? Какой костюм он должен надеть? Я подбодрил его и сказал, что ему понадобится черный французский сюртук с биджами, шляпа и так далее; и он явился в таком наряде в Тюильри. Войдя в покои его Величества, он отвесил глубокий поклон и остановился в сильном смущении. "Неужели это не вы шили мне обувь в военной школе?" — "Нет, ваше величество, император и король, это был мой отец". — "А почему он не делает этого сейчас?" — "Сир, император и король, потому что он умер". — "Сколько вы заставляете меня платить за мои туфли?" — "Ваше Величество, император и король, платит за них восемнадцать франков". — "Это очень дорого". — "Ваше Величество, император и король, мог бы заплатить за них гораздо больше, если бы захотел". Император от души рассмеялся над такой простотой и позволил ему снять мерку; но смех императора настолько сбил беднягу с толку, что, когда он приблизился к нему со шляпой подмышкой, отвесив тысячу поклонов, его шпага, зажатая между ног, переломилась надвое и заставила его упасть на четвереньки, однако ему не пришлось долго оставаться там, поскольку взрыв смеха его Величества усилился, и, наконец освободившись от шпаги, бедный сапожник с большей легкостью снял мерку с императора и удалился, рассыпаясь в извинениях.

Все белье его величества было исключительно высокого качества, помеченное буквой "N" в короне; сначала он не носил подтяжек, но наконец начал ими пользоваться и нашел их очень удобными. Затем он надел жилеты из английской фланели, а императрица Жозефина сшила для него дюжину кашемировых жилетов на лето.

Многие люди верили, что император носил кирасу под одеждой при ходьбе и находясь в армии. Это полная ложь: император никогда не надевал кирасу или что-либо похожее на нее ни под плащ, ни поверх него.

Император не носил драгоценностей; в карманах у него никогда не было ни кошелька, ни серебра, а только носовой платок, табакерка и коробочка для конфет.

На его мундире были только звезда и два креста: ордена Почетного легиона и Железной короны. Под мундиром и на жилете у него была красная лента, концы которой едва виднелись.

Когда в замке устраивался прием или он устраивал смотр, он надевал этот грандиозный кордон поверх пальто.

Его шляпа, форму которой бесполезно описывать, пока существуют портреты его Величества, была чрезвычайно тонкой и очень легкой, подбитой шелком и ватой; и на ней у него не было ни кисточек, ни перьев, а просто узкая плоская лента из шелка и маленькая трехцветная кокарда.

Император купил несколько часов от Breguet и Meunier — очень простые часы с повторителем, без украшений или фигурок, циферблат покрыт стеклом, задняя крышка золотая. Месье Лас Касас говорит о часах с двойным золотым корпусом, помеченных шифром "B", которые никогда не покидали императора. Я никогда не видел ничего подобного, хотя был хранителем всех драгоценностей и даже несколько дней хранил бриллианты короны. Император часто ломал свои часы, бросая их наугад, как я уже говорил ранее, на любой предмет мебели в своей спальне. У него было два будильника работы Менье, один в его карете, другой в изголовье кровати, который он прикрепил к маленькому зеленому шелковому шнурку, а также третий, но он был старый и изношенный, так что не работал; именно этот последний принадлежал Фридриху Великому и был привезен из Берлина.

Мечи его Величества были очень простыми, с золотыми накладками и совой на рукояти.

У императора было два меча, похожих на тот, который он носил в день битвы при Аустерлице. Один из этих мечей был подарен императору Александру, как читатель узнает позже, а другой — принцу Евгению в 1814 году. То, что было на императоре при Аустерлице и на чем он впоследствии выгравировал название и дату этого достопамятного сражения, должно было быть помещено в колонну на Вандомской площади; но, я думаю, оно все еще было у его величества, когда он находился на острове Святой Елены.

У него также было несколько сабель, которые он носил в своих первых кампаниях и на которых были выгравированы названия сражений, в которых он их использовал. Они были распределены между различными генеральскими чинами его Величества Императора, о распределении которых я расскажу позже.

Когда император собирался покинуть свою столицу, чтобы присоединиться к своей армии, или для простого путешествия по департаментам, мы никогда не знали точного момента его отъезда. Необходимо было заранее разослать по разным дорогам полный комплект оборудования для спальни, кухни и конюшен; это иногда ждало три недели или даже месяц, и когда его Величество наконец отправлялся в путь, тому, что ждало на дороге, которой он не воспользовался, приказывалось вернуться. Я часто думал, что император действовал таким образом, чтобы сбить с толку тех, кто следил за его действиями, и расстроить их планы.

В тот день, когда он должен был отправиться в путь, никто не смог узнать от него этого факта, и все шло своим чередом. После концерта, пьесы или любого другого развлечения, собравшего большое количество людей, его Величество, уходя, просто замечал: "Я уйду в два часа!" Иногда время было раньше, иногда позже, но он всегда отправлялся в свое путешествие в назначенный час. Приказ был немедленно объявлен каждым из главных слуг; и все были готовы в назначенное время, хотя замок был перевернут вверх дном, как можно видеть из приведенной

мною в другом месте картины беспорядка в замке, который предшествовал отъезду императора и последовал за ним. Где бы его величество ни останавливался во время путешествия, перед отъездом он оплачивал все расходы на себя и своих домочадцев, делал подарки хозяевам и раздавал чаевые слугам дома. По воскресеньям император устраивал мессу, которую проводил местный викарий, всегда жертвуя до двадцати наполеонов, иногда больше, и распределяя пожертвования в соответствии с нуждами бедняков прихода. Он задавал много вопросов целителям относительно их ресурсов, возможностей их прихожан, интеллекта и нравственности населения и т.д. Он редко упускал возможность поинтересоваться количеством рождений, смертей, браков и много ли молодых людей и девушек брачного возраста. Если бы кюре удовлетворительно ответил на эти вопросы и если бы он не слишком долго служил мессу, он мог бы рассчитывать на благосклонность его Величества; его церковь и его бедняки оказались бы хорошо обеспечены; а что касается его самого, то император при отъезде оставил или прислал ему звание кавалера ордена Почетного легиона. Его величество предпочитал, чтобы ему отвечали уверенно и без робости; он даже терпел противоречия; и можно было без всякого риска ответить неточно; это почти всегда упускалось из виду, поскольку он уделял мало внимания ответу, но он никогда не упускал случая отвернуться от тех, кто говорил с ним нерешительно или смущенно. Всякий раз, когда император устраивал свою резиденцию в каком-либо месте, там днем и ночью дежурили паж и адъютант, которые спали на мешковинных кроватях. В приемной также постоянно находились квартирмейстер и сержант конюшен, готовые при необходимости распорядиться о подаче экипажей, которые они всегда держали в готовности к движению; лошади были полностью оседланы и взнузданы, а экипажи, запряженные двумя лошадьми, выезжали из конюшен по первому сигналу его Величества. Эти служащие сменялись каждые два часа, как часовые.

Я говорил выше, что его величеству нравились быстрые ответы, а также те, которые демонстрировали живость и задорность. Я приведу два анекдота в подтверждение этого утверждения. Однажды, когда император устраивал смотр на площади Карусель, его лошадь встала на дыбы, и в попытках его Величества обуздать ее шляпа упала на землю; лейтенант (кажется, его звали Рабюссон), к ногам которого упала шляпа, поднял ее и вышел из первых рядов, чтобы предложить ее его Величеству. "Спасибо, капитан", - сказал император, все еще успокаивая свою лошадь. "В каком полку?" — "Сир?" - спросил офицер. Император, присмотревшись к нему более внимательно и заметив его ошибку, сказал ему, улыбаясь: "Ах, это так, сударь, в гвардии".

Новый капитан получил чин, которым был обязан своему присутствию духа, но который на самом деле он заслужил своей храбростью и преданностью долгу.

На другом смотре его величество заметил в рядах линейного полка старого солдата, руки которого были украшены тремя шевронами. Он сразу узнал его, так как видел в итальянской армии, и, подойдя к нему, сказал: "Ну, мой храбрый товарищ, почему у тебя нет креста? Вы не выглядите плохим парнем". — "Сир, — ответил старый солдат с печальной серьезностью, - меня трижды вносили в список к награждению крестом". - "Вы не будете разочарованы в четвертый раз", - ответил император и приказал маршалу Бертье внести в список для следующего повышения храброго солдата, который вскоре был произведен в кавалеры ордена Почетного легиона.

ГЛАВА XXI.

Папа Пий VII. покинул Рим в начале ноября 1804 года; и его Святейшество в сопровождении генерала Мену, администратора Пьемонта, прибыл в Мон-Сени утром 15 ноября. Дорога на Мон-Сени была обследована и выровнена, а все опасные места ограждены заграждениями. Святой Отец был принят месье Пуатевен-Меземи, префектом Монблана, и после короткого визита в хоспис пересек гору в паланкине в сопровождении огромной толпы, которая преклонила колени, чтобы получить его благословение, когда он проходил мимо.

17 ноября его Святейшество сел в свой экипаж, в котором проделал остаток путешествия, в том же сопровождении. Император отправился навстречу Святому Отцу и встретил его по дороге в Немур в лесу Фонтенбло. Император спешился, и оба государя вернулись в Фонтенбло в одной карете. Говорят, что ни один из них не имел преимущества перед другим, и что, чтобы избежать этого, они оба вошли вкарету в одно и то же мгновение: его Величество - через дверь справа, а его Святейшество - через дверь слева.

Я не знаю, правда ли, что император использовал уловки и стратагемы, чтобы избежать компрометации своего достоинства, но я точно знаю, что было бы невозможно проявить больше уважения к почтенному старцу. На следующий день после своего прибытия в Фонтенбло папа совершил свой въезд в Париж со всеми почестями, которые обычно воздаются главе Империи. Для него были приготовлены апартаменты в Тюильри, в Павильоне Флоры; и в продолжение деликатного и нежного отношения, которое его Величество проявил с самого начала, приветствуя Святого Отца, он обнаружил, что его апартаменты по устройству и мебели являются точной копией тех, которые он занимал в Риме. Он выразил большое удивление и благодарность за это внимание, которое он сам, как говорят, со свойственной ему деликатностью назвал полностью сыновним; желая таким образом признать уважение, которое император оказывал ему при каждом удобном случае, и новый титул старшего сына Церкви, который его Величество собирался принять вместе с императорской короной.

Каждое утро я ходил по приказу его Величества справляться о здоровье Святого Отца. Пий VII. у него было благородное и красивое лицо, аура ангельской кротости и мягкий, хорошо поставленный голос; он говорил мало и всегда медленно, но с изяществом; его вкусы были чрезвычайно простыми, а воздержанность невероятной; он был снисходителен к другим и крайне снисходителен в своих суждениях. Я должен признать, что в плане хорошего настроения люди из его свиты не претендовали на то, чтобы подражать Святому Отцу, но, напротив, самым неподобающим образом воспользовались приказом императора о том, чтобы было предоставлено все требуемое. Столы, накрытые для них, были обильно и даже великолепно сервированы, что, однако, не мешало ежедневно заказывать целую корзину шамбертена для личного стола папы, хотя он обедал в одиночестве и пил только воду.

Почти пятимесячное пребывание Святого Отца в Париже было временем назидания для верующих; и его Святейшество, должно быть, составил о себе самое лестное мнение у населения, которое, прекратив практиковать католические религиозные обряды и не видев их более десяти лет, вернулось к ним с неудержимым рвением. Когда папу не задерживало в его покоях слабое здоровье, в отношении которого разница в климате по сравнению с Италией и суровость зимы требовали от него больших предосторожностей, он посещал церкви, музеи и учреждения общественного назначения; и если суровая погода не позволяла ему выходить на улицу, лица, просившие об этой милости, представлялись Пию VII. в большой галерее Музея Наполеона. Однажды несколько моих знакомых дам попросили меня сопровождать их на аудиенцию у Святого Отца, и я получил большое удовольствие от этого.

Длинная галерея музея была заполнена дамами и джентльменами, выстроившимися в две шеренги, большую часть из которых составляли матери семейств со своими детьми на коленях или на руках, готовые предстать перед благословением Святого Отца; и Пий VII. смотрела на этих детей с поистине ангельской нежностью. Предшествуемый управляющим музеем и сопровождаемый кардиналами и вельможами своей семьи, он медленно продвигался между этими двумя рядами верующих, которые падали на колени, когда он проходил мимо, часто останавливаясь, чтобы положить руку на головку ребенка, сказать несколько слов матери или отдать свое кольцо для поцелуя. Он был одет в простую белую сутану без украшений. Как раз в тот момент, когда Папа подошел к нам, директор музея представил даму, которая, как и другие, стояла на коленях в ожидании благословения его Святейшества. Я слышал, как директор назвал эту даму "мадам", графиней де Жанлис, на что Святой Отец протянул ей свое кольцо, самым приветливым образом поднял ее и сказал несколько лестных слов, похвалив ее работы и то благотворное влияние, которое они оказали на восстановление католической религии во Франции.

Продавцы венков и четок, должно быть, разбогатели за эту зиму, потому что в некоторых магазинах продавалось более ста дюжин в день. В течение января только на этой отрасли промышленности один торговец с улицы Сен-Дени заработал сорок тысяч франков. Все те, кто присутствовал на аудиенции у Святого Отца или теснился вокруг него, когда он выходил, заставляли его благословлять венки для себя, для всех своих родственников и для своих друзей в Париже или в провинции. Кардиналы также раздавали невероятное количество пожертвований во время своих визитов в различные больницы, в Отель инвалидов и т.д. и даже в частные дома.

Было решено, что коронация их Величеств состоится 2 декабря. Утром этого знаменательного дня все в замке были на ногах очень рано, особенно лица, прикомандированные к службе гардероба. Сам император встал в восемь часов. Облачить его Величество в богатый костюм, который был приготовлен для этого случая, было непростым делом; и все время, пока я одевал его, он изрекал бесчисленные проклятия и оскорбления в адрес вышивальщиц, портных и мебельщиков в целом. Когда я передавала ему каждый предмет его одежды, "Это что-то красивое, месье ле Дроль", - сказал он (и мои уши сыграли свою роль в спектакле), "но мы посмотрим счета за это". Таков был костюм: шелковые чулки, расшитые золотом, с императорской короной на часах; белые бархатные сапоги, зашнурованные и расшитые золотом; белые бархатные бриджи, расшитые золотом по швам; бриллиантовые пряжки и пуговицы на подвязках; жилет, тоже из белого бархата, расшитый золотом с бриллиантовыми пуговицами; малиновый бархатный камзол с отворотами. из белого бархата, расшитый по всем

швам, весь сверкающий золотом и драгоценными камнями. Короткий плащ, тоже малинового цвета, подбитый белым атласом, свисал с его левого плеча и был перехвачен справа на груди двойной застежкой из бриллиантов. В таких случаях было принято, чтобы великий камергер передавал рубашку; но, похоже, его величество не помнил об этом законе этикета, и только я выполнял эту обязанность, как привык. Рубашка была одной из тех, которые обычно носил его величество, но из очень красивого батиста, поскольку император носил только очень тонкое полотно; но были добавлены оборки из очень красивого кружева, а его галстук был из самого изысканного муслина, а воротник - из превосходного кружева. Черная бархатная шапочка была увенчана двумя белыми эгретками и окружена бриллиантовой лентой, скрепленной регентом. В таком наряде император вышел из Тюильри и, только добравшись до Собора Парижской Богоматери, набросил на плечи большую коронационную мантию. Оно было из малинового бархата, усыпанного золотыми пчелами, на подкладке из белого атласа и скреплено золотым шнуром с кисточкой. Вес его составлял по меньшей мере восемьдесят фунтов, и, хотя его поддерживали четверо высокопоставленных лиц, он придавил его своим весом. Поэтому, вернувшись в замок, он как можно скорее освободился от всего этого богатого и неудобного одеяния и, надевая свою гренадерскую форму, снова и снова повторял: "Наконец-то я могу отдышаться". Конечно, в день битвы он чувствовал себя гораздо более непринужденно.

Драгоценности, которые использовались при коронации ее Величества императрицы и которые состояли из короны, диадемы и пояса, поступили из заведения госпожи Маргариты. Корона имела восемь ветвей, которые поддерживали золотой шар, увенчанный крестом, каждая ветвь была усыпана бриллиантами, четыре из которых были в форме пальмы, а четыре - из листьев мирта. Вокруг короны проходила лента, украшенная восемью огромными изумрудами, в то время как повязка на лбу сияла аметистами.

Диадема состояла из четырех рядов великолепных жемчужин, переплетенных с листьями из бриллиантов, каждый из которых идеально сочетался, и была установлена с мастерством, столь же восхитительным, как и красота материала. На лбу у нее красовалось несколько крупных бриллиантов, каждый по отдельности весил сто сорок девять гран. Пояс, наконец, представлял собой золотую ленту, украшенную тридцатью девятью розовыми камнями. Скипетр его Величества императора был изготовлен г-ном Одио; он был из серебра, обвитый золотой змеей и увенчанный шаром, на котором восседал Карл Великий. Рука правосудия и корона, а также меч были самой изысканной работы, но описывать их было бы слишком долго; они принадлежали заведению месье Биенне.

В девять часов утра папа Римский выехал из Тюильри в Собор Парижской Богоматери в экипаже, запряженном восьмеркой красивых серых лошадей. С имперской стороны кареты поднималась тиара, окруженная эмблемой папства из позолоченной бронзы, в то время как первый камергер его Святейшества верхом на муле ехал впереди кареты, неся серебряный позолоченный крест.

Между прибытием папы Римского в Собор Парижской Богоматери и прибытием их Величеств, которые покинули Тюильри ровно в одиннадцать часов, был интервал около часа, о чем возвестили многочисленные артиллерийские залпы. Карета их Величеств, сверкающая золотом и украшенная великолепными росписями, была запряжена восемью гнедыми лошадьми в великолепной попоне.

Над империалом этой кареты была корона, поддерживаемая четырьмя орлами с распростертыми крыльями. Панели этого экипажа, ставшего предметом всеобщего восхищения, были из стекла, а не из дерева; и он был устроен так, что спинка была точно такой же, как спереди, и это сходство заставило их Величеств, войдя в него, совершить абсурдную ошибку, разместившись на переднем сиденье. Императрица первой заметила это, и и она, и ее муж были очень удивлены.

Я не мог бы попытаться описать кортеж, хотя у меня до сих пор сохранились самые яркие воспоминания об этой сцене, потому что мне нужно было бы сказать слишком много. Представьте себе тогда десять тысяч великолепно конных кавалеристов, дефилирующих между двумя столь же внушительными рядами пехоты, каждый корпус покрывает расстояние почти в пол-лиги. Затем подумайте о количестве экипажей, об их великолепии, о великолепии конской сбруи и мундиров солдат; о толпах музыкантов, исполняющих коронационные марши, добавленные к звону колоколов и грохоту пушек; затем ко всему этому добавьте эффект, производимый этим огромным количеством от четырехсот до пятисот тысяч зрителей; и все же человек был бы очень далек от получения правильного представления об этом поразительном великолепии.

В декабре месяце очень редко бывает хорошая погода, но в тот день небеса казались благосклонными к императору, и как только он вошел в архиепископальную церковь, довольно густой туман, который держался все утро, внезапно рассеялся, и яркий поток солнечного света добавил великолепия кортежу. Это необычное обстоятельство было замечено зрителями и усилило энтузиазм.

Все улицы, по которым проезжал кортеж, были тщательно расчищены и посыпаны песком; жители украшали фасады своих домов в соответствии со своим вкусом и средствами: драпировками, гобеленами, цветной бумагой, а некоторые даже гирляндами из листьев тиса; почти все лавки на набережной Орфевр были украшены гирляндами искусственных цветов.

Религиозная церемония длилась почти четыре часа и, должно быть, чрезвычайно утомила главных действующих лиц. Личные слуги по необходимости постоянно дежурили в апартаментах, приготовленных для императора в архиепископском дворце; но любопытные (а таковыми были все) время от времени сменяли друг друга, и у каждого, таким образом, была возможность наблюдать за церемонией на досуге.

Я никогда ни до, ни после этого не слышал такой впечатляющей музыки: это было сочинение господ Паэзьелло, Роуза и Лесюэра, регентов их Величеств; а в оркестре и хорах играли лучшие музыканты Парижа. Двумя оркестрами с четырьмя хорами, включавшими более трехсот музыкантов, руководили: одним - М. Персуис, другим - М. Рей, оба руководителя императорских оркестров. М. Лаис, первый певец его Величества, М. Крейцер и М. Байо, первые скрипачи того же ранга, собрали лучшие таланты, которыми обладали императорская капелла, опера и большие лирические театры, как инструментальные исполнители, так и певицы мужского и женского пола. Бесчисленные военные оркестры под руководством М. Лесуэма исполняли героические марши, один из которых, заказанный императором у М. Лесюэра для булонской армии, и по сей день, по мнению знатоков, достоин стоять в первом ряду самых красивых и внушительных музыкальных произведений. Что касается меня, то эта музыка подействовала на меня до такой степени, что я побледнел и задрожал, и судорожная дрожь пробежала по всему моему телу, когда я слушал ее.

Его Величество не позволил папе прикоснуться к короне, но сам возложил ее себе на голову. Это была золотая диадема, сделанная из дубовых и лавровых листьев. Затем Его Величество взял корону, предназначенную императрице, и, сам надев ее на несколько мгновений, возложил на лоб своей августейшей супруги, которая преклонила перед ним колени. Ее волнение было так велико, что она прослезилась и, встав, устремила на императора взгляд, полный нежности и благодарности; и император ответил на ее взгляд, ни в малейшей степени не теряя достоинства, которого требовала столь внушительная церемония перед столькими свидетелями.

Несмотря на это стеснение, их сердца поняли друг друга среди блеска и аплодисментов собрания, и, конечно же, в тот момент императору в голову не приходила мысль о разводе; и, со своей стороны, я совершенно уверен, что этого жестокого расставания никогда бы не произошло, если бы ее Величество императрица могла родить детей или даже если бы юный Наполеон, сын короля Голландии и королевы Гортензии, не умер как раз в то время, когда император решил его усыновить. И все же я должен признать, что страх или, скорее, уверенность в том, что Жозефина не родит ему наследника престола, довели императора до отчаяния; и я много раз слышал, как он внезапно останавливался посреди своей работы и с досадой восклицал: "Кому я все это оставлю?"

После мессы его превосходительство кардинал Феш, главный раздающий милостыню Франции, поднес Книгу Евангелий императору, который после этого со своего трона произнес императорскую клятву голосом настолько твердым и отчетливым, что ее услышали все присутствующие. Затем, возможно, в двадцатый раз, крик "Да здравствует Император" сорвался с уст всех, было пропето "Te Deum", и "их Величества покинули церковь тем же способом, каким вошли". Папа оставался в церкви примерно четверть часа после монархов; и когда он встал, чтобы удалиться, всеобщие возгласы сопровождали его от хоров до портала.

Их Величества вернулись в замок только в половине седьмого, а папа римский - почти до семи. При входе в церковь их Величества прошли через дворец архиепископа, здания которого, как я уже говорил, сообщались с Собором Парижской Богоматери деревянной галереей. Эта галерея, покрытая шифером и увешанная великолепными гобеленами, заканчивалась платформой, также из дерева, установленной перед главным входом и сделанной так, чтобы она идеально гармонировала с готической архитектурой этой красивой столичной церкви. Эта платформа опиралась на четыре колонны, украшенные надписями золотыми буквами, перечисляющими названия главных городов Франции, мэры которых были назначены присутствовать на коронации. Над этими колоннами располагалась рельефная картина, изображавшая Хлодвиг и Карла Великого, сидящих на своих тронах со скипетром в руке; а в центре этого фронтисписа был изображен герб Империи, задрапированный знаменами шестнадцати когорт ордена Почетного легиона, в то время как по бокам были башни, увенчанные золотыми орлами. Внутренняя часть этого портика, как и галереи, имела форму крыши, выкрашенной в небесно-голубой цвет и усыпанной звездами.

Трон их Величеств был установлен на сцене в форме полукруга и покрыт ворсистым ковром, усыпанным пчелами, к нему вели двадцать две ступеньки. Трон, задрапированный красным бархатом, был также покрыт павильоном того же цвета, левое крыло которого простиралось над императрицей, принцессами и их фрейлинами, а правое - над двумя братьями императора с архи-канцлером и архи-казначеем.

Ничто не могло быть величественнее, чем вид сада Тюильри с высоты птичьего полета вечером этого знаменательного дня: большой партерный зал, окруженный освещенными колоннадами, от арки до арки которых были украшены гирляндами розовых огней; величественная набережная, очерченная колоннами, над которыми сверкали звезды; террасы с каждой стороны, обсаженные апельсиновыми деревьями, ветви которых были усыпаны бесчисленными гирляндами; в то время как каждое дерево на прилегающих дорожках представляло собой великолепное зрелище; и, наконец, в довершение всего этого великолепного сияния света Огромная звезда висела над площадью Согласия и затмевала все остальное. По правде говоря, это можно было бы назвать огненным дворцом.

По случаю коронации его Величество преподнес великолепные подарки столичной церкви. Среди прочего я заметил чашу, украшенную барельефами, выполненными знаменитым Жерменом, пикс, две бутылки с официантом, сосуд для святой воды и блюдо для подношений, все из позолоченного серебра с прекрасной гравировкой. По приказу его Величества, переданному через министра внутренних дел, господину д'Астро, канонику собора Парижской Богоматери, была также вручена шкатулка с терновым венцом, гвоздем и куском дерева истинного креста, а также небольшой пузырек, содержащий, как говорили, немного крови Господа Нашего, железный бич, которым пользовался Людовик Святой, и туника, также принадлежавшая этому королю.

Утром маршал Мюрат, губернатор Парижа, устроил великолепный завтрак для принцев Германии, которые прибыли в Париж, чтобы присутствовать на коронации; а после завтрака маршал-губернатор доставил их в Собор Парижской Богоматери в четырех экипажах, каждый из которых был запряжен шестеркой лошадей, в сопровождении эскорта из ста всадников под командованием одного из своих адъютантов. Этот эскорт был особенно замечен элегантностью и богатством своей униформы.

На следующий день после этого грандиозного и запоминающегося торжества народ ликовал. С раннего утра огромная толпа народа, наслаждаясь великолепной погодой, растеклась по бульварам, набережным и общественным площадям, на которых было приготовлено бесконечное разнообразие увеселений.

Герольды с оружием в руках рано утром прошли по всем общественным местам, бросая толпе, которая теснилась вокруг них, медали, отчеканенные в память о коронации. На этих медалях с одной стороны было изображено изображение императора, его чело окружала корона цезарей, с таким девизом: "Наполеон, император". На обратной стороне была изображена фигура магистрата с атрибутами его должности вокруг него и фигура древнего воина, несущего на щите героя, увенчанного короной и покрытого императорской мантией. Вверху было написано: Сенат и народ. Вскоре после прохода герольдов началось ликование, которое затянулось далеко за вечер.

На площади Людовика XV, которая тогда называлась площадью Согласия, были возведены четыре больших квадратных зала временной деревянной отделки для танцев и вальсирования. На бульварах тут и там были расставлены сцены для представления пантомим и фарсов; группы певцов и музыкантов исполняли национальные гимны и воинственные марши; смазанные жиром шесты, канатоходцы, всевозможные спортивные состязания привлекали внимание гуляющих на каждом шагу и позволяли им без нетерпения ожидать иллюминации и фейерверка.

Фейерверк вызвал восхищение. От площади Людовика XV. до самого конца бульвара Сент-Антуан тянулась двойная линия разноцветных огней в виде гирлянд. Дворец Законодательного корпуса, бывший Гард-Мебле, сиял огнями, а ворота Сен-Дени и Сен-Мартен были увешаны фонарями сверху донизу.

Вечером все желающие отправились на набережные и мосты, чтобы увидеть фейерверк, который запускался с моста Согласия (ныне называемого мостом Людовика XVI) и который по великолепию намного превосходил все, что когда-либо видели.

ГЛАВА XXII.

В среду, 5 декабря, через три дня после коронации, император произвел раздачу цветов на Марсовом поле.

Перед Военной школой был возведен балкон, покрытый навесами и расположенный на одном уровне с квартирами второго этажа. Средний навес, поддерживаемый четырьмя колоннами, каждая из которых представляла собой позолоченную фигуру, символизирующую Победу, прикрывал трон, на котором восседали их Величества. В высшей степени удачная предосторожность, поскольку в тот день погода была ужасной; оттепель наступила внезапно, а все знают, что такое парижская оттепель.

Вокруг трона выстроились принцы и принцессы, высшие сановники, министры, маршалы империи, высшие офицеры короны, придворные дамы и члены государственного совета.

Этот балкон был разделен справа и слева на шестнадцать отсеков, украшенных знаменами и увенчанных орлами, эти подразделения представляли шестнадцать когорт ордена Почетного легиона. Те, что справа, были заняты Сенатом, офицерами ордена Почетного легиона, апелляционным судом и начальниками национального казначейства, а те, что слева, - трибуналом и Законодательным корпусом.

На каждом конце балкона было по павильону. Что расположенная рядом с городом сторона была названа императорской трибуной и предназначалась для иностранных принцев, в то время как дипломатический корпус и выдающиеся иностранные личности заполняли другой павильон.

С этой галереи на Марсово поле спускалась огромная лестница, первая ступенька которой образовывала скамью под трибунами, и на ней сидели президенты кантонов, префекты, супрефекты и члены муниципального совета. По обе стороны этой лестницы были размещены колоссальные фигуры Франции, заключающей мир, и Франции, развязывающей войну. На ступенях сидели полковники полков и президенты коллегий выборщиков департамента, высоко держа императорских орлов.

Кортеж их Величеств выехал в полдень из замка Тюильри в том же порядке, что и во время коронации: гвардейские егеря и эскадроны мамлюков маршировали впереди, Элитный легион и конные гренадеры следовали за муниципальной гвардией; в то время как гвардейские гренадеры замыкали строй. Войдя в Военную школу, их Величества засвидетельствовали свое почтение дипломатическому корпусу, который был размещен для этой цели в приемных залах. Затем император и императрица, надев свои царственные знаки отличия, заняли свои места на троне, в то время как воздух сотряснулся от повторных артиллерийских залпов и всеобщих одобрительных возгласов. По данному сигналу армейские делегации, рассеянные по Марсову полю, выстроились в сплошную колонну и под звуки труб приблизились к трону. Затем император встал, и сразу же воцарилась глубокая тишина, в то время как громким, ясным тоном он произнес эти слова: "Солдаты, взгляните на свои штандарты! Эти орлы всегда будут служить вам опорным пунктом. Они отправятся туда, куда ваш император сочтет их присутствие необходимым для защиты своего трона и своего народа. Клянетесь ли вы пожертвовать даже своими жизнями, защищая их, и всегда поддерживать их своей доблестью на пути к победе? Вы клянетесь в этом?" — "Мы клянемся в этом", - хором повторили все полковники, в то время как президенты колледжей размахивали флагами, которые они несли. "Мы клянемся в этом", - в свою очередь произнесла вся армия, в то время как оркестры заиграли знаменитый марш, известный как "Марш штандартов".

Этот бурный энтузиазм передался зрителям, которые, несмотря на дождь, толпились на террасах, окружавших ограду Марсова поля. Вскоре орлы заняли отведенные им места, и армия дефилировала подразделениями перед троном их Величеств.

Хотя ничего не было сделано для придания этой церемонии всевозможного великолепия, она ни в коем случае не была блестящей. Это правда, цель мероприятия была впечатляющей; но как можно было провести впечатляющую церемонию в потоке растаявшего снега и среди моря грязи, которое представляло собой Марсово поле в тот день? Войска находились при оружии с шести утра, подвергались воздействию дождя и были вынуждены терпеть его без видимой необходимости, по крайней мере, такони это считали. Раздача штандартов была для этих людей не более чем смотром; и, конечно, солдату должно показаться, что выдерживать непогоду на поле боя - совсем другое дело, чем часами стоять без дела с начищенным ружьем и пустой патронташной коробкой в день парада.

Кортеж вернулся в Тюильри в пять часов, после чего в галерее Дианы состоялся грандиозный банкет, на котором присутствовали папа римский, суверенный курфюрст Ратисбонский, принцы и принцессы, высшие сановники, дипломатический корпус и многие другие лица. Стол их Величеств был установлен посреди галереи, на возвышении, и накрыт великолепным балдахином, под которым император восседал справа от императрицы, а папа - слева от нее. Сервировкой занимались пажы. Великий камергер, великий конюший и генерал-полковник гвардии стояли перед его Величеством; великий маршал дворца справа от него, а перед столом и ниже - префект дворца; слева и напротив великого маршала находился великий церемониймейстер; все они также стояли. По обе стороны от стола их Величеств сидели их императорские высочества, представители дипломатического корпуса, министры и высшие офицеры и, наконец, фрейлины. Вечером был дан прием, концерт и бал. На следующий день после раздачи орлов его императорское высочество принц Джозеф представил его Величеству президентов коллегий выборщиков департаментов; затем были представлены президенты коллегий округов и их префекты, которые были приняты его Величеством.

Император побеседовал с большей частью этих чиновников о нуждах каждого ведомства и поблагодарил их за усердие в оказании ему помощи. Затем он особо рекомендовал им исполнение закона о воинской повинности. "Без воинской повинности, - сказал его Величество, - у нас не было бы ни власти, ни национальной независимости. Воинской повинности подлежит вся Европа. Наш успех и прочность наших позиций зависят от наличия у нас национальной армии, и необходимо сохранять это преимущество с величайшей осторожностью".

Эти представления заняли несколько дней, в течение которых его Величество принимал по очереди, и всегда с одинаковым церемониалом, председателей высших судов, председателей генеральных советов департаментов, субпрефектов, депутатов колоний, мэров тридцати шести главных городов, президентов кантонов, вице-президентов торговых палат и президентов консисторий.

Несколько дней спустя город Париж устроил в честь их Величеств праздник, блеск и великолепие которого превосходили любое описание, которое только можно было дать. По этому случаю император, императрица и принцы Жозеф и Людовик ехали вместе в коронационной карете, и батареи, установленные на Новом мосту, возвещали момент, когда их Величества начали подниматься по ступеням Ратуши. В то же время буфеты с кусками мяса птицы и фонтаны вина привлекли огромную толпу на главные площади каждого из двенадцати муниципалитетов Парижа, почти каждый житель которых принимал участие в раздаче съестных припасов, благодаря предусмотрительности властей, которые не распространяли их никому, кроме тех, кто предъявлял билеты. Фасад Hotel de Ville сиял разноцветными лампами; но то, что показалось мне самой прекрасной частью всей экспозиции, было судно, оснащенное восьмьюдесятью пушками, чьи палубы, мачты, паруса и снасти были отчетливо очерчены цветными огнями. Венцом всего, что установил сам император, был изображен Сен-Бернар в виде извергающегося вулкана посреди покрытых снегом ледников. На нем был изображен император, великолепный в свете, восседающий на коне во главе своей армии, взбирающийся на крутую вершину горы. На балу присутствовало более семисот человек, и все же никакого замешательства не было. Их Величества рано удалились. Императрица, войдя в апартаменты, приготовленные для нее в Отель де Виль, обнаружила там великолепнейший туалетный сервиз, весь в золоте. После того как его привезли в Тюильри, он в течение многих дней был главным развлечением ее величества и предметом разговоров. Она хотела, чтобы все увидели это и восхитились; и, по правде говоря, никто из увидевших это не мог не сделать этого. Их Величества разрешили выставить это вместе с сервизом, который город подарил императору, на несколько дней к удовольствию публики.

После фейерверка был запущен великолепный воздушный шар, вся окружность которого вместе с корзиной и веревками, прикреплявшими ее к воздушному шару, была украшена бесчисленными гирляндами разноцветных огней. Это огромное тело цветного огня, медленно и величественно поднимающееся в воздух, представляло собой великолепное зрелище. Некоторое время он оставался подвешенным точно над Парижем, словно для того, чтобы дождаться, пока любопытство публики будет полностью удовлетворено, затем, достигнув высоты, на которой он столкнулся с более быстрым воздушным потоком, внезапно исчез, уносимый ветром на юг. После его исчезновения о нем больше не вспоминали, но пятнадцать дней спустя весьма необычный инцидент привлек к нему внимание общественности.

Когда я одевал императора в первый день этого года или накануне, мне представили одного из его министров; и когда император поинтересовался парижскими новостями, как он всегда делал с теми, кого видел ранним утром, министр ответил: "Я видел кардинала Капрару вчера поздно вечером, и я узнал от него очень необычное обстоятельство". — "Что это было?" о чем?" и его величество, вообразив, несомненно, что это какой-то политический инцидент, приготовился увести своего министра в кабинет, не закончив свой туалет, когда его превосходительство поспешил добавить: "О, ничего серьезного, сир! Ваше величество, несомненно, помнит, что в последнее время в кругу ее Величества императрицы обсуждали огорчение бедняги Гарнерена, которому до сих пор не удалось найти воздушный шар, который он отправил в полет в день праздника, устроенного в честь вашего Величества городом Парижем. Наконец—то он получил известие о своем воздушном шаре". - "Куда он упал?" - спросил император. "В Риме, сир!" — "Ах, это действительно очень необычно". — "Да, сир; таким образом, воздушный шар Гарнерена за двадцать четыре часа показал вашу императорскую корону в двух столицах мира". Затем министр сообщил его Величеству следующие подробности, которые были опубликованы в то время, но которые я считаю достаточно интересными, чтобы повторить их здесь.

Гарнерен прикрепил к своему воздушному шару следующее уведомление: "Воздушный шар с этим письмом был отправлен в Париж вечером 25 марта (16 декабря) месье Гарнереном, специальным воздухоплавателем его Величества Императора России и обычным воздухоплавателем французского правительства по случаю праздника, устроенного городом Парижем в честь императора Наполеона в ознаменование его коронации. Тот, кто найдет этот воздушный шар, пожалуйста, сообщите месье Гарнерену, который выедет на место".

Воздухоплаватель, несомненно, ожидал на следующий день получить уведомление о том, что его воздушный шар упал на равнине Сен-Дени или в Гренеле; следует предположить, что он едва ли мечтал о поездке в Рим, когда собирался отправиться туда. Прошло более пятнадцати дней, прежде чем он получил ожидаемое уведомление; и он, вероятно, уже признал свой воздушный шар потерянным, когда пришло следующее письмо от нунция его Святейшества:

"Его Превосходительство кардинал Гонсалви, государственный секретарь Его Святейшества, поручил кардиналу Капраре передать месье Гарнерену копию письма, датированного 18 декабря. Он спешит отправить его, а также приложить копию сопроводительной записки. Кардинал также пользуется случаем, чтобы заверить месье Гарнерена в своем высочайшем уважении".

К этому письму был приложен перевод доклада, сделанного кардиналу, государственному секретарю в Риме, герцогом Мондрагоне и датированного Ангильорой, недалеко от Рима, 18 декабря:

"Вчера вечером около двадцати четырех часов по воздуху пролетел шар поразительных размеров, который упал на озеро Браччано и имел вид дома. Были посланы лодочники, чтобы доставить его на сушу; но они не смогли этого сделать, так как дул сильный ветер, сопровождавшийся снегопадом. Сегодня рано утром им удалось доставить его на берег. Этот шар сделан из промасленного шелка, покрытого сеткой, а проволоочная галерея немного сломана. Кажется, что он освещался лампами и цветными фонариками, от которых осталось много обломков. К глобусу была прикреплена следующая надпись". (Которая приведена выше).

Таким образом, мы видим, что этот воздушный шар, вылетевший из Парижа в семь часов вечера 16 декабря, упал на следующий день, 17-го, недалеко от Рима, в двадцать четыре часа, то есть на закате. Он пересек Францию, Альпы и т. Д. И преодолел расстояние более трехсот лье за двадцать два часа, его скорость составляла тогда пятнадцать лье (45 миль) в час; и что делает это еще более примечательным, так это тот факт, что его вес был увеличен за счет украшений весом в пятьсот фунтов.

Рассказ о прежних полетах этого воздушного шара будет небезынтересным. Его первое восхождение было совершено в присутствии их прусских величеств и всего двора, по этому случаю он нес г-на Гарнерена, его жену и Гертнера и опустился на границах Саксонии.

Второе вознесение состоялось в Санкт-Петербурге в присутствии императора, двух императриц и двора, на руках у него были месье и мадам Гарнерен; и оно упало недалеко от них в болото. Это было первое восхождение на воздушном шаре, когда-либо наблюдавшееся в России.

Третье судебное разбирательство также проходило в Санкт-Петербурге в присутствии императорской семьи. М. Гарнерен поднялся на борт в сопровождении генерала Суольфа; и два путешественника были перевезены через Фридландский залив за три четверти часа и сошли в Красном селе, в двадцати пяти верстах от Санкт-Петербурга. Четвертое испытание проходило в Москве, и Гарнерин поднялся более чем на четыре тысячи высот [24 000 футов]. У него было много мучительных впечатлений, и по истечении семи часов он спустился в трехстах тридцати верстах [200 миль] от Москвы, по соседству со старыми границами России. Этот же воздушный шар был снова использован при восхождении, которое мадам Гарнерен совершила в Москве с мадам Тушенинольф, в разгар ужасной бури и при вспышках молнии, убившей трех человек в радиусе трехсот шагов от воздушного шара, в самый момент восхождения. Эти дамы без происшествий спустились в двадцати одной версте от Москвы.

Город Париж выплатил вознаграждение в размере шестисот франков лодочникам, вытащившим из озера Браччано воздушный шар, который был доставлен обратно в Париж и помещен в музей отеля де Вилль.

В тот же день я был свидетелем того, с какой добротой император принял прошение бедной женщины, жены нотариуса, я полагаю, чей муж был приговорен за какое-то преступление, не знаю за что, к длительному тюремному заключению. Когда карета их Императорских Величеств проезжала перед Пале-Роялем, две женщины, одна уже пожилая, другой шестнадцати-семнадцати лет, бросились к дверям, крича: "Простите моего мужа, простите моего отца".

Император немедленно громким голосом отдал приказ остановить карету и протянул руку за прошением, которое старшая из двух женщин не хотела подавать никому, кроме него, в то же время утешая ее добрыми словами и проявляя самую трогательную заботу о том, чтобы она не пострадала от лошадей маршалов империи, которые находились по обе стороны кареты. В то время как доброта его августейшего брата до предела возбудила энтузиазм и чувства свидетелей этой сцены, принц Людовик, сидевший на переднем сиденье кареты, тоже высунулся наружу, пытаясь успокоить дрожащую молодую девушку и убеждая ее утешить свою мать и с уверенностью рассчитывать на благосклонное отношение императора. Мать и дочь, охваченные волнением, не могли ничего ответить, и когда кортеж проехал дальше, я увидел, что первая вот-вот упадет в обморок. Ее отнесли в соседний дом, где она пришла в себя и вместе с дочерью пролила слезы благодарности и радости.

Законодательный корпус постановил, что в их зале собраний императору должна быть установлена статуя из белого мрамора в ознаменование завершения разработки Гражданского кодекса. В день открытия этого памятника ее Величество императрица, принцы Жозеф, Луи, Боргезе, Баккиочи и их жены вместе с другими членами императорской семьи, депутациями высших государственных чинов, дипломатическим корпусом и многими выдающимися иностранцами, маршалами империи и значительным количеством генералов собрались в семь часов вечера во дворце Законодательного корпуса.

Когда императрица появилась в зале, все собрание встало, и музыкальный оркестр, размещенный на соседней трибуне, исполнил хорошо известный припев из Глюка: "Сколько прелести! Какое величие!" Едва прозвучали первые ноты этого хора, как все были поражены счастливым совпадением, и со всех сторон раздались аплодисменты.

По приглашению президента маршалы Мюрат и Массена открыли статую, и все взгляды были прикованы к этому изображению императора, его брови были окружены лавровым венцом, увитым дубовыми и оливковыми листьями. Когда тишина сменилась одобрительными возгласами, вызванными этим зрелищем, г-н де Вобланк взошел на трибуну и произнес речь, которой громко аплодировали в собрании, чувства которого она верно выражала.

"Господа, - сказал оратор, - вы отпраздновали завершение разработки Гражданского кодекса Франции актом восхищения и благодарности; вы наградили статуй прославленного принца, чья твердость и настойчивость привели к завершению этого грандиозного труда, и в то же время его обширный интеллект пролил самый яркий свет на этот благородный отдел человеческих институтов. В то время первый консул, ныне император Франции, он появляется в храме законов, его голова украшена триумфальной короной, какой ее так часто украшала победа, при этом предсказывая, что она сменится на королевскую диадему, и покрыта императорской мантией, благородным атрибутом высшего достоинства.

"Несомненно, в этот торжественный день, в присутствии принцев и великих людей государства, перед августейшей особой, которую Империя чтит за ее прекрасный характер даже больше, чем за высокое звание, которого она так достойна благодаря своим добродетелям, на этом славном празднике, на котором мы воссоединим всю Францию, вы позволите моему слабому голосу на мгновение возвыситься и напомнить вам, какими бессмертными поступками Наполеон начал свою замечательную карьеру власти и чести.

"Если похвала развращает слабые умы, то она питает великие души; а великие подвиги героев - это узы, которые привязывают их к своей стране. Резюмировать их - значит сказать, что мы ожидаем от них сочетания этих великих мыслей, этих благородных чувств, этих славных поступков, столь благородно вознаграждаемых восхищением и благодарностью публики.

"Одержавший победу в трех четвертях света, миротворец Европы, законодатель Франции, даровавший и присоединивший провинции к Империи, разве этого славного послужного списка недостаточно, чтобы сделать его достойным одновременно и этого августейшего титула императора Франции, и этого памятника, воздвигнутого в храме законов? И все же я хотел бы заставить вас забыть эти блестящие воспоминания, о которых я только что вспомнил. Более сильным голосом, чем тот, который восхвалял его, я бы сказал вам: выбросьте из головы эту славу законодателя, эту славу воина и скажите себе: до 18 Брюмера, когда были обнародованы роковые законы и когда разрушительные принципы, провозглашенные заново, уже увлекали за

собой людей и вещи с быстротой, которую вскоре было бы невозможно остановить, — кто появился внезапно, как благодетельная звезда, кто пришел отменить эти законы, кто заполнил полуоткрытую пропасть? Вы выжили, каждый из вас, в этих угрожающих сценах; вы живы, и вы обязаны этим тому, чей образ вы сейчас видите. Вы, бывшие жалкими разбойниками, вернулись, вы снова дышите нежным воздухом своей родной земли, вы обнимаете своих детей, своих жен, своих друзей; и вы в долгу перед этим великим человеком. Я больше не говорю о его славе, я больше не свидетельствую об этом; но я взываю к человечности, с одной стороны, и благодарности - с другой; и я спрашиваю вас, кому вы обязаны таким большим, таким необычайным, таким неожиданным счастьем? ... И вы, все до единого, ответьте вместе со мной великому человеку, чей образ мы созерцаем".

Президент, в свою очередь, повторил аналогичный панегирик в очень похожих выражениях; и мало кому тогда приходило в голову считать эти похвалы преувеличенными, хотя с тех пор их мнение, возможно, изменилось.

После церемонии императрица под руку с президентом прошла в зал заседаний, где для ее Величества был накрыт стол под великолепным возвышением из малинового шелка, а поставщик провизии Роберт накрыл в разных залах дворца накрытия для почти трехсот гостей. За ужином последовал блестящий бал. Самым примечательным в этом празднике была неопишущая роскошь цветов и кустарников, которые, несомненно, были собраны с большими затратами из-за суровой зимы. Залы Лукреции и Ла Реюньон, в которых разыгрывались танцевальные кадрили, напоминали огромный партер из роз, лавра, сирени, жонкилей, лилий и жасмина.

ГЛАВА XXIII.

2 января 1805 года, ровно через месяц после коронации, я заключил со старшей дочерью месье Шарве союз, который был и, надеюсь, когда-нибудь будет величайшим счастьем в моей жизни. Я обещал читателю очень мало рассказывать о себе; и, в самом деле, как могли его заинтересовать какие-либо подробности моей личной жизни, которые не проливали дополнительного света на характер великого человека, о котором я взялся писать? Тем не менее, я попрошу разрешения ненадолго вернуться к этому, самому интересному для меня из всех периодов, оказавшему такое влияние на всю мою жизнь. Конечно, тому, кто вспоминает и рассказывает о своих сувенирах, не возбраняется придавать некоторое значение тем, которые больше всего касаются его самого. Более того, даже в самых личных событиях моей жизни были случаи, в которых их Величества принимали участие, и которые, исходя из этого факта, имеют важное значение для того, чтобы читатель мог составить правильную оценку характеров как императора, так и императрицы.

Мать моей жены была представлена мадам Бонапарт во время первой кампании в Италии, и она осталась ею довольна, потому что мадам Бонапарт, которая была такой безупречно хорошей, по собственному опыту тоже перенесла испытания и знала, как сочувствовать горестям других.

Она обещала заинтересовать генерала судьбой моего тестя, который только что потерял свое место в казначействе. В это время мадам Шарве переписывалась с другом своего мужа, который, я думаю, был курьером генерала Бонапарта; и последний, вскрыв и прочитав эти письма, адресованные своему курьеру, поинтересовался, кто была эта молодая женщина, написавшая такие интересные и умные письма, и мадам Шарве вполне заслужила эту двойную похвалу. Друг моего тестя, отвечая на вопрос главнокомандующего, воспользовался случаем, чтобы рассказать о несчастьях семьи, и генерал заметил, что по возвращении в Париж он хотел бы встретиться с г-ном и г-жой Шарве; вследствие чего они были ему представлены, и г-жа Бонапарт обрадовалась, узнав, что ее протеже стали протеже ее мужа. Было решено, что господин Шарве последует за генералом в Египет; но когда мой тесть прибыл в Тулон, мадам Бонапарт попросила его сопровождать ее к водам Пломбьера. Я уже рассказывал о несчастном случае, произошедшем в Пломбьере, и о том, что мсье Шарве был послан в Сен-Жермен, чтобы привезти мадемуазель Гортензию из пансиона к ее матери. Вернувшись в Париж, г-н Шарве объехал все пригороды в поисках загородного дома, поскольку генерал поручил своей жене приобрести его на время его отсутствия.

Когда мадам Бонапарт остановила свой выбор на Мальмезоне, месье Шарве, его жена и трое их детей поселились в этой очаровательной резиденции.

Мой тесть был очень предан интересам этих благодетелей своей семьи, и мадам Шарве часто исполняла обязанности личного секретаря мадам Бонапарт.

Мадемуазель Луиза, ставшая моей женой, и мадемуазель Зоя, ее младшая сестра, были фаворитками мадам Бонапарт, особенно последняя, которая проводила в Мальмезоне больше времени, чем Луиза. Снисходительность их благородной покровительницы сделала это дитя таким фамильярным, что она привычно обращалась к мадам Бонапарт "ты". Однажды она сказала ей: "Ты счастлива. У тебя нет мамы, которая ругала бы тебя, когда ты рвешь на себе платье".

Во время одной из кампаний, которые я предпринял, находясь на службе императору, я написал своей жене, расспрашивая о жизни, которую ее сестра вела в Мальмезоне. В своем ответе, среди прочего, она сказала (я копирую отрывок из одного из ее писем): "Иногда мы принимаем участие в таких представлениях, о которых я и не мечтала. Например, однажды вечером салон был разделен пополам газовой занавеской, за которой стояла кровать в греческом стиле, на которой спал мужчина, одетый в длинную белую драпировку. Рядом со спящим мадам Бонапарт и другие дамы бьют в унисон (правда, не в совершенном согласии) по бронзовым вазам, создавая, как вы можете себе представить, ужасную музыку. Во время этого чаривари один из джентльменов обнял меня за талию и поднял с земли, в то время как я покачивала руками и ногами в такт музыке. Концерт этих дам разбудил спящего, который дико уставился на меня, испуганный моими жестами, затем вскочил и побежал изо всех сил, сопровождаемый моим братом, который ползал на четвереньках, изображая собаку, я думаю, принадлежавшую этому странному человеку. Поскольку я был тогда совсем ребенком, то имею обо всем этом лишь смутное представление; но общество мадам Бонапарт, по-видимому, было занято подобными развлечениями".

Когда Первый консул переехал жить в Сен-Клу, он выразил свое высокое мнение о моем тесте в самой лестной форме и назначил его консьержем замка, что было конфиденциальной должностью, обязанности которой были значительны.

Г-ну Шарве было поручено вести домашнее хозяйство; и по приказу Первого консула он отобрал из числа старых слуг королевы тех, кому предоставил места носильщиков, чистильщиков и конюхов в замке, а нетрудоспособным назначил пенсии.

Когда в 1802 году в замке произошел пожар, как я уже рассказывал ранее, мадам Шарве, будучи на нескольких месяцах беременности, была ужасно напугана; и поскольку было сочтено, что лучше не пускать ей кровь, она тяжело заболела и умерла в возрасте тридцати лет. Луиза несколько лет училась в школе-интернате, но теперь отец привез ее домой, чтобы она вела хозяйство вместо него, хотя ей тогда было всего двенадцать лет. Одна из ее подруг любезно разрешила мне ознакомиться с письмом, которое Луиза адресовала ей вскоре после нашей свадьбы и из которого я сделал следующие выдержки:

"По возвращении из пансиона я отправилась на встречу с ее Величеством императрицей (тогда мадам Бонапарт) в Тюильри. Я была в глубоком трауре. Она посадила меня к себе на колени и попыталась утешить, сказав, что будет мне матерью и найдет мне мужа. Я заплакала и сказала, что не хочу выходить замуж. - Не сейчас, - ответила ее величество, - я, но это придет, будьте уверены. Однако я ни в коем случае не был убежден, что это произойдет. Она ласкала меня еще некоторое время, и я отстранился. Когда Первый консул находился в Сен-Клу, все начальники различных отделов домашней службы собрались в апартаментах моего отца, который был самым популярным, а также старшим членом семьи. Г-н Констан, видевший меня ребенком в Мальмезоне, нашел меня в Сен-Клу достаточно привлекательной, чтобы сделать предложение моему отцу, при условии одобрения их Величеств; и было решено, что мы поженимся после коронации. Мне было четырнадцать лет через пятнадцать дней после нашей свадьбы. "И моя сестра, и я всегда чрезвычайно добры к ее Величеству императрице; и всякий раз, когда, боясь досадить ей, мы пропускаем какое-то время, не навещая ее, она жалуется на это моему отцу. Иногда она допускает нас к своему утреннему туалету, который совершается в нашем присутствии и к которому допускаются в ее покои только ее служанки и несколько человек из ее окружения, которые, как и мы, считают самыми счастливыми моментами те, когда они могут таким образом лицезреть эту обожаемую принцессу. Беседы почти всегда приятны, и ее Величество часто рассказывает анекдоты, которые ей вспоминаются по слову того или иного из нас".

Ее величество императрица обещала Луизе приданое, но деньги, которые она предназначала для этого, она потратила иначе, и, следовательно, у моей жены было только несколько небольших драгоценностей и две или три безделушки.

Господин Шарве был слишком утончен, чтобы напомнить об этом обещании ее величеству. Однако это был единственный способ добиться от нее чего-либо, потому что она не знала лучшего способа сэкономить, чем отказаться. Вскоре после моей женитьбы император спросил меня, что императрица подарила моей жене, и в моем ответе выказал величайшую досаду; без сомнения, потому, что сумма, которую с него потребовали за приданое Луизы, была потрачена иначе. Его Величество Император имел доброту заверить меня, что в дальнейшем он сам будет заботиться о моих интересах и что он вполне удовлетворен моими услугами и докажет мне это.

Я уже говорил выше, что младшая сестра моей жены была фавориткой ее Величества императрицы; и все же она получила за свое замужество не более богатое приданое, чем Луиза, тем не менее императрица попросила представить ей мужа моей невестки и сказала ему самым материнским тоном: "Месье, я рекомендую вам мою дочь и умоляю вас сделать ее счастливой. Она этого заслуживает, и я искренне надеюсь, что вы умеете ценить ее!" Когда моя невестка, бежав из Компьеня в 1814 году, отправилась с матерью своего мужа в Эвре на роды, императрица прислала через своего первого камердинера все необходимое для молодой женщины в таком состоянии и даже упрекнула ее в том, что она не приехала в Наварру.

Моя невестка воспитывалась в том же пансионе, что и мадемуазель Жозефина Тальен, крестница императрицы, которая впоследствии вышла замуж за месье Пеле де ла Лозер, и другая дочь мадам Тальен, мадемуазель Клеманс Кабарус. Школой руководила мадам Вигонь, вдова полковника с таким именем, и старая подруга императрицы, которая посоветовала ей поступить в пансион и пообещала набрать для нее столько учеников, сколько она сможет. Это заведение процветало под руководством этой дамы, которая отличалась своим умом и культурой; и она часто приводила к императрице этих протеже вместе с другими молодыми особами, которые своим хорошим поведением заслужили эту награду; и это стало мощным средством возбуждения соперничества этих детей, которых ее Величество осыпала ласками и преподносила небольшие подарки.

Однажды утром, когда мадам Вигонь собиралась навестить императрицу и спускалась по лестнице, чтобы сесть в свою карету, она услышала пронзительные крики в одной из классных комнат и, поспешив туда, увидела молодую девушку, на которой горела одежда. С присутствием духа, достойным матери, мадам Вигонь завернула свою ученицу в длинный шлейф своего платья и таким образом погасила пламя, однако не раньше, чем руки отважной наставницы получили самые болезненные ожоги. В таком состоянии она нанесла визит ее величеству и рассказала ей о случившемся печальном происшествии; в то время как ее величество, которую легко трогало все благородное и великодушное, осыпала ее похвалами за ее мужество и была так глубоко тронута, что заплакала от восхищения и приказала своему личному врачу оказать мадам Вигонь и ее юной ученице все возможные услуги.

ГЛАВА XXIV.

Императрица Жозефина была среднего роста, с изящной фигурой, и во всех ее движениях чувствовались воздушность и грация, которые придавали ее походке нечто неземное, не умаляя величия государыни. Ее выразительное лицо отражало все эмоции ее души, сохраняя при этом чарующую мягкость, которая была ее главным выражением. В радости, как и в горе, она была прекрасна, и даже против своей воли вы улыбались, когда улыбалась она; если бы ей было грустно, вам было бы тоже. Никогда женщина лучше, чем она, не оправдывала высказывания о том, что глаза - зеркало души. У нее были темно-синие глаза, почти всегда полуприкрытые

длинными, слегка изогнутыми веками, окаймленными самыми красивыми ресницами в мире; глядя на нее, вы чувствовали, что вас влечет к ней непреодолимая сила. Императрице, должно быть, было трудно придать строгость этому соблазнительному взгляду, но она могла это сделать и хорошо знала, как придать ему внушительность, когда это было необходимо. У нее были очень красивые волосы, длинные и шелковистые, их орехово-каштановый оттенок изысканно контрастировал с ослепительной белизной ее прекрасного свежего лица. В начале своего правления императрица все еще любила по утрам повязывать голову красным мадрасским платком, который придавал ей пикантный креольский вид и делал ее еще более очаровательной.

Но что больше всего остального составляло невыразимое очарование присутствия императрицы, так это восхитительные интонации ее голоса. Сколько раз я, как и многие другие, внезапно останавливался, услышав этот голос; просто чтобы насладиться удовольствием слушать его. Возможно, нельзя сказать, что императрица была исключительно красивой женщиной; но ее прелестное лицо, выражавшее мягкость и добродушие, и ангельская грация, окружавшая ее, делали ее самой привлекательной из женщин.

Во время своего пребывания в Сен-Клу императрица обычно вставала в девять часов и совершала свой первый туалет, который продолжался до десяти; затем она проходила в салон, где находила собравшимися тех лиц, которые просили аудиенции и получили ее благосклонность; иногда также в этот час и в том же салоне ее Величество принимала своих торговцев; а в одиннадцать часов, когда император отсутствовал, она завтракала со своей первой фрейлиной и несколькими другими. Мадам де Ларошфуко, первая фрейлина императрицы, была горбуньей и такой маленькой, что, когда ей нужно было занять место за столом, приходилось усиливать сиденье ее стула еще одной очень толстой подушкой из фиолетового атласа. Мадам де Ларошфуко хорошо знала, как сгладить с помощью своего яркого, хотя и несколько едкого остроумия, своей поразительной элегантности и изысканных придворных манер любое неприятное впечатление, которое могло произвести ее физическое уродство.

Перед завтраком императрица играла в бильярд; или, когда погода была хорошей, она гуляла в садах или в окружающем парке, но отдых длился недолго, и вскоре ее Величество возвращалась в свои апартаменты и занималась вышиванием, одновременно беседуя со своими дамами, такими же, как она сама, занятыми каким-нибудь рукоделием. Когда случалось, что их не прерывали визитами, между двумя и тремя часами пополудни императрица совершала прогулку в открытом ландо; по возвращении с прогулки совершался парадный туалет, при котором иногда присутствовал император.

Время от времени его Величество также удивлял императрицу в ее салоне; и мы были уверены, что в таких случаях он был забавен, любезен и в прекрасном расположении духа.

В шесть часов подавался обед; об этом император часто забывал и откладывал его на неопределенное время, вследствие чего обед не раз подавался в девять или десять часов вечера. Их Величества обедали вдвоем или в компании нескольких приглашенных гостей, принцев императорской семьи или министров, после чего был концерт, прием или посещение театра; и в полночь все удалились, за исключением императрицы, которая очень любила засиживаться допоздна, а затем играла в нарды с одним из камергеров. Таким образом, графа де Бомона чествовали чаще всего.

В дни погони императрица и ее фрейлины следовали за ней в карете. Для этого случая у них был специальный костюм, состоящий из чего-то вроде зеленой мантии для верховой езды и шляпы, украшенной белыми перьями. Все дамы, участвовавшие в охоте, обедали с их Величествами.

Когда императрица проводила ночь в апартаментах императора, я входил утром, как обычно, между семью и восемью часами, и почти всегда заставал августейших супругов бодрствующими. Император обычно заказывал чай или настой цветов апельсина и немедленно вставал, а императрица со смехом говорила ему: "Что, уже встаешь? Отдохни еще немного". — "Ну, значит, ты не спишь?" - ответил его Величество, переворачивая ее на спину, слегка шлепая по щекам и плечам, смеясь и целуя ее.

Через несколько минут императрица тоже вставала, надевала халат и читала дневники или спускалась по маленькой смежной лестнице в свои апартаменты, никогда не покидая императора без нескольких слов, выражающих самую трогательную привязанность и расположение.

Элегантная и простая в своем наряде, императрица с сожалением подчинилась необходимости носить парадные туалеты. Драгоценности, однако, пришлось ей по вкусу; и, поскольку она всегда любила их, император дарил ей их часто и в больших количествах; и ей очень нравилось украшать ими себя, а еще больше выставлять их напоказ, вызывая восхищение окружающих.

Однажды утром, когда моя жена присутствовала при ее туалете, ее величество рассказала, что, будучи недавно замужем за месье де Богарне и будучи в восторге от украшений, которые он ей подарил, она имела привычку носить их в своей сумочке (в то время сумочки были неотъемлемой частью женского платья) и показывать их своим юным подругам.

Когда императрица заговорила о своем ридикюле, она приказала одной из своих фрейлин поискать такой, чтобы показать моей жене. Дама, к которой обратилась императрица, едва удержалась от смеха при этой странной просьбе и заверила ее Величество, что сейчас в ее гардеробе нет ничего подобного; на что императрица с видом сожаления ответила, что ей бы очень хотелось снова увидеть один из своих старых ридикюлей и что годы принесли большие перемены. Драгоценности императрицы Жозефины вряд ли могли уместиться в ридикюле мадам де Богарне, каким бы длинным и глубоким он ни был, поскольку шкатулка для драгоценностей, принадлежавшая королеве Марии-Антуанетте и никогда не бывавшая полностью полной, была слишком мала для императрицы. Однажды, когда она захотела показать все свои украшения нескольким дамам, которые выразили желание посмотреть на них, необходимо было подготовить большой стол, на который можно было поставить шкатулки; и, поскольку этого стола было недостаточно, ими были завалены и несколько других предметов мебели.

Добрая до крайности, как всем известно, невыразимо отзывчивая, щедрая даже до расточительности, императрица делала счастливыми всех, кто ее окружал; любила своего мужа с преданностью, которую ничто никогда не меняло и которая в ее последние минуты была такой же глубокой, как в тот период, когда мадам Богарне и генерал Бонапарт признавались друг другу во взаимной любви. Долгое время Жозефина была единственной женщиной, которую любил император, чего она вполне заслуживала; и в течение нескольких лет гармония в этом императорском доме была самой трогательной. Внимательный, любящий и всецело преданный Жозефине, император получал удовольствие от того, что обнимал ее за шею, за фигуру,

похлопывал по плечу и называл "ma grosse bete"; все это, правда, не мешало ему быть виновным в некоторых изменах, но в остальном не нарушал своих супружеских обязанностей. Со своей стороны, императрица обожала его, стремилась любыми способами угодить ему, угадать его желания и предвосхитить его малейшие порывы.

Сначала она давала мужу повод для ревности. Будучи сильно предубежден против нее из-за нескромных слухов во время египетской кампании, император по возвращении имел с ней объяснения, которые не всегда заканчивались причитаниями и сценами насилия; но мир вскоре был восстановлен и с тех пор очень редко нарушался, поскольку император не мог не ощутить влияние стольких притягательных факторов и такой красоты.

Императрица обладала замечательной памятью, которой император часто пользовался; она также была превосходной музыкантшей, хорошо играла на арфе и со вкусом пела. Она обладала совершенным тактом, тонким пониманием того, что уместно, самым здравым, безошибочным суждением, какое только можно вообразить, и, обладая всегда милым нравом, всегда одинаковой снисходительностью как к своим врагам, так и к друзьям, она восстанавливала мир везде, где возникали ссоры или раздоры. Когда император сердился на своих братьев или других лиц, что случалось часто, императрица говорила несколько слов, и все было улажено. Если она требовала помилования, император очень редко отказывал ей, каким бы тяжким ни было совершенное преступление; и я мог бы привести тысячу примеров помилования, которого таким образом добивались. Одно событие, имеющее для меня почти личное значение, в достаточной мере докажет, насколько всемогущим было заступничество этой доброй императрицы.

Главный камердинер Ее Величества, будучи однажды слегка под воздействием вина, выпитого им за завтраком с друзьями, был вынужден, по роду своих обязанностей, присутствовать во время ужина их Величеств и стоять позади императрицы, чтобы брать и передавать ей тарелки. Разгоряченный парами шампанского, он имел несчастье произнести несколько неприличных слов, которые, хотя и были произнесены вполголоса, император, к несчастью, подслушал. Его Величество бросал молниеносные взгляды на месье Фрера, который, таким образом, осознал серьезность своей вины, и, когда обед был окончен, приказал уволить наглого камердинера тоном, не оставлявшим надежды и не допускавшим ответа.

Месье Фрер был превосходным слугой, мягким, добрым и честным человеком; это был первый недостаток такого рода, в котором его можно было обвинить, и, следовательно, он заслуживал снисхождения. Было подано прошение великому маршалу, который отказался вступить, хорошо зная непреклонность императора; и многие другие люди, которых бедняга умолял заступиться за него, ответили так же, как это сделал великий маршал, и месье Фрер в отчаянии пришел попрощаться с нами. Я осмелился взять его дело в свои руки в надежде, что, улучив благоприятный момент, мне удастся умиротворить его Величество. Приказ об увольнении требовал, чтобы месье Фрер покинул дворец в течение двадцати четырех часов; но я посоветовал ему не подчиняться ему, а постоянно прятаться в своей комнате, что он и сделал. В тот вечер, отходя ко сну, его величество рассказал мне о том, что произошло, выказывая сильный гнев, поэтому я решила, что лучше всего промолчать, и поэтому ждала; но на следующий день императрица была так любезна, что сказала мне, что она будет присутствовать при туалете своего мужа и что, если я сочту нужным открыть этот вопрос, она поддержит меня всем своим влиянием. Поэтому, застав императора в хорошем расположении духа, я заговорил

о господине Фрере и, описав его Величеству отчаяние этого бедняги, указал ему на причины, которые могли бы оправдать неподобающее его поведение. "Сир, - сказал я, - он хороший человек, у него нет состояния, и он содержит многочисленную семью; и если ему придется оставить службу у ее Величества императрицы, никто не поверит, что это произошло из-за ошибки, в которой вино было виновато больше, чем он сам, и он будет совершенно разорен". На эти слова, как и на многие другие предложения, император ответил только прерываниями, сделанными со всей очевидностью решительного несогласия с помилованием, о котором я просил. К счастью, императрица была настолько добра, что пришла мне на помощь и сказала своему мужу своим собственным мягким тоном, всегда таким трогательным и выразительным: "Мой друг, если ты захочешь простить его, ты окажешь мне услугу". Ободренный таким могущественным покровительством, я возобновил свои просьбы, на которые император наконец резко ответил, обращаясь как к императрице, так и ко мне: "Короче говоря, вы этого хотите; что ж, тогда пусть он остается".

Месье Фрер поблагодарил меня от всего сердца и едва мог поверить хорошим новостям, которые я принес ему; а что касается императрицы, то она была счастлива радостью этого верного слуги, который до конца своей жизни давал ей все доказательства своей безграничной преданности. Меня уверяли, что в 1814 году, после отъезда императора на остров Эльба, месье Фрер был далеко не последним, кто винил мое поведение, мотивы которого он, возможно, не мог знать; но я не хочу в это верить, поскольку мне кажется, что на его месте, если бы я думал, что не смогу защитить отсутствующего друга, я бы, по крайней мере, промолчал.

Как я уже говорил, императрица была чрезвычайно щедра, раздавала много милостыни и весьма изобретательно находила поводы для ее раздачи. Многие эмигранты жили исключительно на ее пожертвования; она также поддерживала очень активную переписку с Сестрами милосердия, которые ухаживали за больными, и посылала им множество вещей. Ее слугам было приказано разойтись во всех направлениях, неся нуждающимся помощь ее неиссякаемой благотворительности, в то время как множество других людей также каждый день получали подобные поручения; и вся эта милостыня, все эти умноженные дары, которые были так широко распространены, приобрели неоценимую ценность благодаря изысканности, с которым они предлагались, и здравому смыслу, с которым они распределялись. Я мог бы привести тысячу примеров такого утонченного великодушия.

На момент женитьбы у месье де Богарне была внебрачная дочь по имени Адель. Императрица воспитала ее так, словно она была ее собственной дочерью, дала ей тщательное образование, дала щедрое приданое и выдала замуж за префекта Империи.

Если императрица проявляла столько нежности к чужой дочери, то невозможно дать представление о ее любви и преданности королеве Гортензии и принцу Евгению, на которую ее дети полностью отвечали взаимностью; и никогда не было лучшей и счастливее матери. Она очень гордилась своими детьми и всегда говорила о них с энтузиазмом, который казался очень естественным всем, кто знал королеву Голландии и вице-короля Италии. Я рассказал, как, оставшись в очень раннем возрасте сиротой на революционном эшафоте, юный Богарне завоевал сердце генерала Бонапарта благодаря беседе, в которой он попросил у него шпагу своего отца, и что этот поступок пробудил в генерале желание познакомиться с Жозефиной, а результат этой беседы, все события которого вошли в историю. Когда мадам де Богарне стала женой генерала Бонапарта, Эжен сделал военную карьеру и сразу же воспользовался

состоянием своего отчима, которого сопровождал в Италию в качестве адъютанта. Он был начальником эскадрона егерей Консульской гвардии и в бессмертной битве при Маренго разделил все опасности с тем, кто с таким удовольствием называл его своим сыном. Несколько лет спустя командир эскадрильи стал вице-королем Италии, предполагаемым наследником императорской короны (титул, который, по правде говоря, он недолго сохранял) и мужем дочери короля.

Вице-королева (Августа Амелия Баварская) была красива и добра, как ангел. Мне случилось быть в Мальмезоне в тот день, когда императрица получила портрет своей невестки, окруженной тремя или четырьмя детьми, один из которых сидел у нее на плече, другой у ее ног, а третий у нее на руках, и у всех у них были очень милые лица. Императрица, увидев меня, соизволила позвать меня полюбоваться вместе с ней этим собранием очаровательных головок; и я заметил, что во время разговора ее глаза были полны слез. Портреты были хорошо написаны, и позже у меня был случай убедиться, что они были совершенным сходством. С этого времени единственным вопросом были всевозможные игрушки и редкие предметы, которые следовало покупать для этих дорогих детей, причем императрица лично выбирала подарки, которые она желала для них, и упаковывала их на своих глазах.

Камердинер принца заверил меня, что во время развода принц Евгений написал своей жене очень удручающее письмо и, возможно, выразил в нем некоторое сожаление по поводу того, что не является приемным сыном императора, на что принцесса ответила очень нежно, сказав, среди прочего: "Я вышла замуж не за наследника императора и люблю его, а за Эжена де Богарне". Принц зачитал это предложение и некоторые другие в присутствии человека, от которого я узнал эти факты, и который был тронут даже до слез. Такая женщина заслуживала большего, чем трон.

После этого события, столь горестного для сердца императрицы и в связи с которым она так и не нашла утешения, она больше не покидала Мальмезон, за исключением нескольких визитов в Наварру.

Каждый раз, когда я возвращался в Париж с императором, моей первой обязанностью было сразу же отправиться в Мальмезон, хотя я редко получал письма от императора, поскольку он писал Жозефине только в исключительных случаях. "Передайте императрице, что у меня все хорошо и что я желаю ей счастья", - почти неизменно были прощальные слова императора, когда я отправлялся в путь. Как только я приезжал, императрица бросала все, чтобы поговорить со мной; и я часто оставался с ней на час, а часто и на два; в течение этого времени ни о чем, кроме императора, не могло быть и речи. Я должен был рассказать ей обо всем, что он перенес в пути, был ли он печален или весел, болен или здоров; в то время как она плакала над подробностями, когда я повторял их, и давала мне тысячи указаний относительно его здоровья и забот, которыми, по ее желанию, я должен был его окружить. После этого она соизволила расспросить меня обо мне, моих перспективах, здоровье моей жены, ее бывшей протее; и наконец отпустила меня с письмом для его Величества, в котором просила передать императору, как она была бы счастлива, если бы он навестил ее.

Перед его отъездом в Россию императрица, огорченная этой войной, которую она полностью не одобряла, снова удвоила свои рекомендации относительно императора и подарила мне свой портрет, сказав мне: "Мой добрый постоянный, я полагаюсь на тебя; если бы император был

болен, ты бы сообщил мне об этом, не так ли? Ничего не скрывай от меня, я так сильно его люблю".

Конечно, у императрицы было множество способов узнавать новости о его Величестве; но я убежден, что, если бы она получала каждый день по сотне писем от близких императора, она читала бы и перечитывала их с такой же жадностью.

Когда я вернулся из Сен-Клу в Тюильри, император спросил меня, как поживает Жозефина и в хорошем ли я нахожу ее расположении духа; он с удовольствием принял письма, которые я привез, и поспешил их вскрыть. Все время, пока я путешествовал или находился в кампании в свите его Величества, в письмах к моей жене я говорил об Императоре, и добрая принцесса была в восторге от того, что показала ей мои письма. На самом деле все, что имело хоть малейшее отношение к ее мужу, интересовало императрицу до такой степени, что хорошо доказывало исключительную преданность, которую она все еще испытывала к нему после, как и прежде, их разлуки. Слишком щедрая и неспособная удержать свои расходы в пределах своих доходов, императрица часто бывала вынуждена отсылать своих мебельщиков неоплаченными в тот самый день, который она сама назначила для оплаты их счетов; и когда однажды это дошло до ушей императора, между ним и императрицей произошла очень неприятная сцена, закончившаяся решением, что в будущем ни один торговец или мебельщик не должен появляться в замке без письма от нарядчицы или секретаря орденов; и этот план, однажды принятый, очень тщательно соблюдался вплоть до развода. Во время этого объяснения императрица безудержно плакала и обещала быть более экономной, на что император простил и обнял ее, и был заключен мир, который, я думаю, был последней ссорой такого рода, беспокоившей императорский дом.

Я слышал, что после развода, когда содержание императрицы было превышено, император упрекнул в этом суперинтенданта Мальмезона, который, в свою очередь, сообщил об этом Жозефине. Его добросердечная хозяйка, очень огорченная досадой, которую испытал ее управляющий, и не зная, как наладить лучший порядок вещей, собрала совет своих домочадцев, на котором она председательствовала в льняном платье без украшений; это платье было сшито в большой спешке и использовалось только один раз. Императрицу, которую необходимость отказа всегда приводила в отчаяние, постоянно осаждали торговцы, которые уверяли ее, что изготовили ту или иную вещь специально для ее собственного использования, умоляя ее не возвращать ее, потому что они не смогут ею распорядиться; вследствие чего императрица сохранила все, что они привезли, хотя впоследствии за это пришлось заплатить.

Императрица всегда была чрезвычайно вежлива в общении со своими придворными дамами; и упрек никогда не слетал с тех уст, которые, казалось, были созданы для того, чтобы говорить только приятные вещи; и если кто-либо из ее придворных высказывал ей причину недовольства, единственным наказанием, которому она подвергала, было абсолютное молчание с ее стороны, которое длилось один, два, три или даже восемь дней, причем срок был длиннее или короче в зависимости от тяжести вины. И действительно, это наказание, кажущееся таким мягким, на самом деле было очень жестоким по отношению ко многим, настолько хорошо императрица знала, как добиться обожания окружающих.

Во времена консульства мадам Бонапарт часто получала из городов, завоеванных ее мужем, или от тех лиц, которые желали заручиться ее заступничеством перед Первым консулом,

большое количество ценной мебели, всевозможных диковинок, картин, материй и т. Д. Поначалу эти подарки очень обрадовали мадам Бонапарт, и она с детским удовольствием открывала ящики, чтобы посмотреть, что там внутри, лично помогала распаковывать их и рылась во всех этих прелестных вещицах. Но вскоре эти партии стали такими значительными и так часто повторялись, что было сочтено необходимым поместить их в квартиру, ключ от которой хранился у моего тестя, и где коробки оставались нетронутыми до тех пор, пока мадам Бонапарт не соизволит их открыть.

Когда Первый. Консул решил поселиться в Сен-Клу, мой тесть был вынужден покинуть Мальмезон и поселиться в новом дворце, поскольку хозяин хотел, чтобы он стал там главным.

Перед отъездом из Мальмезона мой тесть отчитался перед мадам Бонапарт обо всем, что было вверено его попечению, и все ящики, которые были завалены от пола до потолка в двух комнатах, были открыты в ее присутствии. Мадам Бонапарт была поражена таким чудесным богатством, включавшим мрамор, бронзу и великолепные картины, большую часть которых получили Эжен, Гортензия и сестры Первого консула, а оставшаяся часть была использована для украшения апартаментов Мальмезона.

Любовь императрицы к украшениям какое-то время включала в себя антикварные диковинки, ограненные камни и медали. Г-н Денон польстил этой прихоти и в конце концов убедил добрую Жозефину, что она прекрасный знаток антиквариата и что ей следует иметь в Мальмезоне шкаф, хранителя для него и т.д. Это предложение, льстившее самолюбию императрицы, было принято благосклонно; комната была выбрана, г-н де М. - назначен хранителем, а новый кабинет обогатился за счет уменьшения в той же пропорции богатой обстановки апартаментов замка. Г-н Денон, которому пришла в голову эта идея, взялся за создание коллекции медалей; но эта идея, пришедшая так внезапно, так же внезапно исчезла; кабинет был превращен в гостиную для гостей, а антиквариат перенесен в прихожую купальни, в то время как г-ну де М., которому больше нечего было хранить, переехал в другое место. постоянно оставался в Париже.

Вскоре после этого двум придворным дамам вздумалось убедить императрицу, что ничто не может быть красивее и достойнее ее, чем ожерелье из идеально подобранных греческих и римских старинных камней. Несколько камергеров одобрили эту идею, что, конечно, понравилось императрице, поскольку она очень любила все уникальное; и поэтому однажды утром, когда я одевал императора, вошла императрица и после небольшого разговора сказала: "Бонапарт, некоторые дамы посоветовали мне приобрести ожерелье из старинных камней, и я пришла попросить вас убедить господина Денона выбирать только очень красивые". Император расхохотался и сначала наотрез отказался; но как раз в этот момент прибыл главный маршал дворца, и император сообщил ему об этой просьбе императрицы, заинтересовавшись его мнением. Герцог де Фриуль счел это очень разумным и присоединил свои просьбы к просьбам императрицы. "Это вопиющая глупость, - сказал император, - но мы вынуждены согласиться, потому что этого хотят женщины, поэтому, Дюрок, подойди к антикварному шкафу и выбери все необходимое".

Герцог де Фриуль вскоре вернулся с лучшими камнями из коллекции, которые королевский ювелир великолепно оправил; но это украшение было такого огромного веса, что императрица никогда его не носила.

Хотя меня могут обвинить в утомительных повторениях, я должен сказать, что императрица с неопишным рвением пользовалась всеми поводами для оказания благодеяний. Например, однажды утром, когда она завтракала наедине с его величеством, с частной лестницы внезапно донесся плач младенца. Император был раздосадован этим и, нахмурившись, резко спросил, что это значит. Я отправился на разведку и обнаружил новорожденного ребенка, тщательно и опрятно одетого, спящего в чем-то вроде колыбели с лентой вокруг тела, с которой свисала сложенная бумага. Я вернулся, чтобы рассказать о том, что видел; и императрица тотчас воскликнула: "О Констант! принеси мне колыбель". Император сначала не разрешил этого и выразил свое удивление и неодобрение по поводу того, что это было таким образом внесено в интерьер его апартаментов, после чего ее Величество, указав ему, что это, должно быть, было сделано кем-то из домочадцев, он повернулся ко мне и испытующе посмотрел на меня, как бы спрашивая, не мне ли пришла в голову эта идея. Я покачал головой в знак отрицания. В этот момент младенец заплакал, и император не смог удержаться от улыбки, продолжая рычать и приговаривая: "Жозефина, прогони эту обезьяну!"

Императрица, желая воспользоваться возвращением хорошего настроения, послала меня за колыбелью, которую я принес ей. Она приласкала маленького новорожденного младенца, успокоила его и прочитала бумагу, к которой было приложено прошение от его родителей. Затем она подошла к императору, настаивая на том, чтобы он сам погладил младенца и ущипнул его за пухлые маленькие щечки; что он и сделал без особых настояний, потому что сам император любил играть с детьми. Наконец, ее Величество императрица, положив в колыбель пачку наполеонов, приказала отнести маленький сверток в пеленках дворцовому консьержу, чтобы он вернул его родителям.

Теперь я приведу еще один пример доброты сердца ее Величества Императрицы, свидетелем которого я имел честь быть, а также предыдущий.

За несколько дней до коронации из Сены была спасена маленькая девочка четырех с половиной лет, и милосердная дама, мадам Фабьен Пилле, была очень заинтересована в том, чтобы приютить бедную сироту. Во время коронации императрица, которой сообщили об этом происшествии, попросила разрешения повидать этого ребенка и, несколько мгновений с большим волнением рассматривая его, самым изящным и искренним образом предложила свою защиту мадам Пилле и ее мужу и объявила им, что она возьмет на себя заботу о будущем маленькой девочки; затем, со своей обычной деликатностью и нежным тоном, который был так естествен для нее, императрица добавила: "Ваш добрый поступок дал вам слишком много прав на бедную маленькую девочку, чтобы я могла лишить вас удовольствия завершить вашу работу, поэтому я прошу вашего разрешения покрыть расходы на ее образование. У вас есть привилегия поместить ее в школу-интернат и присматривать за ней; а я хочу занять лишь второстепенную должность - ее благодетельницы. Это было самое трогательное зрелище, какое только можно себе представить, - видеть, как ее Величество, произнося эти нежные и великодушные слова, проводит руками по волосам бедной маленькой девочки, как она только что назвала ее, и целует ее в лоб с материнской нежностью. Месье и мадам Пилле удалились, ибо не могли больше выносить эту трогательную сцену.

ГЛАВА XXV.

Назначение генерала Жюно послом в Португалию напомнило мне смехотворный анекдот о нем, который очень позабавил императора. Находясь в лагере в Булони, император опубликовал в расписании дня, что каждый солдат должен выбросить пудру и уложить волосы "а-ля Титус", по поводу чего было много ропота; но в конце концов все подчинилось приказу главнокомандующего, за исключением одного старого гренадера, принадлежавшего к корпусу под командованием генерала Жюно. Не будучи в состоянии решить, пожертвовать ли своими маслянистыми локонами или косичкой, старый солдат поклялся, что подчинится этому только в том случае, если его генерал сам срежет первую прядь; и все офицеры, заинтересованные в этом деле, не получив никакого другого ответа, наконец доложили о нем генералу. "Это можно устроить; приведите этого идиота ко мне!" - ответил он. Был вызван гренадер, и генерал Жюно лично поднес ножницы к смазанной маслом и напудренной пряди, после чего дал двадцать франков ворчуну, который ушел довольный, позволив полковому цирюльнику закончить операцию.

Император, узнав об этом приключении, от души рассмеялся и похвалил Жюно за его снисходительность.

Я мог бы привести тысячу подобных примеров доброты сердца в сочетании с военной резкостью, которые характеризовали генерала Жюно, а также привести примеры другого рода, которые сделали бы меньше чести его имени. Слабый контроль, который он имел над собой, часто приводил его в приступы ярости, самым обычным следствием которых было забвение своего ранга и достоинства поведения, которого это от него требовало. Каждый слышал о приключении в игорном доме, когда он порвал карты, перевернул мебель и обыграл обоих банкиров и крупье, чтобы возместить себе потерю своих денег; и хуже всего было то, что в то самое время он был губернатором Парижа. Император, узнав об этом скандале, послал за ним и потребовал от него (он все еще был очень зол), поклялся ли он жить и умереть сумасшедшим. Исходя из дальнейшего, это можно было бы принять за предсказание, ибо несчастный генерал в конце концов скончался в припадке психического расстройства. Он ответил в таких неподобающих выражениях на выговоры императора, что его отправили, возможно, для того, чтобы у него было время успокоиться, в английскую армию. Однако губернатор поступался таким образом своим достоинством не только в игорных домах; я слышал о нем и другие истории еще более шокирующего характера, которые я не позволю себе повторять. Правда в том, что генерал Жюно гордился гораздо меньше соблюдением приличий, чем тем, что был одним из лучших стрелков в армии. Путешествуя верхом по сельской местности, он часто пускал свою лошадь в галоп и, держа по пистолету в каждой руке, никогда не упускал случая мимоходом отрубить головы уткам или цыплятам, которых выбирал в качестве своей мишени. Он мог срезать маленькую веточку с дерева с расстояния двадцати пяти шагов; и я даже слышал рассказ (я далек от гарантии правдивости этого), что однажды, с согласия стороны, чья неосторожность подвергла его жизнь опасности, он перерезал пополам черенок глиняной трубки длиной едва ли в три дюйма, которую солдат держал в зубах.

Во время первого путешествия, которое мадам Бонапарт совершила в Италию, чтобы воссоединиться со своим мужем, она некоторое время оставалась в Милане. В то время у нее на службе была "камеристка" по имени Луиза, крупная и очень красивая женщина, которая оказывала услуги храброму Жюно, однако хорошо вознаграждаемые. Как только со своими обязанностями было покончено, Луиза, одетая гораздо роскошнее, чем мадам Бонапарт, села в элегантную карету и поехала по городу и главным набережным, часто затмевая жену главнокомандующего. Вернувшись в Париж, последний вынудил свою жену уволить красавицу Луизу, которая, покинутая своим непостоянным возлюбленным, впала в большую нужду; и впоследствии я часто видел ее в доме Жозефины, умоляющей о помощи, которая всегда оказывалась самой любезной. Эта молодая женщина, осмелившаяся соперничать с мадам Бонапарт в элегантности, в конце концов вышла замуж, как мне кажется, за английского жокея, вела самую несчастливую жизнь и умерла в жалком состоянии.

Первый консул Французской Республики, ныне ставший императором Франции, больше не мог довольствоваться титулом президента Италии. Поэтому, когда новые депутаты Цизальпинской республики перешли горы и собрались в Париже для консультаций, они присвоили его Величеству титул короля Италии, который он принял, и через несколько дней после принятия он отправился в Милан, где должен был короноваться.

Я с величайшим удовольствием вернулся в эту прекрасную страну, о которой, несмотря на тяготы и опасности войны, сохранил самые приятные воспоминания. Как изменились теперь обстоятельства! Как суверен, император теперь собирался пересечь Альпы, Пьемонт и Ломбардию, каждое ущелье, каждый ручей, каждое ущелье, которые мы были вынуждены преодолевать силой оружия во время предыдущего визита. В 1800 году эскорт Первого консула представлял собой воинственную армию; в 1805 году это было мирное шествие камергеров, пажей, фрейлин и дворцовых офицеров.

Перед своим отъездом император держал на руках у купели для крещения вместе с мадам свою мать, принца Наполеона Луи, второго сына своего брата принца Луи. [Третий сын дожил до того, чтобы стать Наполеоном III.] У троих сыновей королевы Гортензии крестным отцом был, если я не сильно ошибаюсь, император; но больше всего он нежно любил старшего из троих, принца Наполеона Шарля, который умер в возрасте пяти лет, королевского принца Голландии. Позже я расскажу об этом прелестном ребенке, смерть которого повергла его отца и мать в глубочайшее горе, была причиной великой скорби императора и может рассматриваться как источник самых серьезных событий.

После крестильных праздников мы отправились в Италию в сопровождении императрицы Жозефины. Всякий раз, когда это было удобно, император любил брать ее с собой; но она всегда желала сопровождать своего мужа, независимо от того, было это так или нет.

Император обычно держал свое путешествие в строжайшем секрете до момента своего отъезда и в полночь заказывал лошадей для отъезда в Майнц или Милан, точно так, как если бы речь шла об охоте в Сен-Клу или Рамбуйе.

В одно из своих путешествий (я не помню, в какое именно) его величество решил не брать с собой императрицу Жозефину. Императора меньше беспокоила компания дам, составлявших свиту ее Величества, чем досада на картонные коробки и свертки, которыми они обычно были

обременены, и он пожелал в этом случае путешествовать быстро и без показухи и избавить города на своем пути от огромного увеличения расходов.

Поэтому он приказал, чтобы все было готово к его отъезду в час ночи, в это время императрица обычно спала; но, несмотря на все предосторожности, какой-то легкий шум предупредил императрицу о происходящем. Император обещал ей, что она будет сопровождать его в его первом путешествии, но, тем не менее, он обманул ее и собирался отправиться в путь без нее! Она немедленно позвала своих фрейлин; но, раздосадованная их медлительностью, ее величество вскочила с постели, накинула первую попавшуюся под руку одежду и выбежала из своей комнаты в туфлях и без чулок. Рыдая, как маленький ребенок, которого забирают обратно в пансион, она пересекла покои, сбежала по лестнице и бросилась в объятия императора, когда он садился в свою карету, однако едва успела, потому что мгновение спустя он тронулся в путь. Как почти всегда случалось при виде слез жены, сердце императора смягчилось; и она, видя это, уже вошла в карету и съежилась в ногах, потому что императрица была скудно одета. Император накрыл ее своим плащом и перед отправлением лично отдал приказ, чтобы с первой передачей его жена получила все, что ей нужно.

Император, оставив свою супругу в Фонтенбло, отправился в Бриенну, куда прибыл в шесть часов вечера и застал мадам де Бриенн и Ломени с несколькими горожанками ожидающими его у подножия лестницы, ведущей в замок. Он вошел в гостиную и весьма любезно принял всех, кого ему представили, а затем прошел в сад, фамильярно беседуя с мадам Бриенн и Ломени и с удивительной точностью припоминая мельчайшие подробности своего пребывания в детстве в военной школе Бриенна.

Его величество пригласил к своему столу на обед своих хозяек и нескольких их друзей, а затем пригласил сыграть партию в вист с мадам де Бриенн, де Вандевр и де Ноливр. Во время этой игры, как и за столом, его беседа была оживленной и интереснейшей, и он проявлял такую живость и приветливость, что все были в восторге.

Его величество провел ночь в Бриеннском замке и встал рано, чтобы посетить поле ла Ротьер, одну из его любимых прогулок в прежние дни. Он с величайшим удовольствием посещал те места, где прошла его ранняя юность, и с какой-то гордостью указывал на них всеми своими движениями, всеми своими размышлениями, как бы говоря: "Посмотри, откуда я отправился и куда пришел".

Его величество шел впереди сопровождавших его лиц и получал большое удовольствие от того, что первым называл по именам различные местности, мимо которых проезжал. Крестьянин, увидев его таким на некотором расстоянии от своей свиты, фамильярно крикнул ему: "О, гражданин, император скоро проедет?" — "Да, - ответил император, - наберитесь терпения".

Накануне вечером император поинтересовался у мадам Бриенн новостями о матери Маргарите. Так звали добрую женщину, которая жила в коттедже посреди леса и к которой воспитанники военной академии привыкли часто наведываться. Он не забыл ее имени и, узнав, с такой же радостью, как и удивлением, что она все еще жива, император продолжил свою утреннюю прогулку верхом и, подскакав галопом к дверям коттеджа, слез с лошади и вошел в дом доброго старого крестьянина. С возрастом у нее ухудшилось зрение; и, кроме того, император так сильно изменился с тех пор, как она его видела, что даже самому хорошему зрению было бы трудно узнать его. "Добрый день, мать Маргарита", - сказал его Величество, приветствуя старую

женщину. "Значит, вам не интересно увидеть императора?" — "Да, действительно, милостивый государь; мне очень интересно увидеть его; настолько, что вот маленькая корзиночка со свежими яйцами, которую я отнесу мадам; а затем я останусь в замке и попытаюсь увидеть императора. Но беда в том, что сегодня я не смогу видеть его так хорошо, как раньше, когда он приходил со своими товарищами пить молоко к матушке Маргарите. Тогда он еще не был императором; но это ничего не значило, он заставлял других обходить его стороной! Действительно, вы бы видели его! Молоко, яйца, черный хлеб, разбитая посуда, хотя он позаботился о том, чтобы я заплатил за все, и начал с того, что оплатил свой собственный счет". — "Что? Мать Маргарита, - ответил его величество, улыбаясь, - вы не забыли Бонапарта!" — "Забыли! мой добрый сэр, вы думаете, что кто-нибудь мог забыть такого молодого человека, как он, который был мудр, серьезен и иногда даже печален, но всегда добр к бедным людям? Я всего лишь бедная крестьянка, но я могла бы предсказать, что этот молодой человек добьется своего. Он сделал это не так уж плохо, не так ли? Ах, нет, в самом деле!"

Во время этого короткого диалога император сначала повернулся спиной к двери, а следовательно, и к свету, который проникал в хижину только таким образом. Но постепенно император приблизился к доброй женщине; и когда он оказался совсем рядом с ней, и свет из двери падал ему прямо в лицо, он начал потирать руки и говорить, пытаясь вспомнить тон и манеры своей ранней юности, когда он приходил в дом крестьянина: "Подайте, мать Маргарита, молока и свежих яиц; мы умираем с голоду". Добрая пожилая женщина, казалось, пыталась оживить свои воспоминания и начала наблюдать за императором с самым пристальным вниманием. "О да, мама, некоторое время назад ты была так уверена, что снова узнаешь Бонапарта. Разве мы двое не старые знакомые? Крестьянка, пока император обращался к ней с этими последними словами, упала к его ногам; но он поднял ее с самой трогательной добротой и сказал ей: "По правде говоря, мать Маргарита, у меня все еще аппетит школьника. Тебе нечего мне дать?" Добрая женщина, почти вне себя от счастья, подала его величеству яйца и молоко; и когда с этой простой трапезой было покончено, его Величество подарил своей престарелой хозяйке кошелек, полный золота, сказав ей: "Ты знаешь, мать Маргарита, что я верю в оплату своих счетов. Прощайте, я вас не забуду". И пока император садился на коня, добрая пожилая женщина, стоя на пороге своей двери, обещала ему со слезами радости помолиться за него доброму Богу.

Однажды утром, проснувшись, его величество заговорил о возможности найти кого-нибудь из своих старых знакомых; ему рассказали анекдот о генерале Жюно, который его очень позабавил. Генерал, оказавшись по возвращении из Египта в Монбаре, где он провел несколько лет своего детства, с величайшей тщательностью искал своих товарищей по школе и озорству и нашел нескольких, с которыми он весело и непринужденно рассказывал о своих ранних шалостях и школьных прогулках. Когда они вместе отправились осматривать разные населенные пункты, каждый из которых пробуждал в них какие-то воспоминания о молодости, генералу увидел старика, величественно прогуливающегося по городской площади с большой тростью в руке. Он тут же подбежал к нему, обхватил его руками и много раз обнимал, чуть не задушив. Прохожий с большим трудом высвободился из его теплых объятий, с изумлением посмотрел на генерала Жюно и заметил, что он понятия не имеет, чему можно приписать такую чрезмерную нежность со стороны солдата, одетого в форму вышестоящего офицера и обладающего всеми признаками высокого ранга. "Как, - воскликнул он, - вы меня не узнаете?" — "Гражданин генерал, прошу вас извинить меня, но я понятия не имею" — "Ах, морбле, дорогой мой учитель, неужели вы забыли самого праздного, самого беззаконного, самого

неисправимого из ваших учеников?" — "Тысяча извинений, вы мсье Жюно". — "Собственной персоной!" - ответил Жюно, возобновляя свои рассуждения и смеясь вместе со своими друзьями над странными чертами, по которым он заставил себя быть узанным. Что касается его Величества императора, то, если бы кто-нибудь из его старых наставников не узнал его, он не мог бы напомнить им о себе по воспоминаниям такого рода; ибо всем известно, что в военном училище он отличался усердием к работе, регулярностью и трезвостью своей жизни.

Встреча такого же характера, если не считать разницы в воспоминаниях, ожидала императора в Бриенне. Когда он посещал старое военное училище, ныне приходящее в упадок, и указывал окружающим его людям на расположение учебных залов, общежитий, столовых и т.д., ему был представлен священнослужитель, который был наставником одного из классов в школе. Император сразу узнал его; и, издав возглас удивления, его Величество более двадцати минут беседовал с этим джентльменом, оставив его преисполненным благодарности.

Император, прежде чем покинуть Бриенну и вернуться в Фонтенбло, потребовал от мэра письменного отчета о самых насущных потребностях коммуны и оставил при отъезде значительную сумму для бедных и больниц.

Проезжая через Труа, император оставил там, как и везде, сувениры о своей щедрости. Вдова генерала, жившая в отставке в Жуанвиле (я сожалею, что забыл имя этой почтенной дамы, которой было более восьмидесяти), приехала в Труа, несмотря на свой преклонный возраст, просить помощи у его Величества. Ее муж служил только до революции, пенсия, которой она пользовалась, была отнята у нее при Республике, и она находилась в величайшей нужде. Брат генерала Вуитемона, мэр коммуны в пригороде Труа, был достаточно любезен, чтобы посоветоваться со мной относительно того, что следует сделать, чтобы представить эту даму императору; и я посоветовал ему внести ее имя в список приглашенных на личную аудиенцию его Величества. Я сам взял на себя смелость поговорить о мадам де с императором, и аудиенция была предоставлена, хотя я и не претендую на то, чтобы приписывать ее заслугу себе, поскольку в путешествиях император всегда был очень доступен.

Когда добрая леди пришла на аудиенцию к господину де Вуитемону, которому его муниципальный шарф давал право въезда, я случайно встретил их, и она остановилась, чтобы поблагодарить меня за небольшую услугу, которую, по ее настоянию, я ей оказал, и упомянула, что ей пришлось заложить шесть серебряных тарелок, которые остались у нее, чтобы оплатить дорожные расходы; что, приехав в Труа в бедной фермерской повозке, покрытой тканью, наброшенной на обруч, и которая ужасно потрясла ее, она не могла найти места на постоянных дворах, во всем городе, которые были заполнены в связи с прибытием их Величеств; и ей пришлось бы спать в своем фургоне, если бы не доброе отношение г-на де Вуитемона, который уступил ей свою комнату и предложил свои услуги. Несмотря на свои восемьдесят с лишним лет и свое горе, эта почтенная леди рассказала свою историю с видом кроткой веселости и в конце бросила благодарный взгляд на своего провожатого, на руку которого она опиралась.

В этот момент подошел швейцар, чтобы объявить, что подошла ее очередь, и она вошла в зал для аудиенций. мсье де Вуитемон ожидал ее возвращения, беседуя со мной; и по возвращении она рассказала нам, едва способная контролировать свои эмоции, что император самым добрым образом принял памятную записку, которую она ему подарила, внимательно прочитал ее и передал министру, который был рядом с ним, с приказом воздать ей должное сегодня же.

На следующий день она получила предписание о назначении пенсии в размере трех тысяч франков, причем ей сразу же было выдано жалованье за первый год.

В Лионе, архиепископом которого был кардинал Феш, император поселился в архиепископском дворце. [Джозеф Феш, родившийся на Корсике в 1763 году, был сводным братом матери Наполеона. Архиепископ Лионский с 1801, кардинал с 1803, умер в 1839]

Во время пребывания их Величеств кардинал прилагал все усилия, чтобы удовлетворить каждое желание своего племянника; и в своем стремлении угодить монсеньор обращался ко мне по нескольку раз в день, чтобы убедиться, что ни в чем нет недостатка; так что все прошло превосходно. Усердие кардинала было замечено всеми домочадцами; но что касается меня, то я, кажется, заметил, что усердие, проявленное монсеньером при приеме их Величеств, приобретало дополнительную силу всякий раз, когда вставал вопрос о том, что все расходы, понесенные в связи с этим визитом, которые были значительными, будут оплачены ими самими. Я подумал, что его высокопреосвященство получал очень хорошие проценты от своих инвестиций, и его щедрое гостеприимство было щедро компенсировано щедростью его гостей.

Переход через гору Сени ни в коем случае не был таким трудным, как переход через гору Сен-Бернар; хотя дорога, которая с тех пор была проложена по приказу императора, тогда еще не была начата. У подножия горы им пришлось разобрать карету на части и перевезти ее на спинах мулов; и их Величества пересекли гору частично пешком, частично в очень красивых паланкинах, изготовленных в Турине: паланкин императора, обшитый малиновым атласом и украшенный золотым кружевом и бахромой, а паланкин императрицы - из голубого атласа с серебряным кружевом и бахромой. Снег был тщательно сметен и убран. По прибытии в монастырь они были очень тепло приняты добрыми монахами; и император, питавший к ним особую привязанность, долго беседовал с ними и не уехал, не оставив богатых и многочисленных свидетельств своей щедрости. Как только он прибыл в Турин, он отдал распоряжения по благоустройству их хосписа, который продолжал поддерживать до своего падения.

Их Величества пробыли несколько дней в Турине, где они заняли бывший дворец королей Сардинии, ставший императорской резиденцией по указу императора во время нашего пребывания, а также замок Ступиниджи, расположенный недалеко от города.

Папа воссоединился с их Величествами в Ступиниджи; Святой Отец покинул Париж почти одновременно с нами и перед своим отъездом получил от императора великолепные подарки. Среди них был золотой алтарь с канделябрами и священными сосудами богатейшей работы, великолепная тиара, гобеленовые гобелены и ковры из Савоннери, а также статуя императора из севрского фарфора. Императрица также преподнесла его Святейшеству в подарок квазу того же производства, украшенную картинами лучших художников. Этот шедевр имел по меньшей мере четыре фута в высоту и два с половиной фута в диаметре у устья и был сделан специально для того, чтобы преподнести его Святому Отцу, причем картина изображала, если мне не изменяет память, церемонию коронации.

Каждый из кардиналов в свите папы получил шкатулку прекрасной работы с портретом императора, оправленным в бриллианты, а также все лица, состоявшие на службе у Пия VII. у меня были более или менее значительные подарки, все эти различные предметы мебели

доставлялись в апартаменты его Величества, где по приказу его Величества я составлял их список по мере их поступления.

Взамен Святой Отец также сделал очень красивые подарки офицерам императорской свиты, чьи обязанности позволяли им находиться рядом с ним во время его пребывания в Париже.

Из Ступиниджи мы отправились в Александрию. Император на следующий день после своего прибытия встал рано, посетил укрепления города, осмотрел все позиции на поле битвы при Маренго и вернулся только в семь часов, загнав пять лошадей. Через несколько дней он пожелал, чтобы императрица осмотрела эту знаменитую равнину, и по его приказу была собрана армия в двадцать пять или тридцать тысяч человек. Утром дня, назначенного для смотра этих войск, император покинул свои апартаменты, одетый в синий сюртук с длинными полами, сильно поношенный и даже с дырами в некоторых местах. Эти отверстия были проделаны молью, а не шариками, как говорилось в некоторых мемуарах. На голове его величества была старая шляпа, отделанная золотым галуном, потускневшая и потертая, а на боку висела кавалерийская сабля, какие носили генералы Республики; это были сюртук, шляпа и шпага, которые он носил в день битвы при Маренго. Впоследствии я одолжил эти предметы месье Давиду, первому художнику его Величества, для его картины "Переход через Мон-Сен-Бернар". На этой равнине был воздвигнут огромный амфитеатр для императрицы и свиты их Величеств; день был прекрасный, как и каждый майский день в Италии. Проехав вдоль рядов, император занял свое место рядом с императрицей и произвел раздачу войскам креста Почетного легиона, после чего заложил краеугольный камень памятника, который по его указанию должен был быть установлен на равнине в память о солдатах, павших на поле боя. Когда его Величество в краткой речи, с которой он обратился к армии по этому случаю, сильным голосом, вибрирующим от волнения, произнес имя Десо, который здесь славно погиб за свою страну, по рядам солдат пробежал горестный ропот. Что касается меня, я был тронут до слез; и когда мой взгляд упал на эту армию, на ее знамена, на костюм императора, я был вынужден время от времени поворачиваться к трону ее Величества Императрицы, чтобы понять, что это было не 14 июня 1800 года.

Я думаю, что именно во время этого пребывания в Александрии принц Жером Бонапарт имел беседу с императором, в ходе которой последний серьезно и истово упрекал своего брата, и принц Жером покинул кабинет министров явно взволнованным. Это неудовольствие императора было вызвано браком, заключенным его братом в возрасте девятнадцати лет с дочерью американского торговца.

Его Величество расторг этот союз по причине несовершеннолетия и издал указ, запрещающий должностным лицам гражданского штата получать в своих реестрах запись о заключении брака месье Жерома с мадемуазель Паттерсон. Некоторое время император относился к нему с большой прохладой и держал на расстоянии; но через несколько дней после свидания в Александрии он отправил его в Алжир требовать признания подданными империи двухсот генуэзцев, удерживаемых в качестве рабов. Молодой принц прекрасно справился с этой гуманной миссией и вернулся в августе месяце в Генуэзский порт с пленниками, которых он только что освободил. Император был вполне доволен тем, как его брат выполнил его указания, и сказал по этому поводу, что "принц Джером был очень молод и очень легкомыслен, что ему нужно было больше веса в голове, но, тем не менее, он надеялся чего-то добиться от него".

Этот брат его величества был одним из немногих людей, которых он действительно любил, хотя часто давал ему справедливый повод для гнева.

ГЛАВА XXVI.

Их Величества пробыли в Милане больше месяца, и у меня было достаточно свободного времени, чтобы познакомиться с этой прекрасной столицей Ломбардии. Этот визит представлял собой непрерывную череду праздников и увеселений; и казалось, что только у императора было время для работы, ибо он, по своему обыкновению, заперся со своими министрами, в то время как все лица из его свиты и его домочадцы, чьи обязанности не задерживали их рядом с его Величеством, охотно принимали участие в забавах и увеселениях миланцев. Я не буду вдаваться в подробности коронации, поскольку она была почти повторением того, что произошло в Париже несколькими месяцами ранее; а поскольку все торжества подобного рода похожи друг на друга, каждый знаком с мельчайшими подробностями. Среди всех этих праздничных дней был для меня один по-настоящему счастливый день: в этот день принц Евгений, доброту которого ко мне я никогда не забуду, был провозглашен вице-королем Италии. Поистине, никто не мог бы быть более достоин столь высокого положения, чем он, если бы для достижения его требовались только благородство, великодушие, мужество и мастерство в искусстве управления; ибо никогда принц так искренне не желал процветания вверенного его заботам народа. Я часто наблюдал, каким по-настоящему счастливым он был, и какой неподдельный восторг сиял на его лице, когда он излучал счастье вокруг себя.

Однажды император и императрица отправились завтракать в окрестности Милана, на маленький остров под названием Олона. Прогуливаясь по нему, император встретил бедную женщину, чей дом находился недалеко от того места, где был накрыт стол для их Величеств, и обратился к ней с рядом вопросов. "Сударь, — ответила она (не зная императора), — я очень бедна и мать троих детей, которых мне очень трудно содержать, потому что у моего мужа, поденщика, не всегда есть работа". — "Сколько нужно, — ответил его величество, - чтобы сделать вас совершенно счастливой?" - "О сир, для этого потребовалась бы куча денег". - "Но сколько, моя добрая женщина, сколько было бы необходимо?" - "Ах, сударь, если бы у нас не было двадцати луидоров, мы были бы не выше нуждаемся; но есть ли шанс, что у нас когда-нибудь будет двадцать луидоров?"

Император тут же вручил ей сумму в три тысячи франков золотом и приказал мне развязать булочки и высыпать их все на колени доброй женщине.

При виде такого количества золота последняя побледнела, пошатнулась, и я увидел, что она теряет сознание. - Все, это слишком много, месье, это действительно слишком много. Неужели вы смеетесь над бедной женщиной?

Император заверил ее, что все это действительно принадлежит ей и что на эти деньги она сможет купить небольшое поле, стадо коз и хорошо воспитать своих детей.

Его величество не давал о себе знать, поскольку при раздаче своих льгот любил сохранять свое инкогнито, и я знал при его жизни большое количество примеров, подобных вышеизложенному. Похоже, историки взяли за правило обходить их молчанием; и все же, я думаю, именно благодаря репетиции именно таких поступков может и должно быть сформировано правильное представление о характере императора.

Депутации Лигурийской республики во главе с дожем прибыли в Милан, чтобы умолять императора присоединить Геную и ее территорию к империи, и его величество позаботился о том, чтобы не отказать в этом требовании, и указом образовал из генуэзских государств три департамента своего итальянского королевства. Император и императрица отправились из Милана, чтобы посетить эти и некоторые другие департаменты.

Мы пробыли в Мантуе недолго, когда однажды вечером, около шести часов, великий маршал Дюрок приказал мне остаться одному в маленькой комнате, смежной с комнатой императора, и сообщил мне, что граф Люсьен Бонапарт скоро прибывает. Он пришел через несколько минут; и как только он представился, я ввел его в спальню императора, а затем постучал в дверь кабинета императора, чтобы сообщить ему о своем прибытии. Поприветствовав друг друга, два брата заперлись в комнате, и вскоре между ними завязался очень оживленный спор; и, будучи вынужденным оставаться в маленькой гостиной, во многом против своей воли, я подслушал большую часть разговора. Император уговаривал своего брата развестись и обещал ему корону, если он это сделает; но Люсьен ответил, что никогда не бросит мать своих детей, и этот отказ так сильно разозлил императора, что выражения его лица стали резкими и даже оскорбительными. Когда эта перепалка продолжалась более часа, мсье Люсьен вышел из нее в плачевном состоянии, бледный и растрепанный, с красными и полными слез глазами; и больше мы его не видели, потому что, расставшись со своим братом, он вернулся в Рим.

Император был сильно обеспокоен этим отказом своего брата и, уходя, не раскрыл рта. Утверждалось, что разногласия между братьями были вызваны возвышением Первого консула империи и неодобрением Люциеном этого шага; но это ошибка. Действительно, последний предлагал продолжить республику под управлением двух консулов, которыми должны были стать Наполеон и Люсьен, причем один должен был возглавить военное ведомство и международные отношения, а другой - все, что было связано с внутренними делами; но хотя провал этого плана, должно быть, разочаровал Люсьена, жадность, с которой он принял титулы сенатора и графа Империи, доказывала, что он очень мало заботился о республике, одним из руководителей которой ему не суждено было стать. Я уверен, что женитьба месье Люсьена на мадам Жубертон была единственной причиной этих разногласий. Император не одобрял этот союз, потому что репутация леди была несколько сомнительной, и она также была разведена со своим мужем, который стал неплатежеспособным и бежал в Америку. Эта несостоятельность, и особенно развод, глубоко оскорбили Наполеона, который всегда испытывал большое отвращение к разведенным людям.

До этого император хотел возвысить своего брата до ранга суверена, заставив его жениться на королеве Этрурии, которая потеряла своего мужа. Люсьен несколько раз отказывался от этого союза, и в конце концов император рассердился и сказал ему: "Видишь, как далеко ты заходишь в своем увлечении и глупой любви к прекрасной даме". — "По крайней мере, - ответил Люсьен, - моя молода и хороша собой", имея в виду императрицу Жозефину, которая была и той, и другой.

Смелость этого ответа безгранично разозлила императора. В этот момент он держал в руках свои часы, которые изо всех сил швырнул на пол, крикнув: "Поскольку ты ничего не хочешь слушать, смотри, я разобью тебя, как эти часы".

Разногласия возникли между братьями еще до установления Империи, и среди поступков, навлекших немилость Люсьена, я часто слышал следующие.

Люсьен, будучи министром внутренних дел, получил приказ Первого консула не выпускать пшеницу за пределы Республики. Наши склады были заполнены, и Франция поставляла товары в изобилии; но в Англии этого не было, и там начинала ощущаться их нехватка. Никогда не было известно, как это произошло, но большая часть этого зерна прошла через пролив Кале, и было положительно заявлено, что за него была получена сумма в двадцать миллионов. Узнав об этом, первый консул отобрал у своего брата портфель министра внутренних дел и назначил его послом в Испании.

В Мадриде месье Люсьен был хорошо принят королем и королевской семьей и стал близким другом дона Мануэля Годоя, принца Мира. Именно во время этой миссии и по соглашению с принцем де ла Пэ был заключен Бадахосский мирный договор, на обеспечение которого, как говорят, Португалия выделила тридцать миллионов. Было также заявлено, что большая сумма, выплаченная золотом и бриллиантами, была разделена между двумя полномочными представителями, которые не сочли необходимым предоставлять отчет об этой сделке в свои соответствующие суды.

Карл IV. нежно любил Люсьена и испытывал к Первому консулу величайшее почтение. Внимательно осмотрев нескольких испанских лошадей, которых он предназначал для Первого консула, он сказал своему старшему конюху: "Как вам повезло, и как я завидую вашему счастью! ты увидишь великого человека и поговоришь с ним; как бы я хотел занять твое место!"

Во время своего посольства Люсьен ухаживал за особой самого высокого ранга и получил ее портрет в виде медальона, обрамленного прекраснейшими бриллиантами. Я сотни раз видел этот портрет, который он носил подвешенным к шее на цепочке из красивейших черных волос; и он вовсе не делал из этого тайны, напротив, старался показать его и наклонился так, чтобы был виден дорогой медальон, висевший у него на груди.

Перед его отъездом из Мадрида король также подарил ему свой собственный портрет в миниатюре, также оправленный бриллиантами.

Эти камни, переделанные и оправленные в виде пряжки для шляпы, перешли ко второй жене Люсьена. Теперь я расскажу о его браке с мадам Жубертон, рассказанном мне человеком, жившим в том же доме.

Первому консулу каждый день, и очень оперативно, сообщали обо всем, что происходило в домах его братьев, причем давался обстоятельный отчет, вплоть до мельчайших подробностей. Люсьен, желая жениться на мадам Жубертон, с которой он познакомился в доме графа де Л..., своего близкого друга, написал между двумя и тремя часами дня Дюкенуа, мэру десятого округа, с просьбой прийти в его резиденцию на улице Сен-Доминик около восьми часов вечера и принести брачную книгу.

Между пятью и шестью часами месье Дюкенуа, мэр десятого округа, получил из замка Тюильри распоряжение не забирать из муниципалитета регистрационную книгу и, прежде всего, не заключать никаких браков, если, в соответствии с законом, имена участников не будут опубликованы в течение восьми дней.

В указанный час Дюкесной прибыл в резиденцию и попросил разрешения поговорить с глазу на глаз с графом, которому он сообщил приказ, исходящий из замка.

Вне себя от гнева, Люсьен немедленно нанял сотню почтовых лошадей для себя и друзей; и без промедления он и г-жа Жубертон вместе с этими друзьями и домочадцами отправились в экипажах в замок Плесси-Шаман, увеселительный дом в полулиге от Санлиса. Был вызван местный священник, который также был заместителем мэра, и в полночь объявил о гражданском браке; затем, надев свое священническое облачение поверх шарфа, который он носил как гражданский чиновник штата, он даровал беглецам брачное благословение. Затем был подан хороший ужин, на котором присутствовали помощник и кюре; но, когда он вернулся в свой дом около шести часов утра, он увидел у своих ворот почтовую карету, охраняемую двумя солдатами, и, войдя в свой дом, обнаружил там офицера вооруженной полиции, который вежливо пригласил его быть настолько любезным, чтобы сопровождать его в Париж. Бедный священник считал себя погибшим, но он был вынужден подчиниться под страхом того, что полиция переведет его в Париж с одной гауптвахты на другую.

Ему ничего не оставалось, как сесть в роковую карету, которую галопом тянули две добрые лошади, и вскоре он прибыл в Тюильри, где его ввели в кабинет Первого консула, который сказал ему громовым голосом: "Значит, это вы, сударь, женитесь на членах моей семьи без моего согласия и без опубликования запретов, как это предписывает вам ваш двойной статус кюре и помощника мэра. Вы прекрасно знаете, что заслуживаете быть лишенным своего поста, отлученным от церкви и предстать перед судом. Несчастный священник считал, что он уже в тюрьме; но после суровой нотации его отправили обратно к его приходу, и два брата так и не помирились.

Несмотря на все эти различия, Люсьен всегда рассчитывал на любовь своего брата, чтобы получить королевство. Я гарантирую достоверность следующего случая, который был рассказан мне надежным человеком: У Люсьена заведовал его заведением друг его ранней юности, того же возраста, что и он сам, и такой же уроженец Корсики, которого звали Кампи, и у него были самые доверительные отношения в доме графа. В тот день, когда "Монитор" опубликовал список новых французских принцев, Кампи прогуливался по красивой картинной галерее, собранной Люсьеном, с молодой секретаршей последнего, когда между ними произошел следующий разговор. "Вы, без сомнения, читали сегодняшний "Монитор"? — "Да". — "Вы видели, что все члены семьи получили титул французских принцев, и только имени господина графа не хватает в списке". — "Какое это имеет значение? Есть королевства." — "Учитывая заботу, которую государи проявляют, чтобы сохранить их, вакансий там почти не

будет". — "Ну что ж, они будут созданы. Все королевские семьи Европы изношены, и нам нужны новые ". На это Кампи замолчал и посоветовал молодому человеку придержать язык, если он хочет сохранить расположение графа. Однако вскоре после этого молодой секретарь повторил этот конфиденциальный разговор, который, не будучи особенно поразительным, дает, однако, представление о том, с каким доверием следует относиться к мнимой умеренности графа Люсьена и к приписываемым ему эпиграммам против его брата и его семьи.

Никто в замке не знал о враждебности, существовавшей между Люсьеном Бонапартом и императрицей Жозефиной; и чтобы расположить к себе последнюю, бывшие завсегдатаи Мальмезона, а ныне ставшие придворными Тюильри, имели обыкновение рассказывать ей самые пикантные анекдоты, которые им удавалось собрать о младшем брате императора. Так случилось, что однажды я случайно услышал, как один высокопоставленный человек и сенатор Империи в самой веселой манере, какую только можно себе представить, рассказал императрице мельчайшие подробности об одной из временных связей графа Люсьена. Я не ручаюсь за достоверность этого анекдота и, сочиняя его, испытываю большее смущение, чем сенатор, рассказывающий его, и, действительно, опускаю массу подробностей, которые рассказчик передал, не краснея и не отталкивая слушателей; ибо моя цель - пролить свет на семейные тайны императорского двора и на привычки лиц, ближайших к императору, а не предавать гласности скандал, хотя я мог бы оправдать себя примером высокопоставленного лица Империи.

Граф Люсьен (я не знаю, в каком году) снискал расположение мадемуазель Мезере, актрисы Французского театра, которая была одновременно хорошенькой и жизнерадостной. Завоевание было нетрудным, во-первых, потому, что она никогда ни к кому не относилась подобным образом, и, во-вторых, потому, что артистка знала об огромном богатстве графа и считала его расточительным. Первые знаки внимания со стороны возлюбленного утвердили ее в этом мнении, и она потребовала дом. Он сразу же подарил ей квартиру, богато и элегантно обставленную, причем документ был передан ей в руки в тот день, когда она вступила во владение; и каждый визит графа пополнял гардероб актрисы или шкатулку с драгоценностями новыми подарками. Это продолжалось несколько месяцев, в конце которых Люсьену опротивела заключенная сделка, и он начал обдумывать, каким образом разорвать ее, не потеряв слишком много. Среди прочего, он подарил мадемуазель пару туфель-жирандолей с драгоценными бриллиантами. Во время одной из последних бесед, еще до того, как граф проявил какие-либо признаки холодности, он заметил жирандоли на туалетном столике своей любовницы и, взяв их в руки, сказал: "В самом деле, моя дорогая, ты несправедлива ко мне; почему ты не проявляешь больше доверия ко мне? Я не хочу, чтобы ты носила такие устаревшие украшения, как эти". — "Да ведь прошло всего шесть месяцев с тех пор, как ты мне их подарила". — "Я знаю это, но женщина с хорошим вкусом, уважающая себя, никогда не должна носить вещи шестимесячной давности. Я возьму серьги и отправлю их де Вилльерсу [он был ювелиром графа] с приказом установить их так, как я пожелаю". Графа нежно поблагодарили за столь деликатное внимание, и он положил жирандоли в карман вместе с одним или двумя ожерельями, которые также были его подарком и которые не показались ему достаточно новыми по стилю, и разрыв произошел до того, как что-либо из них было возвращено.

Несмотря на это, мадемуазель считала себя вполне обеспеченной своей мебелью и своим домом, пока однажды утром истинный владелец не пришел спросить ее пожелания относительно заключения нового договора аренды. Она побежала проверять свой документ,

который ей еще и в голову не приходило оформлять, и обнаружила, что это было просто описание собственности, в конце которого была квитанция об аренде за два года.

Во время нашего пребывания в Генуе жара была невыносимой; от этого император сильно страдал, говоря, что никогда не испытывал ничего подобного в Египте, и раздевался по много раз на дню. Его кровать была покрыта противомоскитной сеткой, потому что насекомые были многочисленными и беспокоящими. Окна спальни выходили на большую террасу на берегу моря, и с них был виден залив и вся окружающая местность. Праздники, устраиваемые городом, были великолепны. Огромное количество судов было скреплено вместе и заполнено апельсиновыми и цитронтовыми деревьями и кустарниками, некоторые из которых были покрыты цветами, некоторые - плодами, и все вместе образовало самый изысканный плавучий сад, который их Величества посетили на великолепной яхте.

Вернувшись во Францию, император не сделал остановки между Турином и Фонтенбло. Он путешествовал инкогнито, от имени министра внутренних дел, и ехал с такой скоростью, что при каждой передаче им приходилось поливать колеса водой; но, несмотря на это, его Величество жаловался на медлительность фореиторов и беспрестанно кричал: "Поторопитесь! поторопись! мы едва двигаемся." Многие экипажи слуг были оставлены в тылу, хотя мой не задерживался, и я прибывал на каждую эстафету одновременно с императором.

При подъеме на крутой холм Тарар император вышел из кареты, как и сопровождавший его Бертье; экипажи свиты находились на некотором расстоянии позади, поскольку возницы остановились перевести дух лошадей.

Его Величество увидел, поднимаясь на холм в нескольких шагах перед собой, старую, дряхлую женщину, которая ковыляла с большим трудом. Когда Император приблизился к ней, он спросил, почему, несмотря на ее немощь и, по-видимому, такую усталость, она пытается преодолеть столь трудный путь.

"Господин, - ответила она, - мне сказали, что император должен пройти здесь, и я хочу увидеть его перед смертью". Его величество, который любил, когда его забавляли, сказал ей: "Ах, но зачем беспокоиться о нем? Он такой же тиран, как и все остальные". Добрая женщина, возмущенная этим замечанием, сердито ответила: "По крайней мере, сэр, это наш выбор; и поскольку у нас должен быть учитель, по крайней мере, правильно, что мы выбрали его". Я не был очевидцем этого инцидента; но я слышал, как сам император рассказал об этом доктору Корвизару, сделав несколько замечаний о здравом смысле масс, которые, по мнению его Величества и его главного врача, в целом составили очень правильные мнения.

ГЛАВА XXVII.

Январь 1806 года Его Величество император провел в Мюнхене и Штутгарде, во время которого в первой из этих двух столиц была отпразднована свадьба вице-короля и принцессы Баварской. По этому случаю была устроена череда великолепных празднеств, героем которых всегда был император, и на которых его хозяева пытались всевозможными почестями выразить этому великому человеку восхищение, которое внушал им его военный гений.

Вице-король и вице-королева никогда не встречались до свадьбы, но вскоре так сильно привязались друг к другу, как будто были знакомы много лет, ибо никогда еще два человека не были столь близки по духу. Ни одна принцесса, да и вообще ни одна мать, не смогла бы проявить больше любви и заботы о своих детях, чем вице-королева; и она вполне могла бы служить образцом для всех женщин. Мне рассказали случай, касающийся этой замечательной принцессы, о котором я с удовольствием рассказываю здесь. Одна из ее дочерей, которая была совсем юной, очень резким тоном разговаривала со своей горничной, ее светлейшее высочество вице-королева была проинформирована об этом и, чтобы преподать дочери урок, запретила слугам оказывать юной принцессе какие-либо услуги или отвечать на любые ее требования с этого времени. Девочка сразу же пожаловалась своей матери, которая серьезно сказала ей, что когда кто-то получает, подобно ей, заботу и внимание всех окружающих, необходимо заслужить это и выразить свою признательность вниманием и услужливой вежливостью. Затем она потребовала, чтобы та попросила прощения у "камеристки" и впредь вежливо разговаривала с ней, заверив ее, что таким образом она всегда добьется выполнения всех разумных и справедливых просьб, с которыми она может обратиться.

Девочка повиновалась, и урок принес ей такую пользу, что она стала, если верить общим слухам, одной из самых образованных принцесс Европы. Весть о ее совершенствах распространилась даже по Новому Свету, который боролся за нее со Старым, и ему посчастливилось заполучить ее. В настоящее время, я думаю, она императрица Бразилии.

Его Величество король Баварии Максимилиан Иосиф, которому тогда было около пятидесяти лет, был очень высокого роста, с благородной и привлекательной физиономией и обворожительными манерами. До революции он был полковником эльзасского полка на службе Франции под именем принца Максимилиана, или принца Макса, как называли его солдаты, и служил в Страсбурге, где оставил репутацию элегантного человека с рыцарской отвагой. Его подданные, его семья, его слуги, все обожали его. По утрам он часто совершал длительные прогулки по Мюнхену, ходил на рынок, интересовался ценами на зерно, заходил в магазины, разговаривал со всеми, особенно с детьми, которых уговаривал пойти в школу. Этот превосходный принц не боялся поступиться своим достоинством из-за простоты своих манер; и он был прав, ибо я не думаю, что кто-либо когда-либо не выказывал ему уважения, и любовь, которую он внушал, никоим образом не уменьшала почитания, которое испытывали к нему. Такова была его преданность императору, что его добрые чувства распространялись даже на лиц, которые по своим служебным обязанностям ближе всего подходили к его Величеству и были в лучшем положении, чтобы знать его нужды и пожелания. Таким образом (я рассказываю это не из тщеславия, а в доказательство того, что я только что сказал), его Величество король Баварии так и не пришел повидать императора, что он не взял меня за руку и не справился сначала о здоровье его Императорского Величества, затем о моем собственном, добавив много

вещей, которые явно свидетельствовали о его привязанности к императору и его природной доброте.

Его Величество король Баварии сейчас покоится в гробнице, как и тот, кто дал ему трон; но эта гробница по-прежнему остается королевской гробницей, и верные баварцы могут прийти, преклонить колени и поплакать над ней. Император, напротив...

[Констант написал это перед возвращением в 1840 году праха Наполеона для упокоения на "берегах Сены, среди французского народа, который он так любил", где в массивной порфировой урне под позолоченным куполом дома инвалидов, в самой великолепной усыпальнице веков, ныне покоится солдат Лоди, Маренго, Аустерлица, Ваграма и Ватерлоо. —пер.]

Добродетельный Максимилиан смог оставить достойному сыну скипетр, полученный им от того, кто погиб в изгнании на острове Святой Елены. Принц Людовик, нынешний король Баварии, а сегодня, возможно, лучший король Европы, не был таким высоким, как его августейший отец, и лицо его не было таким красивым; и, к сожалению, он страдал крайней глухотой, которая заставляла его повышать голос, сам того не сознавая, и вдобавок к этому его речи мешало легкое заикание. Этот принц был серьезен и прилежен, и император признавал его заслуги, но не полагался на его дружбу. Это было не потому, что он считал его лишенным лояльности, поскольку королевский принц был вне таких подозрений; но император знал, что он принадлежал к партии, которая боялась подчинения Германии и которая подозревала, что французы, хотя они до сих пор нападали только на Австрию, мечтали завоевать все германские державы.

Однако то, что я только что высказал в отношении королевского принца, относится только к годам, последовавшим за 1806 годом; ибо я уверен, что в ту эпоху его чувства не отличались от чувств доброго Максимилиана, который был, как я уже сказал, полон благодарности императору. Принц Луи приехал в Париж в начале этого года; и я много раз видел его в придворном театре в ложе принца-эрцгерцога, где они оба спали в компании и очень крепко. Это также было такой привычкой у Камбасереса, что, когда император спросил о нем и ему сказали, что монсеньор в театре, он ответил: "Хорошо, очень хорошо; у него сиеста; давайте не будем его беспокоить!"

Король Вюртембургский был крупным и таким толстым, что о нем говорили, что Бог послал его в этот мир, чтобы доказать, как далеко может растянуться кожа человека. Его живот был таких размеров, что пришлось сделать широкий круглый разрез перед его местом за столом; и все же, несмотря на эту предосторожность, он был вынужден держать тарелку на уровне подбородка, чтобы пить суп. Он очень любил охотиться либо верхом, либо в маленькой русской коляске, запряженной четверкой лошадей, которой часто управлял сам. Он любил верховую езду, но найти лошадь, достаточно крупную и сильную, чтобы нести такую тяжелую ношу, было нелегкой задачей. Было необходимо, чтобы бедное животное постепенно дрессировалось; и для достижения этой цели королевский конюший прикрепил к лошади подпругу, начиненную кусочками свинца, ежедневно увеличивая вес, пока он не сравнялся с весом его Величества. Король был деспотичен, суров и даже жесток, всегда готовый подписать приговор осужденному, и почти во всех случаях, если то, что говорят в Штутгарте, было правдой, ужесточал наказание, назначаемое судьями. Неприятный и жестокий, он часто бил своих приближенных; говорят даже, что он не щадил ее величество королеву, свою жену, которая

была сестрой нынешнего короля Англии. Несмотря на все это, он был принцем, чьи знания и блестящий ум император уважал; ибо у них была взаимная привязанность друг к другу, и он нашел его верным своему союзу до самого конца. У короля Фредерика Вюртембургского был блестящий и многочисленный двор, при котором он демонстрировал большое великолепие.

Наследного принца очень любили; он был менее надменным и более гуманным, чем его отец, и, как говорили, справедливым и либеральным.

Помимо тех, кто был коронован его рукой, император, находясь в Баварии, принимал большое количество принцев Конфедерации; и они обычно обедали с его Величеством. В этой толпе королевских придворных выделялся принц-примас, который ничем не отличался по манерам, осанке и одежде от самых модных джентльменов Парижа. Император уделил ему особое внимание. Я не могу воздать такой же хвалы туалету принцесс, герцогинь и других благородных дам, поскольку большинство из них одевались с крайне дурным вкусом и, не проявляя ни искусства, ни изящества, украшали головы перьями, кусочками золотой и серебряной ткани, скрепленными множеством булавок с бриллиантовыми головками.

Экипажи, которыми пользовалась немецкая знать, представляли собой очень большие кареты, которые были необходимы из-за огромных обручей, которые все еще носили эти дамы; и такая приверженность устаревшей моде была тем более удивительной, что в то время Германия пользовалась огромным преимуществом обладания двумя журналами мод. Один из них был переводом журнала, издаваемого Мезанжере; а другой, также редактировавшийся в Париже, был переведен и напечатан в Мангейме. Эти нелепые экипажи, очень похожие на наши древние "дилижансы", были запряжены лошадьми очень низкого качества, запряжены веревками и расставлены так далеко друг от друга, что для поворота кареты требовалось огромное пространство.

Принц Саксен-Готский был длинным и худым. Несмотря на свой преклонный возраст, он был достаточно щеголем, чтобы заказать в Париже у нашего парикмахера Михалона несколько прелестных маленьких париков молодежного блондинистого цвета, завитых, как волосы Купидона; но, кроме этого, он был превосходным человеком. Я припоминаю, что одна из благородных немецких дам видела в придворном театре в Фонтенбло принцессу Конфедерации, которую представляли их величества. Туалет ее высочества свидетельствовал об огромном прогрессе элегантной цивилизации за Рейном; ибо, отказавшись от готических обручей, принцесса приняла самую последнюю моду и, хотя ей было почти семьдесят лет, носила платье из черного кружева поверх красного атласа, а прическа ее состояла из белой муслиновой вуали, скрепленной венком из роз, в стиле весталок оперы. С ней была внучка, блиставшая очарованием юности, которой восхищался весь двор, хотя ее костюм был менее стильным, чем у ее бабушки.

Однажды я слышал, как ее величество императрица Жозефина рассказывала, что ей было очень трудно сдерживать улыбку, когда среди множества представленных ей немецких принцесс одна была названа Кунигундой [Кунигунда была любовницей Кандида в романе Вольтера "Кандид".] Ее величество добавила, что, когда она увидела, как принцесса заняла свое место, ей показалось, что она наклонилась набок. Несомненно, императрица читала "Приключения Кандида и дочери очень знатного барона Тандер-Тен-Транка".

В Париже весной 1806 года я увидел почти столько же членов Конфедерации, сколько видел в столицах Баварии и Вюртембурга. Французское имя имело приоритет среди имен иностранных принцев. Это было имя принца Мюрата, который в марте месяце стал великим герцогом Бергским и Клевским. Вслед за принцем Людовиком Баварским прибыл наследный принц Баденский, который приехал в Париж, чтобы жениться на племяннице императрицы.

Поначалу этот союз не был счастливым. Принцесса Стефания (де Богарне) была очень красивой женщиной, грациозной и остроумной; и император хотел сделать из нее знатную даму и женился на ней, не посоветовавшись с ее желаниями. Принцу Шарлю-Луи-Фредерику было тогда двадцать лет, и, хотя он был чрезвычайно добр, храбр и щедр и обладал многими замечательными чертами характера, он был тяжелым и флегматичным, всегда сохранявшим ледяную серьезность и совершенно лишенным качеств, которые привлекли бы молодую принцессу, привыкшую к блестящей элегантности императорского двора.

Свадьба состоялась в апреле, к большому удовлетворению принца, который в тот день, казалось, нарушил свою обычную серьезность и даже позволил улыбке тронуть его губы. День прошел очень хорошо, но, когда пришло время ложиться спать, принцесса отказалась пустить его в свою комнату и в течение восьми дней была неумолима.

Ему сказали, что принцессе не понравилась прическа его волос и что ничто не внушало ей большего отвращения, чем коса; на что добрый принц поспешил коротко подстричься, но когда она увидела его таким остриженным, она безмерно рассмеялась и воскликнула, что он стал еще уродливее а-ля Титус, чем был раньше. Ум и доброе сердце принцессы не могли не оценить хороших и основательных качеств своего мужа; она научилась любить его так же нежно, как любили ее, и я уверен, что августейшая чета жила в прекрасных отношениях.

Через три месяца после этой женитьбы принц оставил свою жену, чтобы последовать за императором сначала в кампанию в Пруссии, а затем в Польшу. Смерть его деда, произошедшая через некоторое время после австрийской кампании 1809 года, передала ему во владение великое герцогство, после чего он передал командование своими войсками своему дяде, графу Хохбергу, и вернулся к своему правительству, чтобы больше никогда его не покидать.

Я снова видел его с принцессой в Эрфурте, где мне сказали, что он приревновал к императору Александру, который усердно ухаживал за его женой; принц встревожился и внезапно покинул Эрфурт, увозя с собой принцессу, о которой справедливости ради следует сказать, что с ее стороны не было ни малейшей неосторожности возбудить эту ревность, которая, однако, кажется вполне простительной для мужа такой очаровательной женщины.

Здоровье принца всегда было слабым, и с самой ранней юности у него были замечены тревожные симптомы; и это физическое состояние, без сомнения, в значительной степени было основным источником меланхолии, которой был отмечен его характер. Он умер в 1818 году после очень долгой и мучительной болезни, во время которой его жена ухаживала за ним с самой нежной заботой, оставив четверых детей, двух сыновей и двух дочерей. Оба сына умерли молодыми и оставили бы великое герцогство Баден без наследников, если бы графы Хохберг не были признаны членами герцогской семьи. Великая княгиня сегодня посвящает свою жизнь воспитанию своих дочерей, которые обещают сравняться с ней в изяществе и добродетелях. Бракосочетание принца и принцессы Баденских было отмечено блестящими празднествами; в

Рамбуйе состоялась большая охота, на которой их Величества со многими членами своей семьи и всеми принцами Баденскими, Клевскими и др. Пешком пересекли леса Рамбуйе.

Я вспоминаю другую охоту, состоявшуюся примерно в то же время в Сен-Жерменском лесу, на которую император пригласил посла Блистательной Порты, тогда только что прибывшего в Париж. Его турецкое превосходительство с энтузиазмом следил за погоней, но ни один мускул его сурового лица не дрогнул. Когда животное было загнано в угол, его величество приказал вручить турецкому послу ружье, чтобы тот удостоился чести сделать первый выстрел; но он отказался, не понимая, несомненно, что можно найти какое-либо удовольствие в убийстве с близкого расстояния бедного, измученного животного, у которого больше не было сил защититься даже бегством.

ГЛАВА XXVIII.

Император пробыл в Париже всего несколько дней после нашего возвращения из Италии, прежде чем снова отправиться в Булонский лагерь. Миланские праздники не помешали ему вынашивать свои политические планы, и было подозрение, что не без веской причины он сломал своих лошадей между Турином и Парижем. Эти причины стали совершенно очевидны, когда стало известно, что Австрия тайно вступила в коалицию России и Англии против императора. Армия, собранная в Булонском лагере, получила приказ выступить на Рейн, и его величество отбыл, чтобы присоединиться к своим войскам примерно в конце сентября. По своему обыкновению, он сообщил нам о своем отъезде всего за час до него; и было любопытно наблюдать контраст между замешательством, предшествовавшим этому моменту, и тишиной, последовавшей за ним. Едва был отдан приказ, как каждый поспешно занялся своими собственными нуждами и нуждами его Величества; и в коридорах не было слышно ничего, кроме шума приходящих и уходящих слуг, шума заколачиваемых ящиков и выносимых коробок. Во дворах появилось множество экипажей и повозок с запряженными в них мужчинами, сцена была освещена факелами, и повсюду слышались ругательства и крики нетерпения; в то время как женщины, каждая в своей комнате, были печально заняты отъездом мужа, сына или брата. Во время всех этих приготовлений император прощался с ее Величеством Императрицей или отдыхал несколько минут; но в назначенный час он встал, оделся и сел в свою карету. Вскоре после этого в замке воцарилась тишина, и только несколько изолированных лиц можно было увидеть порхающими, как тени; тишина сменилась шумом, одиночество - суетой блестящего и многочисленного двора. На следующее утро это глубокое молчание нарушали только несколько рассеянных женщин, которые искали друг друга с бледными лицами и глазами, полными слез, чтобы поделиться своим горем и опасениями. Многие придворные, которые не принадлежали к этой компании, прибыли, чтобы составить свой двор, и были ошеломлены, узнав об отсутствии его Величества, чувствуя себя так, словно солнце не могло взойти в тот день.

Император дошел без остановки до Страсбурга; и на следующий день после его прибытия в этот город армия начала выстраиваться по мосту Кель.

Вечером накануне этого марша император приказал генералам быть на берегах Рейна на следующий день ровно в шесть утра. За час до назначенного времени встречи его величество, несмотря на ливень, который лил как из ведра, отправился один к началу моста, чтобы убедиться в исполнении отданных им приказов, и стоял под этим дождем неподвижно, пока первые дивизии не начали выдвигаться через мост. Он так промок, что капли, падавшие с его одежды, стекали под лошадь, образуя небольшой водопад; а его треуголка была такой мокрой, что ее задняя часть свисала ему на плечи, как большие фетровые шляпы парижских углежогов. Генералы, которых он ожидал, собрались вокруг него; и когда он увидел их в сборе, он сказал: "Все идет хорошо, господа; это новый шаг, сделанный в направлении наших врагов; но где Вандам? Почему его здесь нет? Неужели он мертв? Никто не произнес ни слова. - Ответьте мне, что стало с Вандамом? Генерал Шардон, командующий авангардом, которого очень любил император, ответил: "Я думаю, сир, что генерал Вандамм все еще спит; вчера вечером мы вместе выпили дюжину бутылок рейнского вина, и, несомненно" — "Ему очень полезно пить, сэр; но ему нехорошо спать, когда я его жду". Генерал Шардон приготовился послать адъютанта к своему товарищу по оружию; но император остановил его, сказав: "Пусть Вандамм спит; я поговорю с ним позже". В этот момент появился генерал Вандамм. "Ну, вот вы и здесь, сэр; вы, кажется, забыли приказ, который я отдал вчера". — "Сир, это случилось впервые, и" — "И чтобы избежать повторения этого, вы пойдете сражаться под знаменем короля Вюртембурга; я надеюсь, вы преподадите им уроки трезвости".

Генерал Вандамм не без большого огорчения отступил и направился в Вюртембургскую армию, где проявил чудеса доблести. После кампании он вернулся к императору, его грудь была увешана орденами, с письмом от короля Вюртембургского к его величеству, который, прочитав его, сказал Вандаму: "Генерал, никогда не забывайте, что если я восхищаюсь храбрецами, то не восхищаюсь теми, кто спит, пока я их жду". Он пожал генералу руку и пригласил его позавтракать в обществе генерала Шардона, который был так же рад возвращению благосклонности, как и его друг.

По пути в Аугсбург император, выехавший заранее, ехал так быстро, что его домочадцы не могли поспевать за ним; и поэтому он провел ночь без слуг и багажа в лучшем доме очень бедной деревни. Когда на следующий день мы добрались до его Величества, он встретил нас со смехом и пригрозил, что стража префекта заберет нас как отставших.

Из Аугсбурга император отправился в лагерь перед Ульмом и приготовился к осаде этого места.

Недалеко от города произошло ожесточенное и упорное сражение между французами и австрийцами, которое продолжалось два часа, когда внезапно послышались крики "Да здравствует Император!". Это имя, которое неизменно вселяло ужас в ряды противника и всегда придавало новых сил нашим солдатам, теперь наэлектризовало их до такой степени, что обратило австрийцев в бегство, в то время как император показался в первых рядах, крича "Вперед!" и подавая знаки солдатам наступать, лошадь его Величества время от времени исчезала в дыму пушечных залпов. Во время этой яростной атаки император оказался рядом с гренадером, который был тяжело ранен; и все же этот храбрый парень продолжал кричать вместе с другими: "Вперед! вперед!"

Император подошел к нему и накинул на него свой военный плащ, сказав: "Попробуй вернуть его мне, и я дам тебе взамен крест, который ты только что завоевал". Гренадер, зная, что он смертельно ранен, ответил, что саван, который он только что получил, стоит столько же, сколько и орден, и скончался, завернутый в императорскую мантию.

В конце битвы император приказал унести этого гренадера, который также был ветераном египетской армии, с поля боя и приказал похоронить его в плаще.

Другой солдат, не менее отважный, чем тот, о котором я только что говорил, также получил от его Величества знаки отличия. На следующий день после сражения под Ульмом император, осматривая санитарные машины, обратил внимание на артиллериста легкой артиллерии, который потерял ногу, но, несмотря на это, все еще кричал изо всех сил: "Да здравствует Император!" Он подошел к солдату и сказал ему: "Значит, это все, что вы можете мне сказать?" — "Нет, сир, я также могу сказать вам, что я, я один, разобрал четыре части австрийской пушки; и для меня удовольствие видеть, как они замолкают". Это заставляет меня забыть, что скоро мне придется навсегда закрыть глаза. Император, тронутый такой стойкостью, отдал канониру свой крест, записал имена его родителей и сказал ему: "Если ты поправишься, Отель инвалидов к твоим услугам". "Благодарю, сир, но потеря крови была слишком велика; моя пенсия не будет стоить вам очень дорого; я хорошо знаю, что скоро должен буду уйти со службы, но все равно да здравствует император!" К сожалению, этот храбрый человек слишком хорошо осознавал свое истинное состояние, поскольку не пережил ампутацию ноги.

Мы последовали за императором в Ульм после занятия этого места и увидели, как вражеская армия численностью более тридцати тысяч человек сложила оружие к ногам его Величества, как они осквернялись перед ним; и я никогда не видел более впечатляющего зрелища. Император сидел на коне в нескольких шагах перед своим штабом, на его лице было спокойное и серьезное выражение, несмотря на которое радость, наполнявшая его сердце, читалась в его взгляде.

Он поминутно приподнимал шляпу, отвечая на приветствия старших офицеров австрийских войск. Когда императорская гвардия вошла в Аугсбург, восемьдесят гренадеров маршировали во главе колонн, каждый нес знамя врага.

Император по прибытии в Мюнхен был встречен с величайшим уважением своим союзником, курфюрстом Баварским. Его величество несколько раз ходил в театр и на охоту, а также давал концерт для придворных дам. Как впоследствии было установлено, во время пребывания императора в Мюнхене император Александр и король Пруссии поклялись в Потсдаме, на могиле Фридриха Великого, объединить свои усилия против его Величества.

Год спустя Наполеон также посетил могилу великого Фридриха.

Взятие Ульма завершило завоевание австрийцев и открыло императору ворота Вены; но тем временем русские форсированными маршами продвигались на помощь своим союзникам; его Величество поспешил им навстречу, и 1 декабря две враждебные армии оказались лицом к лицу. По одному из тех счастливых совпадений, которые возможны только для императора, день битвы при Аустерлице был также годовщиной коронации.

Я не помню, почему при Аустерлице не было палатки для императора; но солдаты соорудили нечто вроде казармы из веток деревьев с отверстием наверху для выхода дыма. Его величество,

хотя у него была только солома для постели, был так измучен после дня, проведенного верхом на высотах Сантона, что накануне битвы крепко спал, когда вошел генерал Савари, один из его адъютантов, чтобы доложить о порученной ему миссии; и генералу пришлось дотронуться до его плеча и потрясти его, чтобы разбудить. Затем он встал и сел на коня, чтобы посетить свои передовые посты. Ночь была темная, но весь лагерь был освещен, словно по волшебству, потому что каждый солдат насадил пучок соломы на конец своего штыка, и все эти головешки разгорелись за меньшее время, чем требуется для описания. Император проехал вдоль всего строя, разговаривая с теми солдатами, которых он узнал. "Будьте завтра такими, какими вы были всегда, мои храбрые товарищи, - сказал он, - и русские будут нашими; они у нас!" Воздух огласился криками "Да здравствует Император", и не было ни офицера, ни солдата, которые не рассчитывали бы на победу на следующий день.

Его Величество, посетив линию фронта, где в течение сорока восьми часов не было провизии (в тот день на каждые восемь человек была роздана только одна буханка боевого хлеба), увидел, переходя от бивака к бивуаку, солдат, жаривших картофель в золе. Оказавшись перед Четвертым линейным полком, полковником которого был его брат, император спросил гренадера второго батальона, когда тот снял с огня и съел одну из картофелин отделения: "Вы довольны этими голубями?" — "Хм! По крайней мере, это лучше, чем ничего, хотя и очень похоже на постную пищу". — "Ну, старина, - ответил его Величество солдату, указывая на вражеские костры, - помоги мне выбить вон тех негодяев, и мы устроим Марди-Гра в Вене".

Император вернулся в свои покои, снова лег в постель и проспал до трех часов ночи, в то время как его свита собралась вокруг бивуачного костра возле казарм его Величества и спала на земле, завернувшись в свои плащи, поскольку ночь была очень холодной. В течение четырех дней я не смыкал глаз и уже засыпал, когда около трех часов император попросил у меня пунша. Я бы отдал всю Австрийскую империю за то, чтобы отдохнуть еще час; но, несмотря на это, я принес его Величеству пунш, который приготовил у костра на бивуаке, и император настоял, чтобы маршал Бертье тоже отведал его; остальное я разделил со слугами. Между четырьмя и пятью часами император отдал приказ о первых передвижениях своей армии, и через несколько мгновений все были пешими, и каждый на своем посту; адъютанты и ординарцы скакали галопом во всех направлениях, и сражение началось.

Я не буду вдаваться в подробности этого славного дня, который, по выражению самого императора, молнией положил конец кампании. Ни один из планов императора не был осуществлен, и через несколько часов французы стали хозяевами поля битвы и всей Германии.

Храбрый генерал Рапп был ранен при Аустерлице, как и во всех сражениях, в которых он принимал участие, и его перевезли в Аустерлицкий замок, где император посетил его вечером и вернулся, чтобы провести ночь в замке.

Два дня спустя император Франциск попросил аудиенции у его Величества, чтобы потребовать мира; и до конца декабря был заключен мирный договор, по которому курфюрст Баварский и герцог Вюртембургский, верные союзники императора Наполеона, были провозглашены королями. В обмен на это возвышение, автором которого был он один, его величество потребовал и добился для принца Евгения, вице-короля Италии, руки принцессы Августы Амелии Баварской.

Во время своего пребывания в Вене император основал свою штаб-квартиру в Шенбрунне, название которого прославилось многочисленными визитами его Величества туда, и сегодня, по странному совпадению, является резиденцией его сына. [Герцог де Рейхштадт, урожденный король Рима, умер в июле 1832 года, вскоре после того, как Константин написал.]

Я не уверен, была ли именно во время этого первого пребывания в Шенбрунне у его Величества та необычная встреча, о которой я сейчас расскажу. Его величество, в мундире полковника гвардейских егерей, каждый день выезжал верхом и однажды утром, находясь по дороге в Вену, увидел приближающегося священнослужителя в сопровождении горько плачущей женщины, которая его не узнала. Наполеон подошел к экипажу и спросил о причине ее горя, а также о цели и конце ее путешествия. "Сударь, - ответила она, - я живу в деревне в двух лье отсюда, в доме, который был разграблен солдатами, а мой садовник убит. Сейчас я направляюсь требовать гарантий от вашего императора, который хорошо знал мою семью и находится в большом долгу перед ними". — "Как вас зовут, мадам?" — "Де Банни. Я дочь господина де Марбефа, бывшего губернатора Корсики". — "Я очарован, мадам, - ответил Наполеон, - что нашел возможность услужить вам. Я император". Мадам де Банни от изумления потеряла дар речи, но Наполеон успокоил ее и, продолжая свой путь, попросил ее идти дальше и ждать его в штаб-квартире. По возвращении он принял ее и обошелся с ней с удивительной добротой, выделил ей эскорт из гвардейских егерей и отпустил счастливой и удовлетворенной.

Как только наступил день Аустерлица, император поспешил отправить курьера Усача во Францию, чтобы сообщить новость императрице, которая в то время находилась в замке Сен-Клу. Было девять часов вечера, когда внезапно послышались громкие крики радости и топот лошади во весь опор, сопровождаемый звоном колокольчиков и повторяющимися ударами кнута, возвещавшими о прибытии курьера. Императрица, с величайшим нетерпением ожидавшая известий из армии, бросилась к окну, поспешно распахнула его, и до ее ушей донеслись слова "победа" и "Аустерлиц". Горя желанием узнать подробности, она сбегала по ступенькам, сопровождаемая своими фрейлинами; и Усач в самой взволнованной манере рассказала чудесную новость и вручила письмо ее Величества императора, которое Жозефина прочла, а затем, сняв с пальца красивое бриллиантовое кольцо, передала его курьеру. Бедняга Усач проскакал в тот день галопом более пятидесяти лье и был так измучен, что его пришлось снять с лошади и уложить в постель, для чего потребовалось четыре человека. Его последняя лошадь, которую он, несомненно, пощадил меньше остальных, пала замертво во дворе замка.

ГЛАВА XXIX.

Император, покинув Штутгарт, остановился только на двадцать четыре часа в Карлсруэ и на сорок восемь часов в Страсбурге, а между этим местом и Парижем делал лишь короткие

остановки, не проявляя, однако, своей обычной спешки и не требуя от форейторов бешеной скорости, которую он обычно требовал.

Когда мы поднимались на холм Мо, и в то время как император был так поглощен чтением книги, что не обращал внимания на происходящее на дороге, молодая девушка бросилась к дверце кареты его Величества и вцепилась в нее, несмотря на попытки кавалеров из эскорта вытащить ее, по правде говоря, не очень энергичные. Наконец ей удалось открыть дверь, и она бросилась к ногам императора. Император, сильно удивленный, воскликнул: "Какого дьявола этому глупому созданию нужно от меня?" Затем, узнав молодую леди, более внимательно взглядевшись в ее черты, он добавил с явным гневом: "Ах, это опять ты? ты никогда не оставишь меня в покое?" Молодая девушка, ничуть не смутившись таким грубым приемом, сквозь рыдания сказала, что единственное одолжение, о котором она теперь пришла просить для своего отца, - это изменить условия содержания в тюрьме и перевести его из замка Иф, сырость которого подтачивала его здоровье, в Страсбургскую цитадель. "Нет, нет, - воскликнул император, - не рассчитывай на это. У меня есть много других дел, помимо приема твоих визитов. Если бы я удовлетворил твое требование, через восемь дней ты бы придумал что-нибудь еще, чего бы тебе хотелось". Бедная девушка настаивала с твердостью, достойной большего успеха; но император был непреклонен, и, достигнув вершины холма, он сказал ей: "Я надеюсь, теперь ты сойдешь и позволишь мне продолжить мое путешествие. Я чрезвычайно сожалею об этом, но то, что вы требуете от меня, невозможно". И с этими словами он отпустил ее, отказавшись больше слушать.

Пока это происходило, я поднимался на холм пешком, в нескольких шагах от кареты его Величества; и когда эта неприятная сцена закончилась, молодая леди, вынужденная уйти, так и не получив желаемого, прошла мимо меня, рыдая, и я узнал мадемуазель Лажоле, которую я уже видел при аналогичных обстоятельствах, но где ее мужественная преданность своим родителям имела больший успех.

Генерал Лайоле был арестован, как и вся его семья, 18 Фруктидора. После двадцати восьми месяцев заключения он предстал перед судом в Страсбурге на военном совете, созванном по приказу Первого консула, и был единогласно оправдан.

Позже, когда был раскрыт заговор генералов Пишегрю, Моро, Жоржа Кадудалья и господ де Полиньяка, де Ривьера и др., генерал Лайоле, который также был замешан в нем, был приговорен к смертной казни. Его дочь и жена были переведены полицией из Страсбурга в Париж, а мадам Лажоле была помещена в самую строгую изоляцию, в то время как ее дочь, теперь разлученная с ней, нашла убежище у друзей своей семьи. Именно тогда эта юная особа, которой едва исполнилось четырнадцать лет, проявила мужество и силу характера, необычные для ее возраста; и, узнав, что ее отец приговорен к смертной казни, она отправилась в путь в четыре часа утра, никому не сообщив о своем решении, одна, пешком, без провожатого, некому было ее представить, и в слезах явилась в замок Сен-Клу, где в то время находился император.

Ей удалось проникнуть в замок только после долгого сопротивления; но, не встретив никаких препятствий, она, наконец, предстала передо мной, сказав: "Месье, мне обещали, что вы немедленно отведете меня к императору" (я не знаю, кто сказал ей это). "Я прошу вас только об одной услуге; не отказывайте в ней, умоляю!" и, тронутый ее доверием и ее отчаянием, я пошел сообщить об этом ее Величеству императрице.

Она была глубоко тронута решимостью и слезами столь юной особы, но, тем не менее, не осмелилась сразу пообещать свою поддержку, опасаясь вызвать гнев императора, который был очень разгневан против тех, кто был замешан в этом заговоре, и приказала мне сказать юной дочери Лажоле, что она огорчена тем, что в данный момент ничего не может для нее сделать; но что она может вернуться в Сен-Клу на следующий день в пять часов утра, а тем временем они с королевой Гортензией посоветуются о наилучших средствах. о том, что он поставил ее на пути императора. Молодая девушка вернулась на следующий день в назначенный час; и ее Величество императрица разместила ее в зеленой гостиной, и там она прождала десять часов, когда император, выйдя из зала совета, пересечет эту комнату, чтобы войти в свой кабинет.

Императрица и ее августейшая дочь распорядились, чтобы ей подали завтрак, а затем ужин, и лично пришли просить ее немного поесть; но все их мольбы были напрасны, ибо у бедной девушки не было ни одной другой мысли, ни одного другого желания, кроме как спасти жизнь своему отцу. Наконец, в пять часов пополудни появился император; и, сделав знак мадемуазель Лажоле, которым она могла обозначить императора, окруженного несколькими государственными советниками и придворными, она бросилась к нему; и последовала трогательная сцена, которая длилась долго. Молодая девушка, пав ниц к ногам императора, сложив руки, умоляла его в самых трогательных выражениях даровать прощение ее отцу. Император сначала оттолкнул ее и сказал очень суровым тоном: "Твой отец - предатель; это второй раз, когда он совершил преступление против государства; я ничего не могу тебе дать". Мадемуазель Лажоле ответила на эту вспышку гнева императора: "В первый раз моего отца судили и признали невиновным; на этот раз я молю его о помиловании!" Наконец император, покоренный таким мужеством и преданностью и, кроме того, немного утомленный свиданием, которое, без сомнения, продлилось бы бесконечно при настойчивости молодой девушки, уступил ее мольбам, и жизнь генерала Лажоле была спасена.

[Хорошо известно, что приговор генералу Лайоле был заменен на четыре года заключения в государственной тюрьме, что его имущество было конфисковано и продано, и что он умер в замке Иф намного раньше срока, установленного для истечения срока его заключения. — Примечание КОНСТАНТА.]

Измученная усталостью и голодом, дочь упала без сознания к ногам императора; он сам поднял ее, оказал ей всяческое внимание и, представив лицам, ставшим свидетелями этой сцены, безмерно похвалил ее сыновнюю почтительность.

Его величество немедленно отдал приказ доставить ее в Париж, и несколько высших офицеров поспорили друг с другом об удовольствии сопровождать ее. Эта обязанность была возложена на генералов Вольфа, адъютантов принца Луи, и Лавалетт, которые проводили ее в консьержери, где содержался ее отец. Войдя в его камеру, она бросилась ему на шею и попыталась рассказать о помиловании, которое только что получила; но, охваченная столькими эмоциями, она не могла вымолвить ни слова, и это был генерал Лавалетт

[Мари Шаманс, граф де Лавалетт, родилась в Париже в 1769 году. Поступил в армию в 1792 году, получил звание капитана при Арколе в 1796 году и служил в египетской кампании. Женится на Эмили де Богарне, племяннице Жозефины. Генеральный почтмейстер, 1800-1814. Приговоренный к смертной казни во время Ста дней, он сбежал из тюрьмы в платье своей жены. Его жену судили, но она сошла с ума от волнения. Он был помилован в 1822 году и умер в 1830 году, оставив два тома мемуаров.]

который объявил заключенному, чем он обязан храброй настойчивости своей дочери. На следующий день она добилась, благодаря благосклонности императрицы Жозефины, освобождения своей матери, которую должны были перевезти.

Сохранив жизнь своему отцу и свободу своей матери, как я только что рассказал, она еще больше приложила усилия, чтобы спасти их товарищей по несчастью, приговоренных к смертной казни, и с этой целью присоединилась к дамам Бретани, которых успех ее прежних ходатайств побудил искать ее содействия, и отправилась с ними в Мальмезон просить о дополнительном помиловании.

Этим дамам удалось добиться отсрочки казни осужденного на два часа в надежде, что императрица Жозефина сумеет повлиять на императора; но он оставался непреклонным, и их великодушная попытка не увенчалась успехом, после чего мадемуазель Ладжолле вернулась в Париж, сильно опечаленная тем, что ей не удалось вырвать еще нескольких несчастных из-под строгости закона.

Я уже сказал две вещи, которые вынужден здесь повторить: первая заключается в том, что, не чувствуя себя обязанным излагать события в их хронологическом порядке, я буду излагать их так, как они представляются в моей памяти; вторая заключается в том, что я считаю своим долгом перед императором рассказывать о каждом событии, которое может помочь лучше узнать его истинный характер и которое было опущено, невольно или намеренно, теми, кто написал его жизнь. Меня мало волнует, если меня обвинят в монотонности по этому предмету или в том, что я написал всего лишь панегирик; но, если бы это было сделано, я бы ответил: тем хуже для того, кто устает от перечисления добрых дел! Я взял на себя обязательство рассказывать правду об императоре, хорошую она или плохую; и каждому читателю, который ожидает найти в моих воспоминаниях об Императоре только зло, так же как и тому, кто ожидает найти только хорошее, будет разумно не заходить дальше, ибо я твердо решил рассказать все, что знаю; и не моя вина, если добрые поступки, совершенные Императором, столь многочисленны, что мои рассказы часто переходят в восхваления.

Я подумал, что лучше всего сделать эти короткие замечания, прежде чем рассказать о другом помиловании, дарованном его Величеством во время коронации, и о котором мне напомнила история мадемуазель Ладжолле.

В день последнего вручения ордена Почетного легиона в церкви инвалидов, когда император собирался удалиться по завершении этой впечатляющей церемонии, очень молодой человек бросился на колени на ступенях трона, выкрикивая: "Простите, простите моего отца". Его Величество, тронутый его интересным выражением лица и глубоким волнением, подошел к нему и попытался поднять его; но молодой человек по-прежнему сохранял свою умоляющую позу, повторяя свое требование трогательным тоном. "Как зовут твоего отца?" потребовал император. - Сир, - ответил молодой человек, едва слышно произнося слова, - это хорошо известно, и враги моего отца слишком часто клеветали на него перед вашим величеством; но я клянусь, что он невиновен. Я сын Хьюза Дестрема". — "Ваш отец, сэр, серьезно скомпрометирован своей связью с неисправимыми революционерами; но я рассмотрю ваше заявление. Месье Дестрем счастлив, что у него такой преданный сын. Император добавил несколько утешительных слов, и молодой человек удалился с уверенностью, что его отец будет помилован; но, к сожалению, это помилование, дарованное императором, пришло слишком поздно, и Хьюз Дестрем, которого перевезли на остров Олерон после попытки 3-го Нивоза

[История с адской машиной на улице Сент-Никез], в которой он не принимал участия, умер в изгнании, даже не узнав, что просьбы его сына увенчались таким полным успехом.

Когда мы вернулись из славной кампании при Аустерлице, коммуна Сен-Клу, столь облюбованная пребыванием при дворе, решила, что по этому случаю она отличится и воспользуется случаем проявить свою большую привязанность к императору.

Мэром Сен-Клу был месье Барр, хорошо информированный человек с очень добрым сердцем. Наполеон высоко ценил его и получал большое удовольствие от его беседы, и подчиненные искренне сожалели о нем, когда смерть лишила его власти.

Месье Барре соорудил триумфальную арку простого, но благородного дизайна, выполненную в превосходном вкусе, у подножия аллеи, ведущей ко дворцу, которая была украшена следующей надписью:

"ЕЕ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ГОСУДАРЫНЕ, САМОЙ УДАЧЛИВОЙ ИЗ КОММУН".

Вечером, в который ожидали императора, мэр и его сподвижники, вооруженные необходимой речью, провели часть ночи у подножия памятника. Месье Барре, который был стар и немощен, затем удалился, поставив часовым одного из своих сподвижников, в обязанность которого входило сообщать ему о прибытии первого курьера; а у входа в триумфальную арку была приставлена лестница, чтобы никто не мог пройти под ней раньше его Величества. К несчастью, муниципальный аргус лег спать, а император прибыл рано утром и прошел мимо триумфальной арки, немало позабавленный препятствием, которое помешало ему насладиться выдающимися почестями, уготованными ему добрыми жителями Сен-Клу.

На следующий день после этого события во дворце был распространен небольшой рисунок, изображающий власти, спящие возле памятника, при этом видное место было отведено лестнице, загораживающей проход, а под ней было написано arch barre, намекающее на имя мэра. Что же касается надписи, то они исказили ее следующим образом:

"СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ПРАВИТЕЛЬНИЦЕ, САМОЙ СОННОЙ ИЗ КОММУН".

Их Величества были очень удивлены этим эпизодом.

Пока двор находился в Сен-Клу, император, который однажды допоздна проработал с месье де Талейраном, пригласил последнего переночевать в замке; но принц, который предпочел вернуться в Париж, отказался, сославшись на то, что от постелей исходил очень неприятный запах. В этом утверждении не было ни капли правды, ибо, как можно полагать, о мебели заботились с величайшей тщательностью даже в кладовых различных императорских дворцов; и причина, названная г-ном де Талейраном, была приведена наугад, с таким же успехом он мог бы назвать любую другую; но, тем не менее, это замечание привлекло внимание императора, и в тот вечер, войдя в свою спальню, он пожаловался, что от его постели исходит неприятный запах. Я заверил его в обратном и сказал его Величеству, что на следующий день он убедится в своей ошибке; но, отнюдь не будучи убежденным, император, проснувшись на следующее утро, повторил утверждение, что от его постели исходит очень неприятный запах и что это абсолютно необходимо изменить. Немедленно был вызван месье Шарве, дворцовый консьерж; его Величество пожаловался на свою постель и приказал принести другую.

Был также вызван мсье Десмазис, смотритель мебельной комнаты, который осмотрел матрасы, перины и покрывала, перевернул и вернул их на место во всех направлениях; другие лица сделали то же самое, и каждый убедился, что от кровати его Величества не пахнет. Несмотря на стольких свидетелей обратного, император не потому, что считал делом чести не допустить, чтобы то, что он утверждал, оказалось ложью, а просто из прихоти, которой он был очень подвержен, настаивал на своей первоначальной идее и потребовал сменить ему постель. Видя, что необходимо повиноваться, я отослал эту кровать в Тюильри, а ту, что была там, перевез в замок Сен-Клу. Император был теперь доволен и, вернувшись в Тюильри, не заметил подмены и счел, что его постель в этом замке очень хороша; и самым забавным во всем было то, что придворные дамы, узнав, что император жаловался на свою постель, все обнаружили невыносимый запах в своей и настаивали на том, что все должно быть отремонтировано, что вызвало небольшую революцию. Капризы монархов иногда принимают характер эпидемии.

ГЛАВА XXX.

Его величество имел обыкновение говорить, что всегда можно определить благородного человека по его поведению по отношению к жене, детям и слугам; и я надеюсь, из этих мемуаров станет ясно, что император вел себя как благородный человек, согласно его собственному определению. Более того, он сказал, что безнравственность - самый опасный порок государя из-за дурного примера, который она подает его подданным. Под безнравственностью он подразумевал, несомненно, скандальную огласку, придаваемую связям, которые в противном случае могли бы остаться тайной; ибо, что касается самих этих связей, он противостоял женщинам не больше, чем любой другой мужчина, когда они бросались ему на шею. Возможно, другой человек, окруженный всевозможными соблазнами, нападками и заигрываниями, сопротивлялся бы этим искушениям еще меньше. Тем не менее, с Божьей помощью, я не собираюсь защищать его Величество в этом отношении. Я даже признаю, если хотите, что его поведение не являло собой пример, полностью соответствующий морали его речей; но следует признать также, что к чести монарха было в какой-то степени то, что он с величайшей тщательностью скрывал свои слабости от общественности, чтобы они не стали предметом скандала или, что еще хуже, подражания; и от своей жены, для которой это стало бы источником глубочайшего горя.

Касаясь этой деликатной темы, я вспоминаю два или три случая, имевших место, как мне кажется, примерно в тот период, к которому относится мое повествование.

Императрица Жозефина была ревнива и, несмотря на осторожность, которую император проявлял в своих тайных связях, не могла оставаться в полном неведении о происходящем.

Император был знаком в Генуе с мадам Газани, дочерью итальянской танцовщицы, которую он продолжал принимать в Париже; и однажды, назначив ей встречу в своих личных апартаментах,

приказал мне оставаться в его комнате и отвечать тому, кто спросит о нем, даже если это будет сама ее Величество Императрица, что он занят в своем кабинете с министром.

Местом собеседования были апартаменты, которые ранее занимал Бурьен, и лестница, ведущая в спальню его величества, вела к нему. Эта комната была обставлена и украшена очень просто и имела второй выход на лестницу, называемую черной лестницей, потому что она была темной и плохо освещенной, и именно через нее вошла мадам Газани, в то время как император вошел через другую дверь. Они пробыли вместе всего несколько минут, когда императрица вошла в комнату императора и спросила меня, что делает ее муж. "Мадам, император сейчас очень занят; он работает в своем кабинете с министром". — "Констант, я хочу войти". — "Это невозможно, мадам. Я получил официальный приказ не беспокоить его Величество, даже ради ее Величества Императрицы"; после чего она ушла недовольная и несколько раздраженная, а через полчаса вернулась; и, повторив свое требование, я был вынужден повторить свой ответ, и, хотя я был очень огорчен, став свидетелем огорчения ее Величества Императрицы, я не мог ослушаться моего приказа. В тот вечер, уходя на покой, император сказал мне очень суровым тоном, что императрица сообщила ему, что узнала от меня, что в то время, когда она пришла расспросить меня о нем, он был наедине с дамой. Нисколько не обеспокоенный, я ответил императору, что, конечно, он не может в это поверить. "Нет, - ответил император, возвращаясь к дружескому тону, которым он обычно удостаивал меня, - я знаю вас достаточно хорошо, чтобы быть уверенным в вашем благоразумии; но горе тем идиотам, которые сплетничают, если я смогу их заполучить". На следующую ночь императрица вошла, когда император отходил ко сну, и его Величество сказал ей в моем присутствии: "Очень нехорошо обвинять во лжи бедного месье Константа; он не тот человек, чтобы выдумывать такую историю, какую вы мне рассказали". Императрица, сидевшая на краю кровати, рассмеялась и закрыла своей хорошенькой ручкой рот мужа; и так как это касалось меня, я удалилась. В течение нескольких дней императрица была холодна и отчужденна со мной; но, поскольку это было чуждо ее натуре, она вскоре вернулась к милостивым манерам, которые привязывали к ней все сердца.

Связь императора с мадам Газани длилась почти год, но встречались они лишь с большими перерывами.

Следующий пример ревности не такой личный для меня, как тот, о котором я только что рассказал.

Мадам де Ремюза, [Автор известных мемуаров. Родилась в Париже в 1780 году, умерла в 1821 году. Ее муж был первым камергером императора.] Жена одного из дворцовых префектов и одна из фрейлин, к которым императрица была больше всего привязана, нашла ее однажды вечером в слезах и отчаянии и молча ждала, пока ее Величество снизойдет до того, чтобы сообщить ей причину этого глубокого беспокойства. Однако ей не пришлось долго ждать, потому что едва она вошла в покои, как ее Величество воскликнула: "Я уверена, что он сейчас с какой-нибудь женщиной. Мой дорогой друг, - добавила она, продолжая плакать, - возьми эту свечу и пойдем послушаем у его двери. Мы многое услышим. Мадам де Ремюза сделала все, что было в ее силах, чтобы отговорить ее от этого проекта, напомнив ей о позднем часе, темноте коридора и опасности быть застигнутыми врасплох; но все было напрасно, ее величество вложила ей в руку свечу, сказав: "Совершенно необходимо, чтобы вы пошли со мной, но, если вы боитесь, я пойду впереди". Мадам де Ремюза повиновалась; и вот две дамы на цыпочках идут по коридору при свете единственной свечи, мерцающей в воздухе. Дойдя до двери в приемную императора, они

остановились, едва осмеливаясь дышать, и императрица тихонько повернула ручку; но как только она ступила в покои, Рустан, который спал там и тогда крепко спал, громко и продолжительно захрапел. Эти дамы, очевидно, не помнили, что найдут его там; и мадам де Ремюза, вообразив, что она уже видела, как он вскакивает с постели с саблей и пистолетом в руке, повернулась и побежала так быстро, как только могла, все еще держа свечу в руке, оставив императрицу в полной темноте, и не останавливалась перевести дух, пока не добралась до спальни императрицы, когда вспомнила, что последнюю оставили в коридоре без света. Г-жа де Ремюза пошла ей навстречу и увидела, что она возвращается, держась за бока от смеха и забыв о своем огорчении из-за веселья, вызванного этим приключением. Г-жа де Ремюза попыталась оправдаться. "Мой дорогой друг, - сказала ее величество, - ты просто опередил меня, потому что этот упрямый Рустан напугал меня так, что я побежала бы первой, если бы ты не был большим трусом, чем я".

Я не знаю, что обнаружили бы эти дамы, если бы мужество не изменило им до того, как они достигли конца своей экспедиции, но, вероятно, совсем ничего, поскольку император редко принимал в Тюильри кого-либо, к кому у него возникало временное пристрастие. Я уже упоминал, что при консульстве он проводил свои встречи в маленьком доме на аллее Вдов; а после того, как он стал императором, такие встречи все еще происходили за пределами замка; и на эти свидания он отправлялся инкогнито по ночам, подвергая себя всем рискам, которые выпадают на долю человека в подобных авантюрах.

Однажды вечером, между одиннадцатью часами и полуночью, император позвал меня, попросил черный сюртук и круглую шляпу и приказал мне следовать за ним; и в сопровождении принца Мюрата в качестве третьей стороны мы сели в тесный экипаж с Цезарем в качестве кучера и всего одним лакеем, оба без ливрей. После короткой поездки император остановился на улице ..., вышел, прошел еще несколько шагов и вошел в дом один, в то время как принц и я остались в карете. Прошло несколько часов, и мы начали беспокоиться, ибо жизнь императора так часто подвергалась угрозе, что было вполне естественно опасаться какой-нибудь ловушки или неожиданности, а воображение берет верх, когда его обуревают такие страхи. Принц Мюрат ругался и проклинал изо всех сил, то неосторожность его Величества, то его галантность, то даму и ее покладистость. Я был удовлетворен не больше, чем он, но, будучи более спокойным, попытался успокоить его; и, наконец, не в силах больше сдерживать свое нетерпение, принц выскочил из кареты, и я последовал за ним; но как только его рука легла на дверной молоток, вышел император. Было уже совсем светло, и принц сообщил ему о нашем беспокойстве и о наших размышлениях по поводу его опрометчивости. "Что за ребячество!" - сказал его величество. "Чего тут бояться? Где бы я ни был, разве я не в своем собственном доме?"

Именно в качестве добровольцев все придворные упоминали императору о любых молодых и хорошеньких особах, желавших познакомиться с ним, поскольку давать подобные поручения было не в его характере. Я не был настолько придворным, чтобы считать подобную работу почетной, и никогда добровольно не принимал участия ни в каких делах подобного рода.

Однако это произошло не из-за того, что некоторые дамы, претендовавшие на титул фавориток, косвенно озвучили или даже открыто потребовали его, хотя этот титул дал бы императору очень мало прав и привилегий; но я никогда бы не стал заключать подобные сделки, ограничиваясь обязанностями, которые налагало на меня мое положение, и не выходя за их рамки; и, хотя его

Величеству доставляло удовольствие возрождать обычаи старой монархии, тайные обязанности первого камердинера не были восстановлены, и я позаботился о том, чтобы не претендовать на них.

Многие другие (не камердинеры) были менее щепетильны, чем я. Генерал Л. однажды заговорил с императором об очень хорошенькой девушке, мать которой содержала игорный дом и которая желала быть представленной ему; но император принял ее только один раз, и через несколько дней она вышла замуж. Некоторое время спустя его величество пожелал увидеть ее снова и спросил о ней; но молодая женщина ответила, что она больше не принадлежит себе, и отказалась от всех сделанных ей приглашений и предложений. Император, казалось, нисколько не был недоволен, напротив, он похвалил мадам Д. за ее верность долгу и высоко оценил ее поведение.

В 1804 году в доме ее императорского высочества принцессы Мюрат жила молодая читательница по имени мадемуазель Э., семнадцати-восемнадцати лет, высокая, стройная, хорошо сложенная брюнетка с красивыми черными глазами, живая и очень кокетливая. Некоторые лица, считавшие, что в их интересах посеять разногласия между его Величеством и императрицей, его супругой, с удовольствием заметили склонность этой юной читательницы испытать силу своих взглядов на императоре и его стремление подбодрить ее; поэтому они ловко подлили масла в огонь, и один из них взял на себя всю дипломатичность этого дела. Предложения, сделанные через третье лицо, были немедленно приняты, и прекрасная Е. приходила в замок тайно, но редко и оставалась там всего два или три часа. Когда она стала королевой, император снял для нее дом на улице Шантерен, где она родила прекрасного мальчика, которому при рождении был назначен доход в тридцать тысяч франков. Сначала он был доверен заботам мадам И., кормилицы принца Ахилла Мюрата, которая содержала его три или четыре года, а затем месье де Меневалю, секретарю его Величества, было приказано обеспечить образование этого ребенка; и когда император вернулся с острова Эльба, сын мадемуазель И. был передан на попечение ее Величества императрицы-матери. Связь императора с мадемуазель Э. длилась недолго. Однажды она приехала со своей матерью в Фонтенбло, где в то время находился двор, поднялась в апартаменты его Величества и попросила меня доложить о ней; и император, будучи крайне недоволен этим шагом, велел мне сказать мадемуазель Э., что он запрещает ей снова появляться перед ним без его разрешения и ни минуты больше не оставаться в Фонтенбло. Несмотря на эту суровость к матери, император нежно любил сына; и я часто приводил его к нему, и в этих случаях он ласкал ребенка, угощал его множеством лакомств и был немало удивлен его живостью и остротами, свидетельствовавшими о замечательном уме для его возраста.

Этот ребенок и ребенок польской красавицы, о которых я расскажу позже,

[Этот сын графини Валевской стал графом Валевским, ведущим государственным деятелем Второй империи, послом в Лондоне в 1852 году, министром иностранных дел в 1855 году, государственным министром в 1860 году, президентом Законодательного корпуса в 1865 году. Родился в 1810 году, умер в 1868 году. — пер.]

и король Рима были единственными детьми императора. У него никогда не было дочери, и я полагаю, что он не желал ни одной.

Я видел, не знаю где, рассказ о том, что император во время нашего длительного пребывания в Булони возмещал себе ночью дневные труды с прекрасной итальянкой, и теперь я расскажу все, что мне известно об этом приключении. Его величество пожаловался однажды утром, когда яодевал его в присутствии принца Мюрата, что он не видит никого, кроме лиц с усами, что, по его словам, очень утомительно; и принц, всегда готовый в подобных случаях предложить свои услуги своему шурина, рассказал ему о красивой и привлекательной генуэзской даме, которая очень хотела видеть его Величество. Император со смехом согласился на встречу тет-а-тет, принц сам предложил передать послание; и два дня спустя, благодаря его любезной помощи, леди прибыла и была водворена в верхнем городе. Император, проживавший в Пон-де-Брик, однажды вечером приказал мне взять экипаж и разыскать этого протеже принца Мюрата. Я повиновался и привел прекрасную генуэзку, которую, во избежание скандала, хотя ночь была темная, провели через маленький садик позади апартаментов его Величества. Бедная женщина была очень взволнована и пролила слезы, но быстро взяла себя в руки, обнаружив, что ее любезно приняли, и беседа затянулась до трех часов ночи, когда меня позвали отнести ее обратно. Впоследствии она возвращалась четыре или пять раз, а потом была с императором в Рамбуйе. Она была нежной, простой, доверчивой и совсем не интригующей и не пыталась извлечь какую-либо выгоду из связи, которая в лучшем случае была лишь временной.

Другой из этих тогдашних фавориток, которые, так сказать, бросились в объятия императора, не дав ему времени поухаживать за ними, была мадемуазель Л. Б., очень хорошенькая девушка. Она была умна и обладала добрым сердцем, и, получи она менее легкомысленное образование, несомненно, стала бы достойной женщиной; но у меня есть основания полагать, что ее мать с самого начала намеревалась приобрести покровителя для своего второго мужа, используя молодость и привлекательность дочери своего первого. Я сейчас не помню ее имени, но она происходила из знатной семьи, чем мать и дочь очень гордились, а молодая девушка была хорошей музыкантшей и приятно пела; но, что показалось мне столь же смешным, сколь и неприличным, она танцевала балет перед большой труппой в доме своей матери в костюме, почти таком же легком, как в опере, с кастаньетами или тамбуринами, и завершила свой танец множеством поз и граций. С таким образованием она, естественно, не считала свое положение чем-то необычным и была очень огорчена короткой продолжительностью своей связи с императором; в то время как мать была в отчаянии и сказала мне с отвратительной простотой: "Посмотри на мою бедную Лизу, как она испортила цвет лица, видя, что ею пренебрегают, бедное дитя. Каким хорошим ты будешь, если сумеешь распорядиться, чтобы за ней послали. Чтобы добиться свидания, которого мать и дочь так жаждали, они вместе пришли в часовню Сен-Клу, и во время мессы бедняжка Лиза бросала на императора взгляды, которые заставляли краснеть молодых леди, которые были их свидетелями, и, тем не менее, все было напрасно, поскольку император оставался невозмутимым.

Полковник Л. Б. был адъютантом генерала Л., губернатора Сен-Клу; генерал был вдовцом, и только эти факты служат оправданием близости его единственной дочери с семьей Л. Б., что меня очень удивило. Однажды, когда я обедал в доме полковника с его женой, падчерицей и мадемуазель Л., генерал послал за своими адъютантами, и я остался один с дамами, которые так настойчиво умоляли меня сопровождать их в поездке к мадемуазель ле Норман, что отказываться было бы невежливо, поэтому мы заказали экипаж и отправились на улицу Турнон. Мадемуазель Л. Б. первой вошла в пещеру Сивиллы, где пробыла долгое время, но по возвращении была очень сдержанна в отношении любых сообщений, сделанных ей, хотя мадемуазель Л. очень откровенно сообщила нам, что у нее хорошие новости и она скоро выйдет

замуж за человека, которого любит, что вскоре и произошло. Эти дамы убедили меня, в свою очередь, посоветоваться с пророчицей, и я ясно понял, что меня узнали, ибо мадемуазель де Нормансразу же узнала по моим почеркам, что я имел счастье находиться рядом с великим человеком и быть им высоко оцененным, добавив еще много другой чепухи в том же роде, которая была настолько утомительной, что я поблагодарил ее и как можно быстрее распрощался.

ГЛАВА XXXI.

Пока император раздавал короны своим братьям и сестрам - принцу Людовику, трону Голландии; Неаполю - принцу Иосифу; герцогству Берг - принцу Мюрату; принцессе Элизе - Лукке и Массе-Карраре; и Гвасталле - принцессе Полине Боргезе; и пока посредством договоров и семейных союзов он еще больше обеспечивал сотрудничество различных государств, вошедших в Рейнскую конфедерацию, — между Францией и Пруссией возобновилась война. В мою компетенцию не входит ни расследовать причины этой войны, ни решать, что первым послужило поводом для правонарушения.

Все, что я могу подтвердить, это то, что часто в Тюильри и во время кампании я слышал, как император в беседах со своими близкими друзьями обвинял старого герцога Брауншвейгского, чье имя было столь одиозно во Франции с 1792 года, а также молодую и красивую королеву Пруссии в том, что они повлияли на короля Фредерика Вильгельма, заставив его разорвать мирный договор. Королева, по словам императора, была более расположена к войне, чем сам генерал Блюхер. Она носила форму полка, которому дала свое имя, появлялась на всех смотрах и командовала маневрами.

Мы уехали из Парижа в конце сентября. Я не буду вдаваться в подробности этой замечательной кампании, в ходе которой император за невероятно короткое время разгромил вдребезги армию из ста пятидесяти тысяч человек, безукоризненно дисциплинированную, полную энтузиазма и мужества, сражающуюся в защиту своей страны. В одном из первых сражений молодой принц Людовик Прусский, брат короля, был убит во главе своих войск Гинде, квартирмейстером Десятого гусарского полка. Принц сражался врукопашную с этим храбрым младшим офицером, который сказал ему: "Сдавайся, полковник, или ты покойник", на что принц Людовик ответил только ударом сабли, после чего Гинде вонзил свою в тело своего противника, и тот упал замертво на месте.

Во время этой кампании, когда дороги стали очень неровными из-за постоянного проезда артиллерии, моя карета однажды опрокинулась, и одна из шляп императора выпала из дверцы; но полк, случайно проезжавший по той же дороге, узнал шляпу по ее необычной форме, и моя карета была немедленно восстановлена, "Потому что, - сказали эти храбрые солдаты, - мы не

можем оставить первого камердинера маленького капрала в беде"; и шляпа, побывав во многих руках, была наконец возвращена мне перед моим отъездом.

По прибытии императора на Веймарское плато он выстроил свою армию в боевой порядок и расположился бивуаком посреди своей гвардии. Около двух часов ночи он встал и пошел пешком, чтобы осмотреть работы на дороге, которую вырубали в скале для перевозки артиллерии, и, пробыв почти час с рабочими, решил взглянуть на ближайшие передовые посты, прежде чем вернуться на свой бивуак.

Этот обход, который император настоял совершить в одиночку, без сопровождения, едва не стоил ему жизни. Ночь была такой темной, что часовые лагеря не могли видеть в десяти шагах перед собой; и первый, услышав, что кто-то приближается в темноте к нашей шеренге, крикнул "Qui vive?" и приготовился стрелять. Император, погруженный в свои мысли, как он сам рассказывал мне впоследствии, не заметил вызова часового и не отвечал до тех пор, пока пуля, просвистевшая у его ушей, не вывела его из задумчивости, когда, сразу почувствовав опасность, он бросился лицом вниз на землю, что было очень мудрой предосторожностью; ибо едва его Величество занял это положение, как другие пули пролетели над его головой, и выстрел первого часового был повторен всей шеренгой. Когда первый пожар закончился, император встал, подошел к ближайшему столбу и представился.

Его величество все еще был там, когда солдат, стрелявший в него, присоединился к ним, только что сменившись на своем посту; это был молодой линейный гренадер. Император приказал ему подойти и, сильно ущипнув его за щеки, воскликнул: "Что, негодяй, ты принял меня за пруссака! Этот негодяй не разбрасывает свой порох по воробьям; он стреляет только в императоров". Бедный солдат был совершенно подавлен мыслью, что он мог убить маленького капрала, которого он обожал так же сильно, как и остальную армию; и ему было очень трудно сказать: "Простите, сир, но я выполнял приказ; и если вы не ответили, это была не моя вина. Я был вынужден получить подпись, а вы ее не дали." Император успокоил его улыбкой и сказал, покидая пост: "Мой храбрый мальчик, я не упрекаю тебя. Это было довольно метко для выстрела в темноте, но через некоторое время станет светло; прицеливайся получше, и я тебя запомню".

Результаты битвы при Йене, произошедшей 14 октября (1806 г.), хорошо известны. Почти все прусские генералы, по крайней мере самые храбрые среди них, были там взяты в плен или оказались неспособными продолжать кампанию.

Король и королева обратились в бегство и не останавливались, пока не достигли Кенигсберга.

За несколько мгновений до атаки королева Пруссии верхом на благородном, грациозном скакуне появилась среди солдат; и, сопровождаемая элитой берлинской молодежи, эта королевская амазонка проскакала галопом в первых рядах боевой линии. Многочисленные знамена, которые она собственноручно вышла для ободрения своих войск, а также знамена великого Фридриха, почерневшие от дыма многих сражений, были приспущены при ее приближении под восторженные крики, пронесшиеся по всем рядам прусской армии. Атмосфера была настолько ясной, а две армии находились так близко друг от друга, что французы могли легко различить костюм королевы.

Этот эффектный костюм был, по сути, одной из главных причин опасности, с которой она столкнулась во время своего бегства. Ее голову покрывал шлем из полированной стали, над которым развевался великолепный плюмаж, ее кираса сверкала золотом и серебром, а туника

из серебристой ткани дополняла ее костюм и ниспадала до ног, обутых в красные сапоги с золотыми шпорами. Это платье подчеркивало очарование прекрасной королевы.

Когда прусская армия была обращена в бегство, королева осталась наедине с тремя или четырьмя молодыми людьми из Берлина, которые защищали ее до тех пор, пока два гусара, покрывшие себя славой во время битвы, галопом не бросились с обнаженными саблями на эту маленькую группу, и они были мгновенно рассеяны. Испуганный этим внезапным нападением, конь, на котором ехала ее величество, бежал изо всех сил; и хорошо, что беглая королева была быстра, как олень, иначе два гусара безошибочно взяли бы ее в плен, ибо не раз они прижимались так близко, что она слышала их грубые речи и грубые шутки, которые были такого характера, что шокировали ее слух.

Преследуемая таким образом королева приблизилась к воротам Веймара, когда было замечено, что сильный отряд драгун Клейна приближается на полной скорости, командир имел приказ схватить королеву любой ценой; но в тот момент, когда она вошла в город, ворота захлопнулись за ней, и гусары и драгунский отряд разочарованными вернулись на поле боя.

Подробности этого странного преследования вскоре достигли ушей императора, и он вызвал гусар к себе и в резких выражениях выразил свое неодобрение неподобающим шуткам, которые они осмеливались отпускать в адрес королевы; в то время, когда ее несчастья должны были усилить уважение, подобающее как ее званию, так и ее полу, император затем исполнил долг наградить этих двух храбрых парней за то, как они держались на поле битвы. Зная, что они проявили чудеса доблести, его величество наградил их крестом и приказал выдать каждому по триста франков в качестве вознаграждения.

Император проявил свое милосердие к герцогу Веймарскому, командовавшему прусской дивизией. На следующий день после битвы при Йене его величество, добравшись до Веймара, остановился во дворце герцогов, где был принят герцогиней-регентшей, которой он сказал: "Мадам, я кое-чем обязан вам за то, что вы дождались меня; и в знак признательности за доверие, которое вы проявили ко мне, я прощаю вашего мужа".

Пока мы были в армии, я спал в палатке императора либо на маленьком коврике, либо на медвежьей шкуре, которую он использовал в своей повозке; а когда случалось, что я не мог воспользоваться этими предметами, я пытался раздобыть соломенную подстилку и вспоминал, как однажды вечером оказал большую услугу неаполитанскому королю, разделив с ним охапку соломы, которая должна была служить мне постелью.

Здесь я привожу несколько деталей, из которых читатель может составить представление о том, как я проводил ночи в походе.

Император спал на своей маленькой железной кровати, а я спал там, где мог. Едва я заснул, как император позвал меня: "Констан". — "Сир". — "Посмотрите, кто на посту" (это были адъютанты, к которым он обращался). — "Сир, это М...." — "Скажите ему, чтобы пришел ко мне". Затем я вышел из палатки, чтобы позвать офицера, и привел его обратно с собой. При его появлении император сказал ему: "Явитесь в такой-то корпус, которым командует такой-то маршал; вы попросите его направить такой-то полк на такую-то позицию; вы выясните положение противника, затем вернетесь с докладом". Адъютант уехал верхом выполнять эти приказания, я снова лег, и император, казалось, собирался заснуть; но через несколько минут я услышал, как он снова позвал: "Констан". — "Сир". — "Вызовите принца деНевшателя". Я послал за принцем,

который немедленно явился; и во время разговора я должен был оставаться у входа в палатку, пока принц не напишет несколько распоряжений и не удалится. Эти перерывы происходили много раз в течение ночи, и, наконец, к утру его Величество заснул, когда у меня тоже было несколько минут отдыха.

Когда прибыли адъютанты с какими-либо новостями для императора, я разбудил его, легонько встряхнув.

"Что случилось?" - спросил его величество, внезапно просыпаясь. "Который час? Позвольте ему войти". Адъютант делал свой доклад, и, если это было необходимо, его величество немедленно вставал и выходил из палатки, причем его туалет никогда не занимал много времени. Обдумывая сражение, император внимательно оглядывал небо и горизонт и часто замечал: "У нас будет прекрасный день".

Завтрак был приготовлен и подан за пять минут, а по истечении четверти часа скатерть была снята. Принц де Невшатель каждый день завтракал и обедал с его величеством, и через восемьдесят минут самая долгая трапеза была закончена. "По коням", - воскликнул тогда император и отправился в путь в сопровождении принца де Невшателя и одного-двух адъютантов, а также Рустана, который всегда носил с собой серебряную фляжку с бренди, которой, однако, император редко пользовался. Его Величество переходил от одного корпуса к другому, беседовал с офицерами и солдатами, расспрашивал их и видел собственными глазами все, что только можно было увидеть.

Если предстояло сражение, обед забывался, и император ел только после своего возвращения; но если сражение длилось слишком долго, ему приносили, без его приказа, корку хлеба и немного вина.

Месье Колин, начальник кулинарного отдела, много раз бросал вызов пушкам, чтобы доставить легкое угощение императору.

По окончании боя его Величество никогда не упускал случая посетить поле боя, где оказывал помощь раненым и подбадривал их ободряющими словами.

Император иногда возвращался, разбитый усталостью; тогда он слегка перекусывал и снова ложился, чтобы погрузиться в прерванный сон.

Примечательно, что каждый раз, когда неожиданные обстоятельства вынуждали адъютантов будить императора, он был так же готов к работе, как был бы в начале или в середине дня, и его пробуждение было столь же дружелюбным, сколь и его манеры были приятными. Закончив доклад адъютанта, Наполеон снова заснул так легко, как будто его сон и не прерывался.

В течение трех-четырех часов, предшествовавших сражению, император проводил большую часть времени с разложенными перед ним большими картами, места на которых он отмечал булавками с восковыми головками разного цвета.

Я уже говорил, что все приближенные императора соперничали друг с другом в поиске самых надежных и быстрых средств исполнения его желаний; и везде, будь то в путешествии или во время кампании, его стол, кофе, постель или даже ванна могли быть приготовлены за пять минут. Сколько раз нам приходилось за еще меньшее время убирать трупы людей и лошадей, чтобы установить палатку его Величества.

В одной из кампаний за Рейном мы задержались в бедной деревне и, чтобы подготовить жилье для императора, были вынуждены воспользоваться крестьянской хижинкой, которая служила полевым госпиталем; и мы начали приготовления с того, что унесли оторванные конечности и замыли пятна крови; эта работа была закончена, и все было почти в порядке, менее чем за полчаса.

Император иногда спал четверть или полчаса на поле боя, когда уставал или хотел более терпеливо ожидать результатов отданных им приказов.

По дороге в Потсдам нас застигла сильная гроза, которая стала такой сильной, а дождь таким проливным, что мы были вынуждены остановиться и укрыться в соседнем доме по дороге. Плотно закутанный в свое серое пальто и не думавший, что его могут узнать, император был очень удивлен, увидев, войдя в дом, молодую женщину, которая, казалось, трепетала в его присутствии. Он выяснил, что она египтянка, сохранившая к моему хозяину религиозное почитание, которое питали к нему все арабы, и была вдовой офицера египетской армии, которого случай привел в тот же дом в Саксонии, где его радушно приняли. Император назначил ей пенсию в тысячу двести франков и взял на себя воспитание ее сына - единственное наследство, оставленное ей мужем. "Это первый раз, - сказал Наполеон, - когда я сошел на берег, чтобы избежать бури; у меня было предчувствие, что здесь меня ждет возможность сделать добро".

Поражение в битве при Йене повергло пруссаков в такой ужас, а двор бежал с такой поспешностью, что все было оставлено в королевских резиденциях; и, следовательно, по прибытии в Потсдам император нашел там шпагу великого Фридриха, его нагрудный знак, парадный знак своего ордена и свой будильник и приказал перевезти их в Париж для хранения в Отеле инвалидов. "Я предпочитаю эти трофеи, - сказал его Величество, - всем сокровищам короля Пруссии; я пошлю их моим старым солдатам, участвовавшим в Ганноверской кампании, которые будут охранять их как трофеи побед великой армии и мести, которую она предприняла за катастрофу при Росбахе". Император в тот же день приказал перенести в свою столицу колонну, воздвигнутую великим Фридрихом, чтобы увековечить память о поражении французов при Росбахе. [При Росбахе в ноябре 1757 года французы под командованием принца де Субиза потерпели позорное поражение от Фридриха Великого] Он мог бы довольствоваться изменением надписи.

Наполеон оставался в Шарлоттенбургском замке, где он разместил свою штаб-квартиру, до тех пор, пока отовсюду не прибыли гвардейские полки; и как только они были собраны, был отдан приказ облачиться в парадную форму, что и было сделано в небольшом лесу перед городом. Император въехал в столицу Пруссии между десятью и одиннадцатью часами утра, окруженный своими адъютантами и офицерами своего штаба, все полки выстроились перед ним в самом совершенном порядке, с барабанами и музыкой во главе; и прекрасный вид войск вызвал восхищение пруссаков.

Въехав в Берлин в свите императора, мы прибыли на городскую площадь, посреди которой был установлен бюст великого Фридриха. Имя этого монарха настолько популярно в Берлине и, фактически, во всей Пруссии, что во многих случаях, когда кто-либо случайно произносил его, будь то в кафе или в любом другом общественном месте, или даже на частных собраниях, я видел, как каждый присутствующий вставал и приподнимал шляпу с видом глубочайшего уважения и неподдельного обожания.

Когда император подъехал к бюсту, он галопом описал полукруг, сопровождаемый своим посохом, и, опустив острие шпаги, обнажив голову, первым отдал честь изображению Фридриха II. Его штаб последовал его примеру, и все генералы и другие офицеры, составлявшие его, выстроились полукругом вокруг бюста с императором в центре. Его Величество отдал приказ, чтобы каждый полк представил оружие для дефилирования перед бюстом, и этот маневр пришелся не по вкусу некоторым ворчунам из первого гвардейского полка, которые, с опаленными усами и лицами, все еще почерневшими от йенской пудры, предпочли бы приказ о размещении у буржуа всему этому параду и не прилагали усилий, чтобы скрыть свое дурное настроение. Среди прочих был один, который, проходя мимо бюста и императора, воскликнул сквозь зубы, не дрогнув ни единым мускулом на лице, но все же достаточно громко, чтобы его величество услышал: "Черт бы побрал этот бюст". Его Величество сделал вид, что не расслышал, но в тот вечер со смехом повторил слова старого солдата.

Его величество сошел в замке, где для него было приготовлено жилье, и его приближенные опередили его. Узнав, что принцесса-выборщица Гессен-Кассельская, сестра короля, все еще больна после родов, император поднялся в апартаменты этой принцессы и после довольно длительного визита отдал приказ, чтобы с ней обращались со всем почтением, подобающим ее рангу и неудачному положению.

RAPP.

MURAT.

LUCIEN BONAPARTE.

SOULT.

BERNADOTTE.

MARIE LOUISA.

DUROC.

TOM II.

NAPOLÉON 1814.

ГЛАВА I.

Я оставил императора в Берлине, где каждый день и каждый час он получал известия о какой-нибудь одержанной победе или о каком-нибудь успехе, достигнутом его генералами. Генерал Бомон подарил ему восемьдесят знамен, захваченных у противника его дивизией, а полковник Жерар также подарил шестьдесят, взятых у Блюхера в битве при Висмаре. Маджебург капитулировал, и шестидесятитысячный гарнизон выступил маршем под командованием генерала Савари. Маршал Мортье оккупировал Ганновер от имени Франции, а принц Мюрат собирался войти в Варшаву после изгнания русских.

Война должна была вот-вот возобновиться или, скорее, быть продолжена против последней; и поскольку прусскую армию теперь можно было считать полностью разгромленной, император покинул Берлин, чтобы лично провести операции против русских.

Мы путешествовали по стране в маленьких каретах; и, как всегда было правилом в наших путешествиях, карета великого маршала предшествовала карете императора. Сезон и проход такого большого количества артиллерии сделали дороги ужасными; но, несмотря на это, мы ехали очень быстро, пока, наконец, между Кутовым и Варшавой карета великого маршала не опрокинулась, а он не сломал ключицу. Император прибыл вскоре после этого прискорбного происшествия и приказал у себя на глазах отнести его на ближайшую почту. Мы всегда носили с собой переносную аптечку, чтобы раненым можно было быстро оказать необходимую помощь. Его Величество передал его в руки хирурга и не отходил от него до тех пор, пока не увидел, как наложили первую повязку.

В Варшаве, где его величество провел весь январь 1807 года, он занимал большой дворец. Польская знать, стремясь засвидетельствовать ему свое почтение, устраивала в его честь великолепные празднества и блестящие балы, на которых присутствовали все самые богатые и знатные жители Варшавы.

На одной из таких встреч внимание императора привлекла молодая полька по имени мадам Валевская, двадцати двух лет от роду, которая только что вышла замуж за старого дворянина с требовательным характером и чрезвычайно резкими манерами, больше влюбленного в свои титулы, чем в свою жену, которую, однако, он преданно любил и которая его скорее уважала, чем любила. Император испытал большое удовольствие при виде этой дамы, которая привлекла его внимание с первого взгляда. Она была блондинкой с голубыми глазами и ослепительно белой кожей, среднего роста, с очаровательной и прекрасно сложенной фигурой. Император, приблизившись к ней, немедленно завел разговор, который она вела с большим изяществом и умом, показывая, что получила прекрасное образование, а легкий оттенок меланхолии, разлитый по всей ее фигуре, делал ее еще более соблазнительной.

Его величеству показалось, что он увидел в ней женщину, принесенную в жертву, и она была несчастлива в своих семейных отношениях; и интерес, который внушила ему эта идея, заставил

его интересоваться ею больше, чем он когда-либо интересовался какой-либо женщиной, факт, который она не могла не осознавать. На следующий день после бала император показался мне необычайно взволнованным; он встал со стула, прошелся взад-вперед, сел на свое место и снова встал, пока мне не показалось, что я никогда не закончу его наряжать. Сразу после завтрака он приказал человеку, имя которого я не буду называть, нанести визит мадам Валевской и сообщить ей о своем подчинении и своих желаниях. Она гордо отвергала предложения, которые, возможно, были слишком резкими, а может быть, естественное для всех женщин кокетство вызывало у нее отвращение; и хотя герой нравился ей, а мысль о любовнике, блистающем властью и славой, несомненно, снова и снова крутилась в ее мозгу, у нее и в мыслях не было сдаваться таким образом без борьбы. Великий сановник вернулся в замешательстве, очень удивленный тем, что ему не удалось выполнить свою миссию; и на следующий день, когда император поднялся, я застал его все еще озабоченным, и он не произнес ни слова, хотя у него была привычка разговаривать со мной в это время. Он несколько раз писал мадам Валевской, но она не отвечала; и его тщеславие было сильно уязвлено таким непривычным безразличием. Наконец его трогательные просьбы тронули сердце мадам Валевской, и она согласилась на свидание между десятью и одиннадцатью часами вечера, которое состоялось в назначенное время. Она вернулась через несколько дней в тот же час, и ее визиты продолжались до отъезда императора.

Через два месяца император послал за ней; и она присоединилась к нему в его ставке в Финкенштейне, где и оставалась с тех пор, оставив в Варшаве своего старого мужа, который, глубоко уязвленный как в своей чести, так и в своих привязанностях, пожелал никогда больше не видеть бросившую его жену. Мадам Валевская оставалась с императором до его отъезда, а затем вернулась к своей семье, постоянно проявляя самую преданную и в то же время бескорыстную привязанность. Император, казалось, в совершенстве оценил очарование этой ангельской женщины, чей нежный и самоотверженный характер произвел на меня глубокое впечатление. Поскольку они ели вместе, а я прислуживал им один, я, таким образом, мог наслаждаться их беседой, которая всегда была любезной, веселой и оживленной со стороны императора; нежной, страстной и меланхоличной - со стороны мадам Валевской. Когда его Величество отсутствовал, мадам Валевская проводила все свое время либо за чтением, либо за просмотром через решетчатые жалюзи комнат императора парадов и перестроек, которые происходили во дворе чести замка и которыми он часто командовал лично. Такой была ее жизнь, как и ее нрав, всегда спокойный и уравновешенный; и эта прелесть характера очаровывала императора и с каждым днем делала его все более и более ее рабом.

После битвы при Ваграме, в 1809 году, император поселился во дворце Шенбрунн и немедленно послал за мадам Валевской, для которой был снят и обставлен очаровательный дом в одном из венских предместий, недалеко от Шенбрунна. Я таинственно привозил ее каждый вечер в закрытой карете, с единственным слугой, без ливреи; она входила через потайную дверь и была введена в покои императора. Дорога, хотя и очень короткая, была небезопасна, особенно в дождливую погоду, из-за колеи и ям, которые встречались на каждом шагу; и император говорил мне почти каждый день: "Будь очень осторожен, Констант, сегодня шел дождь; дорога будет плохой. Вы уверены, что у вас хороший кучер? Экипаж в хорошем состоянии?" и другие вопросы того же рода, которые свидетельствовали о глубокой и искренней привязанности, которую он испытывал к мадам Валевской. Кроме того, император не ошибся, призывая меня быть осторожным; ибо однажды вечером, когда мы выехали из резиденции мадам Валевской немного позже обычного, кучер сбил нас с ног и, пытаясь объехать колею, съехал каретой с края

дороги. Янаходился справа от мадам Велевской, и карета упала на ту сторону, в таком положении, что я один почувствовал толчок от падения, поскольку мадам Велевская, упавшая на меня, не пострадала. Я был рад стать средством ее спасения, и когда я сказал это, она выразила свою благодарность с присущей только ей грацией. Мои травмы были незначительными, и я начал смеяться первым, к которому вскоре присоединилась мадам Велевская, и она рассказала о нашем происшествии его Величеству сразу же по прибытии.

Я не мог бы взяться описать всю заботу и внимание, которые император оказывал ей. Он приказал привезти ее в Париж в сопровождении ее брата, очень выдающегося офицера, и ее горничной и приказал великому маршалу купить для нее красивый особняк на шоссе д'Антен. Мадам Велевская была очень счастлива и часто говорила мне: "Все мои мысли, все мое вдохновение исходят от него и возвращаются к нему; он - все мое счастье, мое будущее, моя жизнь!" Она никогда не покидала своего дома, за исключением частных апартаментов в Тюильри, а когда это счастье не могло быть даровано, не ходила ни в театр, ни на прогулку, ни в общество, а оставалась дома, виделась лишь с очень немногими людьми и каждый день писала императору. Наконец она родила сына [графа Велевского, родившегося в 1810 году; посланника в Англии в 1852 году; министра иностранных дел в 1855-1860 годах; умер в 1868 году.], который имел поразительное сходство с императором, для которого это событие стало источником великой радости; и он поспешил к ней, как только появилась возможность сбежать из замка, и, взяв ребенка на руки и лаская его, как он только что ласкал мать, сказал ему: "Я делаю тебя графом". Позже мы увидим, как этот сын получает в Фонтенбло последнее доказательство своей любви.

Мадам Велевская воспитывала своего сына в своей резиденции, никогда не покидая его, и часто возила его в замок, куда я впускал их по темной лестнице, и когда кто-то из них болел, император посылал к ним месье Корвизара. Этому искусному врачу однажды посчастливилось спасти жизнь молодого графа во время опасной болезни.

У мадам Велевской было золотое кольцо, сделанное для императора, вокруг которого она обвивала свои прекрасные светлые волосы, а на внутренней стороне кольца были выгравированы следующие слова:

"Когда ты перестанешь любить меня, не забывай, что я люблю тебя".

Император не дал ей другого имени, кроме Мария.

Возможно, я посвятил слишком много места этой связи императора: но мадам Велевская совершенно отличалась от других женщин, чьей благосклонности добился его Величество; и она была достойна называться Фавальеркой императора, который, однако, не проявил к ней неблагодарности, как это сделал Людовик XIV. по отношению к единственной женщине, которая его любила. Те, кто, подобно мне, имел счастье знать и видеть ее близко, должны были сохранить воспоминания о ней, которые позволят им понять, почему, по моему мнению, существует такая большая дистанция между мадам Велевской, нежной и скромной женщиной, воспитывающей в уединении сына, которого она родила императору, и фаворитами победителя Аустерлица.

ГЛАВА II.

Русские, подстрекаемые к этой кампании воспоминаниями о поражении при Аустерлице и страхом увидеть Польшу вырванной из их рук, не были остановлены зимним сезоном и решили немедленно начать атаку на императора; а так как последний был не из тех людей, которые позволяют опередить себя, то он, следовательно, оставил свои зимние квартиры и покинул Варшаву в конце января. 8 февраля две армии встретились при Эйлау; и там произошло, как хорошо известно, кровопролитное сражение, в котором обе стороны проявили равное мужество, и на поле боя погибло около пятнадцати тысяч человек, поровну разделенных между французами и русскими. Выигрыш, или, скорее, потеря, была одинаковой для обеих армий; и в Санкт-Петербурге, как и в Париже, скандировали "Te Deum" вместо "De Profundis", что было бы гораздо уместнее. Вернувшись в свою ставку, его Величество горько пожаловался, что приказ, который он отправил генералу Бернадотту, не был выполнен, и вследствие этого его корпус не принимал участия в сражении, и выразил свое твердое убеждение, что победа, которая оставалась под вопросом у императора и генерала Беннингсена, была бы решена в пользу первого, если бы во время сражения, согласно расчетам императора, прибыл свежий армейский корпус. К величайшему сожалению, адъютант, доставивший приказ императора принцу Понте-Корво, попал в руки отряда казаков; и когда императору сообщили об этом обстоятельстве на следующий день после битвы, его негодование улеглось, хотя и не его разочарование. Наши войска расположились бивуаком на поле битвы, которое его Величество посетил трижды, с целью руководства оказанием помощи раненым и вывозом мертвых.

Генералы д'Отпуль, Корбино и Бурсье были смертельно ранены при Эйлау; и мне кажется, я до сих пор слышу, как храбрый д'Отпуль говорил его величеству, когда тот галопом бросился в атаку на врага: "Сир, сейчас вы увидите мои огромные когти; они пронзят вражеские каре, как масло", - спустя час после того, как его не стало. Один из его полков, сражавшийся в промежутке с русской армией, был скошен картечью и изрублен на куски казаками, осталось всего восемнадцать человек. Генерал д'Отпуль, вынужденный трижды отступать со своей дивизией, дважды водил ее в атаку; и когда он бросился на врага в третий раз, громко крикнул: "Вперед, кирасиры, во имя Бога! вперед, мои храбрые кирасиры? Но картечь скосила слишком многих из этих храбрых парней; очень немногие остались следовать за своим командиром, и вскоре он пал, пронзенный ранами, посреди каре русских, в которое он ворвался почти в одиночку.

Я думаю, что именно в этом сражении генерал Орденерль собственноручно убил вражеского генерала. Император спросил, не мог ли он взять его живым. "Сир, - ответил генерал со своим сильным немецким акцентом, - я нанес ему только один удар, но я постарался сделать его хорошим". В самое утро сражения генерал Корбино, адъютант императора, во время завтрака с дежурными офицерами заявил им, что его угнетают самые печальные предчувствия; но эти джентльмены, пытаясь отвлечь его внимание, обратили случившееся в шутку. Генерал Корбино через несколько минут после того, как получил приказ от его Величества, и, не найдя нужных

ему денег в покаях месье де Меневалю, пришел ко мне, и ядал ему их из личного кошелька императора; по прошествии нескольких часов я встретился с месье де Меневалем, которому я передал отчет о просьбе генерала Корбино и сумме, которую я ему одолжил. Я все еще разговаривал с господином де Меневалем, когда галопом проезжавший мимо офицер сообщил нам печальную весть о смерти генерала. Я никогда не забуду впечатления, произведенного на меня этим печальным известием, и я до сих пор не нахожу объяснения странному душевному расстройству, которое предупредило этого храброго солдата о его приближающемся конце.

Польша полагалась на императора в восстановлении своей независимости, и поэтому поляки были полны надежды и энтузиазма, став свидетелями прибытия французской армии. Что касается наших солдат, то эта зимняя кампания была им крайне неприятна, потому что холод и нищета, плохая погода и плохие дороги внушили им крайнее отвращение к этой стране.

На смотре в Варшаве, на котором жители столпились вокруг наших войск, один солдат начал громко ругаться в адрес снега и грязи и, как следствие, в адрес Польши и поляков. "Вы ошибаетесь, господин солдат, - ответила молодая леди из хорошей буржуазной семьи города, - не любите нашу страну, потому что мы очень любим французов". — "Вы, несомненно, очень привлекательны, мадемуазель, — ответил солдат, - но если вы хотите убедить меня в правдивости того, что говорите, приготовьте нам хороший обед, моему товарищу и мне". - "Тогда пойдемте, господа, - сказали родители молодого поляка, подходившие к нам, - и мы вместе выпьем за здоровье вашего императора". И они действительно увезли с собой двух солдат, которые отведали лучший обед в стране.

Солдаты привыкли говорить, что в основе польского языка лежат четыре слова— kleba? niema; "хлеба? его нет"; voia? sara; "вода? они пошли рисовать его".

Однажды, когда император проезжал через колонну пехоты в пригороде Мисиньеса, где войска терпели большие лишения, поскольку плохие дороги препятствовали доставке припасов, "Папа, клеба!" - крикнул солдат. "Ниема", - немедленно ответил император. Вся колонна разразилась громким смехом, и больше никаких просьб не последовало.

Во время несколько продолжительного пребывания императора в Финкенштейне его посетил персидский посол, и в его честь было устроено несколько торжественных приемов. Его величество отправил в ответ к шаху посольство, во главе которого он поставил генерала Гарданна, у которого, как тогда говорили, была особая причина для желания посетить Персию. Ходили слухи, что один из его родственников, после долгого проживания в Тегеране, был вынужден, приняв участие в восстании против франков, покинуть эту столицу и перед своим бегством зарыл в определенном месте значительное сокровище, описание которого он привез во Францию. В завершение этой истории я добавлю некоторые факты, которые я узнал с тех пор. Генерал Гарданн застал столицу в состоянии смятения и, не сумев ни определить местонахождение места, ни обнаружить сокровище, вернулся из своего посольства с пустыми руками.

Наше пребывание в Финкенштейне стало очень утомительным, и, чтобы скоротать время, его Величество иногда играл со своими генералами и адъютантами. Игра обычно шла ва-банк; и Великий Капитан получал большое удовольствие от жульничества, удерживая в течение нескольких раздач карты, необходимые для того, чтобы набрать требуемое количество, и был очень удивлен, когда благодаря этой ловкости выиграл партию. Я предоставил сумму,

необходимую для его игры, и, как только он вернулся в свою каюту, получил приказание составить его счет. Он всегда отдавал мне половину своей выручки, а я делил остальное между обычными камердинерами.

У меня нет намерения придерживаться в этом дневнике очень точного порядка дат; и всякий раз, когда в моей памяти всплывает факт или анекдот, которые кажутся мне заслуживающими упоминания, я буду записывать их, до какой бы точки моего повествования я ни дошел, опасаясь, что, если я отнесу их к соответствующей эпохе, они могут быть забыты. В соответствии с этим планом я здесь мимоходом расскажу о некоторых памятных вещах, связанных с Сен-Клу или Тюильри, хотя сейчас мы находимся в лагере в Финкенштейне. Развлечения, которым предавались его Величество и его генералы, напомнили мне эти анекдоты. Эти джентльмены часто заключали пари между собой; и я слышал, как однажды герцог Виченца поспорил, что месье Жарден-младший, конюший его Величества, сидя на лошади задом наперед, доберется до конца аллеи перед замком за несколько мгновений; конюший выиграл это пари.

Господа Фейн, Меневаль и Айвен однажды сыграли странную шутку с месье Б. д'А., который, как они знали, был подвержен частым приступам галантности. Они переодели молодого человека в женскую одежду и отправили его, переодетого таким образом, прогуляться по аллее рядом с замком. Месье Б. д'А был очень близорук и обычно пользовался очками. Эти джентльмены пригласили его прогуляться; и как только он оказался за дверью, то увидел прекрасную прогуливающуюся и не смог сдержать возгласа удивления и радости при виде ее.

Его друзья притворились, что разделяют его восторг, и подтолкнули его, как самого предприимчивого, сделать первые шаги, после чего он в большом волнении поспешил за мнимой молодой леди, которую они в совершенстве разучили по роли. Месье д'А превзошел самого себя в вежливости, во внимании, в предложениях услуг, горячо настаивая на том, чтобы оказать честь замка своему новому завоеванию. Другой сыграл свою роль безупречно; и после множества кокетливых выходов с его стороны и многочисленных протестов со стороны месье д'А свидание было назначено на тот же вечер; и влюбленный, сияющий надеждой, вернулся к своим друзьям, сохраняя большую осмотрительность и сдержанность в отношении своей удачи, хотя на самом деле ему хотелось бы скоротать время, которое должно пройти до конца дня. Наконец наступил вечер, который должен был положить конец его нетерпению и приблизить время свидания; и можно себе представить его разочарование и ярость, когда он обнаружил обман, который был применен к нему. Месье д'А. сначала хотел бросить вызов авторам и действующим лицам этой мистификации, и его с большим трудом удалось унять.

Я думаю, что по возвращении из этого похода принц Жером увидел в Бреслау, в театре этого города, молодую и очень хорошенькую актрису, которая плохо играла свою роль, но очень хорошо пела. Он делал авансы, которые она принимала холодно: но короли не вздыхают долго понапрасну; они кладут слишком тяжелую ношу на чашу весов против благоразумия. Его величество, король Вестфалии, перенес свое завоевание в Кассель, и через короткое время она вышла замуж за его первого камердинера Альбертони, чьи итальянские нравы не были потрясены этим браком. Какое-то разногласие, причина которого мне неизвестна, заставило Альбертони покинуть короля, он вернулся в Париж со своей женой и занялся спекуляциями, в результате которых потерял все, что приобрел, и мне сказали, что он вернулся в Италию. Одной вещью, которая всегда казалась мне необычной, была ревность Альбертони к своей жене —

требовательная ревность, которая открывала ему глаза на всех мужчин, кроме короля; ибо я твердо убежден, что связь продолжалась и после их свадьбы.

Братьев императора, хотя и королей, иногда заставляли ждать в приемной императора. Король Иероним пришел однажды утром по приказу императора, который, еще не вставая, велел мне просить короля Вестфалии подождать. Поскольку император пожелал еще немного поспать, я остался с другими слугами в гостиной, которая использовалась как прихожая, а король ждал вместе с нами; я не говорю, что терпеливо, потому что он постоянно переходил от кресла к креслу, прогуливался взад-вперед между окном и камином, проявляя сильное раздражение и время от времени заговаривая со мной, к которой он всегда относился с большой добротой. Так прошло более получаса; наконец я вошел в комнату императора и, когда он надел халат, сообщил ему, что его Величество ожидает, и, представив его, удалился. Император оказал ему прохладный прием и сурово отчитал его, и поскольку он говорил очень громко, я слышал его против своей воли; но король оправдывался таким тихим голосом, что я не мог расслышать ни слова из его оправдания. Подобные сцены часто повторялись, ибо принц был рассеян и расточителен, что больше всего не нравилось императору и за что он сурово упрекал его, хотя и любил его, или, вернее, потому, что он любил его так сильно; ибо примечательно, что, несмотря на частые поводы для неудовольствия, которые доставляла ему его семья, император по-прежнему испытывал ко всем своим родственникам самую теплую привязанность.

Вскоре после взятия Данцига (24 мая 1807 г.) император, желая вознаградить маршала Лефевра за недавние услуги, которые он оказал, приказал вызвать его в шесть часов утра. Его величество совещался с начальником штаба армии, когда было объявлено о прибытии маршала. - А! - сказал он Бертье. - Герцог не медлит. Затем, повернувшись к дежурному офицеру, сказал: "Скажите герцогу Данцигскому, что я вызвал его так рано, чтобы он мог позавтракать со мной". Офицер, думая, что император неправильно понял это имя, заметил ему, что человек, ожидавший его приказаний, был не герцог Данцигский, а маршал Лефевр. "Кажется, месье, вы считаете меня более способным стать графом, чем герцогом".

Офицер был несколько смущен этим ответом, но император успокоил его улыбкой и сказал: "Пойди, передай герцогу мое приглашение и скажи ему, что через четверть часа завтрак будет подан". Офицер вернулся к маршалу, которому, конечно же, очень хотелось узнать, зачем император вызвал его. - Господин герцог, император приглашает вас позавтракать с ним и просит подождать четверть часа. Маршал, не обратив внимания на новое звание, которое дал ему офицер, ответил кивком и сел на складной стул, на спинке которого висела шпага императора, которую маршал осмотрел и потрогал с восхищением и уважением. Прошло четверть часа, когда другой артиллерийский офицер пришел, чтобы позвать маршала к императору, который уже сидел за столом с начальником штаба; и когда он вошел, император приветствовал его словами: "Добрый день, господин герцог; садитесь рядом со мной".

Маршал, удивленный тем, что к нему обратились с таким титулом, сначала подумал, что его величество шутит; но, увидев, что тот специально назвал его месье ле, Дуэ, был вне себя от изумления. Император, чтобы усилить его смущение, спросил его: "Вы любите шоколад, господин герцог?" — "Но — да, сир". — "Что ж, у нас его нет на завтрак, но я дам вам фунт из самого города Данцига; поскольку вы завоевали его, справедливо, что это принесет вам некоторую отдачу". После этого император встал из-за стола, открыл маленькую шкатулку, достал оттуда сверток в форме длинного квадрата и вручил его маршалу Лефевру, сказав ему:

"Герцог Данцигский, прими этот шоколад; маленькие подарки сохраняют дружбу". Маршал поблагодарил его Величество, положил шоколад в карман и снова занял свое место за столом с императором и маршалом Бертье. Посреди стола стоял "паштет" в форме города Данцига, и когда его должны были подать, император сказал новому герцогу: "Они не могли бы придать этому блюду форму, которая понравилась бы мне больше. Атакуйте, господин герцог; узрите свою победу; вам принадлежит честь. Герцог повиновался, и трое гостей отведали пирога, который пришелся им по вкусу. По возвращении маршал, герцог Данцигский, заподозрив сюрприз в маленьком свертке, который вручил ему император, поспешил вскрыть его и обнаружил сто тысяч крон ассигнациями. В подражание этому великолепному подарку в армии установился обычай называть деньги, будь то кусочками или банкнотами, данцигским шоколадом; и когда солдаты хотели, чтобы их угостил какой-нибудь товарищ, у которого случайно оказывалось немного денег в кармане, они говорили ему: "Ну-ка, а у тебя в кармане нет данцигского шоколада?"

Почти суеверное пристрастие его Величества Императора к совпадениям дат и юбилеев еще больше усилилось после победы при Фридланде, одержанной 14 июня 1807 года, через семь лет после битвы при Маренго. Суровая зима, трудности с поставками припасов (для которых император, однако, сделал все возможное), дополненные упрямой храбростью русских, сделали эту кампанию тяжелой, особенно для завоевателей, которых невероятная быстрота их успехов в Пруссии приучила к внезапным завоеваниям. Разделение славы, которое он был вынужден разделить с русскими, было новым опытом в военной карьере императора, но при Фридланде он вернул себе свое преимущество и бывшее превосходство. Его Величество притворным отступлением, в ходе которого он позволил врагу увидеть только часть своих сил, заманил русских в ловушку на Эльбе, настолько полную, что они оказались зажатыми между этой рекой и нашей армией. Эта победа была одержана линейными войсками и кавалерией; и император даже не считал нужным использовать свою гвардию, в то время как гвардия императора Александра была почти полностью уничтожена при защите отступления или, скорее, бегства русских, которые могли спастись от преследования наших солдат только по мосту Фридланд, нескольким узким понтонам и почти непроходимому броду.

Линейные полки французской армии занимали равнину, а император, заняв наблюдательный пункт на возвышенности, откуда он мог обозревать все поле битвы, сидел в кресле возле мельницы, окруженный своим штабом. Я никогда не видел его в более веселом настроении, когда он беседовал с генералами, ожидавшими его приказов, и, казалось, с удовольствием ел черный русский хлеб, выпеченный в форме кирпичей. Этот хлеб, приготовленный из некачественной ржаной муки и набитый длинной соломкой, был пищей всех солдат; и они знали, что его величество ест его так же, как и они сами. Прекрасная погода благоприятствовала умелым маневрам армии, и они проявили чудеса доблести. Особенно кавалерийские атаки были выполнены с такой точностью, что император направил свои поздравления полкам.

Около четырех часов пополудни, когда две армии теснили друг друга со всех сторон, а тысячи пушек заставляли дрожать землю, император воскликнул: "Если это продлится еще два часа, французская армия останется стоять на равнине одна". Через несколько мгновений после этого он отдал приказ графу Дорсенну, генералу пеших гренадер Старой гвардии, обстрелять кирпичный склад, за которым укрепились русские и пруссаки; в мгновение ока они были вынуждены оставить эту позицию, и орда снайперов отправилась в погоню за беглецами.

Гвардия сделала это движение в пять часов, а в шесть битва была полностью выиграна. Император сказал тем, кто был рядом с ним, восхищаясь великолепным поведением гвардии: "Посмотрите на этих храбрых парней, они по доброй воле бросились бы на камнеметы и ружейные установки линии, чтобы научить их атаковать, не дожидаясь их; но это было бы бесполезно, так как работа была хорошо выполнена и без них".

Его величество лично отправился поздравить несколько полков, которые сражались весь день. Несколько слов, улыбка, приветствие рукой, даже кивок были достаточной наградой этим храбрым парням, которые только что увенчались победой.

Число убитых и пленных было огромным, и семьдесят знамен со всем снаряжением русской армии остались в руках французов.

После этого решающего дня российский император, отклонивший предложения, сделанные его Величеством после битвы при Эйлау, оказался весьма склонным вести игру за свой счет; и генерал Бенигсен, следовательно, потребовал перемирия от имени своего Императора, которое его Величество даровал; и вскоре после этого был подписан мирный договор и состоялось знаменитое свидание двух государей на берегах Немана. Я быстро опушу детали этой встречи, которые были опубликованы и повторялись бесчисленное количество раз. Его величество и молодой царь прониклись взаимной привязанностью с первого момента их встречи, и каждый устраивал праздники и увеселения в честь другого. Они были неразлучны на публике и в частном порядке и проводили вместе часы на собраниях исключительно для удовольствия, на которые тщательно не допускались посторонние. Город Тильзит был объявлен нейтральным, и французы, русские и пруссаки последовали примеру, данному им их государями, и жили вместе в самом тесном братстве.

Король и королева Пруссии вскоре после этого присоединились к их императорским величествам в Тильзите; хотя этот несчастный монарх, у которого едва ли остался хоть один город из всего королевства, которым он владел, естественно, был не расположен принимать участие в таком большом празднестве. Королева была красива и грациозна, хотя, возможно, несколько надменна и сурова, что не мешало ей обожаться всеми, кто ее окружал. Император стремился доставить ей удовольствие, и она не пренебрегала ни одним из невинных кокетств своего пола, чтобы смягчить сердце победителя своего мужа. Королева несколько раз обедала с монархами, сидя между двумя императорами, которые наперебой осыпали ее вниманием и галантностью. Хорошо известно, что однажды император Наполеон подарил ей великолепную розу, которую после некоторого колебания она приняла, сказав его величеству с самой очаровательной улыбкой: "По крайней мере, с Магдебурга". И хорошо известно также, что император не принял это условие.

Среди фрейлин принцессы была очень пожилая женщина, пользовавшаяся большим уважением. Однажды вечером, когда два императора сопровождали королеву в столовую, за которой следовали король Пруссии, принц Мюрат и великий князь Константин, эта почтенная дама уступила место двум последним принцам. Великий князь Константин не хотел брать над ней верх, но полностью испортил этот акт вежливости, воскликнув грубым тоном: "Проходите, мадам, проходите!" И, повернувшись к неаполитанскому королю, добавил достаточно громко, чтобы его услышали, это позорное восклицание: "Старый вальдшнеп!"

Из этого можно судить, что принц Константин был далек от того, чтобы проявлять по отношению к дамам ту изысканную вежливость и галантность, которые отличали его августейшего брата.

Однажды французская императорская гвардия дала обед гвардии императора Александра. В конце этого чрезвычайно веселого и братского банкета каждый французский солдат обменялся мундирами с русским и прогуливался таким образом на глазах императоров, которых очень позабавил этот импровизированный переодевание.

Среди многочисленных мероприятий, оказанных российским императором нашим собственным, я бы упомянул концерт отряда баскирских музыкантов, которых их государь специально перевез через Неман, и, конечно, никогда более варварская музыка не звучала в ушах его Величества; и эта странная гармония, сопровождаемая столь же дикими жестами, представляла собой одно из самых забавных зрелищ, которые только можно себе представить. Через несколько дней после этого концерта я получил разрешение навестить музыкантов и отправился в их лагерь в сопровождении Рустана, который должен был выполнять функции переводчика. Мы имели удовольствие присутствовать на трапезе баскиров, где вокруг огромных деревянных чанов сидели группами по десять человек, каждый держал в руке по куску черного хлеба, который он смачивал ковшом воды, в которой было разведено нечто, напоминающее красную глину. После трапезы они показали нам стрельбу из лука; и Рустан, которому это упражнение напомнило сцены его юности, попытался пустить стрелу, но она упала в нескольких шагах, и я увидел, как презрительная улыбка искривила толстые губы наших баскиров. Затем я, в свою очередь, попробовал лук и справился с ним таким образом, что это сделало мне честь в глазах наших хозяев, которые немедленно окружили меня, поздравляя жестами с моей силой и мастерством; и один из них, еще более восторженный и дружелюбный, чем остальные, похлопал меня по плечу, которое я запомнил надолго.

На следующий день после этого знаменитого концерта был подписан мирный договор между тремя государями, и его Величество нанес визит императору Александру, который принял его во главе своей гвардии. Император Наполеон попросил своего прославленного союзника показать ему самого храброго гренадера из этого красивого и доблестного отряда; и когда он был представлен его Величеству, он снял с груди свой собственный крест Почетного легиона и возложил его на грудь московского солдата под одобрительные возгласы всех своих товарищей. Два императора в последний раз обнялись на берегах Немана, и его Величество отправился по дороге в Кенигсберг.

В Бауцене король Саксонии вышел ему навстречу, и их Величества вместе въехали в Дрезден. Король Фридрих Август устроил самый пышный прием государю, который, не довольствуясь вручением ему скипетра, также значительно увеличил наследственные владения курфюрста Саксонии. Добрые жители Дрездена в течение недели, которую мы провели там, относились к французам скорее как к братьям и соотечественникам, чем как к союзникам.

Но прошло почти десять месяцев с тех пор, как мы покинули Париж; и, несмотря на все очарование простого и сердечного гостеприимства немцев, мне очень хотелось снова увидеть Францию и свою семью.

ГЛАВА III.

Именно во время славной кампании в Пруссии и Польше императорская семья была повергнута в глубочайшую скорбь смертью юного Наполеона, старшего сына короля Голландии Людовика. Этот ребенок был поразительно похож на своего отца, а следовательно, и на дядю. Его волосы были светлыми, но, вероятно, потемнели бы с возрастом. Его глаза, большие и голубые, засияли необычайным блеском, когда что-то произвело глубокое впечатление на его юный ум. Мягкий, привлекательный, полный искренности и веселья, он вызывал восхищение императора, особенно из-за твердости своего характера, который был настолько замечательным, что, несмотря на его чрезвычайную молодость, ничто не могло заставить его нарушить свое слово. Следующий анекдот, который я вспоминаю, служит примером этого.

Он очень любил клубнику, но она вызывала у него такие продолжительные и частые приступы рвоты, что его мать встревожилась и категорически запретила ему есть ее, выразив пожелание, чтобы были приняты все меры предосторожности, чтобы юный принц не видел этого столь вредного для него плода. Маленький Наполеон, у которого вредное воздействие клубники не вызвало отвращения к ней, был удивлен, что больше не видит своего любимого блюда; но терпеливо переносил лишение, пока однажды не расспросил свою няню и очень серьезно не потребовал объяснений по этому поводу, которые добрая женщина не могла дать, потому что баловала его до такой степени, что даже баловала. Он знал ее слабость и часто пользовался ею, как, например, в данном случае. Он рассердился и сказал своей няне тоном, который произвел на нее такое же сильное впечатление, какое мог бы произвести император или король Голландии: "Я буду клубнику. Отдай их мне немедленно". Бедная няня умоляла его успокоиться и сказала, что отдаст их ему, но она боялась, что, если что-нибудь случится, он расскажет королеве, кто это сделал. "И это все?" нетерпеливо спросил Наполеон. "Не бойся, я обещаю никому не рассказывать".

Медсестра уступила, и клубника возымела свое обычное действие. Королева вошла, когда он подвергался наказанию за потакание своим слабостям; и он не мог отрицать, что съел запретный плод, поскольку доказательства были слишком очевидны. Королева была очень разгневана и пожелала узнать, кто ослушался ее; она попеременно умоляла и угрожала девочке, которая все еще продолжала отвечать с величайшим спокойствием: "Я обещала никому не рассказывать". И, несмотря на огромное влияние, которое она имела на него, она не могла заставить его назвать ей имя виновного.

Юный Наполеон был предан своему дяде и проявлял в его присутствии терпение и самообладание, весьма чуждые его обычному характеру. Император часто сажал его к себе на колени во время завтрака и забавлялся, заставляя его есть чечевицу одну за другой. Хорошенькое личико ребенка стало пунцовым, все его выражение выражало отвращение и нетерпение; но его величество мог продолжать это развлечение, не опасаясь, что его племянник рассердится, что он безошибочно сделал бы с любым другим.

Мог ли он в таком нежном возрасте сознавать превосходство своего дяди над всеми, кто его окружал? Король Людовик, его отец, дарил ему каждый день новую игрушку, подобранную в

точном соответствии с его фантазией; но ребенок предпочитал те, что ему подарил дядя; и когда отец сказал ему: "Но посмотри сюда, Наполеон, это уродливые вещи; мои красивее". — "Нет, - сказал юный принц, - они очень милые; мой дядя подарил их мне".

Однажды утром, когда он посетил его величество, он проходил через салон, где среди множества великих персон находился принц Мюрат, в то время, я думаю, великий герцог Бергский. Мальчик прошел мимо, ни с кем не поздоровавшись, когда принц остановил его и сказал: "Не пожелаете ли вы мне доброго утра?" — "Нет, - ответил Наполеон, высвобождаясь из объятий великого герцога, - не при моем дяде императоре".

По окончании смотра, состоявшегося во дворе Тюильри и на площади Карусель, император поднялся в свои апартаменты и бросил шляпу на один диван, шпагу - на другой. Вошел Маленький Наполеон, взял шпагу своего дяди, затянул пояс на шее, надел шляпу на голову и затем важно зашагал, напевая марш за императором и императрицей. Ее величество, обернувшись, увидела его и, заключив в объятия, воскликнула: "Какая прелестная картина!" Изобретательная в использовании любого случая, чтобы угодить своему мужу, императрица вызвала г-на Жерара и заказала портрет юного принца в этом костюме; и картина была доставлена во дворец Сен-Клу в тот самый день, когда императрица узнала о смерти этого любимого ребенка.

Ему едва исполнилось три года, когда, увидев, что счет его сапожника оплачен пятифранковыми монетами, он громко закричал, не желая, чтобы они отдавали фотографию его дяди Бибиша. Таким образом, имя Бибиче, данное молодым принцем его величеству, возникло таким образом. Императрица приказала поместить в парке Сен-Клу несколько газелей, которые очень боялись всех обитателей дворца, кроме императора, который позволял им есть табак из своей табакерки и таким образом побуждал их следовать за собой, и получал большое удовольствие, угощая их табаком из рук маленького Наполеона, которого он также сажал на спину одной из них. Последний называл этих милых животных не иначе, как Бибиче, и забавлялся, давая то же имя своему дяде.

Этот очаровательный ребенок, которого обожали и отец, и мать, использовал свое почти магическое влияние на каждого, чтобы примирить их друг с другом. Он взял своего отца за руку, который позволил этому ангелу мира отвести себя к королеве Гортензии, а затем сказал ему: "Поцелуй ее, папа, прошу тебя", и был вне себя от радости, когда ему таким образом удалось примирить этих двух существ, которых он любил с одинаковой нежностью.

Как мог такой прекрасный персонаж не сделать этого ангела любимым всеми, кто его знал? Как мог император, любивший всех детей, не быть преданным ему, даже если бы он не был его племянником и крестником той доброй Жозефины, которую он ни на мгновение не переставал любить? В возрасте семи лет, когда эта болезнь, круп, столь опасная для детей, вырвала его из убитой горем семьи, он уже проявил замечательные черты характера, которые были основой самых блестящих надежд. Его гордый и надменный характер, хотя и делал его восприимчивым к самым благородным впечатлениям, не был несовместим с послушанием. Мысль о несправедливости была ему отвратительна, но он с готовностью подчинился разумному совету и законному авторитету.

Первенец новой династии, ему подобало привлекать к себе глубочайшую нежность и заботу вождя. Злоба и зависть, которые всегда стремятся опорочить и очернить великих, давали

клеветнические объяснения этой почти отцовской привязанности; но мудрые и вдумчивые люди видели в этой приемной нежности только то, что она явно проявляла, — желание и надежду передать свою огромную власть и самое великое имя во вселенной наследнику, пусть косвенному, но императорской крови, который, воспитанный на глазах и по указанию императора, был бы для него всем, чем только может быть сын. Смерть молодого Наполеона явилась предвестницей несчастий в разгар его славной карьеры, расстроив все планы, которые вынашивал монарх, и заставила его сосредоточить все свои надежды на наследнике по прямой линии.

Именно тогда в его голове возникли первые мысли о разводе, хотя это произошло только два года спустя и стало предметом частных разговоров только во время пребывания в Фонтенбло. Императрица с готовностью осознала роковые последствия для нее смерти этого крестника, и с тех пор она постоянно думала об этом ужасном событии, которое разрушило ее жизнь. Эта преждевременная смерть была для нее безутешным горем, и она заперлась на три дня, горько плача, не видя никого, кроме своих женщин, и почти ничего не питаясь. Казалось даже, что она боялась отвлечься от своего горя, поскольку с какой-то жадностью окружала себя всем, что могло напоминать о ее невосполнимой утрате. С некоторым трудом она добыла у королевы Гортензии часть волос юного принца, которые его убитая горем мать свято хранила; императрица уложила эти волосы в рамку на подушке из черного бархата и всегда держала их при себе. Я часто видел это в Мальмезоне, и никогда без глубокого волнения.

Но как я могу попытаться описать отчаяние королевы Гортензии, этой женщины, которая стала такой же идеальной матерью, какой была дочерью? Она ни на минуту не отходила от своего сына во время его болезни; и когда он скончался у нее на руках, все еще желая оставаться рядом с его безжизненным телом, она сцепила руки на спинке стула, чтобы ее не отрывали от этой душераздирающей сцены. Наконец природа уступила столь пронзительному горю: несчастная мать упала в обморок, и была использована возможность перенести ее в ее собственные апартаменты, все еще сидящую в кресле, с которого она не вставала и которое судорожно сжимала руками. Проснувшись, королева издавала пронзительные крики, а ее сухие, вытаращенные глаза и побелевшие губы давали повод опасаться, что она близка к концу. Ничто не могло вызвать слез на ее глазах, пока, наконец, одному камергеру не пришла в голову идея принести тело юного принца и положить его на колени его матери; и это произвело на нее такое впечатление, что у нее вырвались слезы и спасли ей жизнь, в то время как она покрывала поцелуями холодные и обожаемые останки. Вся Франция разделяла горе королевы Голландии.

ГЛАВА IV.

Мы прибыли в Сен-Клу 27 июля; и император провел лето частично в этой резиденции, а частично в Фонтенбло, возвращаясь в Париж только в особых случаях и никогда не задерживаясь дольше двадцати четырех часов. Во время отсутствия его Величества замок Рамбуйе был отреставрирован и обставлен заново, и император провел там несколько дней. В первый раз, войдя в ванную, он резко остановился в дверях и огляделся с выражением крайнего удивления и недовольства; и когда я стал искать причину этого, проследив за направлением взгляда его Величества, я увидел, что они остановились на различных семейных портретах, которые архитектор нарисовал на стенах комнаты. Это были портреты его матери, его сестер, королевы Гортензии и т.д.; и вид такой галереи в таком месте вызвал крайнее неудовольствие императора. "Что за чушь!" - воскликнул он. "Констант, вызови маршала Дюрока!" И когда появился великий маршал, его Величество поинтересовался: "Кто тот идиот, которому могла прийти в голову такая идея? Прикажите художнику прийти и стереть все это. Должно быть, он мало уважает женщин, если виновен в таком непристойном поведении".

Когда двор останавливался в Фонтенбло, жители с лихвой компенсировали себе долгое отсутствие его величества высокой ценой, по которой они продавали все съестные припасы. Их вымогательства превратились в скандальные наложения, и не один иностранец, совершавший поездку в Фонтенбло, думал, что его удерживает отряд бедуинов с целью получения выкупа. Во время пребывания двора убогая кровать из мешковины в убогой гостинице стоила двенадцать франков за одну ночь; самая скромная трапеза стоила невероятных денег и, несмотря на это, была отвратительна; фактически, это было настоящее ограбление путешественников. Кардинал Капрара,

[Джованни Баттиста Капрара, родился в знатной семье в Болонье в 1733 году; граф и архиепископ Милана; кардинал с 1792 года; Заключил Конкордат в 1801 году; умер в 1810 году]

чью суровую экономность знал весь Париж, однажды он отправился в Фонтенбло, чтобы засвидетельствовать свое почтение императору, и в отеле, где он остановился, выпил всего одну чашку бульона, а шесть человек из его свиты съели лишь очень легкую трапезу, поскольку кардинал договорился вернуться через три часа; но, несмотря на это, когда он садился в свой экипаж, хозяин имел наглость предъявить ему счет на шестьсот франков! Князь церкви возмущенно протестовал, приходил в ярость, угрожал и т.д., Но все было напрасно; и счет был оплачен.

Такое возмутительное навязывание не могло не дойти до ушей императора и возбудило его гнев до такой степени, что он немедленно приказал установить фиксированный график цен, превышать который трактирщикам было запрещено. Это положило конец поборам кровопийц Фонтенбло.

21 августа в Париж прибыла принцесса Екатерина Вюртембергская, будущая жена принца Жерома Наполеона, короля Вестфалии. Этой принцессе было около двадцати четырех лет, она была очень красива, с самой благородной и грациозной осанкой; и хотя только политика привела к этому браку, никогда любовь или добровольный выбор не могли сделать ее счастливее.

Мужественное поведение ее величества королевы Вестфалии в 1814 году, ее преданность своему свергнутому мужу и ее восхитительные письма отцу, который хотел вырвать ее из объятий короля Джерома, вошли в историю. Я видел, как утверждалось, что этот принц никогда не переставал, даже после этой женитьбы, которая так льстила его честолюбию, переписываться со своей первойженой, мадемуазель Паттерсон, и что он часто посылал в Америку своего камердинера Рико, чтобы узнать об этой леди и их ребенке. Если это правда, то не менее верно и то, что эти знаки внимания к его первой жене, которые были не только вполне простительны, но даже, по моему мнению, достойны похвалы со стороны принца Джерома и о которых ее величество королева Вестфалии, вероятно, хорошо знала, не обязательно мешали ей быть счастливой со своим мужем.

Нельзя привести свидетельства более надежного, чем свидетельство самой королевы; и она выражает себя следующим образом в своем втором письме его Величеству, королю Вюртембургскому:

"Вынужденная политикой выйти замуж за короля, моего мужа, судьба распорядилась так, что я оказалась самой счастливой женщиной во вселенной. Я испытываю к своему мужу объединенные чувства любви, нежности и уважения. Может ли в этот болезненный момент лучший из отцов желать разрушить мое семейное счастье, единственное, что у меня теперь осталось? Я осмеливаюсь сказать, что вы, мой дорогой отец, вы и вся моя семья совершаете большую несправедливость по отношению к королю, моему мужу; и я верю, что придет время, когда вы убедитесь, что поступили с ним несправедливо, и тогда вы когда-нибудь найдете в нем, как и во мне, самого уважительного и любящего из детей".

Затем ее величество рассказала об ужасном несчастье, которому она подверглась. Это событие, которое было действительно ужасным, было не чем иным, как насилием и ограблением, совершенными над беглой, беззащитной и одинокой женщиной бандой, во главе которой стоял знаменитый маркиз де Мобрей (французский политический авантюрист, родился в Бретани в 1782 году; умер в 1855 году). который был конюшим короля Вестфалии. Говоря о событиях 1814 года, я вернусь к этому позорному делу и приведу некоторые подробности, которые, я думаю, не всем известны, в отношении главных авторов и участников этого дерзкого разбойного нападения.

В сентябре следующего месяца из Санкт-Петербурга прибыл курьер российского кабинета министров с письмом к его Величеству от императора Александра; и среди других великолепных подарков были две очень красивые меховые накидки из черной лисицы и мартышкиного соболя.

Во время пребывания их Величеств в Фонтенбло император часто выезжал в своей карете вместе с императрицей по улицам города без сопровождения и охраны. Однажды, проходя мимо больницы Мон-Пьеро, ее Величество императрица увидела в окне очень пожилого священника, который приветствовал их Величества. Императрица, ответив на приветствие старика со своей обычной грацией, указала на него императору, который сам отдал ему честь, и, приказав своему кучеру остановиться, послала одного из лакеев с просьбой к старому священнику подойти и поговорить с ними минутку, если это не слишком утомительно. Старик, который все еще ходил легко, поспешил спуститься; и чтобы сэкономить ему несколько шагов, император приказал подогнать свою карету вплотную к дверям больницы.

Его Величество некоторое время беседовал с добрым священнослужителем, проявляя величайшую доброту и уважение. Он сообщил их Величествам, что до революции был штатным священником одного из приходов Фонтенбло и делал все возможное, чтобы избежать эмиграции; но этот террор в конце концов вынудил его покинуть родину, хотя ему было тогда более семидесяти пяти лет; что он вернулся во Францию во время провозглашения Конкордата и теперь жил на скромную пенсию, которой едва хватало на содержание в больнице. "Господин аббат, - сказал его величество, внимательно выслушав старого священника, - я прикажу удвоить вашу пенсию; и если этого будет недостаточно, я надеюсь, вы обратитесь с прошением к императрице или ко мне". Добрый священнослужитель поблагодарил императора со слезами на глазах. "К сожалению, сир, - сказал он среди прочего, - я слишком стар, чтобы долго наслаждаться правлением вашего величества или пользоваться вашей добротой". — "Вы?" - ответил император, улыбаясь. - "Да ведь вы молодой человек. Посмотрите на мсье де Беллуа; он намного вас старше, и мы надеемся, что он останется с нами еще надолго. Затем их Величества попрощались со стариком, который был очень взволнован, оставив его посреди толпы жителей, собравшихся перед больницей во время этого разговора и на которых эта интересная сцена и щедрая доброта императора произвели большое впечатление.

Господину де Беллуа, кардиналу и архиепископу Парижа, имя которого император упомянул в беседе, которую я только что пересказал, было тогда девяносто восемь лет, хотя здоровье у него было отменное; и я никогда не видел старика, у которого был бы такой почтенный вид, как у этого достойного прелата. Император питал к нему глубочайшее уважение и при каждом удобном случае неизменно демонстрировал это. В сентябре того же года, когда большое количество верующих собралось по обычаю на горе Валерьен, архиепископ также отправился туда, чтобы отслужить мессу. Когда он собирался уходить, видя, что многие благочестивые люди ожидают его благословения, он обратился к ним, прежде чем даровать его, в нескольких словах, которые свидетельствовали о его доброте сердца и евангельской простоте: "Дети мои, я знаю, что, должно быть, очень состарился из-за потери своих сил, но не из-за моего усердия и моей нежности к вам. Молите Бога, дети мои, о вашем старом архиепископе, который каждый день заступает за вас".

Во время своего пребывания в Фонтенбло император чаще, чем когда-либо прежде, наслаждался удовольствиями охоты. Необходимым костюмом был французский сюртук цвета зеленого дракона, украшенный пуговицами и золотым кружевом, белые кашемировые бриджи и гессенские сапоги без подкладки; это был костюм для большой охоты, которая всегда была охотой на оленя; для охоты с ружьями - простой зеленый французский сюртук без каких-либо других украшений, кроме белых пуговиц, на которых были вырезаны подходящие надписи. Этот костюм был одинаковым для всех лиц, принимавших участие в этой охоте, без каких-либо отличительных знаков, даже для самого его Величества.

Принцессы отправились на свидание в испанской карете, запряженной одной или четырьмя шестерками лошадей, и таким образом последовали за погоней, их нарядом были элегантные костюмы для верховой езды и шляпы с белыми или черными плюмажами.

Одна из сестер императора (я сейчас не помню, которая именно) никогда не упускала случая отправиться на охоту в сопровождении множества очаровательных дам, которых всегда приглашали позавтракать на randevu, как всегда было принято в подобных случаях с придворными. Одна из этих дам, одновременно красивая и умная, привлекла внимание

императора, завязалась короткая переписка, и, наконец, император снова приказал мне отнести письмо.

Во дворце Фонтенбло есть частный сад под названием сад Дианы, доступ в который имели только их Величества. Этот сад окружен с четырех сторон зданиями; слева находилась часовня с ее мрачной галереей и готической архитектурой; справа - большая галерея (насколько я помню); посередине - здание, в котором находились апартаменты их Величеств; наконец, перед площадью и лицом к ней были широкие аркады, а за ними здания, предназначенные для различных лиц, прикрепленных к двору принцев или императора. Мадам де Б., дама, которую заметил император, проживала в апартаментах, расположенных за этими аркадами на первом этаже; и его Величество сообщил мне, что я найду окно открытым, через которое я должен осторожно проникнуть в темноте и передать его записку лицу, которое спросит о ней. Эта темнота была необходима, потому что это окно выходило в сад и, хотя находилось за аркадами, было бы замечено, если бы там горел свет. Не зная интерьера этих квартир, я проник через окно, думая, что тогда смогу ходить по ровному полу, но ужасно упал с высокой ступеньки, которая находилась в проеме окна. Падая, я услышал чей-то крик, и дверь внезапно закрылась. Я получил сильные ушибы на колене, локте и голове и, с трудом поднявшись, сразу же начал обыскивать комнату, ощупью пробираясь в темноте; но больше ничего не услышав и опасаясь произвести какой-нибудь новый шум, который могли услышать люди, которым не следовало знать о моем присутствии там, я решил вернуться к императору и доложить ему о своих приключениях.

Обнаружив, что ни одна из моих травм не была серьезной, император от души рассмеялся, а затем добавил: "О, о, значит, есть шаг; хорошо это знать. Подождите, пока мадам Б. не оправится от испуга; я пойду к ней, и вы составите мне компанию". По прошествии часа император вышел со мной из двери своего кабинета, которая выходила в сад. Я молча подвел его к окну, которое все еще было открыто, помог ему забраться внутрь и, получив за свой счет правильное представление о месте, объяснил ему, как избежать падения.

Его величество, войдя в комнату без происшествий, велел мне удалиться. Я не без некоторого беспокойства сообщил об этом императору, но он ответил, что я ребенок и никакой опасности быть не может. Оказалось, что его величеству это удалось лучше, чем мне, поскольку он вернулся только на рассвете, а затем пошутил над моей неловкостью, признав, однако, что, если бы его не предупредили, с ним произошел бы аналогичный несчастный случай.

Хотя мадам де Б. была достойна искренней привязанности, ее связь с императором длилась недолго и была всего лишь мимолетным увлечением. Я думаю, что трудности, связанные с его ночными визитами, сильно охладили пыл его величества, ибо император был недостаточно влюблен, чтобы быть готовым бросить вызов всему ради того, чтобы увидеть свою прекрасную возлюбленную. Его Величество сообщил мне о страхе, который вызвало у нее мое падение, и о том, как беспокоилась за меня эта милая леди, и как он успокоил ее; это, однако, не помешало ей на следующий день прислать ко мне доверенное лицо, чтобы узнать, как я себя чувствую, которое снова сообщило мне, насколько мадам де Б. была заинтересована в моем несчастном случае.

Часто в Фонтенбло устраивались придворные представления, на которых актеры первых театров получали приказы разыгрывать перед их Величествами сцены, выбранные из их различных репертуаров. Мадемуазель Марс должна была играть вечером в день своего приезда; но в

Эссоне, где она была вынуждена на минутку остановиться из-за того, что дорога была забита скотом, идущим или возвращающимся из Фонтенбло, у нее украли сундук, о чем она узнала только после того, как отошла на некоторое расстояние от места происшествия. Пропали не только ее костюмы, но и у нее не было никакой другой одежды, кроме той, что была на ней; и пройдет по меньшей мере двенадцать часов, прежде чем она сможет получить из Парижа то, что ей нужно. Было два часа дня, и в тот же вечер она должна была появиться в блистательной роли Селимены. Хотя мадемуазель Марс и была сильно встревожена этим происшествием, она не потеряла присутствия духа, а обошла все магазины города и за несколько часов скроила полный костюм в самом изысканном стиле, и ее потеря была полностью возмещена.

ГЛАВА V.

В ноябре месяце этого года я последовал за их Величествами в Италию. Мы знали за несколько дней вперед, что император совершит это путешествие; но, как случилось во всех других случаях, ни день, ни час не были назначены, пока вечером 15-го нам не сказали, что мы отправимся в путь рано утром 16-го. Я провел ночь, как и все домочадцы его Величества; ибо для того, чтобы обеспечить невероятный комфорт, которым император окружал себя в своих путешествиях, было необходимо, чтобы все отправились пешком, как только будет известен час отъезда; следовательно, я провел ночь, занимаясь обслуживанием его Величества, в то время как моя жена упаковывала мой собственный багаж, и только что закончил, когда император позвал меня, что означало, что через десять минут мы будем в пути. В четыре часа утра его величество сел в свою карету.

Поскольку мы никогда не знали, в какой час и в каком направлении император отправится в свое путешествие, великий маршал, великий конюший и великий камергер отправили вперед полный состав войск по всем различным дорогам, по которым, по их мнению, могло отправиться его величество. В спальню входили камердинер и гардеробщик. Что касается меня, я никогда не отходил от особы его Величества, и моя карета всегда следовала непосредственно за его каретой. В транспортном средстве, принадлежащем этой службе, находилась железная кровать с принадлежностями для нее, туалетный шкаф с бельем, пальто и т.д. Я мало что знаю о службе в конюшнях, но служба на кухне была организована следующим образом: на площади Людовика XV стояла повозка, почти в форме куку. в Париже, с глубоким дном и огромным кузовом. На дне хранились вина для императорского стола и стола высших офицеров, обычное вино покупалось в местах, где мы останавливались. В кузове фургона находились кухонные принадлежности и переносная печь, за ними следовала карета, в которой находились стюард, два повара и мальчик-печник. Кроме того, имелся багажный фургон, набитый провизией и вином, чтобы пополнить другой по мере его опорожнения; и все эти повозки отправились в путь за несколько часов до прибытия императора. В обязанности великого маршала входило указать место, в котором следовало позавтракать. Иногда мы останавливались у архиепископа, иногда

в отель де Вилль, иногда в резиденции супрефекта или даже у мэра, в отсутствие каких-либо других высокопоставленных лиц. Прибыв в указанный дом, управляющий отдавал распоряжения насчет провизии, разжигались печи и вращались вертела; и если император выходил и вкушал приготовленную трапезу, съеденные припасы немедленно заменялись, насколько это было возможно, и экипажи снова наполнялись домашней птицей, выпечкой и т.д.; перед отъездом управляющий оплачивал все расходы, хозяину дома делались подарки, а все, что не было необходимо для обслуживания, оставлялось в пользовании слуг. Иногда случалось, что император, обнаружив, что для завтрака еще слишком рано, или желая совершить более длительное путешествие, отдавал приказы ехать дальше, и все снова укладывалось, и служба продолжалась своим чередом. Иногда также император, останавливаясь в открытом поле, выходил, садился под деревом и заказывал завтрак, на который Рустан и лакеи доставали провизию из кареты его Величества, которая была снабжена маленькими кухонными принадлежностями с серебряными крышками, в которых содержались сыпья, куропатки и т. Д., В то время как другие экипажи предоставляли свою долю. Господин Пфистер прислуживал императору, и каждый поспешно съедал по кусочку. Разожгли костры, чтобы подогреть кофе, и менее чем через полчаса все исчезло, и экипажи покатили дальше в том же порядке, что и раньше.

Почти все императорские стюарды и повара прошли подготовку при дворе короля и принцев. Это были господа Дюнау, Леонард, Руфф и Жерар. Месье Колин был главнокомандующим и стал стюардом-контролером после печального недуга месье Пфистера, который сошел с ума во время кампании 1809 года. Все они были способными и ревностными слугами; и, как это бывает в доме всех государей, в каждом ведомстве внутренних дел был свой начальник. Господа Супе и Пьерруг отвечали за вина, и сыновья этих господ продолжали занимать ту же должность при императоре.

Мы с большой скоростью добрались до Мон-Сени, но после достижения этого перевала были вынуждены ехать медленнее, так как погода в течение нескольких дней была очень плохой, а дорогу размывало дождем, который все еще лил проливными потоками. Император прибыл в Милан в полдень 22-го; и, несмотря на нашу задержку в Мон-Сени, остальная часть путешествия прошла так быстро, что императора никто не ожидал. Вице-король узнал о прибытии своего отчима, только когда тот был в половине лиги от города, но поспешил нам навстречу в сопровождении всего нескольких человек. Император приказал остановиться и, как только дверь открылась, протянул руку принцу Евгению, сказав самым нежным тоном: "Поднимайтесь с нами, мой прекрасный принц; мы войдем вместе".

Несмотря на удивление, вызванное этим неожиданным прибытием, едва мы вошли в город, как все дома были освещены, а прекрасные дворцы Литта, Казани, Мельци и многие другие засияли тысячью огней. Великолепный купол собора был увит гирляндами разноцветных огней; а в центре Форума Бонапарта, аллеи которого также были подсвечены, можно было увидеть колоссальную конную статую императора, по обе стороны от которой были установлены прозрачные пленки в форме звезд с инициалами S M I и R. К восьми часам все население собралось вокруг замка, где был произведен великолепный фейерверк, а также прозвучала энергичная и воинственная музыка. Все городские власти были допущены к присутствию императора.

Утром следующего дня в замке состоялся совет министров, на котором председательствовал император; а в полдень он вскочил на коня, чтобы принять участие в мессе, которую отслужил главный капеллан королевства. Площадь перед собором была запружена огромной толпой, сквозь которую император проезжал верхом в сопровождении его императорского Высочества вице-короля и его штаба. Благородное лицо принца Евгения выражало великую радость, которую он испытывал в присутствии своего отчима, к которому он всегда питал такое большое уважение и сыновнюю привязанность, и от того, что слышал непрекращающиеся возгласы народа, которые с каждой минутой становились все более громкими.

После "Te Deum" император устроил смотр войскам на площади и сразу после этого вместе с вице-королем отправился в Монцу, дворец, в котором проживала королева. Ни к одной женщине император не проявлял более искреннего уважения, чем к принцессе Амелии; но, на самом деле, никогда не было более красивой и чистой женщины. Невозможно было говорить о красоте или добродетели в присутствии императора без того, чтобы он не привел в пример вице-королеву. Принц Евгений был очень достоин такой совершенной жены и справедливо ценил ее возвышенный характер; и я был рад видеть на лице превосходного принца отражение счастья, которым он наслаждался. Несмотря на всю заботу, которую он проявлял, предвосхищая каждое желание своего отчима, я был очень рад, что он нашел время обратиться ко мне с несколькими словами, выразив огромное удовольствие, которое он испытывал от моего продвижения по службе и уважения императора. Ничто не могло быть для меня более благодарным, чем эти знаки внимания от принца, к которому я всегда питала самую искреннюю и, осмелюсь сказать, самую нежную привязанность.

Император долго оставался с вице-королевой, чей ум не уступал ее любезности и красоте, но вернулся в Милан, чтобы отобедать; и сразу же после этого ему были представлены дамы, принятые при дворе. Вечером я последовал за его Величеством в театр "Ла Скала". Император не присутствовал на протяжении всего спектакля, а рано удалился в свои апартаменты и работал большую часть ночи, что, однако, не помешало нам отправиться в Верону еще до восьми часов утра.

Его величество не останавливался в Брешии и Вероне. Я был бы очень рад, если бы по пути у меня было время осмотреть достопримечательности Италии; но это было нелегко сделать в свите императора, поскольку он останавливался только для смотра войск и предпочитал осмотр укреплений руинам.

В Вероне его Величество обедал, или, скорее, отужинал (поскольку было уже очень поздно), с их Величествами, королем и королевой Баварии, которые прибыли почти одновременно с нами; и очень рано на следующий день мы отправились в Виченцу.

Хотя сезон был уже в разгаре, я получил огромное удовольствие от сцены, которая ожидает путешественника по дороге из Вероны в Виченцу. Представьте себе огромную равнину, разделенную на бесчисленные поля, каждое из которых окаймлено различными видами деревьев со стройными стволами, — в основном вязами и тополями, — которые образуют аллеи, насколько хватает глаз. Виноградные лозы обвиваются вокруг их стволов, взбираются по каждому дереву и свисают с каждой ветки; в то время как другие ветви этих лиан, ослабляя свою хватку на дереве, которое служит им опорой, свисают прямо до земли и изящными гирляндами свисают с дерева на дерево. За ними повсюду виднелись прекрасные природные беседки,

великолепные поля пшеницы; по крайней мере, так было во время моего предыдущего путешествия, но к этому времени урожай был собран в течение нескольких месяцев.

В конце дня, который я с наслаждением провел среди этих плодородных равнин, я въехал в Виченцу, где городские власти вместе почти со всем населением ожидали императора под великолепной триумфальной аркой на въезде в город. Мы были чрезвычайно голодны, и в тот вечер, уходя на покой, его Величество сам сказал, что ему очень захотелось сесть за стол, когда он приехал в Виченцу. Тогда я затрепетал при мысли об этих длинных итальянских речах, которые, как мне показалось, были даже длиннее французских, несомненно, потому, что я не понял ни единого слова; но, к счастью, магистраты Виченцы были достаточно хорошо информированы, чтобы не воспользоваться нашим положением, и их речи заняли всего несколько мгновений.

В тот вечер его Величество отправился в театр; и я был так утомлен, что с радостью воспользовался бы отсутствием императора, чтобы немного отдохнуть, если бы один знакомый не пригласил меня сопровождать его в монастырь Сервитов, чтобы увидеть эффект иллюминации города, что я и сделал, и был вознагражден великолепным зрелищем, которое предстало моим глазам. Весь город казался одним ярким пятном. Вернувшись во дворец, занимаемый его Величеством, я узнал, что он отдал приказ, чтобы все было готово к отъезду через два часа после полуночи; следовательно, у меня был один час на сон, и я наслаждался им в высшей степени.

В назначенный момент император сел в свою карету, и вскоре мы с быстротой молнии катили по дороге в Стра, где провели ночь. Очень рано на следующее утро мы отправились в путь по длинной дамбе, проложенной через болота. Пейзаж почти такой же, но все же не такой красивый, как тот, который мы миновали, прежде чем добраться до Виченцы. Мы все еще видели рощи тутовых и оливковых деревьев, из которых получают лучшее масло, и поля кукурузы и конопли, перемежающиеся лугами. За пределами Стра начинается выращивание риса; и, хотя рисовые поля должны были бы сделать страну нездоровой, все же она не пользуется репутацией более нездоровой, чем любая другая. Справа и слева от дороги виднеются элегантные дома и хижины, которые, хотя и покрыты соломой, очень удобны и имеют очаровательный вид. Виноградная лоза мало культивируется в этой части страны, где она вряд ли преуспела бы, так как земля слишком низкая и влажная; но, тем не менее, на склонах есть несколько небольших виноградников, а растительность по всей стране невероятно богата и буйна. Последние войны оставили следы, которые может стереть только длительный мир.

ГЛАВА VI.

По прибытии в Фузину император обнаружил, что венецианские власти ожидают его, сел в деревенскую "пеоте", или гондолу, и двинулся в сторону Венеции в сопровождении

многочисленного плавучего кортежа. Мы следовали за Императором в маленьких черных гондолах, похожих на плавучие гробы, которыми была покрыта река Brenta; и нет ничего более странного, чем слышать, как из этих гробов такого мрачного вида доносятся восхитительные вокальные концерты. Лодка, на которой находился его Величество, и гондолы главных персон его свиты были богато украшены.

Когда мы прибыли в устье реки, нам пришлось ждать почти полчаса, пока откроют шлюзы, что делалось постепенно и со всеми предосторожностями; без этого воды Brentы, удерживаемые в своем канале и значительно поднявшиеся над уровнем моря, внезапно хлынули бы наружу и при своем бурном спуске погнали бы наши гондолы перед собой или потопили бы их. Освободившись наконец от Brentы, мы очутились в заливе и увидели вдалеке, поднимающийся из глубины моря, чудесный город Венецию. Барки, гондолы и суда значительных размеров, заполненные всем богатым населением и всеми лодочниками Венеции в парадных костюмах, появлялись со всех сторон, проезжая, перестраиваясь и пересекая друг друга во всех направлениях с самым замечательным мастерством и скоростью.

Император стоял в задней части пирса и, когда каждая гондола проезжала мимо его собственной, отвечал на приветствия и крики "Да здравствует Наполеон императоре!" одним из тех глубоких поклонов, которые он совершал с таким изяществом и достоинством, снимая шляпу, не наклоняя головы, и держа ее вдоль тела почти до колен.

В сопровождении этой бесчисленной флотилии, адмиральским кораблем которой, по-видимому, был главный в городе, его Величество наконец въехал в Большой канал, протекавший между великолепными дворцами, увешанными знаменами и заполненными зрителями. Император сошел перед дворцом прокураторов, где был принят депутацией членов сената и венецианской знати. Он на минуту остановился на площади Святого Марка, прошел по нескольким внутренним улицам, выбрал место для сада, планы которого затем представил ему городской архитектор и который был выполнен так, как если бы это было в центре страны. Для венецианцев было непривычным зрелищем видеть деревья, посаженные под открытым небом, в то время как живые изгороди и газоны появлялись словно по волшебству. Полное отсутствие зелени и растительности и тишина, царящая на улицах Венеции, где никогда не слышно ни стука лошадиных копыт, ни колес кареты, поскольку лошади и экипажи совершенно неизвестны в этом поистине морском городе, должны придавать ему обычно печальный и заброшенный вид; но этот мрак полностью исчез во время визита его Величества.

Принц-вице-король и великий маршал присутствовали вечером, когда император удалился; и, раздевая его, я услышал часть их разговора, который касался правительства Венеции до объединения этой республики с Французской империей. Его Величество был почти единственным оратором, принц Евгений и маршал Дюрок ограничились тем, что вставили несколько слов в беседу, как бы для того, чтобы подготовить новый текст для императора и не допустить, чтобы он сделал паузу и, таким образом, слишком рано закончил свою речь; на самом деле это была настоящая речь, поскольку его Величество взял инициативу на себя и почти не оставил другим возможности сказать. Такова была его привычка, но никто и не думал жаловаться на это, настолько интересными почти всегда были идеи императора, настолько оригинальными и блестяще выраженными. Его величество не вступал в беседу, как было правдиво сказано в дневнике, который я приобщил к своим мемуарам, но он говорил с

невыразимым очарованием; и в этом пункте мне кажется, что автор "Журнала Экс-ла-Шапель" был несправедлив к императору.

Как я только что сказал, его Величество говорил о древнем государстве Венеция, и из того, что он сказал по этому поводу, я узнал больше, чем мог бы почерпнуть из самой интересной книги. Вице-король заметил, что некоторые патриции сожалеют о своей прежней свободе, император воскликнул: "Свобода, что за вздор! свободы больше не существовало в Венеции, и, по сути, никогда не существовало, за исключением нескольких семей знати, которые угнетали остальное население. Свобода с Советом десяти! Свобода, с государственными инквизиторами! Свобода, с самими львами в качестве осведомителей, венецианскими темницами и пулями!" Маршал Дюрок отметил, что к концу эти суровые правила были значительно изменены. "Да, без сомнения", — ответил император. "Лев Святого Марка состарился; у него больше не было ни зубов, ни ногтей! Венеция была лишь тенью ее прежнего "я", и ее последний дож обнаружил, что поднялся до более высокого ранга, став сенатором Французской империи ". Его Величество, видя, что эта мысль вызвала у вице-короля улыбку, добавил очень серьезно: "Я не шучу, джентльмены. Римский сенатор гордился тем, что он больше, чем король; французский сенатор, по крайней мере, равен дожу. Я желаю, чтобы иностранцы приучили себя проявлять величайшее уважение к официальным властям Империи и относиться с большим уважением даже к простому титулу французского гражданина. Я позабочусь об этом. Спокойной ночи, Эжен. Дюрок, позаботься о том, чтобы завтрашний прием был таким, каким он должен быть. После церемонии мы посетим арсенал. Adieu, Messieurs. Констант, возвращайся через десять минут, чтобы погасить мой свет; я хочу спать. В этих гондолах тебя баюкают, как младенца".

На следующий день его величество, получив почтение венецианских властей, отправился в арсенал. Это огромное здание, укрепленное так тщательно, что оно было практически неприступным. Внешний вид крепости необычен из-за нескольких небольших островов, которые она окружает, соединенных между собой мостами. Таким образом, склады и многочисленные здания крепости кажутся плавающими на поверхности воды. Вход со стороны суши, которым нас познакомили, находится по очень красивому мраморному мосту, украшенному колоннами и статуями. На стороне, примыкающей к морю, есть многочисленные скалы и песчаные отмели, на наличие которых указывают длинные сваи. Говорят, что во время войны эти сваи были разобраны, что подвергло иностранные суда, достаточно неосторожные, чтобы запутаться среди этих отмелей, неминуемой гибели. Ранее арсенал мог вооружить восемьдесят тысяч человек, как пехоту, так и кавалерию, независимо от комплектного вооружения для военных кораблей.

Арсенал окаймлен высокими башнями, с которых открывается вид во все стороны. На самой высокой из этих башен, которая расположена в центре здания, как и на всех остальных, были выставлены часовые, как днем, так и ночью, чтобы сигнализировать о прибытии судов, которые они могли видеть на очень большом расстоянии. Нет ничего прекраснее верфей для строительства судов, на которых с легкостью могут работать десять тысяч человек. Паруса делают женщины, за которыми другие пожилые женщины осуществляют активное наблюдение.

Император задержался лишь ненадолго, чтобы взглянуть на "Буцентауру"; так называется великолепное судно, на котором венецианский дож имел обыкновение праздновать свой брак с морем; и венецианец никогда не видит без глубокого огорчения этот старый памятник былой

славы своей страны. Моим гидом в компании с некоторыми лицами из свиты императора был старый моряк, глаза которого наполнились слезами, когда он на плохом французском рассказал нам, что в последний раз он был свидетелем бракосочетания дожа с Адриатическим морем в 1796 году, за год до взятия Венеции. Он также рассказал нам, что в то время находился на службе у последнего дожа республики, лорда Луи Манини, и что в следующем году (1797) французы вошли в Венецию как раз в то время, когда обычно праздновалась свадьба дожа с морем, которая состоялась в День Вознесения, и с тех пор море оставалось вдовой. Наш добрый моряк отдал трогательную дань уважения своему старому хозяину, который, по его словам, так и не смог заставить себя принести присягу на верность австрийцам и упал в обморок, передавая им ключи от города.

Гондольеры являются одновременно слугами, мальчиками на побегушках, доверенными лицами и товарищами в приключениях для человека, который берет их к себе на службу; и ничто не может сравниться с отвагой, верностью и весельем этих отважных моряков. Они бесстрашно подставляют себя штормам в своих изящных гондолах; и их мастерство настолько велико, что они с невероятной быстротой поворачивают в самых узких каналах, пересекают друг друга, следуют друг за другом и постоянно обгоняют друг друга, ни разу не попав в аварию.

Я оказался в состоянии судить о мастерстве этих отважных моряков на следующий день после нашего посещения арсенала. Его Величество провели по лагунам до укрепленных ворот Мала-Мокки, а по возвращении гондольеры устроили лодочные гонки и турнир наводе. В тот день также было специальное представление в большом театре, и весь город был иллюминирован. На самом деле, можно подумать, что в Венеции постоянный праздник и всеобщая иллюминация; принято проводить большую часть ночи в делах или развлечениях, и улицы так же сверкают и так же полны людей, как в Париже в четыре часа дня. Магазины, особенно на площади Сан-Марко, ярко освещены, и толпы людей заполняют небольшие украшенные павильоны, где продаются кофе, мороженое и прохладительные напитки всех видов.

Однако император не перенял венецианский образ жизни и уходил на покой в тот же час, что и в Париже; а когда он не проводил день за работой со своими министрами, катался в гондоле по лагунам или посещал главные учреждения и общественные здания Венеции; и таким образом я увидел в обществе его Величества церковь Святого Марка и древний дворец дождей.

Церковь Святого Марка имеет пять входов, великолепно украшенных мраморными колоннами; ворота сделаны из бронзы и украшены прекрасной резьбой. Над средней дверью раньше были изображены четыре знаменитых бронзовых коня, которых император привез в Париж для украшения Триумфальной арки на площади Карусель. Башня отделена от церкви небольшой площадью, из середины которой она возвышается на высоту более трехсот футов. На нее взбираются по наклонной платформе без ступеней, что очень удобно; и по прибытии на вершину перед вами расстилается великолепнейшая панорама: Венеция с ее бесчисленными островами, покрытыми дворцами, церквями и зданиями, вдающимися на некотором расстоянии в море; а также огромная дамба шириной шестьдесят футов, глубиной несколько сажень, построенная из огромных каменных блоков, огромная работа которой окружает Венецию и все ее острова и защищает ее от подъема уровня моря.

Венецианцы больше всего восхищаются часами, установленными в башне, носящей их название, механизм которых показывает движение солнца и луны через двенадцать знаков зодиака. В нише над циферблатом находится позолоченное изображение Богородицы в

натуральную величину; говорят, что в определенные праздничные дни при каждом ударе маятника появляются два ангела с трубами в руках, за которыми следуют Три Мудреца, которые падают ниц у ног Девы Марии. Я ничего этого не видел, кроме двух больших черных фигур, отбивающих железными дубинками время на часах.

Дворец дождей - мрачное здание, а тюрьмы, отделенные от него лишь узким каналом, придают облику еще более удручающий вид.

В Венеции можно встретить торговцев из всех народов, евреев и греков очень много. Рустан, который понимал язык последних, пользовался спросом у самых выдающихся из них; и однажды главы греческих семей пришли пригласить его навестить их в своей резиденции на одном из островов, лежащих вокруг Венеции. Рустан поделился со мной своим желанием принять это приглашение, и я был в восторге от его предложения сопровождать его. По прибытии на их остров нас встретили наши хозяева, которые были очень богатыми купцами, как будто мы были старыми друзьями. Квартира, своего рода гостиная, в которую нас провели, отличалась не только воспитанностью и утонченностью, но и большой элегантностью; большой диван располагался по периметру холла, инкрустированный пол которого был покрыт искусно сплетенными циновками. Нашими хозяевами были шестеро мужчин, связанных одним и тем же ремеслом. Я был бы несколько смущен, если бы один из них, говоривший по-французски, не заговорил со мной, в то время как остальные разговаривали с Рустаном на своем родном языке. Нам предложили кофе, фрукты, мороженое и трубки; а так как я никогда не любил курить и, кроме того, знал, какое отвращение внушают императору запахи вообще, и особенно запах табака, я отказался от трубки и выразил опасение, что моя одежда может пропахнуть из-за того, что я нахожусь так близко к курильщикам. Мне показалось, я понял, что эта деликатность значительно понизила мое уважение к моим хозяевам, несмотря на то, что, когда мы уезжали, они передали нам самые настоятельные приглашения повторить наш визит, что было невозможно, поскольку император вскоре после этого покинул Венецию.

По возвращении император спросил меня, был ли я в городе, что я о нем думаю и заходил ли я в какие-нибудь резиденции; фактически, в то, что показалось мне заслуживающим внимания. Я ответил так хорошо, как только мог; и поскольку его Величество был как раз в тот момент в настроении для легкой беседы, рассказал ему о нашей экскурсии и визите к греческой семье. Император спросил меня, что эти греки думают о нем. "Сир, - ответил я, - тот, кто говорил по-французски, казался всецело преданным вашему величеству и выразил мне надежду, которую он и также его братья питали, что император Франции, успешно сражавшийся с мамелюками в Египте, может также когда-нибудь стать освободителем Греции".

"Ах, месье Констан, - сказал мне император, резко ущипнув меня, - вы вмешиваетесь в политику". — Простите меня, сир, я только повторил то, что слышал, и неудивительно, что все угнетенные рассчитывают на помощь вашего величества. Эти бедные греки, кажется, страстно любят свою страну и, прежде всего, искренне ненавидят турок". — "Это хорошо, - сказал его Величество, - но я должен прежде всего заняться своими делами. Констант! - продолжал его Величество, внезапно меняя тему разговора, которым он соизволил удостоить меня, и иронически улыбаясь. - Что вы думаете о внешности прекрасных гречанок? Сколько моделей вы видели, достойных Кановы или Дэвида?" Я был вынужден признать его Величеству, что больше всего на принятие предложения Рустана повлияла надежда увидеть нескольких из этих хваленых красавиц, и что я был жестоко разочарован, не увидев и тени женщины. Услышав это

откровенное признание, император, который ожидал его заранее, от души рассмеялся и в отместку обозвал меня распутником: "Значит, вы не знаете, господин Дроль, что ваши добрые друзья греки переняли обычаи тех турок, которых они так искренне ненавидят, и, подобно им, уединяют своих жен и дочерей, чтобы они никогда не появлялись перед такими плохими людьми, как вы".

Хотя венецианские гречанки могут находиться под пристальным наблюдением своих мужей, они не изолированы и не охраняются в серале, как турчанки; ибо во время нашего пребывания в Венеции один великий человек рассказал его Величеству о молодой и красивой гречанке, которая была восторженной поклонницей императора Франции. Эта дама очень стремилась быть принятой его величеством в его личных покоях, и, хотя за ней внимательно наблюдал ревнивый муж, она нашла способ отправить императору письмо, в котором описала всю силу своей любви и восхищения. Это письмо, написанное с неподдельной страстью и в возвышенном тоне, пробудило в его величестве желание увидеть и узнать автора, но ему было необходимо принять меры предосторожности, поскольку император был не тем человеком, который злоупотребил бы своей властью, чтобы увести женщину от ее мужа; и все же все старания, которые он предпринял для сохранения дела в тайне, не помешали ее мужу заподозрить планы своей жены, и прежде чем она смогла увидеться с императором, ее увезли далеко от Венеции, а ее благоразумный муж тщательно замел ее шаги и скрыл ее бегство. Когда о ее исчезновении было объявлено императору: "Он старый дурак, - сказал его величество, смеясь, - который думает, что он достаточно силен, чтобы бороться со своей судьбой". За время нашего пребывания в Венеции у его Величества не было никаких других контактов.

Прежде чем покинуть этот город, император издал указ, который был воспринят с невыразимым энтузиазмом и усилил сожаление, которое отъезд его Величества вызвал у жителей Венеции. Департамент Адриатического моря, главным городом которого была Венеция, был расширен на всех своих морских побережьях, от города Аквила до Адрии. Более того, в указе предписывалось отремонтировать порт, углубить и очистить каналы, расширить и поддерживать в рабочем состоянии великую стену Палестрины, о которой я говорил выше, и причалы перед ней; прорыть канал сообщения между Венецианским арсеналом и перевалом Мала-Мокко; и, наконец, расчистить и углубить сам проход настолько, чтобы суда водоизмещением семьдесят четыре тонны могли входить и выходить.

Другие статьи касались благотворительных учреждений, управление которыми было передано своего рода совету, называемому Конгрегацией благотворительных организаций, и передачи городу из королевских владений острова Святого Христофора для использования в качестве общего кладбища; ибо до тех пор здесь, как и в остальной Италии, существовал пагубный обычай хоронить умерших в церквях. Наконец, указ предписывал принять новый режим освещения прекрасной площади Святого Марка, построить новые набережные, шлюзы и т.д.

Когда мы покидали Венецию, императора провожала на берег толпа населения, ничуть не меньшая, чем та, что приветствовала его прибытие. Тревиз, Ундина и Мантуя соперничали друг с другом в своем стремлении принять его Величество подобающим образом. Король Жозеф оставил императора, чтобы вернуться в Неаполь, но принц Мюрат и вице-король сопровождали его величество.

Император остановился в Милане всего на два или три дня и продолжил свое путешествие. Достигнув равнин Маренго, он обнаружил там ожидающее его все население Александрии и

был встречен светом тысяч факелов. Мы проехали через Турин, не останавливаясь, и 30 декабря снова спустились с горы Сени, а вечером 1 января прибыли в Тюильри.

ГЛАВА VII.

Мы прибыли в Париж 1 января в девять часов вечера; и поскольку театр дворца Тюильри к этому времени был завершен, в воскресенье после возвращения его Величества в Париж в этом великолепном зале была представлена "Гризельда" месье Пэра. Ложи их Величеств располагались перед занавесом, друг напротив друга, и представляли собой очаровательную картину, поскольку драпировки из малинового шелка, задрапированные сверху, служили фоном для широких подвижных зеркал, в которых по желанию отражались зрители или спектакль. Император, все еще находясь под впечатлением воспоминаний о театрах Италии, безжалостно критиковал театр Тюильри, говоря, что он неудобен, плохо спланирован и слишком велик для дворцового театра; но, несмотря на все эти критические замечания, когда настал день инаугурации и император убедился в очень большой изобретательности М. Фонтэн проявил себя в распределении коробок так, чтобы великолепные туалеты выглядели с максимальной выгодой, он казался вполне удовлетворенным и поручил герцогу Фриульскому представить М. Фонтейну поздравления, которые он так заслужил.

Через неделю после этого мы увидели обратную сторону медали. В тот день был представлен Цинна и комедия, название которой я забыл. Погода была такая чрезвычайно холодная, что мы были вынуждены покинуть театр сразу после трагедии, вследствие чего император излился в брани в адрес зала, который, по его словам, ни на что не годился, кроме как на сожжение. Был вызван месье Фонтен [родился в Понтуазе в 1762 году; возвел арку Карусели; умер в 1853 году] и пообещал сделать все, что в его силах, чтобы исправить неудобства, на которые ему указали; и действительно, с помощью новых печей, размещенных под театром, с трубами под потолком и ступенями, расположенными под скамьями второго яруса театра. боксы, за неделю в зале стало тепло и уютно.

В течение нескольких недель император занимался почти исключительно постройками и улучшениями. Триумфальная арка на площади Карусель, с которой были сняты строительные леса, чтобы позволить императорской гвардии пройти под ней по возвращении из Пруссии, первой привлекла внимание его величества. Этот памятник был тогда почти завершен, за исключением нескольких барельефов, которые еще предстояло установить на место. Император критически осмотрел его из одного из дворцовых окон и, нахмутив брови два или три раза, сказал, что это сооружение гораздо больше напоминает павильон, чем ворота, и что он предпочел бы здание, построенное в стиле ворот Сен-Дени.

Подробно ознакомившись с различными работами, начатыми или продолжавшимися после его отъезда, его величество однажды утром послал за месье Фонтэном и, подробно рассуждая о том, что, по его мнению, достойно похвалы или порицания во всем, что он видел, сообщил ему о своих намерениях относительно подготовленных архитектором планов присоединения Тюильри к Лувру. Император и месье Фонтен договорились, что эти здания будут объединены двумя крыльями, первое из которых должно быть закончено за пять лет, причем ежегодно на эти цели будет выделяться миллион; и что второе крыло также должно быть построено на противоположной стороне, простирающееся от Лувра до Тюильри, образуя, таким образом, идеальный квадрат, посреди которого будет возведен оперный театр, изолированный со всех сторон и сообщающийся с дворцом подземной галереей.

Галерея, образующая двор перед Лувром, должна была быть открыта для публики зимой и украшена статуями, а также всеми кустарниками, которые сейчас находятся в ящиках в саду Тюильри; и в этом дворе он намеревался воздвигнуть триумфальную арку, очень похожую на арку Карусели. Наконец, все эти прекрасные здания должны были использоваться как жилые помещения для высших должностных лиц короны, как конюшни и т.д. Необходимые расходы оценивались примерно в сорок два миллиона.

Император последовательно строил дворец искусств; новое здание для Императорской библиотеки, которое должно было быть размещено на месте, ныне занимаемом Биржей; дворец для фондовой биржи на набережной Десо; реставрацию Сорбонны и отеля Субиз; триумфальную колонну в Нейи; фонтан на площади Людовика XV; снос Отель-Дье для расширения и украшения Кафедрального квартала; и строительство четырех больниц на Монпарнасе, в Шайо, на Монмартре, а также в Сент-Антуанском предместье и т.д. Все эти планы были очень грандиозны; и нет сомнения, что тот, кто их задумал, осуществил бы их; и часто говорили, что, будь он жив, у Парижа не было бы соперника ни в одном департаменте мира.

В то же время его величество окончательно определился с формой триумфальной арки Этуаль, которая долго обсуждалась и планы которой представили все архитекторы короны. Преобладало мнение месье Фонтена, поскольку среди всех представленных планов его план был самым простым и в то же время самым впечатляющим.

Император также был очень заинтересован в восстановлении Версальского дворца. Г-н Фонтен представил его Величеству план первого ремонта, по условиям которого за сумму в шесть миллионов император и императрица получили бы комфортабельное жилище. Его величество, любивший все величественное, красивое, великолепное, но в то же время экономное, сделал внизу этой сметы следующую пометку, о которой г-н де Боссе сообщает в своих Мемуарах:

"Планы в отношении Версаля должны быть тщательно продуманы. Те, которые, по мнению месье Фонтена, очень разумны, их оценка составляет шесть миллионов; но сюда входят жилища с восстановлением часовни и театра, достаточно удобные только для нынешнего использования, а не такие, какими они должны были бы стать однажды. "Согласно этому плану, император и императрица получают свои апартаменты; но мы должны помнить, что на эту сумму также должны быть предоставлены помещения для принцев, высших и низших должностных лиц. "Также необходимо знать, где будет размещена оружейная фабрика, которая понадобится в Версале, поскольку она пускает в оборот серебро. "Необходимо будет из этих шести миллионов найти шесть квартир для принцев, двенадцать для высших

офицеров и пятьдесят для низших офицеров. "Только тогда мы сможем решить сделать Версаль нашей резиденцией и проводить там лето. Прежде чем принять эти планы, необходимо, чтобы архитектор, который берется за их реализацию, подтвердил, что они могут быть выполнены за предлагаемую сумму".

Через несколько дней после прибытия их Величества император и императрица отправились навестить знаменитого Давида

[Жак Луи Давид, родился в Париже в 1748 году, знаменитый исторический художник, член конвента 1792 года, голосовал за смерть короля. Умер в Брюсселе в 1825 году.]

в своей студии в Сорбонне, чтобы увидеть великолепную картину коронации, которая только что была закончена. Свита их Величеств состояла из маршала Бессьера, адъютанта императора, месье Лебрена, нескольких придворных дам и камергеров. Император и императрица долгое время с восхищением созерцали это прекрасное полотно, воплощавшее в себе все виды достоинств; и художник был в лучах своей славы, слушая, как его Величество называет одного за другим всех персонажей картины, ибо сходство было поистине чудесным. "Как это величественно!" - сказал император. "Как прекрасно! как рельефно выполнены фигуры! как правдиво! Это не картина; фигуры живут на этой картине!" Первым, обратив свое внимание на большую трибуну в центре, император узнал госпожу свою мать, генерала Бомона, г-на де Коссе, г-на де Ла Вилля, г-жу де Фонтанж и г-жу Сульт. "Я вижу вдалеке, - сказал он, - доброго господина Вьена". Господин Давид ответил: "Да, сир; я хотел выразить свое восхищение моим прославленным учителем, поместив его на этой картине, которая, благодаря своему сюжету, станет самой известной из моих работ". Затем императрица приняла участие в разговоре и указала императору, как удачно г-н Давид ухватился за интересный момент, когда император находится на пороге коронации, и изобразил его. "Да", - сказал его Величество, рассматривая это с удовольствием, которое он не пытался скрыть, "момент выбран удачно, и сцена представлена превосходно; две фигуры очень хороши", - и говоря это, император посмотрел на императрицу.

Его величество продолжил рассматривать картину во всех деталях и особенно высоко оценил группу итальянского духовенства у алтаря, эпизод с которой был придуман художником. Казалось, он желал только, чтобы папа был представлен в более непосредственном действии, явился, чтобы дать свое благословение, и чтобы корону императрицы нес кардинал-легат. Что касается этой группы, маршал Бессьер от души рассмешил императора, рассказав ему об очень забавной дискуссии, которая состоялась между Давидом и кардиналом Капсарой.

Хорошо известно, что художник испытывал большое отвращение к одетым фигурам, особенно к тем, кто был одет в современном стиле. Во всех его картинах прослеживается такая ярко выраженная любовь к антиквариату, что это проявляется даже в его манере драпировать живых людей. Так вот, кардинал Капсара, один из помощников папы римского на церемонии коронации, был в парике; и Дэвид, отводя ему место на своем портрете, счел более уместным снять парик и изобразить его с лысой головой, поскольку в остальном сходство было совершенным. Кардинал был очень опечален и умолял художника восстановить его парик, но получил от Дэвида формальный отказ. "Никогда, - сказал он, - я не оскудею своим карандашом настолько, чтобы рисовать парик". Его Высокопреосвященство ушел очень разгневанный и пожаловался г-ну де Талейрану, который в то время был министром иностранных дел, приведя, среди прочих причин, такую, которая казалась ему неопровержимой, что, поскольку ни один

папа никогда не носил парика, они не преминули бы приписать ему, кардиналу Капраре, намерение претендовать на папское кресло в случае вакансии, о чем будет ясно свидетельствовать отсутствие его парика на изображении коронации. Все мольбы его высокопреосвященства были напрасны, ибо Дэвид не согласился вернуть свой драгоценный парик, сказав, что "он должен быть очень рад, что снял только это".

Выслушав эту историю, подробности которой были подтверждены исполнителем главной роли в этой сцене, его Величество со всей возможной деликатностью высказал местье Дэвиду несколько замечаний. Они были внимательно замечены этим замечательным художником, который с поклоном пообещал императору воспользоваться его советом. Визит их Величеств был долгим и продолжался до тех пор, пока угасающий свет не предупредил императора, что пора возвращаться. местье Давид проводил его до дверей своей мастерской; и там, резко остановившись, император снял шляпу и самым изящным поклоном засвидетельствовал честь, которую он испытывал по отношению к такому выдающемуся таланту. Императрица усилила волнение, которым, казалось, был почти охвачен местье Давид, несколькими очаровательными словами признательности, которые она так хорошо знала, как сказать, и сказала так кстати.

Напротив изображения коронации было помещено изображение сабинянок. Император, понимавший, как не терпится г-ну Дэвиду избавиться от этой картины, перед уходом приказал г-ну Лебрену посмотреть, нельзя ли с выгодой разместить эту картину в большой галерее Тюильри. Но он вскоре изменил свое мнение, когда сообразил, что большинство фигур представлены в натуральную величину, что выглядело бы неуместно в помещении, используемом для грандиозных дипломатических приемов и в котором обычно заседал Совет министров.

ГЛАВА VIII.

В конце января мадемуазель де Ташер, племянница ее Величества императрицы, вышла замуж за герцога Арембергского. Император по этому случаю возвел мадемуазель де Ташер в достоинство принцессы и соизволил вместе с императрицей почтить своим присутствием бракосочетание, которое состоялось в резиденции ее Величества королевы Голландии на улице Черильти и было отпраздновано с пышностью, достойной августейших гостей. Императрица осталась еще некоторое время после обеда и открыла бал с герцогом Арембергским. Через несколько дней после этого принц Гогенцоллерн женился на племяннице великого герцога Бергского и Клевского, мадемуазель Антуанетте Мюрат.

Его Величество оказал ей ту же честь, что и мадемуазель Ташер, и в компании с императрицей также посетил бал, который великий герцог Бергский давал по случаю этой свадьбы и на котором председательствовала принцесса Каролина.

Эта зима в Париже выдалась блестящей благодаря большому количеству устроенных праздников и балов. Император, как я уже говорил, питал отвращение к балам, и особенно к балам-маскарадам, которые он считал самыми бессмысленными вещами в мире, и это был предмет, по которому он часто враждовал с императрицей; но, несмотря на это, однажды он уступил просьбам г-на де Марескальчи, итальянского посла, известного своими великолепными балами, которые посещали самые выдающиеся особы королевства. Эти блестящие встречи состоялись в зале, который посол построил специально для этой цели и обставил с необычайной роскошью и великолепием; и его Величество, как я уже говорил, согласился почтить своим присутствием бал-маскарад, устроенный этим послом, который должен был затмить все остальные.

Утром император вызвал меня и сказал: "Я решил танцевать этим вечером в доме посла Италии; в течение дня ты отнесешь десять полных костюмов в апартаменты, которые он приготовил для меня". Я повиновался и вечером сопровождал его Величество в резиденцию господина Марескальчи и одел его, как мог, в черное домино, приложив большие усилия, чтобы сделать его неузнаваемым; и все прошло хорошо, несмотря на многочисленные замечания со стороны императора относительно нелепости маскировки, плохого внешнего вида, который придает домино, и т.д. Но когда ему предложили переобуться, он категорически воспротивился, несмотря на все, что я мог сказать по этому поводу; и, следовательно, его узнали в тот момент, когда он вошел в бальный зал. Он направился прямо к маскировщику, как обычно, заложив руки за спину, и попытался вступить в интригу, и при первом же заданном им вопросе его в ответ назвали сир. После чего, сильно разочарованный, он повернулся на каблуках и вернулся ко мне. - Ты прав, Констант, меня узнали. Принеси мне кружевные сапожки и другой костюм. Я надел на его ноги сапоги и заново замаскировал его, посоветовав ему опустить руки, если он не хочет, чтобы его сразу узнали; и его Величество пообещал во всем следовать тому, что он назвал моими инструкциями. Однако едва он вошел в комнату в своем новом костюме, как к нему обратилась дама, которая, увидев, что он снова скрестил руки за спиной, сказала: "Сир, вас узнали!" Император немедленно опустил руки, но было слишком поздно, потому что все уже почтительно расступились, освобождая ему место. Затем он вернулся в свою комнату и взял третий костюм, беспрекословно пообещав мне обращать внимание на его жесты и походку и предложив пари, что его не узнают. На этот раз он действительно вошел в зал, как в казарму, расталкивая всех вокруг себя локтями; но, несмотря на это, кто-то прошептал ему на ухо: "Ваше величество узнаны". Новое разочарование, новая смена костюма и новый совет с моей стороны, с тем же результатом; пока, наконец, его Величество не покинул бал у посла, убедившись, что его невозможно переодеть и что императора узнают, какую бы маску он ни надел.

В тот вечер за ужином, на котором присутствовали принц де Невшатель, герцог де Тревиз, герцог де Фриуль и некоторые другие офицеры, император рассказал историю своих переодеваний и много подшучивал над его неловкостью. Говоря о молодой леди, которая узнала его накануне вечером и которая, по-видимому, сильно озадачила его, он сказал: "Можете ли вы в это поверить, господа, - сказал он, - мне вообще так и не удалось узнать этого маленького негодяя?" Во время карнавала императрица выразила желание однажды пойти на бал-маскарад в опере; и когда она умоляла императора сопровождать ее, он отказался, несмотря на все нежные и соблазнительные слова, которые императрица могла сказать, и на все изящество, которым, как хорошо известно, она могла окружить прошение. Она обнаружила,

что все было бесполезно, поскольку император прямо сказал, что не поедет. "Хорошо, я пойду без тебя". — "Как тебе будет угодно", - и император вышел.

В тот вечер в назначенный час императрица отправилась на бал; и император, желавший сделать ей сюрприз, приказал позвать одну из своих камеристок и получить от нее точное описание костюма императрицы. Затем он велел мне надеть на него домино, сел в карету без украшений и в сопровождении главного маршала дворца, вышестоящего офицера и меня отправился в оперу. Подойдя к личному входу во двор императора, мы столкнулись с некоторыми трудностями, так как привратник не пропустил нас, пока я не назвал свое имя и звание. "Эти джентльмены с вами?" — "Как видите". — "Прошу прощения, месье Констант, но это потому, что в такие времена всегда находятся люди, которые пытаются войти, не заплатив". — "Это хорошо! Это хорошо!" - и император от души рассмеялся над замечаниями привратника. Наконец мы вошли и, дойдя до зала, прогуливались парами, я подал руку императору, который сказал мне "ты" и велел мне ответить тем же. Мы дали друг другу вымышленные имена: император называл себя Огюстом; герцог де Фриуль - Франсуа; старший офицер, чье имя ускользает от меня, Шарль; в то время как я был Жозефом. Как только его Величество увидел домино, похожее на то, которое описала камеристка, он пожал мне руку и сказал: "Это она?" — "Нет, Си... нет, Огюст", - ответил я, постоянно поправляя себя, потому что было невозможно привыкнуть называть императора иначе, чем "Сир" или "ваше величество". Он, как я уже сказал, недвусмысленно приказал мне слушаться его; но он был каждую минуту вынужден повторять мне этот приказ, потому что уважение сковывало мой язык каждый раз, когда я пытался сказать "да". Наконец, обойдя все направления, исследовав каждый уголок салона, гримерной, лож и т.д., Фактически, осмотрев все и детально осмотрев каждый костюм, его Величество, которому удалось узнать ее Величество не больше, чем нам, начал испытывать сильное беспокойство, которое мне, однако, удалось развеять, сказав ему, что императрица, несомненно, пошла переодеваться. Пока я говорил, прибыла домино, которая, казалось, была влюблена в императора, приставала к нему, озадачивала его, всячески мучила, причем с такой живостью, что Огюст был вне себя; и невозможно дать даже отдаленного представления о том, какое комичное зрелище представлял собой император в своем замешательстве. Домино, обрадованная этим, удвоила свое остроумие и насмешки, пока, решив, что пора заканчивать, не исчезла в толпе.

Император был совершенно выведен из себя; он увидел достаточно, и мы покинули бал.

На следующее утро, увидев императрицу, он заметил: "Ну, в конце концов, вы не ходили на бал в оперу!" — "О да, действительно, ходила". — "Ерунда!" — "Уверяю вас, что я ходила. А ты, моя дорогая, что ты делала весь вечер?" — "Я работала". — "Что ж, это очень странно, потому что вчера вечером я видела домино, у которого была точь-в-точь твоя нога и сапоги. Я принял его за вас и, следовательно, обратился к нему". Император от души рассмеялся, узнав, что его таким образом обманули; императрица, уходя на бал, сменила свой костюм, сочтя первый недостаточно элегантным.

Карнавал в этом году был чрезвычайно ярким, и в Париже устраивались всевозможные маскарады. Самыми забавными были те, в которых теорию отстаивал знаменитый доктор Галль [Франц Йозеф Галль, основатель системы френологии. Родился в Бадене в 1758 году; умер в Париже в 1825 году] был проиллюстрирован. Я видел, как мимо площади Карусель проходил отряд, состоящий из клоунов, арлекинов, торговков рыбой и т. Д., Все они потирали черепа и

корчили выразительные гримасы; в то время как клоун нес несколько черепов разных размеров, раскрашенных красной, синей или зеленой краской, с надписями: Череп грабителя, череп убийцы, череп банкрота и т. Д.; А фигура в маске, изображавшая доктора Галла, сидела верхом на осле, повернув голову к хвосту животного, и принимала из рук женщины, которая следовала за ним, и череп доктора Галла. тоже сидели на осле, головы были покрыты париками из высокой травы.

Ее Величество королева Каролина устроила бал-маскарад, на котором присутствовали император и императрица, который был одним из самых блестящих, на которых я когда-либо присутствовал.

Опера "Весталка" была тогда новинкой и очень модной; она представляла кадрили священников и весталок, которые входили под звуки восхитительной музыки флейты и арфы, а в дополнение к этому были фокусники, швейцарская свадьба, тирольские обручения и т.д. Все костюмы были удивительно красивы и соответствовали природе; в покоях дворца был организован запас костюмов, который позволял танцорам переодеваться четыре или пять раз в течение ночи и в результате бал возобновлялся столько же раз.

Когда я одевала императора для этого бала, он сказал мне: "Констант, ты должен пойти со мной переодетым. Надень любой костюм, который тебе понравится, замаскируйся так, чтобы тебя никто не узнал, и я дам тебе инструкции ". Я поспешил выполнить приказ его Величества, надел швейцарский костюм, который мне очень шел, и, экипированный таким образом, ожидал приказов его Величества.

У него был план ввести в заблуждение нескольких выдающихся личностей и двух или трех дам, которых император назвал мне с такими мельчайшими подробностями, что в них невозможно было ошибиться, и он рассказал мне о них несколько необычных вещей, которые не были общеизвестны и были хорошо рассчитаны, чтобы привести их в ужасное замешательство. Когда я уже собирался уходить, император отозвал меня назад, сказав: "Прежде всего, Констант, постарайся не ошибиться и не перепутай мадам де М. с ее сестрой; у них почти такой же костюм, но мадам де М. крупнее ее, так что будь осторожен". По прибытии на бал я разыскал и легко нашел лиц, указанных его Величеством, и ответы, которые они дали, немало позабавили его, когда я пересказал их, когда он удалялся.

В это время при дворе заключался третий брак принца де Невшателя и принцессы Баварской, который был отпразднован в часовне Тюильри кардиналом Фешем.

Путешественник, только что вернувшийся с острова Франция, подарил императрице самку обезьяны вида орангутанг, и ее величество распорядилась поместить животное в зверинец в Мальмезоне. Этот бабуин был чрезвычайно нежным и послушным, и его хозяин дал ему отличное образование. Было чудесно видеть, как она, когда кто-нибудь приближался к стулу, на котором она сидела, принимала приличную позу, натягивала на ноги и бедра переднюю часть длинного редингота, а когда вставала, чтобы поклониться, осторожно держала редингот перед собой, действуя, по сути, точно так, как поступила бы хорошо воспитанная молодая девушка. Она ела за столом ножом и вилкой более правильно, чем многие дети, которые, как считается, тщательно обучены, и любила во время еды прикрывать лицо салфеткой, а потом открывать ее с радостным криком. Репа была ее любимым блюдом, и когда придворная дама показала ей ее, она начала бегать, прыгать и делать сальто, полностью забыв уроки скромности и

пристойности, которым ее научил профессор. Императрицу очень позабавило, что бабуин так сильно утратила свое достоинство под влиянием этой дамы.

У этого бедного животного было воспаление желудка, и, согласно указаниям путешественника, который привез ее, его уложили в постель и надели на нее ночную рубашку. Она очень старалась натягивать одеяло до подбородка, хотя и не желала надевать что-либо на голову; и вытягивала руки из кровати, пряча ладони в рукавах ночной рубашки. Когда кто-нибудь из ее знакомых входил в комнату, она кивала им и брала за руку, нежно пожимая ее. Она жадно глотала прописанные лекарства, так как они были сладкими; и однажды, когда готовился отвар манны, который, по ее мнению, слишком долго откладывался, она проявила все признаки нетерпения и металась из стороны в сторону, как капризный ребенок; наконец, сбросив покрывало, она схватила своего врача за халат с таким упрямством, что он был вынужден уступить. В тот момент, когда она завладела столь желанным кубком, она пришла в величайший восторг и начала пить, делая маленькие глотки и причмокивая губами со всем наслаждением гастронома, пробующего бокал вина, которое он считает очень старым и очень вкусным. Наконец чашка опустела, она вернула ее и снова легла. Невозможно передать, какую благодарность выказывало это бедное животное всякий раз, когда для нее что-нибудь делали. Императрица была глубоко привязана к ней.

ГЛАВА IX.

Пробыв около недели в замке Сен-Клу, его величество 2 апреля в 11 часов утра отправился в путь, чтобы посетить южные департаменты; и поскольку это путешествие должно было начаться в Бордо, император попросил императрицу встретить его там. Это публично объявленное намерение было просто предлогом, чтобы ввести в заблуждение любопытных, поскольку мы знали, что направляемся к границе Испании.

Император пробыл там едва ли десять дней, а затем уехал в Байонну один, оставив императрицу в Бордо, и достиг Байонны в ночь с 14 на 15 апреля, где ее Величество императрица присоединилась к нему два или три дня спустя.

Принц Невшательский и великий маршал разместились в замке Маррак, остальная свита их Величеств разместились в Байонне и ее пригородах, гвардия разбила лагерь перед замком на площадке, называемой Партерной, и через три дня все были удобно размещены.

Утром 15 апреля, едва оправившись от усталости, вызванной путешествием, император принял представителей властей Байонны, которые приехали поздравить его, и, по своему обыкновению, задал им самый обстоятельный вопрос. Затем его величество отправился посетить форт и фортификационные сооружения, которые занимали его до вечера, после чего он вернулся во дворец правительства, который временно занял, ожидая, пока замок Маррак будет готов принять его.

По возвращении во дворец император ожидал найти Младенца Дона Карлоса, которого его брат Фердинанд, принц Астурийский, отправил в Байонну, чтобы засвидетельствовать свое почтение императору; но ему сообщили, что Младенец болен и не сможет приехать. Император немедленно приказал прислать к нему одного из своих врачей с камердинером и несколькими другими лицами, поскольку принц прибыл в Байонну без сопровождающих и инкогнито, в сопровождении только военной службы, состоящей из нескольких солдат гарнизона. Император также приказал заменить эту службу более подходящей, состоящей из Почетного караула Байонны, и посылал два или три раза в день справляться о состоянии Младенца, который, как было беспрепятственно допущено во дворец, был очень болен.

Покидая Правительственный дворец, чтобы отправиться в свою резиденцию в Марраке, император отдал все необходимые распоряжения, чтобы он был готов принять короля и королеву Испании, которых ожидали в Байонне в конце месяца; и настоятельно рекомендовал сделать все, чтобы оказать монархам Испании все почести, подобающие их положению. Как только император вошел в замок, послышались звуки музыки, и вошел великий маршал, чтобы сообщить его Величеству, что перед воротами замка собралась большая компания жителей в национальных костюмах. Император немедленно подошел к окну, и при виде его семнадцать человек (семь мужчин и десять женщин) с неподражаемой грацией начали танец под названием "памперрюк", в котором женщины отбивали такт на тамбуринах, а мужчины - на кастаньетах под оркестр, состоящий из флейт и гитар. Я вышел из замка, чтобы получше разглядеть эту сцену. На женщинах были короткие юбки из голубого шелка и розовые чулки, также расшитые серебром; их волосы были перевязаны лентами, и они носили очень широкие черные браслеты, выгодно оттенявшие ослепительную белизну их обнаженных рук. Мужчины были одеты в облегающие белые бриджи, шелковые чулки и большие эполеты, свободный жилет из очень тонкой шерстяной ткани, украшенный золотом, а их волосы были собраны в сетку, как у испанцев.

Его величество получил огромное удовольствие, наблюдая за этим своеобразным для страны и очень древним танцем, который местные обычаи освятили как средство воздания почестей великим личностям. Император оставался у окна, пока не закончился "памперрюк", а затем был послан похвалить танцоров за их мастерство и выразить свою благодарность жителям, толпами собравшимся у ворот.

Его Величество несколько дней спустя получил от его королевского высочества принца Астурийского письмо, в котором он сообщал, что намеревается рано утром выехать из Ируна, где он тогда находился, чтобы иметь удовольствие познакомиться со своим братом (таким образом, принца Фердинанда называли императором); удовольствие, которого он давно желал и которым он, наконец, насладится, если его добрый брат позволит ему. Это письмо было доставлено императору одним из адъютантов принца, который сопровождал его из Мадрида и опередил в Байонне всего на десять дней. Его величество едва мог поверить в то, что он прочитал и услышал; и я вместе с несколькими другими людьми слышал, как он воскликнул: "Что, он идет сюда? но вы, должно быть, ошибаетесь; он, должно быть, обманывает нас; этого не может быть!" И я могу подтвердить, что этими словами император не выразил никакого удовольствия от этого заявления.

Однако необходимо было подготовиться к приему принца, поскольку он непременно должен был приехать; следовательно, принц Невшательский, герцог Фриульский и почетный камергер

были выбраны его величеством. И почетный караул получил приказ сопровождать этих джентльменов и встретить принца Испании сразу за городом Байонна; звание, которое император признал за Фердинандом, не позволяло эскорту проследовать до границы двух империй. Принц вступил в Байонну в полдень 20 апреля. Для него и его брата, инфанта Дона Карлоса, который уже поселился там, были приготовлены апартаменты, которые в Париже сочли бы очень неполноценными, но которые были элегантны в Байонне. Принц Фердинанд скорчил гримасу, войдя, но не осмелился пожаловаться вслух; и, конечно, с его стороны было бы крайне неприлично поступить так, поскольку император не был виноват в том, что в Байонне был только один дворец, который в то время принадлежал королю, и, кроме того, этот дом, самый красивый в городе, был большим и совершенно новым. Дон Педро де Севальос, сопровождавший принца, считал его ужасным и неподходящим для королевской особы. Это была резиденция комиссариата. Через час после прибытия Фердинанда его посетил император. Он ожидал императора у дверей и протянул руки при его приближении; они обнялись и поднялись в его покои, где пробыли около получаса, а когда расстались, у принца был несколько встревоженный вид. Его Величество по возвращении поручил великому маршалу передать принцу и его брату дону Карлосу, герцогу Сан-Карлосу, герцогу Инфантадо, дону Педро де Севальосу и двум или трем другим лицам из свиты приглашение отобедать с ним; в назначенный час за этими знатными гостями были высланы императорские экипажи, и они были доставлены в замок. Его Величество спустился к подножию лестницы, чтобы встретить принца; но это был предел его почтения, ибо ни разу за обедом он не назвал принца Фердинанда, который был королем Мадрида, титулом "ваше величество" или даже "высочество"; он также не сопровождал его при отъезде дальше первой двери гостиной; и впоследствии он уведомил его посланием, что у него не будет никакого другого звания, кроме принца Астурийского, до прибытия его отца, короля Карла. Кто же время был отдан приказ выставить у дома принцев почетный байонезный караул в составе императорской гвардии в дополнение к отряду отборной полиции.

27 апреля императрица прибыла из Бордо в семь часов вечера, не задержавшись в Байонне, где ее прибытие вызвало мало энтузиазма, поскольку они, возможно, были недовольны тем, что она там не остановилась. Его Величество принял ее с большой нежностью и проявил большое беспокойство по поводу усталости, которую она, должно быть, испытывала, поскольку дороги были такими неровными и плохо размытыми дождями. Вечером город и замок были иллюминированы.

Через три дня, 30-го, король и королева Испании прибыли в Байонну; и невозможно описать почтение, которое оказал им император. Герцог Шарль де Плезанс дошел до Ируна, а принц де Невшатель даже до берегов Бидассоа, чтобы выразить заметное уважение их католическим величествам со стороны их могущественного друга; и король и королева, по-видимому, высоко оценили эти знаки внимания. Отряд отборных войск в великолепной форме ожидал их на границе и служил им эскортом; гарнизон Байонны был взят под ружье, все здания порта были украшены, все колокола звонили, и батареи как цитадели, так и порта салютовали мощными залпами. Принц Астурийский и его брат, услышав о прибытии короля и королевы, покинули Байонну, чтобы встретиться со своими родителями, когда недалеко от города они встретили двух или трех гренадеров, только что покинувших Витторию, и рассказали им следующее происшествие:

Когда их испанские величества въехали в Витторию, они обнаружили, что отряд испанских телохранителей, сопровождавших принца Астурийского и находившихся в этом городе, захватил дворец, который должны были занять король и королева, когда они будут проезжать через него, и по прибытии их Величеств взял оружие. Как только король понял это, он сказал им суровым тоном: "Вы поймете, почему я прошу вас покинуть мой дворец. Вы не выполнили свой долг в Аранхуэсе. Я не нуждаюсь в ваших услугах и не желаю их. Уходите! Эти слова, произнесенные с энергией, далекой от обычной для Карла IV, остались без ответа. Гвардейский отряд отступил, и король попросил генерала Вердые выделить ему французскую гвардию, очень огорченный, по его словам, тем, что он не сохранил своих храбрых стрелков, полковника которых он все еще держал при себе в качестве капитана гвардии.

Эта новость не могла внушить принцу Астурийского высокого мнения о приеме, который приготовил для него его отец; и действительно, он был принят очень холодно, как я сейчас расскажу.

Король и королева Испании, выйдя из правительственного дворца, обнаружили ожидавших их великого маршала герцога де Фриуля, который проводил их в их апартаменты и представил им генерала графа Рейля, адъютанта императора, исполняющего обязанности управляющего дворцом; г-на д'Оденарда, конюшего, г-на Дюмануара и г-на де Баралья, камергеров, которым поручено нести почетную службу рядом с их Величествами.

Испанские вельможи, которых их Величества застали в Байонне, были теми же самыми, которые последовали за принцем Астурийским, и вид их, как легко себе представить, не понравился королю; и когда состоялась церемония целования руки, все заметили болезненное волнение несчастных монархов. Эта церемония, состоящая из падения на колени и целования руки короля и королевы, проходила в глубочайшем молчании, поскольку их Величества не разговаривали ни с кем, кроме графа Фуэнтеса, который по воле случая оказался в Байонне.

Король поспешил завершить эту церемонию, которая его сильно утомила, и удалился с королевой в свои апартаменты, куда принц Астурийский хотел последовать за ними; но его отец остановил его в дверях и, подняв руку, как бы отталкивая, сказал дрожащим голосом: "Принц, ты все еще хочешь оскорблять мои седины?" Эти слова, как говорят, подействовали на принца подобно удару молнии. На мгновение им овладели чувства, и он удалился, не произнеся ни слова.

Совсем иным был прием, оказанный их Величествами принцу де ла Пэ

[Мануэль Годой, родился в Бадахосе в 1767 году. Простой солдат, он стал любовником королевы и фактическим правителем Испании; умер в Париже в 1851 году.]

когда он присоединился к ним в Байонне, его можно было принять за ближайшего родственника их Величеств. Все трое безудержно плакали, встретившись снова; по крайней мере, так мне сказал человек на службе — тот самый, который, по сути, сообщил мне все предыдущие подробности.

В пять часов его Величество Император прибыл с визитом к королю и королеве Испании; и во время этой очень долгой беседы оба монарха сообщили его Величеству об оскорблениях, которые они получили, и опасностях, с которыми они столкнулись за последний месяц. Они сильно жаловались на неблагодарность стольких людей, которых они осыпали добротой, и

прежде всего на охрану, которая так подло предала их. "Ваше величество, - сказал король, - не знает, что значит быть вынужденным сочувствовать самому себе из-за своего сына. Не дай Бог, чтобы с вами когда-нибудь случилось такое несчастье! Я - причина всего, что мы выстрадали".

Принц де ла Пэ прибыл в Байонну в сопровождении полковника Мартеса, адъютанта принца Мюрата, и камердинера, единственного слуги, который остался ему верен. У меня была возможность поговорить с этим преданным слугой, который очень хорошо говорил по-французски, так как вырос недалеко от Тулузы; и он рассказал мне, что ему не удалось добиться разрешения оставаться со своим хозяином во время его пленения и что этот несчастный принц перенес неописуемые муки; что не проходило и дня, чтобы кто-нибудь не входил в его темницу и не приказывал ему готовиться к смерти, поскольку его должны были казнить в тот же вечер или на следующее утро. Он также рассказал мне, что заключенных иногда оставляли на тридцать часов без еды; что у него была только соломенная подстилка, ни белья, ни книг, и никакой связи с внешним миром; и что, когда он вышел из своей темницы, чтобы его отправили к полковнику Марцу, он представлял собой ужасный вид, с длинной бородой и истощенным телом, результатом душевного расстройства и недостатка пищи. Он носил одну и ту же рубашку целый месяц, поскольку так и не смог убедить своих похитителей выдать ему другую; а его глаза так долго не привыкали к свету, что он был вынужден закрыть их и чувствовал себя подавленным на открытом воздухе.

По дороге из Байонны принцу было вручено письмо от короля и королевы, запачканное слезами. Прочитав его, принц сказал своему камердинеру: "Это первые утешительные слова, которые я получил за месяц, потому что все покинули меня, кроме моих превосходных хозяев. Телохранители, которые предали и продали своего короля, также предадут и продадут его сына; а что касается меня, то я ни на что не надеюсь, кроме того, что мне позволят найти убежище во Франции для моих детей и для себя". Мсье Мартс показал ему газеты, в которых говорилось, что принц обладает состоянием в пятьсот миллионов, он яростно воскликнул, что это чудовищная клевета, и он бросил вызов своим самым жестоким врагам, чтобы доказать это.

Как мы видели, у их Величеств была немногочисленная свита; но, несмотря на это, за ними следовали повозки с багажом, набитые мебелью, товарами и ценными предметами, и хотя их экипажи были старомодными, они сочли их очень удобными - особенно король, который был сильно смущен на следующий день после своего прибытия в Байонну, когда, будучи приглашенным отобедать с императором, пришлось садиться в современный экипаж с двумя ступеньками. Он не осмеливался наступить на хрупкие предметы, которые, как он боялся, сломались бы под его весом; а колебательное движение кузова кареты заставляло его ужасно бояться, что она опрокинется.

За столом у меня была возможность на досуге понаблюдать за королем и королевой. Король был среднего роста, и хотя его нельзя было назвать красавцем, лицо у него было приятное. У него был очень длинный нос, голос высокий и неприятный; и походка у него была семенящая, в которой не было величия, но это, однако, я приписал подагре. Он с аппетитом ел все, что ему предлагали, кроме овощей, которых он никогда не ел, говоря, что трава полезна только для скота; и пил только воду, которую подавали в двух графинах, в одном из которых был лед, и наливали из обоих одновременно. Император распорядился уделить обеду особое внимание, зная, что король был в некотором роде гастрономом. Он высоко оценил французскую кухню, которая, по-видимому, пришлась ему по вкусу; поскольку, когда ему подавали каждое блюдо, он

говорил: "Луиза, возьми немного, это вкусно", что очень забавляло императора, чья воздержанность хорошо известна.

Королева была толстой и невысокой, одевалась очень плохо, в ней не было ни стиля, ни изящества; цвет ее лица был очень румяным, а выражение лица суровым. Она высоко держала голову, говорила очень громко, голосом еще более резким и пронзительным, чем у ее мужа; но все признают, что у нее был более сильный характер и лучшие манеры, чем у него.

В тот день перед обедом состоялся небольшой разговор на тему одежды, и императрица предложила услуги г-на Дюплана, своего парикмахера, чтобы дать своим дамам несколько уроков французского туалета. Ее предложение было принято, и вскоре королева вышла из рук г-на Дюплана, несомненно, лучше одетая, с лучше уложенными волосами, но, однако, не приукрашенная, поскольку талант парикмахера не мог зайти так далеко.

Принц Астурийский, ныне король Фердинанд VII, производил на всех неприятное впечатление своей тяжелой походкой, озабоченным видом и редко разговаривал.

Их испанские величества, как и прежде, привезли с собой принца де ла Пэ, который не был приглашен императором и которого по этой причине дежурный швейцар задержал за пределами обеденного зала. Но когда они собирались сесть, король заметил, что принца нет. - И Мануэля, - быстро обратился он к императору, - и Мануэля, сир! После чего император, улыбаясь, подал знак, и был представлен дон Мануэль Годой. Мне сказали, что он был очень красивым мужчиной, но он не проявлял никаких признаков этого, что, возможно, объяснялось плохим обращением, которому он подвергся.

После отречения принцев король и королева, королева Этрурии и младенец Дон Франсиско покинули Байонну и направились в Фонтенбло, место, которое император выбрал в качестве их резиденции, ожидая, пока Компьенский замок будет приведен в состояние, обеспечивающее им комфорт. Принц Астурийский в тот же день отбыл со своим братом доном Карлосом и дядей доном Антонио в поместья Валансай, принадлежащие принцу Беневенто. Проезжая через Бордо, они опубликовали воззвание к испанскому народу, в котором подтверждали передачу всех своих прав императору Наполеону.

Таким образом, король Карл, освобожденный от трона, который он всегда считал тяжелым бременем, мог отныне безраздельно отдаться своим любимым занятиям. Во всем мире его интересовали только принц Мира, исповедницы, часы и музыка; и трон для него ничего не значил. После того, что произошло, принц де ла Пэ не мог вернуться в Испанию; и король никогда бы не согласился разлучиться с ним, даже если бы воспоминание об оскорблениях, которые он лично получил, не было достаточно сильным, чтобы вызвать у него отвращение к своему королевству. Он очень предпочитал жизнь частного лица и не мог быть счастливее, чем когда ему позволяли без помех потакать своим простым и безмятежным вкусам. По прибытии в замок Фонтенбло он застал там г-на Ремюза, первого камергера; г-на де Какере, начальника охоты; г-на де Люге, дворцового префекта; и уже собранную прислугу. Мадам де Ларошфуко, Дюшатель и де Люге были избраны императором для почетной службы рядом с королевой.

Король Испании оставался в Фонтенбло только до тех пор, пока не удалось отремонтировать Компьенский замок, и, поскольку вскоре он обнаружил, что климат этой части Франции слишком холодный для его здоровья, через несколько месяцев отправился в Марсель с королевой Этрурии, младенцем доном Франсиско и принцем де ла Пэ. В 1811 году он уехал из

Франции в Италию, обнаружив, что в Марселе его здоровье все еще ухудшается, и выбрал Рим в качестве своей резиденции.

Выше я говорил о любви короля Испании к часам. Мне рассказывали, что, когда он был в Фонтенбло, его камердинер носил с полдюжины своих часов и столько же носил сам, объясняя это тем, что карманные часы теряют время, если их не носить с собой. Я также слышал, что он всегда держал своего духовника рядом с собой, в прихожей или в комнате напротив той, в которой он работал, и что, когда он хотел поговорить с ним, он свистел, точно так, как свистят собаке. Духовник всегда незамедлительно откликался на этот королевский призыв и следовал за своим кающимся в оконный проем, в импровизированной исповедальне король раскрывал то, что было у него на совести, получал отпущение грехов и отсылал священника обратно до тех пор, пока тот не почувствовал себя обязанным снова свистнуть для него.

Когда здоровье короля, ослабленного возрастом и подагрой, больше не позволяло ему посвящать себя удовольствиям охоты, он начал играть на скрипке больше, чем когда-либо прежде, чтобы, по его словам, совершенствоваться в этом. Это началось довольно поздно. Как хорошо известно, его первым учителем игры на скрипке был знаменитый Александр Буше, с которым ему очень нравилось играть; но у него была мания начинать первым, не обращая никакого внимания на такт; и если господин Буше делал какое-либо замечание по этому поводу, его величество отвечал с величайшим хладнокровием: "Месье, мне кажется, что это не мое дело - ждать вас".

Между отъездом королевской семьи и прибытием Иосифа, короля Неаполя, время прошло в смотрах и военных празднествах, которые император часто удостаивал своим присутствием. 7 июня король Жозеф прибыл в Байонну, где задолго до этого было известно, что его брат вызвал его, чтобы обменять корону Неаполя на корону Испании.

Вечером в день прибытия Жозефа император пригласил членов испанской хунты, которые в течение пятнадцати дней прибывали в Байонну со всех уголков королевства, собраться в замке Маррак и поздравить нового короля. Депутаты приняли это несколько неожиданное приглашение, не имея времени заранее согласовать какой-либо план действий; и по прибытии в Маррак император представил им их государя, которого они признали, за исключением некоторого противодействия со стороны герцога Инфантадо, от имени грандов Испании. Депутации от Совета Кастилии, от инквизиции, от армии и т.д. Подчинились с наибольшей готовностью. Несколько дней спустя король сформировал свое министерство, в котором все были поражены, обнаружив г-на де Севальоса, сопровождавшего принца Астурийского в Байонну и демонстрировавшего такую вечную привязанность к личности того, кого он называл своим несчастным хозяином; в то время как герцог Инфантадо, который всячески противился любому признанию иностранного монарха, был назначен капитаном гвардии. Затем король отбыл в Мадрид, предварительно назначив великого герцога Бергского генерал-лейтенантом королевства.

ГЛАВА X.

В это время в Байонне стало известно, что г-н де Беллуа, архиепископ Парижский, только что скончался от простуды, которой подхватил в возрасте более девяноста восьми лет. На следующий день после того, как пришло это печальное известие, император, искренне опечаленный, стал распространяться о великих и добрых качествах этого достопочтенного прелата и сказал, что однажды необдуманно заметил г-ну де Беллуа, которому тогда было уже более девяноста шести лет, что он проживет столетие, и старый добрый архиепископ воскликнул, улыбаясь: "Неужели ваше величество думает, что мне осталось жить не более четырех лет?"

Я помню, что один из лиц, присутствовавших на церемонии прощания с императором, рассказал следующий анекдот о г-не де Беллуа, который, по-видимому, вызвал уважение и восхищение императора.

Жена палача из Генуи родила дочь, которую нельзя было крестить, потому что никто не хотел выступать в роли крестного отца. Напрасно отец просил и умолял тех немногих людей, которых он знал, напрасно он даже предлагал деньги; это было невозможно. Вследствие этого бедное дитя оставалось некрещеным четыре или пять месяцев, хотя, к счастью, ее здоровье не давало повода для беспокойства. Наконец кто-то упомянул об этом странном положении дел архиепископу, который выслушал историю с большим интересом, поинтересовался, почему ему не сообщили раньше, и, отдав приказ немедленно доставить к нему девочку, крестил ее в своем дворце и сам был ее крестным отцом.

В начале июля великий герцог Бергский вернулся из Испании усталый, больной и не в духе. Он пробыл там всего два или три дня и каждый день беседовал с его Величеством, которое, казалось, было удовлетворено великим герцогом не больше, чем великий герцог был доволен им, а затем уехал к источникам Барежеса.

Их Величества император и императрица покинули замок Маррак 20 июля в шесть часов вечера. Это путешествие императора было одним из тех, на которые было потрачено наибольшее количество табакерок, инкрустированных бриллиантами, поскольку его величество не экономил на них.

Их Величества прибыли в По 22-го числа, в десять часов утра, и остановились в замке Гелос, расположенном примерно в четверти лье от места рождения доброго Генриха IV, на берегу реки. День прошел в приемах и конных прогулках, на одной из которых император посетил замок, в котором воспитывался первый король из дома Бурбонов, и показал, насколько этот визит заинтересовал его, продлив его до обеда.

На границе департамента Верхние Пиренеи, как раз в самой пустынной и жалкой части, была воздвигнута триумфальная арка, которая казалась чудом, упавшим с небес посреди этих невозданных и выжженных солнцем равнин. Вокруг этого сельского памятника их Величеств ожидал почетный караул, возглавляемый старым маршалом лагеря месье де Ноэ, которому было более восьмидесяти лет. Этот достойный старый солдат немедленно занял свое место

рядом с экипажем и в качестве кавалерийского эскорта оставался верхом в течение дня и двух ночей, не выказывая ни малейшей усталости.

Продолжая наше путешествие, мы увидели на плато небольшой горы каменную пирамиду высотой в сорок или пятьдесят футов, ее четыре стороны были покрыты надписями, восхваляющими их Величества. Около тридцати детей, одетых мамелюками, казалось, охраняли этот памятник, который вызывал у императора славные воспоминания. В тот момент, когда появились их Величества, из соседнего леса вышли местные балладисты, или танцоры, одетые в самые живописные костюмы, со знаменами разных цветов и воспроизводящие с замечательной ловкостью и энергией традиционный танец горцев юга.

Недалеко от города Тарб находилась фиктивная гора, поросшая елями, которая открылась, пропуская кортеж, увенчанная парящим в воздухе императорским орлом, держащим знамя, на котором было начертано: "Он откроет наши Пиренеи".

По прибытии в Тарб император немедленно вскочил на коня, чтобы нанести визит великому герцогу Бергскому, который был болен в одном из пригородов. Мы уехали на следующий день, не посетив Барез и Баньер, где были сделаны самые блестящие приготовления к приему их Величеств.

Когда император проезжал через Ажен, ему представили храброго парня по имени Принтемпс, старше ста лет, служившего при Людовиках XIV, XV и XVI, который, хотя и согнулся под тяжестью многих лет и бремени, оказавшись в присутствии императора, мягко оттолкнул двух своих внуков, которые его поддерживали, и почти сердито воскликнул, что прекрасно справится один. Его величество, который был очень тронут, встретил его на полпути и очень любезно склонился над старым столетним стариком, который стоял на коленях с непокрытой седой головой и глазами, полными слез, сказал дрожащим голосом: "Ах, сир, я боялся, что умру, так и не увидев вас". Император помог ему подняться и подвел его к креслу, на которое он усадил его собственными руками, а сам сел рядом с ним на другое, которое он сделал знак подать ему. "Я рад видеть вас, мой дорогой Принтемпс, очень рад. Вы что-нибудь слышали обо мне в последнее время?" (Его Величество назначил этому храброму человеку пенсию, которую его жена должна была унаследовать после его смерти.) Принтемпс приложил руку к сердцу: "Да, я слышал от вас". Императору доставило удовольствие заставить его рассказать о своих кампаниях, и после долгой беседы он попрощался с ним, вручив ему в то же время подарок в пятьдесят наполеонов.

Его величеству также был представлен солдат, родившийся в Ажене, который потерял зрение вследствие кампании в Египте. Император дал ему триста франков и пообещал пенсию, которая впоследствии была ему выслана.

На следующий день после прибытия в Сен-Клу император и императрица отправились в Париж, чтобы присутствовать на празднествах 15 августа, которые, бесполезно говорить, были великолепными. Войдя в Тюильри, император поспешил осмотреть замок, чтобы осмотреть ремонт и усовершенствования, произведенные за время его отсутствия, и, по своему обыкновению, больше критиковал, чем хвалил все, что видел. Выглянув из зала маршалов, он спросил господина де Флерье, управляющего дворцом, почему верхушка триумфальной арки на Карусели покрыта тканью; и его Величеству ответили, что это потому, что еще не были сделаны все приготовления для установки его статуи в колесницу, к которой были привязаны коринфские

кони, а также потому, что две Победы, которые должны были вести четверку коней, еще не были завершены. "Что?" - яростно воскликнул император. "Но я этого не допущу! Я ничего об этом не говорил! Я этого не приказывал!" Затем, повернувшись к М. Фонтен, продолжил он, "Месье Фонтен, была ли моя статуя в том проекте, который вам был представлен?" — "Нет, сир, это была статуя бога Марса". — "Ну, почему вы поставили меня на место бога войны?" — "Сир, это был не я, а М. генеральный директор музея".

"Генеральный директор был неправ", - нетерпеливо перебил император. "Я хочу, чтобы эту статую убрали; вы слышите, месье Фонтэн? Я бы хотел, чтобы его убрали; он совершенно неподходящий. Что? должен ли я воздвигнуть себе статуи! Пусть колесница и Победы будут завершены; но пусть колесница, пусть колесница останется пустой". Приказ был выполнен, и статуя императора была снесена и помещена в оранжерею, где, возможно, находится до сих пор. Он был сделан из позолоченного свинца, тонкой работы и отличался превосходным сходством.

В воскресенье после прибытия императора его величество принимал в Тюильри персидского посла Аскер-хана; г-н Жобер сопровождал его и выполнял функции переводчика. Этот ученый, сведущий в восточных делах, по приказу императора принимал его превосходительство на границах Франции в компании г-на Аутрея, вице-консула Франции в Багдаде. Позже у его превосходительства была вторая аудиенция, которая состоялась во дворце Сен-Клу.

Посол был очень красивым мужчиной, высоким, с правильными чертами лица, благородным и привлекательным выражением лица; его манеры были отточенными и элегантными, особенно по отношению к дамам, с даже некоторой французской галантностью. Его свита, состоящая из избранных, великолепно одетых особ, насчитывала при его отъезде из Эрзерума более трехсот человек; но бесчисленные трудности, возникшие в пути, вынудили его превосходительство отпустить большую часть своей свиты, и, несмотря на такое сокращение, эта свита, тем не менее, была одной из самых многочисленных, когда-либо привозимых послом во Францию. Посол и его свита разместились на улице Фрежюс, в резиденции, которую раньше занимала мадемуазель де Конти.

Подарки, которые он привез императору от имени своего государя, были огромной ценности: более восьмидесяти кашемировых шалей всех видов; огромное количество мелкого жемчуга различных размеров, некоторые из них очень крупные; восточная уздечка, набедренная повязка, украшенная жемчугом, бирюзой, изумрудами и т.д.; и, наконец, мечи Тамерлана и Тамас-Кули-хана, первый покрыт жемчугом и драгоценными камнями, второй очень просто оправлен, оба с индийскими клинками баснословной ценности с арабскими из тисненого золота.

В то время я с удовольствием поинтересовался некоторыми подробностями об этом поселе. Характер у него был очень привлекательный, и он проявлял большое внимание к каждому, кто навещал его, даря дамам букеты роз, мужчинам табак, духи и трубки. Он получал большое удовольствие, сравнивая французские драгоценности с теми, что привозил из своей страны, и даже доходил в своей галантности до того, что предлагал дамам определенные обмены, всегда в значительной степени к их выгоде; и отказ от этих предложений глубоко ранил его. Когда в его жилище вошла хорошенькая женщина, он сначала улыбнулся и услышал, как она говорит в каком-то безмолвном экстазе; затем он посвятил свое внимание тому, чтобы усадить ее, подложив под ноги подушки и ковры из кашемира (поскольку у него был только этот материал).

Даже его одежда и покрывала на кровати были из кашемира чрезвычайно высокого качества. Аскер-хан не постеснялся вымыть лицо, бороду и руки в присутствии всех, усевшись для этой операции перед рабом, который поставил перед ним на колени фарфоровый кувшин.

Посол имел явный вкус к наукам и искусствам и сам был очень образованным человеком. Господа Дюбуа и Луазо руководили рядом с его резиденцией учреждением, которое он часто посещал, особенно предпочитая присутствовать на занятиях по экспериментальной физике; и вопросы, которые он задавал с помощью своего переводчика, свидетельствовали с его стороны об очень обширных знаниях о явлениях электричества. Те, кто торговал диковинками и предметами искусства, чрезвычайно любили его, поскольку он покупал их товары, особо не торгуясь. Однако однажды он пожелал приобрести телескоп и послал за известным оптиком, который воспользовался случаем и заломил за него огромную цену. Но Аскер-хан, осмотрев инструмент, которым он остался очень доволен, сказал оптику: "Вы назвали мне свою высокую цену, теперь назовите мне свою короткую".

Больше всего он восхищался ситцем мануфактур Жуи, текстура, узор и цвета которого, по его мнению, превосходили даже кашемир, и купил несколько мантий, чтобы отправить их в Персию в качестве моделей.

В день праздника императора его превосходительство устроил в саду своей резиденции представление в восточном стиле, на котором персидские музыканты, прикрепленные к посольству, исполнили воинственные произведения, поражающие как энергией, так и оригинальностью. Были также искусственные фейерверки, среди которых выделялись гербы суфиев, на которых самым искусным образом был изображен герб Наполеона.

Его превосходительство посетил императорскую библиотеку, г-н Жобер служил переводчиком; и посол был восхищен, увидев порядок, в котором хранилось это огромное собрание книг. Он пробыл полчаса в зале рукописей, который показался ему очень красивым, и узнал, что некоторые из них были скопированы очень известными в Персии писателями. Больше всего его поразила экзemplяра Корана, и он сказал, восхищаясь им, что в Персии нет человека, который не продал бы своих детей, чтобы приобрести такое сокровище.

Покидая библиотеку, Аскер-хан выразил свое почтение библиотекарям и пообещал пополнить коллекцию несколькими драгоценными рукописями, которые он привез из своей страны.

Через несколько дней после презентации посол посетил музей и был очень впечатлен портретом своего хозяина, царя Персии; и не смог в достаточной степени выразить свою радость и благодарность, когда ему подарили несколько копий этой картины. Исторические картины, особенно батальные, полностью поглотили его внимание, и он по меньшей мере четверть часа простоял перед картиной, изображающей капитуляцию Вены.

Дойдя до конца галереи Аполлона, Аскер-хан сел отдохнуть, попросил трубку и позволил себе закурить; а когда он закончил, встал и, увидев вокруг себя множество дам, привлеченных любопытством, сделал им через г-на Жобера чрезвычайно лестные комплименты. Затем, покинув музей, его превосходительство отправился на прогулку в сад Тюильри, где вскоре за ним последовала огромная толпа. В тот день его Превосходительство пожаловал принцу де Беневенто от имени своего государя Великий орден Солнца - великолепное украшение, состоящее из бриллиантового солнца, прикрепленного к поясу из красной ткани, усыпанной жемчугом.

Аскер-хан произвел в Париже большее впечатление, чем турецкий посол. Он был щедрее и галантнее, ухаживал за собой с большим почтением и с большей готовностью приспосабливался к французским обычаям и манерам. Турок был вспыльчив, суров и раздражителен, в то время как перс любил шутки и хорошо понимал их. Однако однажды он покраснел от гнева, и, надо признать, не без веской причины.

На концерте, данном в покоях императрицы Жозефины, Аскер-хан, которому музыка, очевидно, не очень понравилась, сначала аплодировал, восторженно жестикулируя и восхищенно закатывая глаза, пока, наконец, природа не взяла верх над вежливостью, и посол крепко не уснул. Однако положение его превосходительства было не самым подходящим для сна, поскольку он стоял спиной к стене, упершись ногами в диван, на котором сидела дама. Некоторым офицерам дворца пришло в голову, что было бы хорошей шуткой внезапно лишить его этой точки опоры, что они и проделали со всей легкостью, просто начав разговор с дамой на диване, которая внезапно поднялась, сиденье соскользнуло на пол; ноги его превосходительства последовали за этим движением, и посол, внезапно лишенный веса, который уравнивал его, растянулся во весь рост на полу. При этом грубом пробуждении он попытался удержаться от падения, хватаясь за соседей, мебель и занавески, издавая при этом ужасающие крики. Офицеры, сыгравшие с ним эту злую шутку, с самым смехотворно серьезным видом просили его сесть на неподвижный стул, чтобы избежать повторения подобного несчастного случая; в то время как дама, ставшая соучастницей этого розыгрыша, с большим трудом подавила смех, а его превосходительство был охвачен гневом, который он мог выразить только взглядами и жестами.

Еще одно приключение Аскер-хана долго было предметом разговоров и доставило много удовольствия. Почувствовав недомогание в течение нескольких дней, он подумал, что французская медицина может вылечить его быстрее, чем персидская; поэтому он послал за г-ном Бурдуа, самым искусным врачом, имя которого он хорошо знал, поскольку позаботился познакомиться со всеми нашими знаменитостями любого рода. Приказ посла был незамедлительно выполнен; но из-за странной ошибки посетить Аскер-хана попросили не доктора Бурдуа, а председателя Счетной палаты г-на Марбуа, который был очень удивлен честью, оказанной ему персидским послом, не будучи в состоянии понять, какая связь может быть между ними. Тем не менее он немедленно отправился к Аскер-хану, который с трудом мог поверить, что строгий костюм председателя Счетной палаты был костюмом врача. Как только г-н Марбуа вошел, посол протянул руку и показал язык, внимательно разглядывая его. Г-н Марбуа был немного удивлен таким приемом; но, решив, что это, несомненно, восточная манера приветствовать должностных лиц, он низко поклонился и робко пожал протянутую ему руку, и он находился в этой почтительной позе, когда четверо слуг посла принесли сосуд с недвусмысленными знаками. Г-н Марбуа распознал его назначение с удивлением и негодованием, которые невозможно было выразить, и сердито отпрянул, спрашивая, что это за сосуд. Все это означало. Услышав, что его называют доктором, "Что?" — воскликнул он. "Господин доктор!" - "Ну да, доктор Бурдуа!" мсье Марбуа был озадачен. Сходство между звучанием его имени и фамилии доктора привело его к этому неприятному визиту.

ГЛАВА XI.

За день до праздника императора или на следующий колоссальная бронзовая статуя, которую должны были установить на памятнике на Вандомской площади, была вывезена из мастерской г-на Лоне. Пивовары Сент-Антуанского предместья предложили своих самых красивых лошадей для запряжки колесницы, на которой везли статую, и было выбрано двенадцать, по одному от каждого пивовара; и поскольку их хозяева просили привилегии прокатиться на них верхом, ничто не могло быть более необычным, чем этот кортеж, который прибыл на Вандомскую площадь в пять часов вечера, сопровождаемый огромной толпой, под крики "Да здравствует Император". За несколько дней до отъезда его Величества в Эрфурт император с императрицей и их домочадцами в последний раз сыграли в "базу заключенных". Это было вечером, и лакеи несли зажженные факелы и следовали за игроками, когда они выходили за пределы досягаемости света. Император однажды упал, пытаясь поймать императрицу, и был взят в плен; но вскоре он нарушил границы дозволенного и снова начал бегать, а когда оказался на свободе, утащил Жозефину, несмотря на протесты игроков; и таким образом закончилась последняя игра в prisoner's base, в которую я когда-либо видел Императора.

Было решено, что император Александр и император Наполеон встретятся в Эрфурте 27 сентября; и большинство монархов, образующих Рейнскую конфедерацию, были приглашены присутствовать на этой встрече, которая, как предполагалось, должна была быть великолепной и внушительной. Следовательно, герцог Фриуль, главный маршал дворца, послал г-на де Канувиля, управляющего жильем дворца, г-на де Боссе, префекта дворца, и двух квартирмейстеров подготовить в Эрфурте жилье для всех этих знаменитых гостей и организовать службу главного маршала.

Правительственный дворец был выбран для проживания императора Наполеона, поскольку из-за своих размеров он идеально соответствовал намерению императора разместить там свой двор; для императора Александра была подготовлена резиденция М. Трибеля, самая красивая в городе; а для С. А. Л., великого князя Константина, резиденция сенатора Реманна. Другие резиденции были зарезервированы для принцев Конфедерации и лиц их свиты; и в каждой из этих различных резиденций было создано подразделение из всех родов войск императорского двора.

Со складов короны было отправлено большое количество великолепной мебели, ковров и гобеленов, как гобеленовых, так и савоньерских; бронза, люстры, канделябры, жиронды, северский фарфор; словом, все, что могло послужить для роскошного убранства двух императорских дворцов и тех, которые должны были занять другие монархи; из Парижа прибыла толпа рабочих. Генерал Удино был назначен губернатором Эрфурта, и в его подчинении находились Первый гусарский полк, Шестой кирасирский и Семнадцатый полк легкой пехоты, которые генерал-майор назначил составлять гарнизон. Двадцать отборных полицейских и батальон, отобранный из лучших гренадер гвардии, были поставлены на дежурство у императорских дворцов.

Император, стремившийся всеми средствами сделать эту встречу в Эрфурте как можно более приятной для государей, к которым он питал привязанность в Тильзите, пожелал, чтобы в их честь были разыграны шедевры французской сцены. Это было самое достойное развлечение, которое он мог найти, поэтому он отдал приказ украсить и отремонтировать театр. Г-н Дазенкур был назначен директором театра и выехал из Парижа вместе с господами Тальма, Лафоном, Сен-При, Дамасом, Депре, Варенном, Лакавом; мадам Дюшеннуар, Рокур, Тальма, Бургуэном, Розой Дюпюи, Гросандом и Патра; и все было в порядке до прибытия монархов.

Наполеону чрезвычайно не нравилась мадам Тальма, хотя она проявляла самые выдающиеся таланты, и это отвращение было хорошо известно, хотя я так и не смог выяснить причину; и никто не хотел первым внести ее имя в список отобранных для поездки в Эрфурт, но меесье Тальма так много умолял, что в конце концов согласие было дано. И тут произошло то, что предвидели все, кроме меесье Тальмы и его жены, - император, однажды посмотрев ее игру, был сильно раздосадован тем, что ей разрешили прийти, и приказал вычеркнуть ее имя из списка.

Мадемуазель Бургуэн, которая в то время была молода и чрезвычайно хороша собой, поначалу добилась большего успеха; но для достижения этого было необходимо, чтобы она вела себя иначе, чем мадам Тальма. Как только она появилась в эрфуртском театре, она вызвала восхищение и стала объектом внимания всех знаменитых зрителей; и это явное предпочтение породило зависть, которая доставляла ей огромное удовольствие и которую она усиливала в меру своих возможностей всеми доступными ей средствами. Когда она не играла, она занимала свое место в театре, великолепно одетая, после чего все взгляды были устремлены на нее и отвлекались от сцены, к великому неудовольствию актеров, пока император, наконец, не заметил этих частых отвлекающих факторов и не положил им конец, запретив мадемуазель Бургуэн появляться в театре, кроме как на сцене.

Эта мера, весьма мудро принятая его величеством, навлекла на него немилость мадемуазель Бургуэн, а другой инцидент еще больше усилил неудовольствие актрисы. Два государя почти каждый вечер вместе посещали театр, и император Александр находил мадемуазель Бургуэн очаровательной. Она знала об этом и всячески старалась усилить преданность монарха. Наконец, однажды влюбленный царь признался императору в своих чувствах к мадемуазель Бургуэн. "Я не советую вам делать никаких авансов", - сказал император Наполеон. "Вы думаете, она откажет мне?" — "О нет, но завтра придет почта, и через пять дней весь Париж будет знать о вашем величестве все с головы до ног". Эти слова необычайно охладили пыл самодержца, который поблагодарил императора за его совет и сказал ему: "Но, судя по тому, как говорит ваше величество, я склонен думать, что вы питаете недоброжелательство к этой очаровательной актрисе". — "Нет, по правде говоря, - ответил император, - я ничего о ней не знаю". Этот разговор происходил в его спальне во время туалета. Александр оставил его величество совершенно убежденным, и мадемуазель Бургуэн перестала глазеть и уверять.

Его Величество прибыл в Эрфурт утром 27 сентября 1808 года. Король Саксонии, прибывший первым, за которым следовали граф де Марколини, граф де Хааг и граф де Бозе, ожидали императора у подножия лестницы губернаторского дворца; за ними прибыли члены Регентства и муниципалитета Эрфурта, которые поздравили его в обычной форме. После короткого отдыха император сел на коня и выехал из Эрфурта через Веймарские ворота, мимоходом нанеся визит королю Саксонии, и обнаружил за пределами города весь гарнизон, выстроенный в боевую линию, — гвардейских гренадеров под командованием г-на д'Аркиса, Первый гусарский полк г-

на де Жюниака, Семнадцатый пехотный полк г-на де Кабанн-Пюймиссона и Шестой кирасирский полк, лучший отряд людей, какой только можно себе представить, под командованием полковника д'Огеранвиля. Император осмотрел эти войска, приказал изменить некоторые дислокации, а затем продолжил свой путь на встречу с императором Александром.

Последний выехал из Санкт-Петербурга 17 сентября; король и королева Пруссии ожидали его в Кенигсберге, куда он прибыл 18-го. Герцог Монтебелло имел честь принять его в Бромберге под салют из двадцати одной пушки. Выйдя из кареты, император Александр вскочил на коня в сопровождении маршалов империи Сульта, герцога Далматинского, и Ланна, герцога Монтебелло, и галопом направился навстречу дивизии Нансути, которая ожидала его, выстроившись в боевую линию. Его приветствовали новым салютом и часто повторяющимися криками "Да здравствует император Александр". Монарх, проводя смотр различным корпусам, из которых состояла эта прекрасная дивизия, сказал офицерам: "Я считаю большой честью, господа, находиться среди таких храбрых людей и великолепных солдат".

По приказу маршала Сульта, который просто исполнил приказ Наполеона, на всех дорогах, по которым должен был проехать северный монарх, были расставлены посты, и им было запрещено получать какую-либо компенсацию. При каждой эстафете сопровождали драгуны или легкая кавалерия, которые оказывали воинские почести царю, когда он проезжал мимо.

Пообедав с генералами дивизии Нансути, российский император вернулся в свою карету - двухместное бричку-и усадил рядом с собой герцога Монтебелло, который впоследствии рассказывал мне, с каким уважением и нежностью императоросыпал его во время путешествия, даже накинул маршальский плащ ему на плечи, пока он спал.

Его Императорское Российское Величество прибыл в Веймар вечером 26-го, а на следующий день продолжил свой путь в Эрфурт в сопровождении маршала Сульта, его штаба и старших офицеров дивизии Нансути, которые не покидали его с тех пор, как он выступил из Бромберга, и встретил Наполеона в полутора лье от Эрфурта, куда последний прибыл верхом с этой целью.

В тот момент, когда царь увидел императора, он вышел из кареты и направился к его величеству, который тоже сошел с лошади. Они обнялись с нежностью двух школьных друзей, которые снова встречаются после долгой разлуки; затем оба вскочили на коней, как и великий князь Константин, и, проскакав галопом перед полками, которые при их приближении обнажили оружие, въехали в город, в то время как войска и огромная толпа, собравшаяся на двадцать лье в округе, оглашали воздух приветственными криками. Император России при въезде в Эрфурт надел великую награду ордена Почетного легиона, а император Франции - орден Святого Андрея Российского; и оба государя во время своего пребывания продолжали оказывать друг другу эти знаки взаимного уважения, и было также отмечено, что в своем дворце император всегда отдавал должное Александру. Вечером своего прибытия, по приглашению его Величества, Александр вручил подпись великому маршалу, а затем ее поочередно вручили оба государя.

Сначала они отправились в русский дворец, где пробыли час; а позже, когда Александр приехал с ответным визитом к императору, он встретил его у подножия лестницы и проводил до входа в большой зал, когда тот уходил. В шесть часов оба монарха ужинали в резиденции его Величества, и так было каждый день. В девять часов император сопровождал императора России в свой дворец; затем у них состоялась приватная беседа, которая продолжалась более часа, а

вечером весь город был иллюминирован. На следующий день после своего прибытия император принял у себя офицеров царского двора и разрешил им парадный въезд на оставшееся время их пребывания.

Два государя дали друг другу доказательства самой искренней дружбы и самой доверительной близости. Император Александр почти каждое утро входил в спальню его Величества и свободно беседовал с ним. Однажды он рассматривал императорский туалетный столик из позолоченного серебра, который стоил шесть тысяч франков и был очень удобно скомпонован и прекрасно вырезан ювелиром Биенне, и чрезвычайно им восхитился. Как только он ушел, император приказал мне прислать в царский дворец несессер, в точности подобный тому, который только что был получен из Парижа.

В другой раз император Александр отметил элегантность и долговечность железной кровати его Величества; и уже на следующий день по приказу его Величества, переданному мной, точно такая же кровать была установлена в комнате российского императора, который был в восторге от этого вежливого внимания, а через два дня в знак своего удовлетворения приказал господину де Ремюза вручить мне два красивых кольца с бриллиантами.

Однажды царь совершал свой туалет в комнате императора, и я помогал ему. Я достал из гардероба императора белый галстук и батистовый платок, которые вручил ему, и за которые он очень любезно поблагодарил меня; он был чрезвычайно мягким, хорошим, любезным принцем и чрезвычайно вежливым.

Между этими прославленными монархами произошел обмен подарками. Александр преподнес императору в подарок три великолепных плаща из мартен-соболя, один из которых император подарил своей сестре Полине, другой - принцессе де Понте-Корво; а третий он подбил зеленым бархатом и украсил золотым кружевом, и именно этот плащ он постоянно носил в России. История того, что я передал от него принцессе Полине, достаточно необычна, чтобы привести ее здесь, хотя, возможно, она уже была рассказана.

Принцесса Полина выказала большое удовольствие, получив подарок императора, и с удовольствием демонстрировала свой плащ на всеобщее обозрение. Однажды, когда она была в кругу дам, которым рассказывала о качестве этого меха, прибыл г-н де Канувиль, и принцесса спросила его мнение о подарке, который она получила от императора. Красивый полковник, казалось, был не так поражен восхищением, как она ожидала, она была несколько задета и воскликнула: "Что, месье, вы не находите его изысканным?" — "Нет, мадам". — "Чтобы наказать вас, я хочу, чтобы вы сохранили этот плащ; я дарю его вам и требую, чтобы вы его носили; я хочу его, вы понимаете". Вполне вероятно, что между ее императорским высочеством и ее протееж возникли какие-то разногласия, и принцесса воспользовалась первым средством установления мира; но как бы то ни было, г-на де Канувиль не пришлось долго уговаривать, и богатый мех был доставлен в его дом. Несколько дней спустя, когда император проводил смотр на площади Карусель, штат Массачусетс, де Канувиль появился верхом на неуправляемой лошади, которой ему было очень трудно управлять. Это вызвало некоторое замешательство и привлекло внимание его величества, который, взглянув на г-на де Канувиль, увидел, что плащ, который он подарил своей сестре, превратился в гусарскую накидку. Императору было очень трудно сдерживать свой гнев. "Господин де Канувиль, - воскликнул он громовым голосом, - ваш конь молод, и кровь у него слишком горячая; вы поедете и охладите ее в России". Через три дня после того, как г-н де Канувиль покинул Париж.

ГЛАВА XII.

Император Александр никогда не устал демонстрировать свое уважение к актерам подарками и комплиментами; а что касается актрис, то я уже говорил, как далеко он зашел бы с одной из них, если бы Наполеон не удержал его. Он. Каждый день великий князь Константин устраивал увеселительные вечеринки с Мюратом и другими выдающимися личностями, на которые не жалели средств, и некоторые из этих дам оказывали ему почести. А какие меха и бриллианты они увезли из Эрфурта! Оба императора были осведомлены обо всем этом и очень забавлялись этим; и это было любимой темой утренних разговоров. Константин испытывал особую привязанность к королю Джерому; король даже зашел в своей привязанности так далеко, что "опекал" его, и желал, чтобы он сделал то же самое. "Это потому, что я король, - сказал он однажды, - что ты боишься сказать мне "ты"? Ну же, а теперь, есть ли какая-нибудь необходимость в формальностях между друзьями? Они вместе устраивали всевозможные студенческие шалости, даже бегали по ночным улицам, стучали во все двери и были очень рады, когда им удалось разбудить какого-нибудь честного буржуа. Когда император уезжал, король Иероним сказал великому герцогу: "Ну же, скажи мне, что ты хочешь, чтобы я прислал тебе из Парижа". — "Ничего особенного, — ответил великий герцог. — Твой брат подарил мне великолепную шпагу; я удовлетворен и ничего больше не желаю". - "Но я хочу тебе что-нибудь прислать, так скажи мне, что доставило бы тебе удовольствие". - "Хорошо, пришли мне шесть девушек из Пале-Рояля".

Спектакль в Эрфурте обычно начинался в семь часов, но два императора, которые всегда приезжали вместе, никогда не появлялись раньше половины восьмого. При их появлении вся королевская яма встала, чтобы оказать им честь, и сразу же началась первая пьеса.

Во время представления Цинны император опасался, что царь, которого поместили рядом с ним в ложе, обращенной к сцене, на первом ярусе, может плохо слышать, поскольку он был несколько глуховат; и поэтому отдал приказ г-ну де Ремюза, первому камергеру, чтобы на полу оркестра был воздвигнут помост и расставлены кресла для него и Александра; а справа и слева по четыре красиво украшенных стула для короля Саксонии и других государей Конфедерации, в то время как принцы займут ложу, оставленную их родителями. Величества. Благодаря такому расположению два императора оказались в таком заметном положении, что для них было невозможно сделать хоть одно движение, не будучи замеченными всеми. 3 октября был представлен Эдип. "Все государи", как называл их император, присутствовали на этом представлении; и точно так же, как актер произнес эти слова в первой сцене:

"Дружба великого человека - это дар богов":

царь встал и с большим изяществом протянул императору руку; и тотчас же со всех концов зала раздались одобрительные возгласы, которых не могло сдержать присутствие монархов.

Вечером того же дня я, как обычно, приготовил императора ко сну. Все двери, которые вели в его спальню, были тщательно закрыты, так же как ставни и окна; и, следовательно, в комнату его Величества нельзя было попасть иначе, как через комнату, в которой я спала с Рустаном, и у подножия лестницы также был поставлен часовой. Каждую ночь я спал очень спокойно, зная, что никто не сможет добраться до Наполеона, не разбудив меня; но в ту ночь, около двух часов, когда я крепко спал, странный шум разбудил меня, заставив вздрогнуть. Я протер глаза и прислушался с величайшим вниманием, но, ничего не услышав, решил, что этот шум - иллюзия сна, и уже собирался снова заснуть, когда до моего слуха донеслись низкие, сдавленные крики, какие мог бы издавать человек, которого душат. Я услышал, как они повторились дважды, и в одно мгновение сел прямо в постели, волосы у меня встали дыбом, а конечности покрылись холодным потом. Внезапно мне пришло в голову, что на императора совершается покушение, и я вскочил с постели и разбудил Рустана; и поскольку крики теперь возобновились с еще большей силой, я открыл дверь так осторожно, как только позволяло мое возбуждение, вошел в спальню и, бросив быстрый взгляд, убедился, что никто не мог войти. Подойдя к кровати, я увидел, что его Величество распростерт поперек нее в позе, означающей сильную агонию, драпировка и покрывало сброшены, и все его тело находится в ужасном состоянии нервных сокращений. Из его открытого рта вырывались нечленораздельные звуки, дыхание казалось сильно затрудненным, а одна из его рук, крепко сжатая, лежала на животе. Я пришел в ужас от этого зрелища и позвал его. Он не ответил; снова, один, даже два раза, по-прежнему никакого ответа. Наконец я решил легонько встряхнуть его; и при этих словах император проснулся с громким криком, говоря: "Что это? Что это?" затем сел и широко открыл глаза; на что я сказал ему, что, видя, как его мучает ужасный кошмар, я взял на себя смелость разбудить его. - И ты поступил правильно, мой дорогой Константин, - прервал его величество. - Ах, друг мой, мне приснился страшный сон: медведь разрывал мне грудь и пожирал сердце! После этого император встал и, пока я приводил в порядок его постель, прошелся по комнате. Ему пришлось сменить рубашку, которая промокла от пота, и, наконец, он снова удалился.

На следующий день, проснувшись, он сказал мне, что прошло много времени, прежде чем он смог снова заснуть, настолько ярким и ужасным было произведенное на него впечатление. Он надолго запомнил этот сон и часто рассказывал о нем, каждый раз пытаясь сделать из него разные выводы, в зависимости от обстоятельств.

Что касается меня, то, признаюсь, я был поражен совпадением комплимента Александра в театре и этого ужасного кошмара, тем более что император не был подвержен беспорядкам подобного рода. Я не знаю, рассказывал ли его величество свой сон российскому императору.

6 октября их Величества присутствовали на охоте, которую великий герцог Веймарский приготовил для них в Этtersбургском лесу. Император выехал из Эрфурта в полдень вместе с императором России в одной карете. Они прибыли в лес в час дня и обнаружили приготовленный для них охотничий павильон, который был воздвигнут специально для этого случая и был очень красиво украшен. Этот павильон был разделен на три части, разделенные открытыми колоннами; та, что в середине, приподнятая выше остальных, образовывала красивую комнату, устроенную и обставленную для двух императоров. Вокруг павильона были расставлены многочисленные оркестры, исполнявшие вдохновляющие мелодии, к которым примешивались одобрительные возгласы огромной толпы, привлеченной желанием увидеть императора.

Когда оба монарха вышли из кареты, их встретили великий герцог Веймарский и его сын, наследный принц Карл Фредерик; в то время как король Баварии, король Саксонии, король Вюртемберга, принц Вильгельм Прусский, принцы Мекленбургские, принц-примас и герцог Ольденбургский ожидали их у входа в салон.

В свите императора были принц Невшательский; принц Беневенто; главный маршал дворца герцог де Фриуль; генерал Коленкур, герцог Виченцкий; герцог Ровиго; генерал Лористон, адъютант его Величества; генерал Нансути, первый конюший; камергер Эжен де Монтескью; граф де Боссе, префект дворца; и месье Кавалетти.

Российского императора сопровождали великий князь Константин, граф Толстой, великий маршал, и граф Огероски, адъютант его Величества.

Охота длилась почти два часа, за это время было убито около шестидесяти оленей и косуль. Пространство, по которому должны были бегать эти бедные животные, было огорожено сеткой, чтобы монархи могли стрелять в них в свое удовольствие, не беспокоясь, сидя у окон павильона. Я никогда не видел ничего более абсурдного, чем подобного рода охоты, которые, тем не менее, создают тем, кто ими занимается, репутацию отличных стрелков. Какое мастерство нужно иметь, чтобы убить животное, которого егеря, так сказать, берут за уши и ставят перед вашим ружьем.

Император России был близорук, и этот недуг удерживал его от развлечения, которым он бы очень наслаждался; но в тот день, однако, он пожелал предпринять попытку, и, выразив это. при желании герцог Монтебелло вручил ему пистолет, и г-ну де Ботерну выпала честь преподать императору его первый урок. Оленя загнали так, чтобы он прошел примерно в восьми шагах от Александра, который сбил его с ног первым выстрелом.

После охоты их величества отправились во дворец Веймар, и правящая герцогиня приняла их, когда они вышли из своих экипажей в сопровождении всего своего двора. Император нежно приветствовал герцогиню, вспомнив, что видел ее два года назад при совсем других обстоятельствах, о которых я упомянул в своем месте.

Герцог Веймарский попросил великого маршала французских поваров приготовить императорский обед, но император предпочел, чтобы его сервировали в немецком стиле.

Их Величества пригласили отобедать с ними герцога и герцогиню Веймарские, королеву Вестфалии, короля Вюртемберга, короля Саксонии, великого герцога Константина, принца Вильгельма Прусского, принца-примаса, принца Невшательского, принца Талейрана, герцога Ольденбургского, наследного принца Веймарского и принца Мекленбург-Шверинского.

После этого обеда была пьеса, за которой последовал бал, причем спектакль шел в городском театре, где обычные комедианты его Величества представляли "смерть Цезаря", а бал - во дворце герцогов. Император Александр открыл бал с королевой Вестфалии, к великому изумлению всех; ибо было хорошо известно, что этот монарх ни разу не танцевал со времени своего восшествия на престол, поведение, которое придворные старшего возраста считали весьма похвальным, придерживаясь мнения, что государь занимает слишком высокое положение, чтобы разделять вкусы и получать удовольствие от развлечений, общих для остального человечества. Однако, кроме этого, на Веймарском балу не было ничего, что могло

бы их шокировать, поскольку они не танцевали, а прогуливались парами, пока оркестр играл марши.

Утром следующего дня их Величества сели в экипажи, чтобы посетить гору Наполеона близ Йены, где для них был приготовлен великолепный завтрак под шатром, который герцог Веймарский воздвиг на том самом месте, где в день битвы при Йене стоял бивуак императора. После завтрака оба императора поднялись во временный павильон, который был возведен на горе Наполеона; этот павильон, который был очень большим, был украшен планами битвы. Прибыла депутация от города и университета Йены, которая была принята их Величествами; и император поинтересовался у депутатов мельчайшими подробностями, касающимися их города, его ресурсов, а также нравов и характера его жителей; спросил их о приблизительном ущербе, который военный госпиталь, так долго оставленный у них, причинил жителям Йены; спросил имена тех, кто больше всего пострадал от пожара и войны, и отдал приказ распределить между ними денежное вознаграждение, а мелким собственникам полностью возместить ущерб. Его Величество с большим интересом ознакомился с состоянием католического богослужения и пообещал предоставить дом викария в бессрочное пользование, выделив триста тысяч франков на неотложные нужды и пообещав дать еще больше.

Осмотрев верхом позиции, которые обе армии занимали накануне вечером и в день битвы при Йене, а также равнину Аспольда, на которой герцог приготовил ружейную охоту, оба императора вернулись в Эрфурт, куда они прибыли в пять часов вечера, почти в тот самый момент, когда прибыли великий наследственный герцог Баденский и принцесса Стефания.

В течение всего визита государей на поле боя император самым милостивым образом давал объяснения молодому царю, которые тот слушал с величайшим интересом. Его Величеству, казалось, доставляло удовольствие подробно объяснять сначала план, который он разработал и осуществил в Йене, а затем различные планы других своих кампаний, маневры, которые он проводил, свою обычную тактику и, в конце концов, все свои представления о военном искусстве. Таким образом, император в течение нескольких часов вел беседу в одиночестве, и его царственная аудитория уделяла ему столько же внимания, сколько ученые, жаждущие знаний, уделяют наставлениям своего учителя.

Когда его величество вернулся в свои апартаменты, я слышал, как маршал Бертье сказал ему: "Сир, вы не боитесь, что монархи однажды могут использовать против вас все, чему вы их только что научили? Ваше величество, кажется, только что забыли то, что вы ранее говорили нам, что необходимо поступать с нашими союзниками так, как если бы они впоследствии стали нашими врагами". — "Бертье, - ответил император, улыбаясь, - это хорошее замечание с вашей стороны, и я благодарю вас за него; я действительно полагаю, что заставил вас считать меня идиотом. Значит, вы думаете, - продолжал его величество, резко ущипнув принца де Невшатель за ухо, - что я совершил неосторожность, дав им кнуты, чтобы они вернулись и выпороли нас? Успокойся, я рассказал им не все.

Императорский стол в Эрфурте имел форму полумесяца; и в верхнем конце, следовательно, в закругленной части, этого стола восседали их Величества, а справа и слева - государи Конфедерации в соответствии с их рангом. Сторона, обращенная к их Величествам, всегда была пуста; там стоял г-н де Боссе, дворцовый префект, который рассказывает в своих Мемуарах, что однажды он подслушал следующий разговор:

"В тот день предметом разговора была Золотая булла, которая до создания Рейнской конфедерации служила конституцией и регулировала закон о выборах императоров, количестве и ранге выборщиков и т.д. Принц-примас рассказал некоторые подробности относительно этой Золотой Буллы, которая, по его словам, была изготовлена в 1409 году; после чего император Наполеон указал ему, что дата, которая была присвоена Золотой Булле, неверна, и что она была провозглашена в 1336 году, во время правления императора Карла IV. "Это правда, сир", - ответил принц-примас, - "я ошибся; но как случилось, что ваше величество так хорошо знакомы с этими вопросами?" — "Когда я был простым младшим лейтенантом артиллерии, — сказал Наполеон, - в начале со стороны гостей проявился заметный интерес, и он продолжил, улыбаясь, — когда я имел честь быть простым младшим лейтенантом артиллерии, я оставался три года в гарнизоне Валенсии и, поскольку меня мало заботило общество, вел очень уединенный образ жизни. По счастливой случайности я снял квартиру у доброго и интеллигентного книготорговца. Я читал и перечитывал его библиотеку в течение трех лет, пока оставался в гарнизоне, и не забыл ничего, даже то, что не имело отношения к моему положению. Кроме того, природа наделила меня хорошей памятью на цифры, и с моими министрами часто случается, что я могу сообщить им подробности и общую сумму счетов, которые они представили давным-давно".

За несколько дней до своего отъезда из Эрфурта император наградил крестом Почетного легиона г-на де Биги, военного коменданта этого города; г-на Вегеля, бургомистра Йены; г-на Дж. Вейланд и Гете; М. Старлк, старший врач в Йене. Он подарил генералу графу Толстому, послу из России, который был отозван с этого поста своим государем для принятия командования армией, большую награду ордена Почетного легиона; господину настоятелю Меймангу, который дважды отслужил мессу во дворце, кольцо с бриллиантами с шифром N, увенчанное короной; и сто наполеонов двум священникам, которые помогали ему; наконец, главному маршалу дворца графу Толстому, прекрасный гобеленовый гобелен, ковры Савоннери и севрский фарфор, которые были украшены бриллиантами. привезен из Парижа для отделки Эрфуртского дворца. Высшие офицеры министра и офицеры свиты Александра получили от его Величества великолепные подарки; и император Александр сделал то же самое в отношении лиц, приданных его Величеству. Он подарил герцогу Виченцскому большой орден Святого Андрея Первозванного и украшенный бриллиантами знак того же ордена принцам Беневенто и Невшателю.

Очарованный талантом французских комедиантов, особенно таланта Тальма, император Александр прислал ей и всем ее спутницам очень красивые подарки; он посылал комплименты актрисам и режиссеру месье Дазенкуру, которого он не забыл при раздаче подарков.

Это свидание в Эрфурте, столь блиставшее иллюминацией, великолепием и роскошью, закончилось 14 октября; и все великие личности, которых оно привлекло, уехали между 8 и 14 октября.

В день своего отъезда император после своего туалета дал аудиенцию барону Винценту, чрезвычайному посланнику Австрии, и отправил от него письмо своему государю. В одиннадцать часов император России прибыл к его Величеству, которое приняло его и с большой церемонией препроводило в свою резиденцию; вскоре после этого его Величество отправился в русский дворец, сопровождаемый всей своей свитой. После взаимных

приветствий они вместе сели в карету и не расставались, пока не достигли того места на дороге из Веймара, где встретились по прибытии. Там они нежно обнялись и расстались; и 18 октября, в половине десятого вечера, император был в Сен-Клу, проделав всю поездку инкогнито.

ГЛАВА XIII.

Его Величество пробыл в Сен-Клу всего десять дней, два или три из них провел в Париже на открытии сессии Законодательного корпуса, а в полдень 29-го во второй раз отправился в Байонну.

Императрица, которая, к своему великому огорчению, не могла сопровождать императора, послала за мной утром в день его отъезда и в самых трогательных выражениях повторила те же рекомендации, которые она давала во время всех его поездок, поскольку характер испанцев вызывал у нее робость и опасения за его безопасность.

Их расставание было печальным и болезненным, потому что императрице чрезвычайно хотелось сопровождать его, и императору было очень трудно удовлетворить ее и дать ей понять, что это невозможно. Уже собираясь уходить, он на минутку вернулся в свою гардеробную и велел мне расстегнуть его сюртук и жилет; и я увидел, как император обвязал шею между жилетом и рубашкой черной шелковой лентой, на которой висело что-то вроде маленького мешочка размером с крупный лесной орех, обтянутого черным шелком. Хотя тогда я не знала, что было в этом мешочке, когда он вернулся в Париж, он отдал его мне на хранение; и я обнаружила, что этот мешочек приятен на ощупь, так как под шелковым чехлом был другой, из кожи. Позже я расскажу, с какой целью император носил эту сумку.

Я отправился в путь с печальным сердцем. Рекомендации ее Величества императрицы и опасения, от которых я не мог избавиться, усугубили усталость от этих повторяющихся поездок, все это вызвало чувство глубокой печали, которое отразилось почти на всех лицах императорского двора; в то время как офицеры говорили между собой, что сражения на Севере были пустяковыми по сравнению с теми, которые ожидали нас в Испании.

3 ноября мы прибыли в замок Маррак, а четыре дня спустя были в Виттории, в гуще французской армии, где император застал своего брата и нескольких испанских грандов, которые еще не покинули его.

Прибытие его Величества наэлектризовало войска, и часть проявленного энтузиазма, правда, очень небольшая, проникла в сердце короля и несколько обновила его мужество. Они выступили почти немедленно, чтобы сразу же временно обосноваться в Бургосе, который был

захвачен основными силами и разграблен за несколько часов, поскольку жители покинули его и возложили на гарнизон задачу останавливать французов как можно дольше.

Император занял архиепископский дворец, великолепное здание, расположенное на большой площади, на которой расположились бивуаком гренадеры императорской гвардии. Этот бивуак представлял собой необычное зрелище. Огромные котлы, которые были найдены в монастырях, полные баранины, домашней птицы, кроликов и т. Д., Висели над огнем, который время от времени пополнялся мебелью, гитарами или мандолинами, и вокруг которого гренадеры с трубками во рту чинно восседали в позолоченных креслах, обтянутых малиновой камчаткой, пристально наблюдая за кипящими котлами и делясь друг с другом своими предположениями о только что начавшейся кампании.

Император оставался десять или двенадцать дней в Бургосе, а затем отдал приказ выступить на Мадрид, куда можно было добраться через Вальядолид, и дорога действительно была безопаснее и лучше; но император хотел захватить перевал Сомо-Сьерра, внушительную позицию с естественными укреплениями, которая всегда считалась неприступной. Этот проход между двумя горными вершинами защищал столицу и охранялся двенадцатью тысячами повстанцев и двенадцатью орудиями, расположенными так удачно, что они могли нанести такой же урон, как тридцать или сорок орудий в другом месте, и фактически были достаточным препятствием, чтобы задержать даже самую грозную армию; но кто мог тогда воспрепятствовать маршу императора?

Вечером 29 ноября мы прибыли в трех лье от этого грозного ущелья, в деревню под названием Басагильяс; и хотя погода была очень холодной, император не лег, а провел ночь в своей палатке за писанием, завернувшись в накидку, которую подарил ему император Александр. Около трех часов ночи он пришел погреться у бивуачного костра, где я устроился, так как не мог больше выносить холод и сырость подвала, который был отведен мне под жилье и где моей постелью служило всего несколько охапок соломы, наполненных навозом.

В восемь часов утра позиция была атакована и взята, а на следующий день мы прибыли к Мадриду.

Император устроил свою штаб-квартиру в замке Шамптен, доме удовольствий, расположенном в четверти лье от города и принадлежавшем матери герцога Инфантадо; армия расположилась лагерем вокруг этого дома. На следующий день после нашего приезда владелица в слезах умоляла его Величество отменить роковой указ, который ставил ее сына вне защиты закона; император сделал все возможное, чтобы успокоить ее, но он ничего не мог ей обещать, поскольку приказ был общим.

У нас возникли некоторые трудности при взятии этого города; во-первых, потому, что его величество рекомендовал проявлять наибольшую умеренность при нападении, не желая, как он сказал, представлять своему брату сожженный город; во-вторых, потому, что великий герцог Бергский во время своего пребывания в Мадриде укрепил дворец Ретиро, и испанские повстанцы укрепились там и защищали его самым мужественным образом. У города не было другой защиты, и он был окружен только старой стеной, почти точно такой же, как в Париже, следовательно, по прошествии трех дней она была взята; но император предпочел не входить и по-прежнему проживал в Champ-Martin, за исключением одного дня, когда он приехал инкогнито и переодетым, чтобы посетить дворец королевы и главные районы.

Одной из поразительных особенностей испанцев является уважение, которое они всегда проявляли ко всему, что связано с королевской семьей, независимо от того, считают они это законным или нет. Когда король Иосиф покинул Мадрид, дворец был закрыт, и правительство обосновалось во вполне приличном здании, которое раньше использовалось как почтовое отделение. С этого времени никто не входил во дворец, кроме слуг, которым было приказано время от времени убирать его; даже ни один предмет мебели, ни одна книга не были сдвинуты с места. Портрет Наполеона на горе Сен-Бернар, шедевр Дэвида, остался висеть в большом зале для приемов, а портрет королевы напротив - в точности в том виде, в каком их разместил король; и даже подвалы пользовались религиозным уважением. Апартаменты короля Карла также остались нетронутыми, и ни один из часов из его огромной коллекции не был изъят.

Акт милосердия, который его Величество проявил по отношению к маркизу де Сен-Симону, гранду Испании, особым образом ознаменовал вступление французских войск в Мадрид. Маркиз Сен-Симон, французский эмигрант, находился на службе Испании со времени эмиграции и командовал частью столицы. Пост, который он защищал, находился как раз напротив того, которым командовал император у ворот Мадрида, и он держался еще долго после того, как все остальные лидеры сдались.

Император, раздраженный тем, что ему так долго сопротивлялись в этом месте, отдал приказ предпринять еще более энергичную атаку, и при этом маркиз был взят в плен. В крайнем гневе император отдал его под суд военной комиссии, которая приказала его расстрелять; и этот приказ был уже готов к исполнению, когда мадемуазель де Сен-Симон, очаровательная молодая особа, бросилась к ногам его величества, и помилование ее отца было быстро даровано.

Король немедленно вернулся в свою столицу; и вместе с ним вернулись знатные семьи Мадрида, которые удалились от волнующих сцен, разыгравшихся в эпицентре восстания; и вскоре балы, празднества, гуляния и представления возобновились, как и прежде.

Император покинул Шампен 22 декабря и направил свой марш к Асторге с намерением встретиться с англичанами, которые только что высадились в Ла-Корунье; но депеши, отправленные в Асторгу курьером из Парижа, заставили его вернуться во Францию, и он, следовательно, отдал приказ отправляться в Вальядолид.

Мы обнаружили, что дорога от Бенавенте до Асторги покрыта трупами, убитыми лошадьми, артиллерийскими лафетами и сломанными повозками, и на каждом шагу встречали отряды солдат в порванной одежде, без обуви и, действительно, в самом плачевном состоянии. Все эти несчастные бежали в сторону Асторги, которую они считали портом безопасности, но которая вскоре не смогла вместить их всех. Погода была ужасная, снег валил так быстро, что почти слепил глаза; и вдобавок ко всему я был болен и сильно страдал во время этого мучительного путешествия.

Император, находясь в Тордесильясе, разместил свою штаб-квартиру в зданиях за пределами монастыря Сен-Клер, и настоятельница этого монастыря была представлена его величеству. Ей было тогда больше шестидесяти пяти лет, и с тех пор, как ей исполнилось десять лет, она никогда не покидала этого места. Ее умная и утонченная беседа произвела самое приятное впечатление на императора, который поинтересовался, каковы ее желания, и удовлетворил каждое из них.

Мы прибыли в Вальядолид 6 января 1809 года и нашли его в состоянии большого беспорядка. Через два или три дня после нашего прибытия доминиканскими монахами был убит кавалерийский офицер; и когда Хьюберт, один из наших товарищей, проходил вечером по уединенной улице, трое мужчин набросились на него и тяжело ранили; и он, несомненно, был бы убит, если бы гвардейские гренадеры не поспешили к нему на помощь и не вырвали его из их рук. Это снова были монахи. Наконец император, сильно разгневанный, отдал приказ обыскать монастырь доминиканцев; и в колодце был найден труп вышеупомянутого офицера среди значительной массы костей, и монастырь был немедленно ликвидирован по приказу его Величества; одно время он даже подумывал издать такие же строгие приказы против всех монастырей города. Однако ему потребовалось время на размышление, и он удовлетворился тем, что назначил аудиенцию, на которой перед ним должны были предстать все монахи Вальядолида. В назначенный день они пришли; впрочем, не все, а делегации от каждого монастыря, которые пали ниц к ногам императора, в то время как он осыпал их упреками, называл убийцами и разбойниками и говорил, что все они заслуживают повешения. Эти бедняги молча и смиренно выслушивали ужасную речь раздраженного завоевателя, которого могло успокоить только их терпение; и, наконец, гнев императора иссяк, он успокоился, и, наконец, пораженный мыслью, что едва ли справедливо осыпать оскорблениями людей, столь распростертых на коленях и не произносящих ни слова в свою защиту, он покинул группу офицеров, окружавших его, и прошел в гущу монахов, сделав им знак подняться с их просительной позы; и когда эти добрые люди подчинились ему, они поцеловали юбки монахов, сняли с него сюртук и прижались к нему с рвением, вызывающим наибольшую тревогу у лиц из свиты его Величества; ибо, если бы среди этих приверженцев был хоть один доминиканец, наверняка не было бы ничего проще, чем убийство.

Во время пребывания императора в Вальядолиде у меня возникли разногласия с великим маршалом, о которых я сохранил самые яркие воспоминания, а также о вмешательстве императора, в ходе которого он проявил справедливость и добрую волю по отношению ко мне. Таковы факты этого дела: однажды утром герцог де Фриуль, встретив меня в апартаментах его Величества, осведомился очень резким тоном (он был очень взволнован), приказал ли я подать экипаж, на что я самым почтительным образом ответил, что они всегда готовы. Трижды герцог повторял один и тот же вопрос, с каждым разом повышая голос еще больше; и трижды я давал ему один и тот же ответ, всегда в одной и той же почтительной манере. "О, вы глупец! - сказал он наконец. - значит, вы не понимаете". — "Очевидно, монсеньор, это вытекает из несовершенных объяснений вашего превосходительства!" На что он объяснил, что имел в виду новую карету, которая прибыла из Парижа в тот же день, о чем я был совершенно не осведомлен. Я как раз собирался объяснить это его превосходительству, но, не удостоив его вниманием, великий маршал выбежал из комнаты, восклицая, ругаясь и обращаясь ко мне в выражениях, к которым я был совершенно непривычен. Я последовал за ним до его комнаты, чтобы все объяснить, но, добравшись до своей двери, он вошел и захлопнул ее у меня перед носом.

Несмотря на все это, я вошел через несколько минут; но его превосходительство запретил своему камердинеру представлять меня, сказав, что ему нечего мне сказать или услышать от меня, и все это было повторено мне в очень резкой и презрительной манере.

Не привыкшая к подобным переживаниям и совершенно выбитая из колеи, я отправилась в комнату императора; и когда вошел его Величество, я все еще была так взволнована, что мое лицо было мокрым от слез. Его величество пожелал узнать, что произошло, и я рассказал ему о

нападении, которое только что совершил на меня великий маршал. "С вашей стороны очень глупо плакать, - сказал император. - успокойтесь и скажите великому маршалу, что я хочу поговорить с ним".

Его превосходительство немедленно явился по приглашению императора, и я доложил о нем. "Смотрите, - сказал он, указывая на меня, - смотрите, в какое состояние вы довели этого парня! Что он сделал, чтобы с ним так обращались?" Великий маршал поклонился, не отвечая, но с очень недовольным видом; а император продолжал говорить, что ему следовало бы более четко отдавать мне свои приказы и что любому простительно не выполнить приказ, отданный не совсем ясно. Затем, повернувшись ко мне, его Величество сказал: "Месье Констан, вы можете быть уверены, что это больше не повторится".

Это простое дело дает ответ на многие ложные обвинения против императора. Между главным маршалом дворца и простым камердинером покоев его Величества была огромная дистанция, и все же маршал получил выговор за проступок, причиненный камердинеру.

Император проявил предельную беспристрастность в отправлении правосудия в своих внутренних делах; и никогда еще интерьер дворца не управлялся лучше, чем у него, благодаря тому факту, что в своем доме он один был хозяином.

Какое-то время после этого великий маршал был недобр ко мне; но, как я уже сказал, он был прекрасным человеком, его дурное настроение вскоре прошло, причем настолько полностью, что по возвращении в Париж он попросил меня присутствовать при крещении ребенка моего тестя, который умолял его быть его крестным отцом; крестной матерью была Жозефина, которая была настолько добра, что выбрала мою жену в качестве своей представительницы. Господин герцог де Фриуль поступил со мной так же благородно и великодушно, как и изящно; и впоследствии я рад быть его защитником. отдавая должное своей памяти, он охотно пользовался любым случаем, чтобы быть мне полезным и заставить меня забыть о дискомфорте, который причинило мне его временное возбуждение.

Я заболел в Вальядолиде сильной лихорадкой за несколько дней до отъезда его Величества. В день, назначенный для отъезда, моя болезнь была в самом разгаре; и поскольку император опасался, что путешествие может усугубить или, по крайней мере, продлить мою болезнь, он запретил мне ехать и отправился в путь без меня, порекомендовав людям, которых он оставил в Вальядолиде, заботиться о моем здоровье. Когда мне стало немного лучше, мне сказали, что его Величество уехал, после чего я больше не мог себя контролировать и вопреки предписаниям моего врача, несмотря на мою слабость, несмотря ни на что, фактически, приказал посадить себя в карету и уехать. Это было мудро, ибо едва я оставил Вальядолид в двух лигах позади, как почувствовал себя лучше, и лихорадка оставила меня. Я прибыл в Париж через пять или шесть дней после императора, сразу после того, как его Величество назначил графа Монтескью великим камергером вместо принца Талейрана, с которым я познакомился в тот же день, и который, казалось, никоим образом не пострадал от этого позора, возможно, он был утешен званием вице-великого курфюрста, которое было даровано ему взамен.

ГЛАВА XIV.

Император прибыл в Париж 23 января и провел там остаток зимы, за исключением нескольких дней, проведенных в Рамбуйе и Сен-Клу.

В самый день своего прибытия в Париж, хотя он, должно быть, был сильно утомлен почти непрерывной поездкой из Вальядолида, император посетил здания Лувра и улицу Риволи.

Его мысли были заняты тем, что он видел в Мадриде, и он повторял предложения М. Фонтен и другие архитекторы ясно продемонстрировали его желание сделать Лувр самым прекрасным дворцом в мире. Затем его величеству был представлен отчет о замке Шамбор, который он хотел подарить принцу Невшательскому. Месье Фонтен обнаружил, что ремонт, достаточный для превращения этого места в комфортабельную резиденцию, обойдется в 1 700 000 франков, поскольку здания находились в ветхом состоянии, и к ним почти не прикасались после смерти маршала Сейджа.

Два с половиной месяца своего пребывания его величество провел за работой в своем кабинете, который покидал редко и всегда неохотно; его развлечениями были, как всегда, театр и концерты. Он страстно любил музыку, особенно итальянскую, и, как всем великим любителям, ему было трудно угодить. Он бы с большим удовольствием спел, если бы умел, но у него не было голоса, хотя это не мешало ему время от времени напевать пьесы, которые приходили ему в голову; и поскольку эти маленькие воспоминания обычно возвращались к нему по утрам, он потчевал меня ими, пока одевался. Чаще всего я слышал, как он таким образом калечил мелодию "Марсельезы". Император тоже иногда насвистывал, но очень редко; и песня "Мальбрук с'ен ва-т-ан герре", которую насвистывал его Величество, была для меня безошибочным сообщением о его приближающемся отъезде в армию. Я помню, что он никогда так много не насвистывал и никогда не был таким веселым, как перед самым отправлением в русскую кампанию.

Любимыми певицами Его величества были Кресчентини и мадам Грассини. Я видел дебют Кресчентини в Париже в роли Ромео в "Ромео и Джульетте". Ему предшествовала репутация первого певца Италии; и эта репутация была признана вполне заслуженной, несмотря на все предрассудки, которые ему пришлось преодолеть, поскольку я хорошо помню пренебрежительные высказывания, сделанные в его адрес перед его дебютом в придворном театре. По мнению этих самозванных знатоков, он был крикуном без вкуса, без метода, исполнителем абсурдных трелей, бесстрастным малоинтеллектуальным актером и многим другим. Когда он появлялся на сцене, он знал, как мало расположены к нему зрители, и все же он не выказал ни малейшего смущения; это, а также его благородный, исполненный достоинства вид приятно удивили тех, кто ожидал увидеть неуклюжего человека с нескладной фигурой. При его появлении по залу пробежал одобрительный гул; и, наэлектризованный этим приемом, он завоевал сердца всех с первого акта. Его движения были полны грации и достоинства; он в совершенстве владел сценой, скромные жесты идеально гармонировали с диалогом, и лицо, на котором с поразительной точностью были изображены все оттенки страсти; и все эти редкие и драгоценные качества в сочетании придавали чарующим акцентам этого художника очарование, о котором невозможно дать представление.

С каждой сценой интерес, который он вызывал, становился все заметнее, пока в третьем акте волнение и восторг зрителя не были доведены почти до иступления. В этом номере, сыгранном почти исключительно Кресчентини, этот замечательный певец донес до сердец своих слушателей все, что есть трогательного и трогательного в любви, выраженной посредством восхитительной мелодии, и все, что горе и отчаяние могут найти возвышенного в песне.

Император был в восторге и послал Кресчентини значительную компенсацию, сопроводив ее самыми лестными свидетельствами удовольствия, которое он испытал, слушая его.

В этот день, как и всегда, когда они потом играли вместе, Кресчентини великолепно поддерживала мадам Грассини, женщина выдающегося таланта, обладавшая самым потрясающим голосом, который когда-либо слышали в театре. Затем она и мадам Барилли разделили восхищение публики.

В тот же вечер или на следующий день после дебюта Кресчентини французская сцена понесла невосполнимую утрату в связи со смертью Дазенкура, которому было всего шестьдесят лет. Болезнь, от которой он умер, началась по возвращении из Эрфурта и была долгой и мучительной; и все же публика, которой этот великий комик так долго доставлял такое удовольствие, не обратила на него никакого внимания после того, как выяснилось, что его болезнь неизлечима и смерть неминуема. Раньше, когда высокоуважаемый актер на некоторое время покидал свое место из-за болезни (а кто заслуживал большего уважения, чем Дазенкур?), театр имел обыкновение выражать свое сожаление, ежедневно справляясь о состоянии больного, и в конце каждого представления актер, в обязанности которого входило объявлять спектакль на следующий день, сообщал зрителям новости о своем товарище. Это было сделано не для Дазинкура, и яма таким образом проявила к нему неблагодарность.

Я искренне любил и уважал Дазенкура, с которым познакомился за несколько лет до его смерти; и мало кто из людей более заслуживал или так хорошо знал, как завоевать уважение и привязанность. Я не буду говорить о его гении, который сделал его достойным преемником Превиля, учеником и другом которого он был, поскольку все его современники помнят Фигаро в исполнении Дазенкура; но я буду говорить о благородстве его характера, о его великодушии и его испытанной чести. Казалось бы, его происхождение и образование должны были удержать его от театра, куда его привели только обстоятельства; но он сумел защититься от соблазнов своего положения, и в гримерной, и в гуще домашних интриг оставался человеком с хорошим характером и чистыми манерами. Его приняли в лучшем обществе, где он вскоре стал любимцем за свои пикантные выходки, а также за хорошие манеры и обходительность, поскольку он забавлял, не напоминая, что он комик.

В конце февраля его величество отправился погостить в Елисейский дворец; и там, я думаю, был подписан брачный контракт одного из его лучших помощников, маршала Ожеро, недавно ставшего герцогом Кастильоне, с мадемуазель Бурлон де Шаванж, дочерью старого высокопоставленного офицера; и там же был обнародован императорский указ, которым принцессе Элизе было даровано великое герцогство Тосканское с титулом великой герцогини.

Примерно в середине марта император провел несколько дней в Рамбуйе; там было проведено несколько захватывающих охот, на одной из которых его величество лично загнал в угол и убил оленя недалеко от пруда Сен-Юбер. Был также бал и концерт, на котором выступали

Кресчентини, мадам Грассини, Барелли и несколько знаменитых виртуозов, и, наконец, декламировал Тальма.

13 апреля, в четыре часа утра, император, получив известие об очередном вторжении австрийцев в Баварию, отправился в Страсбург вместе с императрицей, которую он оставил в этом городе; а 15-го, в одиннадцать часов утра, он перешел Рейн во главе своей армии. Императрица недолго оставалась одна, так как вскоре к ней присоединились королева Голландии и ее сыновья, великая герцогиня Баденская и ее муж.

Сразу же началась блестящая кампания 1809 года. Известно, насколько славной она была и что одной из ее наименее славных побед было взятие Вены.

В Ратисбоне 23 апреля император получил в правую ногу стреляную пулю, которая нанесла ему довольно сильный ушиб. Я был на службе, когда несколько гренадеров поспешили сообщить мне, что его величество ранен, после чего я поспешил к нему и прибыл, когда господин Иван перевязывал ушиб. Сапог императора был разрезан и зашнурован, и он немедленно вскочил на коня; и, хотя несколько генералов настаивали на том, чтобы он отдохнул, он только ответил: "Друзья мои, разве вы не знаете, что мне необходимо все увидеть?" Невозможно выразить энтузиазм солдат, когда они узнали, что их командир был ранен, хотя его рана была не опасной. "Император разоблачен, как и мы, - говорили они. - Он не трус, только не он". В газетах об этом происшествии не упоминалось.

Прежде чем вступить в сражение, император всегда приказывал, чтобы в случае его ранения были приняты все возможные меры, чтобы скрыть это от своих войск. "Кто знает, - сказал он, - какое ужасное замешательство могут вызвать подобные новости? От моей жизни зависит судьба великой империи. Помните об этом, джентльмены, и если я буду ранен, по возможности, никому не сообщайте об этом. Если меня убьют, постарайся выиграть битву без меня; у тебя будет достаточно времени рассказать об этом позже".

Через две недели после взятия Ратисбона я ехал впереди его Величества по дороге в Вену, один в карете с придворным офицером, когда мы внезапно услышали ужасные крики в доме на краю дороги. Я приказал немедленно остановиться, и мы вышли; и, войдя в дом, обнаружили нескольких солдат, или, скорее, отставших, как есть во всех армиях, которые, не обращая внимания на союз между Францией и Баварией, самым жестоким образом обращались с семьей, жившей в этом доме и состоявшей из старой бабушки, молодого человека, троих детей и молодой девушки.

Наши расшитые плащи оказали благоприятное воздействие на этих безумцев, которым мы пригрозили гневом императора; нам удалось выгнать их из дома, и вскоре после этого мы удалились, преисполненные благодарности. Вечером я рассказал императору о том, что я сделал, и он высоко оценил это, сказав: "Ничего не поделаешь. В армии всегда есть трусливые ребята; и именно они творят зло. Храбрый и хороший солдат покраснел бы, совершая такие поступки!"

В начале этих Мемуаров у меня была возможность рассказать о управляющем г-не Пфистере, одном из самых верных слуг его Величества, а также об одном из тех, к кому его Величество был больше всего привязан. Г-н Пфистер последовал за ним в Египет и столкнулся с бесчисленными опасностями на его службе. В день битвы при Ландсхуте, которая либо предшествовала, либо непосредственно следовала за взятием Ратисбона, этот бедняга сошел с ума, выбежал из своей

палатки и спрятался в лесу недалеко от поля битвы, предварительно сняв с себя всю одежду. По прошествии нескольких часов его величество попросил позвать господина Пфистера. Его искали, и всех допрашивали; но никто не мог сказать, что с ним стало. Император, опасаясь, что он мог попасть в плен, послал ординарца к австрийцам, чтобы разыскать своего управляющего и предложить обмен; но офицер вернулся, сказав, что австрийцы не видели господина Пфистера. Император, сильно встревоженный, приказал произвести обыск по соседству; и таким образом бедняга был обнаружен, как я уже говорил, совершенно голым, съезжившимся за деревом в ужасном состоянии, его тело было изодрано шипами. Его привезли обратно, и, когда он совершенно успокоился, считалось, что он поправился и вернулся к своим обязанностям; но вскоре после нашего возвращения в Париж у него случился новый приступ. Характер его болезни был чрезвычайно непристойным, и он предстал перед императрицей Жозефиной в таком беспорядке и с такими неприличными жестами, что в отношении него было необходимо принять меры предосторожности. Он был доверен заботам мудрого доктора Эскироля, который, несмотря на свое великое мастерство, не смог добиться излечения. Я часто навещал его. У него больше не было сильных приступов, но его мозг был болен, и хотя он прекрасно слышал и понимал, его ответы были ответами настоящего сумасшедшего. Он никогда не терял своей преданности императору, непрестанно говорил о нем и воображал, что дежурит рядом с ним. Однажды он сказал мне с самым таинственным видом, что хотел бы доверить мне ужасную тайну, план заговора против жизни его Величества, вручив мне в то же время записку для его Величества и пакет примерно из двадцати листов бумаги, которые он нацарапал сам и которые, по его мнению, были деталями заговора. В другой раз он вручил мне от имени императора пригоршню мелких камней, которые он назвал драгоценными бриллиантами. "В том, что я тебе вручаю, больше миллиона", - сказал он. Император, которому я рассказал о своих визитах, был чрезвычайно тронут продолжающейся мономанией этого бедного несчастного, каждая мысль и каждое действие которого были связаны с его старым учителем и который умер, так и не придя в себя.

10 мая, в девять часов утра, первая линия обороны австрийской столицы была атакована и взята маршалом Удино, предместья сдались по собственному желанию. Затем герцог Монтебелло двинулся по эспланаде во главе своей дивизии; но ворота были закрыты, и гарнизон выпустил ужасающий залп с вершины крепостного вала, в результате которого, к счастью, погибло лишь очень небольшое число людей. Герцог Монтебелло призвал гарнизон сдать город, но ответом эрцгерцога Максимилиана было то, что он будет защищать Вену до последнего вздоха; этот ответ был передан императору.

Посоветовавшись со своими генералами, его величество поручил полковнику Лагранжу передать эрцгерцогу новое требование; но едва бедный полковник вошел в город, как на него напало разъяренное население. Генерал О'Рейли спас ему жизнь, приказав своим солдатам унести его; но эрцгерцог Максимилиан, чтобы еще больше бросить вызов императору, с триумфом провел посреди национальной гвардии человека, который нанес первый удар по предъявителю французской повестки. Эта попытка, вызвавшая негодование многих самих венцев, не изменила намерений его величества, поскольку он хотел проявить свою умеренность и доброту настолько, насколько это было возможно; и он написал эрцгерцогу через принца Невшательского следующее письмо, копия которого случайно попала в мои руки:

"Принц де Невшатель его Высочеству эрцгерцогу Максимилиану, командующему городом Вена: "Его Величество император и король желает избавить это многочисленное и

достойное население от бедствий, которыми оно подвергается, и поручает мне сообщить вашему Высочеству, что если он продолжит попытки защитить это место, это приведет к разрушению одного из лучших городов Европы. В каждой стране, где он вел войну, мой государь проявлял свое стремление избежать бедствий, которые армии навлекают на население. Ваше высочество должно быть убеждено, что его величество очень опечален, видя этот город, который, как он имеет честь уже спасти, на грани разрушения. Тем не менее, вопреки установленному обычаю использования крепостей, ваше высочество выстрелили из ваших пушек с городских стен, и эти пушки могут убить не врага вашего государя, а жен или детей его самых преданных слуг. Если ваше Высочество продолжит попытки защитить это место, его Величество будет вынужден начать подготовку к атаке; и разрушение этой огромной столицы будет завершено в течение тридцати шести часов под действием снарядов и бомб с наших батарей, поскольку окраины города будут разрушены под действием ваших. Его Величество не сомневается, что эти соображения заставят ваше высочество отказаться от решения, которое лишь ненадолго отсрочит захват этого места. Однако, если ваше высочество решит не следовать курсу, который спасет город от разрушения, его население, повергнутое по вашей вине в такие ужасные бедствия, станет вместо верных подданных врагами вашего дома".

Это письмо не помешало великому князю упорствовать в своей защите; и это упрямство привело императора в такое бешенство, что он, наконец, отдал приказ выставить две батареи на позиции, и в течение часа пушечные ядра и снаряды дождем посыпались на город. Жители с истинно немецким равнодушием собрались на склонах холмов, чтобы понаблюдать за огнем атаки и обороны, и, казалось, были очень заинтересованы этим зрелищем. Несколько пушечных ядер уже упало во дворе императорского дворца, когда из города вывесили флаг перемирия, возвещавший, что эрцгерцогиня Мария Луиза не смогла сопровождать своего отца, заболела во дворце и, следовательно, подвергается опасности со стороны артиллерии; и император немедленно отдал приказ изменить направление стрельбы, чтобы бомбы и ядра пролетели над дворцом. Эрцгерцог недолго продержался против такой резкой и энергичной атаки, но бежал, оставив Вену завоевателям.

12 мая император совершил свой въезд в Вену, через месяц после оккупации Мюнхена австрийцами. Это обстоятельство произвело глубокое впечатление и во многом способствовало развитию суеверных представлений, которые многие солдаты питали по отношению к личности своего командира. "Видите, - сказал один из них, - ему нужно было только время, необходимое для путешествия. Этот человек, должно быть, бог". — "Он скорее дьявол", - сказали австрийцы, чье ошеломление было неописуемым. Они достигли точки, когда многие позволили вырвать оружие у себя из рук, не оказывая ни малейшего сопротивления или даже не пытаясь бежать, настолько глубокой была их убежденность в том, что Император и его гвардия не были людьми, и что рано или поздно они должны попасть во власть этих сверхъестественных врагов.

ГЛАВА XV.

Император не остался в Вене, а разместил свою штаб-квартиру в замке Шенбрунн, императорской резиденции, расположенной примерно в полумиле от города; а площадка перед замком была отведена для лагеря гвардии. Замок Шенбрунн, возведенный императрицей Марией Терезией в 1754 году и расположенный на возвышенном месте, построен в очень неправильном и несовершенном, но в то же время величественном архитектурном стиле. Чтобы добраться до него, через маленькую речку Вьенн был переброшен широкий и хорошо построенный мост, украшенный четырьмя каменными сфинксами; а перед мостом большие железные ворота, открывающиеся на огромный двор, в котором могли бы тренироваться семь или восемь тысяч человек. Этот двор квадратный, окружен крытыми галереями и украшен двумя большими бассейнами с мраморными статуями; по обе стороны от ворот находятся два больших обелиска из розового камня, увенчанных орлами из позолоченного свинца.

"Шенбрунн" в переводе с немецкого означает красивый фонтан; и это название происходит от чистого источника, который берет начало в роще в парке, на небольшом возвышении, вокруг которого был построен небольшой павильон, вырезанный изнутри в виде сталактитов. В этом павильоне лежит спящая Наяда, держащая в руке раковину, из которой струится вода и падает в мраморный бассейн. Летом это восхитительное место для отдыха.

Мы можем говорить только в терминах восхищения интерьером дворца, убранство которого было красивым и выдержано в оригинальном и элегантном стиле. Спальня императора, единственная часть здания, в которой имелся камин, была украшена деревянными панелями китайской лаковой работы, тогда еще очень старыми, хотя роспись и позолота были еще свежими, а кабинет был оформлен так же, как спальня; и все покои, за исключением этого, зимой обогревались огромными печами, что сильно портило эффект внутренней архитектуры. Между кабинетом и комнатой императора стояла очень любопытная машина, называемая летающей колесницей, своего рода механическое приспособление, которое было изготовлено для императрицы Марии Терезии и использовалось для перемещения ее с одного этажа на другой, чтобы ей не приходилось подниматься и спускаться по лестницам, как всему остальному миру. Эта машина приводилась в действие с помощью шнуров, шкивов и гирь, как в театре.

Прекрасная роща, которая служит парком при дворце Шенбрунн, слишком мала, чтобы принадлежать императорской резиденции; но, с другой стороны, трудно было бы найти более красивую или лучше обустроенную. Версальский парк величественнее и внушительнее, но в нем нет живописной неправильности, фантастической и неожиданной красоты парка Шенбрунн, и он больше напоминает парк в Мальмезоне. Перед внутренним фасадом дворца была великолепная лужайка, спускавшаяся к широкому озеру, украшенная скульптурной группой, изображающей триумф Нептуна. Эта группа очень красива; но французские любители (каждый француз, как вы знаете, желает считаться знатоком) настаивали на том, что женщины были скорее австрийками, чем гречками, и что они не обладали тонкой грацией, присущей античным формам; и, со своей стороны, я должен признаться, что эти статуи не показались мне очень примечательными.

В конце большой аллеи, ограничивая горизонт, возвышался холм, возвышавшийся над парком и увенчанный красивым зданием, носившим название ла Глорьетт. Это здание представляло собой круглую галерею, обнесенную стеклом, поддерживаемую очаровательной колоннадой,

между арками которой висели различные трофеи. При въезде на проспект со стороны Вены в дальнем конце возвышалась ла Глорьетта, казавшаяся почти частью дворца; и эффект был очень хороший.

Что особенно восхищало австрийцев во дворце Шенбрунн, так это роща с тем, что они называли Руинами, и озеро с бьющим посреди фонтаном и несколькими небольшими каскадами, вытекающими из него; у этого озера были руины акведука и храма, упавшие вазы, гробницы, разбитые барельефы, статуи без голов, рук или конечностей, в то время как конечности, руки и головы были густо разбросаны вокруг; колонны были изуродованы и наполовину погребены, другие стояли и поддерживали остатки фронтонов и антаблементов; все это сочетало в себе чтобы образовать сцену прекрасного беспорядка, представляющую собой настоящие древние руины, если смотреть на нее с небольшого расстояния. Если присмотреться повнимательнее, то это совсем другое дело: видна рука современного скульптора; очевидно, что все эти фрагменты сделаны из одного и того же камня; асорняки, растущие в углублениях этих колонн, кажутся такими, какие они есть на самом деле, то есть сделанными из камня и раскрашенными в имитацию зелени.

Но если произведения искусства, разбросанные по парку Шенбрунн, не все были безупречны, то произведения природы полностью восполняли этот недостаток. Какие великолепные деревья! Какие густые живые изгороди! Какая густая и освежающая тень! Аллеи были удивительно высокими и широкими и окаймлялись деревьями, которые образовывали непроницаемый для солнца свод, в то время как глаз терялся в их многочисленных изгибах; от этих аллей расходились другие, поменьше, где на каждом шагу поджидали новые сюрпризы. В конце самого широкого из них располагался зверинец, который был одним из самых обширных и разнообразных в Европе, и его очень остроумная конструкция вполне могла служить образцом; он имел форму звезды, а в круглом центре этой звезды была возведена небольшая, но очень элегантная беседка, поставленная там императрицей Марией Терезией как место отдыха для нее самой, и из которой весь зверинец можно было осмотреть на досуге.

Каждая точка этой звезды образовывала отдельный сад, где паслись слоны, буйволы, верблюды, дромадеры, олени и кенгуру; в красивых и солидных клетках содержались тигры, медведи, леопарды, львы, гиены и т.д.; А лебеди, редкие водоплавающие птицы и земноводные животные резвились в бассейнах, окруженных железными решетками. В этом зверинце я особенно обратил внимание на очень необычное животное, которое его величество приказал доставить во Францию, но которое умерло за день до того, как все должно было начаться. Это животное было родом из Польши и называлось "курус"; это была разновидность быка, хотя и намного крупнее обычного быка, с гривой, как у льва, довольно короткими и несколько изогнутыми рогами и чрезвычайно большими у основания.

Каждое утро в шесть часов били барабаны, а через два-три часа войскам отдавался приказ построиться парадом во дворе чести; и ровно в десять часов его Величество спускался вниз и становился во главе своих генералов.

Невозможно дать представление об этих парадах, которые ни в чем не напоминали смотры в Париже. Император во время этих смотров изучал мельчайшие детали и, так сказать, осматривал солдат одного за другим, заглядывал в глаза каждому, чтобы понять, есть ли у него в голове удовольствие или работа, расспрашивал офицеров, иногда также самих солдат; и обычно в таких случаях император производил свои повышения. Во время одного из таких

смотров, если он спрашивал полковника, кто самый храбрый офицер в его полку, тот без колебаний отвечал; и это всегда было быстро, поскольку он знал, что император уже хорошо информирован по этому вопросу. После ответа полковника он обратился ко всем остальным офицерам со словами: "Кто из вас самый храбрый?" — "Сир, это такой человек", и оба ответа почти всегда были одними и теми же. "Тогда, - сказал император, - я произвожу его в бароны и награждаю за него не только его личную храбрость, но и храбрость корпуса, частью которого он является. Он обязан этой милостью не только мне, но и уважению своих товарищей". То же самое было и с солдатами; и те, кто наиболее отличился храбростью или хорошим поведением, повышались в звании или получали награды, а иногда и пенсии, причем император выделял одну тысячу двести франков солдату, который в своей первой кампании прошел сквозь вражескую эскадру, неся на плечах своего раненого генерала, защищая его, как если бы защищал собственного отца.

На этих смотрах можно было видеть, как император лично осматривает вещевые мешки солдат, проверяет их удостоверения или снимает ружье с плеча молодого человека, который был слаб, бледен и страдал, и говорит ему сочувственным тоном: "Это слишком тяжело для тебя". Он часто бурил их сам, а когда этого не делал, буровыми работами руководили генералы Дорсенн, Куриал или Мутон. Иногда им овладевал внезапный каприз; например, однажды утром, после смотра полка Конфедерации, он повернулся к офицерам-артиллеристам и, обращаясь к принцу Зальму, который был среди них, заметил: "Господин де Зальм, солдатам следовало бы познакомиться с вами; подойдите и прикажите им произвести атаку в двенадцать приемов". Молодой принц побагровел, однако, ничуть не смутившись, поклонился и, грациозно обнажив меч, выполнил приказ императора с легкостью и точностью, которые очаровали его.

На другой день, когда инженерный корпус проезжал примерно с сорока повозками, император крикнул: "Стой!" - и, указав на повозку генералу Бертрону, приказал ему позвать одного из офицеров. "Что находится в этом фургоне?" — "Сир, болты, мешки с гвоздями, веревки, топоры и пилы". — "Сколько каждого?" Офицер дал точный отчет. Его Величество, чтобы проверить это сообщение, приказал опустошить повозку, пересчитал осколки и обнаружил, что их количество правильное; и чтобы убедиться, что в повозке ничего не осталось, забрался в нее с помощью колеса, держась за спицы. По всей линии пронесся одобрительный гул и радостные крики. "Браво!" - сказали они. "Ну и отлично! это способ убедиться, что вас не обманут". Все это было сделано для того, чтобы заставить солдат обожать императора.

ГЛАВА XVI.

На одном из обзоров, которые я только что описал и которые обычно привлекали толпу любопытных из Вены и ее пригородов, император был чуть не убит. Это было 13 октября, его

величество только что сошел с лошади и пешком пересекал двор в сопровождении принца де Невшателя и генерала Раппа, когда молодой человек с относительно приятной внешностью грубо протолкался сквозь толпу и спросил на плохом французском, может ли он поговорить с императором. Его Величество принял его любезно, но, не понимая его языка, попросил генерала Раппа узнать, чего хочет молодой человек, и генерал задал ему несколько вопросов; и, по-видимому, не удовлетворившись его ответами, приказал дежурному полицейскому удалить его. Младший офицер вывел молодого человека из круга, образованного сотрудниками штаба, и загнал его обратно в толпу. Это обстоятельство было забыто, как вдруг император, обернувшись, снова обнаружил рядом с собой мнимого просителя, который вернулся, прижимая правую руку к груди, как будто хотел вытащить прошение из кармана своего сюртука. Генерал Рапп схватил этого человека за руку и сказал ему: "Месье, вам уже приказали удалиться; чего вы хотите?" Когда он собирался удалиться во второй раз, генерал, сочтя его появление подозрительным, приказал полицейскому арестовать его, и тот, соответственно, сделал знак своим подчиненным. Один из них схватил его за воротник, слегка встряхнул, при этом его пальто частично расстегнулось, и оттуда выпало что-то похожее на сверток с бумагами; при осмотре оказалось, что это большой разделочный нож, обернутый несколькими складками серой бумаги в качестве ножен; после этого его отвели к генералу Савари.

Этот молодой человек был студентом и сыном протестантского священника из Номбурга; его звали Фредерик Стабс, ему было лет восемнадцать-девятнадцать, у него было бледное лицо с женственными чертами. Он ни на минуту не отрицал, что намеревался убить императора, но, напротив, хвастался этим и выражал глубокое сожаление по поводу того, что обстоятельства помешали осуществлению его замысла.

Он покинул дом своего отца на лошади, которую нехватка денег вынудила его продать по дороге, и никто из его родственников или друзей ничего не знал о его плане. На следующий день после своего отъезда он написал отцу, что ему не нужно беспокоиться ни о нем, ни о лошади; что он уже давно пообещал кому-то посетить Вену, и его семья скоро с гордостью услышит о нем. Он прибыл в Вену всего два дня назад и первым делом занялся получением сведений о привычках императора и, узнав, что тот каждое утро устраивает смотр во дворе замка, побывал там один раз, чтобы ознакомиться с местностью. На следующий день он предпринял нападение и был арестован.

Герцог Ровиго после допроса Стабса разыскал императора, который вернулся в свои апартаменты, и сообщил ему об опасности, которой он только что избежал. Император сначала пожал плечами, но, когда ему показали нож, извлеченный из ножен, сказал: "Ах, ха! пошлите за молодым человеком; я бы очень хотел поговорить с ним. Герцог вышел и через несколько минут вернулся с ножами. Когда последний вошел, император сделал жест жалости и сказал принцу де Невшателю: "В самом деле, он всего лишь ребенок!" Был вызван переводчик, и начался допрос.

Его величество сначала спросил убийцу, видел ли он его где-нибудь до этого. "Да, я видел вас, - ответил Стабс, - в прошлом году в Эрфурте". — "Похоже, в ваших глазах преступление - ничто. Почему вы хотели убить меня?" — "Убить вас - это не преступление; напротив, это долг каждого порядочного немца. Я хотел убить вас, потому что вы угнетатель Германии". — "Это не я начал войну; это ваша нация. Чья это фотография?" (Император держал в руках фотографию женщины, найденную на ножевых ударах). "Это фотография моего лучшего друга, приемной дочери моего

отца". — "Что? а ты - наемный убийца! и не боитесь причинить боль и уничтожить существ, которые вам так дороги?" — "Я хотел исполнить свой долг, и ничто не могло удержать меня от этого". — "Но как бы вам удалось ударить меня?" — "Я бы сначала спросил вас, скоро ли у нас будет мир; и если бы вы ответили "нет", я бы ударил вас ножом". — "Он сумасшедший!" - сказал император. "Он, очевидно, безумен! И как ты мог надеяться спастись после того, как нанес мне такой удар посреди моих солдат?" — "Я хорошо знал, чему подвергаю себя, и удивлен, что все еще жив". Эта смелость произвела такое глубокое впечатление на императора, что он несколько мгновений хранил молчание, пристально разглядывая Стабса, который оставался совершенно невозмутимым под этим пристальным взглядом. Затем Император продолжил: "Та, кого ты любишь, будет очень огорчена". — "О, она, без сомнения, будет огорчена, потому что мне это не удалось, потому что она ненавидит тебя по крайней мере так же сильно, как я ненавижу тебя сам". — "Предположим, я простил бы тебя?" — "Ты был бы неправ, потому что я снова попытался бы убить тебя". Император вызвал г-на Корвизара и сказал ему: "Этот молодой человек либо болен, либо безумен, иначе и быть не может". — "Я ни тот, ни другой", - быстро ответил убийца. Г-н Корвизар пощупал у Стейбса пульс. "С этим джентльменом все в порядке", - сказал он. "Я уже говорил вам об этом", — ответил Стабс с торжествующим видом. "Что ж, доктор, - сказал его величество, - "этот молодой человек, обладающий таким крепким здоровьем, проехал сотню миль, чтобы убить меня".

Несмотря на это заявление врача и признание Стебса, император, тронутый хладнокровием и уверенностью несчастного, снова предложил ему помилование при единственном условии выражения некоторого раскаяния в своем преступлении; но поскольку Стебс снова заявил, что сожалеет только о том, что не преуспел в своем начинании, император неохотно предал его наказанию.

После того, как его отвели в тюрьму, поскольку он все еще настаивал на своих утверждениях, он немедленно предстал перед военной комиссией, которая приговорила его к смертной казни. Он не подвергался своему наказанию до 17-го числа; а после 13-го, в день, когда его арестовали, не ел, говоря, что у него хватит сил пойти навстречу смерти. Император приказал отложить казнь как можно дольше в надежде, что рано или поздно Стейбс раскается; но он остался непоколебим. Когда его велики к месту, где его должны были расстрелять, кто-то сказал ему, что только что был заключен мир, он громко закричал: "Да здравствует свобода! Да здравствует Германия!" Это были его последние слова.

ГЛАВА XVII.

Во время своего пребывания в Шенбрунне император постоянно участвовал в галантных приключениях. Однажды он прогуливался по Пратеру в Вене с очень многочисленной свитой (Пратер - это красивая набережная, расположенная в предместье Леопольда), когда молодая немка, вдова богатого купца, увидела его и невольно воскликнула, обращаясь к

прогуливающимся с ней дамам: "Это он!" Это восклицание услышал его величество, который резко остановился и с улыбкой поклонился дамам, в то время как говорившая покраснела; император понял этот недвусмысленный знак, пристально посмотрел на нее и затем продолжил свою прогулку.

Для государей не бывает ни длительных атак, ни больших трудностей, и это новое завоевание его Величества было не менее быстрым, чем другие. Чтобы не разлучаться со своим прославленным возлюбленным, мадам Б. последовала за армией в Баварию, а затем приехала к нему в Париж, где и умерла в 1812 году.

Однажды утром в пригороде Шенбрунна внимание его величества привлекла очаровательная молодая особа; и кому-то было приказано встретиться с этой молодой леди и договориться о встрече в замке на следующий вечер. В этом случае Фортуна была благосклонна к его Величеству. Блеск столь прославленного имени и слава о его победах произвели глубокое впечатление на молодую девушку и расположили ее благосклонно выслушать сделанные ей предложения. Поэтому она охотно согласилась встретиться с ним в замке, и в назначенный час особа, о которой я говорил, пришла за ней, и я принял ее по прибытии и представил его Величеству. Она не говорила по-французски, но хорошо знала итальянский, и, следовательно, императору было легко беседовать с ней; и вскоре он с удивлением узнал, что эта очаровательная молодая леди принадлежала к очень почтенной венской семье и что, придя к нему в тот вечер, она была движима одним лишь желанием выразить ему свое искреннее восхищение. Император уважил невинность молодой девушки, приказал доставить ее в резиденцию ее родителей и отдал приказ устроить для нее брак, который должен был стать более выгодным благодаря значительному приданому.

В Шенбрунне, как и в Париже, его величество обычно обедал в шесть часов; но поскольку он работал иногда очень далеко за полночь, каждый вечер заботились о том, чтобы приготовить легкий ужин, который клали в маленькую запирающуюся корзинку, накрытую клеенкой. От этой корзины было два ключа; один из них хранился у дворецкого, а другой - у меня. Забота об этой корзине принадлежала только мне; и поскольку его величество был чрезвычайно занят, он почти никогда не просил об ужине. Однажды вечером Рустан, который весь день был занят на службе у своего господина, находился в маленькой комнате рядом с комнатой императора и, встретив меня сразу после того, как я помогал укладывать его величество спать, сказал мне на своем плохом французском, с завистью глядя на корзинку: "Я бы и сам мог съесть куриное крылышко; я очень голоден". Сначала я отказывался, но в конце концов, поскольку я знал, что император лег спать, и понятия не имел, что ему вздумается пригласить меня на ужин в этот вечер, я позволил Рустану поужинать. Он, очень обрадованный, начал с ножки, а затем взял крылышко; и я не знаю, осталось ли бы что-нибудь от цыпленка, если бы я вдруг не услышал резкий звон колокольчика. Я вошла в комнату и была потрясена, услышав, как император говорит мне: "Констант, цыпленок мой". Можно себе представить мое смущение. Другой курицы у меня не было, да и каким образом я мог раздобыть ее в такой поздний час! Наконец я решил, что делать. Лучше всего было разрезать птицу, так как таким образом я смогла бы скрыть отсутствие двух конечностей, съеденных Рустаном; поэтому я гордо вошла, неся курицу обратно на блюдо, Рустан следовал за мной, потому что я была очень готова, если возникнут какие-то упреки, поделиться ими с ним. Я подобрал оставшееся крылышко и подал его императору, но он отказался от него, сказав мне: "Дай мне цыпленка; я выберу сам". На этот раз у нас не было возможности спастись, потому что расчлененный цыпленок должен был предстать перед

глазами его Величества. "Послушайте, - сказал он, - с каких это пор у цыплят стало только одно крыло и одна ножка?" Это прекрасно; похоже, я должен есть то, что оставляют другие. Кто же тогда съедает половину моего ужина?" Я посмотрел на Рустана, который в замешательстве ответил: "Я был очень голоден, сир, и я съел крылышко и ножку". — "Что, идиот! так это был ты, не так ли?"

- Ах, я накажу тебя за это. - И, не сказав больше ни слова, император съел оставшуюся ножку и крылышко.

На следующий день во время своего туалета он зачем-то вызвал великого маршала и во время разговора сказал: "Я оставляю вас гадать, что я ел вчера вечером на ужин. Объедки, которые оставил месье Рустан. Да, этот негодяй вздумал съесть половину моего цыпленка. В этот момент вошел Рустан. "Иди сюда, идиот, - продолжал император, - и в следующий раз, когда это случится, будь уверен, что заплатишь за это". Сказав это, он схватил его за уши и от души рассмеялся.

ГЛАВА XVIII.

22 мая, через десять дней после триумфального въезда императора в австрийскую столицу, произошла битва при Эсслинге, кровопролитное сражение, длившееся с четырех утра до шести вечера. Это сражение печально запомнилось всем старым солдатам Империи, поскольку стоило жизни, возможно, самому храброму из них всех — герцогу Монтебелло, преданному другу императора, единственному, кто разделял с маршалом Ожеро право откровенно поговорить с ним с глазу на глаз.

Вечером накануне битвы маршал вошел в резиденцию его величества и обнаружил его в окружении нескольких человек. Герцог ... всегда старался встать между императором и лицами, желавшими с ним говорить. Герцог Монтебелло, видя, что он играет в свою обычную игру, схватил его за отворот сюртука и, развернув к себе, сказал ему: "Убирайся отсюда! Императору не нужно, чтобы ты стоял на страже. Странно, что на поле битвы вы всегда так далеко от нас, что мы не можем вас видеть, в то время как здесь мы ничего не можем сказать императору, не мешая вам. Герцог был в ярости. Он посмотрел сначала на маршала, затем на императора, который просто сказал: "Осторожно, Ланн".

В тот вечер в домашних апартаментах они обсуждали этот апостроф маршала. Офицер египетской армии сказал, что он не удивлен, поскольку герцог Монтебелло так и не простил герцога ... за триста больных, отравленных в Яффо.

Доктор Ланнефранк, один из тех, кто лечил несчастного герцога Монтебелло, сказал, что, когда он садился на лошадь перед отправлением на остров Лобау, герцогом овладели мрачные предчувствия. Он помолчал немного, взял руку г-на Ланнефранка и, пожав ее, сказал ему с

грустной улыбкой: "До свидания; возможно, вы скоро снова нас увидите. Сегодня будет работа для вас и для этих господ, - он указал на нескольких хирургов и докторок, стоявших поблизости. - Господин герцог, - ответил Ланнефранк, - этот день еще больше увеличит вашу славу." — "Моя слава", - нетерпеливо перебил маршал. - Вы хотите, чтобы я говорил откровенно? Я не очень одобряю это дело; и, более того, чем бы оно ни закончилось, это будет моя последняя битва". Доктор хотел спросить маршала о причинах такого убеждения, но тот пустился галопом и вскоре скрылся из виду.

Утром в день сражения, около шести или семи часов, австрийцы уже продвинулись вперед, когда пришел адъютант доложить его величеству, что внезапный подъем уровня Дуная повалил большое количество больших деревьев, срубленных при взятии Вены, и что эти деревья повалили мосты, которые служили сообщением между Эсслингом и островом Лобау; и вследствие этого резервный корпус, часть тяжелой кавалерии и весь корпус маршала Даву оказались вынужденными бездействовать на другом берегу. Это несчастье остановило движение, которое готовился предпринять император, и враг воспрянул духом.

Герцог Монтебелло получил приказ удерживать поле боя и занял свою позицию, расположенную у деревни Эсслинг, вместо того чтобы продолжать преследование австрийцев, которое он уже начал, и удерживал эту позицию с девяти часов утра до вечера; и в семь часов вечера сражение было выиграно. В шесть часов несчастный маршал, стоя на возвышении, чтобы лучше видеть происходящее, был поражен пушечным ядром, которое сломало ему правое бедро и левое колено.

Сначала он подумал, что жить ему осталось всего несколько мгновений, и приказал отнести себя на носилках к императору, сказав, что хочет обнять его перед смертью. Император, видя, что он весь в крови, приказал поставить носилки на землю и, упав на колени, обнял маршала и, плача, сказал ему: "Ланн, ты узнаешь меня?" — "Да, сир, ты теряешь своего лучшего друга". — "Нет! Нет! вы будете жить. Вы не можете ответить за его жизнь, месье Ларри? Раненые солдаты, услышав эти слова его Величества, попытались приподняться на локтях и закричали: "Да здравствует Император!"

Врачи доставили маршала в маленькую деревушку под названием Эберсдорф, расположенную на берегу реки, недалеко от поля битвы. В доме пивовара они нашли комнату над конюшней, где стояла удушающая жара, а запах трупов, которым был окружен дом, становился еще более невыносимым.

Но поскольку другого места найти было нельзя, необходимо было воспользоваться им наилучшим образом. Маршал перенес ампутацию своей конечности с героическим мужеством; но немедленно возникшая лихорадка была настолько сильной, что, опасаясь, что он умрет во время операции, хирурги отложили отрезание ему другой ноги. Лихорадка была частично вызвана истощением, поскольку к моменту ранения маршал ничего не ел в течение двадцати четырех часов. Наконец, господа Ларри,

[Барон Доминик Жан Ларрей, выдающийся хирург, родился в Баньер-де-Бигорре в 1766 году. Сопровождал Наполеона в Египет. Главнокомандующий великой армией, 1812 год. Ранен и взят в плен при Ватерлоо. В своем завещании император называет его лучшим человеком, которого он когда-либо знал. Умер в 1842 году.]

Иван, Пауле и Ланнефранк решились на вторую ампутацию; и после того, как она была произведена, спокойное состояние раненого дало им надежду на спасение его жизни. Но этому не суждено было сбыться. Лихорадка усилилась и приняла самый угрожающий характер; и, несмотря на внимание этих искусных хирургов и доктора Франка, в то время самого знаменитого врача в Европе, маршал испустил дух 31 мая в пять часов утра, едва достигнув сорока лет.

В течение недели его агонии (ибо его страдания можно назвать этим именем) император часто навещал его и всегда уходил в глубокой печали. Я также каждый день навещал маршала от имени императора и восхищался терпением, с которым он переносил эти страдания, хотя у него не было никакой надежды; ибо он хорошо знал, что умирает, и видел эти печальные вести, отражающиеся на каждом лице. Было трогательно и страшно видеть около своего дома, у своей двери, даже в своей комнате этих старых гвардейских гренадеров, до сих пор всегда невозмутимых и невозмутимых, плачущих и всхлипывающих, как дети. Какой ужасной штукой кажется война в такие моменты.

Вечером накануне своей смерти маршал сказал мне: "Я хорошо вижу, мой дорогой Константин, что я должен умереть. Я хотел бы, чтобы рядом с вашим хозяином всегда были такие преданные люди, как я. Скажите императору, что я хотел бы его видеть". Когда я выходил, вошел император, наступило глубокое молчание, и все удалились; но дверь комнаты была приоткрыта, и мы могли слышать часть разговора, который был долгим и тягостным. Маршал напомнил о своих заслугах перед императором и закончил следующими словами, произнесенными по-прежнему сильным и непреклонным тоном: "Я говорю это не для того, чтобы заинтересовать вас моей семьей; мне не нужно рекомендовать вам мою жену и детей. Поскольку я умираю за вас, ваша слава повелит вам защитить их; и я не боюсь, обращаясь к вам с этими последними словами, продиктованными искренней привязанностью, изменить ваши планы по отношению к ним. Вы только что совершили большую ошибку, и хотя это лишает вас вашего лучшего друга, вы не исправите ее. Ваши амбиции ненасытны и погубят вас. Вы безжалостно и без необходимости жертвуете теми людьми, которые служат вам лучше всего; и когда они падают, вы не сожалеете о них. Вокруг вас одни льстецы; я не вижу друга, который осмелился бы сказать вам правду. Вас предадут и покинут. Поторопитесь закончить эту войну; таково общее желание. Вы никогда не станете более могущественным, но, возможно, вас будут больше любить. Простите эти истины умирающему человеку, который, умирая, любит вас".

Маршал, закончив, протянул руку императору, который молча, плача, обнял его.

В день смерти маршала его тело было передано месье Ларрею и месье кадету де Гассикуру, рядовому аптекарю императора, с приказом сохранить его, как хранилось тело полковника Морланда, убитого в битве при Аустерлице. С этой целью труп был перевезен в Шенбрунн и помещен в левом крыле замка, вдали от жилых комнат. Через несколько часов гниение стало полным, и они были вынуждены погрузить изуродованное тело в ванну, наполненную едким сублиматом. Эта чрезвычайно опасная операция была долгой и болезненной; и месье кадет де Гассикур заслуживает большой похвалы за мужество, проявленное им при этих обстоятельствах; ибо, несмотря на все меры предосторожности и несмотря на сильнодействующие дезинфицирующие средства, которыми пользовались в комнате, запах от трупа был таким зловонным, а пары от сублимата такими сильными, что выдающемуся химику стало серьезно плохо.

Как и некоторым другим людям, мне было любопытно увидеть тело маршала в таком состоянии. Это было ужасно. Туловище, которое было покрыто раствором, сильно распухло; в то время как голова, оставленная вне ванны, напротив, заметно усохла, а мышцы лица сократились самым отвратительным образом, широко открытые глаза вылезли из орбит. После того, как тело оставалось восемь дней в разъедающем сублимате, который необходимо было обновить, поскольку эманации из внутренностей трупа разложили раствор, его поместили в бочку, изготовленную специально для этой цели, и наполнили той же жидкостью; и именно в этой бочке оно было перевезено из Шенбрунна в Страсбург. В этом последнем месте тело было извлечено из странного гроба, высушено в сетке и завернуто в египетском стиле, то есть обернуто бинтами с непокрытым лицом. М. Ларрей и м. де Гассикур доверили эту почетную задачу М. Фортен, молодой майор-химик, который в 1807 году своим неутомимым мужеством и настойчивостью спас от неминуемой смерти девятьсот больных, брошенных без врачей или хирургов в больнице близ Данцика, и почти все они страдали инфекционными заболеваниями. В марте 1810 года (далее следует выдержка из письма М. Фортена своему хозяину и другу М. Кадету де Гассикуру) герцогиня Монтебелло, проезжая через Страсбург, пожелала снова увидеть мужа, которого она так нежно любила.

"Благодаря вам и месье Ларрею (говорит месье Фортен) бальзамирование маршала прошло успешно. Когда я достал тело из бочки, то обнаружил его в идеальной сохранности. Я разложил сетку в нижнем холле резиденции мэра, где высушил ее с помощью печки, тщательно регулируя температуру. Затем я заказал очень красивый гроб, сделанный из твердого дерева, хорошо смазанный маслом; и маршала, замотанного в бинты, с непокрытым лицом, поместили в открытый гроб рядом с гробом генерала Сент-Илера в подземном склепе, ключ от которого у меня есть. Часовой дежурит там днем и ночью. Месье Ванген де Герольдсек, мэр Страсбурга, оказывал мне всяческую помощь в моей работе.

Таково было положение дел, когда через час после прибытия ее Величества императрицы мадам, герцогиня Монтебелло, сопровождавшая ее в качестве фрейлины, послала месье Кретю, своего двоюродного брата, в доме которого она должна была побывать, разыскать меня. Я явился по ее приказанию, и герцогиня расспросила меня и похвалила за почетную миссию, которую на меня возложили, а затем с большим волнением выразила мне свое желание в последний раз увидеть тело своего мужа. Я колебался несколько мгновений, прежде чем ответить ей, и, предвидя эффект, который произведет на нее это печальное зрелище, сказал ей, что полученные мною приказы помешают мне сделать то, что она хотела; но она настаивала таким настойчивым образом, что я уступил. Мы договорились (чтобы не скомпрометировать меня и чтобы ее не узнали), что я приду за ней в полночь и что ее будет сопровождать один из ее родственников.

"Я отправился к герцогине в назначенный час, и как только я пришел, она встала и сказала, что готова сопровождать меня. Я подождал несколько мгновений, умоляя ее хорошенько обдумать этот вопрос. Я предупредил ее о том, в каком состоянии она застанет маршала, и попросил ее подумать о впечатлении, которое она произведет на печальное место, которое ей предстояло посетить. Она ответила, что была хорошо подготовлена к этому и чувствовала, что у нее есть необходимое мужество, и она надеялась найти в этом последнем визите некоторое облегчение от пережитого ею горького горя. Говоря это, ее печальное и красивое лицо было спокойным и задумчивым. Затем мы тронулись в путь, мсье Кретю подал руку своей кузине. Пустой экипаж герцогини следовал за нами на некотором расстоянии, а двое слуг следовали за нами.

"Город был иллюминирован, и все добропорядочные жители отдыхали, и во многих домах веселая музыка вдохновляла их на празднование этого памятного дня. Какой контраст между этим весельем и поисками, в которые мы были вовлечены! Я видел, что шаги герцогини время от времени замедлялись, она вздыхала и дрожала; и мое собственное сердце казалось угнетенным, а мысли спутанными.

Наконец мы прибыли в резиденцию мэра, где мадам де Монтебелло приказала своим слугам ждать ее и медленно спустилась в сопровождении своей кузины и меня к двери нижнего зала. Фонарь освещал нам путь, и герцогиня дрожала, изображая подобие храбрости; но когда она вошла в нечто вроде пещеры, мертвое безмолвие, царившее в этом подземном склепе, скорбный свет, наполнявший его, вид распростертого в гробу трупа произвели на нее ужасное впечатление; она пронзительно вскрикнула и потеряла сознание. Я предвидел это и внимательно наблюдал за ней; и как только я увидел, что ее силы на исходе, поддержал ее на руках и усадил, имея наготове все необходимое, чтобы восстановить ее силы. Я применил эти средства, и через несколько мгновений она пришла в себя; и тогда мы попросили ее уйти, но она отказалась; затем встала, подошла к гробу и немедленно обошла его в молчании; затем остановилась и, опустив сложенные руки вдоль тела, некоторое время оставалась неподвижной, глядя на неодушевленную фигуру своего мужа и орошая ее слезами. Наконец к ней в какой-то мере вернулось самообладание, и она воскликнула сдавленным голосом сквозь рыдания: "Боже мой, боже мой! как он изменился!" Я сделал знак господину Кретю, что пора уходить; но мы могли увести герцогиню, только пообещав ей привести ее обратно на следующий день, — обещание, которое невозможно было сдержать. Я быстро закрыл дверь и подал герцогине руку, которую она с благодарностью приняла. Когда мы покинули здание мэрии, я простился с ней, но она настояла, чтобы я сел в ее карету, и приказала отвезти меня в мою резиденцию. Во время этой короткой поездки она пролила поток слез, а когда экипаж остановился, сказала мне с невыразимой добротой: "Я никогда не забуду, месье, ту важную услугу, которую вы мне только что оказали".

Спустя много времени после этого император и императрица Мария Луиза вместе посетили производство севрского фарфора, а герцогиня Монтебелло сопровождала императрицу в качестве фрейлины. Император, увидев прекрасный бюст маршала в супе, искусно выполненный, остановился и, не заметив бледности, разлившейся по лицу герцогини, спросил ее, что она думает об этом бюсте и хорошее ли это сходство. Вдова почувствовала, что ее старая рана словно вновь открылась; она не могла ответить и удалилась, заливаясь слезами, и прошло несколько дней, прежде чем она снова появилась при дворе. Помимо того факта, что этот неожиданный вопрос возобновил ее горе, непостижимая легкомысленность, проявленная императором, ранила ее так глубоко, что ее друзьям было очень трудно убедить ее вернуться к своим обязанностям при императрице.

ГЛАВА XIX.

Битва при Эсслинге была катастрофической во всех отношениях. Двенадцать тысяч французов были убиты; и источником всех этих неприятностей было разрушение мостов, которое, как мне кажется, можно было предотвратить, поскольку тот же несчастный случай произошел за два или три дня до сражения. Солдаты громко жаловались, и несколько пехотных корпусов закричали генералам, чтобы они спешили и сражались среди них; но это дурное настроение никоим образом не повлияло на их мужество или терпение, поскольку полки оставались пять часов с оружием в руках, подвергаясь самому ужасному обстрелу. Трижды в течение вечера император посылал узнать у генерала Массены, сможет ли он удержать свою позицию; и храбрый капитан, который в тот день впервые увидел своего сына на поле боя, а его друзей и самых храбрых офицеров, десятками падавших вокруг него, удерживал ее до наступления ночи. "Я не отступлю, - сказал он, - пока светло. Эти негодяи австрийцы были бы слишком рады". Постоянство маршала спасло положение, но, как он сам сказал, ему всегда сопутствовала удача. В начале сражения, увидев, что одно из его стремян было слишком длинным, он позвал солдата, чтобы тот укоротил его, и во время этой операции поставил ногу на шею своей лошади; мимо просвистело пушечное ядро, убило солдата и перерезало стремя, не задев маршала или его лошадь. "Ну вот, - сказал он, - теперь мне придется слезть и сменить седло", - это замечание маршал сделал шутливым тоном.

Хирург и его ассистенты вели себя превосходно в этот ужасный день и проявляли рвение, равное любой чрезвычайной ситуации, в сочетании с активностью, которая так восхищала императора, что несколько раз, проходя мимо них, он называл их "мои храбрые хирурги". Господин Ларрей был выше всех похвал. Оказав помощь всем раненым гвардии, которые были собраны вместе на острове Лобау, он спросил, есть ли для них какой-нибудь бульон. "Нет", - ответили помощники. "Приготовьте что-нибудь", - сказал он, "приготовьте что-нибудь из этой группы", указывая на нескольких лошадей рядом с собой; но эти лошади принадлежали генералу, и когда была предпринята попытка выполнить приказ мсье Ларрея, владелец с негодованием отказался позволить их забрать. "Ну, тогда возьми моих, - сказал храбрый солдат, - и прикажи их убить, чтобы мои товарищи могли поесть бульона". Так и было сделано; и поскольку на острове не нашлось горшков, его сварили в кастрюлях и посолили пушечным порохом вместо соли. Маршал Массена попробовал этот суп и нашел его очень вкусным. Трудно сказать, чем восхищаться больше — рвением хирургов, мужеством, с которым они противостояли опасности, ухаживая за ранеными на поле боя и даже в разгар конфликта; или стоическим постоянством солдат, которые, лежа на земле, кто без руки, кто без ноги, обсуждали друг с другом свои боевые действия в ожидании операции, некоторые даже заходили так далеко, что проявляли чрезмерную вежливость. "Господин доктор, начните с моего соседа; он страдает больше, чем я. Я могу подождать."

Артиллеристу пулей оторвало обе ноги; двое его товарищей подняли его и соорудили носилки из веток деревьев, на которые они положили его, чтобы перевезти на остров. Бедный изуродованный парень не издал ни единого стоны, но время от времени бормотал: "Я очень хочу пить", обращаясь к тем, кто нес его. Когда они проезжали один из мостов, он попросил их остановиться и выпить немного вина или бренди, чтобы восстановить силы. Они поверили ему и сделали, как он просил, но не прошли и двадцати шагов, как канонир крикнул им: "Не идите так быстро, товарищи мои; у меня нет ног, и я достигну конца своего путешествия раньше вас. "Да здравствует Франция!" - и, сделав невероятное усилие, он скатился в Дунай.

Некоторое время спустя поведение гвардейского майора-хирурга едва не скомпрометировало, по мнению его Величества, весь корпус. Этот хирург, М. М...., поселился с генералом Дорсенне и несколькими старшими офицерами в красивом загородном особняке, принадлежащем принцессе Лихтенштейнской, консьержем в доме был старый немец, грубый и своеобразный, который обслуживал их с величайшим отвращением, создавая им как можно больше неудобств. Напрасно, например, они просили у него постельное белье для кроватей и стола; он всегда делал вид, что не слышит.

Генерал Дорсенн написал принцессе, жалуясь на такое положение дел; и в результате она, без сомнения, отдала приказы, но письмо генерала осталось без ответа, и прошло несколько дней, а ситуация не изменилась. У них уже месяц не меняли салфетки, когда генералу вздумалось устроить грандиозный ужин, на котором щедро угощались рейнским и венгерским вином, а затем пуншем. Хозяин был в высшей степени польщен; но к этим похвалам примешивались энергичные упреки в сомнительной белизне пеньюара, генерал Дорсенн извинился за дурное настроение и грязную экономность консьержки, которая была достойным примером скудной учтивости, проявленной принцессой. "Это невыносимо!" - хором воскликнули радостные гости. "Эту хозяйку, которая так полностью игнорирует нас, нужно призвать к порядку. Пойдемте, М., возьмите ручку и бумагу и напишите ей несколько сильных эпиграмм; мы должны научить эту принцессу Германии жить. Французские офицеры и завоеватели спят на смятых простынях и используют грязные салфетки! Какое безобразие!" М.М. был слишком точным истолкователем единодушных чувств этих джентльменов и, возбужденный парами венгерских вин, написал принцессе Лихтенштейнской такое письмо, какое во время самого Карнавала никто не осмелился бы написать даже публичным женщинам. Как я могу выразить, какой, должно быть, ужас испытала мадам Лихтенштейн, прочитав это произведение, — непостижимый набор всех низких выражений, которые только может предложить армейский сленг! Свидетельство третьего лица было необходимо, чтобы убедить ее в том, что подпись М., майора-хирурга императорской французской гвардии, не была подделкой какого-то жалкого пьяницы. В своем глубоком негодовании принцесса поспешила к генералу Андреосси, губернатору Вены его Величества, показала ему это письмо и потребовала отмщения. После чего генерал, разгневанный еще больше, чем она, сел в свою карету и, отправившись в Шенбрунн, представил императору это замечательное произведение. Император прочитал это, отступил на три шага, его щеки покраснели от гнева, все выражение его лица было встревоженным, и грозным тоном приказал великому маршалу вызвать М.М., в то время как все ждали в трепетном напряжении.

"Вы написали это отвратительное письмо?" — "Сир". — "Отвечайте, я приказываю вам; это были вы?" — "Да, сир, в минуту забывчивости, после ужина". — "Негодяй!" - воскликнул его величество таким тоном, что привел в ужас всех, кто его слышал. "Ты заслуживаешь немедленного расстрела! Так подло оскорбить женщину! И старуху к тому же. У тебя нет матери? Я уважаю и почитаю каждую старую женщину, потому что она напоминает мне мою мать!" — "Сир, я виноват, я признаю, но мое раскаяние велико. Соболаговолите вспомнить о моих заслугах. Я следовал за вами в течение восемнадцати кампаний; я отец семейства". Эти последние слова только усилили гнев его величества. "Пусть его арестуют! Сорвите с него ордена; он недостоин носить их. Пусть его судят в течение двадцати четырех часов". Затем, повернувшись к генералам, которые ошеломленно и неподвижно стояли вокруг него, он воскликнул: "Смотрите, господа! прочтите это! Посмотрите, как этот негодяй обращается к принцессе, и в тот самый момент, когда ее муж ведет со мной переговоры о мире."

В тот день парад был очень коротким; и как только он закончился, генералы Дорсенн и Ларрей поспешили к мадам Лихтенштейн и, описав ей только что разыгравшуюся сцену, принесли ей самые смиренные извинения от имени императорской гвардии и в то же время умоляли ее заступиться за несчастного, который, без сомнения, заслуживал порицания, но который был не в себе, когда писал оскорбительное послание. - Он горько раскаивается, сударыня, - сказал добрый господин Ларрей. - он оплакивает свою вину и мужественно ожидает наказания, считая его справедливым возмещением нанесенного вам оскорбления. Но он один из лучших офицеров армии; его любят и уважают; он спас жизни тысячам людей, и его выдающиеся таланты - единственное богатство, которым обладает его семья. Что с ними будет, если его застрелят?" — "Застрелили! - воскликнула принцесса. - Застрелили! Bon-Dieu! неужели дело пойдет так далеко?" Тогда генерал Дорсенн описал ей негодование императора как несравненно более глубокое, чем ее собственное; и принцесса, очень тронутая, немедленно написала императору письмо, в котором выражала благодарность и полное удовлетворение уже произведенным возмещением ущерба и умоляла его простить М. М.

Его величество прочитал письмо, но ничего не ответил. Принцессу снова посетили; и к этому времени она была так встревожена, что сильно пожалела о том, что показала письмо М. М. генералу; и, решив любой ценой добиться прощения хирурга, она обратилась с прошением к императору, которое заканчивалось такой фразой, выражавшей ангельское прощение: "Сир, я собираюсь упасть на колени в своей молельне и не встану, пока не получу от Небес прощения вашего Величества". Император не мог больше сдерживаться; он даровал помилование, и М. М. был освобожден после месяца строгого заключения. Его Величество поручил М. Ларрею сделать ему самый строгий выговор с предостережением более тщательно охранять честь корпуса, к которому он принадлежал; и увещевания этого превосходного человека были сделаны в такой отеческой манере, что они удвоили в глазах М. М. ценность неоценимой услуги, оказанной ему М. Ларреем.

Господин барон Ларрей всегда был совершенно бескорыстен в своих любезных услугах, факт, который был хорошо известен и которым часто злоупотребляли. Генерал д'А., сын богатого сенатора, получил перелом плеча снарядом при Ваграме; и была признана необходимой чрезвычайно деликатная операция, требующая умелой руки, которую мог выполнить только г-н Ларрей. Эта операция прошла полностью успешно; но у раненого было хрупкое телосложение, которое было сильно ослаблено и, следовательно, требовало самого постоянного ухода и внимательности. Месье Ларрей почти не отходил от своей постели, и ему помогали два студента-медика, которые по очереди наблюдали за ним и помогали перевязывать рану. Лечение было долгим и болезненным, но результатом стало полное излечение; и когда генерал почти полностью выздоровел, он попрощался с императором, чтобы вернуться во Францию. Пенсия и награды погасили долг главы государства перед ним, но то, как он оправдал себя по отношению к человеку, спасшему ему жизнь, заслуживает внимания.

Садясь в свой вагон, он вручил одному из своих друзей письмо и маленькую коробочку, сказав этому генералу: "Я не могу уехать из Вены, не поблагодарив господина Ларрея; окажите мне любезность, передайте ему от меня этот знак моей благодарности. Добрый Ларри, я никогда не забуду услуг, которые он мне оказал". На следующий день друг выполнил свое поручение; был послан солдат с письмом и подарком, который, достигнув Шенбрунна во время парада, отыскал месье Ларри в строю. "Вот письмо и шкатулка, которые я привез от генерала А.". Месье Ларри положил то и другое в карман, но после парада осмотрел их и показал посылку кадету де

Гассикуру, сказав: "Взгляните на это и скажите мне, что вы о нем думаете". Письмо было очень красиво написано; что касается шкатулки, то в ней находился бриллиант стоимостью около шестидесяти франков.

Это жалкое вознаграждение напоминает об одном одновременно славном и заслуженном, которое г-н Ларрей получил от императора во время кампании в Египте. В битве при Абукире генерал Фужьер был прооперирован месье Ларреем под огнем врагов по поводу опасной раны в плече; и, думая, что он вот-вот умрет, протянул свою шпагу генералу Бонапарту, сказав ему: "Генерал, возможно, однажды вы позавидуете моей судьбе". Главнокомандующий подарил этот меч месье Ларрею, предварительно выгравировав на нем имя месье Ларрея и название сражения. Однако генерал Фужьер не умер; его жизнь была спасена умелой операцией, которой он подвергся, и в течение семнадцати лет он командовал инвалидами в Авиньоне.

ГЛАВА XX.

Различия в манерах и выправке солдат можно заметить не в присутствии врага, поскольку требования службы полностью поглощают как мысли, так и время офицеров, независимо от их ранга, а единообразие занятий порождает также своего рода единообразие привычек и характера; но в монотонной лагерной жизни различия, обусловленные природой и воспитанием, дают о себе знать. Я отмечал это много раз после заключения перемирий и мирных договоров, увенчавших самые славные кампании императора, и имел случай возобновить свои наблюдения по этому поводу во время долгого пребывания, которое мы совершили в Шенбрунне с армией. Военный тон в армии определить труднее всего, и он различается в зависимости от звания, времени службы и рода службы; и нет настоящих солдат, кроме тех, кто составляет часть строя или командует им. По мнению солдат, принц де Невшатель и его блестящий штаб, великий маршал, генералы Бертран, Баклер д'Альбе и др. были всего лишь членами кабинета министров, чей опыт мог бы оказаться полезным в подобных обсуждениях, но для которых храбрость не была обязательной.

Главнокомандующие, такие как принц Евгений, маршалы Удино, Даву, Бессьер и адъютанты его Величества - Декамп, Рапп, Лебрен, Лористон, Мутон и др., были чрезвычайно приветливы, и каждый был ими принят чрезвычайно вежливо; их достоинство никогда не переходило в надменность, а непринужденность - в чрезмерную фамильярность, хотя их манеры всегда были слегка окрашены суровостью, неотделимой от характера воина. Такого мнения не придерживались в армии в отношении нескольких артиллерийских и штабных офицеров (адъютантов); ибо, хотя к ним относились со всем уважением, должным как их образованию, так и их храбрости, они называли их армейскими сойками; они получали милости, которых заслуживали другие; получали кордоны и повышения за то, что доставляли несколько писем в лагерь, часто даже не видя врага; своей роскошью оскорбляли скромную сдержанность более храбрых офицеров; и были более щеголеваты среди своих батальонов, чем в буднях своих

любовниц. Серебряная с позолотой шкатулка одного из этих джентльменов представляла собой полноценный переносной туалетный столик и содержала вместо картриджей флаконы с эссенцией, кисточки, зеркальце, скребок для языка, гребенку из ракушек и — я не уверен, что в ней отсутствовала даже баночка с румянами. Нельзя сказать, что они не были храбрыми, потому что они позволили бы убить себя за один взгляд; но они очень редко подвергались опасности. Иностранцы были бы правы, утверждая, что французский солдат легкомыслен, самонадеян, дерзок и аморален, если бы они строили свое суждение исключительно из вежливости к этим офицерам, которые вместо учебы и добросовестной службы часто не имели никакого другого права на свое звание, кроме заслуги эмигранта.

Линейные офицеры, отслужившие в нескольких кампаниях и получившие свои эполеты на поле боя, занимали в армии совсем другое положение. Всегда серьезные, вежливые и внимательные, между ними царило своего рода братство; и, познав сами страдания и невзгоды, они всегда были готовы помочь другим; и их беседы, хотя и не отличались блестящей информацией, часто были полны интереса. Почти во всех случаях хвастовство покидало их вместе с молодостью, и самые храбрые всегда были самыми скромными. Не руководствуясь никакими воображаемыми соображениями чести, они оценивали себя по достоинству, и всякий страх быть заподозренными в трусости был ниже их достоинства. У этих храбрых солдат, которые часто соединяли свеличайшей добротой сердца не менее сильный характер, прямое противоречие или даже небольшое поспешное оскорбление со стороны кого-либо из их братьев по оружию не обязательно было смываться кровью; и примеры умеренности, на которую имеет право только истинное мужество, не были редкостью в армии. Те, кто меньше всего заботился о деньгах и был самым щедрым, оказались наиболее незащищенными, например, артиллеристы и гусары. В Ваграме я видел, как лейтенант платил луидор за бутылку бренди и немедленно делил ее между солдатами своей роты; и храбрые офицеры часто так привязывались к своему полку, особенно если он отличился, что иногда отказывались от повышения, лишь бы не разлучаться со своими детьми, как они их называли. В них мы видим истинный образец французского солдата; и именно эта доброта, смешанная с суровостью воина, эта привязанность вождя к солдату, которую последний так способен оценить, и непререкаемая честь отличают наших солдат от всех остальных, а не, как думают иностранцы, самонадеянность, бахвальство и распущенность, которые всегда присущи только паразитам славы.

Вечером накануне битвы при Ваграме в лагере Лобау император, выходя из своей палатки, на мгновение остановился, наблюдая за завтракавшими гренадерами своей гвардии. "Ну, дети мои, что вы думаете об этом вине?" — "От него мы не захмелеем, сир; вот наш погреб", — сказал солдат, указывая на Дунай. Император, приказавший раздать каждому солдату бутылку хорошего вина, был удивлен, увидев, что они были так воздержанны вечером перед сражением. Он поинтересовался у принца де Невшателя причиной этого; и в результате расследования выяснилось, что два кладовщика и служащий в комиссариате продали сорок тысяч бутылок вина, которое император приказал распространить, и заменили его вином более низкого качества. Это вино было изъято императорской гвардией в богатом аббатстве и оценивалось в тридцать тысяч флоринов. Виновные были арестованы, преданы суду и приговорены к смерти.

В лагере в Лобау была собака, которую, я думаю, вся армия знала под кличкой кордебалет. Он был стар, истощен и уродлив, но из-за его моральных качеств его внешние недостатки быстро упускались из виду. Иногда его называли храбрым псом Империи, поскольку он получил удар

штыком при Маренго и был сломан пушкой при Аустерлице, будучи в то время прикомандированным к драгунскому полку. У него не было хозяина. У него была привычка присоединяться к отряду и оставаться верным до тех пор, пока его хорошо кормили и не били. Удар ногой или плашмя мечом заставил бы его покинуть этот полк и перейти в другой. Он был необычайно умен; и на какой бы должности в корпусе он ни служил, он не бросал ее и не путал с какой-либо другой, и в самый разгар боя всегда был рядом со знаменем, которое выбрал; и если в лагере он встречал солдата из дезертировавшего полка, он прижимал уши, поджимал хвост и быстро убегал, чтобы присоединиться к своим новым братьям по оружию. Когда его полк был на марше, он кружил вокруг него в качестве разведчика и предупреждал лаем, если обнаруживал что-нибудь необычное, тем самым не раз спасая своих товарищей от засады.

Среди офицеров, погибших в битве при Ваграме, или, скорее, в небольшом сражении, которое произошло после окончания битвы, одним из тех, о ком солдаты больше всего сожалели, был генерал Удэ. Он был одним из храбрейших генералов армии; но что особенно напоминает его имя среди всех тех, кого армия потеряла в тот памятный день, так это сохранившаяся у меня запись беседы, которую я вел через несколько лет после этого сражения с превосходным офицером, который был одним из моих самых искренних друзей.

В разговоре с подполковником Б. в 1812 году он заметил: "Я должен рассказать тебе, мой дорогой Констант, о странном приключении, которое произошло со мной в Ваграме. Я не сказал вам тогда, потому что обещал хранить молчание; но поскольку в настоящее время никто не может быть скомпрометирован моей неосторожностью, и поскольку те, кому тогда больше всего следовало опасаться, что их странные идеи (ибо я не могу назвать их никаким другим именем) будут раскрыты, теперь первыми посмеялись бы над ними, я вполне могу сообщить вам о таинственном открытии, которое я сделал в тот период.

"Вы хорошо знаете, что я был очень привязан к бедняге Ф., о котором мы так сожалели; и он был одним из наших самых популярных и привлекательных офицеров, его хорошие качества завоевывали сердца всех, особенно тех, кто, подобно ему, обладал неиссякаемым запасом откровенности и хорошего юмора. Внезапно я заметил большую перемену в его поведении, так же как и в поведении его обычных товарищей; они казались мрачными и больше не собирались вместе для веселой беседы, а, напротив, говорили вполголоса и с таинственным видом. Не раз эта внезапная перемена поражала меня; и если случайно я встречал их в уединенных местах, то вместо того, чтобы принять меня сердечно, как это всегда было у них в обычае, они, казалось, старались избегать меня. Наконец, устав от этой необъяснимой тайны, я отвел Ф. в сторону и спросил его, что означает это странное поведение. "Вы опередили меня, мой дорогой друг", - сказал он. "Я собирался сделать важное открытие; я надеюсь, вы не обвините меня в недостатке доверия, но поклянитесь мне, прежде чем я доверюсь вам, что вы не расскажете ни одной живой душе о том, что я сейчас собираюсь раскрыть". Когда я принес эту клятву, которую он потребовал от меня серьезным тоном, который меня невыразимо удивил, он продолжил: "Если я еще не рассказал вам о "Филадельфиях", это только потому, что я знал, что причины, которые я уважаю, помешают вам когда-либо присоединиться к ним; но поскольку вы спросили об этой тайне, это было бы недостатком доверия". уверенность в вас и в то же время, возможно, неосторожность не раскрывать этого. Некоторые патриоты объединились под названием "Филадельфи", чтобы спасти нашу страну от опасностей, которым она подвергается. Император Наполеон запятнал славу Первого консула Бонапарта; он спас нашу свободу, но с тех пор уничтожил ее восстановлением дворянства и Конкордатом. У общества "Филадельфи" пока нет

четких планов предотвращения зла, которым амбиции будут продолжать захлестывать Францию; но когда мир будет восстановлен, мы увидим, невозможно ли заставить Бонапарта восстановить республиканские институты, а пока нас переполняют горе и отчаяние. Храбрый вождь "Филадельфи", чистокровный Удэ, был убит, и кто достоин занять его место? Бедный Удэ! никогда не было человека храбрее и красноречивее его! Обладая благородным высокомерием и непоколебимой твердостью характера, он обладал прекрасным сердцем. Его первое сражение показало его бесстрашный дух. Когда в Сен-Бартоломео его ранили пулей, товарищи хотели унести его прочь. "Нет, нет, - закричал он, - не тратьте на меня время. Испанцы! испанцы!" — "Неужели мы оставим вас врагу?" сказал один из тех, кто подошел к нему. "Что ж, гони их назад, если не хочешь, чтобы я остался с ними". В начале кампании при Ваграме он был полковником девятого линейного полка, а вечером накануне битвы был произведен в бригадные генералы, его корпус входил в состав левого крыла под командованием Массены. Наша линия на мгновение была прорвана с этой стороны, и Удэ предпринял героические усилия, чтобы восстановить ее; и после того, как он был ранен тремя штыковыми ударами с потерей большого количества крови и утащен теми из нас, кто был вынужден отступить, он все еще сидел на лошади, чтобы его не вынудили покинуть поле боя.

После сражения он получил приказ выдвинуться на фронт и занять со своим полком выгодную позицию для наблюдения, а затем немедленно вернуться в штаб с определенным количеством своих офицеров для получения новых приказов. Он выполнил этот приказ и возвращался ночью, когда внезапно раздался ружейный выстрел, и он попал в засаду; он яростно сражался в темноте, не зная ни числа, ни характера своих противников, и на рассвете был найден, покрытый ранами, среди двадцати офицеров, которые были убиты вокруг него. Он все еще дышал и прожил три дня, но единственными словами, которые он произнес, были слова сочувствия к судьбе своей страны. Когда его тело забрали из госпиталя, чтобы подготовить к погребению, несколько раненых в отчаянии сорвали бинты со своих ран, старшина бросился на свою саблю рядом с могилой, а лейтенант там вышиб себе мозги. Вот, - сказал Ф., - смерть, которая повергает нас в глубочайшее отчаяние!" Я пытался доказать ему, что он ошибался и что планы "Филадельфи" были безумными, но преуспел очень несовершенно; и хотя он прислушался к моему совету, он снова настоятельно рекомендовал хранить тайну".

По-моему, на следующий день после битвы при Ваграме большое количество офицеров завтракали возле палатки императора, генералы сидели на траве, а офицеры стояли вокруг них. Они долго обсуждали битву и рассказали множество замечательных историй, некоторые из которых врезались мне в память. Штабной офицер его Величества сказал: "Я думал, что потерял своего лучшего коня. Поскольку я оседлал его 5-го числа и пожелал, чтобы он отдохнул, я отдал его своему слуге подержать под уздцы; и когда он оставил его на минутку, чтобы заняться своим собственным, лошадь была в мгновение ока украдена драгуном, который немедленно продал ее спешившемуся капитану, сказав ему, что это трофейная лошадь. Я узнал его в рядах и предъявил права на него, доказав по моим седельным сумкам и их содержимому, что это не лошадь, захваченная у австрийцев, и должен был вернуть капитану пять луидоров, которые он заплатил драгуну за эту лошадь, которая обошлась мне в шестьдесят.

Пожалуй, лучшим анекдотом того времени был такой: мсье Зальсдорф, саксонец и хирург полка принца Кристиана, в начале сражения получил перелом ноги осколком снаряда. Лежа на земле, он увидел в пятнадцати шагах от себя г-на Амедея де Кербура, который был ранен пулей, и его рвало кровью. Он увидел, что этот офицер умрет от апоплексического удара, если для него что-

нибудь не сделать, и, собрав все свои силы, потащился по пыли, пустил ему кровь и спас ему жизнь.

У г-на де Кербура не было возможности обнять того, кто спас ему жизнь, поскольку г-на де Сальсдорфа перевезли в Вену, и он пережил ампутацию всего четыре дня.

ГЛАВА XXI.

В Шенбрунне, как и везде, его величество отметил свое присутствие своими благодеяниями. Я до сих пор сохраняю яркие воспоминания об одном событии, которое долгое время оставалось предметом разговоров в тот период, и необычные детали которого делают его достойным повествования.

Маленькая девочка девяти лет от роду, принадлежавшая к очень богатой и высокоуважаемой семье Константинополя, была похищена бандитами, когда однажды прогуливалась со своей сопровождающей за городом. Бандиты перевезли двух своих пленников в Анатолию и там продали их. Маленькая девочка, обещавшая быть необычайно красивой, выпала на долю богатого купца из Бруссы, самого сурового и несговорчивого человека в городе; но бесхитростная грация этого ребенка тронула даже его свирепое сердце. Он проникся к ней большой привязанностью и отличал ее от других своих рабынь тем, что поручал ей только легкую работу, такую как уход за цветами и т.д. Европейский джентльмен, живший с этим торговцем, предложил взять на себя заботу о ее образовании, на что мужчина согласился, тем более охотно, что она завоевала его сердце, и он хотел сделать ее своей женой, как только она достигнет брачного возраста. Но европейцу пришла в голову та же мысль; и поскольку он был молод, с приятным и умным лицом и очень богат, ему удалось завоевать расположение молодой рабыни; и однажды она сбежала от своего хозяина и, как другая Элоиза, последовала за своим Абеяром в Кютайе, где они скрывались шесть месяцев.

Тогда ей было десять лет. Ее наставник, который с каждым днем становился все более преданным ей, отвез ее в Константинополь и доверил заботам греческого епископа, поручив ему сделать из нее добрую христианку, а затем вернулся в Вену с намерением получить согласие своей семьи и разрешение своего правительства на брак с рабыней.

С тех пор прошло два года, а бедная девушка ничего не слышала о своем будущем муже. Тем временем епископ умер, и его наследники бросили Мари (таково было крестильное имя новообращенной); и она, не имея ни средств, ни покровителя, рисковала быть в любой момент обнаруженной каким—нибудь родственником или другом своей семьи - а хорошо известно, что турки никогда не прощают смены религии.

Терзаемая тысячью страхов, уставшая от своего уединения и глубокой неизвестности, в которой она была похоронена, она приняла смелое решение воссоединиться со своим благодетелем и, не останавливаемая опасностями дороги, отправилась из Константинополя одна, пешком. По прибытии в столицу Австрии она узнала, что ее предполагаемый муж мертв уже больше года.

Отчаяние, в которое повергла бедную девушку эта печальная новость, лучше представить, чем описать. Что было делать? Что с ней будет? Она решила вернуться к своей семье и с этой целью отправилась в Триест, который застала в состоянии сильного волнения. Он только что принял французский гарнизон, но беспорядки, неотделимые от войны, еще не закончились, и юная Мария, следовательно, поступила в греческий монастырь, чтобы дожидаться подходящей возможности вернуться в Константинополь. Там младший лейтенант пехоты по имени Дартуа увидел ее, безумно влюбился, завоевал ее сердце и через год женился на ней.

Счастье, которым теперь наслаждалась мадам Дартуа, не заставило ее отказаться от своего плана навестить собственную семью; и поскольку теперь она стала француженкой, она думала, что этот титул ускорит ее возвращение в распоряжение родителей. Полк ее мужа получил приказ покинуть Триест; и это дало мадам Дартуа возможность возобновить свои просьбы о разрешении посетить Константинополь, на что ее муж дал свое согласие, не без объяснения ей, однако, всего, чего ей следует опасаться, и всех опасностей, которым снова подвергнет ее это путешествие. Наконец она отправилась в путь и через несколько дней после прибытия уже собиралась представиться своей семье, когда узнала на улице сквозь вуаль бруссанского купца, своего бывшего хозяина, который искал ее по всему Константинополю и поклялся убить ее, как только увидит.

Это ужасное "свидание" повергло ее в такой ужас, что в течение трех дней она жила в постоянном ужасе, едва осмеливаясь выходить на улицу даже по самому срочному делу и всегда опасаясь, как бы снова не увидеть свирепого анатолийца. Время от времени она получала письма от своего мужа, который все еще маршировал с французской армией; и, поскольку та теперь продвигалась вперед, в своих последних письмах он умолял ее вернуться во Францию, надеясь вскоре воссоединиться с ней там.

Лишенная всякой надежды на примирение со своей семьей, мадам Дартуа решила выполнить просьбу мужа; и, хотя война между Россией и Турцией сделала дороги очень небезопасными, она покинула Константинополь в июле месяца 1809 года.

Проехав через Венгрию и оказавшись в центре австрийского лагеря, мадам Дартуа направилась в Вену, где с горечью узнала, что ее муж был смертельно ранен в битве при Ваграме и теперь находится в этом городе; она поспешила к нему, и он скончался у нее на руках.

Она глубоко оплакивала своего мужа, но вскоре была вынуждена подумать о будущем, поскольку небольшой суммы денег, оставшейся у нее, когда она покидала Константинополь, едва хватило на дорожные расходы, а г-н Дартуа не оставил никакого имущества. Кто-то посоветовал бедной женщине отправиться в Шенбрунн и попросить помощи у его Величества, а вышестоящий офицер дал ей рекомендательное письмо к месье Жоберу, секретарю-переводчику императора.

Мадам Дартуа прибыла, когда его величество готовился покинуть Шенбрунн, и обратилась с заявлением к месье Жоберу, герцогу Бассано, генералу Леброну и многим другим лицам, которые проявили глубокий интерес к ее несчастьям.

Император, узнав от герцога Бассано о плачевном состоянии этой женщины, немедленно издал специальное распоряжение о назначении мадам Дартуа ежегодной пенсии в размере тысячи шестисот франков, первый год которой был выплачен авансом. Когда герцог Бассано объявил вдове о решении его величества и назначил ей пенсию за первый год работы, она упала к его ногам и омыла их своими слезами.

Праздник императора был отпразднован в Вене с большим блеском; и поскольку все жители сочли своим долгом осветить свои окна, эффект был необычайно блестящим. В них не было установленного освещения, но почти все окна имели двойные створки, и между этими створками были расставлены лампы, свечи и т. Д., Искусно расставленные, эффект от которых был очаровательным. Австрийцы казались такими же веселыми, как наши солдаты; они не чувствовали своего собственного императора с таким пылом, и, хотя в глубине души они, должно быть, испытывали чувство стеснения от такой непривычной радости, внешне это никак не проявлялось.

Вечером в день праздника, во время парада, в Шенбрунне раздался ужасный взрыв, шум которого, казалось, доносился из города; и через несколько мгновений появился жандарм, его лошадь скакала галопом. "О, о! - воскликнул полковник Мекнем. - В Вене, должно быть, пожар, если скачет жандарм". Фактически, он принес известие об очень прискорбном событии. В то время как артиллерийская рота готовила в городском арсенале многочисленные фейерверки в честь праздника его Величества, один из них, готовя ракету, случайно поджег фитиль и, испугавшись, выбросил ее прочь от себя. Снаряд попал на порох, хранившийся в магазине, и в результате взрыва восемнадцать артиллеристов были убиты, а семеро ранены.

Однажды утром, во время праздника его величества, войдя в его кабинет, я обнаружил там мсье Шарля Сульметтера, генерального комиссара полиции Вены, которого я часто видел раньше. Он начинал как главный шпион императора, и это оказалось таким прибыльным делом, что он заработал сорок тысяч фунтов. Он родился в Страсбурге и в молодости был главарем банды контрабандистов, к этому ремеслу природа приспособила его так же чудесно, как и к тому, которым он занялся впоследствии. Он признавал это, рассказывая о своих приключениях, и утверждал, что контрабанда и полицейская служба имеют много общего, поскольку великое искусство контрабанды состоит в том, чтобы уметь уклоняться, в то время как искусство шпиона - в том, чтобы уметь искать. Он внушал такой ужас венцам, что был равен целому армейскому корпусу в удержании их в повиновении. Его быстрый и проницательный взгляд, его решительный и суровый вид, резкость походки и жестов, его грозный голос и вид огромной силы полностью оправдывали его репутацию, а его приключения дают достаточный материал для романа. Во время первых кампаний в Германии, получив поручение от французского правительства передать послание одному из самых выдающихся лиц австрийской армии, он перешел к врагу под видом немецкого разносчика, с обычными паспортами и полным запасом бриллиантов и драгоценностей. Его предали, арестовали и обыскали; и письмо, спрятанное на двойном дне золотой шкатулки, было найдено и очень глупо прочитано у него на глазах. Его судили, приговорили к смертной казни и передали солдатам, которые должны были казнить его; но так как к этому времени уже наступила ночь, они отложили его казнь до утра. Он узнал среди своих охранников французского дезертира, поговорил с ним и пообещал ему крупную сумму денег: он приказал принести вина, выпил с солдатами, опоил их и, переодевшись в один из их плащей, сбежал с французом. Однако, прежде чем вернуться в лагерь, он нашел способ

сообщить человеку, которому предназначалось письмо, о его содержании и о том, что произошло.

В армии часто ставились подписи, которые трудно запомнить, чтобы еще больше привлечь внимание солдат. Однажды прозвучало слово "Перикл", Персеполис; и капитан гвардии, который лучше разбирался в том, как командовать атакой, чем в греческой истории и географии, не расслышав его отчетливо, дал в качестве подписи "perce l'eglise", и эта ошибка вызвала много смеха. Старый капитан нисколько не рассердился и сказал, что, в конце концов, он не так уж сильно ошибался.

Секретарь генерала Андреосси, губернатора Вены, питал прискорбную страсть к азартным играм; и обнаружив, что он не выигрывает достаточно, чтобы расплатиться со своими долгами, продался врагу. Его корреспонденция была изъята; он признался в своем предательстве и был приговорен к смертной казни, а перед лицом смерти проявил удивительное самообладание. "Подойдите ближе, - сказал он солдатам, которые должны были стрелять, - чтобы вы могли лучше видеть меня, и мне меньше пришлось бы страдать".

Во время одной из своих экскурсий по окрестностям Вены император встретил очень молодого призывника, который возвращался в свой корпус. Он остановил его, спросил имя, возраст, полк и страну. "Месье, - сказал солдат, который его не знал, - меня зовут Мартин; мне семнадцать лет, и я из Верхних Пиренеев". — "Значит, вы француз?" — "Да, месье". — "Ах, вы жалкий француз. Разоружите этого человека и повесьте его!" — "Да, дурак, я француз, - повторил новобранец, - и да здравствует Император!" Его Величество был очень удивлен; новобранец не обманулся, поздравил и поспешил присоединиться к своим товарищам, пообещав награду, — обещание, которое император не замедлил выполнить.

За два или три дня до своего отъезда из Шенбрунна император снова был на волосок от покушения. На этот раз нападение должна была совершить женщина.

Графиня в то время была хорошо известна как своей поразительной красотой, так и скандальными связями с английским послом лордом Паджетом.

Трудно было бы найти слова, которые правдиво описали бы грацию и очарование этой дамы, которую высшее общество Вены принимало лишь с величайшим отвращением, но которая утешала себя за их презрение тем, что принимала в своем доме самую блестящую часть французской армии.

Армейский подрядчик задумал заполучить эту даму для императора и, не ставя в известность его Величество, сделал графине предложение через одного из своих друзей, кавалерийского офицера, прикомандированного к военной полиции города Вены.

Кавалерийский офицер думал, что представляет его Величество, и добросовестно сказал графине, что его Величество чрезвычайно желает видеть ее в Шенбрунне. Соответственно, однажды утром он выдвинул предложения на тот вечер, которые графине показались несколько резкими, и она не приняла решение сразу, а потребовала день на размышление, добавив, что у нее должны быть веские доказательства того, что император действительно искренен в этом вопросе. Офицер заверил в его искренности, более того, пообещала представить все необходимые доказательства и назначила встречу на этот вечер. Представив подрядчику отчет о своих переговорах, последний распорядился, чтобы в указанный вечер для графини была

готова карета в сопровождении кавалерийского офицера. В назначенный час офицер вернулся к графине, ожидая, что она будет сопровождать его, но она умоляла его вернуться на следующий день, сказав, что еще не приняла решения и ей нужна ночь для более продолжительных размышлений. Однако по настоянию офицера она решилась и назначила следующий день, дав честное слово быть готовой к назначенному часу.

Затем карета была отослана и заказана на следующий вечер в тот же час. На этот раз посланец подрядчика нашел графиню в хорошем расположении духа; она приняла его весело, даже радушно и сказала, что отдала распоряжения относительно своих дел, как будто собиралась в путешествие; затем, пристально посмотрев на него, сказала, наставляя его: "Вы можете вернуться через час, и я буду готова; я пойду к нему, вы можете на это положиться. Вчера мне нужно было закончить дела, но сегодня я свободен. Если вы хороший австриец, вы докажете мне это; вы знаете, сколько вреда он причинил нашей стране! Этим вечером наша страна будет отомщена! Приди за мной, не подведи!"

Кавалерийский офицер, напуганный таким доверием, не пожелал взять на себя ответственность и повторил все в замке, за что император щедро вознаградил его, настоятельно посоветовал ему ради его же блага больше не встречаться с графиней и категорически запретил ему иметь какое-либо отношение к этому делу. Все эти опасности никоим образом неугнетали императора; и у него была привычка говорить: "Чего мне бояться? Меня нельзя убить; я могу умереть только на поле боя". Но даже на поле боя он не заботился о себе, а при Эсслинге, например, выставил себя напоказ, как командир батальона, который хочет стать полковником; пули убивали тех, кто был впереди, позади, рядом с ним, но он не сдвинулся с места. Именно тогда перепуганный генерал воскликнул: "Сир, если ваше величество не уйдет в отставку, мне придется приказать моим гренадерам унести вас". Этот анекдот доказывает, что он принимал какие-либо меры предосторожности в отношении самого себя. Однако признаки раздражения, проявляемые жителями Вены, заставили его очень внимательно следить за безопасностью своих войск, и он категорически запретил им покидать места расквартирования вечером. Его величество боялся за них.

Шенбруннский замок был местом встреч всех выдающихся ученых Германии; и ни одна новая работа, ни одно любопытное изобретение не появлялись, но император немедленно отдавал приказ представить ему автора. Именно таким образом М. Мальцелю, знаменитому изобретателю метрономии, была оказана честь продемонстрировать его Величеству несколько своих собственных изобретений. Император восхитился протезами, предназначенными для более удобной и удовлетворительной замены, чем деревянные, конечностей, оторванных шарами, и приказал построить повозку для перевозки раненых с поля боя. Эта повозка должна была быть такого типа, чтобы ее можно было сложить и легко нести за людьми верхом, сопровождавшими армию, такими как хирурги, помощники, слуги и т.д. М. Мальцель также сконструировал автомат, известный во всей Европе под названием "Шахматист", который он привез в Шенбрунн, чтобы показать его Величеству, и установил его в апартаментах принца де Невшателя. Император посетил принца, и я в компании нескольких других лиц сопровождал его и обнаружил этот автомат сидящим перед столом, на котором были расставлены шахматные фигуры. Его Величество взял стул и, усевшись перед автоматом, сказал со смехом: "Пойдем, мой товарищ, мы готовы". Автомат поклонился и сделал Императору знак рукой, как бы говоря ему начинать, после чего началась игра. Император сделал два или три хода и намеренно сделал неправильный. Автомат поклонился, взял фишку и поставил ее на положенное место.

Его Величество сжульничал во второй раз; автомат снова поклонился и взял фишку. "Это верно", - сказал император; и когда он сжульничал в третий раз, автомат, проведя рукой по шахматной доске, испортил игру.

Император высоко оценил изобретателя. Когда мы вышли из комнаты в сопровождении принца де Невшатель, мы обнаружили в прихожей двух молодых девушек, которые подарили принцу от имени своей матери корзину с прекрасными фруктами. Когда принц приветствовал их с фамильярным видом, император, желая узнать, кто они такие, подошел поближе и расспросил их; но они не понимали по-французски: кто-то тогда сказал его величеству, что эти две хорошенькие девушки были дочерьми хорошей женщины, жизнь которой маршал Бертье спас в 1805 году. В этот раз он был один верхом на лошади, стоял ужасный холод, а земля была покрыта снегом, когда он увидел лежащую у подножия дерева женщину, которая, казалось, умирала и была охвачена оцепенением. Маршал взял ее на руки, посадил на свою лошадь, завернув в свой плащ, и таким образом отвез домой, где дочери оплакивали ее отсутствие. Он уехал, не дав о себе знать; но они узнали его при взятии Вены, и каждую неделю две сестры приходили повидать своего благодетеля, принося ему цветы или фрукты в знак своей благодарности.

ГЛАВА XXII.

Ближе к концу сентября император совершил поездку в Рааб; и когда он садился на лошадь, чтобы вернуться в свою резиденцию в Шенбрунне, он увидел епископа в нескольких шагах от себя. "Не епископ ли это?" - спросил он г-на Жардена, который держал голову своей лошади. "Нет, сир, это Солиман". — "Я спросил вас, не епископ ли это", - повторил его величество, указывая на прелата. Г-н Жарден, поглощенный делом и думавший только о коне императора, носившем имя Бишоп, снова ответил: "Сир, вы забываете, что ехали на нем в последней эстафете". Теперь император понял свою ошибку и разразился смехом. В Ваграме я был свидетелем поступка, который послужил прекрасной иллюстрацией доброты сердца императора и его внимания к другим, о чем я уже приводил несколько примеров; ибо, хотя в том, о котором я сейчас расскажу, он был вынужден отказаться от акта милосердия, сам его отказ вызывает восхищение как демонстрация щедрости и величия его души.

Очень богатая женщина по имени мадам де Комбре, жившая недалеко от Кана, позволила занять свой замок банде роялистов, которые, казалось, считали, что достойно отстаивают свое дело, грабя дилижансы на большой дороге. Она назначила себя казначеем этой банды приверженцев и передала полученные таким образом средства мнимому казначею Людовика XVIII. Ее дочь, мадам Акве, присоединилась к этому отряду и, переодевшись в мужскую одежду, проявила незаурядную храбрость. Их подвиги, однако, продолжались недолго; преследуемые и побежденные превосходящими силами, они предстали перед судом, и мадам Акве была приговорена к смертной казни вместе со своими сообщниками. С помощью притворной

болезни она получила отсрочку, которой воспользовалась, чтобы использовать все средства, которые были в ее силах, чтобы добиться помилования, и, наконец, после восьми месяцев бесполезных просьб, решила отправить своих детей в Германию ходатайствовать перед императором. Ее врач в сопровождении сестры и двух дочерей прибыл в Шенбрунн как раз в тот момент, когда император отправился посетить поле Ваграма, и целый день ожидал возвращения императора на ступенях дворца; и эти дети, одному десять, другому двенадцать лет, вызвали большой интерес. Несмотря на это, преступление их матери было ужасным, ибо, хотя в политических вопросах мнения не могут быть преступными, все же при любой форме правления мнения караются, если таким образом человек становится грабителем и убийцей. Дети, одетые в черное, бросились к ногам императора, крича: "Простите, простите, верните нам нашу мать". Император нежно поднял их, взял прошение из рук тети, внимательно прочитал каждое слово, затем с большим интересом расспросил врача, посмотрел на детей, колебался — но как раз в тот момент, когда я, как и все, кто был свидетелем этой трогательной сцены, подумал, что он собирается произнести ей прощение, он отступил на несколько шагов, воскликнув: "Я не могу этого сделать!" Его изменившийся цвет лица, глаза, наполненные слезами, и прерывающийся голос свидетельствовали о борьбе, через которую он проходил; и, будучи свидетелем этого, его отказ показался мне актом величайшего мужества.

Вспоминая об этих жестоких преступлениях, тем более заслуживающих осуждения, что они были делом рук женщины, которая, чтобы предаться им, была вынуждена начать с того, что растоптала ногами все нежные и скромные добродетели своего пола, я нахожу в своих записях акт верности и супружеской нежности, который вполне заслуживал лучшего результата. Жена пехотного полковника, не желая разлучаться со своим мужем, следовала за маршем его полка в карете, а в дни сражений садилась на лошадь и держалась как можно ближе к строю. Во Фридланде она увидела, как полковник упал, пронзенный пулей, поспешила к нему со своим слугой, вынесла его из строя и увезла на санитарной машине, хотя и слишком поздно, потому что он был уже мертв. Ее горе было безмолвным, и никто не видел, как она пролила слезу. Она протянула свою сумочку хирургу и попросила его забальзамировать тело ее мужа, что было сделано настолько хорошо, насколько это было возможно в данных обстоятельствах; затем она велела завернуть тело в бинты, положить в ящик с крышкой и погрузить в карету, и, усевшись рядом с ним, убитая горем вдова отправилась обратно во Францию. Подавленное таким образом горе вскоре овладело ее разумом; и на каждой остановке, которую она делала в пути, она запиралась со своей драгоценной ношей, вытаскивала труп из болота, клала его на постель, открывала ему лицо и расточала ему самые нежные ласки, разговаривая с ним, как с живым, и спала рядом с ним. Утром она заменила мужа в ложе и, снова погрузившись в мрачное молчание, продолжила свой путь. Несколько дней ее тайна оставалась неизвестной и была раскрыта всего за несколько дней до того, как она прибыла в Париж.

Тело не было забальзамировано таким образом, чтобы надолго уберечь его от разложения; и вскоре это дошло до такой степени, что, когда она прибыла в гостиницу, ужасный запах из ящика вызвал подозрения, и в тот вечер в комнату несчастной жены вошли, и она была найдена сжимающей в объятиях уже прискорбно изуродованный труп своего мужа. "Тише!" - крикнула она испуганному хозяину гостиницы. "Мой муж спит, зачем вы пришли нарушать его великолепный покой?" С большим трудом труп был вырван из рук безумной женщины, которая охраняла его с такой ревливой заботой, и она была доставлена в Париж, где впоследствии скончалась, ни на мгновение не придя в себя.

Шенбруннский замок вызвал большое удивление, потому что эрцгерцог Карл никогда там не появлялся; было известно, что император очень уважал его, который говорил о нем только с высочайшим уважением. Я совершенно не знаю, какие мотивы помешали принцу приехать в Шенбрунн или императору навестить его; но, тем не менее, это факт, что за два или три дня до своего отъезда из Мюнхена его Величество однажды утром посетил охотничий отряд, состоявший из нескольких офицеров и меня; и что мы остановились в охотничьем домике под названием *la Venerie* на дороге между Веной и Букусдорфом, и по прибытии мы обнаружили эрцгерцога Карла, ожидавшего его Величества, в сопровождении свиты всего из двух человек. Император и эрцгерцог долго оставались одни в павильоне, и мы вернулись в Шенбрунн только поздно вечером.

16 октября в полдень император покинул эту резиденцию со своей свитой, состоящей из великого маршала герцога Фриуля; генералов Раппа, Мутона, Савари, Нансути, Дюроснеля и Лебрена; трех камергеров; М. Лаббе, начальника топографического бюро; М. де Меневалья, секретаря его Величества, и м. Ивана; и в сопровождении герцога Бассано и герцога Кадоре, тогдашнего министра иностранных дел.

Мы прибыли в Пассау утром 18-го; и император провел весь день, осматривая форты Максимилиана и Наполеона, а также семь или восемь редутов, названия которых напоминали о главных сражениях кампании. Более двенадцати тысяч человек работали на этих важных укреплениях, для которых визит его Величества был настоящим праздником. В тот же вечер мы продолжили наше путешествие и через два дня были в Мюнхене.

В Аугсбурге, покидая дворец курфюрста Тревского, император встретил на своем пути женщину, стоявшую на коленях в пыли в окружении четырех детей; он поднял ее и ласково осведомился, чего она желает. Бедная женщина, не отвечая, вручила его величеству петицию, написанную по-немецки, которую перевел генерал Рапп. Она была вдовой немецкого врача по фамилии Буйтинг, который умер незадолго до этого и был хорошо известен в армии своей преданностью в оказании помощи раненым французским солдатам, когда кто-нибудь случайно попадал к нему в руки. Курфюрст Тревский и многие лица из свиты императора горячо поддерживали это прошение мадам Бютинг, которую смерть ее мужа довела почти до нищеты, и в котором она просила императора помочь детям этого немецкого врача, чьи усилия спасли жизни стольким его храбрым солдатам. Его Величество приказал выплатить просительнице пенсию в размере жалованья за первый год, которую он сразу же назначил ей; и когда генерал Рапп сообщил вдове о действиях императора, бедная женщина упала в обморок с криком радости.

Я стал свидетелем другой сцены, которая была не менее трогательной. Когда император направлялся в Вену, жители Аугсбурга, которые были виновны в некоторых актах жестокости по отношению к баварцам, трепетали, опасаясь, что его величество жестоко отомстит им; и этот ужас достиг своего апогея, когда стало известно, что часть французской армии должна пройти через город.

Молодая женщина замечательной красоты, овдовевшая всего несколько месяцев назад, удалилась в это место со своим ребенком в надежде, что там будет спокойнее, чем где-либо еще, но, испугавшись приближения войск, сбежала с ребенком на руках. Но вместо того, чтобы избежать встречи с нашими солдатами, как она намеревалась, она покинула Аугсбург не через те ворота и попала в гущу передовых постов французской армии. К счастью, она встретила генерала Декурбе и, дрожа и почти вне себя от ужаса, на коленях заклинала его спасти ее честь,

даже ценой своей жизни, и немедленно потеряла сознание. Тронутый даже до слез, генерал проявил к ней всяческое внимание, распорядился выдать ей охранную грамоту и выделить эскорт для сопровождения ее в соседний город, где, по ее словам, проживало несколько ее родственников. В тот же миг был отдан приказ выступать, и среди последовавшей за этим всеобщей суматохи те, кто сопровождал мать, забыли о ребенке и оставили его на передовых постах. Храбрый гренадер взял на себя заботу о нем и, выяснив, куда увезли бедную мать, поклялся вернуть его ей при первой же возможности, если только пуля не унесет его до возвращения армии. Он сделал кожаный карман, в котором носил своего юного протеже, устроенный так, чтобы он был защищен от непогоды. Каждый раз, отправляясь в бой, добрый гренадер выкапывал в земле яму, в которую клал малыша, и возвращался за ней, когда битва заканчивалась; и хотя его товарищи высмеивали его в первый день, они не могли не восхищаться благородством его поведения. Ребенок избежал всякой опасности благодаря неустанной заботе своего приемного отца; и когда марш на Мюнхен снова начался, гренадер, который был необычайно привязан к маленькому беспризорнику, почти сожалел о приближении момента, когда он должен будет вернуть его матери.

Легко понять, что испытала эта бедная женщина, потеряв своего ребенка. Она умоляла сопровождавших ее солдат вернуться, но у них был свой приказ, который ничто не могло заставить их нарушить. Сразу же по прибытии она снова отправилась в обратный путь в Аугсбург, наводя справки во всех направлениях, но не смогла получить никаких сведений о своем сыне и, наконец, убедившись, что он мертв, горько оплакала его. Она скорбела так почти шесть месяцев, когда армия вновь прошла Аугсбург; и однажды, когда она работала одна в своей комнате, ей сказали, что ее хочет видеть солдат и что у него есть что-то ценное, чтобы передать ее заботам; но он не мог покинуть свой корпус и должен просить ее встретиться с ним на городской площади. Мало подозревая об уготованном ей счастье, она разыскала гренадера, и тот, покинув строй, вытащил "маленького доброго человечка" из кармана и передал его в объятия бедной матери, которая не могла поверить собственным глазам. Думая, что эта дама, вероятно, небогата, этот замечательный человек собрал некоторую сумму денег, которую положил в один из карманов пальто малышки.

Император пробыл в Мюнхене недолго; и в день его прибытия великий маршал спешно отправил курьера к г-ну де Люсе, чтобы сообщить ему, что его Величество будет в Фонтенбло 27 октября, вероятно, вечером, и что домочадцы императора, а также императрицы должны быть в этой резиденции, чтобы принять его Величество. Но вместо того, чтобы прибыть вечером 27-го, император путешествовал с такой скоростью, что 26-го в десять часов утра он был у ворот дворца Фонтенбло; и, следовательно, за исключением великого маршала, курьера и привратника Фонтенбло, он не встретил никого, кто встретил бы его, когда он выходил из кареты. Это несчастье, которое было вполне естественным, поскольку невозможно было предвидеть продвижение более чем на день вперед в назначенный срок, тем не менее сильно разгневало императора. Он оглядывал всех вокруг, словно ища, кого бы отругать, когда, увидев, что курьер собирается слезть со своей лошади, на которой он скорее застрял, чем сидел, сказал ему: "Завтра ты сможешь отдохнуть; поспеши в Сен-Клу и сообщи о моем прибытии", - и бедный курьер возобновил свой бешеный галоп.

Этот несчастный случай, который так сильно огорчил его Величество, нельзя было считать ничьей виной, ибо по приказу великого маршала, полученному от императора, г-н де Люсе приказал службе их Величеств быть готовой утром следующего дня. Следовательно, в тот вечер

было самое раннее время, когда можно было ожидать начала службы, и он был вынужден ждать до тех пор.

Во время этого ожидания император занялся посещением новых апартаментов, пристроенных к замку. Здание во дворе Шевальблан, которое раньше использовалось как военная школа, было отреставрировано, расширено и украшено с необычайным великолепием и полностью превращено в почетные покои, чтобы, как сказал его Величество, дать работу лионским фабрикантам, которых война лишила какого-либо внешнего рынка. После неоднократных прогулок во всех направлениях император уселся с выражением крайнего нетерпения, ежеминутно спрашивая, который час, или поглядывая на часы; и, наконец, приказал мне приготовить письменные принадлежности и в полном одиночестве сел за маленький столик, несомненно, мысленно ругаясь на своих секретарей, которые так и не прибыли.

В пять часов из Сен-Клу прибыла карета; и когда император услышал, как она въезжает во двор, он быстро спустился по лестнице, и пока лакей открывал дверь и опускал ступеньки, он спросил находившихся внутри: "Где императрица?" Был дан ответ, что ее Величество императрица прибудет самое большее через четверть часа. "Это хорошо", - сказали император и, повернувшись спиной, быстро поднялся по лестнице и вошел в небольшой кабинет, где приготовился к работе.

Наконец императрица прибыла ровно в шесть часов. Уже стемнело. Император на этот раз не спустился вниз; но, прислушиваясь, пока не узнал, что это ее Величество, продолжал писать, не прерывая себя, чтобы пойти ей навстречу. Это был первый раз, когда он действовал подобным образом. Императрица застала его сидящим в кабинете. "А! - сказал его величество. - Вы прибыли, мадам? Хорошо, что я собирался отправиться в Сен-Клу". И император, который просто оторвал глаза от своей работы, чтобы взглянуть на ее Величество, снова опустил их и продолжил писать. Это грубое приветствие чрезвычайно огорчило Жозефину, и она попыталась извиниться; но его величество ответил так, что у нее на глазах выступили слезы, хотя впоследствии он раскаялся в этом и попросил прощения у императрицы, признав, что был неправ.

ГЛАВА XXIII.

Как было заявлено в некоторых Мемуарах, это не потому, что и в результате небольшого разногласия, о котором я рассказал выше, его Величеству впервые пришла в голову мысль о разводе. Император считал необходимым для благополучия Франции, чтобы у него был наследник по его собственной линии; и поскольку теперь было ясно, что императрица никогда не родит ему наследника, он был вынужден подумать о разводе. Но самыми мягкими средствами и со всеми признаками нежной заботливости он стремился привести императрицу к этой болезненной жертве. Как уже было сказано, ему не приходилось прибегать ни к угрозам,

ни посулам, поскольку он апеллировал к доводам своей жены, и ее согласие было полностью добровольным. Я повторяю, что со стороны императора не было насилия, но со стороны императрицы были мужество, смирение и покорность. Ее преданность императору заставила бы ее пойти на любую жертву, она отдала бы за него свою жизнь; и хотя эта разлука могла разбить ее собственное сердце, она все же находила утешение в мысли, что таким образом она спасет того, кого любила больше всех на свете, хотя бы от одной причины огорчения или тревоги. И когда она узнала, что родился король Рима, она перестала понимать свое собственное разочарование, сочувствуя счастью своей подруги, ибо они всегда относились друг к другу со всем вниманием и уважением самой совершенной дружбы.

Император за весь день 26-го съел только чашку шоколада и немного супа; и я несколько раз слышал, как он жаловался на голод, прежде чем прибыла императрица. Мир был восстановлен, муж и жена нежно обнялись, и императрица удалилась в свои покои, чтобы привести себя в порядок. В это время император принял господ Декре и Де Монталиве, которых он вызвал утром с конным посыльным, а около половины восьмого императрица появилась снова, одетая с безупречным вкусом. Несмотря на холод, ее волосы были украшены серебристо-пшеничными и голубыми цветами, а на ней был белый атласный полонез, отороченный лебяжьим пухом, который чрезвычайно шел ей. Император прервал свою работу, чтобы взглянуть на нее: "Я не заняла много времени своим туалетом, не так ли?" - сказала она, улыбаясь; после чего его Величество, не отвечая, показал ей часы, затем встал, подал ей руку и собирался войти в столовую, сказав господам Де Монталиве и Декре: "Я буду у вас через пять минут". — "Но, — сказала императрица, - эти господа, вероятно, еще не обедали, поскольку они приехали из Парижа". - "Ах, это так! ..." и министры вошли в столовую. в столовой с их Величествами. Но едва император занял свое место, как встал, отбросил салфетку и вернулся в свой кабинет, куда эти джентльмены были вынуждены последовать за ним, хотя и вопреки своим желаниям.

День закончился лучше, чем начался. Вечером был устроен прием, небольшой, но в высшей степени приятный, на котором император был очень весел и в отличном расположении духа и вел себя так, словно стремился стереть из памяти маленькую сцену с императрицей. Их величества оставались в Фонтенбло до 14 ноября. Король Саксонии прибыл в Париж накануне вечером, и император, проехавший верхом почти весь путь от Фонтенбло до Парижа, по прибытии направился в Елисейский дворец. Два монарха, казалось, производили друг на друга очень приятное впечатление и почти каждый день появлялись на публике вместе, а однажды рано утром покинули Тюильри пешком, каждый в сопровождении одного эскорта. Я был с императором. Они направили свои стопы, следуя течению реки, к Йенскому мосту, работа над которым быстро приближалась к завершению, и достигли площади Революции, где собралось пятьдесят или шестьдесят человек с намерением сопровождать двух государей; но так как это, по-видимому, рассердило императора, агенты полиции заставили их разойтись. Добравшись до моста, его Величество внимательно осмотрел работу; и, обнаружив некоторые недостатки в конструкции, приказал позвать архитектора, который признал правильность своих наблюдений, хотя, чтобы убедить его, императору пришлось некоторое время говорить и часто повторять одни и те же объяснения. Его величество, повернувшись затем к королю Саксонии, сказал ему: "Ты видишь, мой кузен, что глаз мастера необходим повсюду". — "Да, - ответил король Саксонии, - особенно такой наметанный глаз, как у вашего величества".

Мы пробыли в Фонтенбло недолго, когда я заметил, что император в присутствии своей августейшей супруги был чем-то озабочен и чувствовал себя не в своей тарелке. То же

беспокойство было заметно и на лице императрицы; и это состояние стеснения и взаимного смущения вскоре стало достаточно очевидным, чтобы быть замеченным всеми, и сделало пребывание в Фонтенбло чрезвычайно печальным и удручающим. В Париже присутствие короля Саксонии несколько отвлекло внимание; но императрица выглядела более несчастной, чем когда-либо, что породило множество предположений, но что касается меня, то я слишком хорошо знал причину всего этого. Лоб императора с каждым днем становился все более озабоченным, пока не наступило 30 ноября.

В тот день ужин прошел в еще большем молчании, чем когда-либо. Императрица проплакала весь день и, чтобы скрыть, насколько это было возможно, свою бледность и покраснение глаз, надела большую белую шляпу, завязанную под подбородком, поля которой полностью скрывали ее лицо. Император сидел молча, уставившись в свою тарелку, время от времени судорожные движения сотрясали его лицо; и если ему случалось поднять глаза, он украдкой поглядывал на императрицу с явными признаками огорчения. Придворные, неподвижные, как статуи, взирали на эту тягостную и мрачную сцену с печальной тревогой; в то время как вся трапеза была просто формой, поскольку их Величества ни к чему не прикасались, и не было слышно ни звука, кроме равномерного движения расставляемых и уносимых тарелок, печально варьируемого монотонными тонами придворных и звенящим звуком, издаваемым императором, когда он механически ударял ножом по краю своего бокала. Только однажды его Величество нарушил тишину глубоким вздохом, за которым последовали такие слова, обращенные к одному из офицеров: "Который час?" Казалось, это был бессмысленный вопрос императора, потому что он не слышал или, по крайней мере, казалось, что не слышит ответа; но почти сразу же он встал из-за стола, и императрица медленными шагами последовала за ним, прижимая к губам носовой платок, словно пытаясь подавить рыдания. Принесли кофе, и, согласно обычаю, паж подал официанту императрице, чтобы она сама разлила его; но император взял чашку сам, налил кофе в чашку и растворил сахар, все еще глядя на императрицу, которая продолжала стоять, словно пораженная оцепенением. Он выпил и вернул чашу пажу, затем подал знак, что хочет побыть один, и закрыл дверь салона. Я остался сидеть снаружи, у двери; и вскоре в столовой не осталось никого, кроме одного из дворцовых префектов, который ходил взад и вперед, скрестив руки на груди, так же, как и я, предвидя ужасные события. Через несколько мгновений я услышал крики и вскочил; как раз в этот момент император быстро открыл дверь, выглянул наружу и не увидел там никого, кроме нас двоих. Императрица лежала на полу, крича так, словно у нее разрывалось сердце: "Нет, ты не сделаешь этого! Ты не убьешь меня!" Распорядитель комнаты стоял к ней спиной. Я подошел к нему; он понял и вышел. Его Величество приказал человеку, который был со мной, войти, и дверь снова закрылась. Позже я узнал, что император попросил его помочь ему перенести императрицу в ее апартаменты. "У нее, - сказал он, - сильный нервный припадок, и ее состояние требует самого неотложного внимания". Г-н де Б. с помощью императора поднял императрицу на руки; и император, взяв с каминной полки лампу, осветил г-ну де Б. путь по коридору, из которого поднималась небольшая лестница, ведущая в покои императрицы. Эта лестница была настолько узкой, что человек с такой ношей не мог спуститься без большого риска упасть; и г-н де Б., обратив на это внимание его Величества, позвал хранителя портфеля, в обязанности которого входило всегда находиться у двери кабинета императора, которая открывалась на эту лестницу, и дал ему свет, в котором больше не было необходимости, так как лампы только что зажгли. Его величество прошел мимо привратника, который все еще держал фонарь, и, сам поддерживая ноги императрицы, благополучно спустился по лестнице вместе с г-ном де Б.; таким образом, они

добрались до спальни. Император позвонил, вызывая своих фрейлин, и, когда они вошли, удалился со слезами на глазах и всеми признаками глубочайшего волнения. Эта сцена так глубоко потрясла его, что дрожащим, прерывающимся голосом он сказал г-ну де Б. несколько слов, которые он никогда, ни при каких обстоятельствах не должен был раскрывать. Волнение императора, должно быть, было очень велико, если он сообщил господину де Б. о причине отчаяния ее Величества и сказал ему, что интересы Франции и Императорской династии нанесли удар по его сердцу, и развод стал долгом, прискорбным и болезненным, но, тем не менее, долгом.

Королева Гортензия и месье Корвизар вскоре добрались до императрицы, которая провела ужасную ночь. Император тоже не спал и много раз вставал, чтобы удостовериться в состоянии Жозефины. За всю ночь ее Величество не произнесла ни слова. Я никогда не был свидетелем такого горя.

Сразу после этого король Неаполя, король Вестфалии, король Вюртемберга, а также король и принцессы императорской семьи прибыли в Париж, чтобы присутствовать на празднествах, устроенных городом Парижем в честь его Величества в ознаменование побед и умиротворения Германии, и в то же время отметить годовщину коронации. Сессия законодательного корпуса тоже вот-вот должна была открыться. В промежуток между сценой, которую я только что описал, и днем подписания указа о разводе было необходимо, чтобы императрица присутствовала на всех этих мероприятиях и присутствовала на всех этих празднествах на глазах огромной толпы людей, в то время, когда одно только одиночество могло хоть в какой-то степени облегчить ее горе; также было необходимо, чтобы она покрыла свое лицо румянами, чтобы скрыть бледность и следы месяца, проведенного в слезах. Какие муки она перенесла и как сильно, должно быть, оплакивала это возвышение, от которого ей ничего не оставалось, кроме необходимости скрывать свои чувства!

3 декабря их Величества отправились в Собор Парижской Богоматери, где было исполнено "Te Deum"; после чего императорский кортеж проследовал во дворец Законодательного корпуса, и открытие сессии состоялось с необычайной пышностью. Император занял свое место среди невыразимого энтузиазма, и никогда еще его появление не вызывало таких взрывов аплодисментов: даже императрица на мгновение повеселела и, казалось, наслаждалась этими доказательствами привязанности к тому, кто вскоре перестанет быть ее мужем; но когда он начал говорить, она снова погрузилась в свои мрачные размышления.

Было почти пять часов, когда кортеж вернулся в Тюильри, а императорский банкет должен был состояться в половине восьмого. Во время этого перерыва состоялся прием послов, после которого гости перешли в галерею Дианы.

Император устроил грандиозный обед в своем коронационном облачении и в шляпе с плюмажем, которую он не снимал ни на мгновение. Он съел больше, чем обычно, несмотря на душевное расстройство, в котором, казалось, пребывал, ежеминутно оглядываясь по сторонам и за спину, заставляя великого камергера постоянно наклоняться вперед, чтобы получить приказы, которых он не отдавал. Императрица сидела перед ним, великолепно одетая в расшитую мантию, сверкающую бриллиантами; но ее лицо выражало еще большее страдание, чем утром.

Справа от императора восседал король Саксонии в белом мундире с красными оторочками и воротником, богато расшитым серебром, с фальшивым кием огромной длины.

Рядом с королем Саксонии стоял король Вестфалии Жером Бонапарт в белой атласной тунике и поясе, украшенном жемчугом и бриллиантами, который доходил почти до его рук. Его шея была обнажена и бела, у него не было бакенбард и очень маленькой бородки; воротник из великолепных кружев ниспадал на плечи; а черная бархатная шапочка, украшенная белыми перьями, которая была самой элегантной в собрании, завершала этот костюм. Рядом с ним был король Вюртембергский с его огромным животом, который вынуждал его сидеть на некотором расстоянии от стола; и король Неаполитанский в столь великолепном костюме, что его можно было бы счесть почти экстравагантным, усыпанным крестами и звездами, который играл вилкой, не ест и не пьет.

Справа от императрицы сидели мадам Мер, королева Вестфалии, принцесса Боргезе и королева Гортензия, бледная, как императрица, но от печали ставшая только красивее, ее лицо в этот раз представляло разительный контраст с лицом принцессы Полины, которая никогда не выглядела в лучшем расположении духа. Принцесса Полина была одета чрезвычайно красиво, но это не подчеркивало очарования ее особы так сильно, как туалет королевы Голландии, который, хотя и был простым, был элегантным и полным вкуса.

На следующий день в Отель де Вилль был устроен великолепный праздник, на котором императрица проявила свою обычную грацию и доброе внимание. Это был последний раз, когда она появлялась на торжественных мероприятиях.

Через несколько дней после всех этих торжеств прибыл вице-король Италии Эжен де Богарне и узнал из уст самой императрицы об ужасной мере, которую обстоятельства должны были вот-вот сделать необходимой. Эта новость ошеломила его: взволнованный и отчаявшийся, он разыскал его величество и, словно не мог поверить в то, что только что услышал, спросил императора, правда ли, что вот-вот состоится развод. Император сделал утвердительный знак и с выражением глубокой скорби на лице протянул руку своему приемному сыну. "Сир, позволь мне оставить службу у тебя". "Что?" — "Да, сир; сын той, кто больше не императрица, не может оставаться вице-королем. Я хочу проводить мою мать в ее убежище и утешить ее". — "Ты хочешь покинуть меня, Юджин? Ты? Ах, вы не представляете, насколько велики причины, заставляющие меня следовать таким курсом. И если я получу этого сына, объект моих самых заветных желаний, этого сына, который так необходим мне, кто займет мое место рядом с ним, когда меня не будет? Кто будет ему отцом, когда я умру? Кто вырастит его и кто сделает из него мужчину?" Слезы наполнили глаза императора, когда он произносил эти слова; он снова взял Евгения за руку и, притянув его к себе, нежно обнял. Я не слышал продолжения этого интересного разговора.

Наконец настал роковой день; это было 16 декабря. Императорская семья была собрана в церемониальных костюмах, когда вошла императрица в простом белом платье, полностью лишенном украшений; она была бледна, но спокойна и опиралась на руку королевы Гортензии, которая была столь же бледна и гораздо более взволнована, чем ее августейшая мать. Принц де Богарне стоял рядом с императором и дрожал так сильно, что казалось, он вот-вот упадет. Когда императрица вошла, граф Рено де Сен-Жан д'Анжели зачитал акт о расторжении брака.

Это было услышано среди глубокой тишины, и глубочайшее беспокойство отразилось на каждом лице. Императрица казалась спокойнее, чем кто-либо другой в собравшихся, хотя слезы непрестанно текли из ее глаз. Она сидела в кресле посреди салона, облокотившись на стол, в то время как королева Гортензия стояла, всхлипывая, у нее за спиной. Чтение акта закончилось, императрица встала, вытерла глаза и почти твердым голосом произнесла слова согласия, затем села в кресло, взяла перо из рук господина Рено де Сен-Жан д'Анжели и подписала акт. Затем она удалилась, опираясь на руку королевы Гортензии; а принц Евгений в тот же момент попытался ретироваться через кабинет, но силы покинули его, и он упал без чувств между двумя дверями. Помощник министра немедленно поднял его и передал на попечение своего адъютанта, который уделял ему все внимание, которого требовало его печальное состояние.

Во время этой ужасной церемонии император не произнес ни слова, не сделал ни жеста, но стоял неподвижно, как статуя, с неподвижным, почти диким взглядом и весь день оставался молчаливым и мрачным. Вечером, когда он только что ушел, а я ожидал его последних распоряжений, дверь отворилась, и вошла императрица с растрепанными волосами и выражением сильного волнения на лице. Это зрелище привело меня в ужас. Жозефина (ибо теперь она была всего лишь Жозефиной) дрожащими шагами приблизилась к императору, а когда подошла к нему, остановилась и, плача самым душераздирающим образом, бросилась на кровать, обвила руками шею императора и расточала ему самые нежные ласки. Я не могу описать свои чувства. Император тоже заплакал, сел и прижал Жозефину к своему сердцу, сказав ей: "Ну же, моя добрая Жозефина, будь благоразумнее! Ну же, смелее, смелее; я всегда буду твоим другом". Подавленная своими рыданиями, императрица не могла ответить; и последовала немая сцена, в которой их слезы и рыдания слились воедино и сказали больше, чем могли бы сказать самые нежные выражения. Наконец его величество, очнувшись от этого минутного забытья, как от сна, заметил, что я здесь, и сказал мне сдавленным от слез голосом: "Уходи, Константин". Я повиновался и пошел в соседний салон; и час спустя Джозефина прошла мимо меня, все еще грустная и в слезах, и, проходя мимо, любезно кивнула мне. Затем я вернулся в спальню, чтобы, как обычно, выключить свет; император был тих как смерть и так закутан в простыни, что его лица не было видно.

На следующее утро, когда я вошла в комнату императора, он не упомянул об этом визите императрицы; но я нашла его страдающим и удрученным, и вздохи, которые он не мог подавить, вырывались из его груди. Он не произнес ни слова в течение всего времени, пока длился его туалет, и, как только он был завершен, вошел в свой кабинет. Это был день, когда Жозефина должна была уехать из Тюильри в Мальмезон, и все лица, не занятые своими обязанностями, собрались в вестибюле, чтобы еще раз увидеть эту свергнутую императрицу, за которой все сердца последовали в ее изгнании. Они смотрели на нее, не смея заговорить, когда появилась Жозефина, полностью закутанная в вуаль, одна рука ее покоилась на плече одной из ее фрейлин, а другая прижимала к глазам носовой платок. Раздался концерт невыразимых стенаний, когда эта обожаемая женщина пересекла короткое пространство, отделявшее ее от кареты, и вошла в нее, даже не взглянув на дворец, который она покидала — покидала навсегда; шторы были немедленно опущены, и лошади понеслись во весь опор.

ГЛАВА XXIV.

Женитьба императора на Марии Луизе стала первым шагом в новой карьере. Он льстил себя надеждой, что это будет так же великолепно, как то, что он только что завершил, но все должно было быть совсем иначе. Прежде чем перейти к изложению событий 1810 года, я приведу некоторые воспоминания, набросанные наугад, которые, хотя я и не могу назначить им точной даты, были, тем не менее, предшествующими периоду, которого мы сейчас достигли.

Императрица Жозефина долгое время ревновала к прекрасной мадам Газани, одной из своих читательниц, и относилась к ней холодно; и когда она пожаловалась императору, он поговорил с Жозефиной на эту тему и попросил ее проявлять больше уважения к своей читательнице, которая заслуживала этого из-за своей привязанности к особе императрицы, и добавил, что она ошибалась, полагая, что между мадам Газани и ним была наименьшая связь. Императрицу, не убедив это последнее заявление императора, тем не менее, она стала гораздо сердечнее относиться к мадам Газани, когда однажды утром император, который, очевидно, боялся, что прекрасная гётуэзка может получить над ней некоторое влияние, внезапно вошел в апартаменты императрицы и сказал ей: "Я не желаю больше видеть здесь мадам Газани; она должна вернуться в Италию". На этот раз добрая Джозефина встала на защиту своего читателя. Уже ходили слухи о разводе, и императрица заметила его величеству: "Вы хорошо знаете, мой друг, что лучший способ избавиться от присутствия мадам Газани - это позволить ей остаться со мной. Тогда позволь мне оставить ее у себя. Мы можем поплакать вместе; мы с ней хорошо понимаем друг друга.

С этого времени императрица стала близкой подругой мадам Газани, которая сопровождала ее в Мальмезон и Наварру. Что усилило добрые чувства императрицы к этой даме, так это то, что она считала ее огорченной непостоянством императора. Что касается меня, я всегда верил, что привязанность мадам Газани к императору была искренней, и ее гордость, должно быть, пострадала, когда ее уволили; но ей было нетрудно утешиться среди почтения и обожания, которые естественно окружали такую хорошенькую женщину.

Имя императрицы Жозефины вызывает в памяти два анекдота, которые мне рассказал сам император. Возмутительная расточительность в доме императрицы постоянно раздражала его, и он уволил нескольких мебельщиков, склонность которых злоупотреблять легковерием Жозефины у него было достаточно доказательств.

Однажды утром он вошел в апартаменты императрицы без предупреждения и обнаружил там нескольких дам, проводивших тайный туалетный совет, и знаменитую модистку, делавшую официальный отчет обо всех самых красивых и элегантных новинках. Она была одной из тех самых особ, которым император категорически запретил входить во дворец, и он не ожидал найти ее там. Тем не менее, он не выказал никакой вспышки гнева, и Джозефина, которая знала его лучше, чем кто-либо другой, была единственной, кто понял иронию его взгляда, когда он уходил, сказав: "Продолжайте, леди; извините, что побеспокоил вас". Модистка, весьма

удивленная тем, что ее не выставили грубо за дверь, поспешила ретироваться; но когда она дошла до последней ступеньки лестницы, ведущей в покои ее Величества Императрицы, она столкнулась с полицейским агентом, который как можно вежливее попросил ее сесть в кэб, ожидавший ее во дворе Карусели. Тщетно она уверяла, что предпочитает идти пешком; агент, получивший точные инструкции, схватил ее за руку таким образом, что она не могла ответить, и ей пришлось повиноваться и отправиться в этой неприятной компании в Бисетр.

Кто-то рассказал императору, что этот арест вызвал много разговоров в Париже и что его громко обвиняли в желании восстановить Бастилию; что многие люди посещали заключенного и выражали ему сочувствие, а перед тюрьмой постоянно стояла процессия экипажей.

Его величество не обратил на это никакого внимания, и его очень позабавил интерес, вызванный этой продавщицей головных уборов, как он ее называл. "Я позволю, - сказал его Величество по этому поводу, - болтать сплетням, которые считают делом чести разорять себя из-за безделушек; но я хочу, чтобы эта старая еврейка узнала, что я запер ее внутри, потому что она забыла, что я велел ей оставаться снаружи".

Другая знаменитая модистка также однажды вызвала удивление и гнев его величества замечаниями, которые никто во Франции, кроме этого человека, не осмелился бы высказать. Император, привыкший, как я уже говорил, проверять в конце каждого месяца счета своего семейства, счел счет модистки, о котором шла речь, непомерным и приказал мне вызвать его. Я послал за ним, и он явился менее чем через десять минут, и его ввели в апартаменты его Величества, когда он был занят своим туалетом. "Месье, - сказал император, не отрывая глаз от счета, - ваши цены смехотворны, более смехотворны, если это возможно, чем глупые, безмозглые люди, которые думают, что им нужны ваши товары. Сократите это до разумного количества, или я сделаю это сам". Торговец, державший в руке дубликат счета, начал объяснять статью за статью цену своего товара и завершил несколько длинное повествование легким удивлением, что общая сумма была не больше. Император, которого я одевал во время всей этой речи, едва мог сдерживать свое нетерпение; и я уже предвидел, что эта странная сцена закончится неприятно, когда модистка превысила меру своей уверенности, взяв на себя беспрецедентную смелость заметить его Величеству, что сумма, отпущенная на туалет ее Величества, недостаточна и что есть жены простых граждан, которые тратят больше этой суммы. Должен признаться, что при этой последней дерзости я задрожал за плечи этого неосторожного человека и с тревогой наблюдал за движениями императора. Тем не менее, к моему великому удивлению, он ограничился тем, что скомкал в руке счет дерзкой модистки и, скрестив руки на груди, сделал два шага к нему, произнес только это слово: "В самом деле!" - с таким акцентом и таким взглядом, что торговец бросился к двери и пустился наутек, не дожидаясь оплаты.

Императору не хотелось, чтобы я покидал замок, поскольку он хотел всегда иметь меня в пределах досягаемости, даже когда мои обязанности заканчивались и я не был ему нужен; и я думаю, что именно с этой целью задержать меня его Величество несколько раз поручал мне переписывать. Иногда император также желал, чтобы записи делались, пока он лежит в постели или принимает ванну, и говорил мне: "Констант, возьми перо и пиши"; но я всегда отказывался и шел звать г-на де Меневалю. Я уже говорил, что несчастья Революции сделали мое образование более несовершенным, чем оно должно было быть; но даже если бы оно было настолько хорошим, насколько оно несовершенно, я сильно сомневаюсь, что я когда-либо смог бы писать

под диктовку императора. Занимать эту должность было нелегко, и требовалось, чтобы человек хорошо к ней привык, потому что он говорил быстро, на одном дыхании, не делал пауз и проявлял нетерпение, когда приходилось повторять.

Чтобы всегда иметь меня под рукой, император разрешил мне охотиться в парке Сен-Клу и был достаточно любезен, чтобы заметить, что, поскольку я очень люблю охоту, предоставив мне эту привилегию, он был очень рад совместить мое удовольствие с потребностью во мне. Я был единственным человеком, которому было дано разрешение охотиться в парке. В то же время император подарил мне красивое двустольное ружье, которое было подарено ему в Льеже и которым я владею до сих пор. Сам Его величество не любил двустолки и предпочитал простые, маленькие ружья, принадлежавшие Людовику XVI и над которыми этот монарх, который был превосходным оружейником, работал, как говорят, собственными руками.

Вид этих пушек часто заставлял императора говорить о Людовике XVI, чего он никогда не делал, кроме как с уважением и жалостью. "Этот несчастный принц, - сказал император, - был добрым, мудрым и образованным. В другое время он был бы превосходным королем, но во времена революции он ничего не стоил. Ему не хватало решимости и твердости, и он не мог противостоять ни глупости, ни наглости якобинцев. Придворные выдали его якобинцам, и те повели его на эшафот. На его месте я бы вскочил на лошадь и, сделав несколько уступок с одной стороны и несколько щелчков кнутом с другой, навел бы порядок".

Когда дипломатический корпус приезжал засвидетельствовать свое почтение императору в Сен-Клу (такой же обычай был в ходу в Тюильри), чай, кофе, шоколад или все, что эти джентльмены просили, подавали в салоне послов. Месье Колин, стюард-контролер, присутствовал при этом угощении, которое подавала прислуга.

В Сен-Клу были апартаменты, которые императору очень нравились; они выходили на красивую каштановую аллею в частном парке, где он мог гулять в любое время суток, оставаясь незамеченным. Эта квартира была увешана портретами всех принцесс императорской семьи в полный рост и называлась семейным салоном. Их Высочества были изображены стоящими в окружении своих детей; королева Вестфалии была только сидящей. Как я уже говорил, у нее был очень красивый бюст, но в остальном ее фигура была некрасива. Ее Величество королева Неаполя была изображена со своими четырьмя детьми; королева Гортензия только с одним, старшим из ее живых сыновей; королева Испании с двумя дочерьми; принцесса Элиза со своими дочерьми, одетая как мальчик; вице-королева одна, у которой на момент создания этого портрета не было ребенка; принцесса Полина тоже была одна.

Театр и охота были моими главными развлечениями в Сен-Клу. Во время моего пребывания в этом замке меня навел дальний родственник, которого я не видел много лет. Все, что он слышал о роскоши, окружавшей императора, и великолепии двора, живо возбудило его любопытство, которое я с удовольствием удовлетворял; и он приходил в изумление на каждом шагу. Однажды вечером, когда в замке шел спектакль, я пригласил его в свою ложу, находившуюся рядом с партером; и вид, открывавшийся из заполненного зала, так восхитил моего кузена, что я был вынужден назвать каждого персонажа, чтобы удовлетворить его ненасытное любопытство, которое интересовало их всех подряд, одного за другим. Это было незадолго до женитьбы императора на эрцгерцогине Австрийской, и двор был более блестящим, чем когда-либо. Я последовательно показывал моему кузену их Величества, короля и королеву Вестфалии, короля и королеву Неаполя, королеву Голландии, короля Баварии, их

Высочества великую герцогиню Тосканскую, принца и принцессу Боргезе, принцессу Баденскую, великого герцога Вюрцбургского и т.д., Помимо многочисленных сановников, принцев, маршалов, послов и т.д., которыми был заполнен зал. Мой кузен был в экстазе и считал, что стал по меньшей мере на фут выше оттого, что находился посреди этой раззолоченной толпы, и поэтому не обращал внимания на пьесу, гораздо больше интересуясь интерьером зала; и когда мы вышли из театра, не смог сказать мне, какая пьеса была сыграна. Его энтузиазм, однако, не завел его настолько далеко, чтобы заставить забыть невероятные истории, которые ему рассказывали о столичных карманниках, и рекомендации, которые были даны ему по этому поводу. На прогулках в театре, на любом сборище, мой кузен с трепетной заботой следил за своим кошельком, часами и носовым платком; и эта привычная осмотрительность не покинула его даже в придворном театре, ибо как раз в тот момент, когда мы выходили из нашей ложи, чтобы смешаться с блестящей толпой, которая выходила из партера и спускалась из лож, он сказал мне с величайшим хладнокровием, прикрывая рукой цепочку и наручные часы: "В конце концов, не мешало бы принять меры предосторожности; здесь не всех знаешь".

Во время своей женитьбы император был более чем когда-либо завален прошениями и удовлетворил, как я расскажу дальше, большое количество помилований и прошений.

Все петиции, отправляемые императору, передавались им дежурному адъютанту, который относил их в кабинет его Величества и получал приказ доложить о них на следующий день; и даже не десять раз я находил какие-либо петиции в карманах его Величества, хотя я всегда тщательно их изучал, и даже эти редкие случаи были вызваны тем фактом, что при их представлении императору рядом с ним не было адъютанта. Таким образом, неправда, как так часто говорилось и писалось, что император клал в личный карман, который назывался "хорошим карманом", прошения, которые он хотел удовлетворить, даже не рассматривая их. Все петиции, которые этого заслуживали, получали ответ, и я помню, что я лично подарил большое их количество его Величеству; он не клал их в карман, и почти в каждом случае я имел счастье видеть их удовлетворенными. Я должен, однако, сделать исключение из некоторых, которые я представил для братьев Серф-Бер, которые требовали оплаты за снабжение армий республики; ибо по отношению к ним император всегда был неумолим. Мне сказали, что это произошло потому, что господа Серф-Бер отказали генералу Бонапарту в определенной сумме, которая была ему необходима во время кампании в Италии.

Эти джентльмены глубоко заинтересовали меня в их деле; и я несколько раз представлял их прошение его Величеству, и, несмотря на то, что я старался передавать его в руки его Величества только тогда, когда он был в хорошем настроении, я не получил ответа. Тем не менее я продолжал подавать прошение, хотя и понимал, что, когда император мельком видел его, он всегда приходил в ярость; и наконец однажды утром, когда его туалет был завершен, я, как обычно, вручил ему перчатки, носовой платок и табакерку и снова приложил к ним эту злополучную бумагу. Его Величество прошел в свой кабинет, а я остался в комнате, занимаясь своими обязанностями, и, пока был занят ими, увидел, как император вернулся с бумагой в руке. Он сказал мне: "Ну же, Констант, прочти это; ты увидишь, что ошибаешься, и правительство ничем не обязано братьям Серф-Бер; так что ничего больше не говори мне об этом; они обычные арабы". Я бросил взгляд на газету и послушно прочел несколько слов; и хотя я почти ничего из них не понял, с этого момента я был уверен, что требование этих джентльменов никогда не будет выплачено. Я был опечален этим и, зная их разочарование, предложил им

свои услуги, от которых они отказались. Братья Серф-Бер, несмотря на отсутствие у меня успеха, были убеждены в том рвении, которое я проявил в их служении, и тепло поблагодарили меня. Каждый раз, когда я обращался с петицией к императору, я встречался с г-ном де Меневалем, которого умолял заняться этим делом. Он был очень любезен и имел доброту сообщить мне, могут ли мои требования иметь успех; и он сказал мне, что что касается братьев Серф-Бер, то он не думает, что император когда-либо выплатит им компенсацию.

Фактически, эта семья, когда-то богатая, но потерявшая огромное наследство из-за авансов Директории, так и не получила никаких гарантий по этим претензиям, которые были доверены человеку очень честному, но слишком склонному оправдывать данное ему имя.

Мадам Теодора Серф-Бер по моему приглашению несколько раз приезжала со своими детьми в Рамбуйе и Сен-Клу, чтобы умолять императора поступить с ней справедливо. Эта почтенная мать семейства, которую ничто не могло смутить, снова появилась со старшей из своих дочерей в Компьене. Она поджидала императора в лесу и, бросившись в гущу лошадей, сумела вручить ему свое прошение; но каков был результат на этот раз? Едва мадам и мадемуазель Серф-Бер вернулись в отель, где они остановились, как явился офицер тайной полиции и попросил их сопровождать его. Он усадил их в убогую телегу, набитую соломой, и отвез под конвоем двух жандармов в префектуру полиции Парижа, где их заставили подписать обязательство никогда больше не представлять перед императором, и на этом условии им была возвращена свобода.

Примерно в это же время произошел случай, в котором я добился большего успеха. Генерал Лемарруа, один из старейших адъютантов его Величества, солдат хорошо известной храбрости, покоривший все сердца своими превосходными качествами, был на некоторое время в немилости у императора и несколько раз пытался добиться аудиенции у него; но то ли потому, что просьба не была доведена до сведения его Величества, то ли потому, что он не хотел отвечать, г-н Лемарруа не получил ответа. Чтобы уладить этот вопрос, ему пришла в голову мысль обратиться ко мне с просьбой представить его прошение в подходящий момент. Я сделал это и имел счастье добиться успеха; и в результате мсье Лемарруа добился аудиенции с такими приятными результатами, что вскоре после этого он получил пост губернатора Магдебурга.

Император был рассеян и часто забывал, куда положил врученные ему прошения, и поэтому они иногда оставались в его сюртуке, и когда я находил их там, я относит их в кабинет его Величества и вручал г-ну де Меневалю или г-ну Фейну; и часто также бумаги, за которыми он охотился, находили в покоях императрицы. Иногда император давал мне бумаги, чтобы я убрал их, и я складывал их в шкатулку, ключ от которой был только у меня. Однажды в личных покоях поднялся большой переполох из-за бумаги, которую не могли найти. Таковы были обстоятельства:

Рядом с кабинетом императора находилась небольшая комната, в которой находились секретари, обставленная письменным столом, на который часто клали записки или петиции. Эту комнату обычно занимал секретарь кабинета министров, и император имел обыкновение входить в нее, если хотел провести приватную беседу так, чтобы ее не подслушали секретари. Когда император входил в эту комнату, привратник удалялся и оставался за дверью; он отвечал за все в этой комнате, которая никогда не открывалась, кроме как по прямому приказу его Величества.

Маршал Бессьер за несколько дней до этого представил императору просьбу полковника армии о повышении в должности, которую тот горячо поддержал. Однажды утром маршал вошел в маленькую комнату, о которой я только что говорил, и, обнаружив, что его петиция, уже подписанная, лежит на столе, он унес ее, не будучи замеченным дежурившим дядей моей жены. Несколько часов спустя император пожелал еще раз рассмотреть это прошение и был совершенно уверен, что оставил его в этой маленькой комнате; но его там не оказалось, и было высказано предположение, что привратник, должно быть, позволил кому-то войти без приказа его Величества. Обыск был произведен повсюду - и в этой комнате, и в кабинете императора, и даже в апартаментах императрицы, и, наконец, пришлось объявить его Величеству, что обыск был напрасен; после чего император поддался одному из тех приступов гнева, которые были столь ужасны, хотя, к счастью, и столь редки, что повергли в ужас весь замок, и бедный швейцар получил приказ никогда больше не показываться ему на глаза. Наконец маршал Бессьер, узнав об этом ужасном переполохе, пришел обвинять самого себя. Император был умиротворен, пристав восстановил благосклонность, и все было забыто; хотя каждый из них был более чем когда-либо осторожен, чтобы ничего не было потревожено и чтобы император мог найти на кончике своего пальца любые бумаги, которые ему понадобятся.

Император не позволял никого вводить без его разрешения ни в покои императрицы, ни в свои собственные; и это была единственная вина, за которую придворные не могли рассчитывать на прощение. Однажды, я точно не помню когда, жена одного из швейцарских гвардейцев позволила одному из своих любовников войти в апартаменты императрицы; и эта несчастная женщина без ведома своей неосторожной хозяйки сделала мягким воском оттиск ключа от шкатулки с драгоценностями, которая, как я уже упоминал, принадлежала королеве Марии-Антуанетте, и с помощью фальшивого ключа, сделанного по этому оттиску, сумела украсть несколько ювелирных изделий. Полиция вскоре обнаружила исполнителя ограбления, который был наказан по заслугам, хотя был наказан и другой человек, который этого не заслуживал, потому что бедный муж потерял свое место.

ГЛАВА XXV

После своего развода с императрицей Жозефиной император казался очень озабоченным; и поскольку было известно, что он подумывает о повторной женитьбе, все лица в замке и на службе его Величества были очень обеспокоены этим браком, хотя все наши предположения относительно принцессы, которой суждено разделить императорскую корону, оказались неверными. Одни говорили о русской принцессе, другие говорили, что император женится только на француженке, но никто не думал об австрийской эрцгерцогине. Когда вопрос о браке был решен, при дворе не говорили ни о чем, кроме молодости, изящества и врожденной доброты новой императрицы. Император был очень весел и уделял больше внимания своему туалету, отдав мне приказ обновить его гардероб и заказать более подходящие пальто, сшитые

в более современном стиле. Император также позировал для своего портрета, который принц де Невшатель поднес Марии Луизе; и в то же время император получил портрет своей молодой жены, который, казалось, привел его в восторг.

Император, чтобы завоевать расположение Марии Луизы, совершил больше недостойных поступков, чем когда-либо делал для какой-либо женщины. Например, однажды, когда он был наедине с королевой Гортензией и принцессой Стефанией, последняя озорно спросила его, умеет ли он танцевать вальс; и его величество ответил, что он так и не смог пройти дальше первого урока, потому что после двух или трех поворотов у него так закружилась голова, что он был вынужден остановиться. "Когда я учился в военной школе, - добавил император, - я снова и снова пытался преодолеть головокружение, вызванное вальсированием, но у меня ничего не получалось. Наш учитель танцев посоветовал нам, когда мы учились вальсировать, брать в руки стул вместо дамы, и я ни разу не упала вместе со стулом, который сжимала с такой любовью, что он сломался; и таким образом стулья в моей комнате и в комнате двух или трех моих спутников были разбиты один за другим". Эта история, рассказанная его величеством в самой оживленной и забавной манере, вызвала взрывы смеха у двух принцесс.

Когда это веселье несколько утихло, принцесса Стефания вернулась к делу, сказав: "Действительно жаль, что ваше величество не умеет танцевать вальс, потому что немцы без ума от вальса, и императрица, естественно, разделит вкус своих соотечественников; у нее не может быть партнера, кроме императора, и, таким образом, она будет лишена большого удовольствия по вине вашего величества". — "Вы правы!" - ответил император. - "Что ж, дайте мне урок, и вы увидите образец моего мастерства". После чего он встал, сделал несколько оборотов с принцессой Стефанией, напевая мелодию королевы Пруссии; но ему удалось сделать не более двух-трех оборотов, и даже это он сделал так неловко, что это еще больше развеселило этих дам. Тогда принцесса Баденская остановилась и сказала: "Сир, этого вполне достаточно, чтобы убедить меня в том, что вы никогда не будете никем иным, как бедной ученицей. Ты был создан для того, чтобы давать уроки, а не принимать их."

В начале марта принц де Невшатель отправился в Вену с поручением официально просить руки императрицы. Эрцгерцог Карл, как доверенное лицо императора, женился на эрцгерцогине Марии Луизе, и она немедленно отправилась во Францию, в маленький городок Браннан, расположенный на границе Австрии и Баварии, который был назначен местом, где ее Величество должна была перейти на попечение французской свиты. Дорога из Страсбурга вскоре заполнилась экипажами, направлявшимися в Браннан. двор новой императрицы. Большинство этих дам перешли из дома императрицы Жозефины в дом Марии Луизы.

Император пожелал лично убедиться, достойны ли приданое и свадебные подарки, предназначенные для его новой жены, его и ее, поэтому вся одежда и белье были доставлены в Тюильри, разложены перед ним и упакованы на его глазах. Хороший вкус и элегантность каждого изделия можно было сравнить только с богатством материалов. Парижские мебельщики и модистки работали по образцам, присланным из Вены; и когда эти модели были представлены императору, он взял одну из туфель, которые были удивительно малы, и ударил меня ею по щеке в виде ласки. "Смотри, Констант, - сказал его Величество, - это обувь хорошего предзнаменования. Ты когда-нибудь видел такую ногу? Это сделано для того, чтобы держать в руке".

Ее величество королева Неаполитанская была послана императором в Браннан для встречи императрицы. Королева Каролина, о которой император однажды сказал, что она была мужчиной среди своих сестер, как принц Жозеф был женщиной среди своих братьев, как говорят, ошибочно приняла робость Марии Луизы за слабость и думала, что ей стоит только заговорить, и ее юная невестка поспешит повиноваться. По прибытии в Браннан был торжественно совершен формальный перевод, и императрица попрощалась со всем своим австрийским двором, оставив у себя на службе только свою первую фрейлину мадам де Лаянски, которая вырастила ее и никогда не отлучалась от нее. Этикет требовал, чтобы дом императрицы был полностью французским, и приказы императора были очень точными в этом отношении; но я не знаю, верно ли, как уже было сказано, что императрица потребовала и получила от императора разрешение оставить у себя в течение года эту почетную даму. Как бы то ни было, королева Неаполя сочла, что в ее интересах устранить особу, влияния которой на умы императрицы она так сильно опасалась; и поскольку придворные дамы ее Императорского Величества сами стремились избавиться от соперничества мадам де Лаянски и пытались еще больше возбудить ревность ее Императорского высочества, от императора потребовали положительного приказа, и мадам де Лаянски была отправлена обратно из Мюнхена в Вену. Императрица повиновалась без жалоб, но, зная, кто нанес удар, затаила глубокую обиду на ее величество королеву Неаполя. Императрица путешествовала небольшими переездами, и в каждом городе, через который она проезжала, ее встречали празднества. Каждый день император собственноручно присылал ей письмо, и она регулярно отвечала. Первые письма императрицы были очень короткими и, вероятно, холодными, поскольку император ничего о них не говорил; но впоследствии они становились длиннее и постепенно становились более нежными, и император читал их в порыве восторга, ожидая прибытия этих писем с нетерпением двадцатилетнего влюбленного и всегда говоря, что курьеры путешествовали медленно, хотя у них и ломались лошади.

Однажды император вернулся с охоты, держа в руках двух фазанов, которых он собственноручно убил, а за ним следовали лакеи, несущие в руках редчайшие цветы из оранжереи Сен-Клу. Он написал записку и тут же написал своему первому пажу: "Через десять минут будьте готовы сесть в свой вагон. Вы найдете там этот пакет, который вы собственноручно передадите ее Величеству императрице вместе с сопроводительным письмом. Прежде всего не жалейте лошадей; поезжайте как можно быстрее и ничего не бойтесь. Герцог Виченцкий вам ничего не скажет. Молодой человек не желал ничего лучшего, как повиноваться его величеству; и, уверенный в этой власти, которая давала ему полную свободу, он не пожалел денег на выпивку для почтальонов и за двадцать четыре часа добрался до Страсбурга и передал свое послание.

Я не знаю, получил ли он выговор от главного конюшего по возвращении; но если бы для этого была какая-либо причина, последний не преминул бы наградить его, несмотря на заверения императора первому пажу. Герцог Виченцкий организовал и содержал в замечательном порядке службу в конюшнях, где ничто не делалось иначе, как по его воле, которая была абсолютной; и только с величайшим трудом сам император мог изменить приказ, отданный главным конюшим. Например, однажды его величество был на пути в Фонтенбло и, очень желая поскорее прибыть, приказал всаднику, регулировавшему аллюр лошадей, ехать быстрее. Этот приказ он передал герцогу Виченцкому, чья карета ехала впереди кареты императора; и, обнаружив, что главный конюший не обратил внимания на этот приказ, император начал ругаться и крикнул всаднику через дверь: "Пропустите мою карету вперед, поскольку те, кто

впереди, не поедут дальше". Всадники и фореиторы уже собирались выполнить этот маневр, когда главный конюший тоже высунул голову из двери и воскликнул: "Переходите на рысь, первого человека, который примчится галопом, я уволю по прибытии". Было хорошо известно, что он сдержит свое слово, поэтому никто не осмеливался проехать мимо, и его экипаж продолжал регулировать темп остальных. Прибыв в Фонтенбло, император потребовал от герцога Виченцы объяснений своего поведения. "Сир, - ответил герцог его величеству, - когда вы дадите мне большую сумму на содержание конюшен, вы сможете забивать своих лошадей в свое удовольствие".

Император ежеминутно проклинал церемонии и празднества, из-за которых задерживался приезд его молодой жены. Недалеко от Суассона был разбит лагерь для приема императрицы. Император сейчас находился в Компьене, где издал указ, содержащий несколько пунктов о льготах и индульгенциях по случаю его женитьбы, освобождающий многих осужденных, дающий императорское приданое за шесть тысяч солдат, амнистию, повышение по службе и т.д. Наконец его величество узнал, что императрица находится не более чем в десяти лье от Суассона, и, не в силах больше сдерживать свое нетерпение, изо всех сил позвал меня: "Ого-го, Констант! закажите экипаж без livree и придите переодеть меня". Император хотел удивить императрицу и представиться ей без объявления; и безмерно смеялся над эффектом, который это произвело бы. Он позаботился о своем туалете с еще большей тщательностью, чем обычно, если это было возможно, и с кокетством славы облачился в серый редингот, который носил в Ваграме; и, одетый таким образом, император сел в карету вместе с королем Неаполя. Обстоятельства этой первой встречи их Императорских Величеств хорошо известны.

В маленькой деревушке Курсель император встретил последнего курьера, который лишь на несколько мгновений опередил экипажи императрицы; и поскольку шел проливной дождь, его величество укрылся на паперти деревенской церкви. Когда карета императрицы проезжала мимо, император сделал знак фореиторам остановиться; и конюший, стоявший у дверей императрицы, заметив императора, поспешно опустил подножку и доложил о прибытии его Величества, который, несколько раздосадованный этим, воскликнул: "Разве вы не видели, что я делал вам знаки молчать?" Это легкое недовольство, однако, мгновенно прошло, и император бросился на шею Марии Луизе, которая, держа в руке портрет своего мужа и внимательно посмотрев сначала на него, потом на него самого, заметила с очаровательной улыбкой: "Это не польстило". В Суассоне для императрицы и ее кортежа был приготовлен великолепный ужин, но император приказал проехать дальше и доехал до Компьеня, не обращая внимания на аппетиты офицеров и дам из свиты императрицы.

ГЛАВА XXVI.

По прибытии их Величеств в Компьень император подал руку императрице и проводил ее в ее апартаменты. Он желал, чтобы никто не приближался к его молодой жене и не прикасался к ней

в его присутствии; и его ревность по этому поводу была настолько сильной, что он сам запретил сенатору де Богарне, кавалеру ордена почета императрицы, подавать руку ее Императорскому Величеству, хотя это было одним из требований его положения. Согласно программе, император должен был занять резиденцию, отличную от императрицы, и переночевать в гостинице канцелярии; но он ничего подобного не сделал, поскольку после долгого разговора с императрицей вернулся в свою комнату, разделся, надушился одеколоном и, надев только ночную рубашку, тайно вернулся к императрице.

На следующее утро император спросил меня во время своего туалета, заметил ли кто-нибудь изменения, внесенные им в программу; и я ответил, что, по-моему, нет, хотя и рискую солгать. Как раз в этот момент вошел один из близких друзей его Величества, который не был женат, и его Величество, потянув его за уши, сказал: "Мой дорогой друг, женись на немке. Это самые лучшие жены в мире: нежные, добрые, бесхитростные и свежие, как розы". По тому удовлетворенному виду, с которым император произнес это, было легко понять, что он пишет портрет, и прошло совсем немного времени с тех пор, как художник расстался с моделью. Приведя себя в порядок, император вернулся к императрице, и ближе к полудню для нее и для него был подан завтрак, который фрейлины ее Величества подали у постели. В течение всего дня он пребывал в состоянии очаровательной веселости и, вопреки своему обычаю, совершив второй туалет к обеду, надел сюртук, сшитый портным неаполитанского короля; но на следующий день он не позволил надеть его снова, сказав, что это слишком неудобно.

Император, как видно из приведенных выше подробностей, очень нежно любил свою новую жену. Он оказывал ей постоянное внимание, и все его поведение было поведением глубоко влюбленного любовника. Тем не менее, это неправда, как кто-то сказал, что он почти три месяца не работал, к великому удивлению своих министров; ибо работа была не только обязанностью императора, это была и необходимость, и удовольствие, от которого никакое другое удовольствие, каким бы большим оно ни было, не могло отвлечь его; и в этом случае, как и в любом другом, он прекрасно знал, как совместить обязанности, которые он нес перед своей империей и своей армией, с обязанностями по отношению к своей очаровательной жене.

Императрице Марии Луизе было всего девятнадцать лет на момент ее замужества. У нее были светлые волосы, выразительные голубые глаза, благородная осанка и поразительная фигура, в то время как ее руки и ноги могли бы служить образцами; на самом деле, вся ее фигура дышала молодостью, здоровьем и свежестью. Она была застенчива и сохраняла надменную сдержанность по отношению ко двору; но говорили, что в частной жизни она была нежной и дружелюбной, и один факт, который я могу утверждать положительно, заключается в том, что она была очень привязана к императору и покорна его воле. Во время их первой беседы император спросил ее, какие рекомендации были даны ей при отъезде из Вены. "Быть всецело преданной вам и повиноваться вам во всем", - эти инструкции, казалось, ей было нетрудно выполнить.

Никто не мог походить на первую императрицу меньше, чем вторая, и, за исключением двух моментов сходства темпераментов и крайнего уважения к императору, одна была полной противоположностью другой; и, надо признать, император поздравлял себя с этим отличием, в котором находил и новизну, и очарование. Сам он провел параллель между двумя своими женами в следующих выражениях: "Одна [Жозефина] была воплощением искусства и грации; другая [Мария Луиза] - невинности и естественной простоты. Ни в один момент ее жизни

манеры или привычки первой не отличались от приятных и привлекательных, и было бы невозможно поставить ее в невыгодное положение по этим пунктам; ибо ее особой целью в жизни было производить только благоприятное впечатление, и она добилась своей цели, не показав своих усилий. Все, что искусство может дать в дополнение к аттракционам, практиковалось ею, но так искусно, что о существовании этого обмана можно было только подозревать. Напротив, второй никогда не приходило в голову, что она может чего-то добиться невинными уловками. Первая всегда испытывала искушение исказить правду, и ее первая эмоция была негативной. Другая не знала притворства, и всякий обман был ей чужд. Первая никогда ни о чем не просила, но была везде обязана. Вторая, не колеблясь, спрашивала, не нужно ли ей чего-нибудь, что случалось очень редко, и никогда ничего не покупала, не чувствуя себя обязанной заплатить за это немедленно. Подводя итог, можно сказать, что обе были хорошими, нежными женами и очень привязаны к своему мужу ". Таковы или почти таковы были выражения, в которых император отзывался о своих императрицах. Можно видеть, что он провел сравнение в пользу второй; и с этой мыслью он приписал ей качества, которыми она не обладала, или, по крайней мере, сильно преувеличил те, которые действительно ей принадлежали.

Император пожаловал Марии Луизе 500 000 франков на ее туалет, но она так и не потратила всю сумму. У нее не было особого вкуса в одежде, и она выглядела бы очень неэлегантно, если бы ее не предупредили. Император присутствовал при ее туалете в те дни, когда хотел, чтобы она выглядела особенно хорошо, и сам пробовал различные украшения на голове, шее и руках императрицы, всегда выбирая что-нибудь очень красивое. Император был превосходным мужем, что он доказал на примере обеих своих жен. Он обожал своего сына и как отец и как муж мог бы служить образцом для всех своих подданных; и все же, несмотря на то, что он сам говорил по этому поводу, я не думаю, что он любил Марию Луизу с такой же преданностью, как Жозефину. Последняя обладала очаровательной грацией, добротой, умом и преданностью своему мужу, которые император знал и ценил по достоинству; и хотя Мария Луиза была моложе, она была более холодной и обладала гораздо меньшим изяществом манер. Я думаю, что она была очень привязана к своему мужу, но она была сдержанной и немногословной и ни в коем случае не занимала места Джозефины среди тех, кто наслаждался счастьем находиться рядом с последним.

Несмотря на кажущуюся покорность, с которой она попрощалась со своим австрийским семейством, несомненно, что у нее были сильные предубеждения не только против своего собственного семейства, но и против семьи императора, и она никогда не сказала ни одного милостивого слова в адрес лиц, находившихся на личной службе императора. Я часто видел ее, но ни одна улыбка, ни один взгляд, ни один знак со стороны императрицы не показали мне, что я был в ее глазах кем-то большим, чем незнакомец. По возвращении из России, куда я прибыл только после приезда императора, я, не теряя времени, вошел в его комнату, зная, что он уже спрашивал обо мне, и застал там его Величество с императрицей и королевой Гортензией. Император выразил мне соболезнования по поводу недавно перенесенных мною страданий и сказал много лестных слов, которые доказывали его высокое мнение обо мне; а королева с той очаровательной грацией, единственным образцом которой она является после смерти своей августейшей матери, некоторое время беседовала со мной в самой любезной манере. Одна императрица хранила молчание; и, заметив это, император сказал ей: "Луиза, тебе нечего сказать бедному Константу?" — "Я его не заметила", - сказала императрица. Этот ответ был

крайне недобрым, поскольку ее величество не могла не "заметить" меня, поскольку в тот момент в комнате присутствовали только император, королева Гортензия и я.

Император с самого начала принял строжайшие меры предосторожности, чтобы никто, и особенно мужчины, не приближались к императрице иначе, как в присутствии свидетелей.

Во времена императрицы Жозефины было четыре дамы, единственной обязанностью которых было объявлять о лицах, принимаемых ее Величеством. Чрезмерная снисходительность Жозефины помешала ей подавить ревнивые притязания некоторых особ из ее окружения, что привело к бесконечным спорам и соперничеству между придворными дамами и придворными дамами. Император был очень раздосадован всеми этими препирательствами и, чтобы избежать их в будущем, выбрал из дам, отвечавших за воспитание дочерей ордена Почетного легиона в школе в Руане, четырех новых придворных дам для императрицы Марии Луизы. Сначала предпочтение отдавалось дочерям или вдовам генералов, и император решил, что освободившиеся места по праву принадлежат лучшим ученицам императорской школы в Руане и должны быть предоставлены в награду за хорошее поведение. Вскоре после этого, когда число этих дам достигло шести, были названы две ученицы мадам де Кампан, и эти дамы сменили свои титулы на титулы первых фрейлин императрицы.

Это изменение, однако, вызвало неудовольствие придворных дам и снова вызвало их шум вокруг императора; и, следовательно, он решил, что придворные дамы должны принять титул первых придворных дам. Большой шум поднялся среди придворных дам, которые, в свою очередь, лично явились отстаивать свое дело перед императором; и он, наконец, завершил дело, присвоив им титул чтецов императрицы, чтобы примирить требования двух воюющих сторон.

Эти придворные дамы, или первые камеристки, или чтецы, как читателю будет угодно называть их, имели в своем подчинении шесть камеристок, которые входили в покои императрицы только по вызову колокольчика. Эти последние по утрам приводили в порядок туалет и прическу ее величества, а шесть первых леди не принимали никакого участия в ее туалете, за исключением ухода за бриллиантами, за которыми они особо следили. Их главным и почти единственным занятием было следовать по пятам за императрицей, от которой они отходили не более чем тенью, входя в ее комнату до того, как она вставала, и не покидая ее до тех пор, пока она не ложилась спать. Затем все двери, ведущие в ее комнату, были закрыты, за исключением той, что вела в соседнюю комнату, где стояла кровать дежурной дамы и через которую, чтобы войти в комнату своей жены, должен был пройти сам император.

За исключением г-на де Меневалю, секретаря распоряжений императрицы, и г-на Баллухаи, управляющего расходами, ни один мужчина не был допущен в личные апартаменты императрицы без приказа императора; и даже дамы, за исключением фрейлины и дамы одежды, были приняты только после предварительной договоренности с императрицей. Дамы из личных покоев были обязаны соблюдать эти правила и несли ответственность за их исполнение; и одна из них должна была присутствовать на уроках музыки, рисования и вышивания у императрицы и писать письма под ее диктовку или по ее приказу.

Император не желал, чтобы какой-либо мужчина в мире хвастался тем, что пробыл наедине с императрицей две минуты; и он очень строго отчитал дежурную даму за то, что она однажды осталась в конце салона, пока месье Биенне, придворный часовщик, показывал ее Величеству

потайной ящик в портфеле, который он сделал для нее. В другой раз император был очень недоволен тем, что дежурная дама не сидела рядом с императрицей, когда та брала урок музыки у месье Пьера.

Эти факты убедительно доказывают ложность утверждения о том, что модистка Леруа была исключена из дворца за того, что взяла на себя смелость сказать ее Величеству, что у нее красивые плечи. Платья императрицы были сшиты в его магазине по присланной ему модели; и они никогда не примерялись на ее Величестве ни им, ни кем-либо из приближенных ее Величества, а необходимые изменения указывались ее камеристками. То же самое было и с другими торговцами мебелью, изготовителями корсетов, сапожниками, перчаточниками и т.д.; ни один из них никогда не видел императрицу и не разговаривал с ней в ее личных покоях.

ГЛАВА XXVII.

Гражданский брак их Величеств был отпразднован в Сен-Клу в воскресенье, 1 апреля, в два часа дня. Религиозная церемония была проведена на следующий день в большой галерее Лувра. Весьма необычным обстоятельством в этой связи был тот факт, что в воскресенье днем в Сен-Клу стояла прекрасная погода, в то время как улицы Парижа были залиты сильным ливнем, продолжавшимся некоторое время, а в понедельник в Сен-Клу шел дождь, в то время как погода в Париже была великолепной, как будто судьба распорядилась, чтобы ничто не уменьшало великолепия кортежа или яркости чудесной иллюминации того вечера. "Звезда Императора, - сказал кто-то на языке того времени, - дважды переносила его над равноденственными ветрами".

В понедельник вечером город Париж представил сцену, которая могла бы быть взята из "царств очарования": иллюминация была самой яркой, которую я когда-либо видел, образуя череду волшебных панорам, в которых дома, отели, дворцы и церкви сияли ослепительным великолепием, сверкающие башни церквей казались звездами и кометами, зависшими в воздухе. Отели великих сановников империи, министров, послов Австрии и России, а также герцога д'Абрантеса соперничали друг с другом во вкусе и красоте. Площадь Людовика XV. это было похоже на сцену из волшебной страны; из центра этого Места, окруженного горящими апельсиновыми деревьями, взгляд последовательно привлекали великолепные украшения Елисейских полей, Гвардии Мебле, Храма Славы, Тюильри и Законодательного корпуса. Дворец последнего представлял собой Храм Гименея, а прозрачные пленки на фасаде изображали Мир, объединяющий августейших супругов. Рядом с ними стояли две фигуры со щитами, на которых были изображены гербы двух империй; а за этой группой шли магистраты, воины и люди, вручавшие короны. На двух концах прозрачных пленок были изображены Сена и Дунай в окружении детей - образ плодородия. Двенадцать колонн перистиля и лестница были подсвечены; колонны были соединены гирляндами разноцветных огней, статуи в перистиле и на ступенях также горели. Мост Людовика XV, по которому можно было попасть в этот храм

Гименея, сам по себе образовывал аллею, двойные ряды фонарей, обелиски и более сотни колонн, каждая из которых увенчана звездой и соединена спиральными гирляндами разноцветных огней, производили впечатление настолько яркое, что это было почти невыносимо невооруженным глазом. Купол собора Святой Женевиевы также был великолепно освещен, и каждая сторона была очерчена двойным рядом ламп. На каждом углу были изображены орлы, шифры из цветного стекла и огненные гирлянды, подвешенные между факелами из Гименея. Перистиль купола освещался лампами, расположенными между каждой колонной, и поскольку колонны не были освещены, они казались подвешенными в воздухе. Фонарная башня сияла светом, и вся эта масса великолепия была увенчана треножником, изображавшим алтарь Гименея, из которого вырывались языки пламени, произведенные из битумных материалов. На большой высоте над платформой обсерватории огромная звезда, отделенная от платформы и которая из-за множества разноцветных стекол, составляющих ее, сверкала, как огромный бриллиант, под куполом ночи. Дворец сената также привлекал большое количество любопытных; но я уже слишком далеко зашел в описании этой чудесной сцены, которая разворачивалась перед нами на каждом шагу.

Город Париж оказал дань уважения ее Величеству императрице, подарив ей туалетный набор, еще более великолепный, чем тот, который ранее был преподнесен императрице Жозефине. Все было отделано серебром с позолотой, даже кресло и бокал "шевалье". Картины на изысканной мебели были выполнены первыми художниками, а элегантность и отделка украшений превосходили даже богатство материалов.

Примерно в конце апреля их Величества отправились вместе посетить Северные департаменты; и путешествие было почти точным повторением того, которое я совершил в 1804 году с императором, только императрицей больше не была добрая Жозефина. Проезжая снова через все эти города, где я видел, как ее приветствовали с таким энтузиазмом, и кто теперь обращался с таким же обожанием и почестью к новой правительнице, и снова осматривая замки Лакена, Брюсселя, Антверпена, Булони и многих других мест, где я видел, как Жозефина торжественно проезжала мимо, как в настоящее время проезжала Мария Луиза, я с огорчением думал об изоляции первой жены от ее мужа и страданиях, которые должны проникнуть даже в ее убежище, поскольку ей рассказали о почестях, оказанных тому, кто сменил ее в сердце императора и на императорском троне.

Король и королева Вестфалии и принц Евгений сопровождали их Величества. Мы видели, как в Антверпене было спущено на воду восьмидесятипушечное судно, которое перед выходом из доков получило благословение господина де Прадта, архиепископа Малинского. Король Голландии, присоединившийся к императору в Антверпене, испытывал самые недобрые чувства по отношению к его величеству, которое недавно потребовало от него уступки части его владений и вскоре после этого захватило оставшуюся часть. Однако он присутствовал в Париже на свадебных торжествах императора, который даже послал его познакомиться с Марией Луизой; но оба брата не перестали испытывать взаимное недоверие друг к другу, и следует признать, что недоверие короля Людовика имело под собой слишком веские основания. Что показалось мне очень странным в их ссорах, так это то, что император в отсутствие своего брата давал волю самым ужасным вспышкам гнева и жестоким угрозам в его адрес, в то время как при встрече они обращались друг с другом в самой дружеской, фамильярной и братской манере. Порознь они были, один, император Франции, другой, король Голландии, с противоположными

интересами и взглядами; вместе они были не более чем, если мне будет позволено так выразиться, Наполеоном и Людовиком, товарищами и друзьями детства.

Принц Луи был обычно печален и меланхоличен. Неприятности, которые он испытал на троне, куда его посадили против его воли, вдобавок к его домашним неурядицам, очевидно, сделали его очень несчастным, и все, кто его знал, искренне жалели его, ибо король Людовик был превосходным хозяином и честным человеком с большими заслугами. Было сказано, что, когда император принял решение о союзе Голландии и Франции, король Людовик решил защищаться в городе Амстердаме до последней крайности, разрушить дамбы и, если потребуется, затопить всю страну, чтобы остановить вторжение французских войск. Я не знаю, правда ли это; но из того, что я видел о характере этого принца, я совершенно уверен, что, обладая достаточным личным мужеством, чтобы подвергнуть себя всем рискам этой отчаянной альтернативы, его от природы доброе сердце и человечность помешали бы осуществлению этого проекта.

В Миддлбурге император поднялся на борт "Карла Великого", чтобы посетить устье Шельды, порт и остров Флашинг. Во время этой экскурсии на нас обрушился ужасный шторм, три якоря были сломаны подряд; мы столкнулись с другими несчастными случаями и с большими опасностями.

Императору стало очень плохо, и каждые несколько минут он бросался на кровать, делая яростные, но безуспешные попытки вызвать рвоту, что делало его болезнь еще более мучительной. Мне посчастливилось не испытывать никаких неудобств, и, таким образом, я мог оказывать ему все необходимое внимание, хотя все члены его свиты были больны, а мой дядя, который был дежурным швейцаром и вынужден был оставаться у двери каюты его Величества, постоянно падал и страдал от агонии. Во время этих мучений, длившихся три дня, императора распирало от нетерпения. "Я думаю, - сказал он, - что из меня вышел бы прекрасный адмирал".

Вскоре после нашего возвращения из этого путешествия император пожелал, чтобы ее Величество императрица научилась ездить верхом; и с этой целью она отправилась в манеж Сен-Клу. Несколько домочадцев были на галерее, чтобы посмотреть, как она берет свой первый урок, и я был среди них; и я заметил нежную заботу императора о своей молодой жене, которая сидела верхом на смирной, хорошо выезженной лошади, в то время как император держал ее за руку и шел рядом с ней, господин Жарден-старший держал лошадь под уздцы. При первом шаге лошади императрица испуганно вскрикнула, после чего император сказал ей: "Ну же, Луиза, будь храброй. Чего тебе бояться? Разве меня здесь нет?" Так прошел урок, вызвавший ободрение с одной стороны и испуг - с другой. На следующий день император приказал присутствующим на галерее удалиться, так как они смущали императрицу; но вскоре она преодолела свою робость и в конце концов стала очень хорошей наездницей, часто участвуя в скачках в парке со своими фрейлинами и мадам герцогиней Монтебелло, которая также ездила верхом с большим изяществом. Карета с несколькими дамами следовала за императрицей, и принц Альдобрандини, ее конюший, никогда не отходил от нее во время прогулок.

Императрица была в том возрасте, когда любят балы и празднества; но император больше всего на свете боялся, что она устанет, и поэтому радости и увеселения были прекращены при дворе и в городе. Праздник, устроенный в честь их Величеств принцем Шварценбергским, послом Австрии, закончился ужасным несчастным случаем.

Принц занимал бывший отель де ла Монтессон на улице Шоссе д'Антен; и для того, чтобы дать этот бал, пристроил к этой резиденции просторный холл и деревянную галерею, украшенную множеством цветов, знамен, канделябров и т.д. Как раз в тот момент, когда император, присутствовавший на празднике в течение двух или трех часов, собирался удалиться, одна из штор, раздуваемая ветерком, загорелась от светильников, которые были установлены слишком близко к окнам, и мгновенно загорелась. Некоторые люди предпринимали безуспешные попытки потушить пожар, срывая драпировку и гася пламя руками; но в мгновение ока занавески, бумаги и гирлянды загорелись, и деревянные изделия начали гореть.

Император был одним из первых, кто заметил быстрое распространение пожара и предвидел результаты. Он подошел к императрице, которая уже встала, чтобы присоединиться к нему, и вышел вместе с ней, не без некоторого труда, из-за толпы, хлынувшей к дверям; королевы Голландии, Неаполя, Вестфалии, принцесса Боргезе и др. Последовали за их Величествами, в то время как вице-королева Италии, которая была беременна, осталась в зале, на помосте, где находились императорские ложи. Вице-король, опасаясь за свою жену толпы не меньше, чем пожара, вывел ее через маленькую дверцу, прорубленную в помосте, чтобы подать прохладительные напитки их Величествам. До принца Евгения никто не думал об этом открытии, и только несколько человек вышли вместе с ним. Ее величество королева Вестфалии не считала себя в безопасности, даже когда добралась до террасы, и в испуге бросилась на улицу Тейбу, где ее нашел прохожий.

Император проводил императрицу до входа на Елисейские поля, где оставил ее, чтобы вернуться к костру, и вернулся в Сен-Клу только в четыре часа утра. С момента прибытия императрицы мы пребывали в состоянии ужасного опасения, и каждый в замке был охвачен величайшей тревогой за императора. Наконец он прибыл невредимым, но очень усталым, вся его одежда была в беспорядке, лицо почернело от дыма, туфли и чулки обгорели в огне. Он направился прямо в покои императрицы, чтобы убедиться, оправилась ли она от пережитого испуга, а затем вернулся в свою комнату и, бросив шляпу на кровать, рухнул на диван, воскликнув: "Боже мой! Какой праздник!" Я заметил, что руки императора были все в саже, и он потерял перчатки при пожаре. Он был очень удручен и, пока я раздевал его, спросил, присутствовал ли я на празднике принца, а когда я ответил отрицательно, соизволил сообщить мне некоторые подробности этого прискорбного события. Император говорил с чувством, которое, как я видел, он проявлял всего два или три раза в своей жизни и которое он никогда не проявлял по отношению к своим собственным несчастьям. "Огонь, - сказал его величество, - сегодня ночью пожрал героическую женщину. Невестка принца Шварценбергского, услышав из горящего зала крики, которые, как ей показалось, издавала ее старшая дочь, бросилась в самую гущу пламени, и пол, уже почти прогоревший насквозь, провалился у нее под ногами, и она исчезла. В конце концов, бедная мать ошиблась, и все ее дети были вне опасности. Были предприняты невероятные усилия, и наконец ее извлекли из огня; но она была совершенно мертва, и все усилия врачей не увенчались успехом в возвращении ее к жизни". Волнение императора усилилось в конце этого рассказа. Я позаботился о том, чтобы приготовить для него ванну, предвидя, что она понадобится ему по возвращении; и теперь его Величество принял ее и после обычного растирания обнаружил, что находится в гораздо лучшем состоянии. Тем не менее, я помню, как он выражал опасения, что ужасный несчастный случай этой ночью был предвестником какого-то фатального события, и он долго сохранял эти опасения. Три года спустя, во время печальной кампании в России, императору однажды было объявлено, что армейский корпус под командованием принца Шварценберга был уничтожен, а сам принц

погиб; впоследствии он, к счастью, обнаружил, что эти известия были ложными, но когда они были доведены до его величества, он воскликнул, как бы отвечая на мысль, которая давно занимала его: "Значит, это ему угрожало дурное предзнаменование".

Ближе к утру император разослал пажей по домам всех пострадавших от катастрофы со своими поздравлениями и справками об их состоянии. Его величеству были доставлены печальные ответы. Мадам принцесса де ла Лаен, племянница принца-примаса, скончалась от полученных ран; и в жизни генерала Тузара, его жены и дочери никто не сомневался — фактически, они умерли в тот же день. Были и другие жертвы этого несчастья; и среди ряда людей, выздоровевших после продолжительных страданий, были принц Куракен и мадам Дюроснель, жена генерала с таким именем.

Принц Куракин, всегда отличавшийся великолепиям, а также исключительным вкусом в своем туалете, был одет на балу в камзол из золотой ткани, и именно это спасло ему жизнь, поскольку искры и зола осыпались с его камзола и украшений, которыми он был покрыт, как шлемом; но, несмотря на это, принц был прикован к постели на несколько месяцев. В суматохе он упал на спину, некоторое время был затоптан ногами и сильно ранен, и был обязан своей жизнью только присутствию духа и силе музыканта, который поднял его на руки и вынес из толпы.

Генерал Дюроснель, жена которого упала в обморок в бальном зале, бросился в самое пекло и тотчас же появился, неся на руках свою драгоценную ношу. Он отнес мадам Дюроснель в дом на бульваре, где оставил ее до тех пор, пока не найдет экипаж, в котором можно было бы отвезти ее в его отель. Графиня Дюроснель получила сильные ожоги и болела более двух лет. Выходя из отеля "Амбассадор" на бульвар, он увидел присвете пожара, как грабитель стащил гребень с головы его жены, упавшей в обморок у него на руках. Этот гребень был украшен бриллиантами и очень ценен.

Привязанность мадам Дюроснель к своему мужу была равна той, которую он испытывал к ней; и когда в конце кровопролитного сражения во время второй кампании в Польше генерал Дюроснель пропал без вести на несколько дней, а во Францию пришло известие, что его считали погибшим, графиня в отчаянии заболела от горя и была при смерти. Вскоре после этого стало известно, что генерал был тяжело, но не смертельно ранен, и что его нашли, и его раны быстро заживут. Когда мадам Дюроснель получила это радостное известие, ее радость была почти безумной; во дворе своего отеля она свалила в кучу свою траурную одежду и одежду своих людей, подожгла ее и увидела, как эта мрачная груда превращается в пепел среди бурного ликования и восторга.

Через два дня после поджога гостиницы принца Шварценбергского император получил известие об отречении своего брата Людовика, и это событие, поначалу показалось его величеству весьма огорчительным, и он сказал кому-то, кто вошел в его комнату, как раз в тот момент, когда ему сообщили об этом: "Я предвидел это безумие Людовика, но не думал, что он будет так торопиться". Тем не менее император вскоре решил, какой курс избрать; и несколько дней спустя его величество, который во время туалета не раскрыл рта, внезапно отвлекся от своих мыслей как раз в тот момент, когда я подавал ему пальто, и дважды или трижды фамильярно похлопал меня по плечу. - Господин Констан, - сказал он, - знаете ли вы, какие три столицы Французской империи? - и, не дав мне времени ответить, император продолжил: - Париж, Рим и Амстердам. Звучит заманчиво, не правда ли?

ГЛАВА XXVIII.

Во второй половине июля большие толпы людей посетили церковь отеля инвалидов, в которой были захоронены останки генерала Сент-Илера и герцога де Монтебелло, причем останки маршала были помещены рядом с могилой Тюренна. Каждое утро проводилось в служении нескольких месс у двойного алтаря, который возвышался между нефом и куполом; и в течение четырех дней со шпиля купола спускалось длинное черное знамя или флаг с белой каймой.

В тот день, когда останки маршала перенесли из дома инвалидов в Пантеон, меня отправили из Сен-Клу в Париж со специальным посланием для императора. После исполнения этого долга у меня еще оставалось немного свободного времени, которым я воспользовался, чтобы стать свидетелем печальной церемонии и в последний раз попрощаться с храбрым воином, свидетелем смерти которого я был. В полдень все гражданские и военные власти собрались в доме инвалидов; и тело перенесли из купола в церковь и поместили на катафалк в форме большой египетской пирамиды, установленный на возвышении, к которому подходили через четыре большие арки, столбы которых были увиты лавровыми гирляндами вплетенный в кипарис. По углам стояли статуи в позе скорби, олицетворяющие Силу, Справедливость, Благоразумие и Воздержанность - добродетели, характерные для героя. Эта пирамида заканчивалась погребальной вазой, увенчанной огненным венцом. На лицевой стороне пирамиды были помещены герб герцога и медальоны, увековечивающие самые замечательные события его жизни, принесенные гениями. Под обелиском был установлен саркофаг с останками маршала, по углам которого находились трофеи, состоящие из знамен, отнятых у его врагов, а на ступенях, по которым поднимались на платформу, были расставлены бесчисленные серебряные канделябры. Дубовый алтарь в том положении, которое он занимал до революции, был двойным и имел двойную дарохранительницу, на дверях которой были написаны заповеди, весь увенчанный большим крестом, к пересечению которого была подвешена пелена. По углам алтаря стояли статуи Святого Людовика и святого Наполеона. Четыре больших канделябра были установлены на пьедесталах по углам ступеней, а покрытие хоров и нефа было покрыто черным ковром. Кафедра, также задрапированная черным и украшенная имперским орлом, с которой произносилась надгробная речь над маршалом, находилась слева перед носилками; справа находилось сиденье из черного дерева, украшенное императорским гербом, пчелами, звездами, кружевами, бахромой и другими серебряными украшениями, которое предназначалось для принца-архи-канцлера Империи, председательствовавшего на церемонии. В арках проходов были установлены ступени, соответствующие трибунам, которые находились наверху; а перед этими ступенями стояли сиденья и скамьи для гражданских и военных властей, кардиналов, архиепископов, епископов и т.д. Оружие, ордена, жезл и лавровый венец маршала были возложены на носилки.

Весь неф и нижняя часть проходов были обиты черным с белой каймой, как и окна, а на драпировках были изображены герб маршала, жезл и шифр.

Орган был полностью скрыт объемными драпировками, что ни в коей мере не уменьшало эффекта его заунывных тонов. Восемнадцать могильных серебряных светильников были подвешены на цепях к копьям с прикрепленными к их остриям флажками, взятыми у врага. На пилястрах нефа были укреплены оружейные трофеи, состоящие из знамен, захваченных в многочисленных сражениях, которые сделали жизнь маршала прославленной. Перила алтаря со стороны эспланады были задрапированы черным, а над ними были изображены гербы герцога, которые несли две прославленные фигуры, держащие ладони победы; вверху было написано: "Наполеону в память о герцоге Монтебелло, который славно погиб на поле Эсслинга, 22 декабря. Май 1809 года".

Музыкальная консерватория исполнила мессу, состоящую из отрывков из лучших священных произведений Моцарта. После церемонии тело пронесли до дверей церкви и поместили на траурную повозку, которая была украшена лавром и четырьмя группами знамен, захваченных у врага его армейским корпусом в многочисленных сражениях, в которых маршал принимал участие, и которой предшествовала военная и религиозная процессия, за которой следовала процессия траура и почестей. Военный кортеж состоял из подразделений всех родов войск, кавалерии и легкой пехоты, линейных войск и артиллерии, как конной, так и пешей; за ними следовали пушки, кессоны, саперы и минеры, всем предшествовали барабаны, трубы, оркестры и т.д.; и генеральный штаб во главе с маршалом, принцем Ваграмским, во главе которого были сформированы все генеральные офицеры, а также штаб дивизии и местности.

Религиозная процессия состояла из детей и стариков из больниц, духовенства всех приходов и парижской митрополии, несущих кресты и знамена, певчих и исполняющих духовную музыку, а также капеллана его Величества со своими помощниками. Машина, в которую поместили тело маршала, последовала сразу же за ним. Маршалы, герцог Конельяно, граф Серрюрье, герцог Истрийский и принц Экмюльский, держали углы покрыва. С каждой стороны машины два адъютанта маршала несли штандарт, а к носилкам были прикреплены маршальский жезл и награды герцога Монтебелло.

За автомобилем следовал траурный и почетный кортеж: пустой экипаж маршала с двумя его адъютантами верхом у дверей, четыре траурных экипажа для семьи маршала, экипажи принцев, высших сановников, маршалов, министров, генерал-полковников и главных инспекторов. Затем появился отряд кавалерии, сопровождаемый звуками труб, а конные оркестры следовали за экипажами и завершали шествие. Песнопения сопровождалась музыкой, звонили все колокола церквей, и с интервалами гремели тринадцать пушек.

По прибытии к подземному входу в церковь Святой Женевиевы тело было извлечено из машины гренадерами, получившими награды и ранения в тех же сражениях, что и маршал. Капеллан Его величества доставил тело верховному священнику. Принц Экмюльский обратился к новому герцогу Монтебелло с соболезнованиями от армии, а принц-эрцгерцог возложил на носилки медаль, предназначенную увековечить память об этих похоронных почестях воина, которому они были оказаны, и о заслугах, которые их так заслужили. Затем вся толпа разошлась, и в церкви осталось только несколько старых слуг маршала, которые молча чтить его память не меньше и даже больше слезами, чем вся эта публичная траурная церемония. Они узнали меня,

потому что мы вместе участвовали в кампании. Я пробыв с ними некоторое время, и мы вместе покинули Пантеон.

Во время моей короткой поездки в Париж их Величества выехали из Сен-Клу в Рамбуйе, поэтому я решил присоединиться к ним в экипаже маршала принца де Невшателя, который временно покинул двор, чтобы присутствовать на похоронах храброго герцога Монтебелло.

Если не ошибаюсь, по прибытии в Рамбуйе я узнал подробности дуэли, которая произошла в тот день между двумя джентльменами, пажами его Величества. Я не помню предмета ссоры; но, хотя она была очень тривиальной по своему происхождению, она стала очень серьезной из-за поведения, к которому привела. Это был спор между школьниками; но эти школьники носили шпаги и не без основания считали друг друга более чем на три четверти солдатами, поэтому они решили драться. Но для этого боя были необходимы две вещи — время и секретность; что касается их времени, то оно использовалось с четырех или пяти утра до девяти вечера, почти постоянно, и секретность не соблюдалась.

Г-н д'Ассињи, человек редких достоинств и прекрасного характера, был в то время заместителем управляющего пажеским корпусом, который очень любил его за верность, доброту и справедливость. Желая предотвратить несчастье, он вызвал к себе двух противников; но эти молодые люди, предназначенные для армейской службы, и слышать не хотели ни о каком другом возмещении, кроме дуэли. У мсье д'Ассињи было слишком много такта, чтобы пытаться спорить с ними, зная, что ему бы не подчинились; но он предложил себя в качестве секунданта, был принят молодыми людьми и, получив право выбора оружия, выбрал пистолет и назначил время встречи на следующее раннее утро, и все прошло в обычном для подобных дел порядке. Один из пажей выстрелил первым и промахнулся в своего противника; другой разрядил оружие в воздух, после чего они немедленно бросились в объятия друг друга, и мсье д'Ассињи воспользовался случаем, чтобы прочитать им поистине отеческую лекцию. Более того, достойный вице-губернатор сохранил не только их тайну, но и свою собственную, поскольку пистолеты, заряженные господином д'Ассињи, содержали только пробковые пули, о чем молодые люди до сих пор ничего не знают.

Некоторые люди с любопытством наблюдали за прибытием 25 августа, в день празднования дня рождения императрицы. Они думали, что из опасения пробудить воспоминания роялистов император перенесет это торжество на другое время года, что он легко мог бы сделать, назвав свою августейшую супругу Мари. Но императора не остановили подобные опасения, и также весьма вероятно, что он был единственным в замке, кому подобная мысль не пришла в голову. Уверенный в своей власти и надеждах, которые тогда возлагала на него французская нация, он хорошо знал, что ему нечего бояться изгнанных принцев или партии, которая казалась мертвой без малейшего шанса на воскрешение. С тех пор я слышал утверждения, и притом очень серьезные, что его величество был неправ, чествуя Людовика Святого, что принесло ему несчастье и т.д.; Но эти прогнозы, сделанные впоследствии, тогда ни у кого не занимали мыслей, и Людовик Святой был отпразднован в честь императрицы Марии Луизы с почти беспрецедентной пышностью и блеском.

Через несколько дней после этих торжеств их Величества устроили в Булонском лесу смотр полков Голландской императорской гвардии, которым император недавно приказал прибыть в Париж. В честь их прибытия его величество расставил тут и там на аллеях Булонского леса бочки с вином с пробитыми горлышками, чтобы каждый солдат мог пить по своему желанию; но эта

императорская щедрость имела серьезные последствия, которые могли стать фатальными. Голландские солдаты, более привычные к крепкому пиву, чем к вину, тем не менее нашли последнее весьма по вкусу и поглощали его в таких огромных количествах, что вследствие этого их головы кружились до угрожающей степени. Сначала они начали с некоторых столкновений либо между собой, либо с любопытной толпой, которая наблюдала за ними слишком пристально. Как раз в это время внезапно разразилась гроза, и гуляющие Сен-Клу и его окрестностей поспешили вернуться в Париж, поспешно пройдя через Булонский лес; и эти голландцы, теперь уже почти в полном опьянении, начали драться друг с другом в лесу, останавливая всех проходивших женщин и очень грубо угрожая мужчинам, которые сопровождали большинство из них. В мгновение ока Булонский лес огласился криками ужаса, бранью и бесчисленными потасовками. Несколько испуганных людей добежали до Сен-Клу, где в то время находился император; и как только ему сообщили об этом переполохе, он приказал отряду за отрядом полиции нападать на голландцев и вразумлять их. Его Величество был очень разгневан и сказал: "Видел ли кто-нибудь когда-нибудь что-нибудь равное этим большим головам? Посмотрите, как они переворачиваются вверх тормашками от двух бокалов вина!" но, несмотря на эту шутку, император не был лишен некоторого беспокойства и расположился у решетки парка, напротив моста, и лично отдавал распоряжения офицерам и солдатам, посланным для восстановления порядка. К несчастью, темнота была слишком густой, чтобы солдаты могли видеть, в каком направлении двигаться; и неизвестно, чем бы все закончилось, если бы офицеру одного из патрульных не пришла в голову счастливая идея крикнуть: "Император! вот император!" И часовые повторили за ним: "Вот император", атакуя самых мятежных голландцев. И таков был ужас, внушаемый этим солдатам простым именем его Величества, что тысячи вооруженных людей, пьяных и разъяренных, рассеялись при одном этом имени и вернулись в свои квартиры так быстро и тайно, как только могли. Несколько человек были арестованы и сурово наказаны.

Я уже говорил, что император часто следил за туалетом императрицы и даже ее фрейлин. На самом деле ему нравилось, чтобы все окружающие его люди были хорошо и даже богато одеты.

Но примерно в это же время он отдал приказ, мудростью которого я очень восхищался. Часто держа у купели детей своих великих сановников и предвидя, что родители не преминут одеть своих новорожденных младенцев в великолепные наряды, император приказал, чтобы дети, представленные для крещения, были одеты только в простую длинную льняную одежду. Эта благоразумная мера одновременно пощадила кошелек и тщеславие родителей. Я заметил во время этой церемонии, что императору было трудно уделять необходимое внимание вопросам священника, совершавшего обряд. Император обычно был очень рассеян во время служб в церкви, которые были недолгими, поскольку они никогда не длились больше десяти-пятнадцати минут; и все же мне рассказывали, что его Величество спрашивал, нельзя ли совершить их за меньшее время. Он грыз ногти, чаще, чем обычно, нюхал табак и постоянно оглядывался по сторонам, в то время как один из принцев церкви напрасно брал на себя труд переворачивать страницы книги его Величества, чтобы следить за богослужением.

ГЛАВА XXIX.

Беременность Марии Луизы протекала без происшествий и сулила счастливое избавление, которого император ждал с нетерпением, к которому долгое время присоединялась Франция. Любопытно было наблюдать за состоянием общественного сознания, в то время как люди строили всевозможные догадки и возносили единодушные и горячие молитвы о том, чтобы ребенок стал сыном, который мог бы получить обширное наследие императорской славы. 19 марта, в семь часов вечера, императрице стало плохо, и с этого момента весь дворец был в смятении. Императору сообщили об этом, и он немедленно послал за господином Дюбуа, который уже некоторое время постоянно гостил в замке и чье внимание было так ценно в то время.

Все домочадцы императрицы, а также мадам де Монтескье собрались в апартаментах: император, его мать, сестры, господа Корвизар, Бурдые и Иван в соседней комнате.

Император часто заходил к ней и подбадривал свою молодую жену. Во внутренних помещениях дворца всеобщее внимание было нетерпеливым, страстным, шумным; и каждый соперничал с другим в том, кто первым получит известие о рождении ребенка. В пять часов утра, когда положение императрицы оставалось прежним, император приказал всем удалиться, а сам удалился, чтобы принять ванну; ибо пережитое им беспокойство делало минуту отдыха очень необходимой для него в его великом волнении. После пятнадцати минут, проведенных в ванне, его поспешно вызвали, так как состояние императрицы стало одновременно критическим и опасным. Поспешно накинув халат, он вернулся в покои императрицы и нежно ободрил ее, взяв за руку. Врач, мсье Дюбуа, сообщил ему, что маловероятно, что мать и ребенка можно спасти; после чего он воскликнул: "Ну же, мсье Дюбуа, держите себя в руках! Спаси мать, думай только о матери, я приказываю тебе".

По мере того как продолжались сильные страдания, возникла необходимость использовать инструменты; и Мария Луиза, заметив это, с горечью воскликнула: "Неужели необходимо приносить меня в жертву из-за того, что я императрица?" Император, охваченный эмоциями, удалился в гардеробную, бледный как смерть и почти вне себя. Наконец ребенок появился на свет; и император немедленно ворвался в покои, с чрезвычайной нежностью обняв императрицу, не взглянув на ребенка, которого считали мертвым; и действительно, прошло семь минут, прежде чем он подал какие-либо признаки жизни, хотя ему в рот влили несколько капель бренди и приложили немало усилий, чтобы привести его в чувство. Наконец он издал крик.

Император вырвался из объятий императрицы, чтобы обнять этого ребенка, чье рождение было для него последней и высшей милостью судьбы, и, казалось, был почти вне себя от радости, бросаясь от сына к матери, от матери к сыну, как будто не мог вдоволь полюбоваться ни тем, ни другим. Когда он вошел в свою комнату, чтобы привести себя в порядок, его лицо просияло от радости; и, увидев меня, он воскликнул: "Ну что, Констант, у нас большой мальчик! Например, он хорошо создан для того, чтобы зажимать уши", - объявляя об этом каждому встречному. Именно в этих излияниях семейного счастья я мог оценить, насколько глубоко эта великая душа,

которая, как считалось, способна воспринимать только славу, ощущала радости семейной жизни.

С того момента, как большой колокол Собора Парижской Богоматери и колокола различных церквей Парижа зазвучали посреди ночи, и до того часа, когда пушечный выстрел возвестил о счастливом рождении императрицы, по всему Парижу чувствовалось чрезвычайное волнение. На рассвете толпа устремилась к Тюильри и заполнила улицы и набережные, все в тревожном ожидании первого выстрела из пушки. Но это любопытное зрелище можно было наблюдать не только в Тюильри и соседних кварталах, но и в половине десятого на улицах, удаленных от замка, и во всех частях Парижа можно было видеть, как люди останавливались, чтобы взволнованно сосчитать выстрелы из пушек.

Двадцать вторая выписка, возвестившая о рождении мальчика, была встречена всеобщими аплодисментами. За тишиной ожидания, которая, словно по волшебству, остановила шаги всех людей, разбросанных по всем частям города, последовал взрыв почти неопишемого энтузиазма. В эту двадцать вторую [В газетах было объявлено, что если это будет девочка, то будет произведен салют из двадцати одного орудия; если мальчик, то из ста орудий.] грохот пушки означал целую династию, целое будущее, и одновременно в воздух взлетели шляпы; люди налетали друг на друга и обнимали тех, кому они были незнакомы, под крики "Да здравствует Император!" Старые солдаты проливали слезы радости, думая о том, что они внесли свой вклад своими трудами и изнурением в создание наследия римского короля и что их лавры будут развеиваться над колыбелью династии.

Наполеон, спрятавшийся за занавеской на одном из окон комнаты императрицы, наслаждался зрелищем народного веселья и казался глубоко тронутым. Крупные слезы покатались из его глаз, и, охваченный волнением, он снова подошел, чтобы обнять своего сына. Слава никогда не заставляла его проливать слезы; но счастье быть отцом смягчило это сердце, на которое, казалось, не производили впечатления самые блестящие победы и самые искренние свидетельства общественного восхищения. И по правде говоря, Наполеон имел право верить в свою удачу, которая достигла своего апогея в тот день, когда австрийская эрцгерцогиня сделала его отцом короля, который начинал как кадет в корсиканской семье. По прошествии нескольких часов событие, которого с равным нетерпением ждали Франция и Европа, стало личной радостью каждой семьи.

В половине одиннадцатого мадам Бланшар вылетела из Военной школы на воздушном шаре, чтобы разнести по всем городам и деревням, через которые она проезжала, весть о рождении римского короля.

Телеграф разнес радостную весть во все стороны, и в два часа пополудни уже были получены ответы из Лиона, Лилля, Брюсселя, Антверпена, Бреста и многих других крупных городов Империи, ответы которых, как легко себе представить, полностью соответствовали настроением, царившим в столице.

Чтобы удовлетворить нетерпеливое желание толпы, которая постоянно толпилась у дверей дворца, узнать о благополучии императрицы и ее августейшего ребенка, было решено, что один из камергеров будет стоять с утра до вечера в первом зале государственных апартаментов, принимать приходящих и сообщать им о бюллетенях, которые врачи ее Величества выпускают дважды в день. Через несколько часов по всем дорогам, ведущим к иностранным дворам, были

разосланы специальные курьеры с известием о доставке императрицы; эта миссия была поручена императорским пажам в Сенат Италии и муниципальные органы Милана и Рима. В укрепленных городах и портах был отдан приказ произвести те же салюты, что и в Париже, и украсить флоты. Прекрасный вечер способствовал особым торжествам в столице, где дома были добровольно освещены. Те, кто стремится по внешним признакам определить истинные чувства людей во время событий такого рода, заметили, что верхние этажи домов в предместьях были освещены так же ярко, как самые великолепные отели и лучшие дома столицы. Общественные здания, которые при других обстоятельствах выделялись на фоне темноты окружающих домов, были едва различимы среди этого изобилия огней, которыми общественное признание осветило каждое окно. Лодочники устроили импровизированный праздник, который длился часть ночи, и свидетелями которого стала огромная толпа, заполнившая берег, свидетельствуя о самой горячей радости. Этот народ, который за тридцать лет пережил так много различных эмоций и отпраздновал так много побед, проявил столько энтузиазма, как если бы это был их первый праздник или счастливая перемена в их судьбе. Стихи пели или декламировали во всех театрах; и не было ни одной поэтической формулы, начиная с "оды к басне", которая не использовалась бы в ознаменование события 20 марта 1811 года. От хорошо осведомленного человека я узнал, что сумма в сто тысяч франков из личных средств императора была распределена г-ном Декевовилье, секретарем казначейства палаты, среди авторов стихов, присланных в Тюильри; и, наконец, мода, использующая малейшие события, изобрела материалы, называемые *roi-de-Rome*, поскольку при старом режиме они назывались *dauphin*. Вечером 20 марта в девять часов король Рима был помазан в часовне Тюильри. Это была самая великолепная церемония. Император Наполеон, окруженный принцами и принцессами всего своего двора, поместил его в центре часовни на диване, увенчанном балдахинном с примерочной. Между алтарем и балюстрадой на ковре из белого бархата был установлен гранитный пьедестал, увенчанный вручную какой-то серебряной позолоченной вазой, предназначенной для использования в качестве крестильной купели. Император был серьезен, но отеческая нежность придавала его лицу выражение счастья, и можно было бы сказать, что он почувствовал себя наполовину освобожденным от бремени Империи, увидев августейшее дитя, которому, казалось, суждено было однажды получить его из рук своего отца. Когда он подошел к купели для крещения, чтобы представить младенца для помазания, наступила минута молчания и религиозного созерцания, что составляло трогательный контраст с шумным весельем, которое в тот же момент оживило толпу снаружи, которую зрелище яркого фейерверка привлекло в Тюильри со всех концов Парижа.

Мадам Бланшар, которая, как я уже говорил, отправилась в полет на своем воздушном шаре через час после рождения римского короля, чтобы разнести новость во все места, мимо которых она проезжала, сначала спустилась в Сен-Тибо близ Ланьи, а оттуда, когда ветер стих, вернулась в Париж. Ее воздушный шар поднялся после ее отъезда и упал в месте, расположенном шестью лье дальше, и жители, найдя на этом воздушном шаре только одежду и провизию, не сомневались, что бесстрашная воздухоплавательница погибла; но, к счастью, как раз в тот момент, когда в Париже было объявлено о ее смерти, прибыла сама мадам Бланшар и развеяла все тревоги.

Многие сомневались в беременности Марии Луизы. Некоторые считали это надуманным, и я никогда не мог понять глупых доводов, приводимых этими людьми по этому поводу, которыми недоброжелатели пытались "замалчивать" факт, который несет в себе огромное количество этих злонамеренных, подозрительных людей: одна часть обвиняла императора в распутстве,

предполагая, что он отец многих внебрачных детей, а другая считала его неспособным обзавестись детьми даже от юной принцессы, которой всего девятнадцать лет, и их ненависть таким образом ослепляла их суждения. Если у Наполеона были внебрачные дети, то почему у него не могло быть законных, особенно от молодой жены, которая, как известно, отличалась отменным здоровьем? Кроме того, это был не первый, как и не последний выпад злобы в адрес Наполеона, ибо его положение было слишком высоким, а слава слишком блистательной, чтобы не вызывать преувеличенных чувств, будь то радость или ненависть.

Были также недоброжелатели, которым доставляло удовольствие говорить, что Наполеон был неспособен на нежные чувства и что счастье быть отцом не могло проникнуть в это сердце, настолько переполненное честолюбием, что исключало все остальное. Я могу привести, среди многих других известных мне, небольшой анекдот, который чрезвычайно тронул меня и который я с большим удовольствием рассказываю, поскольку, хотя он и является триумфальным ответом на клевету, о которой я говорил, он также доказывает особое внимание, с которым его Величество оказал мне честь, и, следовательно, как отец и верный слуга, я испытываю легкое удовлетворение, помещая его в эти мемуары. Наполеон очень любил детей, и однажды, попросив меня привести к нему моих, я отправился его искать. Тем временем о Талейране доложили императору, и поскольку беседа длилась долго, моему ребенку надоело ждать, и я отнес его обратно к матери. Вскоре после того, как он заболел крупом, жестокой болезнью, по поводу которой его Величество обратился со специальным обращением к профессорскому составу Парижа [по случаю смерти от крупа в 1807 году его предполагаемого наследника, юного сына короля Голландии]. Это вырвало многих детей из их семей. Моя умерла в Париже. Мы тогда были в Компьенском замке, и я получил печальную новость как раз в тот момент, когда собирался сходить в туалет. Я был слишком подавлен своей потерей, чтобы выполнять свои обязанности; и когда император спросил, что помешало мне приехать, и мне сказали, что я только что узнал о смерти моего сына, я ласково сказал: "Бедный Констант! какое ужасное горе! Только мы, отцы, можем знать, что это такое!"

Вскоре после этого моя жена отправилась навестить императрицу Жозефину в Мальмезон; и эта прелестная принцесса соизволила принять ее наедине в маленькой комнате перед своей спальней. Там она села рядом с ней и попыталась трогательными словами сочувствия утешить ее, сказав, что этот инсульт настиг не только нас и что ее внук тоже умер от той же болезни. Сказав это, она заплакала, ибо это воспоминание вновь пробудило в ее душе недавние горести, и моя жена омыла слезами руки этой превосходной принцессы. Джозефина добавила много трогательных замечаний, пытаясь облегчить ее горе, разделив его, и таким образом вернуть смирение в сердце бедной матери. Воспоминание об этой доброте помогло успокоить наше горе, и я признаюсь, что для меня одновременно и честь, и утешение вспомнить о том великодушном сочувствии, которое потеря этого дорогого ребенка вызвала в сердцах Наполеона и Жозефины. Мир никогда не узнает, сколько чувствительности и сострадания испытывала Джозефина к чужим горестям, и все сокровища доброты содержались в ее прекрасной душе.

ГЛАВА XXX.

Наполеон имел обыкновение сравнивать Марию Луизу с Жозефиной, приписывая последней все преимущества искусства и изящества, а первой - все прелести простоты, скромности и невинности. Иногда, однако, в этой простоте было что-то детское, пример чего я получил от авторитетного источника. Молодая императрица, считая себя больной, посоветовалась с г-ном Корвизаром, который, обнаружив, что виновато только ее воображение и что она страдает просто от естественной для молодой женщины нервозности, прописал в качестве своего единственного рецепта коробочку пилюль из хлеба и сахара, которые императрица должна была принимать регулярно; после приема Мари Луиза почувствовала себя лучше и поблагодарила г-на Корвизара, который не считал нужным, как вполне можно полагать, просветить ее относительно своего маленького обмана. Получив образование при немецком дворе и выучившись французскому только у мастеров, Мария Луиза говорила на этом языке с трудом, обычно возникающим при самовыражении на иностранном языке. Среди неуклюжих выражений, которые она часто употребляла, но которые в ее изящных устах были не лишены определенного очарования, одно, которое особенно поразило меня, потому что оно часто повторялось, было такое: "Наполеон спрашивает, что такое вера?" Император проявил глубочайшую привязанность к своей молодой жене и в то же время заставил ее соблюдать все правила этикета, которым императрица подчинилась с величайшим изяществом. В мае месяце 1811 года их Величества совершили поездку в департаменты Кальвадос и Ламанш, где были с энтузиазмом приняты всеми городами; и император сделал свое пребывание в Кане незабываемым своими подарками, милостями и актами милосердия. Многие молодые люди из хороших семей получили чины младших лейтенантов, а сто тридцать тысяч франков были направлены на различные благотворительные цели. Из Кана их Величества отправились в Шербур. На следующий день после их прибытия император рано утром выехал верхом, посетил городские высоты и сел на несколько судов, в то время как народ теснился вокруг него с криками "Да здравствует Император!" На следующий день его Величество провел несколько Советов, а вечером посетил все морские постройки и спустился на дно бассейна, который вырублен в цельной скале для обеспечения прохода линейных судов и который должен был быть покрыт водой на пятьдесят пять футов. Во время этого блестящего путешествия императрица получила свою долю энтузиазма местных жителей и в свою очередь на различных приемах, которые проводились, любезно приветствовала власти страны. Я намеренно останавливаюсь на этих деталях, поскольку они доказывают, что радость по поводу рождения римского короля была не только в Париже, но, напротив, провинции были полностью солидарны со столицей.

Возвращение их Величеств в Париж принесло с собой возобновление ликований и празднеств по случаю церемонии крещения короля Рима, и празднества, которыми это сопровождалось, отмечались в Париже с помпой, достойной их цели. Зрителями их было все население Парижа, увеличенное огромной толпой незнакомцев всех сословий.

В четыре часа Сенат покинул свой дворец; Государственный совет - Тюильри; Законодательный корпус - свой дворец; Кассационный суд, Счетная палата, Университетский совет и Императорский двор - обычные места своих заседаний; муниципальный корпус Парижа и

депутации от сорока девяти крупных городов - Отель де Виль. По прибытии в Столичную церковь эти тела были расставлены церемониймейстером и его помощниками, в соответствии с их рангом, справа и слева от трона, простирающегося от хоров до середины нефа. Дипломатический корпус в пять часов занял свои места на помосте, воздвигнутом специально для этой цели.

В половине шестого пушки возвестили об отъезде их Величеств из Тюильри. Императорская процессия была ослепительно великолепна; прекрасная выправка войск, богатство и элегантность экипажей, блестящие костюмы представляли собой восхитительное зрелище. Приветствия людей, раздававшиеся по пути следования их Величеств, дома, увешанные гирляндами и драпировками, знамена, развевающиеся из окон, длинная вереница экипажей, убранство которых постепенно увеличивалось в великолепии, следуя друг за другом, как по иерархии, эта огромная атрибутика праздника, внушавшая истинные чувства и надежды на будущее, - все это глубоко запечатлелось в моей памяти и часто занимает долгие часы досуга старого слуги исчезнувшей семьи. Церемония крещения прошла с необычной помпой и торжественностью. После крещения император взял своего августейшего сына на руки и представил его присутствующему духовенству. Тотчас же со всех сторон раздались одобрительные возгласы, которые до тех пор сдерживались из уважения к церемонии и святости этого места. Когда молитвы закончились, их Величества в восемь часов вечера отправились в Отель де Виль и были там приняты муниципальным корпусом. Блестящий концерт и роскошный банкет были организованы для них городом Парижем. В оформлении банкетного зала были изображены гербы сорока девяти добрых городов: Парижа, Рима, Амстердама, которые стояли первыми, и сорока шести других в алфавитном порядке. После банкета их Величества заняли свои места в концертном зале, а по окончании концерта направились в тронный зал, где все приглашенные образовали круг. Император обошел этот круг, приветливо, иногда даже фамильярно разговаривая с большинством лиц, составлявших его, каждый из которых отвечал самым сердечным образом.

Наконец, перед отходом ко сну, их Величества были приглашены пройти в искусственный сад, разбитый во дворе отеля de Ville, убранство которого было очень элегантным. В нижней части сада Тибр был представлен текущей водой, направление течения которой было выполнено наиболее художественно и распространяло освежающую прохладу. Их Величества покинули Отель де Виль около половины двенадцатого и вернулись в Тюильри при свете прекраснейших иллюминаций и светящихся эмблем, выполненных в самом изысканном вкусе. Прекрасная погода и восхитительная температура благоприятствовали этому памяtnому дню.

Аэронавт Гарнерен вылетел из Парижа в половине седьмого вечера и спустился утром следующего дня в Моле, в департаменте Сена-и-Уаза. Немного отдохнув там, он снова сел в свой воздушный шар и продолжил свое путешествие.

Провинции соперничали со столицей в великолепии празднования рождения и крещения римского короля. Были использованы все мыслимые приспособления, как в эмблемах, так и в иллюминации, чтобы придать этим празднествам еще большую пышность; и каждым городом управляли в форме почтения, которое он оказывал новому королю, либо в зависимости от его географического положения, либо в силу его особой промышленности. Например, в Клермон-Ферране в десять часов вечера на вершине Пюи-де-Дом, на высоте более пяти тысяч футов, был разожжен огромный костер, и несколько департаментов могли всю ночь любоваться этим

грандиозным и необычным зрелищем. В порту Флашинг суда были увешаны флагами и транспарантами всех цветов радуги. Вечером вся эскадра была иллюминирована; тысячи фонарей свисали с мачт, рей и такелажа, образуя прекрасную сцену. Внезапно, по сигналу орудийного выстрела с адмиральского корабля, все суда разом выпустили языки пламени, и казалось, что самый яркий день сменился самой темной ночью, великолепно очертив эти внушительные массы, отраженные в морской воде, как в зеркале.

Мы так постоянно переходили с одного праздника на другой, что это почти сбивало с толку. За ликованием по поводу крещения последовал праздник, устроенный императором в частном парке Сен-Клу, и с раннего утра дорога из Парижа в Сен-Клу была запружена экипажами и пешими людьми. Праздник проходил в окруженном парке и оранжерее, все ложи которой и фасад замка были украшены богатыми драпировками, в то время как храмы и киоски возвышались в рощах, а вся аллея каштанов была увешана гирляндами из цветного стекла. Были расставлены фонтанчики с ячменной водой и смородиновым вином, чтобы все присутствующие на празднике могли освежиться, а на дорожках были расставлены элегантно сервированные столы. Весь парк был подсвечен горшками, спрятанными среди кустарника и групп деревьев.

Мадам Бланшар получила приказ быть готовой выступить в половине десятого по данному сигналу.

В девять часов, когда воздушный шар был наполнен, она вошла в корзину и была отнесена в конец бассейна с лебедями, расположенного перед замком; и до момента вылета она оставалась в этом положении, выше самых высоких деревьев, и таким образом в течение более чем получаса ее могли видеть все зрители, присутствовавшие на празднике. В половине десятого пушечный выстрел из замка подал ожидаемый сигнал, шнуры, удерживавшие воздушный шар, были перерезаны, и тотчас же можно было увидеть, как бесстрашный воздухоплаватель величественно поднимается в воздух на глазах у толпы, собравшейся в тронном зале. Поднявшись на определенную высоту, она запустила огромную звезду, построенную вокруг корзины, центр которой она таким образом занимала; из этой звезды в течение семи или восьми мгновений отбрасывала от своих острий и углов множество других маленьких звездочек, производя самый необычайный эффект. Это был первый раз, когда видели женщину, смело поднявшуюся в воздух в окружении фейерверков, и она выглядела так, словно плыла в огненной колеснице на огромной высоте. Я представил себя в сказочной стране.

Весь сад, по которому прогуливались их Величества, представлял собой вид, о котором невозможно составить представление. Иллюминация была оформлена с безупречным вкусом; здесь были разнообразные развлечения, а многочисленные оркестры, скрытые среди деревьев, еще больше усиливали очарование. По данному сигналу три голубя слетели с верхушки колонны, увенчанной вазой с цветами, и предложили их Величествам множество самых хитроумных приспособлений. Дальше немецкие крестьяне танцевали вальсы на очаровательной лужайке, бюст ее Величества императрицы был увенчан цветами, пастушки и нимфы из оперы исполняли танцы, наконец, среди деревьев был воздвигнут театр, на котором был изображен деревенский праздник, комедия, сочиненная г-ном Иттеном и положенная на музыку Николо. Император и императрица сидели под возвышением во время этого представления, когда внезапно обрушился сильный ливень, повергший всех зрителей в

смятение. Их величества сначала не заметили дождя, так как были защищены помостом, а император был занят беседой с мэром города Лиона. Последний жаловался на продажи тканей в этом городе, когда Наполеон, заметив проливной дождь, сказал этому чиновнику: "Ручаюсь, что завтра у вас будут большие заказы".

Император сохранял свое положение большую часть шторма, в то время как придворные, одетые в шелка и бархат, с непокрытыми головами, с улыбкой встречали дождь. Бедные музыканты, промокшие до нитки, в конце концов больше не могли извлекать ни звука из своих инструментов, из-за дождя сломались или растянулись струны, и пришло время положить конец такому положению вещей. Император подал сигнал к отправлению, и они удалились.

В тот день принц Альдобрандини, который в качестве первого конюшего Марии Луизы сопровождал императрицу, был очень рад найти и одолжить зонтик, чтобы укрыть Марию Луизу; но в группе, где это было сделано, возникло большое недовольство, потому что зонтик не был возвращен. В тот вечер принц Боргезе и принцесса Полина чуть не упали в Сену в своей карете, возвращаясь в свой загородный дом в Нейи. Те люди, которым доставляло удовольствие находить предзнаменования, и особенно те (очень небольшое число), кто с огорчением наблюдал за ликованием Империи, не преминули заметить, что на каждом празднике, устроенном в честь Марии Луизы, присутствовал какой-нибудь несчастный случай. Они с чувством говорили о бале, данном принцем Шварценбергским по случаю бракосочетания, и о пожаре, охватившем танцевальный зал, и о трагической гибели нескольких человек, в частности сестры принца. Они извлекли из этого совпадения дурные предзнаменования; некоторые из недоброжелательства и для того, чтобы подорвать энтузиазм, вызванный высокими успехами Наполеона; другие из суеверной доверчивости, как будто могла быть какая-то серьезная связь между пожаром, унесшим жизни нескольких человек, и самым обычным происшествием - июньской бурей, которая разрушила туалеты и промокла до нитки тысяч зрителей.

Это была очень забавная сцена для тех, у кого не было нарядов, которые можно было бы испортить, и кто рисковал только простудиться, - видеть этих бедных женщин, промокших под дождем, бегущих во всех направлениях, с кавалером или без, и ищущих укрытия, которого нельзя было найти.

Некоторым посчастливилось найти скромные зонтики; но большинство из них видели, как цветы падали с их головок, сбитые дождем, или как их наряды, с которых капала вода, волочились по земле в плачевном состоянии. Когда пришло время возвращаться в Париж, экипажей не было, так как кучера, полагая, что праздник продлится до рассвета, благоразумно рассудили, что они не станут утруждать себя ожиданием всю ночь. Те люди, у которых были коляски, не могли ими воспользоваться, так как давка была настолько велика, что передвигаться было почти невозможно. Несколько дам заблудились и вернулись в Париж пешком; другие потеряли туфли, и это было жалкое зрелище - видеть хорошенькие ножки в грязи. К счастью, несчастных случаев было немного или их вообще не было, и врач и кровать все исправили. Но император от души посмеялся над этим приключением и сказал, что купцы от этого выиграют.

Г-ну де Ремюза, такому доброму и готовому оказать услугу, всегда забывающему о себе ради других, удалось раздобыть зонтик, когда он встретил мою жену и тещу, которые спасались бегством, как и остальные, взял их под руку и проводил во дворец, не причинив им ни

малейшего вреда. В течение часа он путешествовал взад и вперед от дворца к парку и из парка в сад и имел счастье быть полезным множеству дам, чьи туалеты он спас от полного разорения. Это был акт галантности, который вызвал бесконечную благодарность, потому что он был совершен с такой добротой сердца.

ГЛАВА XXXI.

Казалось, что это был год праздников, и я с удовольствием вспоминаю о нем, потому что он предшествовал году, полному несчастий. 1811 и 1812 годы представляли собой разительный контраст друг с другом. Все эти цветы, щедро посыпанные на празднества римского короля и его августейшей матери, покрыли бездну, и весь этот энтузиазм сменился трауром несколько месяцев спустя. Никогда еще за более блестящими празднествами не следовали более ошеломляющие несчастия. Давайте тогда немного подробнее остановимся на торжествах, предшествовавших 1812 году. Я чувствую, что мне нужно подкрепиться, прежде чем пускаться в воспоминания о том времени напрасных жертвоприношений, кровопролития без сохранения или завоевания и славы без результата. 25 августа в Трианоне отмечался праздник императрицы; и с раннего утра дорога из Парижа в Трианон была запружена огромным количеством экипажей и пешеходов, то же чувство привлекало двор, горожан, простой люд в восхитительное место, где проходил праздник. Все сословия смешались, все сбилось в кучу; и я никогда не видел толпы, более необычайно пестрой или представлявшей более поразительную картину всех состояний общества. Обычно толпа на празднествах такого рода состоит немногим более чем из одного класса людей и нескольких скромных буржуа, вот и все; очень редко из людей в экипажах, еще реже из придворных; но здесь были все, и не было никого настолько низкого, чтобы не получить удовольствия толкнуть локтем графиню или какую-нибудь другую знатную обительницу Сен-Жерменского предместья, ибо весь Париж, казалось, собрался в Версале. Этот город, такой красивый, но в то же время такой печально красивый, который, казалось, со времен последнего короля лишился своих жителей, эти широкие улицы, на которых никого не было видно, эти площади, самая маленькая из которых могла вместить всех жителей Версаля и которые едва могли вместить придворных Великого короля, это великолепное уединение, которое мы называем Версалем, внезапно было заселено столицей. Частные дома не могли вместить толпу, которая прибывала со всех сторон. Парк был наводнен множеством гуляющих разного пола и всех возрастов; по этим необъятным аллеям ходили пешком, на этом обширном плато, где было так воздушно, хотелось подышать свежим воздухом, в этом театре большого общественного праздника чувствовалась теснота, как на балах, даваемых в маленьких парижских салунах, рассчитанных примерно на дюжину персон и где по моде втискивается человек сто пятьдесят.

В течение четырех или пяти дней в восхитительных садах Трианона велись большие приготовления; но накануне вечером небо затянуло тучами, и многие туалеты, которые были

тщательно приготовлены, были предусмотрительно отложены в сторону; но на следующий день прекрасное голубое небо успокоило всех, и они отправились в Трианон, несмотря на воспоминания о грозе, разогнавшей зрителей на празднике Сен-Клу. Тем не менее, в три часа начался сильный ливень, заставивший всех ненадолго испугаться, что вечер может плохо закончиться. "Послеполуденный ливень кланяется", как гласит пословица; но, напротив, это только сделало праздник приятнее, освежив палящий августовский воздух и подняв пыль, которая была самой неприятной. В шесть часов снова выглянуло солнце, и лето 1811 года не знало более мягкого и приятного вечера.

Все очертания архитектуры Большого Трианона были украшены разноцветными светильниками. В галерее можно было увидеть шестьсот женщин, блиставших молодостью и украшениями; и императрица обратилась с милостивыми словами к нескольким из них, и все были очарованы сердечными и приветливыми манерами молодой принцессы, которая прожила во Франции всего пятнадцать месяцев.

На этом празднике, как и на всех праздниках Империи, не было недостатка в поэтах, воспевающих тех, в честь кого они были даны. По этому случаю была написана пьеса, автором которой, я прекрасно помню, был мсье Алиссан де Шазет, но я забыл название. В конце пьесы главные артисты оперы исполнили балет, который считался очень прекрасным. Когда спектакль закончился, их Величества отправились на прогулку по парку Малого Трианона, император со шляпой в руке подавал руку императрице, а за ним следовал весь его двор. Впервые они посетили Остров Любви и обнаружили, что там объединились все чары сказочной страны и ее иллюзии. Храм, расположенный посреди озера, был великолепно освещен, и в воде отражались его огненные столбы. Множество красивых лодок бороздили это озеро, которое, казалось, горело в огне, управляемое стайей Амуров, которые, казалось, забавлялись друг с другом в оснастке. Музыканты, спрятанные на борту, играли мелодичные мелодии; и эта гармония, одновременно нежная и таинственная, которая, казалось, исходила из недр волн, еще больше усиливала магию картины и очарование иллюзии. За этим зрелищем последовали сцены другого рода, взятые из сельской жизни, — живая картина фламандцев с их приятными лицами, веселыми людьми и их деревенской непринужденностью; и группы жителей из каждой провинции Франции, создающие впечатление, что все части Империи были созваны на этот праздник. Короче говоря, замечательное разнообразие достопримечательностей, в свою очередь, привлекло внимание их Величеств. Прибыв в салон Polhymnie, они были встречены очаровательным хором, музыку сочинил, я думаю, Паер, а слова — тот же мсье Алиссан де Шазет. Наконец, после великолепного ужина, который был подан в большой галерее, их Величества удалились в час ночи.

В этом огромном собрании было только одно мнение относительно изящества и совершенного достоинства Марии Луизы. Эта юная принцесса была действительно очаровательна, но скорее с особенностями, чем с чертами характера. Я вспоминаю некоторые события из ее семейной жизни, которые не останутся без интереса для читателя.

Мария Луиза почти не разговаривала со своими домочадцами; но то ли это было вызвано привычкой, привезенной ею с австрийского двора, то ли она боялась скомпрометировать свое достоинство иностранным акцентом перед лицами более низкого положения, то ли это было вызвано робостью или безразличием, мало кто из этих людей мог вспомнить хоть слово,

которое она произнесла. Я слышал, как ее управляющий говорил, что за три года она разговаривала с ним только один раз.

Придворные дамы согласились, сказав, что наедине она была доброй и покладистой. Ей не нравилась мадам де Монтескье. Это было неправильно, поскольку не было никаких забот, нежностей, знаков внимания всех видов, которыми мадам де Монтескье не одаривала римского короля.

Император, однако, высоко ценил эту превосходную леди, которая была столь совершенна во всех отношениях. Как мужчина, он восхищался достоинством, безупречной порядочностью и чрезвычайной осмотрительностью мадам де Монтескье; а как отец он испытывал бесконечную благодарность за те заботы, которые она расточала его сыну. Каждая по-своему объясняла прохладу, которую молодая императрица проявляла к этой даме; и для этого было названо несколько причин, все более или менее ложные, хотя досуг придворных дам был сильно занят этим. Наиболее вероятным решением, наиболее соответствующим бесхитростной простоте Марии Луизы, мне показалось следующее: фрейлиной императрицы была мадам де Монтебелло, очаровательная женщина с безупречными манерами. Так вот, между мадам де Монтескье и мадам де Монтебелло было мало дружбы, поскольку последняя, как говорят, опасалась, что у нее есть соперница в сердце ее августейшей подруги; и, на самом деле, мадам де Монтескье оказалась бы самой опасной соперницей для этой дамы, поскольку она сочетала в себе все те качества, которые радуют и делают человека любимым. Рожденная в знатной семье, она получила блестящее образование и сочетала тон и манеры лучшего общества с твердым и просвещенным благочестием. Никогда еще клевета не осмеливалась нападать на ее поведение, которое было столь же благородным, сколь и сдержанным. Я должен признать, что она была несколько надменной, но эта надменность смягчалась такой элегантною вежливостью и таким благородным вниманием, что это можно было счесть простым достоинством. Она была внимательна и усердна в своей преданности королю Рима и имела право на глубокую благодарность императрицы; ибо впоследствии, движимая самой великодушной преданностью, она оторвалась от своей страны, своих друзей, своей семьи, чтобы последовать судьбе ребенка, все надежды которого были разрушены.

Мадам де Монтебелло имела обыкновение вставать поздно. Утром, когда император отсутствовал, Мария Луиза отправилась побеседовать с ней в ее комнату; и чтобы не проходить через гостиную, где собирались дворцовые дамы, она вошла в апартаменты своей фрейлины через очень темный чулан, и такое поведение глубоко ранило чувства других дам. Я слышал, как Жозефина говорила, что мадам де Монтебелло была неправа, посвящая молодую императрицу в скандальные похождения, истинные или ложные, приписываемые некоторым из этих дам, о которых такая молодая, чистая, незатейливая женщина, как Мария Луиза, не должна была знать; и что это было одной из причин ее холодности по отношению к придворным дамам, которые, со своей стороны, не любили ее и делились своими чувствами с соседями и друзьями.

Жозефина нежно любила мадам де Монтескье и, когда они расстались, часто писала ей; эта переписка продолжалась до самой смерти Жозефины. Однажды мадам де Монтескье получила приказ от императора отвезти маленького короля в Багатель, где в то время находилась Жозефина. Она получила разрешение повидаться с этим ребенком, рождение которого вызвало бурные празднования в Европе. Хорошо известно, насколько бескорыстной была любовь Жозефины к Наполеону и как она смотрела на все, что могло приумножить его славу и

сделать ее более прочной; и в молитвах, которые она возносила за него после жгучего позора развода, была даже надежда, что он может быть счастлив в своей личной жизни и что его новая жена сможет родить этого ребенка, этого первенца его династии, тому, кого она сама не смогла сделать отцом.

Эта женщина ангельской доброты, которая упала в долгий обморок, узнав о вынесенном ей приговоре об отречении, и которая с того рокового дня влачила печальную жизнь в блистательном уединении Мальмезона; эта преданная жена, которая в течение пятнадцати лет разделяла судьбу своего мужа и которая так сильно способствовала его возвышению, была не последней, кто радовался рождению римского короля. Она привыкла говорить, что желание оставить потомство и быть представленными после нашей смерти существ, которые обязаны своей жизнью и положением в США, было чувство, глубоко запечатлелось в сердце мужчины; что это желание, которое было так естественно, и что она чувствовала так глубоко, как жена и мать, это желание иметь детей, чтобы выжить и продолжить свой род на земле, был еще более усиливаться, когда у нас было высокое предназначение препроводить их; что в наполеоновской необычное положение, как основатель огромной империи, невозможно было ему нужно долго этому противостоять чувство, что на дне каждого сердца, и что, если это правда, что это чувство растет пропорционально наследству мы оставим нашим детям, никто не может испытать более полно, чем Наполеон, ибо никто еще не обладала столь мощной державой на земле; что ход природы, сделав ее стерильности безнадежное зло, это была ее обязанность быть первым в жертве чувства своего сердца на благо государства, а на личное счастье Наполеона печально, но мощная аргументация, которая политики вызванный в помощь развода, и что эту прекрасную принцессу в иллюзию преданности ей казалось, что она убеждена в глубине ее сердца.

Королевское дитя было представлено ей. Я не знаю ничего в мире, что могло бы быть более трогательным, чем радость этой замечательной женщины при виде сына Наполеона. Сначала она смотрела на него глазами, полными слез, потом обняла и прижала к своему сердцу с нежностью, слишком глубокой, чтобы выразить ее словами. Здесь не было нескромных свидетелей, которым доставляло бы удовольствие потворствовать непочтительному любопытству или с критической иронией наблюдать за чувствами Жозефины, и не существовало нелепого этикета, который заморозил бы выражение этой нежной души; это была сцена из частной жизни, и Жозефина окунулась в нее всем сердцем. По тому, как она ласкала этого ребенка, можно было бы сказать, что это был какой-то обычный ребенок, а не сын Цезарей, как говорили льстецы, не сын великого человека, чья колыбель была окружена столькими почестями и который родился царем. Джозефина омыла его своими слезами и сказала ему несколько тех детских словечек, которыми мать дает понять и полюбить себя своему новорожденному. Наконец-то их пришлось разлучить. Беседа была короткой, но любящая душа Джозефины хорошо использовала ее. В этой сцене по ее радости можно было судить об искренности ее жертвы, и в то же время ее сдавленные вздохи свидетельствовали о ее степени. Визиты мадам де Монтескье наносились с большими интервалами, что очень огорчало Жозефину; но ребенок рос, и малейшее неосторожное слово, сказанное им, детское воспоминание могли оскорбить Марию Луизу, которая боялась Жозефины. Император хотел избежать этой неприятности, которая могла бы повлиять на его семейное счастье; поэтому он приказал наносить визиты реже, и в конце концов они были прекращены. Я слышал, как Жозефина говорила, что рождение римского короля вознаградило ее за все жертвы, и, конечно, никогда еще преданность женщины не была более бескорыстной и более полной.

Сразу после своего рождения король Рима был доверен заботам кормилицы здорового, крепкого телосложения, взятой из народа. Эта женщина не могла ни покидать дворец, ни принимать визиты какого-либо мужчины; в этом отношении соблюдались строжайшие меры предосторожности. Ее вывезли покататься за ее здоровье в экипаже, и даже тогда ее сопровождали несколько женщин.

Таковы были привычки Марии Луизы по отношению к своему сыну. Утром, около девяти часов, короля привели к его матери; она взяла его на руки и несколько минут ласкала, затем вернула няне и начала читать газеты. Ребенок устал, и дежурная дама забрала его. В четыре часа мать отправилась навестить своего сына; иными словами, Мария-Луиза спустилась в покои короля, захватив с собой какое-то вышивание, над которым она время от времени работала. Через двадцать минут после того, как ей сообщили, что г-н Изабей или г-н Прюдон прибыли на урок живописи или черчения, императрица вернулась в свои апартаменты.

Так прошли первые месяцы, последовавшие за рождением римского короля. В промежутках между празднествами император был занят указами, обзорами, памятниками и планами, постоянно занят, почти не отвлекаясь, неустойчив в любой работе, и по-прежнему казалось, что ему нечем занять свой могучий ум, и счастлив в личной жизни со своей молодой женой, которая нежно любила его. Императрица вела очень простую жизнь, что вполне соответствовало ее характеру. Джозефине требовалось больше развлечений; ее жизнь также была больше во внешнем мире, более оживленной, более экспансивной; хотя это не мешало ей быть очень верной своим домашним обязанностям и очень нежной и любящей по отношению к своему мужу, которого она знала, как сделать счастливым по-своему.

Однажды Бонапарт вернулся с охоты измученный и упросил Марию Луизу прийти к нему. Она подошла, и император заключил ее в объятия и звучно поцеловал в щеку. Мария Луиза взяла свой носовой платок и вытерла ей щеку. "Ну что, Луиза, я тебе противна?" — "Нет, - ответила императрица, - я сделала это по привычке; я делаю то же самое с королем Рима". Император казался раздосадованным. Жозефина была совсем другой; она нежно принимала ласки своего мужа и даже пошла ему навстречу. Император иногда говорил ей: "Луиза, поспи в моей комнате". — "Там слишком тепло", - отвечала императрица. На самом деле она не выносила жары, а апартаменты Наполеона постоянно отапливались. Кроме того, она испытывала крайнее отвращение к запахам и в своих комнатах разрешала жечь только уксус или сахар.

LANNES.

THE KING OF ROME.

JEROME BONAPARTE.

LA MARÉCHALE NEY.

OUDINOT.

JOSEPH NAPOLEON
AND
JULIA MARIA BONAPARTE.

TOM III.

NAPOLÉON AND HIS SON.

ГЛАВА I.

В сентябре 1811 года император решил совершить путешествие во Фландрию вместе с императрицей, чтобы лично убедиться, были ли выполнены его приказы во всех вопросах, касающихся как гражданского, так и религиозного управления. Их Величества покинули Компьень 19-го и прибыли в Монтрей-сюр-Мер в девять часов вечера. Я сопровождал императора в этом путешествии. Я читал в Мемориале О'Мира, что мсье Маршан в то время находился на службе у Наполеона. Это неверно, поскольку г-н Маршан поступил на личную службу к императору только в 1814 году в Фонтенбло. В то время Его Величество приказал мне выбрать из числа прислуги интеллигентного молодого человека, который помогал бы мне выполнять мои обязанности рядом с ним, поскольку никто из обычных "камердинеров" не должен был оставаться на острове Эльба. Я упомянул имя месье Маршана, сына кормилицы римского короля, как подходящего человека для этого места. Он был принят его величеством, и с этого времени г-н Маршан состоял на личной службе императора. Возможно, он был в этом путешествии в Голландию, но Наполеон не знал об этом, поскольку его обязанности не позволяли ему приближаться к особе его Величества.

Теперь я расскажу о некоторых обстоятельствах, произошедших во время этого путешествия и не известных широкой публике, и в то же время воспользуюсь возможностью опровергнуть другие утверждения, подобные тем, которые я только что упомянул, и которые я с удивлением, иногда смешанным с возмущением, прочитал в Современных мемуарах. Я считаю важным, чтобы общественность имела достоверную информацию обо всем, что касается этого путешествия, чтобы таким образом можно было пролить свет на определенные инциденты, посредством которых клевета нанесла удар по чести Наполеона и даже по моей собственной. Как преданный, хотя и смиренный слуга Императора, естественно, что я должен быть глубоко заинтересован в объяснении всего, что кажется сомнительным, в опровержении всей лжи и в внесении мельчайших исправлений во многие неправильные утверждения, которые могли бы повлиять на мнение общественности относительно моего господина и меня самого. Я выполню этот долг с совершенной откровенностью, что я достаточно доказал в предыдущих томах этих Мемуаров.

В Монтрее произошел небольшой инцидент, о котором я с удовольствием рассказываю, поскольку он доказывает, насколько тщательно Наполеон изучал как укрепления, так и улучшения, проводимые в городах, либо по его личным приказам, либо руководствуясь импульсом, приданным им этим важным подразделениям государственной службы. Ознакомившись с работами, проделанными в прошлом году на укреплениях Монтрей, и совершив экскурсию по всем крепостным валам, император вернулся в цитадель, откуда снова вышел, чтобы осмотреть внешние работы. Его путь преградил рукав реки Канче, протекающий у подножия стены с одной стороны города. Вся свита принялась за сооружение временного моста из досок и бревен, но император, раздраженный задержкой, перешел ручей по колено в воде. Владелец мельницы на противоположном берегу взял его Величество за руку, чтобы

помочь ему взобраться на берег, и воспользовался этой возможностью, чтобы объяснить императору, что его мельница, находящаяся на линии проектируемых укреплений, неизбежно будет снесена; после чего император повернулся кинженерам и сказал: "Этому храброму человеку должна быть возмещена любая потеря, которую он может понести". Затем он продолжил свой обход и не возвращался в свой экипаж до тех пор, пока не осмотрел все на досуге и не провел длительную беседу с гражданскими и военными властями Монреа. По пути ему представили солдата, раненого при Ратисбоне; и его величество приказал, чтобы ему на месте был сделан подарок и чтобы его прошение было представлено ему по прибытии в Булонь 20-го числа.

Это был второй раз, когда Булонь принимала императора в своих стенах. Сразу по прибытии он поднялся на борт флотилии и устроил смотр. Поскольку английский фрегат, очевидно, готовился приблизиться, чтобы более внимательно понаблюдать за происходящим на рейде, его Величество немедленно выслал французский фрегат под всеми парусами против вражеского корабля, после чего последний, подняв тревогу, немедленно исчез. 29 сентября его Величество прибыл во Флашинг, а из Флашинга отправился осмотреть укрепления в Тервуэрене. Когда он осматривал различные работы в этом месте, молодая женщина бросилась к его ногам с мокрыми от слез щеками и дрожащей рукой протянула прошение императору. Наполеон самым любезным образом помог ей подняться и поинтересовался целью ее прошения. "Сир, - сказала бедная женщина между рыданиями, - я мать троих детей, чей отец призван вашим величеством на военную службу; дети и мать в глубочайшем отчаянии". — "Сударь, - сказал его Величество кому-то из своей свиты, - запишите имя этого человека; я произведу его в офицеры". Молодая женщина попыталась выразить свою благодарность, но ее волнение и слезы помешали произнести хоть слово, и император продолжил свой путь.

Еще одним добрым поступком был отмечен его отъезд из Остенде. Покинув этот город, он направился по течению Эстрау и, так как ему не хотелось проходить через шлюзы, чтобы переправиться через Свиныю, сел в рыбацкую лодку в сопровождении герцога Виченцкого, его главного конюшего графа Лобау, одного из его адъютантов и двух гвардейских егерей. Эта лодка, принадлежавшая двум бедным рыбакам, стоила всего около ста пятидесяти флоринов, включая снаряжение, и была их единственным источником богатства. Переправа заняла около получаса, и его Величество высадился в форте Оранж на острове Кадсанд, где его ожидал префект со своей свитой; и поскольку он промок и страдал от холода, был разожжен большой костер, у которого он согревался с явным удовольствием. Затем рыбаков спросили, сколько они берут за проезд, и, когда они ответили, что по флорину с каждого пассажира, Наполеон приказал отсчитать им сто наполеонов и назначить пожизненную пенсию в размере трехсот франков. Невозможно передать радостное удивление этих бедняг, которые ни в малейшей степени не подозревали о высоком звании своего пассажира; но как только им сообщили об этом, об этом узнала вся страна, и таким образом многие сердца были завоеваны Наполеоном; в то же время императрицу Марию Луизу из-за него приветствовали в театре и всякий раз, когда она появлялась на улицах, искренними и громкими аплодисментами.

За два месяца до прибытия их Величеств повсюду в Голландии были сделаны приготовления, чтобы их могли принять надлежащим образом; и на пути следования императора не было такой маленькой деревушки, которая не стремилась заслужить его одобрение соответствующим великолепием приема, оказанного его Величеству. Почти весь французский двор сопровождал его в этом путешествии, и высшие сановники, фрейлины, старшие офицеры, адъютанты,

камергеры, конюшие, фрейлины, квартирмейстеры, камердинеры, распорядители солдатских помещений, кухонная обслуга — ни в чем не было недостатка. Наполеон намеревался ослепить взоры добрых голландцев великолепием своего двора; и, по правде говоря, его любезные манеры, его приветливость и перечисление многочисленных благ, которые он раздавал на своем пути, уже оказали свое влияние на покорение этого населения, несмотря на нахмуренные брови некоторых, которые, покуривая трубки, роптали на препятствия торговле, создаваемые континентальной системой.

Город Амстердам, где император решил остаться на некоторое время, внезапно оказался в состоянии особого замешательства из-за следующего обстоятельства: в этом городе был очень обширный дворец, но при нем не было ни карет, ни конюшен, что для свиты Наполеона было первостепенной необходимостью; а конюшни короля Людовика, помимо их недостаточности, были расположены слишком далеко от дворца, чтобы их могла занять хотя бы часть императорской прислуги. Вследствие этого в городе возникло большое замешательство, и было много трудностей с размещением лошадей императора; поскольку построить импровизированные конюшни за несколько дней, почти мгновенно, было невозможно, а построить каретные сараи посреди дворов имело бы смехотворный эффект. Но, к счастью, это трудное положение было прекращено одним из квартирмейстеров дворца по имени М. Эмери, человеком большого ума и старым солдатом, который, научившись у Наполеона и у силы обстоятельств тому, что трудности никогда не побеждают, загорелся счастливой мыслью превратить цветочный рынок в конюшни и каретные сараи и разместить там экипажи императора под огромными тентами.

Император наконец воссоединился со своей августейшей супругой в Брюсселе, где энтузиазм, вызванный его присутствием, был единодушен. По его предложению, столь же деликатному, сколь и политическому, Мария-Луиза во время своего пребывания здесь купила кружев на сумму сто пятьдесят тысяч франков, чтобы поощрить производителей. В то время ввоз во Францию английских товаров был строго запрещен, и все, что находили, сжигалось без разбора.

Из всей системы наступательной политики, проводимой Наполеоном против морской тирании Англии, ничто так близко не вызывало открытого противодействия, как энергичное соблюдение запретительных декретов. В Бельгии тогда находилось некоторое количество английских товаров, которые тщательно скрывались и которые каждый стремился заполучить, как это всегда бывает с запретными плодами. Все дамы из свиты императрицы сделали крупные закупки этих предметов, и одна даже наполнила ими несколько экипажей, не без опасения, однако, что Наполеон может быть проинформирован об этом и конфисковать все по прибытии во Францию. Эти экипажи с гербом императора переправились через Рейн, наполненные этим драгоценным багажом, и прибыли к воротам Кобленца, что вызвало мучительную неуверенность у должностных лиц таможни, пока они решали, следует ли им арестовать и досмотреть экипажи или позволить конвою беспрепятственно проехать, поскольку он якобы принадлежит императору. После зрелого обсуждения большинство приняло этот вариант; и экипажи успешно миновали первую линию французских таможен и благополучно прибыли в порт, то есть в Париж, с грузом запрещенных товаров. Если бы экипажи были остановлены, то, вероятно, Наполеон высоко оценил бы мужество таможенных инспекторов и безжалостно сжег бы конфискованные вещи.

Их Величества прибыли в Утрехт 6 октября и обнаружили, что каждый дом на набережных, а также улицы украшены лентами и гирляндами. Дождь лил как из ведра, но это не помешало властям с раннего утра быть на ногах, а населению - заполнять улицы. Как только Наполеон вышел из кареты, он, несмотря на погоду, вскочил на коня и отправился устраивать смотр нескольким полкам, расквартированным у ворот Утрехта, в сопровождении многочисленного штаба и большого количества любопытных, большинство из которых промокли до нитки. После смотра Наполеон вошел во дворец, где вся депутация ожидала его в огромном зале, еще без мебели, хотя он был построен королем Людовиком, и, не переодеваясь, дал аудиенцию всем, кто жаждал поздравить его, и с образцовым терпением выслушал обращенные к нему речи.

Въезд их Величеств в Амстердам был самым блестящим. Императрица в колеснице, запряженной великолепными лошадьми, опередила императора на несколько часов, который въехал верхом, окруженный блестящим посохом, сверкающим золотом и вышивками, который медленно приближался под крики восхищения и изумления добрых голландцев. В его простой и непринужденной манере держаться сквозило глубокое удовлетворение и, возможно, даже естественное чувство гордости при виде того, какой прием был оказан его славе здесь, как и везде, и всеобщее сочувствие, вызванное в массах одним его присутствием. Трехцветная драпировка, производившая очень эффектный эффект, свисала со столбов, установленных через равные промежутки, и служила украшением улиц, по которым должен был проезжать его Величество; и тот, кто три года спустя должен был ночью войти во дворец Тюильри и как беглец, после того как с большим трудом добился пропуска через ворота замка, прошел затем под триумфальными арками со славой, еще не запятнанной поражением, и все еще верным состоянием. Эти воспоминания болезненны для меня, но они всплывают в моей памяти даже против моей воли; ибо ни один год существования Империи не был отмечен большим количеством праздников, более триумфальных въездов или более народных ликований, чем тот, что предшествовал катастрофическому 1812 году.

Некоторые актеры французского театра в Париже сопровождали двор в Голландию, и Тальма играл там роли Баярда и д'Оросмана; а мсье Алиссан де Шазе руководил в Амстердаме представлением французскими комиками водевиля в честь их Величеств, название которого я забыл. Здесь я снова хочу опровергнуть другое утверждение, не менее ложное, сделанное автором этих "Современных мемуаров", относительно фиктивной связи между императором и мадемуазель Бургуан. Я привожу отрывок, о котором идет речь: "Мадемуазель Бургуэн, одна из делегатов от двора Талии, чтобы получить разрешение сопровождать группу в этом путешествии, легкомысленно поддалась искушению сделать нескромные откровения; она даже громко хвасталась, что привлекла императора в театр, в котором играла; и эти хвастовства, которые ни в коем случае не были добродетельными, достигли ушей императора, и он больше не посещал театр. Он поручил Тальме, к которому питал большое уважение, призвать хорошенькую актрису к молчанию и сообщить ей, что при малейшей неосторожности она будет возвращена во Францию под хорошим эскортом".

Это никоим образом не согласуется с тем, что его Величество сказал однажды в отношении этой актрисы, находясь в Эрфурте. Эти слова, которые автору Мемуаров не мешало бы вспомнить, доказывают, что у императора не было никаких взглядов на нее; и самым важным доказательством из всех является большая осмотрительность, которую император всегда проявлял в отношении своих любовей.

В течение всего путешествия по Голландии император проявлял себя сердечным и приветливым, приветствуя каждого самым любезным образом и обращаясь к каждому соответствующим образом, и никогда еще он не был так любезен и не стремился угодить. Он посещал мануфактуры, инспектировал верфи, производил смотр войск, обращался к морякам и присутствовал на балах, данных в его честь во всех городах, через которые проезжал; и среди этой жизни, полной кажущихся удовольствий и отвлечений, он проявлял себя едва ли не больше, чем в тихой, монотонной лагерной жизни, и был приветлив, милостив и доступен для всех своих подданных. Но в этих процессиях, в самый разгар этих празднеств, среди всех этих приветствий целых городов, спешащих ему навстречу, жаждущих служить его эскортом, под этими триумфальными арками, которые воздвигались для него иногда даже при въезде в малоизвестную деревню, его рассеянность была глубже, чем когда-либо, а сердце сильнее сжималось от забот; ибо с этого времени его мысли были полны экспедицией в Россию. И, возможно, в этой любезности, в этом дружелюбии и в этих актах милосердия, большинство из которых было чуждо его характеру, заключался замысел заранее уменьшить недовольство, которое вызовет эта экспедиция; и, возможно, привязывая к себе сердца всех, исчерпывая все средства угодить, он воображал, что заранее получает прощение посредством энтузиазма своих подданных за войну, которая, каким бы ни был результат, стоила Империи стольких крови и стольких слез.

Во время пребывания их Величеств в Амстердаме в апартаментах императрицы было установлено пианино, сконструированное таким образом, что оно выглядело как письменный стол с перегородкой посередине, и в этом пространстве был установлен небольшой бюст императора России. Вскоре после этого император пожелал посмотреть, подходят ли апартаменты императрицы, и, посещая их, заметил этот бюст, который молча сунул под мышку. Впоследствии он сказал одной из фрейлин императрицы, что хотел бы, чтобы этот бюст убрали; и ему подчинились, хотя это вызвало немалое удивление, поскольку тогда не было известно, что между двумя императорами возникла какая-либо прохлада.

Через несколько дней после своего прибытия в Амстердам император совершил несколько экскурсий по стране в сопровождении довольно многочисленной свиты. Он посетил в Саардаме крытый соломой коттедж, который приютил Петра Великого, когда тот приехал в Голландию под именем Пьера Михайлова изучать кораблестроение; и, пробыв там полчаса, император, уходя, заметил главному маршалу дворца. "Это самый прекрасный памятник в Голландии". Накануне вечером ее Величество императрица посетила деревню Брук, которая является гордостью всего севера Голландии. Почти все дома в деревне построены из дерева и одноэтажны, фасады украшены многочисленными росписями в соответствии с капризом владельцев. За этими картинами очень ревностно ухаживают, и они сохраняются в состоянии совершенной свежести. Через окна из чистейшего стекла видны занавески из расшитого китайского шелка, расписного муслина и прекрасных индийских тканей. Улицы вымощены кирпичом и очень чистые, их ежедневно моют и натирают, они покрыты мелким белым песком, в котором имитируются различные фигурки, особенно цветы. Плакаты в конце каждой улицы запрещают въезд экипажей в деревню, дома которой напоминают детские игрушки. За скотом ухаживают наемники на некотором расстоянии от города; а за пределами деревни есть постоянный двор для чужеземцев, поскольку им не разрешается останавливаться внутри. Перед некоторыми домами я заметил либо лужайку с травой, либо композицию из цветного песка и ракушек, иногда маленькие раскрашенные деревянные статуэтки, иногда причудливо подстриженные живые изгороди. Даже посудины и ручки для метел были выкрашены в разные

цвета, и за ними ухаживали так же, как и за остальной частью заведения; обитатели доходили в своей любви к чистоте до того, что заставляли тех, кто входил, снимать обувь и заменять ее тапочками, которые стояли у двери для этой единственной цели. В связи с этим мне вспомнился анекдот, связанный с императором Иосифом Вторым. Этот принц, появившись в сапогах у дверей дома в Бруке и получив просьбу снять их перед входом, воскликнул: "Я император!" — "Даже если бы вы были бургомистром Амстердама, вам не следовало входить в сапогах", — ответил хозяин дома. После этого добрый император надел тапочки.

Во время поездки в Голландию их величествам сообщили, что у короля Рима только что прорезался первый зуб и что здоровью этого августейшего ребенка это несколько не повредило.

В одном из маленьких городков на севере Голландии власти попросили разрешения императора представить ему старика в возрасте ста одного года, и он приказал привести его к себе. Этот более чем столетний старик все еще был полон сил и раньше служил в гвардии штатгальтера; он подал петицию, умоляя императора освободить от воинской повинности одного из его внуков, опору его старости. Его величество заверил его через переводчика, что не лишит его внука, и маршалу Дюроку было приказано оставить старику свидетельство императорской щедрости. В другом маленьком городке Фрисландии власти обратились к императору с таким странным обращением: "Сир, мы боялись, что вы приедете со всем двором; вы почти один, и поэтому мы видим вас лучше, и нам спокойнее". Император приветствовал этот верноподданнический комплимент и удостоил оратора самой трогательной благодарности. После этого долгого путешествия, прошедшего в празднествах, смотрах и выставках всякого рода, где император под видом развлечения делал глубокие наблюдения о моральном, торговом и военном положении Голландии, наблюдения, которые принесли плоды после его возвращения в Париж и даже во время пребывания в стране в мудрых и полезных указах, их Величества покинули Голландию, проехав через Харлем, Гаагу и Роттердам, где их приветствовали, как и во всей Голландии, празднествами. Они пересекли Рейн, посетили Кельн и Экс-ла-Шапель и прибыли в Сен-Клу в начале ноября 1811 года.

ГЛАВА II.

Мари Луи была очень красивой женщиной. У нее была величественная фигура и благородная осанка, свежий цвет лица, светлые волосы и выразительные голубые глаза; ее руки и ноги вызывали восхищение придворных. Ее фигура была, возможно, немного полновата; но она потеряла часть этой лишней плоти за время своего пребывания во Франции, хотя благодаря этому приобрела столько же изящества и красоты. Такой была ее внешность. В общении с теми, кто непосредственно окружал ее, она была приветлива и сердечна; и удовольствие, которое она испытывала от свободы этих бесед, отражалось на ее лице, которое оживлялось и приобретало бесконечную грацию. Но когда ей приходилось появляться на людях, она становилась

чрезвычайно робкой; официальное общество само по себе служило ее изоляции; и поскольку люди, не отличающиеся надменностью от природы, всегда выглядят не очень грациозно, Мария Луиза, всегда сильно смущавшаяся в дни приемов, часто была предметом несправедливой критики; ибо, как я уже говорил, ее холодность на самом деле проистекала из чрезмерной робости.

Сразу после своего прибытия во Францию Мария Луиза в очень большой степени страдала от этого смущения, что легко понять для молодой принцессы, которая так внезапно оказалась перенесенной в совершенно новое общество, привычкам и вкусам которого она чувствовала себя обязанной соответствовать, и в котором, хотя ее высокое положение, естественно, должно было привлекать к ней внимание всего мира, обстоятельства этого положения требовали, чтобы она проявляла инициативу в любых заигрываниях, что объясняет неловкость ее ранних отношений с придворными дамами. После того как установились близкие отношения и молодая императрица выбрала себе друзей со всей самоотверженностью своего юного сердца, надменность и скованность исчезли или появлялись вновь только в торжественных случаях. Мария Луиза обладала спокойным, вдумчивым характером; требовалось совсем немного, чтобы пробудить ее чувствительный дух; и все же, хотя она была легко растрогана, она ни в коем случае не демонстрировала этого. Императрица получила очень тщательное образование, ее ум был развитым, а вкусы очень простыми, и она обладала всеми достижениями.

Она терпеть не могла скучных часов, проведенных в праздности, и любила занятие, потому что оно соответствовало ее вкусам, а также потому, что в правильном использовании своего времени она находила единственное средство прогнать скуку. Я думаю, что на самом деле она была самой подходящей женой для императора. Ее слишком сильно интересовали заботы собственной частной жизни, чтобы когда-либо вмешиваться в политические интриги, и, хотя она была и императрицей, и королевой, очень часто пребывала в полном неведении относительно государственных дел, за исключением тех сведений, которые она черпала из дневников. Император в конце своих взволнованных дней мог немного расслабиться только у тихого домашнего очага, который возвращал ему счастье семейной жизни; и, следовательно, интригующая женщина или разговорчивый политик чрезвычайно раздражали бы его.

Тем не менее император иногда жаловался на недостаток приветливости, которую императрица проявляла к придворным дамам, и говорил, что эта чрезмерная сдержанность вредит ему в стране, где наиболее распространена противоположная крайность.

Это было потому, что он немного вспоминал прошлое и думал об императрице Жозефине, чье постоянное веселье было главным очарованием двора. Он поневоле был поражен контрастом; но не лежала ли в основе этого какая-то несправедливость? Императрица Мария Луиза была дочерью императора, видела и знала только придворных и, не имея знакомства ни с каким другим сословием, ничего не знала ни о каком мире за стенами венского дворца. В один прекрасный день она прибыла в Тюильри в окружении людей, которых она никогда не видела иначе, как солдатами; и по этой причине сдержанность ее поведения по отношению к лицам, составляющим блестящее общество Парижа, кажется мне до известной степени простительной. Кроме того, мне кажется, что от императрицы ожидали откровенности и простоты, которые были совершенно неуместны; и, поскольку ее снова и снова призывали вести себя естественно, ей помешали соблюсти эту формальность, также подходящую для великих людей, к которым следует обращаться только тогда, когда они сами подадут сигнал.

Императрица Жозефина любила народ, потому что сама была одной из них; и, взойдя на трон, ее экспансивная натура могла многое выиграть, поскольку она обнаружила, что это лишь расширило ее дружбу среди более широкого круга. Вдохновленная своим собственным добрым сердцем, императрица Мария Луиза стремилась сделать счастливыми тех, кто ее окружал; и ее благотворительные поступки долгое время были предметом разговоров, и, прежде всего, о том, как деликатно они совершались. Каждый месяц она брала из суммы, выделенной на ее туалет, десять тысяч франков для бедных, что не было пределом ее благотворительности, ибо она всегда с величайшим интересом принимала тех, кто приходил рассказать ей о бедствиях, которые необходимо облегчить. Судя по тому рвению, с которым она выслушивала тех, кто просил о помощи, могло показаться, что ее внезапно призвали к исполнению долга; и все же это было просто свидетельством того, что были затронуты струны ее чувствительного сердца. Я не знаю, получал ли кто-либо когда-либо от нее отказ на требование подобного рода. Император был глубоко тронут каждый раз, когда ему сообщали о великодушном поступке императрицы. В восемь часов утра в покоях императрицы Марии Луизы были приоткрыты шторы и ей вручили бумаги, после прочтения которых подали шоколад или кофе с разновидностью сдобы, называемой "язык". Этот первый завтрак она съела в постели. В девять часов Мария-Луиза встала, совершила свой утренний туалет и приняла тех, кому выпала честь присутствовать в этот час. Каждый день в отсутствие императора императрица поднималась в апартаменты мадам де Монтебелло, своей фрейлины, сопровождаемая своей обслугой, состоящей из кавалера ордена почета и нескольких придворных дам; а по ее возвращении в свои апартаменты подавался легкий завтрак, состоявший из выпечки и фруктов. После уроков рисования и музыки она приступила к своему парадному туалету. Между шестью и семью часами она обедала с императором или, в его отсутствие, с мадам де Монтебелло, причем обед состоял только из одного блюда. Вечер прошел на приемах или в концертах, спектаклях и т. Д., И императрица удалилась в одиннадцать часов. Одна из ее женщин всегда спала в комнате напротив ее спальни, и именно через это императору приходилось проходить, когда он проводил ночь в комнате своей жены.

Однако этот обычный распорядок императрицы менялся, когда император бывал в замке; но когда она оставалась одна, она была пунктуальна во всех своих делах и делала точно то же самое в те же часы. Ее личные слуги, казалось, были очень привязаны к ней, потому что, несмотря на ее холодные и отстраненные манеры, они всегда находили ее хорошей и справедливой.

В отсутствие императора портрет герцогини Монтебелло украшал комнату императрицы вместе с портретами всей австрийской императорской семьи; но когда император вернулся, портрет герцогини был снят, а во время войны между Наполеоном и императорами Австрии и России - портрет Франциска II. был удален из комнаты его дочери по приказу его Величества и, я думаю, помещен в какое-нибудь потайное место.

Король Рима был очень милым ребенком, и хотя он меньше походил на императора, чем сын Гортензии, черты его лица представляли собой приятное сочетание черт его отца и матери. Я знал его только в младенчестве, и что было самым замечательным в нем в том возрасте, так это огромная доброта и привязанность, которые он проявлял к окружающим. Он был очень привязан к молодой и хорошенькой особе по имени Фанни Суффло, дочери первой камеристки, которая была его постоянной спутницей; и так как ему нравилось видеть ее всегда хорошо одетой, он попросил Марию Луизу или свою гувернантку, мадам графиню Монтескую, подарить

своему юному другу любой наряд, который пришелся бы ему по вкусу. Он взял с нее обещание пойти с ним на войну, когда вырастет, и наговорил много очаровательных вещей, которые свидетельствовали о его нежном нраве.

В качестве компаньона для маленького короля (как он себя называл) был выбран маленький ребенок по имени Альберт Фромент, я думаю, сын одной из фрейлин. Однажды утром, когда они вместе играли в саду, в котором открылись апартаменты короля в Сен-Клу, мадемуазель Фанни наблюдала за ними, не вмешиваясь в их игры, Альбер попытался отобрать королевскую тачку; и когда последний воспротивился, Альбер ударил его, после чего король воскликнул: "О, а если бы кто-нибудь увидел тебя! Но я никому не скажу!" Я считаю это прекрасным свидетельством характера.

Однажды он стоял у окон замка со своей гувернанткой и развлекался тем, что разглядывал прохожих и указывал пальцем на тех, кто привлекал его внимание. Стоя там, он увидел внизу женщину в глубоком трауре, держащую за руку маленького мальчика, тоже одетого в траур. Маленький ребенок нес прошение, которым он издали помахал принцу и, казалось, умолял его принять его. Их черная одежда произвела глубокое впечатление на принца, и он спросил, почему бедное дитя одето во все черное. "Несомненно, потому, что его папа умер", - ответила гувернантка, после чего ребенок выразил искреннее желание поговорить с маленьким просителем. Мадам де Монтескью, которая особенно желала воспитать в своей юной воспитаннице склонность к милосердию, распорядилась, чтобы мать и дитя были воспитаны. Она оказалась вдовой храбреца, погибшего в последней кампании; после его смерти она обнищала и была вынуждена просить пенсию у императора. Молодой принц взял прошение и пообещал передать его своему папе. И на следующий день, когда он, как обычно, пошел засвидетельствовать свое почтение отцу и вручил ему все прошения, представленные ему накануне вечером, только одно стояло особняком; это было прошение его маленького протеже. "Папа, - сказал он, - вот прошение от маленького мальчика, отец которого был убит из-за тебя; назначь ему пенсию". Наполеон был глубоко тронут и обнял своего сына, и в тот же день были отданы распоряжения о пенсии. Такое поведение столь юного ребенка неоспоримо свидетельствует о прекрасном сердце.

Его раннее воспитание было превосходным, поскольку мадам де Монтескью имела на него безграничное влияние благодаря манере, одновременно мягкой и серьезной, с которой она исправляла его ошибки. Ребенок в целом был послушным, но, тем не менее, иногда у него случались сильные приступы гнева, для исправления которых его гувернантка использовала превосходное средство, заключавшееся в том, чтобы оставаться совершенно невозмутимым до тех пор, пока он сам не обуздает свою ярость. Когда ребенок пришел в себя, несколько строгих и уместных замечаний превратили его на остаток дня в маленького Катона. Однажды, когда он катался по полу, отказываясь слушать увещевания своей гувернантки, она закрыла окна и ставни; и ребенок, пораженный этим поступком, забыл, что привело его в ярость, и спросил ее, почему она это сделала. "Я сделал это, потому что боялся, что вас услышат; как вы думаете, захотел бы французский народ видеть вас своим принцем, если бы знал, что вы поддаетесь таким приступам гнева?" — "Вы думаете, они услышали меня?" он спросил: "Мне было бы очень жаль, если бы они это сделали. Простите, мама Квиу [так он звал ее], я больше не буду этого делать".

Император был страстно предан своему сыну; брал его на руки каждый раз, когда видел, и очень весело прыгал с ним взад-вперед, и был в восторге от радости, которую он проявлял. Он дразнил его, ставя перед зеркалом и корча гримасы, над которыми ребенок смеялся до слез. За завтраком он посадил его к себе на колени, обмакнул палец в соус, заставил его пососать и вымазал им лицо; а когда гувернантка отругала его, император рассмеялся еще громче, и ребенок, которому нравилось это развлечение, попросил отца повторить его. Это был подходящий момент для поступления петиций в замок, поскольку в такие моменты их всегда хорошо принимали благодаря всемогущему авторитету маленького посредника.

Император в своих нежных настроениях иногда вел себя еще более по-детски, чем его сын. Юному принцу было всего четыре месяца, когда его отец надел на хорошенького младенца свою треуголку.

Ребенок обычно много плакал, и в эти моменты император обнимал его с пылом и восторгом, которые мог почувствовать только нежный отец, говоря ему:

"Что, сир, вы плачете? Король плачет; тьфу, тогда как это некрасиво!" Ему был всего год, когда я увидел, как император на лужайке перед замком накинул перевязь с мечом на плечи короля, а шляпу на голову и протянул руки к ребенку, который ковылял к нему, время от времени запутываясь маленькими ножками в отцовском мече; и было прекрасно видеть, с каким рвением император протягивал руки, чтобы удержать его от падения.

Однажды в своем кабинете император лежал на полу, король сидел верхом у него на коленях, прыжками подбирался к лицу своего отца и целовал его. В другой раз ребенок вошел в зал совета после окончания заседания и бросился в объятия своего отца, не обращая внимания ни на кого другого, на что император сказал ему: "Сир, вы не поприветствовали этих джентльменов". Ребенок повернулся, грациозно поклонился, и отец взял его на руки. Иногда, отправляясь навестить императора, он бежал так быстро, что оставлял мадам де Монтескью далеко позади, и говорил швейцару: "Открой мне дверь, я хочу видеть папу". Швейцар ответил: "Сир, я не могу этого сделать". — "Но я маленький король". — "Нет, сир, я не могу открыть ее". В этот момент появилась его гувернантка; и сильный в ее защите, он гордо повторил: "Откройте дверь, этого желает король".

Мадам де Монтескью добавила к молитвам, которые ребенок повторял утром и вечером, такие слова: "Боже мой, вдохнови папу заключить мир ради счастья Франции". Однажды вечером император присутствовал при отходе ко сну своего сына и произнес ту же молитву, после чего император молча обнял его, ласково улынувшись мадам де Монтескью.

Император имел обыкновение говорить королю Рима, когда тот пугался любого шума или его гримас: "Ну же, ну же! королю не следует бояться".

Я вспоминаю другой анекдот, касающийся юного сына императора, который рассказал мне сам его Величество однажды вечером, когда я, как обычно, раздевал его, и над которым император от души посмеялся. "Вы не поверите, - сказал он, - какой исключительной награды мой сын желал от своей гувернантки за то, что она была хорошей. Разве она не позволила бы ему пойти и побродить по грязи?" Это было правдой и, как мне кажется, доказывает, что величие, окружающее колыбель принцев, не может изгнать из их умов странные капризы детства.

ГЛАВА III.

Всему миру знакомо имя аббата Жоффруа сатирической памяти, который доводил до отчаяния самых популярных актеров и авторов того времени. Этот безжалостный Аристарх, должно быть, был самым пылким образом влюблен в эту неприятную профессию, ибо иногда он подвергал таким образом опасности не свою жизнь, чего, возможно, искренне желали бы многие люди, но, во всяком случае, свое здоровье и покой. Несомненно, хорошо нападать на тех, кто может ответить пером, поскольку тогда последствия столкновения не выходят за рамки насмешек, которые часто выпадают на долю обоих противников. Но аббат Жоффруа соответствовал только одному из двух условий, в силу которых можно критиковать, — в его перу было много горечи, но он не был человеком с мечом; а всем известно, что есть люди, на которых необходимо нападать обоими этими видами оружия.

Актер, которому Жоффруа не совсем польстил своей критикой, решил отомстить в пикантном стиле, над которым он мог долго и громко смеяться. Однажды вечером, предвидя, что появится в дневнике на следующий день, он не придумал ничего лучшего, как схватить Жоффруа, когда тот возвращался из театра, и отвести его с забинтованными глазами в дом, где этому человеку, считавшему себя мастером письма, предстояло наказание школьника.

Этот план был осуществлен. Как раз в тот момент, когда аббат вернулся в свое жилище, возможно, потирая руки, обдумывая какой-нибудь изящный сюжет для завтрашней газеты, трое или четверо крепких парней схватили его и, не говоря ни слова, доставили к месту наказания; а некоторое время спустя тем же вечером аббат, хорошо выпоротый, открыл глаза посреди улицы и обнаружил, что он один вдали от своего жилища. Император, когда ему рассказали об этом нелепом деле, нисколько не развеселился, а, напротив, очень рассердился и сказал, что если бы он знал виновников этого безобразия, то приказал бы их наказать. "Когда человек нападает с ручкой, - добавил он, - ему следует отвечать тем же оружием". Правда также заключается в том, что император был очень привязан к месье Жоффруа, чьи труды он не хотел подвергать цензуре, как труды других журналистов. В Париже говорили, что такое пристрастие великого человека к язвительному критику проистекало из того факта, что эти статьи в "Журнале империи", привлекавшие в тот период большое внимание, были полезным развлечением столичных умов. Я ничего не знаю положительно на этот счет; но когда я размышляю о характере императора, который не желал, чтобы кто-либо занимался его политическими делами, эти мнения кажутся мне не лишенными основания.

Доктор Корвизар не был придворным и редко навещал императора, за исключением своих регулярных визитов каждую среду и субботу. Он был очень откровенен с императором, решительно настаивал на том, чтобы его указания выполнялись в точности, и в полной мере использовал предоставленное врачам право ругать своих нерадивых пациентов. Император особенно любил его и всегда задерживал, по-видимому, находя большое удовольствие в его беседе.

После поездки в Голландию в 1811 году г-н Корвизар однажды в субботу пришел навестить императора и застал его в добром здравии. Он оставил его после туалета и немедленно отправился наслаждаться прелестями погони, которую тот чрезвычайно любил. У него была привычка не сообщать, куда он направляется, исключительно для того, чтобы его не прервали по какому-нибудь незначительному поводу, как это иногда с ним случалось, потому что доктор был очень услужливым и внимательным. В тот день после завтрака, который, по обычаю, он проглотил быстро, у императора внезапно начались сильные колики, и он был совершенно болен. Он попросил позвать г-на Корвизара, и за ним был отправлен курьер, который, не найдя его в Париже, поспешил в его загородный дом; но доктор был в погоне, никто не знал, где именно, так что курьеру пришлось вернуться без него. Император был глубоко раздосадован, и так как он продолжал сильно страдать, то, наконец, лег в постель, и Мария Луиза пришла и провела с ним несколько минут; наконец позвали господина Ивана и назначили лекарства, которые вскоре принесли облегчение императору.

Г-н Корвизар, возможно, несколько встревоженный, пришел в понедельник вместо среды; и когда он вошел в комнату Наполеона, тот, одетый в халат, подбежал к нему и, схватив его за оба уха, сказал: "Что ж, месье, похоже, что, если бы я был серьезно болен, мне пришлось бы обойтись без ваших услуг". Г-н Корвизар извинился, спросил императора, как он пострадал, какие средства он использовал, и пообещал всегда сообщать, где его можно найти, чтобы его немедленно вызвали по вызову его Величества. Приказы, и император вскоре был умиротворен. Это событие действительно пошло доктору на пользу, ибо таким образом он отказался от вредной привычки, чему, вероятно, радовались его пациенты.

Г-н Корвизар имел очень большое влияние на императора, настолько большое, что многие знавшие его люди присвоили ему звание доктора петиций; и очень редко ему удавалось получить благоприятный ответ на свои просьбы. Тем не менее я часто слышал, как он тепло отзывался о господине де Буррьене, чтобы внушить императору, что он очень привязан к его Величеству; но последний всегда отвечал: "Нет, Буррьен слишком англичанин; и, кроме того, у него все очень хорошо; я нашел его в Гамбурге. Он любит деньги, и он может их там заработать".

Именно в 1811 году кардинал Феш чаще всего бывал в апартаментах императора, и их беседы казались мне очень оживленными. Кардинал самым яростным образом отстаивал свое мнение, говоря очень громким тоном и с большой словоохотливостью. Эти разговоры длились не более пяти минут, прежде чем стали очень ожесточенными, и я слышал, как император повысил голос до такой же высоты; затем последовал обмен резкими выражениями, и каждый раз, когда появлялся кардинал, я испытывал огорчение за императора, который всегда был очень взволнован в конце этих бесед. Однажды, когда кардинал прощался с императором, я услышал, как тот резко сказал ему: "Кардинал, вы пользуетесь своим положением".

За несколько дней до нашего отъезда в Россию император вызвал меня днем и приказал принести из сокровищницы шкатулку с бриллиантами и поставить ее в его комнате, а не уходить далеко, так как у него есть для меня важное дело. Около девяти часов вечера меня снова вызвали, и я застал г-на де Лавалетта, генерального директора почты, в комнате императора. Его Величество открыл шкатулку в моем присутствии и, осмотрев содержимое, сказал мне: "Констант, сам отнеси эту шкатулку в карету графа и оставайся там до его приезда". Карета стояла у подножия парадной лестницы во дворе Тюильри; я открыл ее, сел на свое место и ждал до половины двенадцатого, когда прибыл г-н де Лавалетт, прошедший все это время в беседе с

императором. Я не мог понять этих предосторожностей при доставке бриллиантов месье де Лавалетту, но они, безусловно, были не лишены мотива.

В коробке находился меч, на навершии которого красовался бриллиант регента, рукоятка также была усыпана драгоценными бриллиантами; большой воротник ордена Почетного легиона; украшения, шляпный шнурок, наплечник и пуговицы коронационных одежд, пряжки для обуви и подвязки - все это имело огромную ценность.

Незадолго до того, как мы отправились в русскую кампанию, Жозефина послала за мной, и я сразу же отправился в Мальмезон, где эта превосходная женщина повторила свои искренние рекомендации самым тщательным образом следить за здоровьем и безопасностью императора; и взяла с меня обещание, что, если с ним произойдет какой-либо несчастный случай, пусть даже незначительный, я напишу ей, поскольку ей чрезвычайно не терпелось узнать настоящую правду о нем. Она много плакала; постоянно говорила со мной об императоре и после более чем часовой беседы, в которой дала полную волю своим эмоциям, подарила мне свой портрет, написанный Сеном на золотой табакерке. Я был очень подавлен этим разговором, потому что ничто не могло быть более трогательным, чем видеть эту женщину опозоренной, но все еще любящей, умоляющей меня позаботиться о человеке, который бросил ее, и проявляющей к нему тот же нежный интерес, который проявила бы самая любимая жена.

При въезде в Россию, о чем я говорю здесь скорее в соответствии с порядком моих воспоминаний, чем по времени, император разослал по трем разным дорогам отряды отборной полиции для предварительной подготовки жилья, кроватей, припасов и т. Д. Этими офицерами были г-н Сарразен, адъютант-лейтенант, Верж, Молен и лейтенант Пачо. Далее я посвящу целую главу нашему маршруту из Парижа в Москву.

Незадолго до битвы при Ла-Москве в лагерь привели человека, одетого в русскую форму, но говорившего по-французски; по крайней мере, его язык представлял собой странную смесь французского и русского. Этот человек тайно сбежал с позиций противника; и когда он увидел, что наши солдаты находятся совсем недалеко от него, бросил свое ружье на землю, крича с очень сильным русским акцентом: "Я француз", - и наши солдаты сразу же взяли его в плен.

Никогда еще заключенный не был так очарован сменой места жительства. Этот бедняга, который, казалось, был вынужден против своей воли взяться за оружие на службе у врагов своей страны, прибыл во французский лагерь, назвал себя счастливейшим из людей, вновь обретая своих соотечественников, и пожал руку всем солдатам с пылом, который привел их в восторг. Его привели к императору, и он, казалось, испытывал благоговейный трепет, оказавшись в присутствии короля Франции, как он называл его Величество. Император подробно расспросил его, и в своем ответе он заявил, что грохот французских пушек всегда заставлял биться его сердце и что он боялся только одного - что его могут убить его соотечественники. Из того, что он рассказал императору, следовало, что он принадлежал к тому многочисленному классу людей, которые оказываются переселенными своей семьей в чужую страну, толком не зная причины своей эмиграции. Его отец занимался в Москве небогатой промышленной профессией и умер, оставив его без средств на будущее, и, чтобы заработать себе на хлеб, он стал солдатом. Он сказал, что российская военная дисциплина была одним из его сильнейших стимулов к дезертирству, добавив, что у него сильные руки и храброе сердце, и он служил бы во французской армии, если бы генерал разрешил. Его откровенность понравилась императору, и он попытался получить от него какую-нибудь

положительную информацию о состоянии общественного сознания в Москве; и убедился из его более или менее разумных откровений, что в этой древней столице было много беспорядков.

Он сказал, что на улице были слышны крики: "Больше никакого Барклая!"

[Принц Михаил Барклай де Толли, родился в Лифляндии в 1755 году, шотландского происхождения; отличился в войнах против Швеции, Турции и Польши в 1788 и 1794 годах, а также против французов в 1806 году; командовал русской армией против Наполеона в 1812 году, пока после Смоленской битвы Кутузов не был заменен Кутузовым и командовал правым крылом при Бородино; затем командовал при Бауцене и Лейпциге; умер в 1818 году]

Долой предателя! увольте его! Да здравствует Кутузов!" Купечество, обладавшее большим влиянием благодаря своему богатству, жаловалось на систему выжидания, которая оставляла людей в неуверенности и ставила под угрозу честь русского оружия; и император считал непростительным, что он оказал свое доверие иностранцу, в то время как старому Кутузову, в жилах которого текла кровь и сердце русского, было отведено второстепенное положение. Император Александр не обращал особого внимания на эти энергичные жалобы, пока, наконец, напуганный симптомами восстания, которые начали проявляться в армии, он не уступил, и Кутузов был назначен генералиссимусом, по поводу чего в Москве прошли ликование и иллюминации. Говорили о великой битве с французами; энтузиазм в русской армии был на пике, и каждый солдат прикрепил к своей фуражке зеленую ветку. Заключение с благоговением отзывался о Кутузове и сказал, что это был пожилой человек с седыми волосами и большими усами и глазами, которые вселяли в него ужас; что ему не доставало того, чтобы одеваться, как французские генералы; что он носил самую обычную одежду — у него, у кого могли быть такие красивые; что он рычал, как лев, когда сердился; что он никогда не отправлялся в поход, не помолившись; и что он часто крестился в разное время дня. "Солдаты любят его, потому что говорят, что он так похож на Суворороу. Я боюсь, что он причинит французам много вреда", - сказал он. Император, удовлетворенный этими сведениями, отпустил пленника и отдал приказ выпустить его из лагеря; после этого он храбро сражался бок о бок с нашими солдатами. Император въехал в Гятск с самым необычным эскортом.

Несколько казаков были взяты в плен в стычке; и его величество, который в то время очень жаждал информации отовсюду, пожелал допросить этих дикарей и с этой целью приказал доставить двух или трех человек в его штаб. Эти люди, казалось, были созданы для того, чтобы всегда находиться верхом, и их вид, когда они сошли на землю, был весьма забавным. Их ноги, которые привычка прижимать лошадиные бока раздвинула далеко друг от друга, напоминали пару клешней, и вообще у них был такой вид, словно они были не в своей тарелке. Император въехал в Гятск в сопровождении двух конных варваров, которые, казалось, были очень польщены такой честью. Я заметил, что иногда император с трудом подавлял улыбку, когда становился свидетелем неловкого вида этих кавалеров с Украины, особенно когда они пытались важничать. Их сообщения, которые переводчик императора понимал с некоторым трудом, казались подтверждением всего, что его Величество слышал о Москве. Своими оживленными жестами, конвульсивными движениями и воинственными позами эти варвары дали императору понять, что вскоре между французами и русскими произойдет большое сражение. Император угостил их бренди, которое они выпили, как воду, и снова поднес им бокалы с прохладцей, которая была очень забавной. Их лошади были маленькими, с коротко

остриженными гривами и длинными хвостами, таких, к сожалению, можно увидеть, не выезжая из Парижа.

Общеизвестно, что неаполитанский король произвел на этих варваров самое благоприятное впечатление. Когда однажды императору было объявлено, что они желают назначить его своим гетманом, императора очень позабавило это предложение, и он в шутку сказал, что готов одобрить этот выбор свободного народа. В внешности неаполитанского короля было что-то театральное, что очаровывало этих варваров, потому что он всегда великолепно одевался. Когда его конь нес его перед колонной, его прекрасные волосы были растрепаны ветром, когда он наносил те величественные удары саблей, которые косили людей, как солому, я хорошо могу понять, какое глубокое впечатление он произвел на воображение этих воинственных людей, среди которых ценятся только внешние качества. Говорят, что король Неаполя простым поднятием этого мощного меча обратил в бегство орду этих варваров. Я не знаю, сколько правды в этом утверждении, но это, по крайней мере, возможно.

Казак, как и все расы, все еще находящиеся в зачаточном состоянии, верят в волшебников. Был рассказан очень забавный анекдот о великом предводителе казаков, знаменитом Платове. Преследуемый неаполитанским королем, он отступал, когда пуля попала в одного из офицеров, стоявших рядом с ним, после чего гетман был так сильно разгневан на своего мага, что приказал выпороть его в присутствии всей своей орды, самым горьким образом упрекая его в том, что он не отвратил пули своим колдовством. Это было явным доказательством того факта, что он верил в свое искусство больше, чем сам колдун.

3 сентября из своего штаба в Гятске император приказал своей армии готовиться к генеральному сражению. В течение нескольких дней в охране бивуаков наблюдалась большая расхлябанность, и теперь он удвоил строгость правил в отношении подписей. Некоторые отряды, посланные за провизией, слишком затянули свою экспедицию, и император поручил полковникам выразить им свое недовольство, добавив, что те, кто не вернется к следующему дню, не смогут участвовать в сражении. Эти слова не нуждались в комментариях.

Местность вокруг Гятска была очень плодородной, и поля теперь были покрыты рожью, готовой к посеву серпом, в которой то тут, то там виднелись широкие бреши, сделанные казаками во время их бегства. С тех пор я часто сравнивал вид этих полей в ноябре и сентябре. Какая ужасная вещь - война! За несколько дней до битвы Наполеон в сопровождении двух своих маршалов совершил пешую инспекционную поездку по окраинам города.

Накануне этого великого события он обсуждал все самым спокойным образом, говоря об этой стране так, как он говорил бы о прекрасной, плодородной провинции Франции. Слушая его, можно было подумать, что здесь была найдена армейская житница, что, следовательно, она обеспечит отличные зимние квартиры, и первой заботой правительства, которое он собирался учредить в Гятске, будет поощрение сельского хозяйства. Затем он указал своим маршалам на красивые изгибы реки, давшей название деревне, и, казалось, был в восторге от пейзажа, раскинувшегося перед его глазами. Я никогда не видел, чтобы император предавался таким нежным эмоциям, и не видел такой безмятежности, проявляющейся как в выражении его лица, так и в разговоре; и в то же время я никогда не был так глубоко поражен величием его души.

5 сентября император поднялся на Бородинские высоты, надеясь с первого взгляда оценить соответствующие позиции двух армий; но небо было затянуто тучами. Вскоре пошел один из тех

мелких холодных дождей, которые так часто выпадают ранней осенью и издали напоминают довольно густой туман. Император попытался воспользоваться своими очками, но своего рода завеса, покрывавшая всю страну, не позволяла ему видеть на расстоянии, что его очень раздосадовало. Дождь, гонимый ветром, косо попадал на его полевые бинокли, и ему приходилось вытирать их снова и снова, к своему великому раздражению. Атмосфера была такой холодной и сырой, что он заказал свой плащ и завернулся в него, сказав, что, поскольку оставаться там невозможно, он должен вернуться в штаб, что он и сделал, и, бросившись на кровать, ненадолго заснул. Проснувшись, он сказал: "Констант, я слышу шум снаружи; пойдй посмотри, что это". Я вышел и вернулся, чтобы сообщить ему, что прибыл генерал Коленкур; услышав это известие, император поспешно встал и побежал навстречу генералу, с тревогой спрашивая его: "Вы привели с собой каких-нибудь пленных?" Генерал ответил, что ему не удалось взять пленных, поскольку русские солдаты предпочли смерть капитуляции. Император немедленно крикнул: "Пусть выдвигается вся артиллерия". Он решил, что, готовясь превратить эту войну в войну на уничтожение, пушки избавят его войска от необходимости разряжать мушкеты.

6-го, в полночь, императору было доложено, что костров у русских, по-видимому, стало меньше, и пламя в нескольких местах погасло; и некоторые говорили, что слышали приглушенный бой барабанов. Армия была в состоянии великой тревоги. Император дико вскочил с постели, неоднократно восклицая: "Это невозможно!"

Я попытался передать ему его одежду, чтобы он мог одеться потеплее, поскольку ночь была очень холодной; но ему так не терпелось лично убедиться в правдивости этих утверждений, что он выбежал из палатки, завернувшись только в плащ. Фактом было то, что костры на бивуаке побледнели, и у императора появились основания для самых серьезных подозрений. Чем бы закончилась война, если бы русские сейчас отступили? Он вернулся в свою палатку очень взволнованный и снова лег спать, много раз повторяя: "Мы узнаем правду завтра утром".

7 сентября на безоблачном небе взошло солнце, и император воскликнул: "Это солнце Аустерлица!" Эти слова императора были доведены до сведения армии и повторены ею с большим энтузиазмом. Забили барабаны, и был зачитан приказ дня:

СОЛДАТЫ, узрите битву, которой вы так долго желали! Отныне эта победа зависит от вас, которая так необходима нам, поскольку она обеспечит нас обильной провизией, хорошими зимними квартирами и быстрым возвращением на нашу родину. Ведите себя так, как при Аустерлице, при Фридланде, при Витебске, под Смоленском, и пусть самые отдаленные потомки с гордостью вспоминают о вашем поведении в этот день; пусть о вас скажут: "Он участвовал в великой битве под стенами Москвы".

Армия ответила неоднократными одобрительными возгласами. Император за несколько часов до битвы продиктовал это воззвание, и утром оно было зачитано солдатам. Наполеон был тогда на Бородинских высотах; и когда восторженные крики армии достигли его слуха, он стоял, скрестив руки на груди, солнце ярко светило ему в глаза, отражаясь от французских и русских штыков. Он улыбнулся, затем стал более серьезным, пока их роман не был прекращен.

В тот день Наполеону принесли портрет римского короля. Ему нужны были какие-то нежные эмоции, чтобы отвлечься от состояния тревожного ожидания. Он долго держал этот портрет на коленях, с восторгом созерцая его, и сказал, что это был самый приятный сюрприз, который он

когда-либо получал, и несколько раз тихо повторил: "Моя добрая Луиза! Это очаровательное внимание!" На лице императора застыло выражение счастья, которое трудно описать, хотя первыми вспыхнувшими эмоциями были спокойствие и даже меланхолия. "Дорогое дитя", - вот и все, что он сказал. Но он испытал всю гордость отца и императора, когда по его приказу офицеры и даже солдаты старой гвардии пришли повидать римского короля. Портрет был выставлен перед палаткой, и было невыразимо трогательно видеть, как эти старые солдаты с уважением раскрываются перед этим изображением, в котором они стремились найти некоторые черты Наполеона. Император испытывал в этот момент безграничную радость отца, который хорошо знает, что рядом с ним у его сына нет лучших друзей, чем его старые товарищи по стойкости и славе.

В четыре часа утра, то есть за час до начала сражения, Наполеон почувствовал сильное изнеможение во всем теле, легкий озноб, однако без лихорадки, и бросился на кровать. Тем не менее, он был не так болен, как утверждает г-н де Сегюр. В течение некоторого времени у него была сильная простуда, которой он несколько пренебрегал и которая настолько усилилась из-за усталости этого памятного дня, что он почти полностью потерял голос. Он лечил это по солдатскому рецепту и всю ночь пил легкий пунш, который провел, работая в своем кабинете, не имея возможности говорить. Это неудобство продолжалось два дня, но 9-го он почувствовал себя хорошо, и его охриплость почти прошла.

После битвы из каждых шести найденных трупов один был французом, а пять - русскими. В полдень явился адъютант, чтобы сообщить императору, что в графа Огюста де Коленкура, брата герцога Виченцкого, попала пуля. Император глубоко вздохнул, но не сказал ни слова, ибо он хорошо знал, что его сердце, скорее всего, будет опечалено еще не раз за этот день. После битвы он самым трогательным образом выразил свои соболезнования герцогу Виченцкому.

Граф Огюст де Коленкур был молодым человеком, полным мужества, который оставил свою молодую жену через несколько часов после женитьбы, чтобы последовать за французской армией и найти славную смерть в битве при Ла-Москве. Он был управляющим пажами императора и женился на сестре одного из своих подопечных. Эта очаровательная особа была так молода, что ее родители предпочли, чтобы свадьба не состоялась до его возвращения из похода, поскольку на это решение повлияла судьба принца Альдобрандини после его женитьбы на мадемуазель де Ларошфуко перед Ваграмской кампанией. Генерал Огюст де Коленкур был убит в редуте, к которому он вел кирасиров генерала Монбрена, который только что был смертельно ранен пушечным ядром во время атаки на этот самый редут.

Император часто говорил, говоря о генералах, погибших в армии: "Такой человек счастлив, что погиб на поле чести, в то время как я, возможно, буду настолько несчастлив, что умру в своей постели". Он был менее настроен философски по поводу смерти маршала Ланна, когда я увидел его за завтраком плачущим такими крупными слезами, что они катились по его щекам и падали в тарелку. Он глубоко скорбел по Десо, Понятовски и Бессьеру, но больше всего по Ланну и стоявшему рядом с ним Дюроку.

В течение всей битвы при Москве у императора были приступы, напоминающие камни в мочевом пузыре. Ему часто угрожала эта болезнь, если он не был более осмотрителен в своем питании, и он много страдал, хотя почти не жаловался и только при приступах сильной боли издавал сдавленные стоны. Итак, ничто не вызывает большего беспокойства, чем слышать жалобы тех, кто не привык к этому; ибо тогда человек представляет себе страдание наиболее

сильным, поскольку оно сильнее сильного человека. При Аустерлице император сказал: "Орденоседец измотан. В жизни человека есть только один раз для военных подвигов. Я буду годеи еще шесть лет, а после этого уйду на пенсию".

Император проехал верхом по полю битвы, которое представляло собой ужасное зрелище: почти все убитые были покрыты ранами, что доказывало, с каким ожесточением велась битва. Погода была очень ненастной, шел дождь, сопровождавшийся очень сильным ветром. Бедные раненые, которых еще не отнесли в машины скорой помощи, приподнялись с земли, желая, чтобы их не заметили и им оказали помощь; в то время как некоторые из них все еще кричали: "Да здравствует Император!", несмотря на свои страдания и истощение. У тех наших солдат, которые были убиты русскими пулями, на их трупах были глубокие и широкие раны, потому что русские пули были намного крупнее наших. Мы увидели знаменосца, завернутого в свое знамя как в простыню, который, казалось, подавал признаки жизни, но он скончался от шока, вызванного тем, что его подняли. Император шел дальше и ничего не говорил, хотя много раз, проходя мимо самых изувеченных, он прикрывал глаза рукой, чтобы не видеть этого зрелища. Это затишье длилось недолго, потому что на поле боя было место, где французы и русские пали врасплох, почти все из которых были ранены более или менее тяжело. И когда император услышал их крики, он пришел в ярость и закричал на тех, кто забирали раненых, сильно раздраженный медлительностью, с которой это было сделано. Трудно было помешать лошадям топтать трупы, так густо они лежали. Подкова лошади в свите императора задела раненого солдата, который издал душераздирающий крик, на что император быстро обернулся и самым яростным образом осведомился, кто тот неуклюжий человек, от которого пострадал этот человек. Ему сказали, думая, что это успокоит его гнев, что этот человек был всего лишь русским. "Русский или француз, - воскликнул он, - я желаю, чтобы всех убрали!"

Бедные молодые люди, совершавшие свой первый поход, будучи смертельно ранеными, теряли мужество и плакали, как дети, оплакивающие своих матерей. Эта ужасная картина навсегда запечатлется в моей памяти.

Император настойчиво повторил свой приказ о скорейшей транспортировке раненых, затем молча повернул коня и вернулся в свою ставку, поскольку уже далеко наступил вечер. Я провел ночь рядом с ним, и его сон был сильно нарушен; или, скорее, он вообще не спал и повторял снова и снова, беспокойно ворочаясь на подушке: "Бедный Коленкур! Что за день! Что за день!"

ГЛАВА IV.

Как я уже объявлял ранее, я попытаюсь изложить в этой главе некоторые воспоминания о событиях, лично связанных с императором, которые произошли во время путешествия между границами Франции и Пруссии. Какой печальный контраст получается, увы! когда мы пытаемся

сравнить наше путешествие в Москву с возвращением. Нужно было видеть Наполеона в Дрездене, окруженного двором принцев и королей, чтобы составить представление о высшей точке, которой может достичь человеческое величие. Там император был приветлив ко всем больше, чем когда-либо в другом месте; удача улыбнулась ему, и никому из тех, кто наслаждался вместе с нами зрелищем его славы, не могла даже прийти в голову мысль, что фортуна вскоре может оказаться неверной ему, причем столь поразительным образом. Я помню, среди других подробностей нашего пребывания в Дрездене, речь, которую я слышал от императора, обращенную к маршалу Бертье, которого он вызвал в очень ранний час. Когда прибыл маршал, Наполеон еще не встал, но я получил приказ немедленно привести его; так что, одевая императора, я услышал между ним и его генерал-майором разговор, который я хотел бы запомнить полностью, но, по крайней мере, я уверен, что правильно передаю одну мысль, которая поразила меня. Император сказал почти такими словами:

"Я не желаю зла Александру; я веду войну не с Россией, не больше, чем с Испанией; у меня есть только один враг - Англия, и именно к ней я стремлюсь в России; я буду преследовать ее повсюду". Во время этой речи маршал по своей постоянной привычке грыз ногти. В тот день состоялся великолепный смотр, на котором присутствовали все принцы Конфедерации, окружавшие своего вождя как великие вассалы его короны.

Когда различные армейские корпуса, переброшенные с другого берега Эльбы, продвинулись к границам Польши, мы покинули Дрезден, повсюду встречая тот же энтузиазм при появлении императора. В результате нас роскошно принимали в каждом месте, где мы останавливались, так как жители стремились засвидетельствовать свое уважение к его Величеству, даже в лице тех, кто имел честь служить ему.

В это время в армии и среди приближенных императора распространился слух, что он намеревается восстановить королевство Польское. Каким бы невежественным я ни был, и с моей позиции, естественно, должен был быть, во всех политических вопросах, я слышал не меньше других выражение мнения, которое было универсальным и которое открыто обсуждалось всеми. Иногда император снисходил до того, чтобы спросить меня, что я слышал, и всегда улыбался моему отчету, поскольку я не мог сказать правду и ничего такого, что было бы ему неприятно; ибо в то время он был, и я не выражаюсь слишком резко, повсеместно обожаем польским населением.

23 июня мы были на берегах Немана, этой реки, уже получившей такую известность благодаря беседе двух императоров при обстоятельствах, весьма отличных от тех, в которых они оказались сейчас.

Переход армии начался вечером и продолжался сорок восемь часов, в течение которых император почти постоянно находился верхом, настолько хорошо он знал, что его присутствие ускоряло дело. Затем мы продолжили наше путешествие в Вильну, столицу Великого княжества Литовского, и 27-го прибыли к этому городу, оккупированному русскими; и действительно можно сказать, что там, и только там, начались военные действия, ибо до этого времени император путешествовал так, как он путешествовал бы во внутренних департаментах Франции. Русские, подвергшиеся нападению, были разбиты и отступили, так что через два дня после этого мы вошли в Вильну, город значительных размеров, в котором, как мне показалось, проживало около тридцати тысяч жителей. Я был поражен невероятным количеством монастырей и церквей, которые там находятся. В Вильне император был очень доволен

требованием пятисот или шестисот студентов сформировать из них полк. Излишне говорить, что его Величество всегда охотно удовлетворял подобные просьбы.

Мы некоторое время отдыхали в Вильне; оттуда император следил за передвижением своих армий и занимался также организацией Великого княжества Литовского, столицей которого, как хорошо известно, является этот город. Поскольку император часто бывал верхом, у меня было достаточно времени, чтобы досконально ознакомиться с городом и его окрестностями. Литовцы были в состоянии неопишемого энтузиазма; и хотя я видел за свою жизнь много праздников, я никогда не забуду радостного возбуждения всего населения, когда отмечался великий национальный праздник возрождения Польши, который то ли по странному совпадению, то ли по расчету императора был назначен на 14 июля. Поляки все еще не были уверены в конечной судьбе, которую император уготовил их стране; но будущее, полное надежд, сияло перед их глазами, пока эти видения не были грубо развеяны ответом императора депутации от Польской конфедерации, учрежденной в Варшаве. Эта многочисленная депутация во главе с графом палатином потребовала полного восстановления древнего королевства Польского. Таков был ответ императора: —

"Господа депутаты Конфедерации Польши, я с интересом выслушал то, что вы только что сказали. Будь я поляком, я думал бы и действовал так же, как вы, и голосовал бы, как вы, в ассамблее в Варшаве, ибо любовь к родине - первая добродетель цивилизованного человека.

"В моем положении мне приходится примирять множество противоположных интересов и выполнять множество обязанностей. Если бы я правил во времена первого, второго или третьего раздела Польши, я бы вооружил всех своих людей, чтобы поддержать вас. Как только победа позволила мне восстановить ваши древние законы в вашей столице и в части ваших провинций, я с готовностью сделал это, не затягивая, однако, войну, в которой пролилась бы кровь моих подданных.

"Я люблю вашу нацию. Шестнадцать лет я видел ваших солдат рядом со мной на полях Италии и Испании.

"Я приветствую все, что вы сделали; я одобряю усилия, которые вы хотите предпринять; и все, что зависит от меня в выполнении ваших решений, будет сделано.

"Если ваши усилия будут единодушными, вы можете тешить себя надеждой заставить своих врагов признать ваши права. Но в этих странах, таких отдаленных и обширных, любая надежда на успех может быть основана только на единодушных усилиях населения, которое их населяет.

"Я придерживаюсь той же позиции с момента моего первого появления в Польше. Я должен добавить здесь, что я гарантировал императору Австрии целостность его Государств и я не мог санкционировать никаких действий, способных нарушить его мирное владение тем, что осталось ему от польских провинций. Пусть Литва, Жемайтия, Витебск, Полоцк, Могилев, Волынь, Украина и Подолия будут воодушевлены тем же духом, который я видел в великой Польше, и Провидение увенчает успехом святость вашего дела; это вознаградит вас за ту преданность вашей родной стране, которая сделала вас таким объектом интереса и обеспечила вам право на мое уважение и защиту, на которые вы можете положиться при любых обстоятельствах".

Я считал за лучшее привести здесь полностью ответ императора депутатам Польского союза, поскольку я был свидетелем того эффекта, который он произвел в Вильне. Несколько поляков, с которыми я был связан, говорили мне об этом с сожалением; но их ужас не выражался громко, и воздух от этого не становился менее оглушительным от криков "Да здравствует Император!" каждый раз, когда император появлялся на публике, то есть почти каждый день.

Во время нашего пребывания в Вильне тешили некоторые надежды на то, что вот-вот будет заключен новый мир, поскольку прибыл посланник от императора Александра. Но эти надежды были недолговечными; и впоследствии я убедился, что русский офицер М. Балогов, опасаясь, как и почти вся его нация, примирения между двумя императорами, передал свое послание таким образом, чтобы пробудить гордость его величества, который отправил его обратно после прохладного приема. Императору все улыбалось. Тогда он стоял во главе самой многочисленной и самой грозной армии, которой когда-либо командовал. После отъезда господина Балахоффа все было приведено в порядок для осуществления планов его Величества.

Собираясь вступить на русскую территорию, его величество больше не сохранял своего обычного спокойствия; по крайней мере, я имел случай заметить, что он был необычно молчалив в те часы, когда я имел честь приблизиться к нему; и, тем не менее, как только его планы были составлены и он привел свои войска с другого берега Вилии, реки, на которой расположена Вильна, император вступил во владение русской территорией с энтузиазмом, которого можно было ожидать от молодого человека. Один из сопровождавших его людей рассказал мне, что император пришпорил своего коня и заставил его проскакать во весь опор почти лигу по лесу в одиночку, несмотря на многочисленных казаков, рассеянных по этим лесам, которые лежат вдоль правого берега Вилии.

Я не раз видел императора очень раздосадованным из-за того, что не было врага, с которым можно было бы сражаться. Например, русские оставили Вильну, в которую мы вошли без сопротивления; и снова, покидая этот город, разведчики доложили об отсутствии враждебных войск, за исключением тех казаков, о которых я говорил. Я помню, однажды нам показалось, что мы слышим отдаленный грохот пушек, и император почти вздрогнул от радости; но вскоре мы перестали обманываться, звук был подобен раскату грома, и внезапно самая страшная буря, которую я когда-либо видел, разразилась над армией. Земля на протяжении более четырех лиг была так покрыта водой, что дороги не было видно; и этот шторм, столь же роковой, каким могло быть сражение, стоил нам большого количества людей, нескольких тысяч лошадей и части огромного снаряжения экспедиции.

В армии было известно, что русские проделали огромную работу в Дриссе, где они построили огромный укрепленный лагерь; и количество собранных там войск, значительные суммы, затраченные на работы, - все это давало основания полагать, что русская армия будет ожидать французов в этом пункте; и это убеждение было тем более обоснованным, что император Александр в своих многочисленных прокламациях, распространявшихся по армии, и некоторые из которых попали в наши руки, хвастался победой над французами при Дриссе, где (говорилось в этих прокламациях) мы найдем свою могилу. Иначе было предначертано судьбой; ибо русские, постоянно отступая к сердцу России, покинули этот знаменитый лагерь Дрисса при приближении императора: я слышал, как многие военачальники говорили, что большое сражение было бы в то время благотворным событием для французской армии, в которой

недовольство начало возрастать, во-первых, из-за отсутствия врагов, с которыми можно было бы сражаться, и, во-вторых, потому что лишения всякого рода становились с каждым днем все более невыносимыми. Целые дивизии жили, так сказать, грабежом. Солдаты опустошали жилища и хижины, изредка встречавшиеся в стране; и, несмотря на суровые приказы императора против мародерства, эти приказы не могли быть выполнены, поскольку сами офицеры жили по большей части за счет добычи, которую получали солдаты и делились с ними.

Император демонстрировал перед своими солдатами спокойствие, которого он был далек от того, чтобы чувствовать; и из нескольких отрывочных слов, которые я слышал от него в этой серьезной ситуации, я уполномочен поверить, что император так страстно желал битвы только в надежде, что император Александр сделает ему новые предложения, ведущие к миру. Я думаю, что тогда он принял бы это после первой победы; но он никогда бы не согласился вернуться по своим следам после таких грандиозных приготовлений, не проведя ни одного из тех великих сражений, которые приносят достаточную славу для кампании; по крайней мере, это то, что я слышал от него неоднократно. Император также часто говорил о врагах, с которыми ему приходилось сражаться, с притворным презрением, которого на самом деле не испытывал; его целью было подбодрить офицеров и солдат, многие из которых не скрывали своего уныния.

Прежде чем покинуть Вильну, император учредил там своего рода центральное правительство, во главе которого он поставил герцога Бассано, с целью иметь промежуточный пункт между Францией и направлением операций, которые он намеревался вести во внутренних районах России. Разочарованный, как я уже сказал, оставлением русской армией лагеря Дрисса, он быстрым маршем двинулся к Витебску, где тогда была сосредоточена большая часть французских войск; но здесь гнев императора снова вызвал новое отступление русских; ибо столкновения при Островно и Могилеве, хотя и важные, не могли рассматриваться как сражения того рода, которых император так горячо желал. Войдя в Витебск, император узнал, что император Александр, у которого за несколько дней до этого была там его ставка, а также великий князь Константин покинули армию и вернулись в Санкт-Петербург.

В этот период, то есть по нашем прибытии в Витебск, за границей распространился слух, что император удовлетворится тем, что займет там позицию и организует средства существования для своей армии, и что он отложит до следующего года осуществление своих обширных замыслов в отношении России. Я не берусь сказать, каковы были его сокровенные мысли по этому поводу; но что я могу подтвердить, так это то, что однажды, находясь в комнате, смежной с его комнатой, я услышал, как он сказал неаполитанскому королю, что первая кампания России закончилась, и что на следующий год он будет в Москве, на следующий - в Санкт-Петербурге, и что война в России продлится три года. кампания. Если бы Провидению было угодно, чтобы его величество осуществил этот план, который он так серьезно изложил неаполитанскому королю, так много храбрецов не отдали бы свои жизни несколько месяцев спустя при ужасном отступлении, ужасы которого я опишу позже.

Во время нашего пребывания в Витебске жара была такой невыносимой, что император сильно измучился и постоянно жаловался на нее; и я никогда не видел его ни при каких обстоятельствах настолько подавленным тяжестью своей одежды. В своей комнате он редко надевал пальто и часто бросался на кровать отдохнуть. Это факт, который многие люди могут засвидетельствовать так же хорошо, как и я; ибо он часто принимал таким образом своих генералов, хотя у него было в обычае никогда не появляться перед ними без формы, которую он

обычно носил. Тем не менее влияние, которое жара оказала на его физическое состояние, не затронуло его великой души, и его гений, всегда находящийся начеку, охватил все ветви администрации. Но тем, чье положение позволяло им лучше всего знать его характер, было легко заметить, что источником его величайших страданий в Витебске была неуверенность, следует ли ему оставаться в Польше или без промедления двинуться в сердце России. Пока он колебался между этими двумя решениями, он почти всегда был грустным и неразговорчивым.

В этом состоянии колебания между покоем и движением предпочтение императора не вызывало сомнений; и в конце совета, где я слышал, что его Величество встретил сильное сопротивление, я узнал, что мы должны двигаться вперед и наступать на Москву, от которой, как было сказано, нас отделяло всего двадцать дней пути. Среди тех, кто наиболее яростно выступал против немедленного похода на Москву, я слышал имена герцога Виченцкого и графа Лобау; но что я могу утверждать из своих собственных знаний, которые, как я узнал, не оставляют места для сомнений, так это то, что главный маршал дворца неоднократно пытался отговорить императора от этого проекта. Но все эти попытки против его воли оказались тщетными.

Затем мы взяли курс на вторую столицу России и через несколько дней марша прибыли в Смоленск, большой и красивый город. Русские, которых, как он думал, он наконец поймал, только что эвакуировали его, уничтожив много трофеев и сожгв большую часть складов.

Мы вошли при свете пламени, но это было ничто по сравнению с тем, что ожидало нас в Москве. В Смоленске я заметил два здания, которые показались мне величайшей красотой, — кафедральный собор и епископский дворец, которые, казалось, сами по себе образуют деревню, настолько обширны здания и к тому же отделены от города.

Я не буду составлять список мест с варварскими названиями, через которые мы проезжали после отъезда из Смоленска. Все, что я могу добавить относительно нашего маршрута в течение первой половины этой гигантской кампании, это то, что 5 сентября мы прибыли на берега Москвы, где император с глубоким удовлетворением увидел, что наконец русские были полны решимости дать ему великое сражение, которого он так страстно желал и которое он преследовал более двухсот лье как добычу, которой он не позволит ускользнуть от себя.

ГЛАВА V.

На следующий день после битвы при Москве я был с императором в его палатке, стоявшей на поле битвы, и вокруг нас царило совершенное спокойствие. Это было прекрасное зрелище, которое представляла собой эта армия, спокойно перестраивающая свои колонны, в которых русские пушки проделали такие большие бреши, и направляющаяся к месту отдыха на бивуаке с уверенностью, которую всегда чувствуют победители. Император казался подавленным усталостью. Время от времени он складывал руки на скрещенных коленях, и я слышал, как он

каждый раз повторял с каким-то судорожным движением: "Москва! Москва!" Он несколько раз посылал меня посмотреть, что происходит снаружи, потом поднялся сам и, подойдя ко мне сзади, выглянул через мое плечо. Шум, производимый часовым с оружием в руках, каждый раз предупреждал меня о его приближении. Примерно через четверть часа этих молчаливых маршей взад и вперед часовой выступил вперед и крикнул: "К оружию!" - и, подобно вспышке молнии, вокруг палатки императора образовалось батальонное каре. Он выбежал, а затем вернулся, чтобы взять свою шляпу и шпагу. Тревога оказалась ложной, поскольку полк саксов, возвращавшийся из рейда, был принят за вражеский.

Над этой ошибкой много смеялись, особенно когда в поле зрения появились налетчики, одни несли четвертинки мяса, насаженные на кончики штыков, другие - наполовину сорванную птицу или окорок, от которых текли слюнки. Я стоял снаружи палатки и никогда не забуду первого движения часового, когда он издал тревожный крик. Он опустил приклад своего ружья, чтобы проверить, на месте ли затвор, потряс ствол, ударив по нему кулаком, затем повесил ружье обратно на руку, сказав: "Что ж, пусть они идут; мы к ним готовы". Я рассказал об этом императору, который, в свою очередь, рассказал об этом принцу Бертье; и в результате император заставил этого храброго солдата выпить бокал своего лучшего шамбертенского вина.

Первым в Москву въехал герцог Данцигский, и император прибыл только после него. Эта запись была сделана ночью, и никогда еще не было более удручающей сцены. Было что-то поистине устрашающее в этом безмолвном марше армии, время от времени останавливаемой сообщениями из города, которые, казалось, носили самый зловеющий характер. Нельзя было различить ни одной фигуры москвичей, кроме нескольких нищих, закутанных в лохмотья, которые с тупым изумлением наблюдали за проходящей вереницей войск; и поскольку некоторые из них, казалось, просили подаяния, наши солдаты бросили им хлеб и несколько монет. Я не могу удержаться от печальных размышлений об этих несчастных созданиях, единственное положение которых остается неизменным после великих политических потрясений и которые совершенно лишены привязанности и национальных симпатий.

Продвигаясь по улицам предместий, мы заглядывали в окна по обе стороны и были поражены, не увидев ни единого человеческого существа; и если в окнах нескольких домов и появлялся одинокий огонек, он вскоре гас, и эти признаки жизни, так внезапно исчезнувшие, производили ужасное впечатление. Император остановился в Дорогомиловском предместье и провел там ночь, но не в гостинице, как было сказано, а в доме, настолько грязном и убогом, что на следующее утро мы обнаружили в постели императора и на его одежде паразитов, которые отнюдь не редкость в России. Они также мучили нас, к нашему великому отвращению, и император не спал всю ночь, которую он провел там. Согласно обычаю, я спал в его комнате; и, несмотря на принятые мною меры предосторожности по сжиганию уксуса и древесины алоэ, запах был таким неприятным, что император ежеминутно звал меня.

"Ты спишь, Констант?" — "Нет, сир". — "Сын мой, сожги еще уксуса, я не могу выносить этот ужасный запах; это мучение; я не могу спать". Я сделал все, что мог, но через мгновение, когда пары уксуса выветрились, он снова порекомендовал мне жечь сахар или древесину алоэ.

Было два часа ночи, когда ему сообщили, что в городе вспыхнул пожар. Известие было получено через французов, проживающих в этой стране, и офицер русской полиции подтвердил это сообщение и сообщил подробности, слишком точные, чтобы император

усомнился в этом факте. Тем не менее, он по-прежнему упорно не верил в это. "Это невозможно. Ты веришь в это, Константин? Пойди и узнай, правда ли это". После этого он снова бросился на кровать, пытаясь немного отдохнуть; затем он позвал меня, чтобы задать те же вопросы.

Император провел ночь в крайнем волнении, и когда рассвело, он уже знал все. Он вызвал маршала Мортье и сделал выговор и ему, и молодой гвардии. Мортье в ответ показал ему дома, крытые железом, крыши которых не пострадали, но император указал ему на черный дым, который валил из них, сложил руки вместе и затопал каблуками по грубым доскам своей спальни.

В шесть часов утра мы были в Кремлевском дворце, где Наполеон занимал царские апартаменты, выходявшие на обширную эспланаду, к которой вела широкая каменная лестница. На этой же эспланаде можно было увидеть церковь, в которой находились гробницы древних монархов, а также сенаторский дворец, казармы, арсенал и великолепную башню с часами, крест на которой возвышается над всем городом. Это позолоченный крест Ивана. Император бросил удовлетворенный взгляд на прекрасную картину, раскинувшуюся перед ним; во всех зданиях, окружавших Кремль, пока не было видно никаких признаков пожара. Этот дворец представляет собой смесь готической и современной архитектуры, и это смешение двух стилей придает ему самый необычный вид.

В этих стенах жили и умерли старые династии Романовых и Рюриковичей; и это тот самый дворец, который так часто обагрался кровью в результате интриг свирепого двора в период, когда все ссоры улаживались кинжалом. Его Величество не смог получить там даже нескольких часов спокойного сна.

В самом деле, император, несколько успокоенный донесениями маршала Мортье, диктовал императору Александру слова мира, и русский флаг перемирия уже был поднят над этим письмом, когда император, прогуливавшийся вдоль и поперек своих апартаментов, заметил из своих окон яркий свет на некотором расстоянии от дворца. Это был пожар, который снова вспыхнул с еще большей силой, чем когда-либо; и поскольку северный ветер теперь гнал пламя в направлении Кремля, тревогу подняли два офицера, занимавшие ближайшее к очагу пожара крыло здания. Деревянные дома самых разных цветов были поглощены в считанные мгновения и уже обрушились внутрь; склады с маслом, бренди и другими горючими материалами выбрасывали пламя зловещего оттенка, которое с быстротой молнии передавалось другим соседним зданиям. Сноп искр и углей обрушился на крыши Кремля; и страшно подумать, что одна только эта искра, упав на кессон, могла вызвать общий взрыв и взорвать Кремль; ибо по немыслимой небрежности целый артиллерийский парк был размещен под окнами императора.

Вскоре до императора дошли самые невероятные слухи; некоторые говорили, что видели, как русские сами разжигали костер и бросали горючие материалы в еще не сгоревшие части домов, в то время как те из русских, кто не участвовал в поджогах, стояли, скрестив руки на груди, созерцая катастрофу с невозмутимостью, которую невозможно описать. Если бы не отсутствие радостных криков и хлопков в ладоши, их можно было бы принять за людей, ставших свидетелями великолепного фейерверка. Вскоре императору стало совершенно очевидно, что это был спланированный заговор врага.

Он спустился из своих апартаментов по большой северной лестнице, прославившейся резней в Стрелице. Пожар уже достиг таких огромных масштабов, что с этой стороны наружные двери

были наполовину прожжены, а лошади отказывались проезжать, вставали на дыбы, и их с большим трудом удалось заставить проехать через ворота. У императора в нескольких местах обгорела его серая шинель и даже волосы; и мгновение спустя мы шли по горящим головням.

Мы все еще не были вне опасности и были вынуждены держаться подальше от горящего мусора, который заваливал наш путь. Было испробовано несколько выходов, но безуспешно, так как горячие порывы ветра от костра били нам в лица и гнали нас назад в ужасном замешательстве. Наконец был обнаружен задний выход на Москву, и именно через него императору со своими офицерами и гвардией удалось сбежать из Кремля, но только для того, чтобы вернуться на узкие улочки, где огонь, замкнутый, как в печи, усилился, и, соединившись над нашими головами, пламя образовало пылающий купол, который затмил нас и скрыл от нас небеса. Пришло время покинуть это опасное место, из которого для нас был открыт только один путь к отступлению — узкая, извилистая улица, заваленная всевозможными обломками, состоящими из горящих балок, упавших с крыш, и горящих столбов. Среди нас возникло некоторое замешательство, во время которого некоторые предложили императору накрыть его с головы до ног своими плащами и таким образом перенести его на руках через этот опасный переход. Император отверг это предложение и решил вопрос, бросившись пешком в самую гущу пылающих обломков, где в два-три энергичных прыжка оказался в безопасном месте.

Затем последовала трогательная сцена между императором и принцем Эмюльским, которого, раненого в Москве, пришлось самому нести обратно, чтобы попытаться спасти императора или умереть вместе с ним. Издали маршал видел, как он спокойно вышел из столь серьезной опасности; и этот добрый и нежный друг ценой огромных усилий поспешил броситься в объятия императора, и его Величество прижал его к своему сердцу, как бы в благодарность за то, что он пробудил в нем такие нежные чувства в момент, когда опасность обычно делает людей эгоистичными.

Наконец сам воздух, наполненный всеми этими пылающими массами, стал настолько раскаленным, что им уже нельзя было дышать. Сама атмосфера была накалена, стекла в окнах треснули, и квартиры стали непригодными для проживания. Император с минуту стоял неподвижно, его лицо побагровело, и крупные капли пота катились по его лбу, в то время как король Неаполитанский, принц Евгений и принц де Невшатель умоляли его покинуть дворец, на мольбы которых он отвечал только нетерпеливыми жестами. В этот момент из расположенного дальше всего к северу крыла дворца донеслись крики, возвещавшие, что стены рухнули и что огонь распространяется со страшной быстротой; и, видя, наконец, что его положение более ненадежно, император признал, что пришло время уходить, и направился в императорский Петровский замок.

По прибытии в Петровский император приказал г-ну де Нарбонну осмотреть дворец, который, как мне кажется, принадлежал Екатерине. Это было красивое здание с великолепно обставленными апартаментами. Господин де Нарбонн вернулся с этой информацией, но почти сразу же со всех сторон вспыхнуло пламя, и вскоре все сгорело.

Такова была ярость этих негодяев, нанятых поджигать все подряд, что лодки, плывшие по Москве, груженные зерном, овсом и другой провизией, сгорели и затонули в волнах с ужасным треском. Было замечено, как солдаты русской полиции разжигали огонь просмоленными пиками, а в печи некоторых домов были заложены снаряды, которые при взрыве ранили многих наших солдат.

На улицах грязные женщины и отвратительные пьяные мужчины бежали к горящим домам и хватали горящие головни, которые они разносили во всех направлениях и которые нашим солдатам неоднократно приходилось выбивать у них из рук рукоятями мечей, прежде чем они отдавали их. Император приказал, чтобы эти поджигатели, пойманные на месте преступления, были подвешены к столбам на общественных площадях; и народ падал ниц вокруг этих виселиц, целуя ноги казненных, молясь и осеняя себя крестным знамением. Такой фанатизм почти не имеет себе равных.

Один случай, свидетелем которого я был, доказывает, что те, кого наняли для осуществления этого обширного заговора, действовали, очевидно, в соответствии с инструкциями, данными вышестоящими властями. Человек, закутанный в овчину, старый и изодранный, с жалким каплуном на голове, смело взошел по ступеням Кремля. Под этой грязной маской скрывался элегантный костюм; и когда был установлен более строгий надзор, этот дерзкий нищий сам попал под подозрение, был арестован и доставлен в полицию, где его допросил дежурный по почте. Когда он оказал некоторое сопротивление, сочтя это действие несколько произвольным, часовой положил руку ему на грудь, чтобы заставить его войти; и этим несколько резким движением он отодвинул овчину, которой он был укрыт, были видны награды, и когда его маскировка была снята, в нем узнали русского офицера. При нем были спички, которые он раздавал представителям народа, и на допросе он признался, что ему было специально поручено поддерживать огонь в Кремле. Было задано много вопросов, каждый из которых требовал новых признаний, причем все они были сделаны в самой безразличной манере, и его посадили в тюрьму, и, я думаю, наказали как поджигателя; но в этом я не уверен. Когда кого-либо из этих негодяев приводили к императору, он пожимал плечами и жестами, полными презрения и гнева, приказывал убрать их с глаз долой, и гренадеры иногда вершили над ними правосудие своими штыками; но такое раздражение можно хорошо понять солдат, изгнанных этими низменными и отвратительными мерами из места отдыха, заработанного мечом.

В Петровском, красивом особняке, принадлежащем одному из камергеров Александра, был найден человек, прятавшийся в одной из квартир, которые должен был занять его величество; но, поскольку он не был вооружен, его отпустили, поскольку был сделан вывод, что только страх загнал его в это жилище. Император прибыл ночью в свою новую резиденцию и ждал там в сильном беспокойстве, пока не погаснет пожар в Кремле, намереваясь вернуться туда, поскольку увеселительный дом камергера не был подходящим местом для его величества. Благодаря активным и мужественным действиям батальона гвардии Кремль был спасен от пожара, и вслед за этим император дал сигнал к отъезду.

Чтобы вернуться в Москву, нужно было пересечь лагерь, или, вернее, несколько лагерей армии; и мы шли по холодной и болотистой земле, через поля, где все было разрушено. Этот лагерь представлял собой в высшей степени необычный вид; и я испытал чувство горькой меланхолии, когда увидел наших солдат, вынужденных расположиться бивуаком у ворот большого и красивого города, завоевателями которого они были, но огонь все же сильнее, чем они сами. Император, назначая маршала Мортье губернатором Москвы, сказал ему: "Прежде всего, никакого грабежа; ты ответишь за это своей головой". Приказ строго соблюдался до того момента, как начался пожар; но когда стало очевидно, что огонь поглотит все и что бесполезно бросать в огонь то, что могло бы представлять большую ценность для солдат, им была предоставлена свобода брать большую часть из этого великого хранилища севера.

Было одновременно грустно и забавно видеть вокруг убогих дощатых сараев, единственных палаток, которые были у наших солдат, великолепнейшую мебель, шелковые балдахины, бесценные сибирские меха и кашемировые шали, брошенные вперемешку с серебряными блюдами; а затем видеть еду, поданную на этих королевских блюдах, — отвратительную черную кашу и куски конины, все еще кровоточащие. Хорошие боеприпасы-хлеб стоил в то время втрое дороже всех этих богатств, и наступило время, когда у них не было даже конины.

При возвращении в Москву ветер доносил до нас невыносимый запах горящих домов, теплый пепел забивал нам рот и глаза, и часто мы вовремя отступали перед огромными столбами, которые были разрублены огнем надвое и бесшумно падали на эту прокаленную землю. Москва оказалась не такой пустынной, как мы думали. Поскольку первое впечатление, производимое завоеванием, - это испуг, все оставшиеся жители спрятались в подвалах или в огромных хранилищах, простирающихся под Кремлем; и, изгнанные огнем, как волки из своих логовищ, когда мы вернулись в город, почти двадцать тысяч жителей бродили среди развалин, с тупым оцепенением на лицах, почерневших от дыма и бледных от голода; ибо они не могли понять, как, заснув под человеческими крышами, они на следующее утро поднялись на равнине. Они были в крайней нужде; на огородах оставалось только несколько овощей, и их съедали сырыми, в то время как многие из этих несчастных в разное время бросались в Москву, пытаясь собрать немного зерна, брошенного туда по приказу Ростопчина;

[Граф Федор Ростопчин, родился в 1765 году; умер в 1826 году. Он отрицал, что Москва была сожжена его властью. Он утверждал, что оно было сожжено частично французами, а частично русскими без приказа.]

и большое количество людей погибло в воде в результате этих бесплодных усилий. Такова была сцена бедствия, через которую императору пришлось пройти, чтобы добраться до Кремля.

Апартаменты, которые он занимал, были просторными и хорошо освещенными, но почти лишенными мебели; но там стояла его железная кровать, как и во всех замках, которые он занимал во время своих кампаний. Его окна выходили на Москву, и оттуда все еще был хорошо виден пожар в разных кварталах города, который появлялся с одной стороны сразу после того, как гас с другой. Однажды вечером его Величество сказал мне с глубоким чувством: "Эти негодяи камня на камне не оставят". Я не верю, что когда-либо в какой-либо стране было столько канюков, сколько в Москве. Император был раздражен их присутствием и воскликнул: "Боже мой! они будут следовать за нами повсюду?"

Во время нашего пребывания в резиденции императора в Москве было проведено несколько концертов; но Наполеон казался очень подавленным, когда появлялся на них, поскольку музыка салунов не производила никакого впечатления на его измученный разум, и единственным видом музыки, которая, казалось, волновала его душу, была музыка в лагере до и после битвы.

На следующий день после прибытия императора господа Эд и В. отправились в Кремль, чтобы побеседовать с его Величеством, и, прождав некоторое время, не видя его, выражали взаимное сожаление по поводу того, что не оправдали этих ожиданий, как вдруг услышали, как над их головами открылся ставень, и, подняв глаза, узнали императора, который сказал: "Господа, кто вы?" — "Сир, мы французы!" Он попросил их подняться по лестнице в комнату, которую он занимал, и там продолжил свои вопросы. "Какова природа профессии, которая задержала вас в Москве?" — "Мы являемся воспитателями в семьях двух русских дворян, которых прибытие

французских войск выгнало из их домов. Мы подчинились их мольбам не бросать свою собственность, и в настоящее время мы одни в их дворцах". Император осведомился у них, есть ли еще другие французы в Москве, и попросил, чтобы их привели к нему; а затем предложил, чтобы они сами отвечали за поддержание порядка, назначив начальником М. М., которого он награждал трехцветным шарфом. Он рекомендовал им не допустить грабежа французских солдат в церквях и расстрелять злоумышленников, а также предписал им проявлять большую строгость к галерным рабам, которых Ростопчин помиловал при условии, что они подожгут город.

Часть этих французов последовала за нашей армией при ее отступлении, видя, что более длительное пребывание в Москве было бы для них крайне неприятным; а те, кто не последовал их примеру, были обречены работать на улицах.

Император Александр, узнав о действиях Ростопчина, резко отчитал губернатора и приказал ему немедленно освободить этих несчастных французов.

ГЛАВА VI.

Мы вернулись в Кремль утром 18 сентября. Дворец и больница для подкидышей были почти единственными зданиями, оставшимися невредимыми. По дороге наши экипажи были окружены толпой несчастных москвичей, просящих милостыню. Они шли за нами до самого дворца, ступая по горячему пеплу или по раскаленным камням, которые крошились у них под ногами. Самые бедные были босиком; и это было душераздирающее зрелище - видеть, как эти существа, когда их ноги касались горящих обломков, выражали свои страдания криками и жестами отчаяния. Поскольку единственная свободная часть улицы была занята нашими экипажами, этот рой скопом бросался под колеса или под ноги нашим лошадям. Следовательно, наше продвижение было очень медленным, и тем дольше у нас перед глазами стояла картина величайшего из всех несчастий - людей, изгнанных из своих домов, без пищи или средств ее добыть. Император дал им еду и деньги.

Когда мы снова обосновались в Кремле и вернулись к нашему обычному образу жизни, несколько дней прошли в совершенном спокойствии. Император казался менее печальным, и, как следствие, окружающие его люди стали несколько более жизнерадостными. Казалось, что мы вернулись из кампании и снова занялись обычными занятиями городской жизни; но если император иногда предавался этой иллюзии, она вскоре рассеивалась при виде Москвы, открывавшейся из окон его апартаментов, и каждый раз, когда взгляд Наполеона обращался в ту сторону, было очевидно, что его угнетали самые печальные предчувствия, хотя он больше не проявлял того неистового нетерпения, как во время его первого пребывания в водворце, когда он увидел пламя, окружавшее его и выгонявшее из его апартаментов. Но он демонстрировал удручающее спокойствие измученного заботами человека, который не может предвидеть, чем все закончится. В Кремле тянулись долгие дни, пока император ждал ответа Александра,

который так и не пришел. В это время я заметил, что император постоянно держал на своем столе "Историю Карла XII" Вольтера.

Император был жертвой своего административного гения даже среди руин этого великого города; и чтобы отвлечься от беспокойства, вызванного внешними делами, он занялся муниципальным устройством и уже позаботился о том, чтобы Москва была снабжена провизией на зиму.

Рядом с Кремлем был возведен театр, но император его так и не посетил. Труппа состояла из нескольких несчастных французских актеров, которые остались в Москве в состоянии крайней нищеты; но его Величество поощрял это предприятие в надежде, что театральные представления послужат некоторым развлечением как для офицеров, так и для солдат. Говорили, что первые актеры Парижа были отправлены в Москву, но об этом я ничего положительно не знаю. В Москве был знаменитый итальянский певец, которого император слышал несколько раз, но только в своих апартаментах, и он не входил в состав постоянной труппы.

До 18 октября время проходило в более или менее жарких дискуссиях между императором и его генералами относительно наилучшего курса действий. Все хорошо знали, что отступление теперь стало неизбежным, и император сам хорошо осознавал этот факт; но было совершенно очевидно, что его гордости стоило страшной борьбы произнести решающее слово. Последние дни, предшествовавшие 18-му, были самыми печальными из всех, что я когда-либо знал. В своем обычном общении со своими друзьями и советниками его Величество проявлял большую холодность в обращении; он стал неразговорчивым, и проходили целые часы, а ни у кого из присутствующих не хватало смелости начать разговор. Император, который обычно так торопился за едой, самым удивительным образом затягивал ее. Иногда днем он бросался на диван с романсом в руке, который просто делал вид, что читает, и, казалось, был погружен в глубокую задумчивость. Из Парижа ему прислали стихи, которые он прочитал вслух, выразив свое мнение в кратком и резком стиле; он потратил три дня на написание регламента для французской комедии в Париже. Трудно понять это внимание к таким несерьезным деталям, когда будущее было таким зловещим. Обычно считалось, и, вероятно, не без оснований, что император действовал таким образом из соображений глубокой политики и что эти правила для французской комедии в то время, когда еще не поступало никаких бюллетеней с информацией о катастрофическом положении французской армии, были написаны с целью произвести впечатление на жителей Парижа, которые не преминули бы сказать: "Не может быть, чтобы все шло так плохо, раз у императора есть время заняться театром".

Новости, полученные 18-го числа, положили конец всякой неопределенности. Император проводил смотр дивизиям Нея в первом дворе Кремлевского дворца, раздавая крест самым храбрым из них и обращаясь ко всем с ободряющими словами, когда адъютант, молодой Беранже, принес известие, что при Винково произошло ожесточенное сражение между Мюратом и Кутузовым и что авангард Мюрата разбит и наша позиция занята. Намерение России возобновить военные действия было теперь совершенно очевидным, и при первом волнении от этого известия изумление императора достигло своего апогея. Напротив, среди солдат маршала Нея наблюдалось электрическое движение энтузиазма и гнева, что было очень приятно его Величеству. Очарованный тем, как позор поражения, даже понесенного без позора, возбуждал гордость и желание вернуть его в этих пылких душах, император пожал руку

ближайшему к нему полковнику, продолжил смотр и приказал в тот же вечер сосредоточить все войска; и еще до наступления ночи вся армия двинулась к Вороново.

За несколько дней до отъезда из Москвы император приказал лишить кремлевские церкви их лучших украшений. Разрушительные последствия пожара ослабили защиту, которую император распространил на собственность русских.

Самым великолепным трофеем в этой коллекции был огромный крест Ивана великого. Необходимо было снести часть башни, на которой она стояла, чтобы снести ее, и потребовались колоссальные усилия, чтобы сломать эту огромную массу железа. Император намеревался установить его на куполе дома инвалидов, но он был затонув в водах озера Семлево.

Вечером перед тем, как император должен был провести смотр, солдаты были усердно заняты полировкой своего оружия и приведением всего в порядок, чтобы, насколько это было возможно, скрыть нищенское положение, в которое они были доведены. Самые неосторожные сменили зимнюю одежду на провизию, многие износили обувь на марше, и все же каждый считал делом чести достойно появиться на смотре; и когда скользящие лучи солнца заиграли на стволах хорошо начищенных пушек, император, наблюдая эту сцену, снова почувствовал некоторое возвращение эмоций, которыми была наполнена его душа в славный день отъезда в кампанию.

Император оставил в Москве тысячу двести раненых, четыреста из которых были вывезены последним корпусом, покинувшим город. Маршал Мортье ушел последним. В Феминском, в десяти лье от Москвы, мы услышали звук страшного взрыва; это был Кремль, взорванный по приказу императора. В подвалах дворца был установлен запал, и все устроено так, чтобы взрыв не произошел в течение определенного времени. Несколько казаков пришли грабить покинутые квартиры, не подозревая, что у них под ногами тлеет огонь, и были подброшены на огромную высоту в воздух. В крепости было оставлено тридцать тысяч орудий. В одно мгновение часть Кремля превратилась в груды руин. Часть была сохранена, и обстоятельством, которое немало способствовало повышению авторитета их великого святого Николая в глазах русских, было то, что каменное изображение этого святого не пострадало от взрыва в том месте, где почти все остальное было разрушено. Этот факт был сообщен мне надежным человеком, который слышал, как граф Ростопчин сам рассказывал об этом во время своего пребывания в Париже.

28 октября император вернулся на свой путь к Смоленску и прошел близ поля Бородинской битвы. На этой обширной равнине было оставлено около тридцати тысяч трупов, и при нашем приближении стаи канюков, привлеченных обильной добычей, улетели с ужасным карканьем. Эти трупы стольких храбрецов представляли собой тошнотворное зрелище, наполовину съеденные и источавшие запах, который не мог нейтрализовать даже сильный холод. Император поспешил пройти мимо и переночевал в Упинском замке, который был почти в руинах; а на следующий день он навестил нескольких раненых, оставшихся в аббатстве. Эти бедняги, казалось, пришли в себя при виде императора и забыли о своих страданиях, которые, должно быть, были очень тяжелыми, так как раны всегда гораздо болезненнее, когда начинаются холода. Все эти бледные лица, искаженные страданием, стали более безмятежными. Эти бедные солдаты тоже обрадовались, увидев своих товарищей, и с тревожным любопытством расспрашивали их о событиях, последовавших за Бородинской

битвой. Когда они узнали, что мы расположились бивуаком в Москве, их охватила радость; и было совершенно очевидно, что их самым большим сожалением было то, что они не смогли вместе с другими увидеть, как изысканная мебель богатых москвичей использовалась в качестве топлива для бивуачных костров. Наполеон распорядился, чтобы каждая карета свиты доставила по одному из этих несчастных; и это было сделано, все выполнили приказ с готовностью, которая чрезвычайно порадовала императора; и бедные раненые с выражением самой горячей благодарности сказали, что им гораздо удобнее на этих мягких подушках, чем в санитарных машинах, чему мы вполне могли поверить. Лейтенанта кирасирского полка, только что перенесшего ампутацию, поместили в ландо императора, пока он путешествовал верхом.

Это отвечает на каждое обвинение в жестокости, столь беспричинно выдвинутое против памяти ушедшего из жизни великого человека. Я где-то с глубоким отвращением читал, что император иногда приказывал своей карете проезжать над ранеными, чьи крики агонии не производили на него ни малейшего впечатления; все это фальшиво и очень отвратительно. Никто из тех, кто служил императору, не мог не знать о его заботе о несчастных жертвах войны и о той заботе, которую он проявлял о них. Иностранцы, враги или французы — все были рекомендованы хирургу с одинаковой строгостью.

Время от времени страшные взрывы заставляли нас поворачивать головы и оглядываться назад. Это были кессоны, которые взрывались, чтобы мы больше не были обременены ими, поскольку марш с каждым днем становился все более мучительным. Было печально видеть, что мы оказались в таком бедственном положении, что были вынуждены пустить наш порох по ветру, чтобы не оставить его врагу. Но при каждом взрыве в наши умы приходили еще более печальные размышления: великая армия, должно быть, стремительно приближается к распаду, когда оставшееся вооружение превышает наши потребности, а количество оставшихся людей так сильно не соответствует тому, что требуется для его использования. 30-го числа штаб-квартира императора располагалась в бедной лачуге, в которой не было ни дверей, ни окон. Нам было очень трудно отгородить хотя бы угол, достаточный для его сна. Холод усиливался, и ночи были ледяными; небольшие укрепленные частоколы, из которых было сделано нечто вроде почтовых отправлений, расставленных от пункта к пункту, отмечали участки маршрута и также каждый вечер служили имперской штаб-квартирой. Там была поспешно установлена кровать императора и как можно лучше устроен кабинет, где он мог работать со своими секретарями или писать приказы различным начальникам, которых он оставил в дороге и в городах.

Нашему отступлению часто мешали отряды казаков. Эти варвары бросились на нас с копьями в руках, издавая скорее вой свирепых зверей, чем человеческие крики, их маленькие длиннохвостые лошадки металась по флангам различных подразделений. Но эти атаки, хотя и часто повторялись, не имели, по крайней мере в начале отступления, серьезных последствий для армии. Услышав этот ужасный крик, пехота не испугалась, а сомкнула ряды и обнажила штыки, а кавалерия сочла своим долгом преследовать этих варваров, которые бежали быстрее, чем наступали.

6 ноября, перед отъездом из армии, император получил известие о заговоре Мале и обо всем, что с ним связано. Сначала он был удивлен, затем сильно разочарован и в конце концов очень развеселился по поводу замешательства начальника полиции генерала Савари; и много раз говорил, что, будь он в Париже, никто бы не сдвинулся с места, и что он вообще никогда не смог

бы уехать без того, чтобы все не потеряли головы при малейшем волнении; и с тех пор он часто говорил о том, как сильно он нужен в Париже.

Говоря о генерале Савари, я вспоминаю дело, в котором он был в некотором замешательстве. После ухода с поста командующего жандармерией, чтобы сменить Фуше на посту министра полиции, у него состоялась небольшая беседа с одним из адъютантов императора. Когда он зашел так далеко, что начал угрожать, тот ответил: "Вы, кажется, думаете, что наручники всегда у вас в карманах".

8 ноября шел снег, небо было затянуто облаками, стоял сильный холод, дул сильный ветер, а дороги были покрыты мокрым снегом. Лошади никак не могли продвинуться вперед, так как их подковы были так сильно изношены, что не могли предотвратить скольжение на мерзлой земле.

Бедные животные были истощены, и солдатам приходилось подставлять плечи к колесам, чтобы облегчить их ношу.

В прерывистом дыхании, вырывающемся из ноздрей усталой лошади, в напряжении ее мускулов и невероятных усилиях поясницы есть что-то такое, что в высшей степени наводит нас на мысль о силе; но безмолвная покорность этих животных, когда мы знаем, что они перегружены, внушает нам жалость и заставляет сожалеть о злоупотреблении такой выносливостью.

Император пешком, в окружении своей свиты, с посохом в руке, с трудом шел по этим скользким дорогам, тем временем подбадривая других добрыми словами, каждый из которых чувствовал себя преисполненным доброжелательности; и если бы кто-нибудь тогда высказал жалобу, его бы плохо уважали его товарищи. Мы прибыли в поле зрения Смоленска. Император был наименее утомлен из всех; и хотя он был бледен, лицо его оставалось спокойным, и ничто в его облике не указывало на его душевные страдания; и действительно, они должны были быть очень сильными, чтобы быть очевидными для публики. Дороги были усеяны людьми и лошадьми, павшими от усталости или голода; и люди, проходя мимо, отводили глаза в сторону. Что же касается лошадей, то они были призом для наших изголодавшихся солдат.

Наконец 9-го числа мы добрались до Смоленска, и император поселился в прекрасном доме на Невской площади. Хотя этот важный город пострадал с тех пор, как мы проезжали через него раньше, в нем все еще оставались кое-какие ресурсы, и мы нашли там всевозможную провизию для императорской семьи и офицеров; но император мало ценил это, так сказать, привилегированное изобилие, когда узнал, что армии нужна пища для людей и скота. Когда он узнал об этом, его ярость дошла до исступления, и я никогда не видел его настолько вне себя. Он приказал вызвать комиссара, отвечавшего за провизию, и упрекнул его в таких немыслимых выражениях, что последний побледнел и не мог найти слов в свое оправдание, после чего император пришел в еще большую ярость и изрек страшные угрозы. Я слышал крики из соседней комнаты; и впоследствии мне рассказывали, что квартирмейстер бросился к ногам его Величества, умоляя о прощении, и император, когда его гнев иссяк, простил его. Никогда еще он так искренне не сочувствовал страданиям своей армии; никогда еще он так горько не страдал от своего бессилия бороться со столь ошеломляющими невзгодами.

14-го числа мы возобновили маршрут, который прошли несколькими месяцами ранее под совершенно другими предлогами. Термометр показывал двадцать градусов, а мы были все еще очень далеко от Франции. После медленного и мучительного перехода мы прибыли в Красный.

Император был вынужден лично отправиться со своей охраной навстречу врагу и освободить принца Экмюля. Он прошел сквозь огонь врага, окруженный своей старой гвардией, которая теснилась вокруг своего командира взводами, в которых снаряды оставляли большие бреши, являя собой один из величайших примеров во всей истории преданности и любви тысяч людей к одному. Когда огонь разгорелся сильнее всего, оркестр заиграл мелодию "Где человеку может быть лучше, чем в кругу своей семьи?". Наполеон прервал их, воскликнув: "Играйте скорее. Давайте присмотрим за безопасностью Империи". "Трудно представить что-либо более грандиозное.

Император вернулся с этого боя очень усталым. Он провел несколько ночей без сна, слушая поступающие к нему доклады о состоянии армии, ускоряя отдачу приказов, необходимых для снабжения солдат продовольствием, и приводя в движение различные части, которые должны были поддержать отступление. Никогда его колоссальная деятельность не находила более постоянного применения; никогда он не проявлял большего мужества, чем посреди всех этих бедствий, за которые, казалось, чувствовал тяжкую ответственность.

Между Орчей и Борисфеном были сожжены повозки, для которых больше не было лошадей, и смятение и уныние стали настолько великими, что в тылу армии большинство отставших побросали свое оружие как тяжелую и бесполезную ношу. Офицеры вооруженной полиции имели приказ силой возвращать тех, кто покинул их отряд, и часто им приходилось колоть их мечами, чтобы заставить продвигаться вперед. Сила их страданий ожесточила сердце солдата, которое от природы доброе и сострадательное, до такой степени, что самые несчастные намеренно устраивали беспорядки, чтобы захватить у какого-нибудь лучше экипированного товарища иногда плащ, иногда еду. "Вот казаки!" - был их обычный крик тревоги; и когда об этих преступных проделках стало известно, а наши солдаты оправались от удивления, последовали репрессии, и смятение достигло апогея.

Корпус маршала Даву был одним из тех, кто пострадал больше всего во всей армии. Из семидесяти тысяч человек, с которыми она покинула Францию, осталось всего четыре или пять тысяч, и они умирали от голода. Сам маршал был ужасно истощен. У него не было ни одежды, ни еды. От голода и усталости у него ввалились щеки, и весь его вид внушал жалость. Этот храбрый маршал, двадцать раз спасавшийся от русских пуль, теперь видел, что умирает от голода; и когда один из его солдат дал ему буханку хлеба, он схватил ее и проглотил. Кроме того, он был наименее молчаливым; и, оттаивая свои усы, на которых замерз дождь, он с негодованием проклинал злую судьбу, которая бросила их на тридцатиградусный мороз. Было трудно сдерживать себя в словах, перенося такие страдания.

В течение некоторого времени император пребывал в состоянии сильного беспокойства за судьбу маршала Нея, который был отрезан и вынужден был расчищать для себя проход через гущу русских, которые преследовали нас со всех сторон.

С течением времени тревога усилилась. Император беспрестанно спрашивал, видели ли еще Нея, обвиняя себя в том, что слишком разоблачил этого храброго генерала, спрашивая о нем, как о хорошем друге, которого потерял. Вся армия разделяла и проявляла одинаковую тревогу, как будто этот храбрый солдат был единственным, кто находился в опасности. Некоторые, считая его определенно погибшим и видя, что враг угрожает мостам через Борисфен, предлагали перерезать их; но армия была единодушна в своей несогласии с этой мерой.

20-го император, которого эта мысль повергла в глубочайшее уныние, прибыл в Базанони и обедал в обществе принца Невшательского и герцога Данцика, когда генерал Гурго ворвался с сообщением, что маршал Ней и его войска находятся всего в нескольких лье отсюда. Император воскликнул с непостижимой радостью: "Неужели это правда?" Г-н Гурго сообщил ему подробности, которые вскоре стали известны всему лагерю. Это известие наполнило радостью сердца всех, каждый из которых горячо приветствовал другого, как будто каждый нашел давно потерянного брата; они говорили о проявленном героическом мужестве; о таланте, проявленном при спасении своего корпуса, несмотря на снегопады, наводнения и атаки врага. Маршалу Нею надлежит заявить здесь, что, согласно мнению, которое я слышал от наших самых прославленных воинов, его безопасное отступление является ратным подвигом, которому история не может найти аналогии. Сердца наших солдат трепетали от энтузиазма, и в тот день они испытали эмоции дня победы! Ней и его дивизия обрели бессмертие благодаря этому чудесному проявлению доблести и энергии. Тем лучше для немногих выживших из этой горстки храбрецов, которые могут прочесть о великих подвигах, которые они совершили, в этих вдохновленных ими летописях. Его величество несколько раз повторил: "Я бы отдал все серебро в хранилищах Тюильри, чтобы рядом со мной был мой храбрый Ней".

Принцу Евгению была оказана честь отправиться навстречу маршалу Нею с корпусом из четырех тысяч солдат. Маршал Мортье оспаривал у него эту честь, но между этими прославленными людьми никогда не было ничего, кроме благородного соперничества. Опасность была огромной; пушка принца Евгения была использована в качестве сигнала, понятного маршалу, на который он ответил огнем взвода. Два корпуса встретились, и еще до того, как они соединились, маршал Ней и принц Евгений были в объятиях друг друга; и говорят, что последний плакал от радости. Такие сцены делают эту ужасную картину несколько менее мрачной. Что касается Березины, то наш поход был всего лишь чередой мелких стычек и ужасных страданий.

Император провел одну ночь в Канивках, в деревянной хижине, состоявшей всего из двух комнат. Тот, что был сзади, был выбран им самим, а в другом вся служба спала вповалку. Мне было удобнее, так как я спал в комнате его Величества; но несколько раз за ночь я был вынужден проходить в эту комнату, а затем перешагивать через спящих, измученных усталостью. Хотя я старался не причинить им вреда, они стояли так близко друг к другу, что было невозможно не поставить свои ступни на их ноги или руки.

При отступлении из Москвы император шел пешком, завернувшись в свою накидку, на голове у него была русская шапка, завязанная под подбородком. Я часто маршировал рядом с храбрым маршалом Лефевром, который, казалось, очень любил меня и сказал мне на своем немецко-французском, говоря об императоре: "Он окружен людьми, которые не говорят правды; он недостаточно отличает своих хороших слуг от плохих. Как он выпутается из этого, бедный император, которого я так преданно люблю? Я всегда боюсь за его жизнь; если бы для его спасения требовалась только моя кровь, я бы пролил ее каплю за каплей; но это ничего бы не изменило, и, возможно, я ему понадоблюсь".

ГЛАВА VII.

День, предшествовавший переходу "Березины", был наполнен ужасающей торжественностью. Император, казалось, принял свое решение с хладнокровной решимостью человека, совершающего акт отчаяния; тем не менее были проведены советы, и было решено, что армия должна снять с себя все бесполезные тяготы, которые могли бы затруднить ее продвижение. Никогда еще не было такого единодушия во мнениях, никогда обсуждения не были более спокойными и серьезными. Это было спокойствие людей, которые решают предпринять последнее усилие, доверяя воле Божьей и своему собственному мужеству. Император приказал забрать орлов из каждого корпуса и сжечь, поскольку считал, что беглецам они не нужны. Печально было видеть, как эти люди один за другим покидали строй и бросали в огонь то, что они ценили больше своей жизни, и я никогда не видел более глубокого уныния или более остро ощущаемого стыда; ибо это было очень похоже на всеобщее унижение храбрых солдат битвы при Ла-Москве. Император сделал этих орлов талисманами, и это слишком ясно показывало, что он потерял в них веру. И хотя солдаты понимали, что положение дел, должно быть, отчаянное, раз дошли до такого, было хоть каким-то утешением думать, что от русских останется только пепелище. Какое зрелище представило сожжение этих орлов, прежде всего для тех, кто, подобно мне, присутствовал на великолепных церемониях их передачи армии в Булонском лагере перед Аустерлицкой кампанией!

Лошади были необходимы для артиллерии, и в этот критический момент артиллерия была защитой армии. Следовательно, император отдал приказ произвести впечатление на лошадей, поскольку он оценивал потерю одной пушки или кессона как невосполнимую. Артиллерия была вверена попечению корпуса, состоящего исключительно из офицеров и насчитывавшего около пятисот человек. Его Величество был так тронут, увидев, что эти храбрые офицеры снова стали солдатами, взялись за орудия, как простые канониры, и возобновили свои занятия по рукопашному бою в своей преданности долгу, что назвал этот корпус своей священной эскадрилей. С тем же духом, который заставил этих офицеров снова стать солдатами, другие старшие офицеры опустились до более низкого ранга, не заботясь о присвоении им звания. Генералы дивизии Гручи и Себастьяни снова получили звания простых капитанов.

Близ Боризова мы остановились, услышав громкие крики, думая, что отрезаны русской армией. Я увидел, как император побледнел; это было подобно удару молнии. Несколько улан были поспешно отправлены, и вскоре мы увидели, как они возвращаются, размахивая в воздухе своими знаменами. Его величество понял сигнал, и еще до того, как кирасиры успокоили нас, настолько ясно он держал в уме даже возможное расположение каждого корпуса своей армии, что воскликнул: "Держу пари, это Виктор". И в самом деле, это был маршал Виктор, который ждал нас с живейшим нетерпением. Казалось, что армия маршала получила очень смутную информацию о наших бедствиях и была готова принять императора с радостью и энтузиазмом. Его солдаты, все еще свежие и энергичные, по крайней мере по сравнению с остальной

армией, едва могли поверить собственным глазам, когда увидели наше жалкое положение; но крики "Да здравствует Император" от этого не стали менее восторженными.

Но иное впечатление было произведено, когда арьергард армии выстроился перед ними; и последовало большое замешательство, поскольку каждый из солдат армии маршала, узнавший друга, выбегал из рядов и спешил к нему, предлагая еду и одежду, и был почти напуган жадностью, с которой они ели, в то время как многие молча обнимали друг друга в слезах. Один из лучших и храбрейших офицеров маршала снял свою форму, чтобы отдать ее бедному солдату, чья изодранная одежда выставляла его почти голым на мороз, и надел на себя старый дырявый плащ, сказав, что у него больше сил противостоять морозу. Если избыток страданий иногда иссушает источники сердца, то иногда это также поднимает людей на огромную высоту, как мы видим в этом примере. Многие из самых несчастных в отчаянии вышибали себе мозги; и в этом акте, последнем, который природа предполагает как конец страданиям, были смирение и хладнокровие, при мысли о которых бросает в дрожь. Те, кто таким образом покончил со своей жизнью, меньше заботились о смерти, чем о том, чтобы положить конец своим невыносимым страданиям, и в течение всей этой катастрофической кампании я был свидетелем того, какими бесполезными вещами являются физическая сила и человеческое мужество, когда отсутствует моральная сила, проистекающая из решительной воли. Император маршировал между армиями маршала Виктора и маршала Удино; и было удручающим зрелищем видеть, как эти подвижные массы останавливались иногда по очереди — сначала те, кто шел впереди, затем те, кто шел следующими, затем последние. И когда маршал Удино, шедший впереди, приостановил свой марш по какой-то неизвестной причине, поднялась всеобщая тревога, и поползли зловещие слухи; а поскольку люди, которые многое видели, склонны верить чему угодно, ложным слухам верили с такой же готовностью, как и правдивым, и тревога продолжалась до тех пор, пока фронт армии снова не двинулся вперед, и их уверенность была отчасти восстановлена.

25-го, в пять часов вечера, через реку были переброшены временные мосты, сделанные из балок, снятых с хижин Поляков. В армии сообщили, что мосты будут закончены в течение ночи. Император был очень встревожен, когда ему сообщили, что армия была таким образом обманута; ибо он знал, насколько быстрее наступает уныние, когда рушится надежда, и, следовательно, прилагал большие усилия, чтобы информировать тыл армии о каждом происшествии, чтобы солдаты никогда не оставались во власти жестоких иллюзий. Вскоре после пяти балки поддались, оказавшись недостаточно прочными; и так как необходимо было подождать до следующего дня, армия снова предалась мрачным предчувствиям. Было очевидно, что им предстоит выдерживать огонь противника весь следующий день. Но выбора уже не было, потому что только в конце этой ночи всевозможных мучений в реке были закреплены первые балки. Трудно понять, как люди могли смириться с тем, чтобы стоять по горло в воде, наполненной льдом, и, собрав все силы, которые дала им природа, со всей энергией преданности, и забивать сваи глубиной в несколько футов в илистый слой, борясь с ужаснейшей усталостью, отталкивая руками огромные глыбы льда, которые могли бы затопить их своим весом; одним словом, сражаясь даже насмерть с холодом, величайшим врагом жизни. Этот чудесный подвиг был совершен нашим французским понтонным корпусом. Многие погибли, унесенные течением или окоченевшие от холода. Слава этого достижения, на мой взгляд, превосходит по ценности многие другие.

Император ждал рассвета в бедной хижине, а утром сказал принцу Бертье: "Ну, Бертье, как нам выпутаться из этого?" Он сидел в своей комнате, по его щекам, которые были бледнее обычного, текли крупные слезы, а принц сидел рядом с ним.

Они обменялись несколькими словами, и император, казалось, был подавлен своим горем. Я предоставляю воображению то, что происходило в его душе. Наконец король Неаполя открыл свое сердце своему шурину и умолял его от имени армии подумать о своей собственной безопасности, настолько неминуемой стала опасность. Несколько храбрых поляков вызвались сопровождать императора; он мог переправиться через Березину выше по течению и достичь Вильны за пять дней. Император молча покачал головой в знак отказа, что король понял, и этот вопрос больше не рассматривался.

Среди ошеломляющих бедствий те немногие благословения, которые достигают нас, ощущаются вдвойне. Я много раз наблюдал это на примере его Величества и его несчастной армии. На берегах Березины, как раз в тот момент, когда были переброшены первые опоры моста, маршал Ней и король Неаполитанский галопом бросились к императору, крича ему, что враг оставил свою угрожающую позицию; и я видел, как император, вне себя от радости, не веря своим ушам, сам побежал, чтобы бросить испытующий взгляд в том направлении, куда, по их словам, уехал адмирал Чицаков. Эта новость действительно была правдой, и император, вне себя от радости и запыхавшись после скачки, воскликнул: "Я обманул адмирала". Это отступление противника было трудно понять, когда возможность сокрушить нас была в пределах его досягаемости; и я сомневаюсь, что император, несмотря на свое очевидное удовлетворение, был полностью уверен в счастливых последствиях, которые это отступление врага могло принести нам.

Прежде чем мост был закончен, около четырехсот человек были перенесены часть пути через реку на двух жалких плотах, которые едва могли удержаться против течения; и мы видели с берега, как их грубо раскачивали огромные глыбы льда, завалившие реку. Эти блоки подошли к самому краю плота, где, наткнувшись на препятствие, некоторое время оставались неподвижными, а затем внезапно были со страшным грохотом поглощены этими хрупкими досками, хотя солдаты штыками остановили самые крупные из них и повернули их в сторону от плотов.

Нетерпение армии достигло апогея. Первыми, кто достиг противоположного берега, были храбрый Жакмино, адъютант маршала Удино, и граф Предзецкий, храбрый литовец, которого император очень любил, особенно за то, что он с такой верностью и преданностью разделял наши страдания. Оба переправились через реку верхом, и армия издала возгласы восхищения, увидев, что вожди первыми подали пример бесстрашия. Они выдержали столько опасностей, что у самого сильного закружилась голова. Течение заставляло их лошадей плыть по диагонали, что удваивало длину прохода; и пока они плыли, глыбы льда ударялись им в бока, оставляя ужасные порезы.

В час дня генерал Легран и его дивизия переходили мост, построенный для пехоты, в то время как император сидел на противоположном берегу, и некоторые пушки, попавшие в зацепление, на мгновение задержали марш. Император бросился на мост, приложил руку к работе и помогал отделять куски. Энтузиазм солдат был на высоте, и под крики "Да здравствует Император!" пехота ступила на противоположный берег.

Вскоре после этого император, узнав, что генерал Партонно сложил оружие, был глубоко тронут этим известием и высказал упреки, которые были несколько несправедливы по отношению к генералу. Позже, когда он получил более точную информацию, он прекрасно понял, какую роль необходимость и отчаяние сыграли в этой капитуляции.

Это факт, что храбрый генерал пришел к такому решению только после того, как сделал все, что мог храбрый человек в данных обстоятельствах; ибо человеку позволено отступить, когда не остается ничего, кроме как позволить убить себя без всякой цели.

Когда прошла артиллерия и обозные повозки, мост был так перегружен, что обвалился; и мгновенно произошло движение назад, в результате которого все множество отставших, которые наступали, подобно стаду, которое загоняют в тыл артиллерии, собрались вместе. Был построен еще один мост, как будто пришла в голову печальная мысль о том, что первый может обрушиться. Но второй был узким и без перил; тем не менее, поначалу это показалось очень ценным временным средством в таком бедствии. Но как бедствия следуют одно за другим! Отставшие устремились туда толпами. Артиллерия, обозы, одним словом, все армейское имущество находилось впереди на первом мосту, когда он был разрушен; и когда из-за внезапной паники, охватившей тех, кто находился в тылу этой толпы, стало известно об ужасной катастрофе, последние первыми овладели другим мостом. Было необходимо, чтобы артиллерия прошла первой, поэтому она безудержно устремилась к единственной оставшейся дороге к безопасности. Никакое перо не сможет описать сцену ужаса, которая теперь последовала; ибо к мосту буквально по дороге, усеянной растоптанными человеческими телами, подъезжали всевозможные повозки. В этом случае можно было увидеть, сколько жестокости и даже хладнокровной свирепости может быть вызвано в человеческом разуме инстинктом самосохранения. Были несколько отставших, самых обезумевших из всех, которые ранили и даже убили своими штыками несчастных лошадей, послушавшихся кнута своих проводников; и в результате этой бойни на дороге осталось несколько кессонов.

Как я уже говорил, у моста не было перил, и толпы тех, кто прорывался через реку, падали в реку и были поглощены льдом. Другие при падении пытались удержаться, ухватившись за доски моста, и оставались подвешенными над пропастью до тех пор, пока их руки, раздавленные колесами повозок, не разжались, и они не присоединились к своим товарищам, когда волны сомкнулись над ними. Целые кессоны вместе с возницами и лошадьми были сброшены в воду.

Видели, как бедные женщины вытаскивали своих детей из воды в попытке отсрочить на несколько мгновений их смерть, и смерть в такой ужасной форме - поистине восхитительный материнский эпизод, который гений художника предугадал, рисуя сцены Потопа, и который мы видели во всей его душераздирающей и ужасающей реальности! Император хотел вернуться по своим следам, полагая, что его присутствие может восстановить порядок; но его так настойчиво отговаривали от этого проекта, что он воспротивился побуждениям своего сердца и остался, хотя, конечно, не его высокое положение удерживало его на берегу. Все страдания, которые он перенес, были видны, когда он ежеминутно спрашивал, где находится переправа, слышно ли все еще, как по мосту катятся пушки, не стихли ли крики в том направлении. "Безрассудные создания! Почему они не могли немного подождать?" - сказал он.

Были прекрасные примеры преданности в этих печальных обстоятельствах. Молодой артиллерист бросился в воду, чтобы спасти бедную мать с двумя детьми, которая пыталась переплыть на другой берег в маленьком каноэ. Груз был слишком тяжел; огромная глыба льда

налетела на маленькую лодку и потопила ее. Канонир схватил одного из детей и, энергично пlying, вынес его на берег; но мать и другой ребенок погибли. Этот добрый молодой человек усыновил сироту как своего сына. Я не знаю, имел ли он счастье вернуться во Францию.

Офицеры впряглись в сани, чтобы перевезти нескольких своих товарищей, которые были беспомощны из-за ран. Они как можно теплее укутали этих несчастных, время от времени подбадривали их бокалом бренди, когда удавалось раздобыть его, и расточали им самое трогательное внимание.

Многие вели себя подобным образом, имена многих из них нам неизвестны; и как мало тех, кто вернулся, чтобы насладиться в своей стране воспоминаниями о самых замечательных деяниях своей жизни.

Мост был сожжен в восемь часов утра.

29-го числа. Император покинул берега Березины, и мы переночевали в Камне, где его Величество занимал бедное деревянное здание, в окна которого ледяной воздух проникал со всех сторон; так как почти все стекла в нем были разбиты, мы, как могли, закрыли отверстия охапками сена. Недалеко от нас, на большой стоянке, были заперты несчастные русские пленные, которых армия гнала перед собой. Мне было очень трудно понять эту иллюзию победы, которую наши бедные солдаты все еще поддерживали, волоча за собой эту жалкую роскошь в виде пленных, которые могли быть только дополнительным бременем, поскольку требовали постоянного присмотра.

Когда завоеватели умирают от голода, что становится с побежденными? Эти бедные русские, измученные маршами и голодом, почти все погибли этой ночью. Утром их нашли прижавшимися друг к другу, стремящимися таким образом хоть немного согреться. Самые слабые сдались; и их окоченевшие тела всю ночь были прижаты к живым, а они даже не осознавали этого. Некоторые из них, испытывая голод, съели своих мертвых товарищей. Часто отмечалась стойкость, с которой русские переносят боль. Я могу привести один пример, который превосходит все ожидания. Один из этих парней, после того как был отделен от своего корпуса, был поражен пушечным ядром, которое оторвало ему обе ноги и убило его лошадь. Французский офицер, проводивший рекогносцировку на берегу реки, где упал этот русский, заметил на некотором расстоянии предмет, похожий на мертвую лошадь, и все же он мог видеть, что она двигалась.

Он приблизился и увидел бюст человека, конечности которого были спрятаны в брюхе лошади.

Это бедное создание пробыло там четыре дня, укрывшись от холода в седле своей лошади и питаясь зараженными объедками, вырванными из этого ужасного убежища.

3 декабря мы прибыли в Малодечно. В течение всего дня император казался задумчивым и озабоченным. У него были частые конфиденциальные беседы с главным конюшим месье де Коленкур, и я заподозрил какие-то экстраординарные меры. Я не обманулся в своих догадках. В двух лье от Сморгони герцог Виченцкий вызвал меня и велел ехать впереди и отдать приказ запрячь шесть лучших лошадей в мою карету, которая была самой легкой из всех, и держать их в постоянной готовности. Я прибыл в Сморгони раньше императора, который прибыл только на следующую ночь. Стоял невыносимый холод, и император остановился в бедном доме на площади, где устроил свою штаб-квартиру. Он слегка подкрепился,

собственноручно написал двадцать девятый армейский бюллетень и приказал вызвать всех маршалов.

Еще ничего не выяснилось относительно планов императора, но в великих и отчаянных мерах всегда есть что-то необычное, что не ускользает от самых проницательных. Император никогда не был таким дружелюбным и общительным, и чувствовалось, что он пытается подготовить своих самых преданных друзей к каким-то ошеломляющим новостям. Некоторое время он говорил на разные темы, затем рассказал о великих подвигах, совершенных во время кампании, с удовольствием упомянув об отступлении генерала Нея, которого они наконец нашли.

Маршал Даву казался рассеянным; и император сказал ему: "По крайней мере, скажите что-нибудь, маршал". В течение некоторого времени между ним и императором установилась некоторая прохладца, и его величество упрекал его в редкости его визитов, но он не мог рассеять тучу, омрачавшую чело каждого; ибо тайна императора хранилась не так хорошо, как он надеялся. После ужина император приказал принцу Евгению прочитать двадцать девятый бюллетень и откровенно рассказал о своем плане, сказав, что его отъезд необходим для того, чтобы послать помощь армии. Он отдал свои приказы маршалам, все они выглядели печальными и обескураженными. Было десять часов, когда император, сказав, что пришло время немного отдохнуть, обнял всех маршалов и удалился. Он почувствовал необходимость удалиться, ибо был подавлен стесненностью этой встречи, о чем легко можно было судить по крайнему волнению, отразившемуся на его лице в конце. Примерно через полчаса император позвал меня в свою комнату и сказал: "Констант, я собираюсь уезжать; я думал, что смогу взять тебя с собой, но я принял во внимание тот факт, что несколько экипажей привлекут внимание; важно, чтобы я не испытывал задержки, и я отдал приказ, чтобы ты выехал немедленно после возвращения моих лошадей, и, следовательно, ты будешь следовать за мной на небольшом расстоянии". Я сильно страдал от своей старой болезни; поэтому император не позволил мне отправиться с ним на прогулку, как я просил, чтобы я оказал ему обычное внимание. Он сказал: "Нет, Констант, ты поедешь за мной в карете, и я надеюсь, что ты сможешь прибыть не более чем на день позже меня". Он уехал с герцогом Виченцским и Рустаном на козлах; моя карета была распряжена, и я остался, к моему великому сожалению. Император уехал ночью.

К рассвету армия узнала эту новость, и впечатление, которое она произвела, невозможно передать. Уныние было в самом разгаре, и многие солдаты проклинали императора и упрекали его в том, что он бросил их. Всеобщее негодование охватило всех. Принц Невшательский был очень встревожен и расспрашивал о каждом, хотя он, естественно, был бы первым, кто получил бы какую-либо информацию. Он боялся, что Наполеон, у которого был слабый эскорт, попадет в плен к казакам, которые, если бы узнали о его отъезде, приложили бы все усилия, чтобы увести его.

Этой ночью, 6-го, холод сильно усилился, и можно себе представить его тяжесть, поскольку на земле были найдены окоченевшие от холода птицы. Солдаты, которые сидели, обхватив голову руками и наклонив тела вперед, чтобы таким образом меньше ощущать пустоту в животе, были найдены мертвыми в этом положении. Когда мы дышали, пар с наших губ застывал у нас на бровях, маленькие белые сосульки образовывались на усах и бородах солдат; и чтобы растопить их, они грели подбородки у бивуачного костра, и, как можно себе представить, многие делали это не безнаказанно. Артиллеристы прикладывали руки кноздрям лошадей, чтобы согреться от сильного дыхания этих животных. Их мясо было обычной пищей солдат.

Большие куски этого мяса бросали на угли; и когда оно застывало на морозе, его несли, не портясь, как соленую грудинку, а порох из патронных ящиков заменял соль.

В тот же вечер с нами был молодой парижанин из очень богатой семьи, который пытался получить работу при дворе императора. Он был очень молод, и его приняли среди мальчиков из соседней квартиры, и бедный ребенок отправлялся в свое первое путешествие. Когда мы уезжали из Москвы, его охватила лихорадка, и сегодня вечером он был так болен, что мы не смогли вытащить его из фургона, принадлежащего гардеробщице, в котором ему было устроено как можно удобнее. Он умер там ночью, о чем очень сожалеют все, кто его знал. Бедный Лапурьель был юношей с очаровательным характером, прекрасным образованием, надеждой своей семьи и единственным сыном. Земля была такой твердой, что мы не смогли вырыть могилу и испытали огорчение, оставив его останки непогребенными.

На следующий день я отправился в путь, вооруженный приказом принца де Невшателя о том, чтобы все в пути предоставляли мне лошадей, отдавая предпочтение всем остальным. На первом посту после отъезда из Сморгони, откуда император отправился в путь вместе с герцогом Виченцским, этот приказ оказал мне неоценимую помощь, поскольку лошадей хватило только для одной кареты. Я оказался соперником графа Дару, который прибыл в то же время. Бесполезно говорить, что без приказа императора как можно скорее вернуться к нему, я не воспользовался бы своим правом превосходства над генерал-интендантом армии; но, побуждаемый своим долгом, я показал приказ принца де Невшателя графу Дарю, и последний, изучив его, сказал мне: "Вы правы, господин Констан; возьмите лошадей, но я прошу вас отослать их обратно как можно быстрее". Каким переполненным бедствиями было это отступление.

После долгих страданий и лишений мы прибыли в Вильну, где, прежде чем въехать в город, необходимо было проехать по длинному узкому мосту. Артиллерия и повозки заняли весь мост настолько плотно, что ни одна другая повозка не могла проехать; и было бесполезно говорить "служба его Величества", поскольку мы получали только проклятия. Видя невозможность продвигаться вперед, я вышел из своей кареты и нашел там принца Арембергского, артиллерийского офицера императора, в плачевном состоянии, его лицо, нос, уши и ноги были отморожены. Он сидел позади моей кареты. Я был уязвлен в самое сердце и сказал принцу, что, если бы он сообщил мне о своем состоянии, я бы уступил ему свое место. Он едва смог мне ответить. Некоторое время я помогал ему; но, видя, насколько необходимо, чтобы мы оба продвигались вперед, я взялся нести его. Он был хрупким, стройным и примерно среднего роста. Я взял его на руки; и с этой ношей, толкаясь локтями, причиняя боль одним, будучи обиженным другими, я, наконец, добрался до штаб-квартиры неаполитанского короля и доставил принца туда, порекомендовав оказать ему все необходимое внимание, которого требовало его состояние. После этого я снова сел в карету.

Все нас подвело. Задолго до прибытия в Вильну, когда лошади были мертвы, мы получили приказ сжечь наши экипажи со всем содержимым. Я сильно проиграл в этом путешествии, так как купил несколько ценных вещей, которые были сожжены вместе с моим багажом, которого у меня всегда было большое количество в наших путешествиях. Таким же образом была утеряна большая часть багажа императора.

Очень красивая карета принца Бертье, которая только что прибыла и которой никто не пользовался, также была сожжена. У этих костров были расставлены четыре гренадера,

которые с примкнутыми штыками не давали никому взять из огня то, что было приказано принести в жертву.

На следующий день мы посетили уцелевшие вагоны, чтобы убедиться, что ничего не утаили. Мне разрешили оставить только две рубашки. Мы переночевали в Вильне; но на следующий день очень рано была поднята тревога, что русские у ворот города. Люди вбежали внутрь, вне себя от ужаса, крича: "Мы погибли!" Король Неаполя был быстро разбужен; он вскочил с постели; и немедленно был отдан приказ, чтобы императорская служба немедленно покинула город. Можно себе представить, какое замешательство вызвало все это. Времени на какие-либо приготовления не было; мы были вынуждены начать без промедления. Принца Арембергского поместили в одну из королевских карет с тем, что можно было взять для самых неотложных нужд; и едва мы покинули город, как услышали позади себя крики и грохот пушек, сопровождаемый быстрой пальбой. Нам пришлось карабкаться на ледяную гору. Лошади устали, и мы не продвинулись ни на шаг. Фургон с армейскими сокровищами был брошен, и часть денег была разграблена людьми, которые не прошли и ста шагов, как были вынуждены выбросить их, чтобы спасти свои жизни.

ГЛАВА VIII.

В течение всей русской кампании император почти всегда был плохо обеспечен. Однако было необходимо приспособиться к обстоятельствам; хотя это было несколько трудной задачей для тех, кто привык жить во дворцах. Император мужественно принял сложившуюся ситуацию, и все его последователи, следовательно, сделали то же самое. Вследствие системы поджогов, принятой в качестве политики России, состоятельная часть населения удалилась в страну, оставив врагу свои дома, уже разрушенные. По правде говоря, на всей дороге, ведущей в Москву, за исключением нескольких незначительных городков, жилища были очень жалкими; и после долгих и утомительных переходов мы были очень счастливы, если находили хотя бы хижину в том месте, которое император указал в качестве штаб-квартиры. Владельцы этих жалких лачуг, покидая их, иногда оставляли там два или три сиденья и деревянные кровати, в которых в изобилии водились паразиты, которых не могло изгнать никакое вторжение. Было выбрано наименее грязное место, которое обычно было самым воздушным; и мы знали, что когда наступят холода, ледяной бриз нас не подведет. Когда место было выбрано и мы решили остановиться там, на земле расстелили ковер, установили железную кровать императора, а на маленьком столике поставили открытый туалетный столик со всем необходимым для спальни. В этом шкафу также находился сервиз для завтрака на несколько персон, роскошь которого демонстрировалась, когда император принимал своих маршалов. Во всяком случае, было необходимо принизить себя до привычек самых скромных граждан провинции. Если в доме было две комнаты, то одна служила спальней и столовой, а другая - кабинетом его Величества. Коробка с книгами, географические карты, портфель и стол, покрытый зеленой скатертью,

составляли всю обстановку. Это был также зал заседаний совета; и из этих убогих лачуг принимались те быстрые и решительные решения, которые меняли порядок сражения и часто судьбу дня, а также те решительные и энергичные воззвания, которые так быстро оживляли обескураженную армию. Когда наша резиденция состояла из трех комнат, что случалось крайне редко, то третью комнату, или чулан, занимал принц де Невшатель, который всегда спал как можно ближе. Мы часто находили в этих убогих жилищах старую обветшалую мебель причудливых форм и маленькие деревянные или гипсовые изображения святых мужского или женского пола, которые оставили хозяева. Однако часто мы находили в этих жилищах бедняков, которым нечего было спасать от завоевания, и они оставались там. Этим добрым людям, казалось, было очень стыдно так дурно обращаться с императором Франции, они отдали нам все, что у них было, и от этого не стали менее дурно почитаемы нами. Императора принимали скорее бедняки, чем богатые, и Кремль был последним из иностранных дворцов, в которых император ночевал во время русской кампании.

Когда поблизости не было домов, мы соорудили императорскую палатку и, чтобы разделить ее на три квартиры, повесили занавески; в одной из этих комнат спал император, следующая была кабинетом императора, а третью занимали его адъютанты и офицеры военной службы; эта последняя комната обычно использовалась как столовая императора, его трапезы готовились на открытом воздухе. Я один спал в его комнате. Рустан, сопровождавший его величество в поездке верхом, спал в прихожей палатки, чтобы не нарушался сон, который был ему так необходим. Секретари спали либо в кабинете, либо в прихожей. Высшие офицеры и служащие ели, где и когда могли, и, подобно простым солдатам, не стеснялись есть без столов.

Палатка принца Бертье находилась рядом с палаткой императора, и принц всегда завтракал и обедал с ним. Они были как два неразлучных друга. Эта привязанность была очень трогательной, и между ними редко возникали разногласия. Тем не менее, я думаю, между ним и императором была некоторая прохладца в то время, когда его Величество покинул московскую армию. Старый маршал пожелал сопровождать его, но император отказался, и после этого завязалась оживленная, но бесплодная дискуссия.

Во время кампании блюда подавались месье Колином, заведующим кухней, и Рустаном, то есть спальным слугой.

Во время этой кампании император чаще, чем в какой-либо другой, вставал по ночам, надевал халат и работал в своем кабинете; часто у него была бессонница, которую он не мог побороть; и когда постель, наконец, становилась невыносимой, он внезапно вскакивал с нее, брал книгу и читал, расхаживая взад и вперед, а когда голове несколько полегчало, снова ложился. Очень редко он спал целых две ночи подряд; но часто он оставался таким образом в шкафу до часа своего туалета, когда он возвращался в свою комнату и я одевал его. Император очень заботился о своих руках; но в этой кампании он много раз пренебрегал этим видом кокетства и во время сильной жары не надевал перчаток, так как они причиняли ему очень большие неудобства. Он героически переносил холод, хотя было легко видеть, что он сильно страдал от него физически.

В Витебске император, обнаружив, что пространство перед домом, в котором у него были свои покои, слишком мало для проведения смотра войск, приказал снести несколько небольших зданий, чтобы расширить его. Там была небольшая полуразрушенная часовня, которую также необходимо было разрушить, чтобы добиться этого, и она уже была частично снесена, когда

жители собрались в большом количестве и громко выразили свое неодобрение этой мере. Но император дал свое согласие на то, чтобы они вынесли священные предметы, находившиеся в часовне, и они были умиротворены; и, вооруженные этой властью, некоторые из них вошли в священное место и вышли оттуда с большой торжественностью, неся деревянные изображения огромной высоты, которые они передали в другие церкви.

Находясь в этом городе, мы были свидетелями необычного зрелища, хорошо рассчитанного на то, чтобы потрясти наше чувство приличия. В течение многих дней во время сильной жары мы видели, как жители, как мужчины, так и женщины, выбегали на берег реки, снимали одежду с величайшим безразличием к зрителям и вместе купались, большинство из них были почти голыми. Солдаты гвардии получали удовольствие от общения с этими купальщиками обоего пола; но так как солдаты были не столь благопристойны, как местные жители, и так как неосторожности, совершенные нашими людьми, вскоре зашли слишком далеко, эти достойные люди отказались от удовольствий от своего купания, очень недовольные тем, что забавой было превращено упражнение, которым они наслаждались с такой серьезностью.

Однажды вечером я присутствовал на грандиозном смотре пеших гренадер гвардии, которому, по-видимому, все полки пришли в восторг, поскольку он был проведен в честь вступления в должность генерала Фриана

[Луи Фриан, родился в Пикардии в 1758 году; бригадный генерал в 1794 году; служил на Рейне и в Италии; сопровождал Наполеона в Египет и стал дивизионным генералом; ранен при Аустерлице (1805), был при Йене и Ваграме; командовал гвардейскими гренадерами в русской кампании и был тяжело ранен при Ватерлоо; умер в 1829 году]

как командир корпуса. Император наградил его орденом, и это был единственный случай, когда я видел, как это было сделано во время кампании; и поскольку генерал был очень любим армией, именно среди всеобщих приветствий он получил эту честь от императора.

Продвижение по службе обычно приветствовалось солдатами с большим энтузиазмом, поскольку император требовал, чтобы оно проходило с большой помпой и церемониями.

Многие люди считали, что находиться рядом с императором - это доказательство того, что они хорошо обеспечены в ходе кампании. Это большая ошибка, что легко могли доказать даже короли и принцы, сопровождавшие его Величество в его походах; и если этим великим личностям не хватало всего необходимого, вполне можно полагать, что дела у лиц, составлявших различные службы, шли плохо. Сам император часто обходился без обычных удобств, которые были бы ему очень приятны после утомительного дня.

В назначенный час на бивуак собирались все, "кто может", но самый бедный солдат никогда не испытывал огорчения, видя, как его начальство наслаждается изобилием и возмутительной роскошью. Первые генералы армии часто обедали запасенным боеприпасами хлебом с таким же удовольствием, как и простой солдат, и при отступлении страдания не могли быть более всеобщими. Эта мысль о лишениях, разделяемых всеми, во многом вернула надежду и энергию самым обескураженным; и, я могу добавить, никогда еще не было замечено такой взаимной симпатии между вождями и солдатами, в подтверждение чего можно привести бесчисленные примеры.

Когда наступил вечер, разожгли костры, и те фуражиры, которые добились наибольшего успеха, пригласили своих товарищей разделить их веселье. В худшие времена здесь предлагали скудные, но все же не самые худшие блюда, состоящие из ломтиков жареной конины.

Многие солдаты лишали себя какой-нибудь ценной добычи, чтобы предложить ее своему командиру, и эгоизм не был настолько распространен, чтобы эта благородная французская вежливость не появлялась время от времени, напоминая о счастливых днях Франции. Солома была постелью для всех; и те маршалы, которые в Париже спали на самых роскошных пуховых постелях, не находили это ложе в России слишком жестким.

Г-н де Боссе рассказал мне очень забавный рассказ об одной ночи, когда адъютанты, сопровождавшие императора, безжалостно наступали на конечности своих спящих товарищей, которые, к счастью, не все страдали подагрой, как г-н Боссе, и не пострадали от таких внезапных и часто повторяющихся нападений. Он воскликнул: "Что за звери!" - и, поджав под себя ноги, съехал в своем углу, пока это хождение взад и вперед на некоторое время не прекратилось.

Представьте себе большие комнаты, грязные, без мебели, открытые ветру, который проникал в каждое окно, почти все стекла в котором были выбиты, с осыпающимися стенами и зловонным воздухом, который мы, насколько это было возможно, согревали своим дыханием, обширные подстилки из соломы, приготовленной как для лошадей, и на этих подстилках люди дрожали от холода, метались, жались друг к другу, бормотали, ругались, одни не могли сомкнуть глаз, другие, более удачливые, громко храпели, и посреди этой массы ног всеобщее пробуждение во всем мире. ночь, когда поступил приказ от императора, и вы можете составить представление о гостинице и гостях.

Что касается меня, то за весь поход я ни разу не раздевался, чтобы лечь в постель, потому что нигде ее не находил. Необходимо было восполнить этот недостаток каким-либо способом; и поскольку хорошо известно, что нужда всегда приходит с изобретениями, мы восполняли недостаток в нашей мебелировке следующим образом: у нас были сшиты большие мешки из грубой ткани, в которые мы забирались и, таким образом защищаясь, ложились на солому, когда нам удавалось ее раздобыть; и в течение нескольких месяцев я отдыхал по ночам таким образом, и даже этим я часто не мог наслаждаться целых пять или шесть ночей подряд, настолько суровыми были требования моего положения.

Если вспомнить, что все эти страдания продолжались в своих мелких деталях каждый день, и что когда наступила ночь, у нас не было даже кровати, на которой можно было бы вытянуть наши уставшие члены, то может сложиться некоторое представление о лишениях, которые мы перенесли в этой кампании. Император никогда не произносил ни слова жалобы, когда подвергался таким неудобствам, и его пример вселял в нас мужество; и в конце концов мы настолько привыкли к этому утомительному и бродячему существованию, что, несмотря на холод и всякого рода лишения, которым мы подвергались, мы часто шутили по поводу изысканного убранства наших покоев. Император во время кампании переживал только за страдания других, хотя его здоровье иногда было настолько ослаблено, что вызывало беспокойство, особенно когда он отказывал себе во всяком отдыхе, который не был абсолютно необходим; и все же я слышал, как он постоянно спрашивал, есть ли жилье для всех, и он не был удовлетворен, пока полностью не проинформирован о каждой детали.

Хотя у императора почти всегда была кровать, убогие покои, в которых она стояла, часто были такими грязными, что, несмотря на все старания, предпринятые для ее чистки, я не раз обнаруживал на его одежде разновидность паразитов, очень неприятных и очень распространенных в России. Мы пострадали от этого неудобства больше, чем император, поскольку были лишены надлежащего белья и других смен одежды, поскольку большая часть наших пожитков сгорела вместе с повозками, в которых они находились. Эта крайняя мера была принята, как я уже сказал, по веским причинам, поскольку все лошади погибли от холода или голода.

В царском дворце нам жилось немногим лучше, чем на бивуаке. В течение нескольких дней у нас были только матрасы; но так как у большого числа раненых офицеров их не было, император приказал выдать их нашим. Мы добровольно пошли на эту жертву, и мысль о том, что мы помогаем другим, более несчастным, чем мы сами, сделала бы невыносимой самую тяжелую постель. Кроме того, в этой войне у нас было не раз возможность научиться отбрасывать все чувства эгоизма и ограниченности личности; и если бы мы были виновны в такой забывчивости, император всегда был готов призвать нас к выполнению этого простого долга.

ГЛАВА IX.

Единственный слишком известный двадцать девятый бюллетень великой армии не публиковался в Париже, где ужас, который он вызвал во всех классах, хорошо известен, до 16 декабря; и император, следуя по пятам за этим торжественным манифестом о наших бедствиях, прибыл в свою столицу сорок восемь часов спустя, как будто пытаясь своим присутствием устранить пагубные последствия, которые могло произвести это сообщение. 28-го, в половине двенадцатого вечера, его величество прибыл во дворец Тюильри. Это был первый раз с момента его вступления в консульство, когда Париж стал свидетелем его возвращения из кампании без объявления нового мира, завоеванного славой нашего оружия. В этих обстоятельствах многочисленные лица, которые из привязанности к императрице Жозефине всегда видели или воображали, что видят в ней своего рода защитный талисман успеха императора, не преминули отметить, что поход в Россию был первым, предпринятым после женитьбы императора на Марии Луизе. Без всякого суеверия нельзя было отрицать, что, хотя император всегда был велик, даже когда удача была против него, между правлением двух императриц была очень заметная разница. Единый был свидетелем только побед, за которыми следовал мир. А другие - только войны, не лишённые славы, но и результатов, вплоть до грандиозного и фатального завершения отречением в Фонтенбло.

Но слишком много предвосхищать, описывая здесь события, которые мало кто осмеливался предсказать непосредственно после московских катастроф. Весь мир знает, что холод и низкие температуры больше способствовали нашим поражениям, чем враг, которого мы преследовали даже в сердце его горячей столицы. Франция по-прежнему предлагала огромные ресурсы, и

теперь император лично находился там, чтобы руководить их использованием и повышать их ценность. Кроме того, пока еще не было очевидного отступничества, и, за исключением Испании, Швеции и России, император рассматривал все европейские державы как союзников. Верно, приближался момент, когда генерал Йорк подаст сигнал, — поскольку, насколько я помню, первые известия дошли до императора 10 января следующего года, — и было легко видеть, что его Величество был глубоко тронут этим, поскольку он видел, что у Пруссии будет много подражателей в других корпусах союзных армий.

В Сморгони, где император оставил меня, отправившись, как я уже рассказывал, с герцогом Виченцским в карете, предназначенной для меня, почти ни о чем не думали, кроме как о том, как выпутаться из ужасного положения, в котором мы оказались. Я хорошо помню, что после нескольких сожалений о том, что императора не было среди его приближенных, мысль о том, что он избежал всякой опасности, стала доминирующим чувством, настолько все верили в его гений. Более того, уходя, он передал командование неаполитанскому королю, чьей доблестью восхищалась вся армия, хотя говорят, что несколько маршалов втайне завидовали его королевской короне. Впоследствии я узнал, что император прибыл в Варшаву 10-го числа, избежав проезда через Вильно, сделав крюк через пригороды; и, наконец, проехав через Силезию, он прибыл в Дрезден, где добрый и верный король Саксонии, хотя и был очень болен, сам был доставлен императору. Отсюда его Величество проследовал по дороге через Нассау и Майнц.

Я последовал тем же маршрутом, но не с такой скоростью, хотя и не терял времени. Повсюду, и прежде всего в Польше, в тех местах, где я останавливался, я был поражен, обнаружив проявленное чувство безопасности. Со всех сторон до меня доносились сообщения о том, что император должен вернуться во главе трехсоттысячной армии. Было известно, что император совершал такие удивительные поступки, что ничто не казалось невозможным; и я узнал, что он сам распространил эти слухи о своем путешествии, чтобы восстановить мужество населения. В нескольких местах мне не удалось раздобыть лошадей, и поэтому, несмотря на все мое рвение, я прибыл в Париж только через шесть или восемь дней после приезда императора.

Едва я вышел из кареты, как император, которому сообщили о моем прибытии, приказал позвать меня. Я заметил посланнику, что нахожусь не в том состоянии, которое позволило бы мне предстать перед его Величеством. "Это не имеет значения, - ответил он. - Император желает, чтобы вы прибыли немедленно, в том виде, в каком вы есть". Я немедленно повиновался и пошел, или, скорее, побежал, в кабинет императора, где нашел его с императрицей, королевой Гортензией и еще одним человеком, имя которого я не совсем помню. Император соизволил оказать мне самый сердечный прием; и поскольку императрица, казалось, не обращала на меня никакого внимания, я сказал ей с добротой, которую я никогда не забуду: "Луиза, ты не узнаешь Константа?"

"Я заметила его". [В другом месте Константин утверждает, что ее ответ был: "Я не заметила его".] Это был единственный ответ ее Величества императрицы; но это было не так с королевой Гортензией, которая приветствовала меня так же любезно, как всегда делала ее обожаемая мать.

Император был очень весел и, казалось, совсем забыл о своей усталости. Я уже собирался почтительно удалиться, но его Величество сказал мне: "Нет, Константин, останься еще на минуту и расскажи мне, что ты видел по дороге". Даже если бы у меня было какое-либо намерение скрыть

от императора часть правды, застигнутой таким образом врасплох, у меня не хватило бы времени приготовить приятную ложь; поэтому я сказал ему, что повсюду, даже в Силезии, моим глазам предстало одно и то же ужасное зрелище, ибо повсюду я видел мертвых и умирающих, а также бедных несчастных, безнадежно борющихся с холодом и голодом. "Это правда, это правда, - сказал он. - Иди отдохни, мой бедный мальчик, ты, должно быть, нуждаешься в этом. Завтра вы возобновите свою службу".

Действительно, на следующий день я возобновил свои обязанности при императоре и нашел его точно таким же, каким он был до начала кампании; на его лице читалось то же спокойствие. Можно было бы сказать, что прошлое больше не значило для него ничего; и, живя в будущем, он уже видел победу, снова восседающую на нашем знамени, и своих врагов униженными и побежденными. Верно, что многочисленные обращения, которые он получал, и речи, произносимые в его присутствии председателями сената и государственного совета, были не менее лестными, чем прежде; но из его ответов было совершенно очевидно, что, хотя он и делал вид, что забыл этот катастрофический опыт в России, дело генерала Мале волновало его больше, чем что-либо другое.

[В ответе императора государственному совету содержится следующий примечательный пассаж, который, возможно, не лишним будет повторить в этот период как весьма необычный: "Именно идеализму и тому мрачному виду метафизики, которые, изощренно ища первопричины, хотят поставить на такие основы законодательство народа, вместо того чтобы приспособлять законы к своему знанию человеческого сердца и урокам истории, необходимо приписать все несчастья, которые пережила наша прекрасная Франция. Эти ошибки неизбежно привели к правлению людей крови. В самом деле, кто провозгласил принцип восстания своим долгом? Кто преклонялся перед нацией, заявляя о ее суверенитете, который она была неспособна осуществить? Кто разрушил святость и уважение к законам, поставив их в зависимость не от священных принципов справедливости или природы вещей и не от гражданского правосудия, а просто от воли собрания людей, незнакомых со знанием гражданского, уголовного, административного, политического и военного права? Когда кто-то призван возродить государство, существуют прямо противоположные принципы, которыми он обязательно должен руководствоваться". — ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ. Клод Франсуа де Мале, родился в Доле в 1754 году. В 1806 году был генералом и был уволен со службы. За участие в заговоре против императора он находился в заключении с 1808 по 1812 год. 24 октября он издал прокламацию о том, что император умер в России и что сенат назначил его (Мале) губернатором Парижа. Он взял Савари в плен и застрелил генерала Халлена. Он, в свою очередь, был взят в плен генералом Лабордом и вскоре расстрелян. -Пер. С англ. (Подробности этого сюжета см. в "Мемуарах" Буррьена. Д.У.)]

Что касается меня, я не могу отрицать болезненных чувств, которые я испытал, впервые оказавшись в Париже и прогуливаясь по общественным улицам в часы досуга; меня поразило большое количество людей в трауре, которых я встретил, — жен и сестер наших храбрых солдат, погибших на полях России; но я оставил эти неприятные впечатления при себе.

Через несколько дней после моего возвращения в Париж их Величества присутствовали в опере, где был представлен "Освобожденный Иерусалим". Я занял ложу, которую граф де Ремюза любезно предоставил мне на тот вечер (он был первым камергером императора и

управляющим театрами), и был свидетелем приема, оказанного императору и императрице. Никогда я не видел проявления большего энтузиазма, и я должен признать, что переход отнедавнего прохода "Березины" к этим поистине волшебным сценам показался мне самым внезапным. Это было в воскресенье, и я вышел из театра незадолго до закрытия, чтобы успеть во дворец до возвращения императора. Я был там как раз вовремя, чтобы раздеть его, и я хорошо помню, что в тот вечер его величество рассказал мне о ссоре между Тальмой и Жоффруа, которая произошла за несколько дней до его приезда. Император, хотя и был высокого мнения о Тальме, считал его совершенно неправым и несколько раз повторил: "Человек его возраста! Человек его возраста! это непростительно. Боже мой! - добавил он, улыбаясь. - Разве люди не злословят и обо мне? Разве у меня нет критиков, которые не щадят меня? Разве он не должен быть более чувствительным, чем я? Это дело, однако, не имело неприятных последствий для Тальмы, ибо император был очень привязан к нему и осыпал его пенсиями и подарками.

Тальма в этом отношении был одним из немногих привилегированных, поскольку раздавать подарки не входило в обязанности его Величества, особенно тем, кто состоял у него на личной службе. Это было тогда, около 1 января, но в то время мы не строили воздушных замков, потому что император никогда не делал подарков. Мы знали, что не можем рассчитывать на какое-либо вознаграждение; хотя я, в особенности, не мог проявлять никакой экономии, поскольку император требовал, чтобы мой туалет всегда был чрезвычайно элегантным. Было действительно чем-то экстраординарным видеть, как повелитель половины Европы не гнушается заниматься туалетом своего камердинера; даже зашел так далеко, что, когда он увидел меня в новом сюртуке, который ему понравился, он не преминул сделать мне комплимент по этому поводу, добавив: "Вы очень красивы, месье Констант".

Даже по случаю бракосочетания императора и Марии Луизы и рождения римского короля лица, состоящие на личной службе его Величества, не получили подарков, и император счел расходы на эти церемонии слишком высокими. Однако однажды, но не вследствие каких-либо необычных обстоятельств, император сказал мне однажды утром, когда я заканчивал его перевязывать: "Констан, сходи к господину Меневалю; я отдал ему приказ выделить тебе тысячу восемьсот ливров дохода". Так вот, случилось так, что в промежутке между заказом и его исполнением средства увеличились; и вместо того, чтобы получить тысячу восемьсот ливров арендной платы, я получил только семнадцать, которые вскоре после этого продал и на вырученные от этой продажи деньги купил скромный участок земли в лесу Фонтенбло.

Иногда император делал подарки принцам и принцессам своей семьи, которые я почти всегда приносил; и я могу утверждать, что за двумя или тремя редкими исключениями эта обязанность была совершенно безвозмездной, обстоятельство, которое я вспоминаю здесь просто как воспоминание. Королева Гортензия и принц Евгений, насколько я помню, никогда не участвовали в раздаче императорских подарков, и чаще всего предпочтение отдавалось принцессе Полине.

Несмотря на многочисленные занятия императора, который после возвращения из армии проводил много времени днем и большую часть ночей за работой в своем кабинете, он чаще, чем прежде, появлялся на публике, выходя почти без сопровождения. Например, я помню, что 2 января 1813 года он отправился в сопровождении только маршала Дюрока посетить базилику Нотр-Дам, работы архиепископства, центральный винный склад, а затем, перейдя

Аустерлицкий мост, зернохранилища, фонтан со слоном и, наконец, дворец Биржи, который, по словам его Величества, был самым красивым зданием, существовавшим в то время в Европе. Наряду со страстью к войне, страсть к памятникам была самой сильной в сердце императора. Холод был довольно сильным, пока его величество совершал этиодиночные экскурсии; но на самом деле холодная погода в Париже казалась очень умеренной всем, кто только что вернулся из России.

Я заметил в то время, то есть в конце 1812-начале 1813 года, что император никогда так часто не охотился. Два или три раза в неделю я помогал ему облачаться в охотничий костюм, который он, как и все лица из его свиты, носил в соответствии с недавно возрожденным обычаем древней монархии.

Императрица часто сопровождала его в карете, хотя стоял сильный холод; но когда он отдавал приказ, сказать было нечего. Зная, насколько неприятны его величеству обычно удовольствия от охоты, я был удивлен проявленной им в последнее время привязанностью, но вскоре понял, что он действовал исключительно из политических побуждений. Однажды маршал Дюрок был в своей комнате, когда надевал зеленый мундир с золотым галуном; и я услышал, как император сказал маршалу: "Очень необходимо, чтобы я был в движении, и чтобы об этом писали в журналах; потому что идиоты, которые пишут для английских журналов, каждый день повторяют, что я болен, что я не могу двигаться и больше ни на что не гоюсь. Наберитесь терпения! Скоро я покажу им, что у меня столько же силы тела, сколько и ума ". Помимо всего этого, я думаю, что умеренные занятия охотой были очень полезны для здоровья императора; ибо я никогда не видел его в лучшем состоянии, чем в то самое время, когда английские газеты с удовольствием описывали его как больного, и, возможно, эти ложные утверждения способствовали еще большему улучшению его здоровья.

ГЛАВА X.

19 января император послал сообщить императрице, что он отправляется на охоту в лес Гросбуа и будет завтракать с принцессой де Невшатель, и просил, чтобы ее величество сопровождала его. Император приказал мне также быть в Гросбуа, чтобы помочь ему сменить белье после охоты. Эта охота состоялась в соответствии с объявлением; но, к безграничному изумлению всей свиты императора, как раз в тот момент, когда мы собирались снова сесть в наши экипажи, вместо того чтобы отправиться в Париж, его Величество отдал приказ следовать в Фонтенбло. На императрице и сопровождавших ее дамах не было ничего, кроме охотничьих костюмов, и императора очень позабавили невзгоды, которым подверглось их тщеславие из-за того, что они неожиданно были вовлечены в кампанию без туалетных принадлежностей. Перед отъездом из Парижа император отдал приказ, чтобы в Фонтенбло со всей поспешностью было отправлено

все, что "может понадобиться императрице"; но ее фрейлины оказались совершенно необеспеченными, и было очень забавно видеть, как они сразу по прибытии ускоряли экспресс за экспрессом за предметами первой необходимости, которые, по их приказу, должны были быть отправлены с опозданием. Тем не менее, вскоре стало очевидно, что охота и завтрак в Гросбуа были просто предлогом и что целью императора было положить конец разногласиям, которые в течение некоторого времени существовали между его Святейшеством и его Величеством. Когда все было улажено и подготовлено заранее, император и папа подписали 25-го числа соглашение под названием Конкордат, смысл которого таков:

"Его Величество, Император и Король, а также его Святейшество, желая урегулировать разногласия, возникшие между ними, и предусмотреть трудности, которые неожиданно возникли в связи с различными делами церкви, договорились о следующих статьях, составляющих основу для определенного соглашения: ст. 1. Его Святейшество будет осуществлять понтификат во Франции и в Королевстве Италия таким же образом и по тем же правилам, что и его предшественники. 2. Послы, министры и поверенные в делах при Святейшем Отце, а также послы, министры и поверенные в делах от него при иностранных державах будут пользоваться иммунитетами и привилегиями членов дипломатического корпуса. 3. Владения, принадлежащие Святейшему Отцу и которые не были отчуждены, должны быть освобождены от всех видов мошенничества; они должны управляться его агентами или представителями. Те, которые были отчуждены, должны быть заменены на сумму в два миллиона франков дохода. 4. В течение шести месяцев, которые обычно следуют за уведомлением Императора о назначениях в архиепископии и епископства Империи и Королевства Италия, Папа осуществляет каноническое установление в соответствии с Конкордатом и в силу настоящего соглашения; предварительная информация о нем должна быть предоставлена архиепископом. Если по истечении шести месяцев папа не осуществит это учреждение, архиепископ, а в его отсутствие, когда это касается его обязанностей, старший епископ провинции, приступает к учреждению вышеупомянутого епископа, с тем чтобы кафедра никогда не оставалась вакантной более одного года. 5. Папа назначает во Франции и в Королевстве Италия десять епископств, которые впоследствии будут определены по взаимному согласию. 6. Шесть пригородных епископств должны быть восстановлены и назначены Папой Римским. Имущество, находящееся в настоящее время в собственности, должно быть восстановлено, и аналогичные меры будут приняты в отношении того, что уже продано. После смерти епископов Ананьи и Риети их епархии будут объединены с епархиями шести вышеупомянутых епископов в соответствии с соглашением между его Величеством и Святейшим Отцом. 7. В отношении епископов Римских государств, неизбежно отсутствующих в своих епархиях, Святой Отец осуществляет свое право дарования епископства "in partibus". Он назначит им пенсию, равную доходу, которым они пользовались ранее, и их места на освободившихся таким образом кафедрах будут предоставлены как в Империи, так и в Королевстве Италия. 8. Его Величество и Его Святейшество при удобном случае договорятся о сокращении епископств Тосканы и провинции Генуя, а также о тех, которые будут созданы в Голландии и ганзейских департаментах. 9. Отдел пропаганды, кающийся суд и архивный суд должны быть учреждены по месту жительства Святого Отца. 10. Его Величество добровольно прощает кардиналов, епископов, священников и мирян, навлекших на себя его немилость вследствие определенных событий. 11. Святой Отец соглашается с вышеупомянутыми

решениями, принимая во внимание существующее состояние церкви и свою уверенность в том, что его Величество окажет свою мощную помощь в удовлетворении потребностей церкви, которые так многочисленны во времена, в которые мы живем. "НАПОЛЕОН". "ПИЙ VII". "Фонтенбло, 25 января 1813 года".

Всеми возможными способами предпринимались попытки очернить поведение императора в этом деле. Его обвинили в оскорблении Папы Римского и даже в угрозах ему, и все это является вопиющей ложью. Все было устроено самым приятным образом. Г-н Девуазен, епископ Нантский, священнослужитель, пользовавшийся большим уважением императора и являвшийся его любимым посредником в частых разногласиях, возникавших между папой и его Величеством, прибыл в Тюильри 19 января и, пробыв два часа наедине с императором, отбыл в Фонтенбло. И сразу же после этой беседы император сел в свою карету вместе с императрицей в охотничьем костюме, за которой следовала вся свита, одетая подобным же образом.

Папа, предупрежденный епископом Нантским, ожидал его Величество; и поскольку наиболее важные моменты были обсуждены и согласованы заранее, и оставалось решить лишь несколько пунктов, относящихся к основной части Конкордата, было невозможно, чтобы встреча была иной, чем дружеская, - истина, которая становится еще более очевидной, когда мы размышляем о добрых чувствах Святого Отца к императору, их дружбе друг к другу и восхищении, внушаемом папе великим гением Наполеона. Итак, я утверждаю, и, думаю, не без оснований, что дело было проведено самым честным образом и что Конкордат был подписан его Святейшеством свободно и без принуждения в присутствии кардиналов, собравшихся в Фонтенбло. Это чудовищная клевета, которую кто-то осмелился выдвинуть, что в ответ на повторный отказ папы император вложил ему в руку перо, обмакнутое в чернила, и, схватив его за руку и волосы, заставил подписать, сказав, что он приказал это и что его неповиновение будет наказано вечным тюремным заключением. Тот, кто изобрел эту абсурдную выдумку, должно быть, мало что знал о характере императора. Человек, присутствовавший на этом собеседовании, обстоятельства которого были таким образом сфальсифицированы, рассказал мне о нем и является моим авторитетом в этом вопросе. Сразу по прибытии в Фонтенбло император нанес визит Святейшему Отцу, который вернул его на следующий день, пробыв там по меньшей мере два часа; и в течение этого времени поведение его Величества было спокойным и твердым, это правда, но полным уважения и добрых чувств к личности достопочтенного Папы. Несколько положений предлагаемого договора встревожили совесть Святого Отца, что понял император; и, не дожидаясь никаких аргументов, объявил, что он откажется от них, и, удовлетворив таким образом все сомнения, остававшиеся в уме Святого Отца, был вызван секретарь, который составил статьи, которые папа утвердил одну за другой с самой отеческой благосклонностью.

25 января, после окончательного заключения Конкордата, Святейший Отец отправился в апартаменты ее Величества императрицы; и обе договаривающиеся стороны казались одинаково удовлетворенными, что является достаточным доказательством того, что не было применено ни предательства, ни насилия. Конкордат был подписан августейшими партиями в окружении великолепного собрания кардиналов, епископов, солдат и т.д. Кардинал Дория исполнял обязанности великого церемониймейстера, и именно он получил подписи.

Было произнесено и получено бесчисленное количество поздравлений, испрошено и получено помилование, а обе стороны раздали реликвии, ордена, венки и коробки из-под табака.

Кардинал Дориа получил от его Величества золотого орла ордена Почетного легиона. Большой орел был также вручен кардиналу Фабрицио Руффо; кардинал Мори, епископ Нанта, и архиепископ Тура получили большой крест ордена Воссоединения; епископы Эвре и Трева - офицерский крест Почетного легиона; и, наконец, кардинал Байонны и епископ Эвре были сделаны его Величеством сенаторами. Доктору Порты, папскому врачу, была назначена пенсия в двенадцать тысяч франков, а церковный секретарь, вошедший в кабинет переписать статьи Конкордата, получил в подарок великолепное кольцо, усыпанное бриллиантами.

Едва его Святейшество подписал Конкордат, как раскаялся в нем. Император сообщил маршалу Келлерману в Майнце в конце апреля следующее:

"На следующий день после подписания знаменитого Конкордата в Фонтенбло папа публично обедал со мной; но ночью он был болен или притворился больным. Он был похож на ягненка, честный и по-настоящему хороший человек, которого я высоко уважал и любил, и который, я уверен, относился ко мне с некоторым уважением. Поверите ли, через неделю после подписания Конкордата он написал мне, что очень сожалеет о том, что сделал это, что его совесть упрекает его за это и настоятельно призывает меня считать это бесполезным. Это произошло из-за того, что сразу после ухода от меня он попал в руки своих обычных советников, которые сделали из того, что только что произошло, пугало. Если бы мы были вместе, я бы легко успокоил его. Я ответил, что то, чего он требовал, противоречило интересам Франции; и более того, будучи непогрешимым, он не мог ошибиться, а его совесть была слишком проницательна, чтобы забеспокоиться о том, что он поступил неправильно.

В самом деле, сравните состояние Рима в прошлом с тем, что он представляет собой сегодня. Могла ли она, парализованная необходимыми последствиями революции, подняться снова и сохранить свое положение? Порочное правительство в политических вопросах заменило прежнее римское законодательство, которое, не будучи совершенным, тем не менее способствовало формированию великих людей всех мастей. Современный Рим применил к своему политическому управлению принципы, более подходящие для религиозного порядка, и проводил их в жизнь способом, губительным для счастья народа.

Таким образом, милосердие - самая совершенная из христианских добродетелей; необходимо подавать милостыню всем, кто ее просит. Такая форма рассуждений превратила Рим вместилище отбросов всех наций. Там собраны (так мне сказали, ибо я никогда там не бывал) все бездельники земли, которые приходят туда, чтобы найти убежище, уверенные в том, что найдут обильную поддержку и многого лишатся. И таким образом, папская территория, которой природа предназначила производить огромные богатства благодаря своему расположению под благоприятным небом, множеству ручьев, которыми она орошается, и, прежде всего, плодородию почвы, изнывает от недостатка возделывания. Бертье часто говорил мне, что можно пересечь большие пространства страны, не ощущая отпечатка человеческой руки. Даже женщины, которые считаются самыми красивыми в Италии, ленивы, и их умы не проявляют никакой активности даже в выполнении обычных жизненных обязанностей. Жители обладают всей томностью азиатских манер.

"Современный Рим ограничивает себя сохранением определенного превосходства благодаря содержащимся в нем чудесным произведениям искусства; но мы значительно ослабили это притязание. Наш музей пополнился всеми шедеврами, которые были источником такой

большой гордости, и вскоре великолепное здание Биржи, которое будет возведено в Париже, затмит все здания Европы, как древние, так и современные.

"Франция превыше всего".

"С политической точки зрения, как выглядело бы папское правительство в наши дни по сравнению с великими королевствами Европы? Раньше посредственные люди вступали на папский престол в том возрасте, когда можно хорошо дышать только после отдыха. В этот период жизни рутина и привычка - это все; и не принимается во внимание ничего, кроме высокого положения и того, как использовать его в интересах своей семьи. Теперь папа приходит к суверенной власти с умом, обостренным привычкой к интригам, и со страхом нажать могущественных врагов, которые впоследствии могут отомстить его семье, поскольку его преемник всегда неизвестен. Короче говоря, его не волнует ничего, кроме как жить и умереть в мире. В резиденции Сикста V.

[Сикст V., первоначально Феликс Перетти, родился в Монтальто в 1525 году, а в 1585 году сменил Григория XIII. как папа. Он отличался энергией и щедростью. Он построил Ватиканскую библиотеку, великий акведук и другие общественные сооружения, а также установил обелиск перед собором Святого Петра. Умер в 1589 году.]

сколько было пап, которые занимались только легкомысленными предметами, столь же малопригодными для высших интересов религии, сколь плодотворными для того, чтобы вызывать презрение к такому правительству! Но это завело бы нас слишком далеко.

Со времени своего возвращения из Москвы его величество проявил несравненную активность в поисках средств остановить вторжение русских, которые, объединившись с пруссаками после дезертирства генерала Йорка, составляли самую грозную массу. Были введены новые сборы. В течение двух месяцев он получал и использовал бесчисленные предложения о лошадях и кавалерии, сделанные всеми городами Империи, официальными органами и богатыми людьми, занимающими должности при дворе, и т.д. Императорская гвардия была реорганизована под руководством храброго герцога де Фриуля, который, увы! несколько месяцев спустя был разлучен со своими многочисленными друзьями.

В разгар этих серьезных занятий его величество ни на минуту не упускал из виду свой заветный план превращения Парижа в красивейший город мира; и недели не проходило без бесед с архитекторами и инженерами, которые представляли сметы, составляли отчеты и т.д.

"Это позор", - сказал император однажды, осматривая казармы гвардии, что-то вроде черного и прокопченного сарая. "Это позор", - сказал он М. Фонтейн: "строить здания, такие же ужасные, как в Москве. Я никогда не должен был позволять возводить такое здание. Разве вы не мой главный архитектор?"

Месье Фонтен извинился, указав его величеству, что он не несет ответственности за здания Парижа, поскольку, хотя он и имел честь быть главным архитектором императора, это касалось только Тюильри и Лувра.

"Это верно, - ответил его величество, - но нельзя ли построить здесь, - он указал на набережную, - на месте этой деревянной верфи, которая производит такое дурное впечатление, резиденцию для итальянского министра?"

Месье Фонтейн ответил, что план вполне осуществим, но для него потребуется три или четыре миллиона.

Затем император, по-видимому, отказался от этой идеи и, обратив свое внимание на сад Тюильри, возможно, вследствие заговора генерала Мале, отдал приказ устроить все входы во дворец таким образом, чтобы один и тот же ключ мог служить для всех замков; "и этот ключ, - добавил его Величество, - следует передать великому маршалу после того, как двери закроются на ночь".

Через несколько дней после этого разговора с месье Фонтэном император отправил ему и месье Костазу следующую записку, копия которой попала в мои руки. В то утро Его Величество посетил здания Шайо.

"У нас еще достаточно времени, чтобы обсудить строительство дворца для римского короля. Я не хочу, чтобы меня втягивали в глупые траты; я хотел бы иметь дворец не такой большой, как Сен-Клу, но больше Люксембургского. Я хочу иметь возможность занять его после того, как будет израсходован шестнадцатый миллион; тогда это будет практически осуществимым делом. Но если попытаться построить более дорогое здание, это приведет к тому, что Лувр так и не был достроен. В первую очередь следует рассмотреть парки, определить их границы и огородить. Я хочу, чтобы этот новый дворец был несколько красивее Елисейского; и хотя он стоит меньше восьми миллионов, это один из самых красивых дворцов Парижа. Дворец римского короля будет стоять рядом с Лувром, который сам по себе является великолепным дворцом. Это будет, так сказать, всего лишь загородная резиденция для человека, проживающего в Париже, поскольку, конечно, зимы он будет проводить в Лувре или Тюильри. Я с трудом могу поверить, что Сен-Клу стоил шестнадцать миллионов. Прежде чем ознакомиться с планом, я хочу, чтобы он был тщательно изучен и обсужден комитетом по строительству, чтобы я мог быть уверен, что сумма в шестнадцать миллионов не будет превышена. Я хочу не идеальную резиденцию, а такую, которая была бы построена для моего собственного удовольствия, а не только для удовольствия архитектора. Завершения строительства Лувра будет достаточно для его славы; и когда план будет однажды принят, я прослежу, чтобы он был выполнен. Елисейский дворец мне не подходит, а Тюильри едва пригоден для проживания. Ничто не доставит мне удовольствия, если оно не будет совершенно простым и построенным в соответствии с моими вкусами и образом жизни, ибо тогда дворец будет мне полезен. Я бы хотел, чтобы он был построен таким образом, чтобы это был настоящий "Sans Souci"; [дворец Фридриха Великого в сельской местности недалеко от Берлина.] и я особенно хочу, чтобы это был приятный дворец, а не красивый сад, — два условия, которые несовместимы. Пусть это будет что-то среднее между двором и садом, как в Тюильри, чтобы из своих апартаментов я мог гулять по саду и парку, как в Сен-Клу, хотя в Сен-Клу есть неудобство в том, что в доме нет парка для домочадцев. Необходимо также изучить расположение, чтобы мои квартиры выходили окнами на север и юг, чтобы я мог менять свое место жительства в зависимости от сезона. Я хочу, чтобы апартаменты, которые я занимаю, были так же красиво обставлены, как мои маленькие апартаменты в Фонтенбло. Я хочу, чтобы мои апартаменты были совсем рядом с апартаментами императрицы и на том же этаже. Наконец, я желаю иметь дворец, который был бы удобен для выздоравливающего или для мужчины с приближением старости. Я хочу иметь небольшой театр, небольшую часовню и т.д.; и прежде всего следует позаботиться о том, чтобы вокруг дворца не было застоя воды".

Император доводил свою страсть к строительству до предела и казался более активным, более рвущимся в осуществлении своих планов и более цепким в реализации своих идей, чем любой из известных мне архитекторов. Тем не менее идея возвести дворец римского короля на высотах Шайо принадлежала не только ему, и месье Фонтен вполне мог бы утверждать, что он ее автор.

Впервые это было упомянуто при обсуждении Лионского дворца, который, по словам М. Фонтена, для придания красивого вида должен быть расположен на возвышенности с видом на город, как, например, высоты Шайо возвышались над Парижем. Император, по-видимому, не обратил внимания на замечание г-на Фонтена и за два или три дня до этого отдал приказ привести Медонский замок в надлежащее состояние для приема его сына, когда однажды утром он вызвал архитектора и приказал ему представить план украшения Булонского леса путем пристройки загородного дома на вершине Шайо. "Что вы об этом думаете?" - добавил он, улыбаясь. "Хорошо ли выбрано место?"

Однажды утром в марте месяце император привел своего сына на смотр на Марсовом поле; его приняли с неописуемым энтузиазмом, искренность которого не вызвала сомнений; и легко было заметить, что эти приветствия шли от всего сердца.

Император был глубоко тронут этим приемом и вернулся в Тюильри в самом очаровательном расположении духа, обласкал римского короля, покрыв его поцелуями и обратился к М. Фонтену и я о нем по годам развитом интеллекте, проявленном этим любимым ребенком. "Он совсем не был напуган; казалось, он знал, что все эти храбрые люди были моими друзьями". В тот день он долго беседовал с месье Фонтеном, развлекаясь со своим сыном, которого держал на руках; и когда разговор зашел о Риме и его памятниках, месье Фонтен говорил о Пантеоне с самым глубоким восхищением. Император спросил, жил ли он когда-нибудь в Риме; и г-н Фонтен ответил, что во время своего первого визита он оставался там три года, его величество заметил: "Это город, которого я не видел; когда-нибудь я обязательно туда поеду. Это город, жители которого раньше были властителями мира". И его глаза были устремлены на короля Рима с отеческой гордостью.

Когда месье Фонтен ушел, император сделал мне знак подойти и начал с того, что потрепал меня за уши, согласно обычаю, когда бывал в хорошем настроении. После нескольких личных вопросов он спросил, какое у меня жалованье. "Сир, шесть тысяч франков". — "А у месье Колина, сколько у него?" — "Двенадцать тысяч франков". — "Двенадцать тысяч франков! это неправильно; у вас не должно быть меньше, чем у месье Колина. Я займусь этим". И его величество был достаточно любезен, чтобы немедленно навести справки, но мне сказали, что счета за год были составлены; после чего император сообщил мне, что до конца года господин барон Фэйн

[Родился в Париже в 1778 году; сопровождал Наполеона в его кампаниях в качестве секретаря архивов; написал мемуары о последних трех годах правления Наполеона; умер в 1837 году.]

будет ежемесячно выдавать мне из своего личного кошелька пятьсот франков, поскольку желает, чтобы мое жалованье равнялось жалованью месье Колина.

ГЛАВА XI.

После того, как император покинул армию и передал, как мы видели, командование королю Неаполя, его сицилийское величество также отказался от вверенного ему командования и отправился в свои штаты, оставив принца Евгения во главе войск. Императора глубоко заинтересовали новости, полученные им из Познани, где генеральный штаб находился во второй половине февраля и начале марта и где принц-вице-король имел в своем подчинении только остатки различных корпусов, некоторые из которых были представлены очень небольшим количеством людей.

Более того, каждый раз, когда русские появлялись в полную силу, ничего не оставалось делать, как отступать; и с каждым днем в течение марта новости становились все более и более удручающими. Следовательно, император решил в конце марта рано утром выступить к армии.

Некоторое время назад император, сильно впечатленный заговором Мале во время его последнего отсутствия, выразил мнение, что опасно оставлять его правительство без главы; и журналы были заполнены информацией, касающейся церемоний, необходимых, когда регентство в королевстве оставалось в руках королей в прошлые времена. Поскольку публике хорошо были известны средства, часто используемые его величеством для формирования заранее мнений, благоприятных для любого курса поведения, который он намеревался избрать, никто не удивился, увидев, как он перед отъездом доверил регентство императрице Марии Луизе, поскольку обстоятельства еще не предоставили ему возможности короновать ее, как он давно желал. Императрица принесла торжественную присягу в Елисейском дворце в присутствии принцев, великих сановников и министров. Герцог Кадоре был назначен секретарем регентства в качестве советника ее Величества императрицы вместе с архиканцлером, а командование гвардией было поручено генералу Каффарелли.

Император покинул Сен-Клу 15 апреля в четыре часа утра и в полночь 16-го вступил в Майнц. По прибытии его величество узнал, что Эрфурт и вся Вестфалия охвачены глубочайшей тревогой. Эта новость невероятно ускорила его продвижение, и через восемь часов он был в Эрфурте. Его величество пробыл в этом городе совсем недолго, поскольку полученная им там информация успокоила его относительно результата кампании. Покидая Эрфурт, император пожелал проехать через Веймар, чтобы поприветствовать великую герцогиню, и нанес свой визит в тот же день и в тот же час, когда император Александр отправился из Дрездена в Теплиц, чтобы навестить другую герцогиню Веймарскую (наследную принцессу, ее сестру).

Великая княгиня приняла императора с грацией, которая очаровала его, и их беседа длилась почти полчаса. Уходя, его величество сказал принцу де Невшателю: "Это удивительная женщина; у нее интеллект великого человека". Герцог сопровождал императора до городка Экхартсберг, где его величество пригласил его отобедать.

ПРИМЕЧАНИЕ КОНСТАНТА.— Двор Его величества, частично реорганизованный для кампании 1813 года, состоял из следующих лиц:

Главный маршал дворца, герцог Фриуль.

Великий конюший герцога Виченцы.

Адъютанты: генералы Мутон, граф де Лобо; Лебрен, герцог де Плезанс; генералы Друо, Флахо, Дежан, Корбино, Бернар, Дюроснель и Огендорп.

Первый офицер полиции, полковник Гурго.

Судебные приставы: барон де Мортемар, барон Аталин, М. Беранже, м. де Лористон; господа бароны Дезэ, Лаплас и де Караман; господа де Сен-Марсан, де Лам-Зан, Претэ и Пайю; был также м. д'Аремберг, но в то время он находился в заключении в городе Данцик.

Первый камергер и мастер гардероба, граф Тюренн.

Префект дворца, барон де Боссе.

Квартирмейстер дворца, барон де Канувиль.

Конюшие, бароны Ван Леннепс, Монтаран и де Месгиньи.

Личные секретари, барон Мунье и барон Фейн.

Клерки, господа Жуан и шеф.

Секретари-переводчики, господа Лелорг, Дидвиль и Вузович.

Директор топографического бюро барон Баклер д'Альбе.

Инженеры-географы, господа Ламо и Дювивье.

Пажи, господа Монтарье, Девьен, Сент-Перн и Феррери.

Штаб-квартира императора находилась на площади Экхартсберг. У него было всего две комнаты, и его свита спала на площадке и ступенях лестницы. Этот маленький городок, превращенный за несколько часов в штаб-квартиру, представлял собой совершенно необычайное зрелище. На площади, окруженной лагерями, бивуаками и военными парками, среди более чем тысячи транспортных средств, которые пересекали друг друга со всех сторон, смешивались вместе, запутывались во всех отношениях, можно было видеть медленно дефилирующие полки, автоколонны, артиллерийские эшелоны, багажные вагоны и т.д. За ними следовали стада крупного рогатого скота, впереди или разделенные маленькими тележками буфетниц и маркитанток — такими легкими, хрупкими повозками, что малейшее сотрясение подвергало их опасности; с ними были мародеры, возвращавшиеся со своей добычей, крестьяне, тянувшие повозки своими силами, ругаясь под смех наших солдат; и курьеры, офицеры ординарцев и адъютанты, скакавшие галопом сквозь все это удивительно пестрое множество людей и животных.

И когда к этому добавляется ржание лошадей, мычание скота, грохот колес по камням, крики солдат, звуки труб, барабанов, флейт и жалобы жителей, когда сотни людей одновременно

задают вопросы, разговаривая по-немецки с итальянцами и по-французски с немцами, как могло быть возможно, чтобы его Величество был так же спокоен и непринужден посреди этого ужасного шума, как в своем кабинете в Сен-Клу или Тюильри? Тем не менее это было так; и император, сидевший за убогим столом, покрытым чем-то вроде скатерти, с расстеленной перед ним картой, с компасом и пером в руках, полностью погруженный в размышления, не проявлял ни малейшего нетерпения; и можно было бы сказать, что никакой внешний шум не достигал его ушей. Но стоило крику боли раздаться в любом направлении, как император немедленно поднимал голову и отдавал приказ пойти и выяснить, что произошло.

Способность таким образом полностью изолировать себя от всего окружающего мира очень трудно приобрести, и никто не обладал ею в такой степени, как его Величество.

1 мая император был в Лютцене, хотя сражение произошло только на следующий день. В тот день, в шесть часов вечера, храбрый маршал Бессьер, герцог Истрийский, был убит пушечным ядром как раз в тот момент, когда, взобравшись на возвышенность, закутанный в длинный плащ, который он надел, чтобы его не заметили, он только что отдал приказ похоронить сержанта своего эскорта, которого пуля сразила в нескольких шагах перед ним.

С первых кампаний в Италии герцог Истрийский почти не отходил от императора; следовал за ним во всех его кампаниях; принимал участие во всех его сражениях и всегда отличался своей хорошо зарекомендовавшей себя храбростью, а также откровенностью, очень редкой среди высокопоставленных особ, которыми было окружено его величество. Он прошел почти все ступени, вплоть до командования Императорской гвардией; и его большой опыт, превосходный характер, доброе сердце и неизменная привязанность к императору сделали его очень дорогим для его Величества.

Император был очень тронут, узнав о смерти маршала, и некоторое время хранил молчание, опустив голову и уставившись в землю. Наконец он сказал: "Он умер, как Тюренн; его судьбе можно позавидовать". Затем он провел рукой по глазам и удалился.

Тело маршала было забальзамировано и перевезено в Париж, а император написал герцогине Истрийской следующее письмо:

"КУЗИНА МОЯ, Твой муж погиб на поле чести. Потеря, понесенная тобой и твоими детьми, несомненно, велика, но моя еще больше. Герцог Истрии умер самой славной смертью и без страданий. Он оставил безупречную репутацию, самое богатое наследство, которое он мог бы оставить своим детям. Моя защита обеспечена, и они также унаследуют любовь, которую я питал к их отцу. Найдите во всех этих соображениях источник утешения в вашем горе и никогда не сомневайтесь в моих чувствах к вам. Не имея никакой другой цели в этом письме, я молюсь, чтобы Бог, мой кузен, поберег вас под своим святым покровительством. "НАПОЛЕОН".

Король Саксонии воздвиг памятник герцогу Истрийскому на том самом месте, где он упал. Победа, о которой так долго спорили в битве при Лютцене, была по этой причине только более славной для императора и была одержана главным образом молодыми призывниками, которые сражались как львы. Маршал Ней ожидал от них этого, ибо перед битвой он сказал его величеству: "Сир, дайте мне побольше этих молодых людей, я поведу их туда, куда пожелаю. Бородатые старики знают столько же, сколько и мы, размышляют они, они слишком

хладнокровны; но эти бесстрашные дети не знают трудностей, они смотрят прямо перед собой, а не направо и не налево".

На самом деле, в разгар сражения пруссаки под командованием лично короля атаковали корпус маршала Нея с такой яростью, что он отступил, но призывники не обратились в бегство. Они выдержали огонь, сплотились взводами и обошли врага с флангов, крича изо всех сил: "Да здравствует Император". Появился император; и, оправившись от ужасного потрясения, которое они пережили, и воодушевленные присутствием своего героя, они, в свою очередь, атаковали с невероятной яростью. Его Величество был поражен. "За двадцать лет, - сказал он, - что я командую французскими армиями, я никогда не был свидетелем такой замечательной храбрости и преданности".

Это было действительно трогательное зрелище - видеть, как эти молодые солдаты, хотя и тяжело раненные, некоторые без руки, некоторые без ноги, которым оставалось жить всего несколько мгновений, при приближении императора делали последнее усилие, чтобы подняться с земли и крикнуть из последних сил: "Да здравствует Император". Слезы наполняют мои глаза, когда я думаю об этих юношах, таких блестящих, таких сильных и отважных.

Враг проявил такую же храбрость и энтузиазм. Легкая пехота прусской гвардии почти полностью состояла из молодых людей, впервые увидевших огонь; они подвергали себя любой опасности и падали сотнями, прежде чем успевали отступить хоть на шаг.

Я думаю, ни в одном другом сражении император не был так явно защищен своей судьбой. Пули свистели у него над ушами, унося с собой куски сбруи его лошади, снаряды и гранаты валялись у его ног, но его самого ничто не задело. Солдаты заметили это, и их энтузиазм достиг высшей точки.

В начале сражения император увидел наступающий батальон, командир которого был отстранен от должности два или три дня назад за какое-то незначительное нарушение дисциплины. Опальный офицер маршировал во второй шеренге со своими солдатами, которые его обожали. Император увидел его и, остановив батальон, взял офицера за руку и снова поставил его во главе своего отряда. Эффект, произведенный этой сценой, был неопишуем.

8 мая, в семь часов вечера, император вступил в Дрезден и вступил во владение дворцом, который император Российский и король Прусский покинули в тот же вечер. На небольшом расстоянии от заграждений императора приветствовала депутация муниципалитета этого города.

"Вы заслуживаете, - сказал он этим депутатам, - чтобы я относился к вам как к завоеванной стране. Я знаю все, что вы делали, пока союзники оккупировали ваш город; у меня есть сведения о количестве добровольцев, которых вы одели, снарядили и вооружили против меня с щедростью, которая поразила даже врага. Я знаю, какими оскорблениями вы осыпали Францию, и сколько бесстыдных наветов вам сегодня приходится подавлять или сжигать. Я полностью отдаю себе отчет в том, с какой радостью вы приняли в своих стенах императора России и короля Пруссии. Ваши дома все еще украшены гирляндами, и мы все еще видим лежащие на земле цветы, которые молодые девушки разбрасывали на своем пути. Тем не менее, я готов простить все. Поблагодарите за это вашего короля; это он спасает вас, и я прощаю вас только из любви к нему. Пошлите депутацию, чтобы умолять

его вернуться к вам. Мой адъютант, генерал Дюроснель, будет вашим губернатором. Сам ваш добрый король не смог бы сделать лучшего выбора.

Как только император вступил в город, ему доложили, что часть русского арьергарда попыталась закрепиться в новом городе, отделенном от старого рекой Эльбой, и попала во власть нашей армии.

Его величество немедленно приказал сделать все возможное, чтобы изгнать эти остатки врага; и в течение целого дня в городе от одного берега до другого продолжалась канонада и стрельба. Пули и снаряды градом посыпались на то место, которое занимал император. Снаряд пробил стены порохового погреба неподалеку от него и разбросал осколки вокруг его головы, но, к счастью, порох не воспламенился. Через несколько мгновений между его величеством и несколькими итальянцами упал еще один снаряд; они наклонились, чтобы избежать взрыва. Император увидел это движение и со смехом сказал им: "Ах, кольони! не мужчина-фа". ["Ах, негодяи! не ведите себя плохо".]

Утром 11 мая русские были обращены в бегство и преследовались, французская армия вошла в город со всех сторон. Император оставался на мосту весь день, наблюдая за тем, как входили его войска. На следующий день в десять часов императорская гвардия с оружием в руках была выстроена в боевом порядке на дороге из Пирны в Гросс-Гартен. Император рассмотрел это и приказал генералу Флахо наступать.

Король Саксонии прибыл около полудня. Встретившись снова, два монарха сошли с коней и обнялись, а затем под всеобщие возгласы въехали в Дрезден.

Генерал Флахаут, отправившийся навстречу королю Саксонии с частью императорской гвардии, получил от этого доброго короля самые лестные отзывы с выражением признательности. Невозможно проявить больше сердечности и дружелюбия, чем проявил король Саксонии. Император сказал о нем и его семье, что они были патриархальной семьей и что все, кто ее составлял, сочетали в себе поразительные добродетели и безграничную доброту в обращении, которая заставляла их обожать своих подданных. Его Величество оказывал этой королевской особе самое нежное внимание и, пока длилась война, каждый день посылал курьеров, чтобы информировать короля о малейших обстоятельствах: он приезжал сам как можно чаще и, по сути, постоянно обращался с ним с той сердечностью, которую он так хорошо умел проявлять и перед которой мог устоять, когда хотел.

Через несколько дней после своего прибытия в Дрезден его величество имел продолжительную беседу с королем Саксонии, в которой император Александр был главной темой разговора.

Характеристики и недостатки этого принца были тщательно проанализированы; и вывод, сделанный из этого разговора, заключался в том, что император Александр был искренен во время встречи в Эрфурте и что, должно быть, очень сложные интриги привели, таким образом, к разрыву всех их договоров о дружбе. "Монархам очень не повезло, - сказал его Величество, - они всегда обмануты, их всегда окружают льстецы или вероломные советники, чье величайшее желание - не допустить, чтобы правда достигла ушей их повелителей, которые так заинтересованы в том, чтобы узнать ее".

Затем оба монарха заговорили об австрийском императоре. Его величество, казалось, был глубоко опечален тем, что его союз с эрцгерцогиней Марией Луизой, которую он делал все, что

было в его силах, чтобы сделать счастливейшей из женщин, не привел к тому результату, которого он ожидал, - завоеванию доверия и дружбы ее отца. "Возможно, это потому, что я не родился государем, - сказал император. - и тем не менее я думаю, что это послужило бы дополнительным стимулом для дружбы моего тестя. Я никогда не буду убежден, что эти узы недостаточно прочны, чтобы заручиться поддержкой австрийского императора; ибо на самом деле я его зять, мой сын - его внук, он любит свою дочь, и она счастлива; как же тогда он может быть моим врагом?"

Узнав о победе при Лютцене и вступлении императора в Дрезден, император Австрии поспешил послать г-на де Бубна к своему зятю. Он прибыл вечером 16-го, и беседа, на которую его Величество немедленно согласился, продолжалась до двух часов после полуночи. Это вселило в нас надежду, что мир вот-вот будет заключен, и мы, следовательно, строили тысячи предположений, одно обнадеживающее другое; но когда прошло два или три дня, а мы все еще были свидетелями только приготовлений к войне, мы увидели, что наши надежды были жестоко обмануты. И тогда я услышал, как несчастный маршал Дюрок воскликнул: "Это длится слишком долго! Никто из нас этого не переживет!" У него было предчувствие собственной смерти.

В течение всей этой кампании у императора не было ни минуты отдыха. Дни проходили в боях или маршах, всегда верхом; ночи - в трудах в кабинете министров. Я никогда не понимал, как его тело могло переносить такую усталость, и все же он почти непрерывно наслаждался самым совершенным здоровьем. Вечером накануне битвы при Бауцене он лег спать очень поздно, предварительно посетив все военные посты, и, отдав все необходимые распоряжения, крепко выспался. Рано утром следующего дня, 20 мая, начались передвижения, и мы с большим нетерпением ожидали в штабе результатов этого дня. Но даже тогда битва не была окончена; и после ряда стычек, всегда заканчивавшихся в нашу пользу, несмотря на ожесточенные бои, император в девять часов вечера вернулся в ставку, принял легкий ужин и оставался с принцем Бертье до полуночи. Остаток ночи прошел в работе, и в пять часов утра он был на ногах и готов вернуться к бою. Через три или четыре часа после прибытия на поле боя императором овладело непреодолимое желание поспать, и, предвидя исход дня, он спал на склоне оврага, посреди батарей герцога Рагузского, пока его не разбудили известием о том, что сражение выиграно.

Этот факт, о котором мне рассказали вечером, несколько не удивил меня; ибо я уже отмечал, что, когда император был вынужден уступить потребности сна, этой властной потребности природы, он, как истинный солдат, отдыхал, который был ему так необходим, когда и где он мог.

Хотя результат был предрешен, сражение продолжалось до пяти часов вечера. В шесть часов император приказал разбить свою палатку возле уединенной гостиницы, которая в течение двух предыдущих дней служила штаб-квартирой императору Александру. Я получил приказ прибыть к нему туда и выполнил это со всей поспешностью; но его Величество, тем не менее, провел всю ночь, принимая и поздравляя главных генералов и работая со своими секретарями.

Все раненые, которые были в состоянии передвигаться, уже находились на пути в Дрезден, где их ждала вся необходимая помощь. Но на поле битвы было растянуто более десяти тысяч человек, французов, русских, пруссаков и т. Д., Едва способные дышать, изувеченные и в самом плачевном состоянии. Неустанных трудов доброго и неутомимого барона Ларрея и множества хирургов, воодушевленных его героическим примером, было недостаточно даже для того, чтобы перевязать их раны. И какие средства можно было найти, чтобы вывезти раненых в эту пустынную страну, где все деревни были разграблены и сожжены, и где уже не

быловозможности найти ни лошадей, ни повозки? Должны ли они тогда позволить всем этим людям погибнуть после самых ужасных страданий из-за отсутствия средств доставить их в Дрезден?

Именно тогда это население саксонских крестьян, которые, как можно было подумать, должны были быть озлоблены ужасами войны, видя, как горят их жилища, как разоряются их поля, явило армии пример возвышенных чувств, которые жалость может пробудить в сердце человека. Они почувствовали жестокую тревогу, которую испытывали г-н Ларрей и его спутники по поводу судьбы стольких несчастных раненых, и немедленно мужчины, женщины, дети и даже старики поспешно привезли тачки. Раненых подняли и разместили на этих хрупких повозках. Два или три человека сопровождали каждую тачку всю дорогу до Дрездена, останавливаясь, если раненые криком или даже жестом выражали желание отдохнуть, останавливаясь, чтобы заменить сбившиеся при движении бинты или у источника, чтобы напоить их, чтобы унять лихорадку, которая их пожирала. Я никогда не видел более трогательного зрелища.

Барон Ларрей вел оживленную дискуссию с императором. Среди раненых было найдено большое количество молодых солдат с оторванными двумя пальцами правой руки; и его величество подумал, что эти бедные молодые люди сделали это нарочно, чтобы не служить. Сказав это месье Ларрею, последний яростно воскликнул, что это невозможно и что такая низость не соответствует характеру этих храбрых молодых призывников. Поскольку император все еще сохранял свое положение, Ларрей в конце концов так разозлился, что зашел так далеко, что обвинил императора в несправедливости. Дело было в таком состоянии, когда было положительно доказано, что эти раны от униформы были вызваны поспешностью, с которой эти молодые солдаты заряжали и разряжали свои ружья, не привыкшие обращаться с ними. После чего его величество увидел, что г-н де Ларрей был прав, и похвалил его за твердость в отстаивании того, что, как он знал, было правдой. "Вы очень хороший человек, господин де Ларрей", - сказал император. "Я хотел бы, чтобы меня окружали только такие люди, как вы; но такие люди очень редки".

ГЛАВА XII.

Теперь мы подошли к кануну того дня, когда император, все еще глубоко потрясенный потерей, которую он понес в результате смерти герцога Истрийского, должен был получить удар, который он ощутил, возможно, наиболее остро из всех тех, что поразили глубоко в его сердце, когда он увидел, как его старые товарищи по оружию пали вокруг него. День, последовавший за беседой императора с бароном Ларреем, о которой я рассказал в конце предыдущей главы, запомнился невосполнимой потерей маршала Дюрока. Сердце императора было сокрушено; и действительно, ни один из нас не преминул пролить искренних слез - настолько справедливым

и добрым был он, хотя и серьезным и суровым в своем обращении с людьми, которых природа их обязанностей сводила с ним в соприкосновение. Это была потеря не только для императора, который имел в своем лице настоящего друга, но, смею утверждать, также для всей Франции. Он любил императора со страстной преданностью и никогда не упускал случая одарить его своими верными наставлениями, хотя к ним не всегда прислушивались. Смерть маршала Дюрока была событием настолько печальным и настолько совершенно неожиданным, что мы некоторое время сомневались, верить ли в это, даже когда единственная слишком очевидная реальность больше не позволяла нам пребывать в каких-либо иллюзиях.

Таковы обстоятельства, при которых произошло это роковое событие, повергшее в ужас всю армию: император преследовал арьергард русских, которые постоянно ускользали от него, и только что бежал в десятый раз с утра, убив и взяв в плен большое количество наших храбрых солдат, когда два или три снаряда разрыли землю у ног императора и заставили его воскликнуть: "Что! после такой бойни никакого результата! никаких пленных! эти люди там не оставят от меня и гвоздя". Едва он закончил говорить, как пролетел снаряд и бросил егеря кавалерийского эскорта почти под ноги лошади его величества. "Ах, Дюрок, - прибавил он, поворачиваясь к великому маршалу, - сегодня нам покровительствует удача". — "Сир, - сказал подбежавший галопом адъютант, - только что убит генерал Брюйер". "Мой бедный товарищ из Италии! Возможно ли это? Ах! тем не менее необходимо продвигаться вперед". И, заметив слева возвышение, с которого он мог лучше наблюдать за происходящим, император направился в том направлении в облаке пыли. Герцог Виченцкий, герцог Тревизский, маршал Дюрок и генерал инженерных войск Кирдженер неотступно следовали за его величеством, но ветер поднял такое облако пыли и дыма, что они едва могли видеть друг друга. Внезапно в дерево, мимо которого проходил император, попал снаряд и разрубил его пополам. Его величество, добравшись до плато, обернулся, чтобы попросить свой полевой бинокль, и не увидел рядом с собой никого, кроме герцога Виченцкого. Герцог Шарль де Плезанс подошел со смертельной бледностью на лице, наклонился к главному конюшему и сказал ему на ухо несколько слов. "Что случилось?" — яростно спросил император. "Что случилось?" - "Сир, - сказал герцог Плезанс, рыдая, - великий маршал мертв!" — "Дюрок? Но вы, должно быть, ошибаетесь. Минуту назад он был здесь, рядом со мной. Прибыли несколько адъютантов и паж с биноклем его величества. Роковая новость подтвердилась, по крайней мере частично. Великий герцог Фриульский еще не был мертв; но снаряд ранил его в живот, и вся хирургическая помощь была бы бесполезна. Снаряд, пробив дерево, отскочил в сторону, поразив сначала генерала Кирдженера, который был мгновенно убит, а затем герцога Фриульского. Месье Иван и Ларрей были с раненым маршалом, которого перенесли в дом в Маркерсдорфе. Надежды спасти его не было.

Ужас армии и скорбь его Величества по поводу этого прискорбного события были неописуемы. Он машинально отдал несколько приказов и вернулся в лагерь, а когда добрался до лагеря стражи, сел на скамью перед своей палаткой, опустил голову и сцепив руки, и оставался так почти час, не произнося ни слова. Поскольку, тем не менее, было необходимо отдать приказы на следующий день, подошел генерал Дроу,

[Граф Антуан Дроу, начальник артиллерии гвардии, родился в Нанси в 1774 году; сражался капитаном при Гогенлиндене в 1800 году; отличился при Ваграме (1809) и Бородино (1812); стал дивизионным генералом при Бауцене в 1813 году; отправился на Эльбу в качестве командующего гвардией и был рядом с императором при Ватерлоо; умер в 1847 году. Он

был протестантом, и его часто видели во время ожесточенной перестрелки спокойно читающим свое Завещание.]

и прерывающимся от рыданий голосом спросил, что же делать. "Все завтра", - ответил император и больше не сказал ни слова. "Бедняга! - воскликнули старые сторожевые псы стражи. - Он потерял одного из своих детей". Наступила ночь. Неприятель был в полном отступлении; и когда армия заняла свою позицию, император покинул лагерь и в сопровождении принца де Невшателя, господина Ивана и герцога Виченцкого направился в дом, куда был доставлен великий маршал. Сцена была ужасной. Обезумевший от горя император неоднократно обнимал этого верного друга, пытаясь подбодрить его; но герцог, прекрасно создававший его состояние, отвечал только просьбами дать ему опиум. При этих словах император вышел из комнаты; он больше не мог контролировать свои эмоции.

Герцог де Фриуль скончался на следующее утро, и император приказал перевезти его тело в Париж и расхаживать под куполом дома инвалидов.

[По обе стороны от входа в порфиновый саркофаг, в котором покоятся бранные останки великого императора, покоятся Дюрок и Бертран, которые при жизни присматривали за ним как маршалы его Дворца. — пер.]

Он купил дом, в котором умер великий маршал, и поручил деревенскому пастору установить камень на том месте, где стояла его кровать, и выгравировать на нем следующие слова:

"ЗДЕСЬ ГЕНЕРАЛ ДЮРОК, ГЕРЦОГ ФРИУЛЬ, ГЛАВНЫЙ МАРШАЛ ДВОРЦА ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА, СМЕРТЕЛЬНО РАНЕННЫЙ СНАРЯДОМ, СКОНЧАЛСЯ НА РУКАХ СВОЕГО ДРУГА, ИМПЕРАТОРА".

Сохранение этого памятника было возложено в качестве обязательства на жильца дома, который получил его в подарок с приложением этого условия. Пастор, деревенский судья и тот, кто принял этот подарок, были вызваны к его Величеству, и он сообщил им о своих пожеланиях, которые они торжественно обязались исполнить. Затем Его Величество достал из своего личного кошелька необходимые средства и вручил их этим джентльменам.

Хорошо бы, чтобы читатель знал, как выполнялось это соглашение, заключенное столь торжественно. Этот приказ российского штаба проинформирует его.

"Копия квитанции, датированной 16 (28) марта, гласит, что император Наполеон вручил Герману, пастору церкви в Маркерсдорфе, сумму в двести золотых наполеонов для установки памятника маршалу Дюроку, погибшему на поле боя. Его Превосходительство князь Репнин, генерал-губернатор Саксонии, распорядившись, чтобы в Маркерсдорф был направлен заместитель из моей канцелярии, чтобы доставить указанную сумму и передать ее мне на хранение до окончательного распоряжения, моему секретарю Мейерхайму поручается эта миссия, и, следовательно, он немедленно отправится в Дларкерсдорф и, в качестве доказательства своих полномочий, вручит министру Герману сопроводительный приказ и вступит во владение вышеупомянутой суммой в двести золотых наполеонов. Секретарь Мейерхайм будет отчитываться только передо мной за выполнение этого приказа. В Дрездене 20 марта (1 апреля) 1814 года. "(Подпись) BARON DE ROSEN."

Этот приказ не нуждается в комментариях. После битв при Бауцене и Вуршен император вступил в Силезию. При каждом столкновении он видел, как объединенные армии союзников обращались в бегство раньше, чем его собственные; и это зрелище, хотя и чрезвычайно льстило его тщеславию, также сильно укрепило его в вере, что вскоре он окажется хозяином богатой и плодородной страны, где изобилие средств к существованию принесло бы большую пользу во всех его начинаниях. Много раз в день он восклицал: "Как далеко мы от такого города? Когда мы прибудем в Бреслау?" Его нетерпение не мешало ему тем временем занимать свой ум каждым предметом, привлекавшим его внимание, как будто он был свободен от всяких забот. Проезжая через каждую деревню, он осматривал дома один за другим, отмечал направление рек и горных хребтов и собирал самую подробную информацию, которую жители могли или хотели ему предоставить. 27 мая его величество, находясь не более чем в трех днях пути от Бреслау, встретил перед маленьким городком под названием Михельсдорф несколько полков русской кавалерии, которые удерживали дорогу. Они оказались совсем рядом с императором и его штабом еще до того, как его Величество заметил их. Принц де Невшатель, увидев врага так близко, поспешил к императору и сказал: "Сир, они все еще наступают". — "Что ж, мы тоже будем наступать", - ответил его величество, улыбаясь. - Посмотри назад— - И он показал принцу на французскую пехоту, приближающуюся сомкнутыми колоннами. Вскоре несколько залпов прогнали русских с этой позиции; но через пол-лиги или еще лигу мы снова наткнулись на них, и этот маневр повторялся снова и снова. Император, понимая это, соответствующим образом маневрировал и лично с величайшей точностью руководил войсками по мере их продвижения. Он поднимался с одной высоты на другую и тщательно осматривал города и деревни по пути следования, чтобы разведать их местоположение и выяснить, какие ресурсы он мог бы получить из страны; и в результате его внимательной заботы и неутомимого надзора обстановка менялась по десять раз на дню. Если колонна выходила из глубокого оврага, леса или деревни, она могла немедленно овладеть высотой, поскольку обнаруживалась батарея, уже готовая ее защищать. Император указывал на каждое движение с замечательным тактом и таким образом, что его невозможно было застать врасплох. Он командовал только войсками в целом, передавая либо лично, либо через офицеров своего штаба свои приказы командирам корпусов и дивизий, которые, в свою очередь, передавали их командирам батальонов. Все приказы, отдаваемые его Величеством, были короткими, точными и настолько ясными, что никогда не было необходимости просить объяснений.

29 мая, не зная, насколько благоразумно продвигаться вперед по дороге в Бреслау, его величество обосновался на маленькой ферме под названием Росниг, которая была разграблена и представляла собой самое жалкое зрелище. Поскольку в доме можно было найти только небольшую квартиру с гардеробной, пригодной для использования императором, принц де Невшатель и его свита устроились как могли в окрестных коттеджах, амбарах и даже в садах, поскольку жилья для всех было недостаточно. На следующий день в конюшне рядом с резиденцией императора вспыхнул пожар. В этом сарае стояло четырнадцать или пятнадцать повозок, которые все сгорели. В одном из этих фургонов находился дорожный сундук с сокровищами; в другом находились одежда и белье, принадлежавшие императору, а также драгоценности, кольца, коробки из-под табака и другие ценные предметы. Мы мало что спасли из этого пожара; и если бы резервный корпус не прибыл вовремя, его Величеству пришлось бы изменить свои обычные правила туалета из-за отсутствия чулок и рубашек. Саксонский майор д'Оделебен, написавший несколько интересных статей об этой кампании, утверждает, что все, принадлежавшее его величеству, было сожжено; и что в Бреслау пришлось в величайшей

спешке сшить ему несколько панталон. Это какая-то ошибка. Я не думаю, что багажный вагон был сожжен; но даже если бы это было так, императору по этой причине не понадобилась бы одежда, поскольку всегда имелось четыре или пять полных костюмов либо заранее, либо в тылу штаба. В России, когда был отдан приказ сжигать все экипажи, в которых не хватало лошадей, этот приказ был неукоснительно выполнен в отношении домочадцев, и, следовательно, они остались почти ни с чем; но было оставлено все, что могло считаться необходимым для его Величества.

Наконец, 1 июня, в шесть часов утра, авангард вступил в Бреслау, имея во главе генерала Лористона и генерала Хогендорпа, которых его Величество заранее наделил функциями губернатора этого города, бывшего столицей Силезии. Таким образом, частично исполнилось обещание, данное императором, когда он проезжал через Варшаву по возвращении из России: "Я отправляюсь искать триста тысяч человек. Успех придаст русским смелости. Я проведу два сражения между Эльбой и Одером, а через шесть месяцев снова буду на Немане".

Эти два сражения, в которых участвовали призывники и которые были выиграны без кавалерии, восстановили репутацию французской армии. Король Саксонии с триумфом вернулся в свою столицу. Ставка императора находилась в Бреслау; один из корпусов великой армии находился у ворот Берлина, а неприятель был изгнан из Гамбурга. Россия была близка к тому, чтобы быть вынужденной отступить в свои собственные границы, когда австрийский император, выступавший посредником в делах двух союзных государей, посоветовал им предложить перемирие. Они последовали этому совету; и так как император имел слабость согласиться с их требованиями, перемирие было даровано и подписано четвертого июня, и его Величество немедленно отправился обратно в Дрезден. Через час после своего отъезда он сказал: "Если союзники не будут добросовестно стремиться к миру, это перемирие может стать для нас роковым".

Вечером 8 июня его величество прибыл в Горлиц. В ту ночь вспыхнул пожар в предместье, где располагалась гвардия; и в час дня один из городских чиновников пришел в ставку императора, чтобы поднять тревогу, сказав, что все потеряно. Войска потушили пожар, и императору был представлен отчет о случившемся. Я одел его со всей поспешностью, так как он хотел отправиться в путь на рассвете. "Во сколько обойдется ущерб?" потребовал император. "Сир, по крайней мере, на семь или восемь тысяч франков в случае крайней необходимости". — "Пусть будет выдано десять тысяч, и пусть они будут распределены немедленно". Жителям немедленно сообщили о великодушии императора, и когда час или два спустя он покидал деревню, его приветствовали единодушными возгласами.

Утром 10-го числа мы вернулись из Дрездена. Прибытие императора положило конец самым странным слухам, которые ходили там с тех пор, как по городу пронесли останки великого маршала Дюрока. Утверждалось, что в гробу находилось тело императора; что он был убит в последней битве, а его тело таинственным образом спрятано в комнате замка, через окна которой всю ночь горел свет. Когда он прибыл, некоторые люди, совершенно увлеченные этой идеей, зашли так далеко, что повторили то, о чем уже сообщалось, с добавлением того обстоятельства, что в его карете видели не императора, а фигуру, сделанную из воска. Тем не менее, когда на следующий день он появился перед всеми верхом на лугу перед городскими воротами, они были вынуждены признать, что он все еще жив.

Император остановился во дворце Марколини, очаровательной летней резиденции, расположенной в предместье Фридрихштадт. Огромный сад, прекрасные луга Остервайза на берегах Эльбы, в дополнение к чрезвычайно красивому ландшафту, делали это пребывание гораздо более привлекательным, чем пребывание в зимнем дворце; и, следовательно, император был очень благодарен королю Саксонии за то, что тот подготовил его для него. Там он вел ту же жизнь, что и в Шенбрунне: обзоры каждое утро, много работы в течение дня и мало отвлекающих факторов вечером; на самом деле, больше простоты, чем показухи. Середина дня прошла в кабинетных трудах; и в течение этого времени во дворце царило такое совершенное спокойствие, что, если бы не присутствие двух часовых на лошадях и видеоманитонов, свидетельствовавших о том, что это жилище монарха, было бы трудно представить, что в этой прекрасной резиденции обитал даже самый простой частный гражданин.

Император выбрал для своих апартаментов правое крыло дворца; левое занимал принц де Невшатель. В центре здания находились большой салон и два поменьше, которые служили комнатами для приемов.

Через два дня после своего возвращения его величество отправил в Париж приказ о том, чтобы актеры театра "Комедия" из Парижа провели время перемирия в Дрездене. Герцогу Виченцы, на которого тем временем были возложены обязанности главного маршала дворца, было приказано сделать все необходимые приготовления к их приему. Он поручил эту обязанность заботам господ де Боссе и де Тюренна, которым император поручил руководство театром; и в оранжерее дворца Марколини был возведен зал, предназначенный для этой цели. Этот зал сообщался с апартаментами и вмещал около двухсот человек. Он был воздвигнут как по волшебству и открылся в ожидании прибытия французской труппы двумя или тремя представлениями итальянских комедиантов о короле Саксонии.

Актерами из Парижа были: в "трагедии" - господа Сен-При, Тальма и мадемуазель Жорж.

За комедию: господа Флери, Сен-Фаль, Батист младший, Арман, Тенар, Мишо, Девиньи, Мишло и Барбье; мадам Марс, Бургуан, Тенар, Эмилия Контат и Мезере.

Руководство театром было передано месье Депре.

Все эти актеры прибыли 19 июня и обнаружили, что для их комфорта сделано все возможное — со вкусом обставленные квартиры, экипажи, слуги, все, что могло позволить им с удовольствием переносить скуку пребывания в чужой стране и в то же время доказать им, как высоко его Величество ценит их таланты; признательность, которую большинство из них вполне заслуживали как из-за их превосходных социальных качеств, так и из-за благородства и утонченности их манер.

Дебют французской труппы в театре Оранжереи состоялся 22 июня в постановке "Gageure Imprevue" и другой пьесы, которая тогда была в моде в Париже и которую с тех пор часто с удовольствием смотрели, - "Сюиты для бала-масок".

Поскольку театр Оранжереи был бы слишком мал для представления трагедии, его зарезервировали для большого театра города; и в эти дни люди допускались только по карточкам графа Тюренна, плата за вход не взималась.

В большом театре в дни представления французской пьесы, а также в театре при дворце Марколини лакеи его Величества обслуживали логи и подавали прохладительные напитки во время исполнения пьесы.

Вот так прошли дни после приезда актеров французского театра.

Все было спокойно до восьми часов утра, если только не прибывал курьер или не вызывался неожиданно какой-нибудь адъютант. В восемь часов я одел императора; в девять он устроил торжественную церемонию, на которой могли присутствовать все, кто имел такое высокое звание, как полковник. Были также допущены гражданские и военные власти страны; иногда присутствовали герцоги Веймарский и д'Анхальт, братья и племянники короля Саксонии. Затем был завтрак; затем парад на лугах Остервайза, примерно в ста шагах от дворца, куда император всегда выезжал верхом и спешил по прибытии; войска выстроились перед ним и трижды приветствовали его со своим обычным энтузиазмом. Эволюциями командовал иногда император, иногда граф Лобау. Как только кавалерия начала дефилировать, его величество вернулся во дворец и приступил к работе. Затем наступила та совершенная тишина, о которой я говорил; и обед подали только поздно, часов в семь или восемь. Император часто обедал наедине с принцем де Невшатель, если только не было гостей из королевской семьи Саксонии. После обеда они отправились в театр, где шла пьеса, а после император вернулся в свой кабинет, чтобы снова поработать, либо один, либо со своими секретарями.

Каждый день повторялось одно и то же, за исключением тех случаев, когда, что случалось очень редко, императору, сверх всякой меры утомленному дневными трудами, приходило в голову послать за мадам Жорж после трагедии. Потом она провела в его квартире два или три часа, но не больше.

Иногда император приглашал Тальму или мадемуазель Марс позавтракать. Однажды в разговоре с этой замечательной актрисой император рассказал ей о ее дебюте. - Сир, - сказала она тем изящным тоном, который все помнят, - я начала очень молодой. Я проскользнул незамеченным". — "Незамеченный!" - быстро ответил его Величество. - "Вы ошибаетесь. Более того, будьте уверены, мадемуазель, что я всегда, как и вся Франция, высоко ценил ваши замечательные таланты".

Пребывание императора в Дрездене принесло богатство и изобилие. Более шести миллионов франков иностранных денег было потрачено в этом городе в период с 8 мая по 16 ноября, если можно верить опубликованным саксонскими властями заявлениям о количестве распределенных квартир. Это пребывание было золотой жатвой, которую бережно собирали владельцы пансионов, гостиниц и торговцы. Те, кто отвечал за жилье для военных, обставленное жителями, также получали большие прибыли. В Дрездене можно было увидеть парижских портных и сапожников, обучающих местных жителей работе во французском стиле. Даже чистильщиков сапог можно было найти на мостах через Эльбу, которые кричали, как они кричали на мостах через Сену: "Начистите сапоги!"

Вокруг города были разбиты многочисленные лагеря для раненых, выздоравливающих и т.д. Один из них, названный Вестфальским лагерем, представлял собой самое красивое зрелище. Это была череда прекрасных маленьких садов; там - крепость из дерна, ее бастионы увенчаны гортензиями; здесь участок был превращен в террасу, его дорожки были украшены цветами, как

самый тщательно ухоженный партер; на третьем виднелась статуя Паллады. Весь барак был покрыт мхом и украшен ветками и гирляндами, которые обновлялись каждый день.

Поскольку перемирие должно было закончиться 15 августа, празднование в честь его Величества было перенесено на пять дней вперед. Армия, город и двор тщательно подготовились к тому, чтобы церемония была достойна того, в честь кого она была устроена. Все самые богатые и знатные жители Дрездена соперничали друг с другом на балах, концертах, празднествах и радостей всех мастей. Утром накануне дня смотра король Саксонии прибыл в резиденцию императора со всей своей семьей, и два государя проявили друг к другу самую теплую дружбу. Они вместе позавтракали, после чего его величество в сопровождении короля Саксонии, своих братьев и племянников отправился на луг за дворцом, где его ожидали пятнадцать тысяч человек гвардии в такой же прекрасной форме, как на самых блестящих парадах на Марсовом поле.

После смотра французские и саксонские войска разошлись по разным церквям, чтобы послушать молебен; а по окончании религиозной церемонии все эти храбрые солдаты уселись за уже приготовленные банкетные столы, и их радостные крики с музыкой и танцами продолжались далеко за полночь.

ГЛАВА XIII.

Весь срок перемирия был потрачен на переговоры о заключении мирного договора, которого император горячо желал, особенно после того, как он увидел, что честь его армии восстановлена на полях Лютцена и Бауцена; но, к сожалению, он желал этого только на условиях, на которые враг не согласился, и вскоре вторая серия наших бедствий возобновилась и делала мир все более и более невозможным. Кроме того, с самого начала переговоров относительно перемирия, предел которого мы теперь почти достигли, император Александр, несмотря на три выигранных Наполеоном сражения, не желал слушать никаких прямых предложений Франции, кроме как при единственном условии, что Австрия выступит посредником. Это недоверие, как и следовало ожидать, не привело к окончательному результату. примирение, и, будучи стороной-победительницей, император, естественно, был этим раздражен; тем не менее, при этих серьезных обстоятельствах он преодолел справедливое негодование, вызванное поведением российского императора по отношению к себе. Результат времени, потерянного под Дрезденом, как и продление нашего пребывания в Москве, был большим преимуществом для врага.

Теперь, когда все надежды на мирное урегулирование дел исчезли, 15 августа император приказал подать карету; мы покинули Дрезден, и война возобновилась. Французская армия по-прежнему была великолепной и внушительной, насчитывала двести тысяч пехотинцев, но только сорок тысяч кавалеристов, поскольку было совершенно невозможно полностью

восполнить огромные потери лошадей, которые были понесены. Самая серьезная опасность в то время возникла из-за того факта, что Англия была душой коалиции России, Пруссии и Швеции против Франции. Поскольку ее субсидии обеспечили ей высший контроль, ничто не могло быть решено без консультации с ней; и с тех пор я узнал, что даже во время мнимых переговоров британское правительство заявило российскому императору, что при данных обстоятельствах условия Люневильского мирного договора были бы слишком благоприятными для Франции. Все эти сложности можно было бы выразить такими словами: "Мы желаем войны!" Затем разразилась война, или, скорее, это бедствие продолжало опустошать Германию, а вскоре угрожало Франции и вторглось в нее. Более того, я должен обратить внимание на тот факт, что то, что сделало наше положение чрезвычайно критическим в случае неудачи, заключалось в том, что Пруссия вела против нас не просто войну регулярных армий, но что теперь она приобрела характер национальной войны, вызвав зандвер и зандштурм, что сделало ситуацию гораздо более опасной, чем тактика самой дисциплинированной армии. Ко многим другим осложнениям добавился страх, вскоре вполне оправданный, что Австрия из безобидного и непредвзятого посредника превратится в объявленного врага.

Прежде чем продолжить, я считаю лучшим еще раз обратиться к двум или трем событиям, которые я по неосторожности опустил и которые произошли во время нашего пребывания в Дрездене, предшествовавшего тому, что можно было бы назвать второй кампанией 1813 года. Первым из них было появление в Дрездене герцога Отранто, которого вызвал его величество.

Его очень редко видели в Тюильри с тех пор, как герцог Ровиго сменил его на посту министра общей полиции; и я заметил, что его присутствие в штаб-квартире было для всех большой неожиданностью, поскольку считалось, что он в полной опале. Те, кто стремится объяснить причины мельчайших событий, думают, что идея его Величества состояла в том, чтобы противопоставить изоэренные уловки полиции под руководством г-на Фуше тогдашней всемогущей полиции барона де Штейна, вооруженного главы всех тайных партий, которые формировались во всех направлениях и которые не без основания считались властителями общественного мнения в Пруссии и Германии, и, прежде всего, в многочисленных школах, где ученики только и ждали момента, чтобы взяться за оружие. Эти предположения относительно присутствия М. Фуше в Дрездене были беспочвенны. У императора, отозвавшего его, был реальный мотив, который он, однако, замаскировал под благовидным предлогом. Находясь под глубоким впечатлением от заговора Мале, его величество счел, что было бы неразумно оставлять в Париже на время его отсутствия человека столь недовольного и в то же время столь влиятельного, как герцог Отранто; и я много раз слышал, как он высказывался по этому поводу в манере, которая не оставляла места для сомнений. Но чтобы скрыть этот истинный мотив, император назначил господина Фуше губернатором иллирийских провинций вместо графа Бертрана, которому было поручено командование армейским корпусом, и вскоре после этого он был назначен преемником обожаемого генерала Дюрока на посту главного маршала дворца. Какова бы ни была справедливость этого недоверия к Фуше, совершенно очевидно, что мало кто был так хорошо убежден в превосходстве его талантов полицейского офицера, как сам его Величество. Несколько раз, когда в Париже происходило что-нибудь экстраординарное, и особенно когда он узнавал о заговоре Мале, император, вспоминая вечером то, что произвело на него самое глубокое впечатление в течение дня, заканчивал словами: "Этого бы не произошло, если бы Фуше был министром полиции!" Возможно, это было неоправданным пристрастием, ибо у императора, несомненно, никогда не было более верного и преданного

слуги, чем герцог Ровиго, хотя в Париже было много шуток по поводу его обычая наказывать несколькими часами тюремного заключения.

Принц Евгений вернулся в Италию в начале кампании, чтобы организовать новую армию в этой стране, и мы не видели его в Дрездене; король Неаполя, прибывший в ночь с 13 на 14 августа, появился там почти один; и его вклад в великую армию состоял лишь из небольшого количества неаполитанских войск, которые он оставил там при своем отъезде в Неаполь.

Я был в апартаментах императора, когда вошел король Неаполя, и увидел его в первый раз. Я не знал, какой причине это приписать, но заметил, что император не оказал своему шуринам такого сердечного приема, как в прошлом. Принц Мюрат сказал, что он больше не может бездействовать в Неаполе, зная, что французская армия, к которой он все еще принадлежал, находится в поле боя, и он просит только разрешить ему сражаться в ее рядах. Император взял его с собой на парад и поручил ему командование Императорской гвардией; и более бесстрашного командира было бы трудно найти. Позже ему было поручено главное командование кавалерией.

В течение всего периода перемирия, скорее затянутого, чем заполненного медленными и бесполезными совещаниями Пражского конгресса, было бы невозможно описать различные работы, которыми император занимался с утра до вечера, а часто и далеко за полночь. Его часто можно было увидеть склонившимся над своими картами, проводящим, так сказать, репетицию сражений, которые он обдумывал. Тем не менее, сильно раздраженный медлительностью переговоров относительно вопроса, относительно которого он больше не мог обманывать себя, незадолго до конца июля он приказал, чтобы все было подготовлено и приведено в готовность к путешествию, которое он намеревался совершить до Майнца. Он договорился встретиться там с императрицей; и поскольку она должна была прибыть 25-го, император, следовательно, организовал свой отъезд таким образом, чтобы прибыть лишь вскоре после этого. Я вспоминаю об этом путешествии только как о факте, поскольку оно не было ознаменовано ничем примечательным, за исключением полученной императором в то время информации о смерти герцога Абрантеша, который только что скончался в Дижоне от сильного приступа своей прежней болезни. Хотя император уже сознавал, что находится в плачевном состоянии душевного отчуждения, и, следовательно, должен был ожидать этой потери, он тем не менее чувствовал это менее остро и искренне оплакивал своего бывшего адъютанта.

Император пробыл у императрицы всего несколько дней, с которой он снова встретился с чрезвычайным удовольствием. Но поскольку важные политические соображения заставили его вернуться в Дрезден, посетив несколько мест по пути следования, и 4 августа мы вернулись в столицу Саксонии. Путешественники, видевшие эту прекрасную страну только в мирное время, узнали бы ее с трудом. Огромные укрепления превратили его в воинственный город; многочисленные батареи были размещены в пригородах, выходящих окнами на противоположный берег Эльбы. Все приняло воинственный характер, и время императора стало настолько всецело поглощено им, что он почти три дня не выходил из своего кабинета.

Тем не менее, в разгар военных приготовлений были приняты все меры для празднования 10 августа праздника императора, который был перенесен на пять дней вперед, потому что, как я уже отмечал ранее, срок перемирия истек как раз в годовщину Сен-Наполеона; и, как легко

можно заключить из его природной страсти к войне, возобновление военных действий не было дополнением к его празднику, которым он, вероятно, пренебрег бы.

Вечером накануне праздника императора в Дрездене, как и в Париже, было устроено специальное представление в театре. Актеры французского театра сыграли две комедии 9-го числа в пять часов вечера; это представление было последним, так как сразу после этого актеры французской комедии получили приказ возвращаться в Париж. На следующий день король Саксонии в сопровождении всех принцев королевской семьи отправился в девять часов утра во дворец Марколини, чтобы засвидетельствовать свое почтение императору; после чего был устроен грандиозный утренний прием, как это было принято в Тюильри, и смотр, на котором император осмотрел часть своей гвардии, несколько полков и саксонские войска, приглашенные на обед французскими войсками. В тот день город Дрезден без особого преувеличения можно было сравнить с большой столовой. Фактически, пока его Величество торжественно обедал во дворце короля Саксонии, где собралась вся семья этого принца, весь дипломатический корпус сидел за столом герцога Бассано; барон Биньон, посланник Франции в Варшаве, угощал всех выдающихся поляков, присутствовавших в Дрездене; граф Дарн дал грандиозный обед французским властям; генерал Фриан - французским и саксонским генералам; и барон де Серра, посланник Франции в Дрездене, - руководителям саксонских колледжей. Этот обеденный день завершился ужином почти на двести гостей, который генерал Анри Дюроснель, губернатор Дрездена, дал в тот вечер по окончании великолепного бала в резиденции месье де Серра.

По возвращении из Майнца в Дрезден я узнал, что резиденция генерала Дюроснеля была местом встреч всех высших кругов общества, как саксонского, так и французского. Во время отсутствия его величества генерал, пользуясь этим досугом, устраивал многочисленные праздники, в том числе для актеров и актрис французской комедии. Я вспоминаю в этой связи забавный анекдот, который мне рассказали в то время. Батист младший, не испытывающий недостатка ни в приличиях, ни в утонченности, внес большой вклад в развлечение вечера, будучи представлен под именем милорда Бристоля, английского дипломата, направлявшегося в Пражский городской совет. Его маскировка была столь совершенна, его акцент столь естествен, а флегматичность столь невозмутима, что многие особы саксонского двора были полностью введены в заблуждение, что меня несколько не удивило; и таким образом я увидел, что талант Батиста младшего к мистификации ничуть не утратил с тех пор, как я был так сильно развеселен на завтраках у полковника Богарне. Сколько событий произошло с тех пор.

Император, видя, что ничто больше не может откладывать возобновление военных действий, разделил двести тысяч человек своей пехоты на четырнадцать армейских корпусов, командование которыми было поручено маршалам Виктору, Ней, Мармону, Ожеро, Макдональду, Удино, Даву и Гувиону Сен-Сиру, князю Понятовскому и генералам Ренье, Раппу, Лористону, Вандаму и Бертрону. Сорокатысячная кавалерия образовывала шесть больших дивизий под командованием генералов Нансути, Латур-Мобура, Себастьяни, Арриги, Мийо и Келлермана; и, как я уже говорил, король Неаполитанский командовал императорской гвардией. Более того, в этой кампании на наших полях сражений впервые появился почетный караул, отборное войско, набранное из самых богатых и знатных семей и увеличенное более чем до десяти тысяч человек, разделенных на две дивизии под простым названием полков; одной из которых командовал генерал граф де Пулли, а другой, если я не ошибаюсь, генерал Сегюр. Эти молодые люди, еще недавно бездельники, предавшиеся отдыху и удовольствиям, за

короткое время стали самой превосходной кавалерией, проявившей себя в различных случаях, особенно в битве при Дрездене, о которой у меня скоро будет возможность рассказать.

Численность французской армии была заявлена ранее. Объединенная армия союзников насчитывала четыреста двадцать тысяч пехотинцев, а ее кавалерия - едва ли менее ста тысяч, не считая резервного армейского корпуса из восьмидесяти тысяч русских, готового покинуть Польшу под командованием генерала Бенингсена. Таким образом, армия противника превосходила нашу численностью в соотношении два к одному.

В то время, когда мы вступили в эту кампанию, Австрия только что открыто объявила нам войну. Этот удар, хотя и не был неожиданным, глубоко поразил императора, и он свободно высказывался по этому поводу перед всеми лицами, которые имели честь к нему обращаться. Г-н де Меттерних, как я слышал, почти наверняка предупредил его об этом в последних беседах этого министра в Дрездене с его Величеством; но император был совершенно неспособен заставить себя поверить, что император Австрии объединится с северной коалицией против его собственных дочери и внука. Наконец все сомнения были разрешены прибытием графа Луи де Нарбонна, который возвращался из Праги в Дрезден с объявлением войны Австрией. Все предвидели, что Франция вскоре должна будет причислить к своим врагам все страны, более не оккупированные ее войсками, и результаты слишком хорошо оправдали это предсказание. Тем не менее, не все было потеряно, поскольку мы еще не были вынуждены переходить к обороне.

ГЛАВА XIV.

Война возобновилась еще до того, как переговоры были окончательно прерваны, поскольку герцог Виченцкий все еще поддерживал связь с г-ном де Меттернихом. Император, садясь на коня, сказал многочисленным генералам, окружавшим его, что теперь он выступает в поход, чтобы добиться мира. Но какая надежда могла оставаться после объявления войны Австрией, и прежде всего, когда было известно, что союзные монархи постоянно увеличивали свои притязания по мере того, как император соглашался на требуемые уступки? Император покинул Дрезден в пять часов пополудни, продвигаясь по дороге на Кенигштайн, и на следующий день остановился в Баутцене, где вновь посетил поле битвы, место своей последней победы. Там король Неаполя, который не желал, чтобы ему самому оказывались королевские почести, прибыл, чтобы присоединиться к императору во главе императорской гвардии, которая представляла собой такой же внушительный вид, как и в былые времена.

Мы прибыли в Горлиц 18-го числа, где император застал герцога Виченцкого, возвращавшегося из Богемии. Он подтвердил правдивость сообщения, которое его величество уже получил в Дрездене, о том, что император Австрии уже решил выступить заодно с императором России и королями Пруссии и Швеции против мужа своей дочери, принцессы, которую он отдал императору в залог мира. Также от герцога Виченцы император узнал, что

генерал Блюхер только что вступил в Силезию во главе стотысячной армии и, в нарушение самых священных обещаний, захватил Бреслау вечером накануне дня, назначенного для разрыва перемирия. В тот же день генерал Жомини, швейцарец по происхождению, но до недавнего времени находившийся на службе Франции, начальник штаба маршала Нея и облеченный благосклонностью императора, покинул свой пост и явился в ставку императора Александра, который приветствовал его с выражением глубочайшего удовлетворения.

[Барон Анри Жомини, автор знаменитого трактата "Об искусстве войны", родился в кантоне Во в 1779 году; адъютант Нея в 1804 году; отличился в нескольких сражениях, а после дезертирства был произведен в генерал-лейтенанты и адъютанты императора Александра; умер в 1869 году.]

Герцог Виченцкий рассказал подробности этого дезертирства, которые, казалось, подействовали на его величество больше, чем все остальные новости. Он рассказал ему, среди прочего, что, когда генерал Жомини предстал перед Александром, он обнаружил этого монарха в окружении своих военачальников, среди которых ему указали на Моро. Это была первая информация, полученная императором о присутствии генерала Моро в штабе противника. Герцог Виченцкий добавил, что, когда император Александр представил генерала Жомини Моро, тот холодно приветствовал его, а Жомини ответил лишь легким наклоном головы и удалился, не произнеся ни слова, и остаток вечера просидел в мрачном молчании в углу салона, противоположном тому, который занимал генерал Моро. Это стеснение не ускользнуло от внимания императора Александра; и на следующее утро, совершая свой туалет, он обратился к бывшему начальнику штаба маршала Нея: "Генерал Жомини, - сказал он, - в чем причина вашего вчерашнего поведения? Мне кажется, вам было бы приятно встретиться с генералом Моро". — "Где угодно в другом месте, сир". — "Что?" — "Если бы я родился французом, как генерал, я не был бы сегодня в лагере вашего Величества". Когда герцог Виченцкий закончил свой доклад императору, его величество заметил с горькой улыбкой: "Я уверен, что этот негодяй Жомини думает, что совершил прекрасный поступок! Ах, Коленкур, это дезертирство уничтожит меня!" Возможно, Моро, так холодно приветствуя генерала Жомини, руководствовался мыслью, что, если бы он все еще служил во французской армии, он не предал бы ее с оружием в руках; и, в конце концов, нет ничего необычного в том, что два предателя краснеют друг за друга, одновременно обманывая себя относительно собственного предательства, не понимая, что чувства, которые они испытывают, совпадают с теми, которые они внушают.

Как бы то ни было, новости, принесенные г-ном де Коленкуром, заставили императора внести некоторые изменения в свои планы относительно кампании. Его Величество полностью отказался от идеи лично отправиться в Берлин, как он выразил свое намерение, и, осознав необходимость прежде всего удостовериться в планируемых операциях великой австрийской армии под командованием принца Шварценберга, проник в Богемию; но узнав через курьеров армии и своих шпионов, что восемьдесят тысяч русских все еще оставались на противоположной стороне со значительными силами австрийской армии, он повернул назад после нескольких сражений, в которых его присутствие решило победу, и 24-го числа мы снова оказались в Баутцене. Его Величество из этого места послал неаполитанского короля в Дрезден, чтобы восстановить мужество короля Саксонии и жителей, когда они обнаружат врага у ворот своего города. Император заверил их, что вражеские войска не войдут, поскольку он вернулся защищать подступы к городу, и в то же время призвал их не позволять себе впадать в

уныние из-за какой-либо внезапной атаки, предпринятой отдельными отрядами. Мюрат прибыл в самый подходящий момент, поскольку позже мы узнали, что в городе воцарился всеобщий ужас; но заверения императора пользовались таким авторитетом, что все снова воспрянули духом, узнав о его присутствии.

После того, как неаполитанский король отправился выполнять эту миссию, полковник Гурго был вызван утром в палатку императора, где я тогда находился. - Завтра я буду на дороге в Пирну, - сказал его величество, - но остановлюсь в Столпене. Что касается вас, спешите в Дрезден; двигайтесь с предельной скоростью; достигните его этой ночью. По прибытии побеседуйте с королем Неаполя, Дюроснелем, герцогом Бассано и маршалом Гувьоном Сен-Сиром; успокойте их всех. Обратитесь также к саксонскому министру Герсдорфу. Скажи ему, что ты не сможешь увидеть короля, потому что выехал в такой спешке; но что я могу завтра привести в Дрезден сорок тысяч человек и что я готовлюсь войти со всей армией. На следующий день вы встретитесь с комендантом инженерного корпуса; вы посетите редуты и укрепления города; и когда вы все осмотрите, вы быстро вернетесь и встретитесь со мной в Штольпене. Доложите мне в точности реальное положение дел, а также мнение маршала Сен-Сира и герцога Бассано. Отправляйся." Полковник немедленно ускорил галопом, хотя в тот день еще ничего не ел.

На следующий вечер в одиннадцать часов полковник Гурго вернулся к императору, выполнив все требования своей миссии. Тем временем армия союзников спустилась на Дрезденскую равнину и уже предприняла несколько атак на передовые посты. Это вытекало из информации, предоставленной полковником, что, когда прибыл король Неаполя, город, который до этого находился в состоянии полной деморализации, теперь почувствовал, что его единственная надежда - в прибытии императора.

По правде говоря, орды казаков уже были в поле зрения предместий, на которые они угрожали напасть; и их появление вынудило жителей этих предместий укрыться в глубине города. "Уходя, - сказал полковник Гурго, - я увидел охваченную пламенем деревню в полулиге от больших садов, и маршал Гувьон Сен-Сир готовился покинуть эту позицию". — "Но, в конце концов, — нетерпеливо спросил император, - каково мнение герцога Бассано?" — "Сир, герцог Бассано не думает, что мы сможем продержаться двадцать четыре часа". — "А вы?" - "Я, сир? Я думаю, что Дрезден будет взят завтра, если вашего величества там не будет". - "Тогда я могу положиться на то, что вы мне скажете?" — "Сир, я отвечаю за это своей головой".

Затем его величество вызвал генерала Хаксо и сказал ему, указывая пальцем на карту: "Вандам продвигается через Пирну за Эльбу. Рвение врага проникнуть до Дрездена было чрезвычайным. Вандам окажется у него в тылу. Я намерен поддержать его движение всей моей армией; но я обеспокоен судьбой Дрездена и не желаю жертвовать этим городом. Я могу достичь его за несколько часов, и я это сделаю, хотя мне очень жаль отказываться от плана, который, если его хорошо выполнить, мог бы дать средство разгромить всех союзников одним ударом. К счастью, у Вандама все еще достаточно сил, чтобы дополнить общее движение атаками в особых точках, которые будут раздражать противника. В таком случае прикажите ему идти от Пирны к Гизубелю, овладеть ущельями Петерсвальде и, укрепившись на этой неприступной позиции, ожидать результатов операции под стенами Дрездена. Я оставляю за ним обязанность принимать мечи побежденных. Но для этого необходимо, чтобы он не терял рассудка и не обращал внимания на шум, поднятый перепуганными жителями. Объясните

генералу Вандаму, чего именно я от него ожидаю. Никогда у него не будет более прекрасной возможности получить маршальский жезл".

Генерал Хаксо немедленно отправился в путь; а император заставил полковника Гурго вернуться в свои апартаменты и приказал ему взять свежую лошадь и возвращаться в Дрезден быстрее, чем он приехал, чтобы сообщить о своем прибытии. "Старая гвардия пойдет впереди меня", - сказал его величество. "Я надеюсь, что они больше не будут бояться, когда увидят это".

Утром 26-го император воссел на коня на дрезденском мосту и начал, под радостные крики как молодой, так и старой гвардии, составлять диспозицию для ужасного сражения, длившегося три дня.

Было десять часов утра, когда жители Дрездена, доведенные теперь до отчаяния и открыто говорившие о капитуляции, стали свидетелями прибытия его величества. Сцена внезапно переменилась; и к полному разочарованию большинства сменилась абсолютной уверенностью, особенно когда надменные кирасиры Латур-Мобура дефилировали по мосту, высоко держа головы и не сводя глаз со склонов соседних холмов, покрытых линиями противника. Император немедленно высадился во дворце короля, который готовился искать убежища в новом городе, но намерения которого изменились с прибытием этого великого человека. Интервью было чрезвычайно трогательным.

Я не могу взяться описать все события тех памятных дней, в которые император покрыл себя славой и подвергнулся большей опасности, чем когда-либо прежде. Пажи, конюшие и адъютанты декампа падали замертво вокруг него, пули пронзили брюхо его лошади, но ничто не могло его задеть. Солдаты увидели это и удвоили свой пыл, а также уверенность и восхищение. Я просто сообщу, что император вернулся в замок только в полночь, а затем провел часы до рассвета, диктуя приказы, расхаживая взад и вперед по комнате большими шагами, пока на рассвете не сел на своего коня. Погода была ужасная, и дождь лил весь день. Вечером, когда враг был полностью разбит, император вернулся во дворец в ужасном состоянии. С того момента, как он сел на лошадь, в шесть часов утра, дождь не прекращался ни на мгновение, и он был таким мокрым, что можно было сказать без всякой фигуры речи, что вода стекала ему в сапоги из-за воротника пальто, потому что они были полностью наполнены ею. Его шляпа из тончайшего бобра была настолько испорчена, что ниспадала на плечи, его охристый пояс был совершенно пропитан водой; на самом деле человек, только что вытащенный из реки, был бы не мокрее императора. Король Саксонии, ожидавший его, встретил его в таком состоянии и обнял как дорогого сына, только что избежавшего большой опасности; и глаза этого превосходного принца были полны слез, когда он прижимал спасителя своей столицы к сердцу. После нескольких ободряющих и нежных слов императора его Величество вошел в свои покои, оставляя повсюду следы воды, которая капала с каждой части его одежды, и мне было очень трудно раздеть его. Зная, что императору очень нравится принимать ванну после утомительного дня, я распорядился приготовить ее; но так как он чувствовал необычайную усталость и вдобавок к этому начал сильно дрожать, его Величество предпочел удалиться в свою постель, которую я поспешно согрел. Однако едва император удалился на покой, как барон Фейн, один из его секретарей, был вызван для прочтения накопившейся у него корреспонденции, которая была очень объемистой. После этого он принял ванну, но пробыл в ней всего несколько минут, когда его внезапно затошнило, сопровождавшееся рвотой, которая вынудила его лечь в постель.

Его Величество сказал мне: "Мой дорогой Констант, небольшой отдых мне абсолютно необходим; проследи, чтобы меня будили только по делам величайшей важности; скажи это Фейну". Я подчинился приказу императора, после чего занял свою позицию в комнате перед покоями его Величества, наблюдая с вниманием дежурного часового, чтобы его не разбудили и никто даже не приблизился к его покоям.

На следующее утро император позвонил очень рано, и я сразу же вошел в его комнату, желая узнать, как он провел ночь. Я нашел его почти полностью восстановленным и в прекрасном расположении духа. Однако он сказал мне, что у него был короткий приступ лихорадки. Здесь я должен отметить, что это был единственный раз, когда у императора поднялась температура, и за все время, что я был с ним, я ни разу не видел его настолько больным, чтобы оставаться в постели в течение двадцати четырех часов. Он поднялся в свое обычное время и, когда спустился вниз, был чрезвычайно доволен прекрасным видом дежурного батальона. Тех храбрых гренадеров, которые накануне вечером служили ему эскортом и вернулись с ним в Дрезден в самом плачевном состоянии, сегодня утром он увидел выстроившимися во дворе дворца в великолепной форме и с таким блестящим оружием, как будто это был день парада на площади Карусель. Эти храбрые парни провели ночь, полируя свое оружие и обсыхая у больших костров, которые они разожгли специально для этой цели, предпочтя, таким образом, удовольствие предстать в безупречном виде перед глазами своего Императора сну и отдыху, в которых они, должно быть, так сильно нуждались.

Одно одобрителное слово возместило им усталость, и можно с уверенностью сказать, что никогда еще военачальник не был так любим своими солдатами, как его Величество.

Последний курьер, вернувшийся из Парижа в Дрезден и чьи депеши были зачитаны, как я уже сказал, императору, привез несколько писем для меня, написанных моей семьей и двумя или тремя моими друзьями; и все, кто сопровождал его Величество в его походах, независимо от ранга или должности, хорошо знают, как мы ценили новости, получаемые из дома. Помню, в этих письмах я узнал об известном судебном процессе, происходившем в суде присяжных между банкиром Мишелем и Ренье, это скандальное дело вызвало много шума в столице и почти разделило интерес и внимание публики вместе с новостями из армии; а также о поездке императрицы, которую она собиралась совершить в Шербур, чтобы присутствовать при открытии дамб и наполнении гавани водой из океана. Это путешествие, как легко себе представить, было предложено императором, который искал любую возможность выдвинуть императрицу вперед и заставить ее выполнять обязанности суверена в качестве регента Империи. Она созывала совет министров и председательствовала в нем, и я не раз слышал, как император поздравлял себя после объявления войны Австрии с тем, что его Луиза, как он ее называл, действовала исключительно в интересах Франции и не имела ничего австрийского, кроме своего происхождения. Он также позволил ей получить удовольствие от того, что она сама публикует от своего имени все официальные новости армии. Бюллетени больше не выпускались, но новости передавались ей полностью готовыми к публикации, что, несомненно, было проявлением внимания со стороны его Величества, направленного на то, чтобы сделать императрицу-регентшу более популярной, сделав ее средством связи между правительством и общественностью. Более того, фактом является то, что мы, находившиеся на месте, хотя и сразу понимали, выиграно сражение или проиграно, часто не знали всех операций различных корпусов, маневрирующих на огромном участке фронта, кроме как по парижским журналам; и наше стремление прочитать их можно себе представить.

ГЛАВА XV.

Во время второго дня битвы при Дрездене, в конце которой у императора случился приступ лихорадки, о котором я упоминал в предыдущей главе, король Неаполя, или, скорее, маршал Мюрат, проявил чудеса доблести. Много говорилось об этом поистине выдающемся принце; но только те, кто видел его лично, могли составить о нем правильное представление, и даже они никогда не знали его в совершенстве, пока не увидели его на поле битвы. Там он казался похожим на тех великих актеров, которые создают полную иллюзию среди очарования сцены, но в которых мы больше не находим героя, когда сталкиваемся с ними в личной жизни. Находясь в Париже, я присутствовал на представлении "Смерти Гектора" Люси де Лансивал, и впоследствии я никогда не мог слышать декламируемых стихов, в которых автор описывает эффект, произведенный на троянскую армию появлением Ахилла, не думая о принце Мюрате; и можно без преувеличения сказать, что его присутствие произвело именно такой эффект в тот момент, когда он появился перед австрийскими линиями. У него была почти гигантская фигура, которой одной было бы достаточно, чтобы сделать его примечательным, и вдобавок к этому он искал все возможные средства привлечь к себе внимание, как будто хотел ослепить тех, кто, возможно, намеревался напасть на него. Его правильные и резко очерченные черты лица, красивые голубые глаза, закатившиеся в орбиты, огромные усы и черные волосы, ниспадающие длинными локонами на воротник куртки с узкими рукавами, привлекали внимание с первого взгляда. Добавьте к этому самый богатый и элегантный костюм, который можно было надеть даже в театре, — польский камзол, богато расшитый и опоясанный золоченым поясом, с которого свисали ножны легкого меча с прямым и заостренным лезвием, без острия и гарды; широкие панталоны амарантового цвета, расшитые золотом по швам, и нанковые сапоги; большую шляпу, вышитую золотом, с каймой из белых перьев, над которой развевались четыре больших страусиных плюмажа с изящной эгреткой в виде цапли посередине; и, наконец, королевскую лошадь. , всегда отбираемый из самых прочных и красивых, какие только можно было найти, был покрыт изящно вышитой небесно-голубой тканью, доходившей до земли, и удерживался на месте венгерским или турецким седлом богатейшей работы вместе с уздечкой и стремянами, не менее великолепными, чем остальное снаряжение. Все это вместе взятое делало неаполитанского короля существом обособленным, объектом ужаса и восхищения. Но что, так сказать, идеализировало его, так это его поистине рыцарская храбрость, часто доходившая до безрассудства, как будто опасности для него не существовало. По правде говоря, это чрезвычайное мужество ни в коем случае не вызывало неудовольствия императора; и хотя он, возможно, не всегда одобрял способ, которым оно проявлялось, его величество редко упускал возможность похвалить его, особенно когда считал необходимым противопоставить его растущему благоразумию, проявляемому некоторыми из его старых товарищей по оружию.

28-го император посетил поле битвы, представлявшее собой ужасающее зрелище, и отдал приказ сделать все возможное для облегчения страданий раненых, а также жителей и крестьян, которые были разорены и разграблены, а их поля и дома сожжены, а затем поднялся на высоты, с которых он мог следить за ходом отступления противника. Почти все домочадцы последовали за ним в этой экскурсии. К нему привели крестьянина из Нотлица, маленькой деревушки, где император Александр и король Пруссии располагали своими штаб-квартирами в течение двух предыдущих дней. Этот крестьянин на допросе у герцога Виченцы сказал, что видел, как в Нотлиц привезли важную персону, которая была ранена накануне вечером в штабе союзников. В момент удара он был верхом на лошади рядом с российским императором. Российский император, казалось, проявлял глубочайший интерес к его судьбе. Его доставили в штаб Нотлица на переплетенных копьях казаков, и чтобы прикрыть его, они смогли найти только плащ, насквозь промокший от дождя. По прибытии в Нотлиц хирург императора Александра прибыл, чтобы произвести ампутацию, и перевез его на раскладном кресле в Диппольдисвальде в сопровождении нескольких австрийских, прусских и русских отрядов.

Узнав эти подробности, император убедился, что речь идет о принце фон Шварценберге. "Он был храбрым человеком, - сказал он, - и я сожалею о нем". Затем, после молчаливой паузы, "Значит, это он, - продолжил его Величество, - стал жертвой рока! Меня всегда угнетало чувство, что события на балу были зловещим предзнаменованием, но теперь совершенно очевидно, что предзнаменование указывало именно на него".

В то время как император предавался этим догадкам и вспоминал свои прежние предчувствия, пленные, которых привели к его величеству, были допрошены; и он узнал из их донесений, что принц фон Шварценберг не был ранен, но чувствовал себя хорошо и руководил отступлением великой австрийской армии. Кто же тогда был той важной персоной, в которую попало французское пушечное ядро? Предположения по этому поводу возобновились, когда принц де Невшатель получил от короля Саксонии ошейник, снятый с шеи бродячей собаки, найденной в Нотлице. На ошейнике были написаны следующие слова: "Я принадлежу генералу Моро". Это, конечно, было только предположением; но вскоре поступила точная информация, подтвердившая это предположение.

Таким образом, Моро встретил свою смерть в первый раз, когда поднял оружие против своей родной страны, — он, который так часто безнаказанно подставлялся под пули врага. История сурово осудила его; тем не менее, несмотря на холодность, которая так долго разделяла их, я могу утверждать, что император не без волнения узнал о смерти Моро, несмотря на свое возмущение тем, что столь знаменитый французский генерал мог поднять оружие против Франции и носить русскую кокарду. Эта неожиданная смерть произвела очевидный эффект в обоих лагерях, хотя наши солдаты видели в ней только справедливый суд Небес и благоприятное для императора предзнаменование. Как бы то ни было, это подробности, которые я узнал вскоре после того, как их рассказал камердинер генерала Моро.

Три государя России, Австрии и Пруссии присутствовали 27-го числа в битве на высотах Нотлица, но удалились, как только увидели, что битва проиграна. В тот же день генерал Моро был ранен пушечным ядром возле укреплений перед Дрезденом и около четырех часов пополудни был перевезен в Нотлиц, в загородный дом купца по имени Салир, где императоры Австрии и России разместили свои штаб-квартиры. Обе конечности генерала были ампутированы выше колена. После ампутации, когда он попросил чего-нибудь поесть и чашку

чая, ему принесли на тарелке три яйца; но он взял только чай. Около семи часов русские солдаты положили его на носилки и отнесли в Пассендорф, где он провел ночь в загородном доме господина Тричье, великого магистра лесов. Там он выпил всего лишь еще одну чашку чая и сильно жаловался на перенесенные страдания. На следующий день, 28 августа, в четыре часа утра его все еще доставляли русские солдаты из Пассендорфа в Дипподисвальде, где он взял немного белого хлеба и стакан лимонада в доме пекаря по имени Ватц. Через час после этого его перенесли ближе к границам Богемии русские солдаты в кузове кареты, снятой с колес. В течение всего пути он непрестанно издавал крики, которые исторгала из него крайность его страданий.

Вот подробности, которые я узнал о Моро; и, как хорошо известно, он недолго пережил свое ранение. Та же пуля, которая сломала ему обе ноги, оторвала руку принцу Ипсиланти, в то время адъютанту императора Александра; так что, если причиненное зло может быть исправлено полученным злом, можно сказать, что пушечный выстрел, оторвавший от нас генерала Кирженера и маршала Дюрока, был в этот день направлен против врага. Но, увы! это печальный вид утешения, который извлекается из репрессий.

Из вышесказанного, и особенно из кажущихся решающими выгод, вытекающих из битвы при Дрездене, видно, что с момента возобновления военных действий во всех местах, где наши войска поддерживались всемогущим присутствием императора, они добились успехов; но, к сожалению, этого не было в пунктах, удаленных от главного направления операций. Тем не менее, видя, что союзники разбиты армией, которой он командовал лично, и, более того, уверенный, что генерал Вандамм удержал позицию, указанную ему через генерала Хаксо, его величество вернулся к своей первоначальной идее выступить маршем на Берлин и уже даже расположил свои войска с этим намерением, когда пришло роковое известие, что Вандамм, жертва собственной опрометчивости, исчез с поля боя, а его десять тысяч человек, окруженных со всех сторон и подавленных численностью, были изрублены на куски. Считалось, что Вандамм мертв, и только позже мы узнали, что он был взят в плен вместе с частью своего отряда. Стало известно также, что Вандамм, подстрекаемый своей природной бесстрашностью и неспособный устоять перед желанием напасть на врага, которого он видел в пределах своей досягаемости, оставил свои укрепления, чтобы перейти в атаку. Сначала он побеждал, но когда после своей победы он попытался вернуть себе прежнюю позицию, то обнаружил, что она занята, поскольку пруссаки захватили ее; и хотя он сражался со всей безудержностью отчаяния, все было напрасно, и генерал Клейст, гордый этим прекрасным трофеем, с триумфом проводил его до Праги. Именно говоря об этой дерзкой атаке Вандама, император употребил выражение, которым так справедливо восхищались: "Для отступающего врага необходимо построить мост из золота или противопоставить стену из меди". Император со своей обычной невозмутимостью выслушал подробности только что понесенной им потери, но, тем не менее, неоднократно выражал свое удивление прискорбным безрассудством Вандама и говорил, что не может понять, как этот опытный генерал мог позволить увести себя с занимаемой должности. Но дело было сделано, и в таких случаях император никогда не терял времени на бесполезные взаимные обвинения. "Ну же, — сказал он, обращаясь к герцогу Бассано, — вы только что слышали — это означает войну с раннего утра до позднего вечера".

Отдав различные приказы армии и своим начальникам, император вечером 3 сентября покинул Дрезден с намерением вернуть то, что он потерял из-за дерзкой неосторожности генерала Вандама. Но это поражение, первое, которое мы потерпели с момента возобновления военных

действий, стало предвестником долгой череды неудач, которые нас ожидали. Можно было бы сказать, что победа, предприняв последнее усилие в нашу пользу под Дрезденом, в конце концов стала утомительной; ибо оставшаяся часть кампании была всего лишь чередой бедствий, усугубленных всевозможным предательством и закончившихся ужасной катастрофой под Лейпцигом. Перед отъездом из Дрездена мы узнали о дезертирстве к врагу вестфальского полка с оружием и обозом.

Император оставил маршала Сен-Сира в Дрездене с тридцатью тысячами человек, приказав удерживать его до последнего, поскольку император хотел сохранить эту столицу любой ценой. Сентябрь прошел в маршах и контрмаршах вокруг этого города, без каких-либо событий решающей важности. Увы! Император больше никогда не видел дрезденский гарнизон. Обстоятельства, ставшие еще более затруднительными, властно требовали, чтобы его Величество немедленно воспротивился какому-либо препятствию продвижению союзников. Король Саксонии, являя собой редкий среди королей пример верности, решил сопровождать императора и сел в его карету вместе с королевой и принцессой Августой, имея в качестве эскорта штаб-квартиру. Через два дня после его отъезда саксонские войска присоединились к французской армии в Эйленбурге, на берегах Мульды. Император призвал этих союзников, которых он считал верными, сохранить независимость своей страны, указал им, как Пруссия угрожает Саксонии и пытается овладеть ее прекраснейшими провинциями, и напомнил им о провозглашении их государя своим достойным и верным союзником; наконец, он обратился к ним от имени воинской чести, в заключение призвав их всегда руководствоваться ею и показать себя достойными соперниками солдат великой армии, с которыми они сделали общее дело и бок о бок с которыми им теперь предстояло сражаться. Слова императора были переведены и повторены саксонцам герцогом Виченцским, и эти слова из уст человека, которого они считали другом своего государя и спасителем своей столицы, по-видимому, произвели глубокое впечатление. Затем марш был начат уверенно, без предчувствия приближающегося бегства тех самых людей, которые так часто приветствовали императора восторженными криками, клянясь скорее сражаться насмерть, чем бросить его.

План его величества состоял в том, чтобы обрушиться на Блюхера и шведского королевского принца, от которых французскую армию отделяла только река. Поэтому мы покинули Эйленбург, где император расстался с королем Саксонии и его семьей, герцогом Бассано, большим артиллерийским парком и всеми транспортными средствами, и направились к Дубену. Блюхер и Бернадотт ушли в отставку, оставив Берлин незащищенным. Затем планы императора стали известны; и стало ясно, что он идет на Берлин, а не на Лейпциг, и что Дибен был всего лишь местом встречи различных корпусов, которые, объединившись, должны были двинуться на столицу Пруссии, которую император уже дважды захватывал.

К сожалению, прошли те времена, когда простое указание на планы императора считалось сигналом победы. Военачальники, которые до сих пор были совершенно покорны, начали размышлять и даже позволили себе не одобрять планы, которые они боялись осуществить. Когда армии стало известно о намерении императора выступить маршем на Берлин, это стало сигналом к почти единодушному недовольству. Генералы, избежавшие бедствий под Москвой и опасностей двойной кампании в Германии, были утомлены и, возможно, стремились воспользоваться преимуществами своей удачи и, наконец, насладиться покоем в кругу своих семей. Некоторые зашли так далеко, что обвинили императора в стремлении продлить войну. "Разве недостаточно убитых?" они сказали: "Неужели мы все должны разделить одну и ту же

участь?" И эти жалобы не хранились в секрете, а высказывались публично, и часто даже достаточно громко, чтобы достичь ушей императора; но в этом случае его Величество, казалось, не слышал.

Среди этого недовольства большого числа военачальников стало известно о дезертирстве Баварии, что придало дополнительную силу тревоге и недовольству, вызванным решением императора; и тогда произошло то, чего никогда раньше не происходило: его штаб объединил свои просьбы, чтобы он отказался от своих планов в отношении Берлина и выступил на Лейпциг. Я видел, как сильно император страдал от необходимости выслушивать подобные увещевания, несмотря на уважительные формулировки, в которых они были изложены. Целых два дня его величество пребывал в нерешительности; и какими долгими были эти сорок восемь часов! Никогда заброшенная хижина или бивуак не представляли более печального зрелища, чем печальный замок Дюбен. В этой унылой резиденции я впервые увидел императора совершенно безработным; нерешительность, жертвой которой он стал, поглотила его настолько, что его характер, казалось, совершенно изменился. Кто мог в это поверить? К деятельности, которая двигала его вперед и, так сказать, непрестанно поглощала его, на смену пришло кажущееся безразличие, которое совершенно неопределимо. Я видел, как он почти целый день пролежал на диване, стол перед ним был завален картами и бумагами, на которые он даже не взглянул, и часами был занят только тем, что медленно выводил крупные буквы на листах белой бумаги. Это было в то время, когда он колебался между собственной волей и мольбами своих генералов. По истечении двух дней мучительного ожидания он уступил; и с этого времени все было потеряно. Насколько лучше было бы, если бы он не прислушивался к их жалобам, а снова позволил бы себе руководствоваться теми предчувствиями, которые владели им! Он часто с грустью повторял, вспоминая уступки, на которые пошел в то время: "Я мог бы избежать многих бедствий, продолжая следовать своим собственным импульсам; я потерпел неудачу, только уступив импульсам других".

Был отдан приказ к отходу; и, как будто армия испытывала такую же гордость от победы над волей своего Императора, какую они испытывали бы, разбив врага, повинуюсь диктату его гения, они предались вспышкам радости, которые были почти за гранью разумного. Все лица сияли. "Теперь мы, - повторяли они со всех сторон, - теперь мы снова увидим Францию, обнимем наших детей, наших родителей и наших друзей!" Только император и маршал Ожеро не разделяли всеобщего веселья. Герцог Кастильоне только что прибыл в штаб-квартиру, в какой-то мере отомстив армии Богемии за поражение Вандама. Он, как и император, имел мрачные предчувствия относительно последствий этого ретроградного движения и знал, что дезертирство по пути увеличит численность врага и будет тем более опасным, что эти дезертиры совсем недавно были нашими союзниками и знали наши позиции. Его величество уступил с полным убеждением в том зле, которое к этому приведет; и я слышал, как в конце разговора с маршалом, длившегося более часа, он произнес следующие слова: "Они хотели бы, чтобы это было так".

Император в своем походе на Дюбен находился во главе войска, которое можно было оценить в сто двадцать пять тысяч человек. Он двинулся в этом направлении в надежде снова найти Блюхера на Мульде; но прусский генерал переправился через реку, что во многом способствовало подтверждению слухов, которые циркулировали в течение некоторого времени. Говорили, что на совете союзных государей, состоявшемся недавно в Праге, на котором присутствовали Моро и королевский принц Швеции, было решено, что, насколько это

возможно, им следует избегать участия в сражении всякий раз, когда император лично командует своей армией, и что операции должны быть направлены только против небольших отрядов, которыми командуют его лейтенанты. Конечно, невозможно воздать более поразительное должное превосходству гения императора; но в то же время это остановило его славную карьеру и парализовало его обычно всемогущую деятельность.

Как бы то ни было, злой гений Франции одержал верх над добрым гением императора, и мы отправились по дороге в Лейпциг и достигли его ранним утром 15 октября. В этот самый момент король Неаполитанский был в разгаре сражения с принцем фон Шварценбергом, и его величество, услышав звуки пушек, пересек город и посетил равнину, где происходило сражение. По возвращении он принял королевскую семью Саксонии, которая приехала, чтобы присоединиться к нему. Во время своего короткого пребывания в Лейпциге император совершил акт милосердия, который, несомненно, следует считать самым достойным, если принять во внимание серьезность обстоятельств, в которые мы были поставлены. Торговец из этого города по имени Молдрехт был обвинен и осужден за распространение среди жителей и даже в армии нескольких тысяч экземпляров прокламации, в которой королевский принц Швеции призывал саксов отступить от дела императора. Когда г-н Молдрехт предстал перед военным трибуналом, он не смог оправдать себя; и действительно, это было невозможно, поскольку в его доме было найдено несколько упаковок с роковым воззванием. Он был приговорен к смерти, и его семья в глубоком горе бросилась к ногам короля Саксонии; но, поскольку факты были настолько очевидны и такого характера, что никакое оправдание было невозможно, верный король не осмелился даровать снисхождение за преступление, совершенное даже в большей степени против его союзника, чем против него самого. У этой несчастной семьи оставалось только одно средство - обратиться к императору; но поскольку до него было трудно дозвониться, месье Леборнь Д'Идевиль, секретарь-переводчик, был достаточно любезен, чтобы положить записку на стол императору, который, прочитав ее, распорядился об отсрочке, что было равносильно полному помилованию. События шли своим чередом, и жизнь М. Молдрехта была спасена.

Лейпциг в тот период был центром круга, в котором сражения происходили в многочисленных точках и почти непрерывно. Сражения продолжались в течение 16-го, 17-го и 18-го числа; и его Величество, в качестве жалкой отплаты за свое милосердие к господину Молдрехту, пожинал горькие плоды прокламации, которая была распространена во всех направлениях усилиями этого торговца. В тот день саксонская армия покинула нас и явилась с повинной к Бернадоту. Таким образом, у императора оставалось всего сто десять тысяч человек, а у противника - триста тридцать тысяч; так что если при возобновлении военных действий мы были только один к двум, то теперь нас было только один к трем. 18-е число было, как хорошо известно, роковым днем. Вечером император, сидя на складном табурете из красного сафьяна посреди бивуачных костров, диктовал принцу Невшательскому свои распоряжения на ночь, когда к его величеству были представлены два командующих артиллерией, которые доложили ему об истощенном состоянии ящиков с боеприпасами. За пять дней мы выпустили более двухсот тысяч пушечных ядер, и, вследствие этого, боеприпасов было израсходовано, их едва хватало, чтобы поддерживать огонь еще в течение двух часов; а поскольку ближайшие запасы находились в Маджебурге и Эрфурте, откуда невозможно было вовремя получить помощь, отступление стало абсолютно необходимым.

Поэтому был отдан приказ об отступлении, которое началось на следующий день, 19-го, по окончании сражения, в котором триста тысяч человек сошлись в смертельной схватке на ограниченном пространстве не более семи-восьми миль в окружности. Перед отъездом из Лейпцига император поручил. Князю Понятовскому, который только что получил жезл маршала Франции, защиту одного из предместий. "Вы будете защищать южное предместье", - сказал ему его Величество. "Сир, - ответил принц, — у меня очень мало людей". - "Вы будете защищать его теми, кто у вас есть". - Ах, сир, мы останемся; мы все готовы умереть за ваше величество. Император, тронутый этимисловами, протянул принцу руки, и тот со слезами на глазах бросился в них. Это была действительно сцена прощания, ибо эта встреча принца с императором была их последней; и вскоре племянник последнего короля Польши нашел, как мы вскоре увидим, столь же славную, сколь и печальную смерть в волнах Эльстера.

[Принц Джозеф Энтони Понятовский, родился в Варшаве в 1762 году. Племянник Станислава Августа, последнего короля Польши. Он командовал польской армией против России в 1792 году и служил под командованием Костюшко в 1794 году. Он возглавлял армию поляков при Наполеоне в 1807 и 1809 годах и командовал корпусом в русской кампании. Если бы Наполеон преуспел в этой кампании, Понятовский стал бы королем Польши. Раненый и произведенный в маршалы при Лиепциге, он утонул при отступлении.]

В девять часов утра император простился с королевской семьей Саксонии. Интервью было коротким, но волнующим и очень нежным со стороны каждого из них.

Король выразил самое глубокое возмущение поведением своих войск. "Я никогда не мог себе этого представить, - сказал он. - Я был лучшего мнения о моих саксах; они всего лишь трусы", и его горе было таким сильным, что император, несмотря на огромное неудобство, которое ему причинило дезертирство саксов во время битвы, попытался утешить этого превосходного принца.

Когда его величество убеждал его покинуть Лейпциг, чтобы он не подвергался опасностям, связанным с капитуляцией, которая теперь стала абсолютно необходимой, этот достопочтенный принц ответил: "Нет; вы уже сделали достаточно, и это слишком великодушно - рисковать своей личностью, оставаясь еще на несколько минут, чтобы утешить нас". Пока король Саксонии выражался таким образом, слышались звуки тяжелой ружейной пальбы, и королева и принцесса Августа присоединились к своим мольбам к мольбам монарха, в своем чрезмерном испуге уже видя, как пруссаки схватили и убили императора. Вошли несколько офицеров и объявили, что королевский принц Швеции уже ворвался в одно из предместий; что генерал Бенингсен, генерал Блюхер и принц фон Шварценберг входят в город со всех сторон; и что наши войска были вынуждены защищаться от дома к дому, а сам император подвергался неминуемой опасности. Поскольку нельзя было терять ни минуты, он согласился. последним он удалился, и король Саксонии проводил его до подножия дворцовой лестницы, где они обнялись в последний раз.

ГЛАВА XVI.

Найти выход из Лейпцига было чрезвычайно трудно, так как этот город был со всех сторон окружен врагом. Императору было предложено сжечь предместья, которых достигли головные части союзных армий, чтобы обеспечить себе более надежное отступление; но он с негодованием отверг это предложение, не желая оставлять в качестве последнего прощания с королем Саксонии свои города, преданные огню. Освободив его от клятвы верности и посоветовав ему теперь думать только о своих собственных интересах, император оставил его и направил свой путь к воротам Рамштадта; но он нашел их настолько загроможденными, что расчистить проход было невозможно, и он был вынужден вернуться по своим следам, снова пересечь город и покинуть его через северные ворота, вернувшись таким образом к единственной точке, откуда он мог, как он намеревался, двинуться на Эрфурт, то есть с бульваров на западе. Враг еще не был полностью хозяином города, и по общему мнению, его можно было бы оборонять гораздо дольше, если бы император не боялся подвергнуть его ужасам осады. Герцог Рагузский продолжал оказывать упорное сопротивление в предместье Галле неоднократным атакам генерала Блюхера; в то время как маршал Ней спокойно наблюдал, как объединенные силы генерала Воронцова, прусского корпуса под командованием генерала Биллоу и шведской армии разбиваются вдребезги о его неприступную оборону.

Тем не менее такая доблесть была в конце концов вынуждена уступить численности и, прежде всего, предательству; ибо в разгар сражения у ворот Лейпцига баденский батальон, который до тех пор доблестно сражался во французских рядах, внезапно оставил ворота Святого Петра, которые ему было поручено защищать, и при въезде в город сдался врагу. Вслед за этим, согласно тому, что я слышал от нескольких офицеров, участвовавших в этой ужасной суматохе, улицы Лейпцига представляли собой самое ужасное зрелище; и наши солдаты, теперь вынужденные отступать, могли сделать это, только оспаривая каждый шаг на местности. Непоправимое несчастье вскоре наполнило душу императора отчаянием.

Теперь я расскажу о событиях, ознаменовавших этот прискорбный день, так, как их помнит моя память. Я не знаю, какой причине приписать это, но ни одно из многих волнующих событий, свидетелем которых я был, не предстает передо мной так отчетливо, как сцена, разыгравшаяся под стенами Лейпцига. Преодолев невероятные препятствия, нам наконец удалось пересечь Эльстер по мосту у мельницы Линденау. Я все еще вижу императора, когда он расставлял офицеров вдоль дороги, чтобы указать отставшим, где они могут присоединиться к своим соответствующим командованиям. В этот день, после огромных потерь, понесенных из-за численного перевеса, он проявил такую же заботу обо всем, как после решающего триумфа. Но его так одолевала усталость, что несколько минут сна стали абсолютно необходимы, и он крепко уснул под грохот пушек, которые гремели вокруг него со всех сторон. Внезапно прогремел ужасный взрыв, и через несколько мгновений после этого король Неаполя вошел в казарму его Величества в сопровождении маршала Ожеро. Они принесли печальную весть - только что был взорван большой мост через Эльстер. Это был последний пункт связи с арьергардом, который состоял из двадцати тысяч человек, оставшихся теперь на другом берегу реки под командованием маршала Макдональда. "Значит, вот как исполняются мои приказы!" -

воскликнул император, обхватив голову руками. С минуту он оставался погруженным в свои мысли.

Дело в том, что его величество отдал приказ подорвать все мосты через Эльстер и взорвать их, но только после того, как французская армия благополучно форсировала реку. С тех пор я слышал, как это событие обсуждалось со многих точек зрения, и прочитал много противоречивых рассказов. Не в моей компетенции проливать свет на исторический момент, который является столь спорным, и поэтому я ограничился изложением только того, что было мне известно. Тем не менее, мне будет позволено поделиться с моими читателями одним простым наблюдением, которое приходит мне на ум всякий раз, когда я читаю или слышу, что император лично приказал взорвать мост, чтобы укрыться от преследования противника. Прошу прощения за такое выражение, но это предположение показалось мне абсурдом настолько невероятным, что в него невозможно поверить; ибо совершенно очевидно, что если бы при этих катастрофических обстоятельствах он мог думать только о своей личной безопасности, он не стал бы незадолго до этого добровольно продлевать свое пребывание во дворце короля Саксонии, где он подвергался гораздо более непосредственной опасности, чем та, с которой он мог столкнуться после отъезда из Лейпцига. Более того, император был далек от того, чтобы испытывать ужас, который охватил его, когда он узнал, что двадцать тысяч его храбрых солдат были разлучены с ним, возможно, навсегда.

Сколько несчастий стало неизбежным результатом разрушения последнего моста на дороге из Лейпцига в Линденау! И сколько героических подвигов, большая часть которых навсегда останется неизвестной, отмечено этой катастрофой! Маршал Макдональд, увидев себя отделенным от армии, бросился верхом на лошади в Эльстер, и ему посчастливилось добраться до другого берега; но генерал Дюмортье, пытавшийся последовать за своим бесстрашным командиром, исчез и погиб в волнах с большим количеством офицеров и солдат; ибо все поклялись не сдаваться врагу, и лишь небольшое число людей подчинилось жестокой необходимости попасть в плен. Смерть князя Понятовского вызвала глубокую скорбь в сердце императора; и можно сказать, что каждый в ставке был глубоко опечален потерей нашего польского героя, и всем не терпелось узнать подробности столь тяжкого и непоправимого несчастья. Как было хорошо известно, его величество отдал ему приказ прикрывать отступление армии, и все чувствовали, что император не мог бы оказать это доверие более достойно. Рассказывают, что, увидев себя прижатым врагом к берегу реки, без возможности переправиться, он, как слышали, сказал окружавшим его: "Джентльмены, здесь мы должны умереть с честью!" Добавляется, что, претворяя в жизнь это героическое решение, он переплыл воды Плейсса, несмотря на раны, полученные им в упорном бою, который продолжался с утра. Тогда, не найдя больше никакого убежища от неминуемого плена, кроме как в водах Эльстера, храбрый принц бросился в него, не обращая внимания на непроходимую крутизну противоположного берега, и через несколько мгновений он вместе со своим конем был поглощен волнами. Его тело нашли только через пять дней, а затем рыбак вытащил его из воды. Таков был конец, одновременно прискорбный и славный, одного из самых блестящих и рыцарственных офицеров, показавшего себя достойным войти в число выдающихся французских генералов. Между тем нехватка боеприпасов вынудила императора быстро отступить, хотя и в удивительно хорошем порядке, в Эрфурт, город, хорошо снабженный как провиантом, так и фуражом, а также материалами для вооружения и оснащения армии - фактически всеми военными припасами. Его Величество прибыл 23-го числа, каждый день вступая в бои, чтобы защитить свое отступление от сил, в четыре-пять раз превосходящих те,

что оставались в его распоряжении. В Эрфурте император пробыл всего два дня и уехал 25-го, попрощавшись со своим шурином, королем Неаполитанским, которого ему больше никогда не суждено было увидеть. Я был свидетелем части этой последней беседы и заметил некоторую скованность в поведении неаполитанского короля, которой, однако, его величество, казалось, не замечал. Это правда, что король не объявил о своем немедленном отъезде, и его величество не знал, что этот принц тайно принимал австрийского генерала.

[Это был граф Миер, которому было поручено гарантировать Мюрату владение его королевством, если он откажется от дела императора. Он бросил его. Что он получил? — ПРИМ. РЕДАКТОРА.]

Его величество был проинформирован об этом лишь впоследствии и не выказал особого удивления. Более того (я обращаю на это внимание, потому что у меня так часто была возможность отмечать это), за прошедшее время императору было нанесено так много жестоких ударов, повторявшихся в такой быстрой последовательности, что он, казалось, стал почти бесчувственным, и вполне можно было бы сказать, что он чувствовал себя полностью погруженным в свои представления о фатальности. Тем не менее, его величество, хотя и не был тронут собственными несчастьями, дал полный выход своему негодованию, узнав, что союзные монархи считали короля Саксонии своим пленником и объявили его предателем просто потому, что он был единственным, кто его не предавал. Конечно, если бы фортуна снова стала благосклонна к нему, как в прошлом, король Саксонии оказался бы хозяином одного из самых обширных королевств Европы; но фортуна с тех пор всегда была неблагоприятной, и даже наши победы приносили нам лишь бесплодную славу.

Так, например, французская армия вскоре покрыла себя славой при Ханау, через который ей пришлось пройти, разгромив огромную армию австрийцев и баварцев, собранную в этом пункте под командованием генерала Вреде. Результатом этого триумфа стали шесть тысяч пленных, которые в то же время открыли нам дорогу в Майнц, куда мы рассчитывали добраться без других препятствий. 2 ноября, после четырнадцатидневного перехода от Лейпцига, мы снова увидели берега Рейна и почувствовали, что можем дышать в безопасности.

Посвятив пять дней реорганизации армии, отдавая свои приказы и назначая каждому маршалу и начальникам нескольких корпусов должности, которые он должен был занимать во время своего отсутствия, император покинул Майнц 7-го, а 9-го переночевал в Сен-Клу, куда он вернулся с несколькими трофеями, поскольку и в Эрфурте, и во Франкфурте мы взяли у баварцев двадцать знамен. Эти знамена, преподнесенные военному министру г-ном Лекуто, адъютантом принца де Невшателя, за два дня до прибытия его Величества в Париж, и уже были преподнесены императрице, которой император выразил почтение в следующих выражениях:

"МАДАМ И МОЯ ОЧЕНЬ ДОРОГАЯ ЖЕНА, посылаю вам двадцать знамен, захваченных моей армией в битвах при Вахау, Лейпциге и Ханау. Это дань уважения, которую мне доставляет удовольствие оказывать вам. Я желаю, чтобы вы приняли это как знак моего полного удовлетворения тем, как вы осуществляете регентство, которое я вам доверил".

При консульстве и в течение первых шести лет существования империи всякий раз, когда император возвращался в Париж после кампании, это происходило потому, что эта кампания была закончена, и известие о мире, заключенном в результате победы, всегда опережало его. Во второй раз он вернулся из Майнца при других обстоятельствах. В этом случае, как и при

возвращении из Сморгони, он оставил войну все еще продолжающейся и вернулся не для того, чтобы преподнести Франции плоды своих побед, а для того, чтобы потребовать новых субсидий людьми и деньгами, чтобы возместить поражение и потери, понесенные нашей армией. Несмотря на это различие в результатах наших войн, прием, оказанный его Величеству нацией, был все тем же, по крайней мере, внешне; и обращения из разных городов внутренних районов были не менее многочисленными и не менее наполненными выражениями преданности; и особенно те, кто был жертвой страхов за будущее, проявили себя даже более преданными, чем все остальные, опасаясь, как бы их роковые предчувствия не были раскрыты. Что касается меня, то мне никогда не приходило в голову, что император может в конце концов уступить в той борьбе, которую он вел; ибо мои идеи никогда не доходили до этого момента, и только размышляя об этом с тех пор, я смог осознать опасности, которые угрожали ему в тот период, которого мы достигли. Он был похож на человека, который провел ночь на краю пропасти, совершенно не подозревая об опасности, которой он подвергался, пока это не обнаружилось при свете дня. Тем не менее, я могу сказать, что все устали от войны и что все мои друзья, которых я видел по возвращении из Майнца, говорили мне о необходимости мира.

В самом дворце я слышал, как многие приближенные императора говорили то же самое, когда его не было, хотя в присутствии его Величества они говорили совсем по-другому. Когда он соизволил расспросить меня, что он часто делал, о том, что я слышал от людей, я сообщил ему чистую правду; и когда в этих конфиденциальных туалетных беседах императора я произносил слово "мир", он снова и снова восклицал: "Мир! Мир! Ах! кто может желать его больше, чем я? Однако есть и такие, кто этого не желает, и чем больше я уступаю, тем больше они требуют".

Экстраординарное событие, произошедшее в самый день прибытия его Величества в Сен-Клу, когда об этом стало известно, привело к убеждению, что союзникам пришла в голову идея начать новые переговоры. На самом деле стало известно, что г-н де Сент-Эньян, министр его Величества при саксонском герцогском дворе, был схвачен основными силами и препровожден во Франкфурт, где затем собрались г-н де Меттерних, принц фон Шварценберг и министры России и Пруссии. Там со стороны союзных государей были сделаны ему предложения исключительно в интересах мира, после чего г-ну де Сент-Эньяну было разрешено немедленно вернуться к императору, чтобы сообщить ему подробности своего ареста и предложения, которые были ему сделаны. Эти предложения союзников, о которых я не был проинформирован и, следовательно, ничего не могу сказать, по-видимому, показались императору заслуживающими рассмотрения; и вскоре во дворце распространился слух, что в Мангейме будет созван новый конгресс; что герцог Виченца был назначен его Величеством полномочным министром; и что для придания большего достоинства его миссии ему в то же время был передан портфель иностранных дел. Я помню, что это известие возродило надежды всех и было встречено самым благосклонным образом; ибо, хотя это, несомненно, было следствием предубеждения, никто не мог не знать, что широкая публика не с удовольствием видела герцога Бассано на том месте, на которое герцог Виченца был призван стать его преемником. Говорили, что герцог Бассано действовал в соответствии с тем, что, по его мнению, было тайным желанием императора, и питал отвращение к миру. Позже из ответа, который его Величество дал мне в Фонтенбло, станет ясно, насколько беспочвенными были эти слухи. Тогда казалось чрезвычайно вероятным, что противник действительно намеревался вести переговоры о мире; поскольку, открыто, силой заполучив французского переговорщика, они предотвратили любой кредит, который мог бы достаться императору в результате попыток к миру.

Что прежде всего придавало большое значение общей вере в склонность Европы к миру, так это то, что речь шла не просто о континентальном мире, как в Тильзите и Шенбрунне, но и об общем мире, в который Англия должна была вступить в качестве договаривающейся стороны; так что, как следствие, была надежда, что повышение прочности такого мира компенсирует суровость его условий. Но, к несчастью, эта надежда, подкрепленная радостью предвкушения, длилась недолго; и вскоре выяснилось, что предложения, сделанные господину де Сент-Эньяну, были всего лишь приманкой и старой дипломатической уловкой, к которой иностранцы прибегли просто для того, чтобы выиграть время, обманув императора тщетными надеждами. В самом деле, не прошло и месяца, не было даже времени завершить обычную в таких случаях предварительную переписку, когда император узнал о знаменитой Франкфуртской декларации, в которой, отнюдь не вступая в переговоры с его Величеством, предпринималась попытка отделить его дело от дела Франции. Какая масса интриг! Пусть кто-нибудь с благодарным сердцем благословит свою посредственность, когда он сравнивает себя с людьми, обреченными жить в этом лабиринте высокого обмана и благородного лицемерия! Была достигнута печальная уверенность в том, что иностранцы хотели войны на уничтожение, и новый ужас воцарился там, где начала царить надежда; но гений его Величества еще не покинул его, и с этого времени все его усилия были направлены на необходимость еще раз встретиться с врагом лицом к лицу, уже не для того, чтобы завоевать его провинции, а для предотвращения вторжения на священную землю его собственной страны.

ГЛАВА XVII.

Говоря о 1813 году, не следует упускать из виду невероятное количество связей, имевших место в то время между тайными обществами, недавно созданными в Италии и Германии. Император с тех пор, когда он был всего лишь первым консулом, не только не выступал против открытия масонских лож, но у нас есть все основания полагать, что втайне одобрял их. Он был совершенно уверен, что на этих собраниях не возникло ничего такого, что могло бы быть опасным для его личности или нанести вред его правительству; поскольку масонство числилось среди своих приверженцев и даже имело в качестве руководителей самых выдающихся деятелей государства. Более того, в этих обществах, куда проникло несколько лжебратьев, было бы невозможно ускользнуть от бдительности полиции из-за опасной тайны, если бы таковая существовала. Император иногда говорил об этом как о чистой детской забаве, подходящей для развлечения бездельников; и я могу подтвердить, что он от души рассмеялся, когда ему сказали, что аркканцлер в своем положении главы Великого Востока председательствовал на масонском банкете с не меньшим достоинством, чем подобало бы председателю сената или государственного совета. Тем не менее, безразличие императора не распространялось на общества, известные в Италии под названием карбонариев, а в Германии - под различными названиями. Фактически, мы должны признать, что, поскольку начинания двух молодых немцев были посвящены иллюминизму, было естественно, что его Величество не мог без беспокойства

наблюдать за распространением тех уз добродетели, в результате которых молодые фанатики превращались в убийц.

Я не знаю ничего примечательного в отношении карбонариев, поскольку никакие обстоятельства не связывали наши дела с делами Италии. Что касается тайных обществ Германии, я помню, что во время нашего пребывания в Дрездене я слышал, как о них с большим интересом и не без опасений забудущее упоминал саксонский магистрат, с которым я имел честь часто общаться. Это был мужчина лет шестидесяти, хорошо говоривший по-французски и в высшей степени сочетавший немецкую флегматичность с серьезностью, естественной для возраста. В юности он жил во Франции, и часть своего образования получил в колледже Сореза; и я объяснял дружбу, которую он проявлял ко мне, удовольствием, которое он испытывал, беседуя о стране, память о которой казалась ему очень дорогой. Я прекрасно помню сегодня, с каким глубоким почтением этот превосходный человек говорил мне об одном из своих бывших профессоров Сорезе, которого он называл доном Ферлусом; и у меня, должно быть, действительно была плохая память, если я забыл имя, которое, как я слышал, так часто повторяли.

Моего саксонского друга звали М. Генц, но он не был родственником дипломата с тем же именем, работавшего при австрийской канцелярии. Он был реформатского вероисповедания, очень добросовестно исполнял свои религиозные обязанности; и я могу утверждать, что никогда не знал человека с более простыми вкусами или который был бы более внимателен к своим обязанностям человека и судьи. Я не хотел бы рисковать и говорить, каковы были его самые сокровенные мысли относительно императора; поскольку он редко говорил о нем, и если бы у него было что сказать неприятного, то легко понять, что он не выбрал бы меня своим доверенным лицом. Однажды, когда мы вместе осматривали укрепления, которые его Величество возвел во многих местах на левом берегу Эльбы, разговор по какой-то причине зашел о тайных обществах Германии, предмете, с которым я был совершенно не знаком. Когда я расспрашивал его с целью получения информации, г-н Генц сказал мне: "Не следует верить, что тайные общества, которые множатся в Германии таким экстраординарным образом, были защищены суверенами; ибо прусское правительство видит, как они разрастаются в страхе, хотя теперь оно стремится использовать их для того, чтобы придать общенациональный вид войне, которую оно ведет против вас. Общества, к которым сегодня относятся терпимо, были даже в Пруссии объектом жестоких преследований. Например, прошло совсем немного времени с тех пор, как прусское правительство применило суровые меры для подавления общества под названием "Тугендферайн", приняв, тем не менее, меры предосторожности, чтобы замаскировать его под другим названием. Доктор Ян поставил себя во главе Черных кавалеров, которые были предшественниками отряда партизан, известного под названием "Черные егеря", которым командовал полковник Лютцов. В Пруссии все еще живая память о покойной королеве оказала большое влияние на новое направление, приданное ее институтам, в которых она заняла место оккультного божества. При жизни она подарила барону Ностицу серебряную цепочку, которая в качестве ее подарка стала украшением, или, вернее, объединяющим сигналом, нового общества, которому было дано название Conederation of Louise. И, наконец, м. Ланг объявил себя главой ордена конкордистов, который он учредил в подражание ассоциациям с таким названием, которые в течение некоторого времени существовали в университетах.

"Мои обязанности мирового судьи, - добавил г-н Генц, - часто позволяли мне получать точную информацию об этих новых учреждениях; и вы можете считать информацию, которую я предоставляю вам по этому вопросу, совершенно достоверной. Три вождя, которых я только что упомянул, по-видимому, руководят тремя отдельными обществами; но совершенно очевидно, что эти трое на самом деле являются только одним, поскольку эти джентльмены обязуются во всем следовать капризам Тугендверейна и рассеяны по всей Германии, чтобы своим личным присутствием оказывать более непосредственное влияние. Г-н Ян в большей степени контролирует Пруссию; г-н Ланг с севера и барон де Ностиц с юга, из Германии. Последний, возможно, зная о влиянии женщины на молодых новообращенных, связал себя с красивой актрисой по имени мадам Бреде; и она уже стала средством сделать очень важное приобретение для Конфедерации Луизы, которое может стать еще более важным в будущем, если французы столкнутся с неудачами. Бывший курфюрст Гессенский, допущенный под влиянием мадам Бреде, почти сразу после приема принял пост верховного вождя Конфедерации Луизы и в самый день своего вступления в должность передал в руки г-на де Ностица сумму, необходимую для создания и оснащения свободного корпуса из семисот человек, предназначенного для поступления на службу Пруссии. Это правда, что, однажды завладев этой суммой, барон ничего не предпринял для формирования корпуса, что сильно разгневало бывшего курфюрста; но благодаря искусству и дипломатии мадам Бреде удалось их примирить. Фактически было доказано, что М. де Ностиц не присваивал депонированные ему средства, а использовал их для других целей, кроме вооружения вольного корпуса. М. де Ностиц, без сомнения, самый ревностный, пылкий и способный из трех руководителей. Я не знаком с ним лично, но я знаю, что он один из тех людей, которые лучше всего рассчитаны на получение неограниченного влияния на всех, с кем он соприкасается. Ему удалось установить такую власть над г-ном Штейном, прусским министром, что последний предоставил двух своих секретарей в распоряжение барона де Ностица для подготовки под его руководством брошюр, которыми наводнена Германия; но я не могу слишком часто повторять, - продолжал г-н Генц, - что ненависть к французам, которую исповедуют эти различные общества, является просто случайностью, странным стечением обстоятельств; поскольку их главной целью было свержение правительства в том виде, в каком оно существовало в Германии, а их фундаментальным принципом - установление системы абсолютного равенства. Это настолько верно, что среди членов Тугендверейна серьезно обсуждался вопрос о провозглашении суверенитета народа по всей Германии; и они открыто заявили, что война не должна вестись от имени правительств, которые, согласно их убеждению, являются всего лишь инструментами. Я не знаю, каков будет конечный результат всех этих махинаций; но совершенно очевидно, что, придавая себе мнимое значение, эти тайные общества придали себе вполне реальное. По их версии, это они одни решились на открытое выступление короля Пруссии против Франции, и они громко хвастаются, что на этом не остановятся. В конце концов, результат, вероятно, будет таким же, как почти во всех подобных случаях, — если они будут признаны полезными, им будут обещаны замечательные вещи, чтобы заручиться их преданностью, и от них откажутся, когда они больше не будут служить намеченным целям; ибо совершенно невозможно, чтобы разумные правительства упустили из виду реальную цель, для которой они созданы".

Я думаю, что это точное изложение не всего, что г-н Генц сказал мне о тайных обществах Германии, но того, что я помню; и я также помню, что, когда я передал императору отчет об этой беседе, его Величество соизволил уделить императору самое пристальное внимание и даже заставил меня повторить некоторые части, которые, однако, я сейчас точно не помню. Что

касается карбонариев, есть все основания полагать, что они тайными путями принадлежали к немецким обществам; но, как я уже сказал, я не смог получить точной информации о них. Тем не менее, я попытаюсь повторить здесь то, что я слышал относительно посвящения карбонариев.

Эта история, которая, возможно, была всего лишь выдумкой, глубоко привлекла мое внимание. Более того, я привожу это здесь с большим колебанием, не зная, не извлек ли кто-нибудь из этого уже пользу, поскольку я ни в коем случае не был единственным слушателем этого повествования. Я получил его от француза, который жил на севере Италии в то время, когда происходил мой разговор с М. Генцем.

Французский офицер, ранее служивший при генерале Моро, человек восторженного, но в то же время мрачного и меланхоличного характера, оставил службу после судебного процесса, возбужденного против его генерала в Париже. Он не принимал участия в заговоре; но, неизменно приверженный республиканским принципам, этот офицер, чьи вкусы были очень простыми и обладавший обширными знаниями, покинул Францию, когда была основана империя, и не прилагал усилий, чтобы скрыть свое отвращение к главе абсолютного правительства. Наконец, несмотря на самое безобидное поведение, он был одним из тех, кого называли недовольными. После нескольких лет путешествий по Греции, Германии и Италии он поселился в маленькой деревушке в венецианском Тироле. Там он вел очень уединенный образ жизни, мало общался со своими соседями, занимался изучением естественных наук, предавался медитации и больше не занимался, так сказать, общественными делами. Таково было его положение, которое некоторым людям казалось загадочным в то время, когда институт вентов карбонариев добивался такого невероятного прогресса в большинстве итальянских провинций, особенно в тех, что располагались на границах Адриатики. Несколько знатных жителей страны, которые были ярыми карбонариями, задумали принять в свое общество этого французского офицера, которого они знали, и зная о его непримиримом негодовании против главы имперского правительства, которого он считал фактически великим человеком, но в то же время разрушителем его любимой республики. Чтобы не будить предполагаемую восприимчивость этого офицера, они организовали охотничий отряд для встречи в том месте, где он обычно совершал свои одинокие прогулки. Этот план был принят и настолько хорошо осуществлен, что намеченная встреча состоялась, по-видимому, случайно. Офицер без колебаний завязал разговор с охотниками, некоторых из которых он уже знал; и после нескольких отрывочных замечаний разговор зашел о карбонариях, этих новых приверженцах тайной свободы. Волшебное слово "свобода" не утратило своей силы трогать до глубины души сердце этого офицера и, следовательно, произвело на него именно тот эффект, которого они желали, пробудив восторженные воспоминания о его юности и радости, которой он долгое время был незнаком; и, следовательно, когда они предложили добавить его имя к братству, которое теперь окружало его, трудностей не возникло. Офицер был принят, ему были даны тайные знаки и слова узнавания, и он принес клятву, согласно которой обязался всегда и во всякое время быть в распоряжении своих братьев и скорее погибнуть, чем выдать их секреты; затем был посвящен и продолжал жить, как в прошлом, но каждую минуту ожидал вызова.

Предприимчивый характер жителей венецианского Тироля составляет разительный контраст с характером жителей Италии; но у них общие подозрительные натуры, а от подозрительности к мести переход быстрый. Едва был допущен французский офицер, как среди них нашлись те, кто осудил это действие и счел его опасным; а были и такие, кто даже зашел так далеко, что заявил, что то, что он француз, должно было стать достаточным препятствием, и что, кроме того, в то

время, когда полиция нанимала своих лучших людей для раскрытия всех личин, было необходимо, чтобы твердость и постоянство вновь избранного были подвергнуты какому-то иному доказательству, нежели простые формальности, которых они требовали. Покровители офицера, те, кто, так сказать, искренне желал его как брата, не возражали, будучи совершенно удовлетворены правильностью своего выбора.

Таково было положение дел, когда известие о поражении французской армии под Лейпцигом было получено в соседних провинциях Адриатики и удвоило рвение карбонариев. Прошло около трех месяцев с момента приема французского офицера; и, не получая никаких известий от своих братьев, он думал, что обязанности карбонариев, должно быть, очень незначительны, когда однажды он получил таинственное письмо, предписывающее ему быть следующей ночью в соседнем лесу, в определенном месте, ровно в полночь, и ждать там, пока кто-нибудь не придет к нему. Офицер прибыл на место встречи в назначенный час и оставался там до рассвета, хотя никто так и не появился. Затем он вернулся к себе домой, думая, что это было просто доказательством его терпения. Однако его убеждения в этом отношении несколько изменились, когда несколько дней спустя он получил другое письмо, в котором ему предписывалось явиться тем же способом в то же место; и он снова провел там ночь в тщетном ожидании.

Больше ничего не произошло, когда было назначено третье и такое же randevu, на которое французский офицер явился с той же пунктуальностью и неистощимым терпением. Он прождал несколько часов, как вдруг, вместо того чтобы быть свидетелем прибытия своих братьев, он услышал звон мечей; и, движимый непреодолимым порывом, он бросился к тому месту, откуда исходил шум, который, казалось, удалялся по мере его приближения. Вскоре он прибыл на место, где только что было совершено ужасное преступление, и увидел человека, барахтающегося в крови, на которого напали двое убийц. Быстрый, как молния, он бросился с мечом в руке на двух убийц; но так как они немедленно скрылись в густом лесу, он сосредоточил свое внимание на их жертве, когда на место происшествия прибыли четверо жандармов; и тогда офицер оказался один с обнаженным мечом рядом с убитым человеком. Последний, который еще дышал, сделал последнюю попытку заговорить и испустил дух, указывая на своего защитника как на своего убийцу, после чего жандармы арестовали его; двое из них подняли труп, в то время как другие связали руки офицера веревками и сопроводили его в соседнюю деревню, на расстоянии одной лиги, куда они прибыли на рассвете. Там его провели к мировому судье, допросили и заключили в местную тюрьму.

Представьте себе положение этого офицера, не имеющего друзей в этой стране, не осмеливающегося рекомендовать себя своему собственному правительству, которое из-за его хорошо известных взглядов заподозрило его, обвинило в ужасном преступлении, прекрасно осведомленного обо всех уликах против него и, прежде всего, совершенно раздавленного последними словами умирающего! Как все люди с твердым и решительным характером, он принял ситуацию без жалоб, понял, что из нее нет выхода, и смирился со своей судьбой. Тем временем была назначена специальная комиссия, чтобы произвести хотя бы видимость правосудия; но когда он предстал перед этой комиссией, он мог только повторить то, что уже сказал; то есть дать точный отчет о случившемся, заявить о своей невинности и в то же время признать, что обстоятельства были полностью против него. Что он мог ответить, когда его спросили, почему и с какой целью его нашли ночью одного, вооруженного мечом, в самой гуще леса? Здесь его клятва карбонария запечатала его уста, и его колебания были восприняты как

дополнительное доказательство. Что он мог ответить на показания жандармов, которые арестовали его на месте преступления? Следовательно, он был единогласно приговорен к смертной казни и вновь заключен в тюрьму до срока, установленного для приведения приговора в исполнение.

Сначала к нему послали священника. Офицер принял его с величайшим уважением, но отказался исповедоваться, и в следующий раз ему надоедало посещение братства кающихся. Наконец пришел палач, чтобы проводить его к месту казни; и пока он был в пути в сопровождении нескольких жандармов и длинной вереницы кающихся, похоронная процессия была прервана неожиданным прибытием полковника жандармерии, которого случай привел на место происшествия. Этого офицера звали полковник Буазар, человек, хорошо известный во всей верхней Италии и наводивший ужас на всех злоумышленников. Полковник приказал остановиться, чтобы самому допросить осужденного, и заставил его рассказать об обстоятельствах преступления и приговоре. Оставшись наедине с офицером, он сказал: "Вы видите, что все против вас, и ничто не может спасти вас от смерти, которая вас ожидает. Тем не менее, я могу спасти вас, но только при одном условии. Я знаю, что вы принадлежите к обществу карбонариев. Назови мне имена твоих сообщников в этих ужасных заговорах, и наградой будет твоя жизнь". — "Никогда!" — "Тем не менее подумай". — "Никогда, говорю тебе; води меня на казнь".

Затем необходимо было заново отправляться к месту казни. Палач был на своем посту, и когда офицер твердым шагом взойшел на роковой эшафот, полковник Буазар подбежал к нему и все еще умолял сохранить ему жизнь на предложенных им условиях. "Нет! нет! никогда!" Сцена мгновенно изменилась; полковник, палач, жандармы, священник, кающиеся и зрители - все собрались вокруг офицера, каждый стремился прижать его к своему сердцу, и его с триумфом проводили в его жилище. Все, что было пройдено, было просто посвящением. Убийцы в лесу и их жертва, а также судьи и мнимый полковник Буазар сыграли свою роль; и самые подозрительные карбонарии теперь знали, как далеко зайдет их новый брат в своем героизме и соблюдении присяги.

Это почти в точности тот рассказ, который я слушал, как я уже сказал, с глубочайшим интересом, и который я беру на себя смелость повторить, хотя я хорошо понимаю, как много он потеряет, если будет написан. Можно ли в это безоговорочно верить? Это то, что я бы не взялся решать; но я могу подтвердить, что мой информатор передал это как правду и был совершенно уверен, что подробности будут найдены в архивах Милана, поскольку это экстраординарное посвящение было в то время предметом подробного отчета, адресованного вице-королю, которому судьба определила, что он никогда больше не увидит императора.

ГЛАВА XVIII.

В предыдущей главе я значительно отклонился от своих воспоминаний о Париже после нашего возвращения из Германии после битвы при Лейпциге и короткого пребывания императора в Майнце. Я даже сейчас не могу написать название последнего города, не вспомнив зрелище смятения, которое он представлял после славной битвы при Ханау, где баварцы так храбро сражались в этом первом случае, когда они предстали врагами перед теми, в рядах кого они так недавно стояли. Если я не ошибаюсь, в этом последнем сражении баварский генерал Вреде и его семья стали непосредственными жертвами их предательства. Генерал, которого император был переполнен добротой, был смертельно ранен, все его родственники в баварской армии были убиты, и его зятя, принца Эттингенского, постигла та же участь. Это было одно из тех событий, которые никогда не переставали производить глубокое впечатление на ум его Величества, поскольку укрепляли его представления о роке. Также в Майнце император отдал приказ о создании Законодательного корпуса 2 декабря. Открытие было отложено, как мы увидим; и было бы гораздо лучше, если бы оно было отложено на неопределенный срок; поскольку в этом случае его Величество не испытал бы тех несчастий, которые он впоследствии перенес из-за их противодействия, симптомы которого теперь впервые проявились в манере, которая была, мягко говоря, несдержанной.

Одной из вещей, которая больше всего поразила меня в то время и которая до сих пор поражает меня, когда я вспоминаю об этом сейчас, была невероятная активность императора, которая, казалось, не только не уменьшалась, но и возрастала с каждым днем, как будто само проявление его силы удваивало ее. В тот период, о котором я сейчас говорю, невозможно описать, насколько полно было заполнено каждое мгновение времени его Величества. С тех пор как император снова встретился с императрицей и своим сыном, к нему вернулась его обычная безмятежность; и я редко удивлял его тем открытым унынием, которому он иногда поддавался, уединяясь в своих покоях сразу после нашего возвращения из Москвы. Он был занят более явно, чем обычно, многочисленными общественными работами, которые велись в Париже и которые служили полезным отвлечением от его всепоглощающих мыслей о войне и горестных вестей, доходивших до него из армии. Почти каждый день его Величество устраивал смотр войскам, снаряженным как по волшебству, и немедленно отправлял их к Рейну, почти все течение которого находилось под угрозой; и опасность, которую мы тогда едва ли считали возможной, должна была казаться наиболее неминуемой жителям столицы, не очарованным, подобно нам, тем обаянием, которое император оказывал на всех, кто имел честь приближаться к его августейшей особе. Фактически, впервые он был вынужден потребовать от сената отсрочить введение налога на следующий год, и каждый день также приносил удручающие новости. Принц-главный казначей вернулся следующей осенью, вынужденный покинуть Голландию после эвакуации этого королевства нашими войсками; в то время как маршал Гувион Сен-Сир был вынужден подписать капитуляцию в Дрездене за себя и за тридцать тысяч человек, которых он держал в резерве в этом месте.

Капитуляция маршала Сен-Сира, несомненно, никогда не займет почетного места в истории венского кабинета министров. Не в моей компетенции судить об этих политических комбинациях; но я не могу забыть негодования, которое в целом проявилось во дворце, когда стало известно, что эта капитуляция была бесстыдно нарушена теми, кто теперь стал более сильной партией. В этой капитуляции было указано, что маршал должен вернуться во Францию с войсками, находящимися под его командованием, неся с собой часть своей артиллерии, и что

эти войска должны быть обменены на такое же количество войск союзников; что раненые французы, оставшиеся в Дрездене, должны быть возвращены во Францию по выздоровлении; и что, наконец, маршал должен начать эти передвижения 16 ноября. Ни одна часть этого соглашения не была соблюдена. Представьте себе тогда негодование императора, и без того глубоко потрясенного капитуляцией Дрездена, когда он узнал, что, вопреки всем согласованным условиям, эти войска были взяты в плен принцем фон Шварценбергом. Я помню, как однажды принц де Невшатель находился в кабинете его Величества, в который мне довелось войти в тот момент, и император заметил ему с большой горячностью: "Вы говорите мне о мире. Как я могу верить в добросовестность этих людей? Вы видите, что произошло в Дрездене. Нет, говорю вам, они не хотят вести переговоры с нами; они только пытаются выиграть время, и наше дело не терять его". Принц не ответил; или, по крайней мере, я больше ничего не услышал, поскольку только что покинул кабинет, выполнив долг, который привел меня туда. Более того, я могу добавить, в качестве дополнительного доказательства доверия, с которым его Величество оказал мне честь, что, когда я вошел, он ни разу не прервал себя в своих словах, какими бы важными они ни были; и я осмеливаюсь утверждать, что, будь у меня память получше, эти сувениры содержали бы гораздо более ценную информацию.

Раз уж я заговорил о дурных вестях, которые так быстро обрушились на императора в последние месяцы 1813 года, есть одно, которое я не должен опускать, поскольку оно так болезненно подействовало на его Величество. Я имею в виду смерть графа Луи де Нарбонна. Из всех, кто не начинал свою карьеру на глазах императора, г-н де Нарбонн был единственным, к кому он испытывал глубочайшую привязанность; и следует признать, что невозможно было найти человека, в котором подлинные достоинства сочетались бы с более привлекательными манерами. Император считал его наиболее подходящим человеком для ведения переговоров и однажды сказал о нем: "Нарбонн - прирожденный посол". Во дворце было известно, почему император назначил его своим адъютантом в то время, когда он возглавлял двор императрицы Марии Луизы. Сначала император намеревался назначить его кавалером ордена почета при новой императрице, но искусно состряпанная интрига вынудила его отказаться от этой должности; и в какой-то степени, чтобы загладить свою вину, он получил назначение адъютантом его Величества. В то время во всей Франции не было должности, более высоко ценимой; многие иностранные и даже суверенные принцы тщетно добивались этого высокого знака благосклонности, и среди них я могу назвать принца Леопольда Саксен-Кобургского,

[Позже он стал королем Бельгии (в 1831 году), а в следующем году женился на дочери Луи Филиппа. Его первая жена, принцесса Шарлотта Английская, на которой он женился в 1816 году, умерла в том же году. Леопольд родился в 1790 году и умер в 1865 году.]

который женился на принцессе Шарлотте Английской и который отказался быть королем Греции после того, как не смог получить должность адъютанта императора.

Насколько я помню, я бы не осмелился сказать, что никто при дворе не испытывал ревности, увидев, что г-на де Нарбонна назначили адъютантом императора; но если таковые и были, я забыл их имена. Как бы то ни было, вскоре он стал очень популярен, и с каждым днем император все выше ценил его характер и заслуги. Я помню, как однажды его величество сказал — кажется, это было в Дрездене, — что он никогда досконально не знал венский кабинет министров, пока тонкий нюх Нарбонны — таково было выражение императора — не учуял этих старых дипломатов. После мнимых переговоров, о которых я говорил выше и которые заняли

все время дрезденского перемирия, г-н де Нарбонн оставался в Германии, где император вверил ему управление Торгау; и именно там он умер 17 ноября в результате падения с лошади, несмотря на все внимание, оказанное ему бароном Дегенеттом. За исключением смерти маршала Дюрока и князя Понятовского, я не помню, чтобы когда-либо видел, чтобы император выказывал более искреннюю скорбь, чем по этому поводу. Между тем, почти в тот самый момент, когда он потерял г-на де Нарбонна, но еще до того, как он узнал о его смерти, император принял меры, чтобы занять место рядом с его персоной человека, которого он любил больше всего, не исключая даже генерала Дезэ. Он только что назначил генерала Бертрана на высокую должность главного маршала дворца; и этот выбор был в целом одобрен всеми, кто имел честь быть знакомым с графом Бертранием. Но что я могу сказать здесь о человеке, чье имя в истории никогда не будет отделено от имени императора? В этот же период пали герцог Истрийский, один из четырех генерал-полковников гвардии, и маршал Дюрок; и это же назначение включало имена их преемников, поскольку маршал Сюше был назначен одновременно с генералом Бертранием и занял место маршала Бессьера в качестве генерал-полковника гвардии.

[Луи Габриэль Суше, родился в Лионе в 1770 году. Участвовал в итальянской кампании 1796 года. Бригадный генерал в 1797 году; дивизионный генерал в 1799 году. Губернатор Генуи в 1800 году, служил при Аустерлице в 1805 году. За свои блестящие заслуги в Испании он был произведен в герцоги Альбуфера и маршалы в 1811 году. На острове Святой Елены Наполеон заявил, что он был самым способным из своих генералов, выживших на тот момент. Сюше женился на племяннице жен Жозефа Бонапарта и Бернадотта, а его вдова умерла совсем недавно, в 1891 году. Сюше умер в 1826 году.]

В то же время его Величество произвел ряд других изменений в высших кабинетах Империи. Комитет сената предоставил императору право назначать по своему выбору президента Законодательного корпуса, его Величество передал это президентство герцогу Масса, которого заменил на его прежней должности верховного судьи граф Моле, самый молодой из министров императора. Герцог Бассано стал государственным секретарем, а герцог Виченца получил портфель министра иностранных дел.

Как я уже говорил, осенью 1813 года его величество часто посещал общественные работы. Обычно он отправлялся почти без сопровождения и пешком осматривать достопримечательности Тюильри и Лувра, а затем садился на лошадь в сопровождении максимум одного-двух офицеров и месье Фонтена и отправлялся осматривать те, что были более отдаленными. Однажды, — это было примерно в конце ноября, — воспользовавшись отсутствием его Величества, чтобы прогуляться по Сен-Жерменскому предместью, я неожиданно столкнулся с его Величеством по дороге в Люксембургский сад, как раз в тот момент, когда он подходил ко входу на улицу Турнон; и невозможно описать глубокое удовлетворение, с которым я услышал крики "Да здравствует Император", раздавшиеся при его приближении. Толпа гнала меня совсем рядом с лошадью императора, и все же я ни на мгновение не подумал, что он узнал меня. Однако по его возвращении у меня были доказательства обратного. Его величество увидел меня; и когда я помогал ему переодеться, император весело заметил мне: "Ну, господин ле Дроль! Ах! ах! что ты делал в Сен-Жерменском предместье? Я понимаю, каково это! Действительно, прекрасная вещь! Ты шпионишь за мной, когда я выхожу" и множество других шуток в том же роде; ибо в тот день император был в таком прекрасном расположении духа, что я заключил, что он был очень доволен своим визитом.

Всякий раз, когда в это время император испытывал какое-либо необычное беспокойство, я замечал, что, чтобы развеять его, он получал удовольствие, появляясь на публике, возможно, чаще, чем во время других своих визитов в Париж, но всегда без какой-либо показухи. Он часто ходил в театр, и благодаря услужливой доброте графа де Ремюза я сам часто посещал эти собрания, которые в то время всегда имели вид праздника. Несомненно, когда по случаю первого представления балета "Нина" их Величества вошли в свою ложу, трудно было представить, что у императора уже были враги среди его подданных. Это правда, что матерей и вдов в трауре там не было, но я могу утверждать, что никогда не видел более совершенного энтузиазма. Император наслаждался этим от всего сердца, возможно, даже больше, чем после своих побед. Убежденность в том, что он любим французским народом, произвела на него глубокое впечатление, и вечером он снизошел до того, чтобы поговорить со мной об этом — осмелюсь ли я сказать, как ребенок, надутый гордостью за только что полученную награду? Затем, в полной свободе уединения, он несколько раз повторил: "Моя жена! моя добрая Луиза! Воистину, она должна быть вполне довольна". Правда в том, что желание увидеть императора в театре было настолько велико в Париже, что, поскольку он всегда занимал свое место в боковой ложе, выходящей на авансцену, каждый раз, когда он появлялся там, ложи, расположенные на противоположной стороне зала, арендовались по невероятным ценам, и даже самые верхние ярусы предпочитались тем, с которых его было нелегко увидеть. Никто, живший в то время в Париже, не может не признать правильности этого утверждения.

Через некоторое время после первого представления балета "Нина" император снова посетил театр, и я тоже присутствовал. Как и прежде, император сопровождал ее Величество; и по ходу пьесы я не мог отделаться от мысли, что у императора остались какие-то воспоминания, достаточные, чтобы отвлечь его внимание от изысканной музыки. Это было в итальянском театре, который тогда занимал Одеон. Была сыграна "Клеопатра Наззолини", и это представление относилось к числу тех, которые назывались экстраординарными, поскольку оно было приурочено к бенефису мадам Грассини. Прошло совсем немного времени с тех пор, как эта певица, прославленная во многих отношениях, впервые появилась публично на парижской сцене, я думаю, что на самом деле это был всего лишь третий или четвертый раз; и я должен заявить, чтобы быть совершенно точным, что она не произвела на парижскую публику именно того впечатления, которого ожидали от ее огромной репутации. Прошло много времени с тех пор, как император принимал ее наедине; но, тем не менее, до тех пор ее голос и голос Кресцентини были берегаемы для привилегированных ушей зрителей Сен-Клу и театра Тюильри. В этом случае император был очень щедр по отношению к бенефициарию, но беседа не привела ни к чему, ибо, выражаясь языком поэтов того периода, Клеопатра Парижская не покорила другого Антония.

Таким образом, как мы видим, император несколько раз откладывал важные дела, которые его занимали, не столько для того, чтобы насладиться театром, сколько для того, чтобы показаться на публике. Все полезные предприятия были предметом его заботы; и он не зависел всецело даже от сведений людей, которым он наиболее достойно их поручал, но видел все сам. Среди учреждений, особо охраняемых его Величеством, было одно, к которому он проявлял особый интерес. Я не думаю, что в какой-либо из промежутков между своими войнами император приезжал в Париж, не посетив учреждение дочерей ордена Почетного легиона, которым заведовала мадам Кампан, сначала в Экуэне, а затем в Сен-Дени. Император посетил его в ноябре месяце, и я помню анекдот, который, как я слышал, рассказывали его Величеству по

этому поводу, который чрезвычайно развеселил его. Тем не менее, я не могу точно вспомнить, относится ли этот анекдот к визиту 1813 года или к более раннему.

Во-первых, следует пояснить, что в соответствии с правилами внутреннего распорядка юных леди ордена Почетного легиона ни один мужчина, за исключением императора, не был допущен внутрь заведения. Но поскольку императора всегда сопровождал эскорт, его свита составляла в некотором роде часть его самого и входила вместе с ним. Помимо офицеров, его обычно сопровождали пажи. Вечером, вернувшись из Сен-Дени, император, смеясь, сказал мне, входя в свою комнату, где я ждал, чтобы раздеть его: "Что ж, мои пажи хотят походить на пажей прежних времен! Маленькие идиоты! Вы знаете, что они делают? Когда я приезжаю в Сен-Дени, они соревнуются между собой, кто будет дежурить. Ha! ha!" Император, говоря это, смеялся и потирал руки; а затем, повторив несколько раз тем же тоном: "Маленькие идиоты", - добавил он, развивая одно из тех странных размышлений, которые иногда приходили ему в голову, - "Из меня, Константа, получился бы очень плохой паж; мне бы никогда не пришла в голову такая мысль. Более того, это хорошие молодые люди; из их среды уже вышли хорошие офицеры. Однажды это приведет к нескольким бракам ". На самом деле было очень редко, когда какой-либо поступок, пусть и легкомысленный с виду, не приводил императора к какому-нибудь серьезному выводу. В дальнейшем, действительно, за исключением нескольких воспоминаний о прошлом, я буду рассказывать только о серьезных и часто очень печальных событиях; ибо сейчас мы подошли к тому моменту, когда все приняло серьезный оборот и облеклось в самые мрачные тона.

ГЛАВА XIX.

В последний раз мы отмечали в Париже годовщину коронации его Величества. Подарками императору по этому случаю были бесчисленные обращения к нему из всех городов Империи, в которых приношения жертв и заверения в преданности, казалось, усиливались пропорционально сложности обстоятельств. Увы! за четыре месяца была доказана вся ценность этих протестов; и, тем не менее, как можно было поверить, что этот всеобщий энтузиазм не был полностью искренним? Это было бы невозможно для императора, который до самого конца своего правления считал себя любимым Францией с той же преданностью, которую он испытывал к ней. Истина, которая была хорошо доказана последующими событиями, состоит в том, что император стал более популярен среди той части населения, которую называли народом, когда на него начали обрушиваться несчастья. Его величество имел доказательства этого во время визита в Сент-Антуанское предместье; и совершенно очевидно, что, если бы при других обстоятельствах он смог поступиться своим достоинством, чтобы умиловить народ, что было наиболее отвратительно императору из-за его воспоминаний о Революции, все парижские предместья вооружились бы на его защиту. Как в этом можно сомневаться после события, которое я здесь описываю?

Император в конце 1813 или начале 1814 года однажды посетил Сент-Антуанское предместье. Сегодня я не могу назвать точную дату этого неожиданного визита, но, во всяком случае, в тот раз он проявил себя фамильярно, даже по-дружески, что придавало смелости тем, кто находился поблизости, обратиться к нему. Теперь я пересказываю разговор, произошедший между его Величеством и несколькими жителями города, который был достоверно записан и признан правдивым несколькими свидетелями этой действительно трогательной сцены.

Местный житель. — "Правда ли, как мне сказали, что положение дел настолько плохое?"

Император. — "Я не могу сказать, что они в очень хорошем состоянии".

Житель. — "Но чем же тогда все это закончится?"

Император. — "Клянусь моей верой, один Бог знает".

Местный житель. — "Но что? Возможно ли, что враг действительно вторгся во Францию?"

Император. — "Это может произойти, и они могут даже проникнуть сюда, если ты не придешь мне на помощь. У меня нет миллиона рук. Я не могу все делать один".

Множество голосов. — "Мы поддержим вас, мы поддержим вас".

Еще больше голосов. — "Да, да. Рассчитывайте на нас".

Император. — "В таком случае враг будет разбит, а мы сохраним нашу славу незапятнанной".

Несколько голосов. — Но что же тогда нам делать? - спросил я.

Император. — "Записывайся и сражайся".

Новый голос. — "Мы бы сделали это с радостью, но хотели бы выдвинуть определенные условия".

Император. — "Что ж, говорите откровенно. Сообщите нам, каковы эти условия?"

Несколько голосов. — Что мы не должны переходить границы.

Император. — "Ты не пройдешь мимо них".

Несколько голосов. — "Мы хотим войти в караулку".

Император. — "Что ж, тогда ты поступишь в гвардию".

Едва его величество произнес эти последние слова, как огромная толпа, окружавшая его, огласила воздух криками "Да здравствует Император!", и их число продолжало увеличиваться по мере того, как император медленно возвращался в Тюильри, пока к тому времени, когда он достиг ворот Карусели, его не сопровождал бесчисленный кортеж. Мы слышали эти шумные возгласы, но комендант дворцового поста так неверно истолковал их, что он подумал, что это восстание, и железные ворота Тюильри с той стороны двора были закрыты.

Когда я увидел императора через несколько минут после его возвращения, он казался скорее раздосадованным, чем довольным; ибо все, что имело вид беспорядка, было ему чрезвычайно

неприятно, а народные волнения, какова бы ни была их причина, всегда имели для него что-то неприятное.

Между тем эта сцена, которую его величество вполне мог бы повторить, произвела глубокое впечатление на народ; и этот энтузиазм имел положительные и немедленные результаты, поскольку в тот день более двух тысяч человек были записаны добровольно и сформировали новый гвардейский полк.

В годовщину коронации и битвы при Аустерлице во всех театрах Парижа, как обычно, были бесплатные представления; но император на них не появился, как это часто бывало. Были также развлечения, бесплатная раздача съестных припасов, а также иллюминации; и двенадцать молодых девушек, чье приданое было предоставлено городом Парижем, были выданы замуж за старых солдат. Я помню, что среди всего, что отличало церемонии Империи, обычай заключения этих браков был самым приятным для императора, и он часто говорил о нем с одобрением; ибо, если мне будет позволено сделать замечание, у его Величества было то, что можно было бы назвать своего рода манией по поводу брака. Теперь мы расположились в Тюильри, который император не покидал с 20 ноября, когда он вернулся из Сен-Клу, и который он не покидал снова до своего отъезда в армию. Его Величество часто председательствовал на заседаниях государственного совета, которые представляли большой интерес. В то время я узнал в связи с одним указом обстоятельство, которое показалось мне очень странным. Коммуна Монморанси давно утратила свое древнее название; но только в конце ноября 1813 года император законным путем отнял у нее название Эмиль, которое она получила при республике в честь Ж.-Ж. Руссо. Вполне можно предположить, что он сохранял его так долго просто потому, что внимание императора не было обращено на него раньше.

Я не знаю, но я должен попросить прощения за то, что рассказываю о столь тривиальном событии, когда его Величеством принималось так много важных мер. Фактически, каждый день требовалась новая диспозиция, поскольку противник продвигался вперед на каждом этапе. Русские оккупировали Голландию под командованием генерала Витценгероде, который так ожесточенно противостоял нам во время русской кампании; уже даже обсуждалось скорейшее возвращение в Амстердам наследника Оранского дома; в Италии принц Евгений держался только благодаря превосходству в мастерстве против гораздо более многочисленной армии Бельгарда, которая только что перешла Адидже; армия принца фон Шварценберга заняла границы Швейцарии; пруссаки и войска Конфедерации в нескольких местах форсировали Рейн. У императора не осталось ни одного союзника, поскольку король Дании, единственный, кто до сих пор оставался верным, уступил северному потоку и заключил перемирие с Россией; а на юге всей стратегии маршала Сульта едва хватило, чтобы задержать продвижение герцога Веллингтона, который наступал на наши границы во главе армии, гораздо более многочисленной, чем та, с которой мы могли ему противостоять, и которая, к тому же, не страдала от тех лишений, что наша собственная. Я хорошо помню, что в то время несколько генералов обвиняли императора в том, что он не покинул Испанию, а отозвал все свои войска во Францию. Я принимаю это к сведению, но, как вполне можно предположить, не желаю рисковать своим суждением по подобным вопросам. Во всяком случае, очевидно, что война окружала нас со всех сторон; и при таком положении дел, когда наши древние границы были под угрозой, было бы странно, если бы не раздался всеобщий призыв к миру. Император также желал этого; и сейчас никто не придерживается противоположного мнения. Все работы, которые я прочитал, написанные теми людьми, которые лучше всего расположены к тому, чтобы

узнать точную правду об этих событиях, сходятся в этом пункте. Известно, что его величество продиктовал герцогу Бассано письмо, в котором он придерживался основы предложения о проведении нового конгресса, сделанного союзниками во Франкфурте. Также известно, что город Мангейм был назначен для проведения сессии этого нового конгресса, на который должен был быть направлен герцог Виченца. Последний в ноте от 2 декабря снова сообщил о приверженности императора первоначальным принципам и резюме, которые должны быть представлены Мангеймскому конгрессу. Граф де Меттерних 10-го числа ответил на это сообщение, что монархи проинформируют своих союзников о присоединении его Величества. Все эти переговоры затянулись только из-за союзников, которые в конце концов заявили во Франкфурте, что они не согласятся сложить оружие. 20 декабря они открыто объявили о своем намерении вторгнуться во Францию, пройдя через Швейцарию, нейтралитет которой был торжественно признан международным договором. В тот период, о котором я рассказываю, мое положение держало меня, должен признаться, в полном неведении относительно этих дел; но с тех пор, когда я узнал о них, они пробудили во мне другие воспоминания, которые в значительной степени способствовали доказательству их истинности. Я надеюсь, каждый согласится, что если бы император действительно желал войны, то передо мной он не взял бы на себя труд выразить свое желание заключения мира, как я слышал от него несколько раз; и это никоим образом не опровергает то, что я рассказал об ответе, данном его Величеством принцу Невшательскому, поскольку в этом ответе он приписывает необходимость войны недобросовестности своих врагов. Ни огромная известность Императора, ни его слава не нуждаются в какой-либо поддержке с моей стороны, и я не обманываю себя на этот счет; но я прошу позволить мне, как и любому другому человеку, поделиться своей долей правды.

Я уже говорил ранее, что, проезжая через Майнц, император созвал Законодательный корпус на 2 декабря; но новым указом он был отложен до 19 числа того же месяца, и это ежегодное торжество было отмечено введением непривычных обычаев. Во-первых, как я уже сказал, одному императору было предоставлено право назначать президента без представления тройного списка, как это делалось в прежние времена сенатом; более того, сенат и государственный совет в полном составе отправились в зал Законодательного корпуса, чтобы присутствовать на открытии сессии. Я также помню, что этой церемонии ожидали с большим, чем обычно, интересом, поскольку по всему Парижу всем было любопытно и не терпелось услышать обращение императора и то, что он скажет о положении Франции. Увы, мы были далеки от мысли, что эта ежегодная церемония станет последней.

Сенат и государственный совет заняли указанные им места в зале, прибыла императрица и вошла в отведенную для нее галерею, окруженная своими фрейлинами и придворными офицерами. Наконец император появился через четверть часа после императрицы и был представлен с обычными церемониями. Когда новый президент, герцог Масса, принес присягу из рук императора, его Величество произнес следующую речь:

"Сенаторы; члены государственного совета; депутаты от департаментов Законодательного корпуса: Блестящие победы прославили французское оружие в этой кампании, но беспрецедентные случаи дезертирства сделали эти победы бесполезными. Все обернулось против нас. Даже Франция оказалась бы в опасности, если бы не энергия и сплоченность французского народа. В этих важных обстоятельствах моей первой мыслью было вызвать вас. Мое сердце ощущало потребность в присутствии и привязанности моих подданных. Меня никогда не прельщало процветание; невзгоды застанут меня вне досягаемости их

атак. Я много раз даровал мир народам, даже когда они все теряли. В ходе части своих завоеваний я воздвиг троны для королей, которые теперь покинули меня. Я задумал и осуществил великие планы по обеспечению счастья всего мира. И как монарх, и как отец я чувствую, что мир способствует безопасности тронов и семей. Были начаты переговоры с Конфедеративными державами. Я придерживался фундаментальных принципов, которые они представили. Тогда я надеялся, что до открытия этой сессии Мангеймский конгресс соберется; но возобновившиеся задержки, которые нельзя отнести на счет Франции, отсрочили этот момент, которого так страстно желает весь мир. Я распорядился, чтобы все оригинальные статьи, содержащиеся в портфеле Foreign Affairs, были представлены вам. Вы будете проинформированы о них через комитет. Представители моего Совета проинформируют вас о моих пожеланиях по этому вопросу. С моей стороны ничто не препятствовало восстановлению мира; я знаю и разделяю чувства французского народа. Я повторяю, о французском народе, поскольку среди него нет тех, кто желает мира в ущерб чести. С сожалением я требую от этого великодушного народа новых жертв, но они необходимы для его самых благородных интересов. Я был вынужден подкрепить свои армии многочисленными поборами, поскольку нации чувствуют себя в безопасности только тогда, когда демонстрируют всю свою силу. Увеличение поступлений стало необходимым. Предложения, которые мой министр финансов представит вам, соответствуют созданной мной финансовой системе. Мы удовлетворим все потребности без заимствований, на которые расходуются ресурсы будущего, и без бумажных денег, которые являются величайшим врагом общественного порядка. Я вполне удовлетворен чувствами, проявленными по отношению ко мне в этих обстоятельствах моим народом Италии. Только Дания и Неаполь остаются верны своему союзу. Республика Соединенные Штаты Америки успешно продолжает свою войну с Англией. Я признал нейтралитет девятнадцати швейцарских кантонов. Сенаторы; Государственные советники; депутаты департаментов Законодательного корпуса: Вы - естественные органы власти. Ваша задача - проявить энергию, которая позволит нашей стране вызывать восхищение у всех будущих поколений. Пусть о нас не говорят: "Они пожертвовали первостепенными интересами своей страны; они подчинились контролю, который Англия тщетно пыталась навязать Франции в течение четырех столетий". "Моему народу не нужно бояться, что политика их императора когда-либо предаст славу нации; и, со своей стороны, я убежден, что французский народ когда-нибудь окажется достойным себя и меня".

Это обращение было встречено единодушными криками "Да здравствует Император!", и, когда его Величество вернулся в. В Тюильри у него был вид глубокого удовлетворения, хотя и немного болела голова, которая прошла после полчасового отдыха. Вечером все полностью прошло, и император спросил меня о том, что я слышал от людей. Я честно сказал ему, что мои знакомые единодушно согласились с тем, что стремление к миру было всеобщим. "Мир, мир! - сказал император, - кто может желать этого больше, чем я? Иди, сын мой, иди". Я удалился, а его Величество отправился к императрице.

Примерно в это же время, я не помню точного дня, император вынес решение по вопросу, которым мы с ним интересовались; и я утверждаю, что из этого решения будет видно, какое глубокое уважение его Величество питал к правам законного брака и его чрезмерную антипатию к разведенным лицам. Но, чтобы подкрепить это утверждение, я приведу анекдот, который всплывает в моей памяти в этот момент.

Во время русской кампании генерал Дюпон-Дерваль был убит на поле боя, доблестно сражаясь. Его вдова после возвращения его Величества в Париж часто, но всегда безуспешно, пыталась представить его Величеству петицию с описанием своего плачевного состояния. Наконец кто-то посоветовал ей прибегнуть к моим услугам, и, тронутый ее несчастьем, я передал ее просьбу императору. Его Величество редко отказывал мне в подобных просьбах, поскольку я выполнял их с величайшей осторожностью; и, следовательно, мне посчастливилось добиться для мадам Дюпон-Дерваль очень значительной пенсии. Я не помню, как император узнал, что генерал Дюпон-Дерваль был разведен и оставил дочь от предыдущего брака, которая, как и ее мать, все еще была жива. Кроме того, он узнал, что вторая жена генерала Дюпон-Дерваля была вдовой генерала-офицера, от которого у нее было две дочери. Ни одно из этих обстоятельств, как можно себе представить, не было упомянуто в петиции; но, когда они стали известны императору, он не отменил пенсию, на которую приказ еще не был отдан, а просто изменил ее назначение и передал ее первой жене генерала Дюпон-Дерваля, передав ее обратно ее дочери, хотя она была достаточно богата, чтобы не нуждаться в ней, а другая мадам Дюпон-Дерваль действительно нуждалась. Между тем, поскольку всегда приятно быть вестником хороших вестей, я, не теряя времени, сообщил моему просителю о благоприятном решении императора. Когда она узнала о том, что произошло, о чем я все еще находился в полном неведении, она вернулась ко мне, и из того, что она сказала, я предположил, что она стала жертвой какой-то ошибки. Исходя из этого, я взял на себя смелость снова поговорить с его Величеством на эту тему, и можно себе представить мое изумление, когда его Величество сам снизошел до того, чтобы рассказать мне обо всем случившемся. Затем он добавил: "Мое бедное дитя, ты позволила принять себя за простачка. Я обещал пенсию и назначил ее жене генерала Дерваля, то есть его настоящей жене, матери его дочери". Император несколько не рассердился на меня. Я очень хорошо знаю, что этому делу не позволили бы продолжаться таким образом, если бы я не заинтересовался им еще больше; но события следовали одно за другим в быстрой последовательности вплоть до отречения его Величества, и в конце концов дело осталось таким, каким было улажено.

ГЛАВА XX.

В конце 1813 года враги Франции пытались свергнуть власть императора не только силой оружия. Несмотря на наши поражения, имя императора все еще внушало спасительный ужас; и было очевидно, что, несмотря на свою многочисленность, иностранцы все еще отчаивались в победе, пока существовало общее согласие между императором и французским народом. В предыдущей главе мы видели, на каком языке он выражался перед великими объединенными органами государства, и события показали, скрывал ли его Величество правду от представителей нации относительно реального положения Франции. Этому дискурсу, зафиксированному историей, мне, возможно, будет позволено противопоставить здесь другой, сделанный в тот же период. Это знаменитая Франкфуртская декларация, копии которой враги

императора распространили по Парижу; и я бы не осмелился держать пари, что придворные, исполняя свои обязанности рядом с ним, не держали копии в карманах. Если все еще остаются какие-либо сомнения относительно того, какая сторона действовала добросовестно, прочтения нижеследующего достаточно, чтобы развеять их; ибо здесь речь идет не о политических соображениях, а просто о сравнении торжественных обещаний с действиями, которые увенчались успехом.

"Французское правительство только что распорядилось о новом наборе трехсот тысяч человек; прокламации сената содержат вызов союзным державам. Они снова оказываются призванными донести до всего мира взгляды, которыми они руководствуются в этой нынешней войне, принципы, которые составляют основу их поведения, их желаний и намерений. Союзные державы ведут войну не против Франции, а против открыто признаваемого перевеса, который, к великому несчастью Европы и Франции, император Наполеон слишком долго сохранял за пределами своей Империи. Победа привела союзные армии к Рейну. Первое, что их императорское и королевское величества сделали с победой, - предложили мир его Величеству императору Франции. Позиция, вновь укрепленная восшествием на престол всех суверенов и князей Германии, не оказала никакого влияния на условия этого мира, ибо эти условия основаны на независимости других государств Европы. Объекты этих полномочий справедливы в своих целях, великодушны и либеральны в своем применении, обнадеживают всех и благородны для каждого. Союзные монархи желают, чтобы Франция была великой, сильной и счастливой, поскольку ее величие и мощь являются одной из основ общественного здания. Они желают, чтобы Франция была счастлива, чтобы возродилась французская торговля, чтобы процветало искусство, эти блага мира, потому что великий народ спокоен только тогда, когда удовлетворен. Державы подтверждают Французскую империю во владении территорией, которой Франция никогда не достигала при своих королях, поскольку великодушная нация не должна быть наказана за то, что она потерпела поражение в кровавой и упорной борьбе, в которой она сражалась со своей обычной храбростью. Но сами державы также хотят быть счастливыми и мирными. Они желают условий мира, которые путем разумного распределения сил, справедливого равновесия могли бы в будущем уберечь их народ от бесчисленных бедствий, которые в течение двадцати лет обрушивались на Европу. "Союзные державы не сложат оружия до тех пор, пока они не добьются этого грандиозного и благотворного результата, достойной цели всех их усилий. Они не сложат оружия до тех пор, пока политическое положение Европы снова не станет безопасным; до тех пор, пока незыблемые принципы не восстановят свою власть над новыми претензиями, а святость международных договоров, наконец, не обеспечит подлинный мир в Европе".

Нужен только здравый смысл, чтобы убедиться, были ли союзные державы искренни в этом заявлении, целью которого, очевидно, было оттолкнуть от императора чувства его народа, выставив его Величество перед ними как препятствие миру и отделив его дело от дела Франции; и по этому вопросу я рад поддержать свое собственное мнение мнением г-на де Буррьена, которого, конечно, никто не обвинит в пристрастии к его Величеству.

Должен признаться, несколько отрывков из его мемуаров, прежде всего те, в которых он обвиняет императора, причинили мне боль; но в данном случае он без колебаний признает

неискренность союзников, мнение которых, по моему недальновидному мнению, имеет большой вес.

Г-н де Бурьен находился тогда в Париже под особым наблюдением герцога Ровиго. Я часто слышал, как этот министр упоминал о нем в разговорах с императором, и всегда благосклонно; но враги бывшего секретаря Первого консула, должно быть, были очень могущественны или предубеждения его величества были очень сильны, поскольку господин де Буррьен так и не вернулся к нему. Император, который, как я уже сказал, иногда снисходил до фамильярной беседы со мной, никогда не говорил со мной о господине де Буррьене, которого я не видел с тех пор, как император перестал его принимать. Я впервые увидел его среди офицеров Национальной гвардии в тот день, когда эти джентльмены были приняты во дворец, как мы увидим позже, и с тех пор я его никогда не видел; но поскольку мы все были очень привязаны к нему из-за его доброго отношения к нам, он часто был предметом разговоров и, могу добавить, наших сожалений. Более того, я долгое время не знал, что в период, о котором я сейчас говорю, его Величество предложил ему миссию в Швейцарию, поскольку я узнал об этом обстоятельстве только из чтения его мемуаров. Однако я не стал быскрывать, что чтение этого произвело на меня болезненное впечатление, так сильно я желал бы, чтобы Буррьен преодолел свою неприязнь к его Величеству, который в глубине своего сердца действительно любил его.

Что бы ни было сделано, теперь для всех очевидно, что целью Франкфуртской декларации было вызвать отчуждение между императором и французским народом, и последующие события показали, что император это полностью понимал, но, к сожалению, вскоре стало ясно, что враг частично достиг своей цели. Не только в частном обществе можно было услышать, как люди свободно высказывались в осуждение императора, но раздоры открыто возникали даже в Законодательном корпусе.

После открытия заседания император издал указ о назначении комиссии в составе пяти сенаторов и пяти членов Законодательного корпуса, после чего эти два органа были собраны. Эта комиссия, как явствовало из обращения его Величества, имела своей целью рассмотрение статей, представленных в связи с предстоящими переговорами между Францией и союзными державами. Граф Реньо де Сен-Жан д'Анжели внес декрет в Законодательный корпус и поддержал его со своим обычным убедительным красноречием, напоминая о победах Франции и славе императора; но в результате голосования членами комиссии были избраны пять депутатов, которые имели репутацию более преданных принципам свободы, чем императору. Это были мсье Рейнуар, Лейн, Галлуа, Флаугерг и Мэн де Биран. Император с первого момента казался очень недовольным этим выбором, не предполагая, однако, что эта комиссия вскоре проявит себя столь враждебно. Я хорошо помню, что слышал, как его Величество сказал в моем присутствии принцу Невшательскому с некоторым раздражением, хотя и без гнева: "Они назначили пять адвокатов".

Тем не менее император не позволил проявиться ни малейшим признакам своего недовольства; и как только он официально получил список уполномоченных, он направил президенту Законодательного корпуса следующее письмо, датированное 23 декабря:

"МЕСЬЕ, герцог Массе, президент Законодательного корпуса: Мы направляем вам прилагаемое письмо, чтобы сообщить вам о нашем намерении прибыть завтра, 24-го числа, в резиденцию нашего кузена, принца-аркканцлера Империи, вместе с комиссией, назначенной вчера Законодательным корпусом в соответствии с нашим указом от 20-го

числа, и в состав которой входят следующие джентльмены: Рейнуар, Лейн, Галиуа, Флаугерг и Мэн де Биран, с целью рассмотрения статей, относящихся к переговорам, а именно: а также декларация конфедеративных держав, которая будет передана государственным министром графом Реньо и государственным советником графом д'Отеривом при министерстве иностранных дел, которые будут представлять вышеупомянутые статьи и декларацию. "Наше намерение также состоит в том, чтобы наш вышеупомянутый кузен председательствовал в этой комиссии. С этим и т.д."

Членами сената, назначенными в эту комиссию, были г-н де Фонтанель, г-н принц Беневентский, г-н де Сен-Марсан, г-н де Барб-Марбуа и г-н де Бернонвиль.

За исключением одного из этих джентльменов, чей позор и последующее противодействие были общеизвестны, считалось, что остальные были искренне преданы императору; и какими бы ни были их мнения и последующее поведение, они не сделали тогда ничего, что могло бы заслужить такое же недоверие со стороны императора, как члены комитета Законодательного корпуса. Консервативный сенат не проявил ни активной оппозиции, ни признаков недовольства.

В то время герцог Ровиго часто, или, вернее, я бы сказал, каждый день, навещал императора. Его величество был очень привязан к нему, и одного этого достаточно, чтобы доказать, что он не боялся услышать правду; ибо с тех пор, как он был министром, герцог Ровиго никогда не скрывал этого; этот факт я могу подтвердить, поскольку часто был свидетелем. Тем не менее в Париже была лишь единодушная оппозиция этому министру. Я могу, однако, привести один анекдот, который герцог Ровиго не включил в свои Мемуары и достоверность которого я гарантирую; и из этого инцидента будет видно, стремился ли министр полиции увеличить число людей, которые каждый день компрометировали себя своими выступлениями против императора.

Среди сотрудников казначейства был бывший получатель финансовых средств, который вел уединенную и довольную жизнь на этой скромной работе. Он был очень энергичным человеком большого ума. Его преданность императору доходила до страсти, и он никогда не упоминал о нем без своего рода идолопоклонства. Этот служащий привык проводить вечера в кругу друзей, которые собирались на улице Вивьен. Постоянные посетители этого заведения, на которых полиция, естественно, не спускала глаз, не все придерживались того же мнения, что и человек, о котором я только что говорил, и начали открыто осуждать действия правительства, причем противоборствующая сторона позволяла своему недовольству проявляться открыто; и верный поклонник его Величества стал пропорционально более щедро выражать свое восхищение, в то время как его противники были готовы сыпать упреками. Герцог Ровиго был проинформирован об этих обсуждениях, которые с каждым днем становились все более оживленными; и в один прекрасный день наш честный служащий, вернувшись домой, обнаружил письмо с печатью генерала полиции. Он не мог поверить своим глазам. Он, хороший, простой, скромный человек, живущий своей жизнью на пенсии, чего мог желать от него министр общей полиции? Он вскрывает письмо и обнаруживает, что министр приказывает ему явиться к нему на следующее утро. Он докладывает об этом, как можно себе представить, с предельной пунктуальностью, и затем между этими джентльменами завязался примерно такой диалог. "Похоже, сударь, - сказал герцог Ровиго, - что вы очень преданы императору". — "Да, я люблю его; я бы отдал ему свою кровь, свою жизнь". — "Вы им очень восхищаетесь?" — "Да, я им восхищаюсь! Император

никогда не был так велик, его слава никогда—" — "Все это очень хорошо, месье; ваши чувства делают вам честь, и я разделяю эти чувства с вами; но я настоятельно прошу вас приберечь выражение их для себя, ибо, хотя я бы очень сожалел об этом, вы можете довести меня до необходимости вашего ареста". — "Я, милорд, меня арестовали? Ах! но, несомненно, почему?" — "Разве вы не видите, что вызываете выражение мнений, которые могли бы остаться скрытыми, если бы не ваш энтузиазм; и, наконец, вынудите многих хороших людей до известной степени скомпрометировать себя, которые вернутся к нам, когда дела пойдут на лад. Идите, месье, давайте продолжать любить императора, служить ему и восхищаться им. но в такое время, как это, давайте не будем так громко заявлять о наших прекрасных чувствах, опасаясь привлечь к ответственности многих, кто лишь немного заблуждается ". Затем служащий казначейства покинул министра, поблагодарив его за совет и пообещав последовать ему. Я бы не осмелился утверждать, что он скрупулезно сдержал свое слово, но я могу подтвердить, что все, что я только что сказал, является чистой правдой; и я уверен, что если этот отрывок из моих мемуаров попадет на глаза герцогу Ровиго, это напомнит ему о событии, которое он, возможно, забыл, но которое он с готовностью вспомнит.

Тем временем комиссия, состоявшая, как я уже сказал, из пяти сенаторов и пяти членов Законодательного корпуса, усердно выполняла возложенные на нее обязанности. Каждый из этих двух высших органов государственной власти представил его Величеству отдельный адрес. Сенат получил доклад г-на де Фонтана, и в его обращении не было ничего, что могло бы вызвать неудовольствие императора, напротив, оно было выражено в самых надлежащих выражениях. В нем действительно требовался мир, но мир, которого его Величество мог добиться усилиями, достойными его и французского народа. "Пусть эта рука, столько раз одерживавшая победу, - говорили они, - сложит свое оружие после того, как обеспечит покой всему миру". Заслуживает внимания и следующий отрывок: "Нет, враг не уничтожит эту прекрасную и благородную Францию, которая в течение четырнадцати столетий славно проявляла себя при таких разнообразных обстоятельствах и которая в интересах самих соседних наций всегда должна иметь значительный вес в балансе сил в Европе. Залогом этого является ваше героическое постоянство и национальная честь". И снова: "Удача недолго изменяет народам, которые не пренебрегают своим долгом перед самими собой".

Этот язык, достойный истинных французов и которого, по крайней мере, требовали обстоятельства, пришелся по душе императору, как видно из ответа, который он дал 29 декабря депутации сената во главе с принцем арканцлером:

"Сенаторы, - сказал его величество, - я глубоко разделяю чувства, которые вы выражаете. Из статей, которые я вам передал, вы видели, что я делаю для установления мира. Жертвы, которых требовали предварительные условия, предложенные мне врагом, я принял; и я принесу их без сожаления, поскольку моя жизнь преследует только одну цель — счастье французского народа.

"Тем временем были захвачены Беарн, Эльзас, Франш-Конте и Брабант, и крики этой части моей семьи разрывают мне душу. Я призываю французов на помощь французам! Я призываю французов Парижа, Бретани, Нормандии, Шампани, Бургундии и других департаментов на помощь своим братьям. Оставят ли они их в беде? Мир и освобождение нашей территории должны быть нашим лозунгом. При виде всего этого вооруженного народа иностранец сбежит или согласится на мир на условиях, которые я ему предложил. Вопрос больше не в том, чтобы вернуть завоевания, которые мы совершили".

Нужно было досконально знать характер императора, чтобы понять, чего ему, должно быть, стоило произнести эти последние слова; но знание его характера также привело к уверенности, что сделать то, что он обещал, стоило бы ему меньше, чем сказать их. По-видимому, в Париже это хорошо понимали; ибо в тот день, когда "Монитор" опубликовал ответ его Величества сенату, акции выросли в цене более чем на два франка, что император не преминул отметить с большим удовлетворением; ибо, как хорошо известно, рост и падение акций были для него настоящим термометром общественного мнения.

Что касается поведения Законодательного корпуса, я слышал, как оно осуждалось человеком реальных заслуг, глубоко проникнутым республиканскими принципами. Однажды он произнес в моем присутствии слова, которые поразили меня: "Законодательный корпус сделал тогда то, что должен был делать всегда, за исключением этих обстоятельств". Из формулировок, использованных представителем комиссии, совершенно очевидно, что спикер поверил в ложные обещания Франкфуртской декларации. По его словам, или, скорее, по мнению комиссии, органом которой он, в конце концов, был, намерение иностранцев состояло не в том, чтобы унижить Францию; они только хотели удержать нас в надлежащих пределах и свести на нет результаты честолюбивой деятельности, которая в течение двадцати лет была столь фатальной для всех наций Европы. "Предложения конфедеративных держав, - заявила комиссия, - кажутся нам достойными уважения для нации, поскольку они доказывают, что иностранцы боятся и уважают нас". Наконец оратор, продолжая чтение и дойдя до отрывка, в котором упоминалась Империя Лилии, добавил в определенной фразе, что Рейн, Альпы, Пиренеи и два моря охватывают обширную территорию, несколько провинций которой не принадлежали древней Франции, и что, тем не менее, королевская корона Франции блистала славой и величием среди всех других диадем.

При этих словах герцог Масса прервал оратора, воскликнув: "То, что вы говорите, неконституционно", на что оратор яростно ответил: "Я не вижу здесь ничего неконституционного, кроме вашего присутствия", и продолжил читать свой доклад. Императору каждый день докладывали о том, что происходило на заседании Законодательного корпуса; и я помню, что в день, когда был зачитан их отчет, он выглядел очень взволнованным и перед сном ходил взад и вперед по комнате в сильном волнении, как человек, пытающийся принять какое-то важное решение. Наконец он решил не разрешать публикацию обращения Законодательного корпуса, которое было сообщено ему в соответствии с обычаем. Время поджимало; на следующий день было бы слишком поздно, поскольку обращение было бы распространено в Париже, где общественное мнение и без того было сильно встревожено. В результате министру общей полиции был отдан приказ изъять копию отчета и адреса в типографии и порвать уже подготовленные бланки. Помимо этого, был также отдан приказ закрыть двери Законодательного корпуса, что и было сделано, и законодательное собрание, таким образом, оказалось закрытым.

Я слышал, как многие люди в то время глубоко сожалели о том, что его Величество принял эти меры, и, прежде всего, о том, что, приняв их, он на этом не остановился. Было сказано, что, поскольку заседание Законодательного корпуса теперь закрыто силой, лучше, каким бы ни был результат, созвать другую палату и что император не должен признавать членов той, которую он распустил. Его величество думал иначе и дал депутатам прощальную аудиенцию. Они прибыли в Тюильри; и там его слишком справедливое негодование нашло выход в следующих словах:

"Я скрыл ваше обращение, так как оно было зажигательным. Одиннадцать двенадцатых Законодательного корпуса состоят из добропорядочных граждан, которых я знаю и к которым питаю большое уважение; другая двенадцатая состоит из мятежных личностей, преданных Англии. Ваша комиссия и ее председатель, месье Лейн, принадлежат к этому числу. Он переписывается с принцем-регентом через адвоката Дезезе. Я это знаю и имею доказательства. Остальные четверо принадлежат к той же фракции. Если есть нарушения, которые необходимо исправить, то разве сейчас время для протестов, когда двести тысяч казаков пересекают наши границы? Разве сейчас подходящий момент для споров о личной свободе и безопасности, когда речь идет о сохранении политической свободы и национальной независимости? Врагу необходимо оказать сопротивление; вы должны последовать примеру эльзасцев, вогезов и жителей Франш-Конте, которые хотят выступить против них и обратились ко мне за оружием. В своем обращении вы пытаетесь отделить суверена от нации. Я здесь представляю народ, который отдал мне четыре миллиона своих голосов. Если бы я верил вам, я уступил бы врагу больше, чем он требует. Через три месяца у вас будет мир, или я погибну. Ваше обращение было оскорблением для меня и Законодательного корпуса".

Хотя журналам было запрещено повторять подробности этой сцены, слухи о ней распространились по Парижу с быстротой молнии. Слова императора повторялись и комментировались; уволенные депутаты озвучивали их по всем ведомствам. Я помню, как на следующий день премьер-архиканцлер явился к императору и попросил аудиенции; это было в пользу месье Дезезе, чьим покровителем он тогда был. Несмотря на угрожающие слова его величества, он обнаружил, что тот не расположен принимать суровые меры, ибо его гнев уже исчерпал себя, как это всегда бывало с императором, когда он отдавался своим первым эмоциям ярости. Однако фатальное недоразумение между Законодательным корпусом и императором, вызванное докладом комитета этого органа, привело к самым печальным последствиям; и легко представить, как сильно враг, должно быть, радовался этому, поскольку многочисленные агенты, которых они использовали во Франции, всегда своевременно сообщали им об этом. Именно при таких печальных обстоятельствах завершился 1813 год. В будущем мы увидим, каковы были последствия этого и, фактически, история, до сих пор не написанная, внутренней жизни императора в Фонтенбло, то есть самого болезненного периода моей жизни.

ГЛАВА XXI.

Чтобы нейтрализовать последствия, которые могли быть произведены в провинциях докладами членов Законодательного корпуса и перепиской паникеров, его Величество назначил из числа членов консервативного сената определенное количество уполномоченных, которым он поручил посетить департаменты и восстановить доверие общественности. Это была в высшей

степени спасительная мера, которой настоятельно требовали обстоятельства; ибо массы населения начали ощущать уныние, а, как хорошо известно, в таких случаях присутствие высшей власти восстанавливает уверенность тех, кто всего лишь робок. Тем не менее, враг продвигался в нескольких направлениях и уже вторгся на территорию Старой Франции. Когда это известие дошло до императора, оно глубоко огорчило его, но не одолело. Временами, однако, его возмущение прорывалось наружу; прежде всего, когда он узнавал из сообщений о том, что французские эмигранты вступили в ряды врага, которых он клеймил именем предателей, гнусных и жалких созданий, недостойных жалости. Я помню, что по случаю взятия Хунингена он таким образом охарактеризовал некоего г-на де Монжуа, который теперь служил в баварской армии, взяв немецкое имя, которое я забыл. Однако император добавил: "По крайней мере, у него хватило скромности не сохранить свое французское имя". Обычно легко соглашавшийся почти по всем пунктам, император был безжалостен ко всем, кто поднимал оружие против своей страны; и бесчисленное количество раз я слышал, как он говорил, что в его глазах не было большего преступления.

Чтобы не усугублять ситуацию из-за стольких противоречивых интересов, которые сталкивались и противоречили друг другу с каждым днем все больше, император уже подумывал отправить Фердинанда VII обратно в Испанию. Я уверен, что его величество даже делал ему некоторые предложения по этому поводу во время своего последнего пребывания в Париже; но именно испанский принц возражал против этого, не переставая, напротив, требовать защиты императора. Больше всего на свете он желал стать союзником его Величества, и было хорошо известно, что в своих письмах к его величеству он постоянно убеждал его дать ему жену по выбору императора. Император всерьез подумывал женить его на старшей дочери короля Иосифа, что казалось средством одновременного примирения прав принца Иосифа и Фердинанда VII, и король Иосиф не просил ничего лучшего, как присоединиться к этому соглашению; и судя по тому, как он использовал свою королевскую власть с начала своего правления, нам позволено думать, что его величество не сильно возражал против этого. Принц Фердинанд согласился на этот союз, который казался ему очень приятным, как вдруг в конце 1813 года ему потребовалось время; и ход событий поставил это дело в ряд тех, которые существовали только в намерении. Принц Фердинанд наконец покинул Валенсе, но позже, чем ему разрешил император, и в течение некоторого времени его присутствие было лишь дополнительным затруднением. Однако у императора не было причин жаловаться на его поведение по отношению к нему до окончания событий в Фонтенбло.

Во всяком случае, при серьезном положении дел вопросы, касающиеся принца Испанского, были лишь второстепенными, не более важными, чем пребывание папы римского в Фонтенбло; главным пунктом, целью, которая преобладала во всем, была защита территории Франции, которая в первые дни января оказалась захваченной во многих местах. Это была единственная мысль его величества, которая, тем не менее, не помешала ему, согласно обычаю, приступить ко всем обязанностям своего управления; и вскоре мы увидим, какие меры он предпринял для восстановления национальной гвардии Парижа. У меня есть по этому вопросу определенные документы и подробности, которые малоизвестны, от человека, чье имя я не имею права называть, но чье положение дало ему возможность ознакомиться со всеми тонкостями его формирования. Поскольку все эти обязанности все еще требовали более чем месячного присутствия его Величества в Париже, он оставался там до 25 января.

Но какие роковые известия он получил за эти двадцать пять дней!

Сначала император узнал, что русские, столь же беспринципные, как и австрийцы, в соблюдении условий капитуляции, которые обычно считаются священными, только что растоптали ногами условия, достигнутые в Данциге. От имени императора Александра принц Вюртембергский, командовавший осадой, признал и гарантировал генералу Раппу и войскам, переданным под его командование, право вернуться во Францию, и это соглашение соблюдалось не больше, чем за несколько месяцев до этого соглашение, заключенное принцем Шварценбергом с маршалом Сен-Сиром; таким образом, гарнизон Данцига был взят в плен с такой же недобросовестностью, как и гарнизон Дрездена. Это известие, дошедшее до него почти одновременно со сдачей Торгау, огорчило его величество тем сильнее, что помогло доказать ему, что эти могущественные враги хотели заключить мир только на словах, с решимостью всегда отступить до того, как будет достигнуто определенное решение.

В то же время новости из Лиона никоим образом не были обнадеживающими. Командование этим пунктом было доверено маршалу Ожеро, и его обвинили в том, что ему не хватило энергии, необходимой для того, чтобы предвидеть или остановить вторжение на юг Франции. Далее я не буду сейчас останавливаться на этом обстоятельстве, предлагая в следующей главе собрать свои сувениры, которые более конкретно относятся к началу кампании во Франции и некоторым обстоятельствам, предшествовавшим ей. Поэтому я ограничиваюсь тем, что вспоминаю, насколько мне не изменяет память, события, произошедшие в последние дни пребывания императора в Париже.

С 4 января его величество, хотя и потерял, как я уже сказал, некоторое время назад всякую надежду склонить захватчиков к заключению мира, в котором так нуждался весь мир, дал свои инструкции герцогу Виченцскому и отправил его в штаб союзников; но он был вынужден долго ждать получения своих паспортов. В то же время префектам департаментов на захваченной территории были разосланы специальные распоряжения относительно поведения, которого они должны придерживаться в таких сложных обстоятельствах. Думая в то же время, что необходимо подавать пример, чтобы укрепить мужество робких, император приказал создать комиссию по расследованию, которой было поручено расследовать поведение барона Капелле, префекта департамента Леман, во время вступления врага в Женеву. Наконец, был издан указ о мобилизации ста двадцати батальонов Национальной гвардии Империи и предписан массовый набор во всех восточных департаментах всех мужчин, способных носить оружие. Превосходные меры, несомненно, но тщетные! Судьба оказалась сильнее даже гения великого человека.

Между тем 8 января появился указ, призывавший на действительную службу тридцать тысяч человек Национальной гвардии Парижа в тот самый день, когда по странному и роковому совпадению король Неаполя подписал союзный договор с Великобританией. Император оставил за собой главное командование Национальной парижской гвардией и сформировал штаб следующим образом: заместитель главнокомандующего, четыре помощника, которые были генерал-майорами, четыре адъютанта-коменданта и восемь помощников капитана. В каждом округе был сформирован легион, и каждый легион был разделен на четыре батальона, разделенных на пять рот.—Затем император назначил следующих высших чинов:

Заместитель главнокомандующего генерал-маршал де Монси, герцог Конельяно.

Адъютанты—генерал-майоры. Дивизионный генерал граф Халлен; граф Бертран, главный маршал дворца; граф Монтескье, главный камергер; граф де Монморанси, камергер императора.

Адъютанты-коменданты.— Барон Лаборд, адъютант-комендант почты Парижа; граф Альбер де Бранкас, камергер императора; граф Жермен, камергер императора; месье Туртон.

Помощники капитанов.— Граф Ларибуазьер; шевалье Адольф де Моссьон; господа Жюль де Монбретон, сын конюшего принцессы Боргезе; Коллен-младший, младший; Лекордые-младший; Лемуан-младший; Кардон-младший; Мале-младший.

Вожди двенадцати легионов.— Первый легион, граф де Гонто, старший; второй легион, граф Реньо де Сен-Жан д'Анжели; третий легион, барон Хоттингер, банкир; четвертый легион, граф Жобер, управляющий банком Франции; пятый легион, М. Добержон де Мурина; шестой легион, М. де Фрагье; седьмой легион, М. Лепилер де Бреванн; восьмой легион, М. Ришар Ленуар; девятый легион, М. Девен де Гавиль; десятый легион, герцог Кадорский; одиннадцатый легион, граф де Шуазель Праслин, камергер императора; двенадцатый легион, месье Саллерон.

По именам, которые мы только что прочитали, мы можем судить о невероятной проницательности, благодаря которой его Величеству удалось выбрать среди самых выдающихся людей из различных классов общества наиболее популярных и влиятельных с точки зрения их положения. Рядом с именами, снискавшими славу в глазах императора и поддерживавшими его в его великих начинаниях, можно было найти тех, чьи притязания на отличия были более древними и вызвали благородные воспоминания, и, наконец, руководителей основных отраслей промышленности столицы. Этот вид слияния привел императора в восторг; и он, должно быть, придавал ему большое политическое значение, поскольку эта идея занимала его внимание до такой степени, что я часто слышал, как он говорил: "Я хочу смешать все классы, все эпохи, всю славу. Я желаю, чтобы ни один титул не был более славным, чем титул француза". Почему судьба распорядилась так, что императору не было предоставлено времени для осуществления его обширных планов во имя славы и счастья Франции, о которых он так часто говорил? Назначив штаб Национальной гвардии и начальников двенадцати легионов, император предоставил выдвижение других офицеров, а также формирование легионов выбору г-на де Шаброля, префекта Сены. Этот достойный чиновник, к которому император был очень привязан, проявил при этих обстоятельствах величайшее рвение и активность, и за короткое время Национальная гвардия приобрела внушительный вид. Они были вооружены, экипированы и одеты наилучшим образом; и это рвение, которое можно было бы назвать всеобщим, было в эти последние дни одним из утешений, наиболее глубоко тронувших сердце императора, поскольку он видел в нем доказательство привязанности парижан к своей особе и дополнительный повод чувствовать себя уверенным в спокойствии столицы во время его приближающегося отсутствия. Как бы то ни было, вскоре было сформировано бюро национальной гвардии, которое разместилось в резиденции маршала Монси на улице Фобур Сент-Оноре, недалеко от площади Бово; к нему были прикреплены один распорядитель запросов и два аудитора государственного совета. Распорядитель запросов, старший офицер инженерных войск, шевалье Аллен, вскоре стал душой всего руководства Национальной гвардии, поскольку никто не был более способен, чем он, придать живой импульс организации, которая требовала большой оперативности. Человек, от которого я получил эту информацию, которую я приобщаю к своим личным воспоминаниям,

заверил меня, что после, то есть после нашего отъезда в Шалон-сюр-Марн, мсье Аллен приобрел еще большее влияние в Национальной гвардии, настоящим главой которой он был. Фактически, когда король Жозеф получил от императора звание генерал-лейтенанта, которым его Величество наградил его на время своего отсутствия, мсье Аллен оказался прикрепленным, с одной стороны, к штабу короля Жозефа в качестве офицера инженерных войск, а с другой - к заместителю главнокомандующего в качестве распорядителя запросов. В результате он был посредником и советником во всех коммуникациях, которые обязательно устанавливались между генерал-лейтенантом императора и маршалом Монси, и оперативность его решений была источником большой пользы для этого доброго и серьезного маршала. Он подписывал все письма "Маршал, герцог де Конельяно" и писал так медленно, что у мсье Аллена было, так сказать, время написать корреспонденцию, пока маршал ставил свою подпись. Аудиторы государственного совета обязанности этих двоих были ничем, или почти ничем; но эти люди ни в коем случае не были никем, как утверждалось, хотя некоторые из них, конечно, проскользнули в совет, поскольку первым условием для занятия этой должности было просто подтвердить доход по меньшей мере в шесть тысяч франков. Это были г-н Дюкансель, декан аудиторской комиссии, и г-н Робер де Сент-Круа. Снаряд сломал последнему ногу при возвращении из Москвы, и этот храбрый молодой человек, капитан кавалерии, вернулся верхом на пушке с берегов Березины в Вильну. Обладая небольшой физической силой, но одаренный сильным умом, месье Робер де Сент-Круа был обязан своему моральному мужеству не сдаться; и после ампутации ноги он сменил шпагу на перо, и таким образом он стал аудитором государственного совета.

Через неделю после того, как Национальная гвардия города Парижа была призвана на службу, начальникам двенадцати легионов и генерального штаба было разрешено принять присягу на верность из рук императора. Национальная гвардия уже была организована в легионы; но остро ощущалась нехватка оружия, и многие граждане могли раздобыть только копья, а те, кто не мог раздобыть ружей или купить их, тем самым охладили свой пыл к вооружению. Тем не менее, гражданская гвардия вскоре набрала желаемое количество в тридцать тысяч человек, и постепенно она заняла различные должности в столице; и в то время как отцы семейств и граждане, занятые домашней работой, были зачислены без труда, те, кто уже выплатил свои долги своей стране на поле боя, также потребовали, чтобы им разрешили снова служить ей и пролить за нее последнюю каплю своей крови. Солдаты-инвалиды умоляли возобновить их службу. Сотни этих храбрых солдат забыли о своих страданиях и, покрытые почетными ранами, снова вышли навстречу врагу. Увы! очень немногим из тех, кто тогда покинул Отель инвалидов, посчастливилось вернуться.

Между тем приближался момент отъезда императора; но перед отъездом он трогательно попрощался с Национальной гвардией, как мы увидим в следующей главе, и доверил регентство императрице, как он ранее доверил это ей во время кампании в Дрездене. Увы, на этот раз императору не пришлось совершать долгого путешествия, прежде чем он оказался во главе своей армии.

ГЛАВА XXII.

Теперь мы собираемся начать кампанию чудес; но прежде чем рассказать о событиях, свидетелем которых я был в этой кампании, во время которой я, так сказать, ни разу не покидал Императора, необходимо, чтобы я здесь описал несколько сувениров, которые можно рассматривать как необходимое введение. Хорошо известно, что швейцарские кантоны торжественно заявили императору, что они не допустят нарушения границ своей территории и что они сделают все возможное, чтобы воспрепятствовать проходу союзных армий, которые маршировали к границам Франции через Брайсгау. Император, чтобы остановить их продвижение, рассчитывал на разрушение моста Бейль; но этот мост не был разрушен, и Швейцария, вместо того чтобы сохранить обещанный нейтралитет, вступила в коалицию против Франции. Иностранные армии перешли Рейн у Бейла, Шаффхаузена и Мангейма. Капитуляции, достигнутые с генералами союзных войск в отношении французских гарнизонов Данцига, Дрездена и других укрепленных городов, были, как мы видели, открыто нарушены. Таким образом, маршал Гувион Сен-Сир и его армейский корпус были, вопреки положениям, содержащимся в договорах, окружены превосходящими силами, разоружены и отправлены в качестве пленных в Австрию; а двадцать тысяч человек, остатки гарнизона Данцига, были арестованы по приказу императора Александра и препровождены в русские пустыни. Женева открыла свои ворота врагу в январе следующего года. Везуль, Эпиналь, Нанси, Лангр, Дижон, Шалон-сюр-Сон и Бар-сюр-Об были оккупированы союзниками.

Император, по мере того как опасность становилась все более острой, проявлял еще больше своей энергии и неутомимой деятельности. Он настаивал на организации новых сборов и, чтобы оплатить самые неотложные расходы, извлек тридцать миллионов из своей тайной казны, хранившейся в запасниках павильона Марсан. Однако набор новобранцев производился с трудом, поскольку только в течение 1813 года на поле боя было призвано миллион сорок тысяч солдат, и Франция больше не могла выдерживать такие огромные потери. Тем временем со всех сторон прибывали ветераны для зачисления в армию, и генерал Карно предложил свои услуги императору, который был очень тронут этим поступком и доверил ему оборону Антверпена. Усердие и мужество, с которыми генерал справился с этой важной миссией, хорошо известны. Подвижные колонны и корпуса партизан взялись за оружие в восточных департаментах, и несколько богатых собственников набирали и организовывали отряды добровольцев, в то время как отборная кавалерия формировалась в корпуса, кавалеры которых снаряжались за свой счет.

В разгар этих приготовлений император получил известие, глубоко взволновавшее его, — неаполитанский король только что присоединился к врагам французов. В предыдущий раз, когда его Величество видел, как королевский принц Швеции, после того как был маршалом и принцем Империи, вступил в коалицию против своей родной страны, я слышал, как он разразился упреками и возгласами негодования, хотя у короля Швеции было более чем одна причина выступить в свою защиту, находясь в одиночестве на севере и окруженный могущественными врагами, против которых он был совершенно неспособен бороться, даже если бы интересы его новой страны были неотделимы от интересов Франции. Отказавшись вступить в коалицию, он навлек бы на Швецию гнев ее грозных соседей, а вместе с тронem

принес бы в жертву и бесплодно разорил нацию, которая его приняла. Своим возвышением он был обязан не императору. Но король Иоахим, напротив, всем был обязан императору, ибо именно он отдал ему в жены одну из своих сестер, подарил ему трон и обращался с ним так же хорошо, как если бы он был братом, и даже лучше, чем если бы он был братом. Следовательно, долгом неаполитанского короля, равно как и его интересами, было не отделять свое дело от дела Франции; ибо, если император падет, как могли короли из его собственной семьи, которых он произвел, надеяться устоять? И король Иосиф, и Джером хорошо понимали это, а также храбрый и преданный принц Евгений, который мужественно поддерживал в Италии дело своего приемного отца. Если бы неаполитанский король объединился с ним, они могли бы вместе двинуться на Вену, и это дерзкое, но в то же время вполне осуществимое движение безошибочно спасло бы Францию.

Вот некоторые из размышлений, которые я слышал от императора, когда он говорил о предательстве неаполитанского короля, хотя в первые мгновения, однако, он рассуждал не так спокойно. Его гнев был крайним, и к нему примешивались горе и эмоции, близкие к жалости: "Мюрат! - воскликнул он. - Мюрат предал меня! Мюрат продан англичанам! Бедняга! Он воображает, что, если союзникам удастся свергнуть меня, они оставят ему трон, на который я его посадил. Бедный дурак! Наихудшая участь, которая может постигнуть его, - это то, что его предательство увенчается успехом, ибо от своих новых союзников он мог бы ожидать меньше жалости, чем от меня.

Вечером накануне своего отъезда в армию император принял корпус офицеров Национальной парижской гвардии, и прием состоялся в большом зале Тюильри. Эта церемония была печальной и внушительной. Его Величество предстал перед собранием вместе с ее Величеством императрицей, которая держала за руку короля Рима, которому не хватило двух месяцев, в возрасте трех лет. Хотя его речь по этому поводу, несомненно, уже хорошо известна, я повторяю ее здесь, поскольку не хочу, чтобы в моих Мемуарах отсутствовали эти прекрасные и торжественные слова моего бывшего учителя:

"ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, офицеры Национальной гвардии, я с большим удовольствием вижу вас собравшимися вокруг меня. Сегодня вечером я уезжаю, чтобы встать во главе армии. Покидая столицу, я с доверием вверяю вашей заботе мою жену и моего сына, на которых возлагается так много надежд. Я обязан вам этим доказательством моего доверия в обмен на все бесчисленные доказательства, которые вы неоднократно приводили мне в важных событиях моей жизни. Я уеду с душой, свободной от тревог, поскольку они будут под вашей надежной защитой. Я оставляю вам то, что для меня дороже всего на свете, после Франции, и я добровольно вверяю это вашим заботам. - Может случиться так, что в результате маневров, которые я собираюсь предпринять, враг найдет возможность приблизиться к вашим стенам. Если это произойдет, помните, что это займет всего несколько дней, и я скоро приду вам на помощь. Я рекомендую вам сохранять единство между собой и противостоять всем инсинуациям, с помощью которых будут предприниматься попытки разделить вас. Не будет недостатка в попытках поколебать вашу верность долгу, но я полагаюсь на то, что вы отразите эти вероломные попытки".

В конце этой речи император обратил свой взор на императрицу и короля Рима, которых его августейшая мать держала на руках, и, представив собранию взглядом и жестами этого ребенка, чье выразительное личико, казалось, отражало торжественность события, добавил

взволнованным голосом: "Я вверяю его вам, господа; я вверяю его любви моего верного города Парижа!" При этих словах его Величества раздались бесчисленные крики, и бесчисленное количество рук было поднято, клянясь защитить это бесценное доверие. Императрица, залитая слезами и бледная от охватившего ее волнения, упала бы, если бы император не поддержал ее в своих объятиях. При этом зрелище энтузиазм достиг апогея, слезы потекли у всех из глаз, и не было ни одного присутствующего, который, казалось, не был готов, удаляясь, пролить свою кровь за императорскую семью. По этому случаю я снова впервые увидел господина де Буррьена во дворце; на нем была, если я не ошибаюсь, форма капитана Национальной гвардии.

25 января император отправился к армии, возложив регентство на ее Величество императрицу; и в ту же ночь мы достигли Шалон-сюр-Марн. Его прибытие остановило продвижение армии противника и отступление наших войск. Через два дня после этого он, в свою очередь, атаковал союзников при Сен-Дизье. Въезд Его Величества в этот город был отмечен самыми трогательными проявлениями энтузиазма и преданности. В тот самый момент, когда император вышел, бывший полковник г-н Буланд, старик более семидесяти лет, бросился к ногам его величества, выражая ему глубокую скорбь, которую причинил ему вид иностранных штыков, и свою уверенность в том, что император прогонит их с земли Франции. Его Величество помог старому ветерану подняться и весело сказал ему, что он ничего не пожалеет, чтобы исполнить столь благоприятное предсказание. Союзники вели себя при Сен-Дизье самым бесчеловечным образом: женщины и старики умирали или заболели от жестокого обращения, которому они подвергались; и можно себе представить, какой радостью было прибытие его Величества в страну.

Когда враг был отброшен при Сен-Дизье, император узнал, что силезская армия сосредоточена у Бриенны, и немедленно выступил в поход через лес Део, а храбрые солдаты, следовавшие за ним, казались такими же неутомимыми, как и он сам. Он остановился в деревне Экларон, где его величество выплатил жителям определенную сумму на ремонт их церкви, разрушенной врагом. Городской хирург подошел, чтобы поблагодарить императора, и его Величество, внимательно осмотрев его, сказал ему: "Вы служили в армии, месье?" — "Да, сир; я был в армии Египта". — "Почему у вас нет креста?" — "Сир, потому что я никогда не просил его". — "Месье, вы тем более достойны его. Я надеюсь, вы наденете то, что я вам подарю". И через несколько минут его свидетельство было подписано императором и вручено новому кавалеру, которому император рекомендовал уделять самое пристальное внимание больным и раненым нашей армии, которые могли бы быть вверены его попечению.

[Известно, что император не отличался щедростью при раздаче Почетного Креста. Я привожу здесь дополнительное доказательство этого факта. Он был очень доволен услугами господина Вейрата, генерального инспектора полиции, и пожелал получить Крест. Я представил петиции на этот счет его величеству, который однажды сказал мне: "Я вполне доволен Вейратом. Он хорошо служит мне, и я дам ему столько денег, сколько он пожелает; но Крест — никогда!" - КОНСТАНТ.]

При въезде в Мезьер его величество был встречен городскими властями, духовенством и Национальной гвардией. "Господа, - сказал император Национальной гвардии, столпившейся вокруг него, - сегодня мы сражаемся за наши очаги; давайте защитим их таким образом, чтобы казаки не могли прийти погреться у них. Они плохие гости, которые не оставят для вас места. Давайте покажем им, что каждый француз рождается солдатом, и храбрым!" Его величество,

приняв почтение викария, заметил, что этот священнослужитель относится к нему с крайним интересом и волнением, следовательно, присмотрелся к доброму священнику более внимательно и вскоре узнал в нем одного из бывших регентов Бриенского колледжа. "Что? это вы, мой дорогой учитель?" - воскликнул император. "Значит, вы никогда не покидали своего уединения! Тем лучше, поскольку по этой причине вы сможете только лучше служить делу своей родины. Мне нет нужды спрашивать, знаете ли вы здешнюю местность". — "Сир, - ответил викарий, - я мог бы найти дорогу с закрытыми глазами". — "Тогда пойдемте с нами; вы будете нашим проводником, и мы побеседуем". Достойный священник немедленно оседлал своего хорошо выезженного коня и занял место в центре императорского посоха.

В тот же день мы прибыли к Бриенне. Поход императора был таким тайным и быстрым, что пруссаки ничего не слышали об этом, пока он внезапно не появился перед их глазами. Несколько генералов были взяты в плен; а сам Блюхер, который спокойно выходил из замка, успел только развернуться и бежать так быстро, как только мог, под градом пуль из нашего авангарда. Император на мгновение подумал, что прусский генерал схвачен, и воскликнул: "Мы поймали этого старого лихача. Теперь кампания не будет долгой". Русские, обосновавшиеся в деревне, подожгли ее, и посреди пламени произошло сражение. Наступила ночь, но бой все еще продолжался; и в течение двенадцати часов деревня была взята и отбита много раз. Император был в ярости от того, что Блюхеру удалось сбежать. Возвращаясь в ставку, расположенную в Мезьере, его величество чудом избежал того, чтобы его пронзила пика казака; но прежде чем император заметил движение негодяя, храбрый полковник Гурго, шедший позади его величества, застрелил казака из пистолета.

С императором было всего пятнадцать тысяч человек, и они вели равную борьбу с восьмьюдесятью тысячами иностранных солдат. По окончании сражения пруссаки отступили к Бар-сюр-Об, а его величество обосновался в Бриеннском замке, где провел две ночи. Во время этого пребывания я вспомнил то, что сделал десять лет назад в том же самом Бриеннском замке, когда император направлялся в Милан с намерением добавить титул короля Италии к титулу императора Франции. "Сегодня, - сказал я себе, - для него потеряна не только Италия, но и здесь, в центре Французской империи, в нескольких лье от своей столицы, император защищается от бесчисленных врагов!" Когда я впервые увидел Бриенну, император был принят как суверен знатной семьей, которая пятнадцать лет назад приветствовала его как протеже. Там он воскресил самые счастливые воспоминания о своем детстве и юности; и, сравнивая себя в 1805 году с тем, кем он был в Военной школе, с гордостью говорил о пройденном им пути. В 1814 году, 31 января, стал виден конец, к которому клонился этот путь. Дело не в том, что я хочу объявить себя предвидевшим падение императора, поскольку я не заходил так далеко, как это. Привыкшие видеть, что он доверяет своей звезде, большая часть тех, кто его окружал, доверяли ей не меньше, чем он сам; но, тем не менее, мы не могли скрыть от самих себя, что произошли большие перемены. Чтобы обманывать себя в этом отношении, нужно было бы закрыть глаза, чтобы не видеть и не слышать этого множества иностранцев, которых мы до сих пор видели только в их собственной стране, и которые, в свою очередь, теперь были среди нас.

Фактически, на каждом шагу мы находили ужасные доказательства присутствия врага. Овладев городами и деревнями, они арестовывали жителей, жестоко обращались с ними, нанося удары саблями и прикладами ружей, срывая с них одежду и принуждая следовать за ними тех, кого они считали способными служить проводниками в их походе; и если их вели не так, как они ожидали, они убивали мечом или расстреливали своих несчастных пленников. Повсюду

жителей заставляли поставлять провизию, питье, скот, фураж, словом, все, что могло пригодиться армии, производившей огромные реквизиции; и когда они истощали все ресурсы своих жертв, они завершали свою разрушительную работу грабежом и поджогами. Пруссаки, и прежде всего казаки, отличались звериной свирепостью. Иногда эти отвратительные дикари врывались в дома большими силами, делили между собой все, что попадало им в руки, нагружали награбленным своих лошадей и разрывали на куски то, что не могли унести. Иногда, не находя достаточно средств для удовлетворения своей жадности, они выламывали двери и окна, разрушали потолок, чтобы вырвать балки, и устраивали из этих частей и мебели, которая была слишком тяжелой, чтобы ее можно было унести, пожар, который, перекинувшись на крыши соседних домов, в одно мгновение пожирал жилища несчастных обитателей и вынуждал их укрываться в лесу.

Иногда более состоятельные жители давали им то, что они требовали, особенно бренди, которое они жадно пили, думая таким согласием спастись от их свирепости; но эти варвары, разгоряченные выпивкой, доводили свои бесчинства до последней степени. Они хватали девушек, женщин и слуг и немилосердно избивали их, чтобы заставить пить бренди до полного опьянения. У многих женщин и молодых девушек хватало мужества и силы защищаться от этих разбойников; но они объединялись втроем или вчетвером против одного и часто, чтобы отомстить за сопротивление этих несчастных созданий, калечили и убивали их, предварительно надругавшись над ними, или бросали в гущу костров бивуаков. Фермы были сожжены дотла, а семьи, еще недавно богатые или находившиеся в комфортных условиях, в одно мгновение погрузились в отчаяние и нищету. Мужья и старики были убиты мечом, пытаясь защитить честь своих жен и дочерей; а когда бедные матери попытались подойти к кострам, чтобы согреть детей у своей груди, они были обожжены или убиты взрывом пачек патронов, которые казаки намеренно бросали в огонь; и крики боли и агонии заглушались взрывами смеха этих чудовищ.

Я бы никогда не закончил, если бы попытался описать все зверства, совершенные этими иностранными ордами. Во времена Реставрации было принято говорить, что жалобы и рассказы тех, кто подвергался этим эксцессам, были преувеличены страхом или ненавистью. Я даже слышал, как очень достойные люди приятно подшучивали над милыми нравами казаков. Но эти умники всегда держались подальше от театра военных действий, и им посчастливилось поселиться в департаментах, которые не пострадали ни от первого, ни от второго вторжения. Я бы не советовал им адресовать свои любезности несчастным жителям Шампани или вообще восточных департаментов. Утверждалось также, что союзные монархи и генеральные офицеры русской и прусской армий строго запрещали любое насилие в своих регулярных войсках и что зверства совершались недисциплинированными и неуправляемыми бандами казаков. Во многих случаях, особенно в Кладовых, я имел возможность ознакомиться с доказательствами обратного. Этот город, несомненно, не забыл, как принцы Вюртембергский и Гогенлоэ и сам император Александр оправдывали поджоги, грабежи, нарушения прав человека и многочисленные убийства, совершенные на их глазах не только казаками, но и регулярно зачисляемыми и дисциплинированными солдатами. Ни государи, ни их генералы не принимали никаких мер, чтобы положить конец подобным зверствам, и тем не менее, когда они покидали город, от них требовался только приказ немедленно вывести орды казаков, опустошавшие страну.

Поле Ла Ротьер было, как я уже говорил, местом встречи воспитанников военной школы в Бриенне. Именно там император, будучи ребенком, предвосхитил в своем общении с учеными

свои грандиозные сражения. Сражение при Ла-Ротьере было ожесточенным, и противник лишь ценой большой крови добился преимущества, которым он был полностью обязан своему численному превосходству. Ночью, последовавшей за этой неравной битвой, император приказал отступить из Клада. Вернувшись в замок после битвы, его величество чудом избежал неминуемой опасности. Он обнаружил, что окружен отрядом уланов, и обнажил шпагу, чтобы защититься. местье Жарден-младший, его конюший, следовавший за императором по пятам, получил пулю в руку. Несколько егерей из эскорта были ранены, но им, наконец, удалось освободить его Величество. Я могу утверждать, что его Величество проявлял величайшее самообладание во всех столкновениях такого рода. В тот день, когда я расстегнул его перевязь с мечом, он наполовину вытащил его из ножен, сказав: "Знаешь ли ты, Констант, эти негодяи заставили меня рубить ветер этим оружием? Негодяи слишком наглы. Необходимо преподать им урок, чтобы они научились держаться на почтительном расстоянии".

В мои намерения не входит описывать историю этой кампании во Франции, в ходе которой император проявил активность и энергичность, которые довели до высшей точки восхищение тех, кто его окружал. К сожалению, преимущества, которые он получил, постепенно истощили его собственные войска, в то время как у противника были только потери, которые они легко восполнили. Это было, как хорошо сказал местье Буррьен, сражение альпийского орла со стаей воронов: "Орел может убивать их сотнями. Каждый удар его клюва - смерть врага; но вороны возвращаются в еще большем количестве и продолжают атаковать орла, пока, наконец, не одолеют его." При Шамп-Обере, при Монмирайле, при Нанжи, при Монтеро и при Арси, а также в двадцати других сражениях император добился преимущества благодаря своему гению и мужеству нашей армии; но все было напрасно. Едва эти массы противника были рассеяны, как перед нашими солдатами, измотанными непрерывными боями и форсированными маршами, снова образовались свежие. Армия, особенно та, которой командовал Блюхер, казалось, возрождалась сама по себе, и всякий раз, когда терпела поражение, появлялась вновь с силами, равными, если не превосходящими, тем, которые были уничтожены или рассеяны. Как можно бесконечно сопротивляться такому огромному численному превосходству?

ГЛАВА XXIII.

Император никогда не выказывал себя столь достойным восхищения, как во время этой роковой кампании во Франции, когда, борясь с невзгодами, он снова продемонстрировал чудеса своих первых войн в Италии, когда фортуна улыбнулась ему. Его карьера началась с нападения, а конец ознаменовался самой великолепной защитой, зафиксированной в анналах войны. И можно с уверенностью сказать, что во все времена и везде его Величество проявлял себя как безупречный полководец и солдат, при любых обстоятельствах подавая пример личного мужества до такой степени, что все те, кто его окружал и чье существование зависело от его собственного, были серьезно встревожены. Например, как хорошо известно, император в битве

при Монтеро сам навел артиллерийские орудия, безрассудно подставил себя под огонь противника и сказал своим солдатам, которые были сильно встревожены грозящей ему опасностью и пытались увести его: "Оставьте меня в покое, друзья мои; пуля, которая должна убить меня, еще не отлита".

При Арсисе император снова сражался как простой солдат и не раз обнажал меч, чтобы прорубить себе путь сквозь окружавшую его гущу врагов. Снаряд упал в нескольких шагах от его лошади. Животное, испугавшись, отскочило в сторону и чуть не сбросило с лошади императора, который в этот момент с биноклем в руке был занят осмотром поля боя. Его величество снова прочно уселся в седло, вонзил шпоры в бока коня, заставил его приблизиться и ткнуть в него носом. Как раз в этот момент разорвался снаряд, и по почти невероятной случайности ни император, ни его конь даже не были ранены.

Во время этой кампании император, казалось, не раз подвергал свою жизнь подобному риску; и все же только в самом крайнем случае он оставил надежду сохранить свой трон. Для него было болезненной жертвой вести переговоры с врагом до тех пор, пока он оккупировал французскую территорию; ибо он хотел очистить землю Франции от присутствия иностранцев, прежде чем вступать с ними в какое бы то ни было соглашение. И это чувство было причиной его колебаний и отказа принять мир, который предлагался ему по разным поводам.

8 февраля император, закончив долгую беседу с двумя или тремя своими ближайшими советниками, удалился очень поздно и в состоянии крайней озабоченности. Он часто будил меня ночью, жалуясь на бессонницу, и заставлял меня снова и снова гасить и зажигать его лампу. Около пяти часов утра меня позвали снова. Я почти падал в обморок от усталости, что заметил его величество и ласково сказал мне: "Ты измотан, мой бедный Констант; мы ведем суровую кампанию, не так ли? Но продержись еще немного; скоро ты отдохнешь".

Ободренный сочувственным тоном его Величества, я взял на себя смелость ответить, что никому и в голову не придет жаловаться на усталость или лишения, которые он перенес, поскольку их разделял его Величество; но, тем не менее, желание и надежда каждого - на мир. "О да, - ответил император со сдержанной яростью, - у них будет мир; они поймут, какой это бесчестный мир!" Я промолчал; огорчение его величества глубоко огорчило меня; и в этот момент я пожалел, что его армия не состояла из таких же железных людей, как он сам, тогда он заключил бы мир только на границах Франции.

Тон доброты и фамильярности, с которым император говорил со мной по этому поводу, напоминает еще об одном обстоятельстве, о котором я забыл рассказать в надлежащем месте и которое я не должен обойти молчанием, поскольку оно представляет собой такой прекрасный пример поведения его Величества по отношению к лицам, состоящим у него на службе, и особенно ко мне. Рустан был свидетелем этого происшествия, и именно от него я узнал первые подробности.

В одном из его походов за Рейн (не помню, в каком именно) я провел несколько ночей подряд без сна и был совершенно измотан. Император ушел в одиннадцать часов и оставался три или четыре часа; и я сел в его кресло возле его стола, чтобы дожидаться его возвращения, намереваясь встать и удалиться, как только услышу, что он вошел, но был так измучен усталостью, что сон внезапно овладел мной, и я погрузился в глубокий сон, положив голову на руку, а руку на стол его Величества. Наконец император вернулся с маршалом Бертье, за ним

следовал Рустан. Я ничего не слышал. Принц де Невшатель хотел подойти и встряхнуть меня, чтобы я проснулся и уступил его Величеству свое место и стол, но император остановил его, сказав: "Дайте бедняге поспать; он провел много ночей без сна". Затем, поскольку в апартаментах не было другого стула, император самсел на край кровати, велел маршалу тоже сесть туда, и они долго беседовали, пока я продолжал спать. Наконец, когда его величеству понадобилась одна из карт со стола, на котором лежала моя рука, он, хотя и очень осторожно, вытащил ее, разбудил меня; и я немедленно вскочил на ноги, охваченный смущением и извиняясь за вольность, которую я так невольно допустил. "Месье Констан, - сказал император с чрезвычайно любезной улыбкой, - я огорчен, что побеспокоил вас. Прошу меня извинить". Я надеюсь, что это, в дополнение к тому, что я уже рассказал о том же самом, может послужить ответом тем, кто обвинял его в жестокости по отношению к своим слугам. Я возобновляю свой рассказ о событиях 1814 года.

В ночь на 8-е император, по-видимому, решил заключить мир; и вся ночь была потрачена на подготовку депеш, которые утром 9-го в девять часов были доставлены ему на подпись; но он передумал. В семь часов он получил известия из русской и прусской армий; и когда герцог Бассано вошел, держа в руке депеши, которые следовало подписать, его величество спал над картами, в которые он воткнул свои перья. "А, это вы, - сказал он своему министру. - Они нам больше не понадобятся. Сейчас мы разрабатываем планы нападения на Блюхера; он занял дорогу из Монмирайля. Я собираюсь начать. Завтра я буду драться, и еще раз послезавтра. Положение вещей вот-вот изменится, как мы увидим. Давайте не будем торопиться; у нас достаточно времени, чтобы заключить такой мир, какой они предлагают". Через час мы были на дороге в Сезанн.

В течение нескольких дней подряд после этого героические усилия императора и его храбрых солдат увенчивались блестящим успехом. Немедленно по прибытии в Шам-Обер армия, оказавшись в присутствии русского армейского корпуса, против которого она уже сражалась при Бриенне, обрушилась на него, даже не дожидаясь отдыха, отделила его от прусской армии и взяла в плен главнокомандующего и нескольких генеральных офицеров. Его величество, чье поведение по отношению к побежденным врагам всегда было благородным и великодушным, приглашал их обедать за свой стол и относился к ним с величайшим вниманием.

Враг снова был разбит у фермы де Френомаршалами Неем и Мортье и герцогом Рагузским при Во-Шане, где Блюхер снова чудом избежал пленения. При Нангисе император рассеял сто пятьдесят тысяч человек под командованием принца фон Шварценберга и приказал преследовать их маршалам Удино, Келлерману, Макдональду и генералам Трейяру и Жерару.

Накануне битвы при Ври император осмотрел все окрестности этого маленького городка; и его наблюдательный бинокль остановился на обширной болотистой местности, посреди которой находится деревня Банье, а на небольшом расстоянии - деревня Англюр, мимо которой протекает Об. Быстро миновав небезопасную местность этих опасных болот, он ступил на твердую почву и уселся на вязанку тростника, и там, прислонившись к стене хижины ночного охотника, он развернул свою карту кампании; и, изучив ее несколько мгновений, снова сел на лошадь и пустился галопом.

В этот момент к его величеству подлетела стайка чироков и бекасов, и он со смехом воскликнул: "Идите, идите, мои красавицы, освободите место для другой дичи". Его Величество сказал окружавшим его: "На этот раз они у нас в руках!"

Император скакал галопом в сторону Англюра, чтобы посмотреть, занят ли артиллерией холм Бодемон, который находится недалеко от этой деревни, когда грохот пушек, доносившийся со стороны Ври, заставил его вернуться по своим следам; и он соответственно вернулся в Ври, сказав сопровождавшим его офицерам: "Давайте скакать галопом, джентльмены, наши враги спешат; мы не должны заставлять их ждать". Через полчаса после того, как он был на поле боя. Огромные клубы дыма от горящего Ври были подняты перед русскими и прусскими колоннами и частично скрыли маневры французской армии. В этот момент все указывало на успех планов, которые император разработал тем утром на болотах Банье, поскольку все шло хорошо. Его величество предвидел поражение союзников и спас Францию, в то время как в Англюре все были в отчаянии. Население многих деревень содрогнулось при приближении врага, ибо не было ни одной пушки, которая могла бы отрезать им путь к отступлению, ни одного солдата, который помешал бы им переправиться через реку.

Положение союзников было настолько критическим, что вся французская армия считала их уничтоженными, поскольку они погрузились со всей своей артиллерией в болота и были бы скошены градом ядер из наших пушек, если бы остались там. Но внезапно было замечено, что они предприняли новое усилие, выстроились в боевой порядок и приготовились пройти Ауб. Император, который не мог преследовать их дальше, не подвергая свою армию опасности быть поглощенным болотами, сдержал порывистость своих солдат, полагая, что высоты Бодемона прикрыты артиллерией, готовой сокрушить врага; но, не услышав ни единого выстрела в этом направлении, он поспешил в Сезанн, чтобы ускорить продвижение войск, только для того, чтобы узнать, что те, кого он ожидал там найти, были отправлены в сторону Фер-Шампенуаз.

В течение этого промежутка времени человек по имени Ансарт, землевладелец в Англюре, вскочил на коня и со всех ног помчался в Сезанн, чтобы сообщить маршалу, что император преследует врага и он вот-вот переправится через Об. Добравшись до герцога и увидев, что корпус, которым он командовал, не двинулся по дороге на Англюр, он поспешил заговорить. Очевидно, приказ императора не был получен, поскольку маршал не захотел его слушать, обошелся с ним как со шпионом, и этот храбрый человек с большим трудом избежал расстрела.

Пока происходила эта сцена, его величество уже добрался до Сезанна; и, увидев вокруг себя множество жителей этой деревни, он попросил кого-нибудь проводить его до Фер Шампенуаз, после чего явился судебный пристав. Император немедленно отправился в путь в сопровождении офицеров, сопровождавших его в Сезанне, и покинул город, сказав своему проводнику: "Идите впереди, месье, и выбирайте кратчайшую дорогу". Оказавшись на небольшом расстоянии от поля битвы при Фер-Шампенуаз, его величество увидел, что каждый артиллерийский залп заставлял бедного судебного пристава вздрагивать. "Вы боитесь", - сказал ему император. "Нет, сир". — "Тогда что заставляет вас опускать голову?" — "Это потому, что я не привык, как ваше величество, слышать весь этот шум". — "Ко всему нужно привыкать. Ничего не бойся, продолжай путь". Но проводник, скорее мертвый, чем живой, натянул поводья и дрожал всем телом. "Идем, идем; я вижу, ты действительно напуган. Иди за мной. Он повиновался, повернул коня и, не останавливаясь, поскакал до Сезанна, поклявшись себе самым верным образом никогда больше не служить проводником императора в подобных случаях.

В битве при Мери император под самым огнем противника приказал перебросить небольшой мост через реку, протекающую недалеко от города. Этот мост был сооружен за час с помощью

скрепленных вместе лестниц, которые поддерживались деревянными балками; но так как этого было недостаточно, необходимо было положить на него доски. Однако ничего найти не удалось, ибо те, кто мог бы раздобыть их, не осмеливались приблизиться к открытому месту, которое в этот момент занимал его Величество. Нетерпеливый и даже разгневанный из-за того, что не смог раздобыть досок для этого моста, его величество приказал снести ставни в нескольких больших домах, расположенных недалеко от реки, и распорядился установить их и прибить гвоздями у себя на глазах. Во время этой работы его мучила сильная жажда, и он собирался зачерпнуть воды в ладонь, чтобы утолить ее, когда молодая девушка, которая отважилась на опасность, чтобы приблизиться к императору, побежала в соседний дом и принесла ему стакан воды и немного вина, которые он жадно выпил.

Удивленный, увидев эту молодую девушку в столь опасном месте, император сказал ей, улыбаясь: "Из вас вышел бы храбрый солдат, мадемуазель; и если вы согласитесь носить эполеты, вы будете одним из моих адъютантов". Молодая девушка покраснела, оказала императору любезность и уже собиралась уходить, когда он протянул ей руку, и она поцеловала ее. "Позже, - сказал он, - приезжайте в Париж и напомните мне об услуге, которую вы оказали мне сегодня. Вы будете удовлетворены моей благодарностью". Она поблагодарила императора и удалилась, очень гордая его похвальными словами.

В день битвы при Нангисе австрийский офицер пришел вечером в штаб и провел долгое секретное совещание с его величеством. Сорок восемь часов спустя, по окончании сражения при Мери, прибыл новый посланник принца фон Шварценберга с ответом императора Австрии на конфиденциальное письмо, которое его Величество написал два дня назад своему тестю. Мы оставили Мерри в огне; и в маленьком гамаке в Шатре, где была устроена штаб-квартира, для его величества нельзя было найти приюта, кроме как в мастерской колесника; и император провел там ночь, работая или лежа на кровати одетый, без сна. Там же он принял австрийского посланника, принца Лихтенштейнского. Принц долго беседовал с его величеством, и хотя о предмете их беседы ничего не было известно, никто не сомневался, что она касалась мира. После отъезда принца император пребывал в необычайно приподнятом настроении, что подействовало на всех его окружающих.

Наша армия отбила у врага тысячи пленных; Париж только что получил русские и прусские знамена, захваченные при Нанжи и Монтеро; император обратил в бегство иностранных государей, которые даже некоторое время опасались, что им не удастся вернуть границы; и результатом такого большого успеха было возвращение его Величеству прежней уверенности в своей удаче, хотя это, к сожалению, было лишь опасной иллюзией.

Принц Лихтенштейнский едва успел покинуть штаб, когда прибыл г-н де Сент-Эньян, шуриин герцога Виченцкого и конюший императора. Г-н де Сент-Эньян отправился, я думаю, к своему шурина, который был на Шатийонском конгрессе или, по крайней мере, был там раньше, поскольку заседания этого конгресса были приостановлены на несколько дней. По-видимому, перед отъездом из Парижа месье де Сент-Эньян провел беседу с герцогом Ровиго и еще одним министром, и они передали ему устное послание императору. Эта миссия была одновременно деликатной и трудной. Он бы предпочел, чтобы эти джентльмены отправили в письменном виде сообщения, которые, по их настоянию, он должен был передать его величеству, но они отказались; и как верный слуга г-н де Сент-Эньян выполнил свой долг и приготовился говорить всю правду, какой бы опасности он при этом ни подвергся.

Когда император прибыл в мастерскую колесника в Шатре, он, как мы только что видели, предавался самым блестящим мечтам; это обстоятельство было самым неудачным для г-на де Сент-Эньяна, поскольку он принес неприятные известия. Как мы узнали впоследствии, он прибыл, чтобы объявить его величеству, что ему не следует рассчитывать на общественное мнение в столице, поскольку оно ропщет по поводу затягивания войны и желает, чтобы император воспользовался случаем заключить мир. Утверждалось даже, что слово "недовольство" было произнесено во время этого тайного совещания искренними и правдивыми устами г-на де Сент-Эньяна. Я не могу утверждать, что это правда, потому что дверь была плотно закрыта, и господин де Сент-Эньян говорил вполголоса. Несомненно, однако, что его доклад и откровенность довели гнев его величества до высшей степени; и, отпустив его с резкостью, которой он, безусловно, не заслуживал, император повысил свой голос до такой высоты, что его слышали снаружи. Когда господин де Сент-Эньян удалился и его величество призвал меня исполнять мои обязанности рядом с ним, я нашел его сильно взволнованным и бледным от гнева. Через несколько часов после этой сцены император приказал подать лошадь, и г-н де Сент-Эньян, вернувшийся к своим обязанностям конюшего, подошел, чтобы поддержать ему стремя; но как только император заметил его, он бросил на него сердитый взгляд, сделал ему знак удалиться, громко воскликнув: "Месгиньи!" Это был барон де Месгиньи, еще один оруженосец его величества. В соответствии с пожеланиями его Величества г-н де Мезгиньи исполнял обязанности г-на де Сент-Эньяна, который отошел в тыл армии, чтобы переждать, пока утихнет буря. Через несколько дней с его позором было покончено, и все, кто его знал, возрадовались, ибо барона де Сент-Эньяна все любили за его приветливость и верность.

Из Шатра император двинулся на Труа. Враг, занявший этот город, поначалу, казалось, намеревался там защищаться, но вскоре сдался и покинул его по завершении капитуляции. За то короткое время, что союзники провели в Труа, роялисты публично заявили о своей ненависти к императору и о своей приверженности союзным державам, которые пришли, по их словам, только для того, чтобы возвести бурбонов на трон, и даже имели неосторожность вывесить белый флаг и белую кокарду; и иностранные войска, следовательно, защищали их, проявляя крайнюю суровость по отношению к тем жителям, которые придерживались противоположных мнений.

К несчастью для роялистов, они составляли очень незначительное меньшинство, и благосклонность, оказанная им русскими и пруссаками, заставила угнетаемое последними население ненавидеть ставленников так же сильно, как и их защитников.

Еще до въезда императора в Труа в его руки попали прокламации роялистов, адресованные офицерам его двора или армии. Он не выказал никакого гнева, но призвал тех, кто получил или мог получить сообщения подобного рода, уничтожить их и никому не сообщать о содержании. По прибытии в Труа его Величество издал указ, объявляющий смертную казнь всем французам, находящимся на службе у врага, а также тем, кто носил эмблемы и украшения древней династии. Несчастный эмигрант, обвиняемый перед военным советом, был признан виновным в том, что носил крест Людовика Святого и белую кокарду во время пребывания союзников в Труа и в том, что предоставил иностранным генералам всю информацию, на которую был способен.

Совет вынес смертный приговор, поскольку доказательства были положительными, а закон - не менее; и шевалье Гоноло пал жертвой своей необдуманной преданности делу, которое все еще

было далеко от того, чтобы казаться национальным, особенно в департаментах, занятых союзными армиями, и был казнен по военному обычаю.

ГЛАВА XXIV.

После блестящих успехов, достигнутых императором за такое короткое время, и с силами, столь значительно уступающими огромным массам противника, его величество, понимая необходимость позволить своим войскам отдохнуть несколько дней в Труа, вступил в переговоры о перемирии с принцем фон Шварценбергом.

В этот момент императору было объявлено, что генерал Блюхер, раненный при Мери, спускается по обоим берегам Мэна во главе свежей армии численностью не менее ста тысяч человек и что он движется на Мо. Принц фон Шварценберг, получив информацию об этом движении Блюхера, немедленно прервал переговоры и перешел в наступление у Бар-сюр-Сен. Император, чей гений одним взглядом отслеживал все походы и операции противника, хотя он и не мог быть везде одновременно, решил лично противостоять Блюхеру, в то время как с помощью хитрости он сделал вид, что находится напротив Шварценберга; и затем два армейских корпуса, которыми командовал один маршал Удино, другой маршал Макдональд, были отправлены навстречу австрийцам. Как только войска приблизились к лагерю противника, воздух огласился уверенными криками приветствия, которыми они обычно возвещали о присутствии его Величества, хотя в этот самый момент он со всей поспешностью направлялся навстречу генералу Блюхеру.

Мы остановились в маленькой деревушке Хербисс, где провели ночь в доме священника; и священник, увидев, что прибыл император со своими маршалами, адъютантами, артиллерийскими офицерами, службой чести и другими службами, чуть не лишился рассудка. Его Величество, выходя, сказал ему: "Господин Кюре, мы пришли просить вашего гостеприимства на ночь. Пусть вас не пугает этот визит; мы постараемся беспокоить вас как можно меньше". Император, ведомый добрым викарием, вне себя от нетерпения и смущения, обосновался в единственной квартире, которая имела в доме и служила одновременно кухней, столовой, спальней, кабинетом и приемной. В одно мгновение его величество разложил перед собой карты и бумаги и приготовился к работе с такой же легкостью, как в своем кабинете в Тюильри. Но лицам из его свиты потребовалось несколько больше времени, чтобы устроиться, поскольку такому количеству людей было нелегко найти место в пекарне, которая вместе с помещением, занимаемым его Величеством, составляла весь особняк Хербисса; но эти джентльмены, хотя среди них было более одного сановника и принца Империи, были безропотны и с готовностью приспосабливались к обстоятельствам. Веселонастроение этих доблестных солдат, несмотря на все сражения, которые им приходилось выдерживать каждый

день, в то время как события с каждым мгновением принимали все более тревожный оборот, было наиболее примечательным и хорошо отражает характер французов.

Самые молодые офицеры окружили племянницу викария, которая пела им местные песни. Добрый священник, постоянно приходивший и уходивший, прилагая усилия, чтобы достойно играть свою роль хозяина особняка, столкнулся с нападками маршала Лефевра, который в юности учился на священника и сказал, что от своего первого призвания он не сохранил ничего, кроме бритой головы, потому что ее было так легко причесать, на его собственной территории, то есть в его требнике, на него напал маршал Лефевр. Достойный маршал перемежал свои латинские цитаты теми военными выражениями, которые он так свободно употреблял, вызывая у присутствующих взрыв смеха, к которому присоединился даже сам викарий, сказавший: "Монсеньор, если бы вы продолжили обучение на священника, вы стали бы по меньшей мере кардиналом". — "Весьма вероятно, - заметил один из офицеров. - и если бы аббат Мори был старшим сержантом в 89—м, он мог бы сегодня быть маршалом Франции". — "Или умер", - добавил герцог Данцик, используя гораздо более выразительный термин. энергичное выражение лица; "и тем лучше для него, так как в этом случае он не увидел бы казаков в двадцати лье от Парижа". - "О, ба! Монсеньор, мы прогоним их", - сказал тот же офицер. - Да, - пробормотал маршал сквозь стиснутые зубы. - посмотрим, что мы увидим.

В этот момент появился мул с припасами маркитанта, которых давно и нетерпеливо ожидали. Стола не было, но один был сделан из дверцы, установленной на бочонках, а сиденья были импровизированы из досок. Старшие офицеры сели сами, а остальные ели стоя. Священник занял свое место за военным столом, на который он собственноручно расставил бутылки с лучшими винами, и со свойственным ему дружелюбием продолжил развлекать гостей. Наконец разговор зашел о Хербиссе и его окрестностях, и хозяин был крайне удивлен, обнаружив, что его гости так хорошо знают эту страну.

- А, так я понял! - воскликнул он, внимательно рассматривая их одну за другой. - Вы шампенуа! И чтобы довершить его удивление, эти джентльмены достали из своих карманов планы, на которых заставили его прочесть названия самых маленьких населенных пунктов. Тогда его изумление только сменило предмет, ибо ему и в голову не приходило, что военная наука требует такого тщательного изучения. "Какой труд!" - ответил добрый викарий, - "какие муки! и все это для того, чтобы лучше стрелять друг в друга пушечными ядрами!" Когда ужин закончился, следующей мыслью было устроить ночлег; и для этой цели мы нашли в соседних сараях укрытие и немного соломы. Снаружи, у двери комнаты, занимаемой императором, остались только дежурные офицеры, Рустан и я, у каждого из которых было по охапке соломы вместо постели. Наш достойный хозяин, уступив свою постель его Величеству, остался с нами и, как и мы, отдыхал от дневных трудов и все еще крепко спал, когда прислуга покинула особняк; ибо император встал и отправился в путь на рассвете. Викарий, проснувшись, выразил глубочайшее огорчение по поводу того, что не смог попрощаться с его величеством. Ему был вручен кошелек с суммой, которую император имел обыкновение оставлять частным лицам с ограниченными средствами, в резиденциях которых он останавливался, в качестве компенсации за их расходы и беспокойство; и мы возобновили наш марш по следам императора, который поспешил навстречу пруссакам.

Император хотел достичь Суассона раньше союзников; но, хотя им пришлось пересечь дороги, которые были практически непроходимы, они прибыли раньше наших войск, и, войдя в Ла-

Ферте, его Величество увидел, что они отступают к Суассону. Император обрадовался этому зрелищу. Суассон оборонялся грозным гарнизоном и мог задержать врага, в то время как маршалы Мармон и Мортье и его Величество лично атаковали Блюхера с тыла и с обоих флангов и окружили бы его, как сеть. Но на этот раз враг снова вырвался из ловушки, расставленной для него императором в тот самый момент, когда он думал, что схватил его, поскольку Блюхер едва успел предстать перед Суассоном, как ворота были открыты. Генерал Моро, комендант этого места, уже сдал город Бло и таким образом обеспечил союзникам переправу через Эну. Получив это удручающее известие, император воскликнул: "Имя Моро всегда было для меня роковым!"

Тем временем его величество, продолжая преследование пруссаков, был занят задержкой переправы через Эну. 5 марта он послал вперед генерала Нансути, который со своей кавалерией захватил мост, отбросил противника назад до Корбени и взял в плен русского полковника. Проведя ночь в Бери-о-Баке, император направлялся к Лаону, когда ему было объявлено, что враг идет нам навстречу; это были не пруссаки, а русский армейский корпус под командованием Сакена. Продвигаясь дальше, мы обнаружили, что русские закрепились на высотах Краонна и прикрывают дорогу на Лан, заняв, казалось, неприступную позицию; но, тем не менее, авангард нашей армии под командованием маршала Нея бросился вперед и преуспел в взятии Краонна. На этот раз этой славы было достаточно, и затем обе стороны провели ночь, готовясь к битве следующего дня. Император провел его в деревне Корбени, но без сна, так как жители соседних деревень прибывали в любое время суток, чтобы сообщить информацию о положении противника и географии страны. Его Величество сам расспрашивал их, хвалил или вознаграждал за усердие и пользовался их информацией и услугами. Так, узнав в мэре одной из коммун в пригороде Краонна одного из своих бывших товарищей по полку Ла Фер, он включил его в число своих адъютантов и устроил так, чтобы тот служил проводником по этой стране, которую никто не знал лучше, чем он. Господин де Бюсси (так звали офицера) покинул Францию во время террора и по возвращении не вернулся в армию, а жил в отставке в своих поместьях.

В ту же ночь император снова встретился с одним из своих старых товарищей по оружию в полку Ла Фер, эльзасцем по имени Вольф, который был сержантом артиллерии в полку, в котором император и г-н де Бюсси были его старшими офицерами. Он был родом из Страсбурга и свидетельствовал о добром расположении жителей на всей территории страны, которую он пересек. Смятение, вызванное в союзных армиях первыми атаками императора, ощущалось даже на границах; и на каждой дороге крестьяне поднимались, вооружались, отрезали пути отступления неприятелю и многих убивали. В Вогезах были сформированы корпуса сторонников императора, во главе которых стояли хорошо зарекомендовавшие себя храбрые офицеры, привыкшие к этому виду ведения войны. Гарнизоны городов и укрепленных пунктов востока были полны мужества и решимости, и это вполне соответствовало бы желаниям населения этой части империи, если бы Франция стала, согласно желанию, выраженному императором, могилой иностранных армий. Храбрый Вольф, передав эту информацию императору, повторил ее перед многими другими лицами, в том числе и передо мной. Он отдохнул всего несколько часов и сразу же отправился в путь; но император отпустил его только после того, как он был награжден почетным крестом в награду за свою преданность.

Битва при Краонне началась, или, я бы сказал, возобновилась, 7-го числа на рассвете пехотой под командованием князя Московского [маршала Нея] и герцога Беллуно, который был ранен в

этот день. Генералы Груши и Нансути, первый командующий кавалерией армии, второй во главе кавалерии гвардии, также получили тяжелые ранения. Трудность заключалась не столько в том, чтобы взять высоты, сколько в том, чтобы удержать их, когда они будут взяты. Тем временем французская артиллерия, которой руководил скромный и умелый генерал Друо, заставляла артиллерию противника уступать позиции фут за футом. Это была ужасно кровопролитная битва, так как склоны высот были слишком крутыми, чтобы позволить атаковать русских с фланга, и, следовательно, отступление было медленным и кровопролитным. Однако в конце концов они отступили и оставили поле боя нашим войскам, которые преследовали их до гостиницы "Ангел-хранитель", расположенной на большой дороге из Суассона в Лан, где они развернулись и удерживали свою позицию на этом месте в течение нескольких часов.

Император, который в этом сражении, как и во всех других в этой кампании, подвергал себя опасности и подвергался такому же количеству опасностей, как и самые отважные солдаты, теперь перенес свою штаб-квартиру в деревню Брей. Как только он вошел в комнату, служившую ему кабинетом, он приказал позвать меня, и я стянул с него сапоги, в то время как он, не говоря ни слова, оперся на мое плечо, бросил шляпу и шпагу на стол и бросился на кровать, испустив глубокий вздох или, скорее, одно из тех восклицаний, которые мы не можем сказать, вызваны ли они унынием или просто усталостью. Лицо его величества было печальным и измученным заботами, тем не менее он проспал от усталости много часов. Я разбудил его, чтобы сообщить о прибытии господина де Руминьи, доставившего депеши из Шатийона. В состоянии духа императора в этот момент он, казалось, был готов принять любые разумные условия, которые могли быть ему предложены; поэтому, признаюсь, я надеялся (и многие присоединились ко мне), что мы приближаемся к моменту, когда добьемся мира, которого мы так горячо желали. Император принял господина де Руминьи без свидетелей, и беседа длилась долго. Из сказанного ничего не выяснилось, и мне пришло в голову, что эта тайна не предвещала ничего хорошего. На следующий день рано утром г-н де Руминьи вернулся в Шатийон, где его ожидал герцог Виченца; и из нескольких слов, произнесенных его величеством, когда он садился на коня, чтобы вернуться на свои передовые позиции, было легко понять, что он еще не смирился с мыслью заключить мир, который считал бесчестным.

В то время как герцог Виченцкий находился в Шатильоне или Лузиньи с целью заключения мира, приказы императора откладывали или ускоряли заключение договора в зависимости от его успехов или отражений. При появлении луча надежды он потребовал большего, чем они были готовы предоставить, подражая в этом отношении примеру, который подавали ему союзные монархи, чьи требования со времени Дрезденского перемирия возрастали по мере их продвижения к Франции. Наконец все было окончательно прервано, и герцог Виченцкий воссоединился с его величеством в Сен-Дизье. Я находился в маленькой комнате, расположенной так близко от его спальни, что не мог не слышать их разговора. Герцог Виченцкий горячо умолял императора согласиться на предложенные условия, говоря, что сейчас они разумны, но позже таковыми уже не будут. Поскольку герцог Виченцкий все еще возвращался к обвинению, возражая против того, что император откладывает принятие положительного решения, его величество яростно выпалил: "Вы русский, Коленкур!" — "Нет, сир, - с жаром ответил герцог, - нет; я француз! Я думаю, что доказал это, призвав ваше величество заключить мир".

Таким образом, дискуссия продолжалась с большой теплотой в выражениях, которые, к сожалению, я не могу вспомнить. Но я хорошо помню, что каждый раз, когда герцог Виченцкий

настаивал и пытался заставить его Величество оценить причины, по которым мир стал необходимым, император отвечал: "Если я выиграю сражение, а я уверен, что выиграю, я буду в состоянии добиться наиболее благоприятных условий. Могила русских находится под стенами Парижа! Все мои меры приняты, и победа неизбежна".

После этого разговора, длившегося более часа и в котором герцог Виченцкий потерпел полное фиаско, он покинул комнату его Величества и быстро пересек гостиную, где находился я; и я заметил, когда он проходил мимо, что на лице его были следы волнения и что от глубокого волнения из его глаз катились крупные слезы. Несомненно, он был глубоко уязвлен словами императора о его пристрастии к России; и какова бы ни была причина, с того дня я видел герцога Виченцкого только в Фонтенбло.

Тем временем император выступил в поход с авангардом и хотел достичь Лана вечером 8-го; но для того, чтобы добраться до этого города, необходимо было пройти по узкой дамбе через болотистую местность. Враг владел этой дорогой и препятствовал нашему прохождению. После обмена несколькими пушечными выстрелами его величество отложил до следующего дня попытку форсировать проход и вернулся не для того, чтобы поспать (ибо в это критическое время он редко спал), а для того, чтобы провести ночь в деревне Шавиньон.

Посреди этой ночи генерал Флахо

[Граф Огюст Шарль Жозеф Флахо де ла Биллардери, родился в Париже в 1785 году; полковник в 1809 году; адъютант императора в 1812 году; произведен в дивизионные генералы за поведение при Лейпциге; был при Ватерлоо. Посол в Вене в 1841-1848 годах и сенатор в 1853 году; умер в 1870 году. Он был одним из любовников королевы Гортензии и отцом от нее покойного герцога де Морни. — Пер.]

прибыл сообщить императору, что уполномоченные союзных держав сорвали переговоры в Люзиньи. Армия не была проинформирована об этом, хотя новость, вероятно, никого бы не удивила. Перед рассветом генерал Гурго выступил во главе отряда, отобранного из самых храбрых солдат армии, и, следуя поперечной дороге, которая поворачивала влево через болота, неожиданно напал на врага, многих из них перебил в темноте и привлек к себе внимание и усилия союзных генералов, в то время как маршал Ней, все еще находившийся во главе авангарда, воспользовался этим смелым маневром, чтобы форсировать дамбу. Вся армия поспешила последовать за этим движением и вечером 9-го была в поле зрения Лана и выстроилась в боевом порядке перед противником, занявшим город и его высоты. Армейский корпус герцога Рагузского прибыл другой дорогой и также выстроился в боевом порядке перед русской и прусской армиями. Его величество провел ночь, ускоряя выполнение своих приказов и готовя все для грандиозной атаки, которая должна была состояться на следующее утро при дневном свете.

Когда настал назначенный час, я только что поспешно закончил туалет императора, который был очень коротким, и он уже вставил ногу в стремя, когда мы увидели бегущих к нам пешком, с предельной скоростью и совершенно запыхавшихся, кавалеристов, принадлежащих к армейскому корпусу герцога Рагузского. Его величество приказал привести их к себе и гневно осведомился о значении этого беспорядка. Они ответили, что их бивуаки были неожиданно атакованы врагом; что они и их товарищи изо всех сил сопротивлялись этим превосходящим силам, хотя у них едва хватило времени схватиться за оружие; что в конце концов они были

вынуждены уступить численному превосходству и только чудом избежали резни. - Да, - сказал император, нахмутив брови, - благодаря чуду проворства, как мы только что видели. Что стало с маршалом? Один из солдат ответил, что видел, как герцог Рагузский упал замертво, другой - что его взяли в плен. Его величество послал своего адъютанта и ординарцев выяснить это и обнаружил, что донесение кавалеристов было чистой правдой. Враг не стал дожидаться нападения, а обрушился на армейский корпус герцога Рагузского, окружил его и захватил часть его артиллерии. Маршал, однако, не был ни ранен, ни взят в плен, а находился на пути в Реймс, пытаясь арестовать и вернуть остатки своего армейского корпуса.

Известие об этом бедствии сильно усилило огорчение его величества; но, тем не менее, враг был отброшен к воротам Лаона, хотя отбить город было невозможно. После нескольких бесплодных попыток, или, скорее, после нескольких ложных атак, целью которых было скрыть свое отступление от врага, император вернулся в Шавиньон и провел там ночь. На следующий день, 11-го, мы покинули эту деревню, и армия отступила к Суассону. Его Величество высадился в епископстве и немедленно приказал маршалу Мортье вместе с высшими должностными лицами принять меры по приведению города в состояние обороны. На два дня император заперся за работой в своем кабинете и покидал его только для того, чтобы осмотреть местность, посетить укрепления и повсюду отдавать приказы и следить за тем, чтобы они выполнялись. В разгар этих приготовлений к обороне его Величеству стало известно, что город Реймс был взят русским генералом Сен-Пристом, несмотря на энергичное сопротивление генерала Корбино, о судьбе которого нам ничего не было известно, но считалось, что он мертв или попал в руки русских. Его Величество поручил оборону Суассона маршалу герцогу Тревизскому, а сам форсированным маршем направился к Реймсу; и в тот же вечер мы прибыли к воротам города, где русские не ожидали его Величества. Наши солдаты вступили в эту битву без всякого отдыха, но сражались с решимостью, которую никогда не переставали вдохновлять присутствие и пример императора. Бой продолжался весь вечер и затянулся далеко за полночь; но после того, как генерал Сен-Прист был тяжело ранен, сопротивление его войск стало менее энергичным, и в два часа ночи они оставили город. Император и его армия въехали через одни ворота, в то время как русские выходили из других; и когда жители толпами окружили его величество, он, прежде чем сойти с лошади, поинтересовался, какой хаос, как предполагается, произвел враг. Был дан ответ, что город понес лишь тот ущерб, который был неизбежным результатом кровопролитной ночной схватки, и что, более того, противник поддерживал суровую дисциплину среди войск во время их пребывания и вплоть до момента отступления. Среди тех, кто окружал его величество в этот момент, был храбрый генерал Корбино. На нем был гражданский мундир, и он оставался переодетым и прятался в частном доме города. Утром следующего дня он снова предстал перед императором, который сердечно приветствовал его и похвалил за мужество, проявленное им в таких трудных обстоятельствах. Герцог Рагузский присоединился к его величеству под стенами Реймса и со своим армейским корпусом участвовал во взятии города. Когда он предстал перед императором, последний разразился резкими упреками по поводу дела в Лаоне; но его гнев был недолгим, и его Величество вскоре возобновил по отношению к маршалу дружеский тон, которым он обычно удостаивал его. Они долго совещались, и герцог Рагузский остался обедать с императором.

Его величество провел три дня в Реймсе, чтобы дать своим войскам время отдохнуть и восстановить силы, прежде чем продолжить эту трудную кампанию. Они остро нуждались в этом, ибо даже старым солдатам было бы очень трудно выдерживать такие продолжительные форсированные марши, которые часто заканчивались лишь кровопролитными сражениями;

тем не менее, большая часть храбрецов, которые с таким неутомимым рвением выполняли приказы императора и которые никогда не отказывались переносить ни усталость, ни опасность, были новобранцами, набранными в спешке и сражавшимися против самых воинственных и дисциплинированных войск в Европе. У большей части не было даже достаточно времени, чтобы усвоить муштру, и они брали свои первые уроки в присутствии врага, храбрые молодые люди, которые безропотно жертвовали собой и к которым император однажды был всего лишь несправедлив, — при обстоятельствах, о которых я ранее рассказывал и в которых г-н Ларрей сыграл такую героическую роль. Хорошо известно, что замечательная кампания 1814 года почти полностью проводилась за счет новобранцев, недавно набранных в армию.

Во время трехдневного привала, который мы сделали в Реймсе, император с огромной радостью, которую он открыто проявлял, наблюдал прибытие армейского корпуса численностью в шесть тысяч человек, которого отважный голландский генерал Янссенс привел ему на помощь. Это подкрепление опытных войск как нельзя более кстати. Пока наши солдаты переводили дух, прежде чем возобновить отчаянную борьбу, его Величество с присущим ему рвением отдавался самым разнообразным трудам. Среди забот и опасностей войны император не пренебрегал ни одним из дел Империи, но каждый день по несколько часов работал с герцогом Бассано, принимал курьеров из Парижа, диктовал свои ответы и утомлял своих секретарей почти так же сильно, как своих генералов и солдат. Что касается его самого, то он был неутомим, как и прежде.

ГЛАВА XXV.

Дела достигли той точки, когда великий вопрос о триумфе или поражении не мог долго оставаться нерешенным. Согласно одному из обычных выражений императора, груша созрела; но кто должен был ее собрать? Император, находясь в Реймсе, казалось, не сомневался, что результат будет в его пользу. С помощью одной из тех смелых комбинаций, которые поражают мир и меняют в одном сражении положение дел, хотя враг приблизился к столице, и его величество был не в состоянии предотвратить это, он, тем не менее, решил напасть на них с тыла, заставить их развернуться и выступить против армии, которой он лично командовал, и таким образом спасти Париж от их вторжения. С намерением осуществить эту смелую комбинацию император покинул Реймс. Между тем, беспокоясь о своей жене и сыне, император, прежде чем предпринять это великое предприятие, в строжайшей тайне написал своему брату, принцу Джозефу, генерал-лейтенанту Империи, чтобы их перевезли в безопасное место на случай, если опасность станет неминуемой. Я ничего не знал об этом приказе в день его отправки, поскольку император держал его в секрете от всех; но когда впоследствии я узнал, что именно из Реймса этот приказ был адресован принцу Иосифу, я подумал, что могу, не опасаясь ошибиться, установить дату - 15 марта. В тот вечер, на самом

деле, его Величество, уходя, говорил со мной об императрице и короле Рима; и, как обычно, всякий раз, когда в течение дня его глубоко поражала какая-либо идея, она всегда возвращалась к нему вечером; и по этой причине я заключаю, что в тот день его мысли были заняты тем, чтобы укрыть от опасностей войны два объекта его самой преданной привязанности.

Из Реймса мы взяли курс на Эперне, гарнизон и жители которого только что дали отпор врагу, который накануне вечером пытался захватить его. Там император узнал о прибытии в Труа императора Александра и короля Пруссии. Его Величество, чтобы засвидетельствовать жителям Эперне свое удовлетворение их замечательным поведением, наградил их в лице их мэра крестом Почетного легиона. Это был месье Моэт, чья репутация стала почти такой же европейской, как у шампанского вина.

Во время этой кампании, не слишком расточая почетный крест, его Величество несколько раз вручал его тем жителям, которые первыми оказали сопротивление врагу. Так, например, я помню, что перед отъездом из Реймса он подарил один из них простому фермеру из деревни Селлес, название которого я забыл. Этот храбрый человек, узнав, что отряд пруссаков приближается к его коммуне, встал во главе Национальной гвардии, которую он ободрял как словом, так и примером; и результатом его предприятия стали сорок пять пленных, в том числе три офицера, которых он привел в город.

Сколько произошло поступков, подобных этому, которые невозможно вспомнить! Как бы то ни было, император, покинув Эперне, направился к Фер-Шампенуаз, я бы не сказал, что со всей поспешностью, поскольку этот термин можно было бы использовать по отношению ко всем передвижениям его Величества, который с быстротой орла устремился туда, где его присутствие казалось наиболее необходимым. Тем не менее армия противника, переправившаяся через Сену у Пона и Ножана, узнав о повторной оккупации императором Реймса и поняв, какое движение он хотел произвести у них в тылу, начала свое отступление 17-го и последовательно вернула мосты, которые он построил в Пон, Ножан и Арси-сюр-Об. 18-го произошла битва при Фер-Шампенуазе, в которой его величество сражался, чтобы расчистить дорогу между ним и Арси-сюр-Об, где находились император Александр и король Пруссии, которые, узнав об этом новом успехе императора, быстро отступили к Труа. Тогда его Величество явно намеревался дойти до Бар-сюр-Об. Мы уже миновали Об в Планси и Сену в Мери, но необходимо было вернуться в Планси. Это было 19-го, в тот самый день, когда граф д'Артуа прибыл в Нанси и когда произошел разрыв Шатийонского конгресса, о котором я упоминал в предыдущей главе, следуя порядку, в котором мои воспоминания приходили мне на ум.

20 марта, как я уже говорил, было богатой событиями датой в жизни императора, и год спустя ей предстояло стать еще более знаменательной. 20 марта 1814 года королю Рима исполнился третий год, в то время как император выставлял себя напоказ, если это было возможно, даже больше, чем это было в его обычае. В битве при Арси-сюр-Об, которая произошла в тот день, его величество увидел, что наконец-то ему предстоит столкнуться с новыми врагами. Австрийцы сами вышли на линию фронта, и огромная армия под командованием принца фон Шварценберга растянулась перед ним, когда он полагал, что у него есть только авангард, которому можно противостоять. Возможно, не покажется мало важным совпадение в том, что австрийская армия не начинала серьезных боев и не нападала лично на императора до

следующего дня после срыва Шатийонского конгресса. Было ли это результатом случайности, или австрийский император действительно предпочитал оставаться во второй линии и щадить личность своего зятя до тех пор, пока мир казался ему возможным? Это вопрос, на который не в моей компетенции отвечать.

Битва при Арси-сюр-Об была ужасной и закончилась только к вечеру. Император все еще занимал город, несмотря на объединенные усилия армии из ста тридцати тысяч свежих солдат, которые атаковали тридцать тысяч измученных усталостью. Битва все еще продолжалась ночью, в то время как костры предместий освещали нашу оборону и укрепления осаждающего отряда. В конце концов оказалось невозможным дольше удерживать наши позиции, и оставался только один мост, по которому армия могла осуществлять свое отступление. Император приказал построить еще один; и отступление началось, но в полном порядке, несмотря на многочисленные массы, которые вплотную угрожали нам. Это прискорбное происшествие было самым катастрофическим, с которым его Величество столкнулся за всю кампанию, поскольку дороги, ведущие в столицу, остались непокрытыми; и чудеса его гения и доблести были бессильны против такого подавляющего числа людей. Примером, служащим прекрасным доказательством присутствия духа, которое император сохранял в самых критических ситуациях, было то, что перед эвакуацией из Арсиса он выделил Сестрам милосердия сумму, достаточную для первых нужд раненых.

Вечером 21-го мы прибыли в Соммпюи, где император провел ночь. Там я впервые услышал, как он произносит имя бурбонов. Его величество был чрезвычайно взволнован и говорил таким прерывистым тоном, что я понял только эти слова, которые он повторял много раз: "Вспомните их сами - вспомните бурбонов! Что сказал бы враг? Нет, нет? это невозможно! Никогда!" Эти слова, вырвавшиеся у императора во время одного из тех приступов озабоченности, которым он подвергался всякий раз, когда его душа была глубоко тронута, несказанно поразили меня; ибо мне ни разу не приходила в голову мысль, что во Франции может быть какое-либо другое правительство, кроме правительства его Величества. Кроме того, легко понять, что при том положении, которое я тогда занимал, я почти не слышал упоминания бурбонов, за исключением императрицы Жозефины в первые дни консульства, когда я все еще был у нее на службе.

Различные дивизии французской армии и массы противника были тогда так тесно прижаты друг к другу, что враг занимал каждый пункт в тот момент, когда мы были вынуждены оставить его; таким образом, 22 числа союзники захватили Эперне, и, чтобы наказать этот верный город за героическую оборону, которую он ранее осуществлял, был отдан приказ разграбить его. Грабить? Император называл это военным преступлением; и я часто слышал, как он в самых неистовых выражениях выражал ужас, который это внушало ему, который был настолько велик, что он ни разу не санкционировал это за всю свою долгую череду триумфов. Грабеж! И все же каждое заявление наших опустошителей смело заявляло, что они воюют только с Императором; у них хватало наглости повторять это заявление, а некоторые были достаточно глупы, чтобы поверить им. В этот момент я слишком ясно увидел, что произошло на самом деле, чтобы когда-либо верить в идеальное великодушие, которое с тех пор так превозносится.

23-го числа мы были в Сен-Дизье, где император вернулся к своему первоначальному плану нападения в тыл противника. На следующий день, как только его величество сел на коня, чтобы отправиться в Дулеван, к нему привели австрийского генерала, прибытие которого вызвало большую сенсацию в ставке, поскольку на несколько минут задержало отъезд императора.

Вскоре я узнал, что это был барон де Вайсемберг, посол Австрии в Лондоне, возвращавшийся из Англии. Император приказал ему следовать за ним в Дулеван, где его величество передал ему устное послание императору Австрии, в то время как полковнику Гальбуа было поручено передать письмо, которое император поручил написать герцогу Виченцы. Но после продвижения французской армии к Шомону по дороге на Лангр, император Австрии, оказавшись разлученным с императором Александром, был вынужден отступить до самого Дижона. Я помню, что по прибытии в Дулеван его Величество получил секретную информацию от своего верного генерального директора почты месье де Лавалетта. Эта информация, смысла которой я не знал, по-видимому, произвела глубочайшее впечатление на императора; но вскоре на глазах окружающих он вновь обрел свою обычную безмятежность, хотя в течение некоторого времени я видел, что это было только предположение. Впоследствии я узнал, что господин де Лавалетт сообщил императору, что нельзя терять ни минуты, если он хочет спасти столицу. Подобное мнение такого человека могло быть только выражением истинной правды, и именно это убеждение усилило тревогу императора. До тех пор новости из Парижа были благоприятными, и много говорилось о рвении и преданности Национальной гвардии, которых ничто не могло поколебать. В различных театрах ставились патриотические пьесы, и особенно "Орифламма" в опере - обстоятельство, по-видимому, весьма тривиальное, но, тем не менее, очень сильно воздействовавшее на умы энтузиастов, и по этой причине им нельзя было пренебрегать. Действительно, то небольшое количество новостей, которые мы получили, свидетельствовало о том, что Париж всецело предан его Величеству и готов защищать себя от любых нападений. И в самом деле, эта новость не была ложью; и прекрасное поведение Национальной гвардии под командованием маршала Монси, энтузиазм различных учебных заведений и храбрость учеников политехнических школ вскоре послужили доказательством этого. Но события оказались сильнее людей. Между тем время шло, и мы приближались к роковой развязке; каждый день, каждое мгновение мы видели, как эти огромные массы собирались со всех концов Европы, окружали Париж и давили на него тысячей рук, и в эти последние дни вполне можно было сказать, что битва бушевала не переставая. 26-го император, ведомый шумом яростной канонады, снова направился к Сен-Дизье, где его арьергард был атакован превосходящими силами и вынужден был покинуть город; но генерал Мийо и генерал Себастьяни отбросили врага на Марну у брода Валькур; присутствие императора произвело свой обычный эффект, и мы снова вошли в Сен-Дизье, в то время как враг в величайшем беспорядке бежал по дороге на Витри-ле-Франсе и Бар-сюр-Орнен. Император двинулся к последнему городу, думая, что теперь принц Шварценберг в его власти; но как только он прибыл туда, то узнал, что он сражался не с австрийским главнокомандующим, а всего лишь с одним из его лейтенантов, графом Вичингероде. Шварценберг обманул его; 23-го числа он сошелся с генералом Блюхером, и эти два генерала во главе коалиции бросились со своими солдатскими массами на столицу.

Какими бы катастрофическими ни были новости, доставленные в ставку, император пожелал лично убедиться в их правдивости и по возвращении из Сен-Дизье сделал крюк в Витри, чтобы убедиться в наступлении союзников на Париж; и все его сомнения рассеялись после того, что он увидел. Сможет ли Париж продержаться достаточно долго, чтобы он смог сокрушить врага у его стен? С тех пор это была его единственная и всепоглощающая мысль. Он немедленно встал во главе своей армии, и мы двинулись на Париж по дороге на Труа. В Дуленкуре он принял курьера от короля Жозефа, который сообщил ему о походе союзников на Париж. В тот же момент он поспешно послал генерала Дежана к своему брату сообщить ему о своем скором

прибытии. Если бы он мог защищаться два дня, всего два дня, союзные армии вошли бы в Париж только для того, чтобы найти там могилу. В каком состоянии тревоги был тогда император! Он отправился в путь со своими штабными эскадрильями. Я сопровождал его и впервые оставил в Труа утром 30-го, как будет показано в следующей главе.

ГЛАВА XXVI.

Что это было за время! Как печален период и события, о которых мне приходится сейчас вспоминать! Теперь я приблизился к роковому дню, когда объединенным армиям Европы предстояло запечатать почву Парижа, этой столицы, на столько лет свободной от присутствия захватчиков. Какой удар по императору! И какое жестокое искупление приготовила теперь его великая душа за триумфальные въезды в Вену и Берлин! Значит, все было напрасно, что он проявил такую невероятную активность во время замечательной кампании во Франции, в которой его гений проявился так же блестяще, как и во время его итальянской кампании. Впервые я увидел его на следующий день после сражения при Маренго; и какой контраст представляло его уныние, когда я снова увидел его 31 марта в Фонтенбло.

Повсюду сопровождая Его величество, я был рядом с ним в Труа утром 30 марта.

Император выехал в десять часов в сопровождении только великого маршала и герцога Виченцкого. В то время в штабе было известно, что союзные войска наступают на Париж; но мы были далеки от того, чтобы подозревать, что в самый момент поспешного отъезда императора битва под Парижем разгоралась наиболее ожесточенно. По крайней мере, я не услышал ничего, что заставило бы меня поверить в это. Я получил приказ перебираться в Эссон, и, поскольку транспортных средств стало мало и их было трудно достать, прибыл туда только утром 31-го и пробыл там совсем недолго, когда курьер привез мне приказ отправляться в Фонтенбло, что я немедленно и выполнил. Именно тогда я узнал, что император отправился из Труа в Монтеро за два часа, проделав за это короткое время путь в десять лье. Я также узнал, что императору и его небольшой свите пришлось воспользоваться каретой по дороге в Париж, между Эссоном и Вильжюифом. Он дошел до Кур де Франсс намерением двинуться на Париж; но там, подтвердив новости и жестокую неизбежность сдачи Парижа, отправил ко мне курьера, о котором я упоминал выше.

Я пробыл в Фонтенбло совсем недолго, когда прибыл император. Лицо его было бледным и измученным в большей степени, чем я когда-либо видел; и он, который так хорошо знал, как контролировать все эмоции своей души, казалось, не пытался скрыть уныние, которое было так явно как в его позе, так и на лице. Было очевидно, как сильно он страдал от всех катастрофических событий, которые накапливались одно за другим в ужасающей прогрессии. Император никому ничего не сказал и немедленно заперся в своем кабинете вместе с герцогами Бассано и Виченцы и принцем Невшательским. Эти генералы долгое время

оставались при императоре, который впоследствии принял нескольких генералов. Его Величество удалился в отставку очень поздно и, как мне показалось, был совершенно раздавлен. Время от времени я слышал, как из его груди вырывались сдавленные вздохи, к которым примешивалось имя Мармона, которого я тогда не мог понять, поскольку ничего не слышал об условиях капитуляции и знал, что герцог Рагузский был маршалом, к которому император, по-видимому, всегда был глубоко привязан. В тот вечер я видел в Фонтенбло маршала Монси, который накануне вечером храбро командовал национальной гвардией на баррикаде Клиши, а также герцога Данцика.

В течение двух последующих дней в Фонтенбло царила совершенно неопишуемая мрачная и безмолвная печаль. Подавленный таким количеством повторяющихся ударов, император редко входил в свой кабинет, где обычно проводил так много часов, занятый работой. Он был настолько поглощен своими противоречивыми мыслями, что часто не замечал прихода людей, которых он вызывал, смотрел на них, так сказать, не видя их, а иногда оставался почти полчаса, не обращаясь к ним; затем, словно очнувшись от этого состояния оцепенения, задавал им вопросы, казалось, не слыша ответа; и даже присутствие герцога Бассано и герцога Виченцы, которых он вызывал чаще, не нарушало этого состояния озабоченности или, так сказать, летаргии. Часы приема пищи были те же, и подавались они как обычно; но все происходило в полной тишине, нарушаемой только необходимым шумом службы. Во время туалета императора царило такое же молчание; с его губ не слетело ни слова; и если утром я предложил ему выпить что-нибудь из тех напитков, которые он обычно пил, он не только не ответил, но и ничто в выражении его лица, которое я внимательно наблюдал, не могло заставить меня поверить, что он меня услышал. Эта ситуация была ужасной для всех лиц, приближенных к его Величеству.

Действительно ли император был настолько подавлен своей злой судьбой? Был ли его гений таким же оцепеневшим, как и его тело? Я должен со всей откровенностью признать, что, видя его таким непохожим на то, каким он выглядел после московских катастроф, и даже когда я расстался с ним в Труа несколько дней назад, я твердо верил в это. Но это было ни в коем случае не так; его душа была одержима одной навязчивой идеей - перейти в наступление и двинуться маршем на Париж. И хотя, действительно, он оставался подавленным в интимном общении со своими самыми верными министрами и самыми искусными генералами, он оживился при виде своих солдат, думая, несомненно, что одни будут предлагать только благоразумные советы, в то время как другие никогда не ответят ничем, кроме криков "Да здравствует Император!" на самые смелые приказы, которые он может отдать. Например, 2 апреля он, так сказать, на мгновение стряхнул с себя уныние и во дворе дворца устроил смотр своей гвардии, которая только что присоединилась к нему в Фонтенбло. Он обратился к своим солдатам твердым голосом, сказав:

- Солдаты! враг обогнал нас на три перехода и овладел Парижем; мы должны изгнать его. Недостойные французы, эмигранты, которым мы даровали прощение, надели белую кокарду и перешли на сторону наших врагов. Трусы! Они пожнут награду за эту новую измену. Давайте поклянемся победить или умереть и проявить уважение к этой трехцветной кокарде, которую мы двадцать пять лет носим на пути к славе и почету".

При звуке голоса своего командира войска пришли в восторг и дружно закричали: "Париж! Париж!" Но император, тем не менее, вернулся к своему прежнему унынию, едва переступив порог дворца, которое, без сомнения, возникло из опасения, вполне обоснованного, что его желание выступить на Париж будет сорвано его приближенными. Только с тех пор, размышляя о

событиях того времени, я могу догадываться о борьбе, которая происходила в душе императора; ибо тогда, как и в течение всего периода моей службы, я не осмелился бы и подумать о том, чтобы выйти за пределы своих обычных обязанностей.

Между тем ситуация становилась все более и более неблагоприятной для желаний и планов императора. Герцог Виченцкий был отправлен в Париж, где было сформировано временное правительство под председательством принца Беневенто, не преуспев в выполнении своей миссии при императоре Александре; и каждый день его Величество с глубокой скорбью наблюдал присоединение маршалов и большого числа генералов к новому правительству. Он глубоко переживал дезертирство принца де Невшателя; и я должен сказать, что, хотя мы и не привыкли к политическим комбинациям, мы были поражены.

Здесь я нахожу, что вынужден говорить о себе, чего я делал как можно меньше в ходе этих мемуаров, и я думаю, что все мои читатели воздадут мне должное; но то, что я должен сказать, слишком тесно связано с последними днями, которые я провел с императором, и слишком близко касается моей личной чести, чтобы я мог предположить, что меня можно упрекнуть в этом. Я был, как легко можно предположить, очень обеспокоен судьбой моей семьи, о которой я долгое время не получал никаких известий; и в то же время жестокая болезнь, от которой я долго страдал, достигла ужасающего прогресса из-за усталости от последней кампании. Тем не менее душевные страдания, жертвой которых я видел императора, так всецело поглощали все мои мысли, что я не принял никаких мер предосторожности против физических страданий, которые я перенес; и мне даже в голову не пришло просить об охране моего загородного дома в окрестностях Фонтенбло. Свободный корпус захватил его и обосновался там, предварительно разграбив и уничтожив все, даже небольшое стадо мериносовых овец, которым я был обязан доброте императрицы Жозефины. Император, которому об этом сообщили не от меня, сказал мне однажды утром во время своего туалета: "Констан, я должен вам компенсацию". — "Сир?" — "Да, дитя мое, я знаю, что ваше поместье было разграблено, я знаю, что вы понесли значительные потери в русской кампании; я отдал приказ выдать вам пятьдесят тысяч франков, чтобы покрыть все расходы". Я поблагодарил его Величество, который с лихвой возместил мне мои убытки.

Это произошло в первые дни нашего последнего пребывания в Фонтенбло. В то же время, когда уже обсуждался вопрос о переезде императора на остров Эльба, главный маршал дворца спросил меня, не последую ли я за его Величеством в эту резиденцию. Бог мне свидетель, что у меня не было иного желания, кроме как посвятить всю свою жизнь службе Императору; поэтому мне не потребовалось ни минуты размышления, чтобы ответить, что в этом не может быть сомнений; и я почти сразу занялся приготовлениями к пребыванию, которое оказалось недолгим, но продолжительность которого тогда не мог предсказать ни один человеческий разум.

Между тем, уединяясь в своих покоях, император с каждым днем становился все более печальным и измученным заботами; и когда я оставался с ним наедине, что случалось часто, поскольку я старался быть как можно ближе к нему, я заметил крайнее волнение, которое вызывало у него чтение депеш, которые он получал из Парижа; это волнение было во много раз настолько сильным, что я заметил, что он до крови раздирал себе ногу ногтями, сам того не сознавая. Затем я взял на себя смелость сообщить ему об этом факте как можно мягче, в надежде положить конец этой глубокой озабоченности, которая ранила меня в самое сердце.

Несколько раз император также просил у Рустана его пистолеты; к счастью, я принял меры предосторожности, видя, что его величество так расстроен, и порекомендовал ему не отдавать их ему, как бы сильно император ни настаивал. Я счел своим долгом доложить обо всем этом герцогу Виченцскому, который полностью одобрил мое поведение. Однажды утром, я не помню, было ли это 10 или 11 апреля, но это определенно было в один из таких дней, император, который ничего не сказал мне утром, приказал вызвать меня днем. Едва я вошел в его комнату, как он сказал мне тоном самой подкупающей доброты: "Мой дорогой Констант, у Пейраша тебя ждут сто тысяч франков; если твоя жена приедет до нашего отъезда, ты отдашь их ей; если она не приедет, положи их в угол своего загородного дома, запиши точное местоположение места, которое ты отправишь ей с каким-нибудь надежным человеком. Когда кто-то хорошо служил мне, он не должен испытывать нужды. Твоя жена построит ферму, в которую вложит эти деньги; она будет жить с твоими матерью и сестрой, и у тебя не будет страха оставить ее в нужде". Еще более тронутый предусмотрительной добротой императора, который таким образом соизволил позаботиться об интересах моей семьи, чем восхищенный великим подарком, который он мне сделал, я едва мог найти слова, чтобы выразить ему свою благодарность; и, кроме того, такова была моя беспечность в отношении будущего, так далека от меня была мысль о том, что этой великой Империи может прийти конец, что я впервые по-настоящему задумался о том затруднительном положении, в котором я оставил бы свою семью, если бы император так щедро не обеспечил их. На самом деле у меня не было никакого состояния, и во всем мире я владел только своим разграбленным домом и пятьюдесятью тысячами франков, предназначенными для его ремонта.

При таких обстоятельствах, не зная, когда я снова увижу свою жену, я принял меры, чтобы последовать совету, который любезно дал мне его величество; я обменял свои сто тысяч франков на золото, которое положил в пять мешочков; и, взяв с собой костюмера Дени, честность которого была выше всяких подозрений, мы пошли по дороге через лес, чтобы не попасться на глаза никому из жильцов моего дома. Мы осторожно въехали на небольшую ограду, принадлежащую мне, ворот которой не было видно из-за деревьев, хотя на них уже не было листвы; и с помощью Дени мне удалось зарыть свое сокровище, предварительно точно отметив место, а затем я вернулся во дворец, будучи, конечно, очень далек от того, чтобы предвидеть, сколько огорчений и невзгод причинят мне эти сто тысяч франков, как мы увидим в последующих главах.

ГЛАВА XXVII.

Здесь более чем когда-либо я должен просить моих читателей о снисхождении относительно порядка, в котором я излагаю события, свидетелем которых я был во время пребывания императора в Фонтенбло, и те, связанные с ними, о которых я узнал лишь позже. Я должен

также извиниться за любую неточность в датах, в которой я могу быть виноват, хотя я помню, так сказать, коллективно, все, что произошло в течение несчастных двадцати дней, последовавших между занятием Парижа и отбытием его Величества на остров Эльба; ибо я был настолько полностью поглощен несчастным состоянием моего доброго хозяина, что всех моих способностей едва хватало для ощущений, которые я испытывал каждую минуту. Мы страдали вместе со страданиями императора; никому из нас не пришло в голову запечатлеть в его памяти воспоминание о стольких муках, ибо мы жили, так сказать, лишь временно.

В первые дни нашего пребывания в Фонтенбло мысль о том, что император скоро перестанет править Францией, была далека от того, чтобы кто-либо из его окружения приходил к выводу, что император Австрии не согласится на то, чтобы его зять, дочь и внук были свергнуты с престола; в этом они странным образом ошибались. В эти первые дни я заметил, что его Величеству было адресовано даже больше петиций, чем обычно; но я не знаю, ответил ли он благосклонно и ответил ли вообще. Император часто брал в руки ежедневные газеты, но, пробежав их глазами, сердито отбрасывал их; и если мы вспомним о бесстыдных оскорблениях, которым позволяли себя те авторы, которые так часто расточали ему пышные дифирамбы, то вполне можно понять, что такой переход, естественно, вызвал бы отвращение его Величества. Император обычно оставался один; и человеком, которого он видел чаще всего, был герцог Бассано, единственный из его министров, находившихся в то время в Фонтенбло; ибо герцог Виченца, постоянно выполнявший поручения, был, так сказать, постоянно начеку, особенно до тех пор, пока его величество сохранял надежду увидеть регентство в пользу своего сына, сменившего его в правительстве. Пытаясь вспомнить разнообразные чувства, отпечаток которых я заметил на лице его Величества, я думаю, что могу утверждать, что он был даже более глубоко потрясен тем, что его вынудили отказаться от трона ради своего сына, чем тем, что он отказался от него ради себя самого. Когда маршалы или герцог Виченцкий говорили его Величеству о приготовлениях, касающихся его персоны, было легко видеть, что он заставлял себя слушать их только с величайшим отвращением. Однажды, когда они заговорили об острове Эльба, и я не знаю, какая сумма выплачивается в год, я услышал, как его Величество яростно ответил: "Это слишком много, слишком много для меня. Если я больше не являюсь ничем иным, как простым солдатом, мне не нужно больше одного луидора в день".

Тем не менее, настало время, когда, испытывая давление со всех сторон, его величество подчинился и подписал акт об отречении в чистом виде, как от него и требовали. Этот памятный акт был задуман в следующих терминах:

"Союзные державы провозгласили, что император Наполеон является единственным препятствием к восстановлению мира в Европе, император Наполеон, верный своей присяге, заявляет, что он отказывается ради себя и своих наследников от тронов Франции и Италии и что нет такой личной жертвы, даже своей жизни, на которую он не готов пойти ради интересов Франции. Совершено во дворце Фонтенбло 11 апреля 1814 года.
"НАПОЛЕОН".

Мне нет нужды говорить, что я тогда ничего не знал об акте отречения, приведенном выше; это была одна из тех государственных тайн, которые распространялись из кабинета министров и вряд ли стали достоянием гласности в спальне. Я только помню, что в тот же день в доме было какое-то обсуждение этого вопроса, хотя и очень туманное; и, кроме того, было очевидно, что происходило что-то экстраординарное, и весь день его величество казался более

подавленным, чем в любое предыдущее время; но, тем не менее, я был далек от того, чтобы предвидеть агонию, которая последовала за этим роковым днем!

Заранее прошу читателя уделить серьезное внимание событию, о котором я сейчас расскажу. Теперь я становлюсь историком, поскольку запечатлеваю болезненное воспоминание о поразительном поступке в карьере императора; о событии, которое было предметом бесчисленных споров, хотя по необходимости это было лишь предметом догадок, поскольку я один знал все болезненные подробности. Я имею в виду отравление императора в Фонтенбло. Надеюсь, мне не нужно протестовать против моей совершенной правдивости; я слишком остро ощущаю огромную важность такого откровения, чтобы позволить себе опустить или добавить к истине малейшее обстоятельство. Поэтому я буду рассказывать события так, как они произошли, так, как я их видел, и так, как память неизгладимо запечатлела болезненные подробности в моем сознании.

11 апреля я раздел императора, как обычно, думаю, несколько раньше обычного, потому что, если я правильно помню, еще не было половины одиннадцатого. Когда он лег спать, он показался мне лучше, чем днем, и почти в том же состоянии, в каком был предыдущими вечерами. Я спал в комнате на следующем этаже, расположенной за комнатой императора, с которой она соединялась маленькой темной лестницей. Некоторое время назад я спал в одежде, чтобы быстрее явиться к императору, если он позовет меня; и я крепко спал, когда в полночь меня разбудил мсье Пелар, который был на дежурстве. Он сказал мне, что император спрашивал обо мне, и, открыв глаза, я увидел на его лице выражение тревоги, которое поразило меня. Я вскочил с кровати и быстро спустился по лестнице, а мсье Пелар добавил: "Император налил что-то в бокал и выпил это". Я вошел в комнату его Величества, охваченный неопишуемой тревогой. Император лег; но, подойдя к его кровати, я увидел на полу между камином и кроватью маленький мешочек из черного шелка и кожи, о котором я говорил некоторое время назад. Это был тот самый, который он носил на шее со времен кампании в Испании и который я так тщательно хранил от одной кампании к другой. Ах, если бы я подозревал, что в нем содержится. В этот ужасный момент мне внезапно открылась правда!

Тем временем я был у изголовья постели императора. -Констант, - сказал он болезненно слабым и надломленным голосом, - Констант, я умираю! Я не могу вынести агонии, которую испытываю, и прежде всего унижения оттого, что вижу себя в окружении иностранных эмиссаров! Мои орлы были повержены в прах! Меня не поняли! Мой бедный Постоянный, они пожалеют обо мне, когда меня не станет! Мармон нанес мне последний удар. Негодяй! Я любила его! Дезертирство Бертье погубило меня! Мои старые друзья, мои старые товарищи по оружию!" Император сказал мне много других вещей, которые, боюсь, я мог бы повторить неправильно; и вполне можно понять, что, охваченный отчаянием, я не пытался запечатлеть в своей памяти слова, которые время от времени срывались с губ императора; ибо он говорил не постоянно, и жалобы, о которых я рассказал, были произнесены только в перерывах между отдыхом или, скорее, оцепенением. В то время как мои глаза были прикованы к лицу императора, я заметил на нем внезапную судорогу, которая была предвестием конвульсии, которая ужасно напугала меня; к счастью, эта судорога вызвала легкий приступ рвоты, что дало мне некоторую надежду. Император, несмотря на свои сложные физические и душевные страдания, сохранял полное самообладание и сказал мне после первого приступа рвоты: "Констант, позови господина Ивана и Коленкура". Я приоткрыл дверь и отдал приказ господину Пелару, не выходя из комнаты императора, а вернувшись в его постель, умолял его принять успокаивающее снадобье; но все

мои усилия были напрасны, так сильна была его решимость умереть, даже находясь в присутствии смерти.

Несмотря на упорный отказ императора, я все еще умолял его, когда в комнату вошли г-н де Коленкур и г-н Иван. Его величество сделал знак герцогу Виченцскому подойти к его постели и сказал ему: "Коленкур, я рекомендую тебе мою жену и ребенка; служи им так же, как ты служил мне. Мне недолго осталось жить!" В этот момент императора прервал еще один приступ рвоты, но слабее первого, во время которого я пыталась сказать герцогу, что император принял яд; он скорее понял, чем услышал меня, потому что рыдания заглушали мой голос до такой степени, что я не могла внятно произнести ни слова. Господин Иван подошел ближе, и император спросил его: "Вы считаете, доза была достаточно сильной?" Эти слова действительно были загадкой для М. Иван; ибо он не знал о существовании этого саше, по крайней мере, насколько мне известно, и поэтому ответил: "Я не знаю, что ваше величество имеет в виду", на что его Величество ничего не ответил.

Герцогу Виченцскому, господину Ивану и мне, объединившим наши просьбы к императору, наконец посчастливилось уговорить его, хотя и не без большого труда, выпить чашку чая, от которой он отказался, когда я в большой спешке приготовил ее и подал ему, сказав: "Оставь меня в покое, Констант, оставь меня в покое". Но в результате наших удвоенных усилий он, наконец, выпил его, и рвота прекратилась. Вскоре после приема чая император, казалось, успокоился и заснул. Эти джентльмены тихо удалились, а я остался один в его комнате, где ждал, пока он проснется.

Проспав несколько часов, император проснулся, выглядя почти как обычно, хотя на лице его все еще виднелись следы перенесенных им страданий, и, пока я помогал ему в утреннем туалете, не произнес ни слова, хотя бы самым косвенным образом относящегося к ужасной ночи, которую он только что провел. Он позавтракал, как обычно, лишь немного позже обычного. К его внешности вернулось обычное спокойствие, и он казался более жизнерадостным, чем в течение долгого времени. Было ли это результатом его удовлетворения от того, что он избежал смерти, которую минутное отчаяние заставило его желать? Или, скорее, это было вызвано уверенностью в том, что он больше не боится ее в своей постели больше, чем на поле боя? Как бы то ни было, я объясняю замечательное сохранение жизни императора тем фактом, что яд, содержащийся в мешочке, утратил свою эффективность.

Когда все вернулось к своему обычному порядку, и никто во дворце, кроме тех, кого я назвал, не подозревал о случившемся, я узнал, что господин Иван покинул Фонтенбло. Ошеломленный вопросом, с которым император обратился к нему в присутствии герцога Виченцы, и опасаясь, что тот может заподозрить, что он предоставил его величеству возможность покушаться на его жизнь, этот искусный врач, так долго и преданно служивший особе императора, так сказать, потерял голову при мысли о лежащей на нем ответственности. Поспешно спустившись по лестнице из апартаментов императора и найдя оседланную лошадь в одном из дворов дворца, он вскочил на нее и поспешно отправился в Париж. Это было утром того же дня, когда Рустан покинул Фонтенбло.

12 апреля император также принял последнее прощание маршала Макдональда. Когда его представили, император все еще ощущал последствия событий предыдущей ночи; и я уверен, что герцог Тарентский понял, не догадываясь о причине, что его величество был не в своем обычном состоянии. Его сопровождал герцог Виченцкий; и в этот момент император все еще

был так подавлен и, казалось, был так всецело погружен в свои мысли, что поначалу не заметил этих господ, хотя был совершенно бодр. Герцог Тарентский принес императору договор с союзниками, и я вышел из комнаты, когда он готовился подписать его. Через несколько минут герцог Виченца вызвал меня, и его величество сказал: "Констант, принеси мне саблю, которую Мурад-бей подарил мне в Египте. Вы знаете, что это?" — "Да, сир". Я вышел и немедленно вернулся с этим великолепным мечом, который император носил в битве при горе Фавор, как я слышал много раз. Я вручил его герцогу Виченцскому, из рук которого император принял его, и вручил маршалу Макдональду; и когда я уходил, слышал, как император говорил с ним очень нежно и называл его своим достойным другом.

Эти господа, насколько я помню, присутствовали на завтраке императора, где он казался более спокойным и жизнерадостным, чем в течение долгого времени; и мы все были удивлены, увидев, что он фамильярно и в самой любезной манере беседует с лицами, к которым в течение некоторого времени он обычно обращался с очень краткими и отстраненными замечаниями. Однако это веселье было лишь кратковременным; и действительно, то, как менялось настроение императора от момента к моменту в течение всего времени нашего пребывания в Фонтенбло, было совершенно неописуемо. Я видел, как в тот же день он на несколько часов погрузился в самую ужасную депрессию; затем, мгновение спустя, ходил большими шагами взад и вперед по своей комнате, насвистывая или напевая "Ла Монако"; после чего он внезапно впал в некое оцепенение, ничего не видя вокруг и забыв даже отданные им распоряжения. Фактом, который произвел на меня сильное впечатление, было замечательное воздействие, произведенное на него письмами, адресованными ему из Парижа. Как только он заметил их, его возбуждение стало крайним, я бы сказал, судорожным, не опасаясь, что его обвинят в преувеличении.

В подтверждение того, что я сказал о невероятной озабоченности императора, я упомяну случай, который приходит мне на память. Во время нашего пребывания в Фонтенбло приехала графиня Валевская, о которой я уже говорил, и, вызвав меня, сказала, как ей не терпится увидеть императора. Думая, что это наверняка отвлечет его величество, я упомянул об этом ему в тот же вечер и получил приказ привести ее в десять часов. Мадам Валевская, как вполне можно предположить, была под рукой в назначенный час, и я вошел в комнату императора, чтобы объявить о ее прибытии. Он лежал на своей кровати и так глубоко погрузился в медитацию, что только после второго моего напоминания ответил: "Попроси ее подождать". Затем она подождала в апартаментах напротив апартаментов его Величества, а я остался составить ей компанию. Между тем прошла ночь, и прекрасной гостье эти часы показались долгими; и ее огорчение из-за того, что император не позвал ее, стало настолько очевидным, что я сжалился над ней и вернулся в комнату императора, чтобы еще раз напомнить ему. Он не спал, но был так глубоко погружен в свои мысли, что ничего не ответил. Наконец забрезжил рассвет, и графиня, боясь быть замеченной домочадцами, удалилась в отчаянии оттого, что не попрощалась с предметом своей привязанности; и не прошло и часа, как император вспомнил, что она ждет, и спросил о ней. Я рассказал его величеству, как это было, и не скрыл состояния отчаяния, в котором графиня приняла свой отъезд. Император был очень тронут. "Бедная женщина, она считает себя униженной! Констант, я действительно опечален. Если ты увидишь ее снова, скажи ей об этом. Но у меня там так много всего! - добавил он очень энергичным тоном, хлопнув себя рукой по лбу.

Визит этой дамы в Фонтенбло напоминает другой визит почти такого же рода, но для описания которого мне необходимо продолжить нить событий немного более давнего времени.

[Впоследствии я узнал, что графиня де Валевска отправилась со своим сыном навестить императора на острове Эльба. Этот ребенок так сильно походил на его величество, что поползли слухи о том, что король Рима посетил его отца. Мадам де Валевска пробыла на острове Эльба совсем недолго. — ПОСТОЯННО.]

Вскоре после женитьбы на эрцгерцогине Марии Луизе, хотя она была молодой и красивой женщиной, и хотя он действительно преданно любил ее, император был не более скрупулезен, чем во времена императрицы Жозефины, в соблюдении супружеской верности. Во время одного из наших пребываний в Сен-Клу ему приглянулась мадемуазель Л., второй муж матери которой был командиром эскадрильи. Затем эти дамы остановились в Бург-ла-Рен, где их обнаружил г-н де ..., один из самых ревностных защитников хороших женщин, представленных его величеству, и который рассказал ему об этой молодой особе, которой тогда было семнадцать лет. Она была брюнеткой обычного роста, но с прекрасной фигурой, хорошенькими ногами и руками, вся ее фигура была полна грации, и действительно, она была совершенно очаровательна во всех отношениях, и, кроме того, сочетала с самым соблазнительным кокетством все свои достижения, танцевала с большим изяществом, играла на нескольких инструментах и была полна ума; фактически, она получила то показное образование, которое формирует самых очаровательных любовниц и самых плохих жен. Однажды император велел мне, в восемь часов вечера, разыскать ее у матери, привести ее и вернуться самое позднее в одиннадцать часов. Мой визит не вызвал удивления; и я увидел, что эти дамы были предупреждены, без сомнения, их услужливым покровителем, поскольку они ждали меня с нетерпением, которое и не пытались скрывать. Молодая особа была ослепительна украшениями и красотой, а мать сияла от радости при мысли о чести, уготованной ее дочери. Я хорошо видел, что она воображала, будто император не может не быть пленен столькими чарами и что его охватит великая страсть; но все это было только мечтой, ибо император был влюбчив только тогда, когда все подходило. Однако мы прибыли в Сен-Клу в одиннадцать часов и вошли в замок через оранжерею, опасаясь нескромных взглядов. Поскольку у меня был ключ от всех ворот замка, я незаметно провел ее в покои императора, где она пробыла около трех часов. По истечении этого времени я проводил ее до дома, приняв те же меры предосторожности при выходе из замка.

Эта молодая особа, которую император с тех пор видел самое большее три или четыре раза, также прибыла в Фонтенбло в сопровождении своей матери; но, не имея возможности увидеть его Величество, эта дама, подобно графине Валевской, решила совершить путешествие на остров Эльба, где, как говорят, император выдал мадемуазель Л. замуж за полковника артиллерии.

То, что я только что написал, почти бессознательно перенесло меня в более счастливые времена. Необходимо, однако, вернуться к печальному пребыванию в Фонтенбло; и после того, что я сказал об унынии, в котором жил император, неудивительно, что, подавленный такими сокрушительными ударами, его разум не был расположен к галантности. Мне кажется, я все еще вижу следы мрачной меланхолии, которая пожирала его; и посреди стольких горестей доброта сердца этого человека, казалось, возрастала пропорционально страданиям свергнутого монарха. С какой любезностью он разговаривал с нами в эти последние дни! Затем

он часто удостоивал меня расспросов о том, что говорилось о недавних событиях. Со своей обычной бесхитростной прямоотой я в точности пересказал ему то, что слышал; и я помню, что однажды, рассказав ему, что я слышал, как многие люди замечали, что продолжение последних войн, которые были для нас такими роковыми, обычно приписывалось герцогу Бассано: "Они поступают с бедняжкой Марет крайне несправедливо", - сказал он. "Они обвиняют его несправедливо. Он никогда ничего не делал, кроме как выполнял приказы, которые я отдавал". Затем, по своей обычной привычке, поговорив со мной немного об этих серьезных делах, он добавил: "Какой позор! какое унижение! Подумать только, что в самом моем дворце должно быть много иностранных эмиссаров!"

ГЛАВА XXVIII.

После 12 апреля с императором остались из всех великих особ, которые обычно окружали его, только главный маршал дворца и граф Друо. Пункт назначения, предназначенный для императора, и тот факт, что он принял его, недолго были секретом во дворце. 16-го числа мы стали свидетелями прибытия уполномоченных союзников, которым было поручено сопровождать его Величество к месту его высадки на остров Эльба. Это были граф Шувалов, адъютант императора Александра из России; полковник Нил Кэмпбелл из Англии; генерал Колер из Австрии; и, наконец, граф Вальдбург-Трюхзесс из Пруссии. Хотя его величество сам потребовал, чтобы его сопровождали эти четыре уполномоченных, их присутствие в Фонтенбло, казалось, произвело на него самое неприятное впечатление. Однако каждый из этих джентльменов получил от императора различный прием; и после нескольких слов, которые я услышал от его Величества, я убедился в этом, как и во многих предыдущих случаях, что он уважал англичан гораздо больше, чем всех других своих врагов, и поэтому полковника Кэмпбелла встретили с большим почетом, чем других министров; в то время как дурное настроение императора особенно отразилось на уполномоченном короля Пруссии, который не обратил на это внимания и напустил на себя наилучший вид.

За исключением очень незначительной видимой перемены, произошедшей в Фонтенбло благодаря присутствию этих джентльменов, ни одно примечательное происшествие, по крайней мере, насколько мне известно, не нарушило печальную и монотонную жизнь императора во дворце. Все оставалось мрачным и безмолвным среди обитателей этой последней императорской резиденции; но, тем не менее, императорлично показался мне более спокойным с тех пор, как он пришел к определенному выводу, чем в то время, когда он колебался в мучительной нерешительности. Иногда он говорил в моем присутствии об императрице и своем сыне, но не так часто, как можно было ожидать. Но одна вещь, которая глубоко поразила меня, заключалась в том, что ни разу с его уст не слетело ни единого слова, которое могло бы напомнить об акте отчаяния в ночь на 11-е, который, к счастью, как мы

видели, не привел к тем фатальным результатам, которых мы опасались. Что за ночь! Что за ночь! За всю свою жизнь с тех пор я никогда не мог думать об этом без содрогания.

После прибытия уполномоченных союзных держав император, казалось, постепенно, так сказать, привык к их присутствию, и главным занятием всего дома были обязанности, связанные с нашими приготовлениями к отъезду. Однажды, когда я одевал его величество, он сказал мне, улыбаясь: "Ну что ж, сын мой, готовь свою тележку; мы поедем сажать нашу капусту". Увы! Услышав эти знакомые слова его Величества, я был очень далек от мысли, что по непостижимому стечению обстоятельств я буду вынужден уступить необъяснимому року, который не пожелал, чтобы, несмотря на мое горячее желание, я сопровождал императора в место его ссылки.

Вечером накануне дня, назначенного для нашего отъезда, меня вызвал главный маршал дворца. Отдав мне несколько распоряжений относительно предстоящего путешествия, он сказал мне, что император желает знать, какой суммой денег я располагаю для него. Я немедленно дал отчет главному маршалу, и он увидел, что общая сумма составляла около трехсот тысяч франков, включая золото в мешке, который прислал мне барон Фейн, поскольку сам он не собирался отправляться в путешествие. Великий маршал сказал, что представит отчет императору. Через час он снова вызвал меня и сказал, что, по мнению его величества, у него есть еще сто тысяч франков. Я ответил, что у меня есть сто тысяч франков, которые император подарил мне, сказав, чтобы я закопал их в моем саду; фактически, я рассказал ему все подробности, которые я описал выше, и попросил его узнать у императора, не эти ли сто тысяч франков имел в виду его Величество. Граф Бертран пообещал это сделать, и тогда я совершил большую ошибку, не обратившись непосредственно к императору. В моем положении не было бы ничего проще; и я часто обнаруживал, что всегда лучше, когда это возможно, обратиться непосредственно к нему, чем прибегать к какому бы то ни было посредничеству. Для меня было бы гораздо лучше поступить таким образом, поскольку, если бы император потребовал сто тысяч франков, которые он мне дал, что, в конце концов, было едва ли возможно, я был более чем расположен вернуть их ему без малейшего колебания. Можно себе представить мое изумление, когда великий маршал доложил мне, что император не помнит, чтобы давал мне указанную сумму. Я мгновенно побагровел от гнева. Что! император позволил графу Бертрану поверить, что я пытался — я, его верный слуга, — присвоить сумму, которую он дал мне при всех обстоятельствах, о которых я рассказал! Я был вне себя от этой мысли. Я ушел в состоянии, которое невозможно описать, заверив великого маршала, что самое большее через час верну ему роковой подарок его Величества.

Быстро пересекая двор дворца, я встретил господина де Тюренна, которому и рассказал обо всем, что произошло. "Это меня не удивляет, - ответил он, - и мы увидим много других подобных случаев". Охваченный какой-то моральной лихорадкой, с помутившейся головой и угнетенным сердцем, я разыскал Дени, костюмера, о котором я уже говорил; к счастью, я нашел его и поспешил с ним в свое загородное поместье; и Бог мне свидетель, что потеря статысяч франков не была причиной моего горя, и я едва ли думал об этом. Как и в первый раз, мы прошли вдоль опушки леса, чтобы нас не заметили; и начали копать землю, чтобы найти деньги, которые мы туда положили; и в том рвении, с которым я охотился за этим жалким золотом, чтобы вернуть его великому маршалу, я накопал больше, чем было необходимо. Я не могу описать свое отчаяние, когда я увидел, что мы ничего не нашли; я подумал, что кто-то увидел нас и последовал за нами, на самом деле, что меня ограбили. Это был более сокрушительный удар для меня, чем первый, и

я с ужасом предвидел последствия: что скажут, что подумают обо мне? Поверят ли моему слову? Великий маршал, уже предубежденный необъяснимым ответом императора, счел бы меня человеком, полностью лишенным чести. Меня захлестнули эти роковые мысли, когда Денис предположил мне, что мы копали не в том месте и ошиблись на несколько футов. Я с жаром ухватился за этот луч надежды; мы снова начали копать землю с еще большим рвением, чем когда-либо, и я могу без преувеличения сказать, что моя радость граничила почти с безумием, когда я увидел первый из мешков. Мы вытащили последовательно все пятерых, и с помощью Дени я отнес их во дворец и без промедления передал в руки великого маршала вместе с ключами от сундука императора и шкатулки, которую мне доверил господин Фейн. Уходя, я сказал ему: "Монсеньор, будьте так добры, скажите его величеству, что я не буду сопровождать его". — "Я скажу ему".

После этого холодного и лаконичного ответа я немедленно покинул дворец и вскоре был на улице Кок-Гри с г-ном Клеманом, судебным приставом, который долгое время занимался моими мелкими делами и уделял необходимое внимание моему хозяйству во время длительных отлучек, вызванных путешествиями и кампаниями императора. Тогда я дал полную волю своему отчаянию. Я задышался от ярости, вспомнив, что в моей честности подозревались, — я, который четырнадцать лет служил императору с бескорыстием, которое было настолько щепетильным и даже доходило до такой степени, что многие люди называли это глупостью; я, который никогда ничего не требовал от Императора ни для себя, ни для своего народа! Мой мозг закружился, когда я попытался объяснить себе, как Император, который так хорошо все это знал, мог позволить мне показаться третьему лицу бесчестным человеком; чем больше я думал об этом, тем сильнее становилось мое раздражение, и все же мне не удавалось найти и тени мотива нанесенного мне удара. Мое отчаяние достигло апогея, когда господин Юбер, обыкновенный камердинер императора, пришел сказать мне, что его Величество даст мне все, что я пожелаю, если я последую за ним, и что триста тысяч франков будут немедленно вручены мне. В этих обстоятельствах я спрашиваю всех честных людей, что я мог бы сделать и что бы они сделали на моем месте? Я ответил, что, когда я решил посвятить всю свою жизнь служению несчастному императору, это было сделано не из низменных соображений; но я был в отчаянии при мысли, что он должен был выставить меня перед графом Бертраном самозванцем и бесчестным человеком. Ах! каким счастьем было бы для меня тогда, если бы император никогда не подумал дать мне эти проклятые сто тысяч франков! Эти мысли мучили меня. Ах, если бы я только мог потратить двадцать четыре часа на размышления, каким бы справедливым ни было мое негодование, с какой радостью я пожертвовал бы им! Я бы думал только об Императоре и последовал бы за ним, но печальный и необъяснимый рок не предопределил этого.

Это произошло 19 апреля, в самый несчастный день в моей жизни. Что за вечер, что за ночь я провел! Каково же было мое горе, когда на следующий день я узнал, что император отбыл в полдень, попрощавшись со своей гвардией! Когда я проснулся в то утро, все мое негодование было утолено мыслями об Императоре. Двадцать раз я хотел вернуться во дворец; двадцать раз после его отъезда я хотел взять почтовых лошадей и догнать его; но меня удерживало предложение, которое он сделал мне через господина Юбера. "Возможно, - подумал я, - он подумает, что на меня влияют деньги; это, несомненно, скажут те, кто его окружает; и какое мнение он будет обо мне!" В этом жестоком замешательстве я не смел решиться. Я выстрадал все, что только возможно выстрадать человеку; и временами то, что было слишком правдой, казалось мне сном, настолько невозможным казалось, что я мог быть там, где не было Императора. Все в этой ужасной ситуации усугубляло мое горе. Я знал императора достаточно

хорошо, чтобы понимать, что даже если бы я вернулся к нему тогда, он никогда бы не забыл, что я хотел покинуть его; я чувствовал, что у меня не хватит сил вынести этот упрек из его уст. С другой стороны, физические страдания, вызванные моей болезнью, значительно возросли, и я был вынужден долгое время оставаться в постели. Я мог бы, действительно, восторжествовать над этими физическими страданиями, какими бы жестокими они ни были, но в ужасающих сложностях моего положения я был доведен до состояния идиотизма; я ничего не видел из того, что было вокруг меня; я ничего не слышал из того, что говорилось; и после этого заявления читатель, конечно, не ожидает, что мне будет что сказать о прощании императора со своей старой и верной гвардией, отчет о котором, к тому же, публиковался достаточно часто, чтобы факты, касающиеся этого события, которое, к тому же, произошло публично, были хорошо известны. На этом мои Мемуары вполне могли бы закончиться; но я вполне полагаю, что читатель не может отказать мне в своем внимании еще на несколько минут, чтобы я мог вспомнить некоторые факты, которые я имею право объяснить, и рассказать о некоторых происшествиях, связанных с возвращением с острова Эльба. Поэтому сейчас я продолжаю свои замечания по первой из этих глав, а вторая станет предметом следующей главы.

Император тогда уже уехал; а что касается меня, запертого в одиночестве, то мой загородный дом отныне стал для меня печальным пристанищем. Я вообще ни с кем не общался, не читал новостей и не стремился ничему научиться. Спустя короткое время меня навестил один из моих друзей из Парижа, который сказал мне, что журналы писали о моем поведении, не понимая его, и что они сурово его осуждали. Он добавил, что именно г-н де Тюренн отправил в редакцию заметку, в которой я подвергся столь суровой критике. Должен сказать, что я этому не поверил; я слишком хорошо знал господина де Тюренна, чтобы считать его способным на столь бесчестный поступок, поскольку я откровенно объяснил ему все, когда он дал ответ, который я дал выше. Но каким бы ни было зло, оно, тем не менее, свершилось; и из-за невероятных сложностей моего положения я оказался вынужден хранить молчание. Конечно, ничего не было бы легче, чем опровергнуть клевету точным воспроизведением фактов; но должен ли я оправдывать себя таким образом, так сказать, обвиняя императора в тот момент, особенно когда враги императора проявляли много ожесточения? Когда я увидел, что такой великий человек стал жертвой стрел клеветы, я, который был таким презренным и ничтожным среди толпы, несомненно, мог позволить нескольким из этих ядовитых стрел обрушиться на меня. Сегодня пришло время сказать правду, и я сделал это без ограничений; не для того, чтобы оправдать себя, ибо, напротив, я виню себя за то, что не пожертвовал полностью собой и за то, что не сопровождал императора на остров Эльба, что бы там ни говорили. Тем не менее, мне будет позволено сказать в свою защиту, что при таком сочетании физических и психических страданий, которые обрушились на меня внезапно, человек должен быть очень уверен в своей непогрешимости, чтобы полностью осудить эту чувствительность, столь естественную для человека чести, когда его обвиняют в мошеннической сделке. Итак, сказал я себе, это награда за всю мою заботу, за перенесение стольких страданий, за безграничную преданность и утонченность чувств, за которые император часто хвалил меня и за которые он воздал мне должное позже, как будет видно, когда у меня будет возможность рассказать о некоторых обстоятельствах, произошедших примерно 20 марта следующего года.

Но мне необоснованно и даже злонамеренно приписывались мотивы заинтересованности в принятии решения покинуть императора. Напротив, самого простого здравого смысла было бы достаточно, чтобы понять, что, если бы я позволил себе руководствоваться своими интересами, все повлияло бы на мое решение сопровождать его Величество. На самом деле, огорчение,

которое вызвал у меня упомянутый мною инцидент, и то, как я был полностью потрясен им, нанесли моему состоянию больший ущерб, чем могла бы нанести любая решимость следовать за императором. На что я мог надеяться во Франции, где я ни на что не имел права? Кроме того, разве не очевидно любому, кто вспомнит мое положение, которое было доверенным лицом императора, что, если бы мною двигала любовь к деньгам, это положение дало бы мне возможность собрать обильный урожай, не повредив моей репутации; но моя бескорыстность была настолько хорошо известна, что, что бы ни говорили об обратном, я могу утверждать, что в течение всего времени, пока сохранялось мое расположение к императору, я ни разу не использовал его для оказания каких-либо других услуг, кроме бескорыстных, и часто я отказывался поддержать требование по той единственной причине, что петиция сопровождалась путем предложений денег, которые часто составляли очень значительную сумму. Позвольте мне привести один пример среди многих других такого же характера. Однажды я получил предложение в размере четырехсот тысяч франков, сделанное мне дамой из очень знатной семьи, если я повлияю на императора, чтобы он благосклонно рассмотрел петицию, в которой она требовала возмещения ущерба за принадлежащий ей участок собственности, на котором был построен порт Байонна. Мне удалось получить благоприятные ответы на ходатайства более трудные, чем это, но я отказался согласиться поддержать ее ходатайство исключительно из-за сделанного мне предложения; я был бы рад услужить этой даме, но только ради удовольствия быть услужливым, и только по этой причине я позволил себе просить императора о помиловании, которое он почти всегда даровал. Нельзя также сказать, что я когда-либо требовал от императора лицензий на лотерейные розыгрыши или что-либо еще в этом роде, в которых, как хорошо известно, часто совершаются скандальные сделки, и которые, без сомнения, если бы я потребовал их у императора, он бы с готовностью предоставил.

Доверие ко мне, которое всегда проявлял император, было таково, что даже в Фонтенбло, когда было решено, что никто из обычных камердинеров не должен сопровождать его на остров Эльба, император предоставил моему выбору молодого человека для помощи мне в выполнении моих обязанностей. Я выбрал мальчика из апартаментов, чей честный характер был мне хорошо известен и который, кроме того, был сыном мадам Маршан, старшей медсестры короля Рима. Я рассказал о нем императору, который принял его; и я немедленно отправился сообщить господину Маршану, который получил эту должность с величайшей благодарностью и доказал мне своей благодарностью, как он был бы рад сопровождать нас. Я говорю "нас", ибо в тот момент я был очень далек от того, чтобы предвидеть череду роковых событий, о которых я правдиво рассказал; и впоследствии, по тому, как г-н Маршан высказывался обо мне в Тюильри во время "Ста дней", можно понять, что я оказал свое доверие не напрасно.

ГЛАВА XXIX.

Я стал чужим для всего мира после отъезда императора на остров Эльба и, преисполненный глубокого чувства благодарности за доброту, которой его Величество одаривал меня в течение четырнадцати лет, проведенных мною у него на службе, непрестанно думал об этом великом человеке и получал удовольствие, восстанавливая в памяти все события, даже самые тривиальные, моей совместной жизни с ним. Я подумал, что моему прежнему положению лучше всего соответствует уединение, и наиболее спокойно проводил время в кругу своей семьи в принадлежащем мне загородном доме. В то же время роковая мысль невольно овладела моим умом, ибо я опасался, что людям, ревниво относившимся к моей прежней милости, удастся обмануть императора относительно моей неизменной преданности его особе и укрепить в его уме ложное мнение, которое им на какое-то время удалось составить ему обо мне. Это мнение, хотя моя совесть и говорила мне, что оно несправедливо, от этого не становилось менее болезненным для меня; но, как скоро станет ясно, мне посчастливилось убедиться, что мои опасения на этот счет были беспочвенны.

Хотя я совершенно не разбирался в политике, я с глубоким интересом читал газеты, которые получал в своем убежище после великих политических перемен, которым было дано название Реставрации; и мне казалось, что нужен только простейший здравый смысл, чтобы увидеть заметную разницу, которая существовала между свергнутым правительством и новым. Во всех департаментах я видел череду титулованных людей, занявших места в длинном списке выдающихся людей, которые при Империи показали так много доказательств своих заслуг и мужества; но я был далек от мысли, несмотря на большое количество недовольных, что судьба императора и пожелания армии когда-либо вернут ему трон, от которого он добровольно отрекся, чтобы не стать причиной гражданской войны в Дансе. Поэтому было бы невозможно описать мое изумление и множество разнообразных чувств, которые взволновали меня, когда я получил первое известие о высадке императора на побережье Прованса. Я с восторгом прочел замечательное воззвание, в котором он объявил, что его орлы будут перелетать со шпилья на шпиль и что он сам будет неотступно следовать за ним в его триумфальном шествии от залива Жуан до Парижа.

Здесь я должен признаться, что только после того, как я покинул императора, я полностью осознал безмерность его величия. Прикрепленный к его службе почти с самого начала консульства, в то время, когда я был еще очень молод, он вырос, так сказать, незаметно для меня, и я прежде всего увидел в нем, исходя из характера моих обязанностей, скорее превосходного мастера, чем великого человека; следовательно, в данном случае эффект дистанции сильно отличался от того, который он обычно производит. Мне было трудно это осознать, и я часто удивляюсь сегодня, вспоминая откровенность, с которой я осмеливался защищать перед императором то, что, как я знал, было правдой; однако его доброта, казалось, поощряла меня в этом, потому что часто, вместо того чтобы раздражаться на мою горячность, он говорил мне мягко, с благожелательной улыбкой: "Ну же, ну же! господин Констан, не волнуйтесь". Восхитительная доброта в человеке такого высокого ранга! Ах, что ж, это было единственное впечатление, которое он произвел на меня в уединении его покоев, но с тех пор я научился оценивать его по достоинству.

Узнав, что император должен быть возвращен нам, моим первым побуждением было немедленно отправиться во дворец, чтобы я мог быть там к его прибытию; но более зрелые

размышления и советы моей семьи заставили меня понять, что для меня было бы более уместно дожидаться его приказов на случай, если он пожелает отозвать меня на мою прежнюю службу. Я поздравил себя с решением избрать последний путь, поскольку имел счастье узнать, что его Величество был достаточно любезен, чтобы выразить свое одобрение моему прежнему поведению. Из самых надежных источников я узнал, что едва он прибыл в Тюильри, как снизошел до вопроса мсье Эйбле, тогдашнего швейцара дворца: "Ну, чем занимается Констант? Как ему это удастся? Где он?" — "Сир, он в своей деревне, которую не покидал". — "Ах, очень хорошо. Он счастлив выращивать свою капусту". Я узнал также, что в первые дни возвращения императора его Величество изучал список пенсий и был настолько любезен, что сделал пометку о том, что моя пенсия должна быть увеличена. Наконец, я испытал сильное удовлетворение другого рода, без сомнения, но тем не менее искреннее от уверенности, что меня не сочтут неблагодарным. Я уже говорил, что мне посчастливилось получить место для г-на Маршана при императоре; и вот что рассказал мне очевидец. Г-н Маршан в начале "Ста дней" случайно оказался в одном из залов дворца Тюильри, где собрались несколько человек, и некоторые из них выражались по отношению ко мне крайне недоброжелательно. Мой преемник при императоре резко прервал их, сказав, что в клевете, которую распространяли на меня, нет ни слова правды; и добавил, что, пока я занимал эту должность, я был неизменно любезен со всеми членами семьи, которые обращались ко мне, и никому не причинил вреда. В этом отношении я могу подтвердить, что мсье Маршан сказал только правду; но тем не менее я был глубоко благодарен ему за то, что он с такой честью защищал меня, особенно в мое отсутствие.

Не находясь в Париже 20 марта 1815 года, как мы только что видели, я ничего не мог бы сказать об обстоятельствах этой достопамятной эпохи, если бы не узнал от некоторых моих друзей подробностей о том, что произошло ночью, последовавшей за возвращением императора во дворец, вновь ставший императорским; и можно себе представить, как мне не терпелось узнать все, относящееся к великому человеку, которого мы считали в тот момент спасителем Франции.

Я начну с того, что в точности повторю рассказ, который дал мне один из моих друзей, храбрый и превосходный человек, в то время сержант Национальной гвардии Парижа, которому случилось дежурить в Тюильри ровно 20 марта. "В полдень, - сказал он, - три роты национальных гвардейцев вошли во двор Тюильри, чтобы занять все внутренние и внешние посты дворца. Я принадлежал к одной из таких рот, входившей в состав четвертого легиона. Мои товарищи и я были поражены невыразимой печалью, вызванной видом заброшенного дворца. На самом деле все было покинуто. Лишь несколько человек были замечены тут и там в ливреях короля, занятых снятием портретов различных членов семьи Бурбонов. Снаружи были слышны громкие крики обезумевшей толпы, которая влезала на ворота, пыталась взобраться на них и давила на них с такой силой, что, наконец, они прогнулись в нескольких местах так сильно, что возникло опасение, что их сбросят. Это множество людей представляло собой ужасающее зрелище и, казалось, было намерено разграбить дворец.

"Едва ли через четверть часа после того, как мы вошли во внутренний двор, произошел несчастный случай, который, хотя и не был серьезным сам по себе, поверг в ужас наши ряды, а также тех, кто прижимался к решетке Карусели. Мы увидели пламя, вырывающееся из дымохода королевских апартаментов, который был случайно подожжен из-за того, что в нем только что сгорело некоторое количество бумаг. Этот несчастный случай породил самые зловещие предположения, и вскоре распространился слух, что Тюильри был подорван, готовый к взрыву перед отъездом Людовика XVIII. Немедленно был сформирован патруль из пятнадцати человек

Национальной гвардии под командованием сержанта; они самым тщательным образом обследовали замок, посетили каждую квартиру, спустились в подвалы и убедились, что нигде нет ни малейших признаков опасности.

"Успокоенные по этому поводу, мы, тем не менее, не были лишены беспокойства. Возвращаясь на свои посты, мы слышали, как многочисленные группы людей кричали: "Да здравствует король! Да здравствуют бурбоны!" - и вскоре мы получили доказательства раздражения и ярости части народа против Наполеона; ибо мы были свидетелями прибытия в нашу среду в самом плачевном состоянии старшего офицера, который слишком рано неосмотрительно надел трехцветную кокарду и, следовательно, был преследуем толпой от улицы Сен-Дени. Мы взяли его под свою защиту и заставили войти внутрь дворца, так как он был почти обессилен. В этот момент мы получили приказ заставить людей отступить, поскольку они стали еще решительнее штурмовать ворота; и для достижения этого мы были вынуждены прибегнуть к оружию.

"Мы занимали пост в Тюильри самое большое через час, когда генерал Эксельманс, получивший главное командование гвардией в замке, отдал приказ поднять трехцветное знамя над средним павильоном.

"Повторное появление национального колорита вызвало у всех нас чувства глубочайшего удовлетворения; и немедленно толпа заменила крик "Да здравствует Император!" криком "Да здравствует король!", и больше ничего не было слышно в течение всего дня. Что касается нас, то, когда нам приказали надеть трехцветную кокарду, это было очень простое представление, так как у большого числа гвардейцев сохранились их старые кокарды, которые они просто прикрыли куском белого батиста. Нам было приказано сложить оружие перед триумфальной аркой, и до шести часов ничего экстраординарного не происходило; затем на ожидаемом маршруте императора засияли огни, и большое количество офицеров на половинном жалованье собралось возле павильона Флоры; и я узнал от одного из них, месье Сонье, награжденного офицера, что именно с этой стороны император вернется во дворец Тюильри. Я направился туда со всей поспешностью; и когда я спешил занять место на его пути, мне посчастливилось встретить командира, который назначил меня дежурным у самых дверей апартаментов Наполеона, и этому обстоятельству я обязан тем фактом, что стал свидетелем того, о чем сейчас предстоит рассказать.

"Я некоторое время оставался в ожидании и почти в совершенном одиночестве, когда без пятнадцати девять необычайный шум, который я услышал снаружи, возвестил мне о прибытии императора; и через несколько мгновений я увидел, как он появился под восторженные крики, несомый на руках офицерами, которые сопровождали его с острова Эльба. Император горячо умолял их позволить ему идти пешком, но его мольбы были бесполезны, и они довели его таким образом до самых дверей его покоев, где положили рядом со мной. Я не видел императора со дня его прощания с Национальной гвардией в большом дворе дворца; и, несмотря на сильное волнение, в которое меня повергла вся эта суматоха, я не мог не заметить, насколько он располнел.

"Едва император вошел в свои апартаменты, как я был назначен на службу во внутренних покоях. Маршал Бертран, который только что сменил генерала Эксельмана на посту командующего Тюильри, отдал мне приказ никого не впускать, не уведомив его, и сообщать ему имена всех, кто просил о встрече с императором. Одним из первых представился Камбасерес,

который показался мне еще более бледным, чем обычно. Вскоре после этого приехал отец генерала Бертрана; и когда этот почтенный старик попытался первым засвидетельствовать свое почтение императору, Наполеон сказал ему: "Нет, месье! природа превыше всего"; и, сказав это, движением столь же быстрым, как и его слова, император, так сказать, бросил его в объятия своего сына. Следующей прибыла королева Гортензия в сопровождении двух своих детей; затем граф Реньо де Сен-Жан д'Анжели и многие другие лица, имена которых я не запомнил. Тех, о ком я доложил маршалу Бертрану, я больше не видел, так как все они вышли через другую дверь. Я продолжал исполнять эту обязанность до одиннадцати часов вечера, после чего меня освободили от моих обязанностей и пригласили поужинать за огромный стол, накрытый примерно на триста персон. Все присутствующие во дворце лица один за другим заняли свои места за этим столом. Я увидел герцога Виченцкого и оказался напротив генерала Эксельманса. Император ужинал наедине в своей комнате с маршалом Бертраном, и их ужин был далеко не таким роскошным, как наш, поскольку состоял всего лишь из жареного цыпленка и блюда из чечевицы; и все же я узнал от офицера, который постоянно сопровождал его с тех пор, как он покинул Фонтенбло, что его величество ничего не ел с утра. Император был чрезвычайно утомлен; я имел возможность отмечать это каждый раз, когда открывалась его дверь. Он сидел в кресле перед камином, положив ноги на каминную полку.

"Когда мы все оставались в Тюильри, около часа дня нам сообщили, что император только что удалился и что на случай, если ночью придут какие-нибудь солдаты, сопровождавшие его, он отдал приказ, чтобы они несли службу во дворце вместе с Национальной гвардией. Бедняги едва ли были в состоянии подчиниться такому приказу. В два часа ночи мы увидели, как двое из них прибыли в самом плачевном состоянии; они были совершенно истощены, а их ноги покрылись волдырями. Все, что они могли сделать, это броситься на свои мешки, на которых они крепко заснули; и они даже не проснулись, пока в комнате, куда они добрались с таким трудом, бинтовали им ноги. Все стремились уделить им максимум внимания; и я признаю, что всегда сожалел, что не поинтересовался именами этих двух храбрых гренадеров, которые вызывали у всех нас такой интерес, который я не могу описать.

"Уйдя на покой в час дня, император был на ногах в пять часов утра; и немедленно был отдан приказ солдатам на половинном жалованье приготовиться к смотру, и на рассвете они были выстроены в три шеренги. В этот момент мне поручили следить за офицером, на которого указали как на подозрительного и который, как говорили, прибыл из Сен-Дени. Это был господин де Сен-Шаман. По истечении четверти часа ареста, в котором не было ничего неприятного, его просто попросили уйти. Тем временем император спустился из дворца и прошел через ряды солдат на половинном жалованье, обращаясь к каждому, беря многих за руку и говоря им: "Друзья мои, я нуждаюсь в ваших услугах; я полагаюсь на вас, как и вы можете полагаться на меня". Волшебные слова прозвучали из уст Наполеона и вызвали слезы умиления у всех тех храбрых солдат, на чьи услуги не обращали внимания в течение года.

"С самого утра толпа быстро увеличивалась на всех подступах к Тюильри, и масса людей собралась под окнами замка, громкими криками требуя встречи с Наполеоном. Маршал Бертран сообщил ему об этом, и император показался в окне, где его приветствовали криками, которые так часто вызывало его присутствие. Показавшись народу, император лично представил ему маршала Бертрана, положив руку на плечо маршала, которого он прижал к своему сердцу с выражением самой живой привязанности. Во время этой сцены, глубоко взволновавшей всех свидетелей, которые аплодировали изо всех сил, офицеры, стоявшие

позади императора и его друга, держали над головами знамена, увенчанные их орлами, из которых они образовывали своего рода национальный балдахин. В одиннадцать часов император сел на коня и произвел смотр различным полкам, прибывавшим со всех сторон, и героям острова Эльба, вернувшимся ночью в Тюильри. На всех, казалось, произвел глубокое впечатление внешний вид этих храбрых людей, которых загорело солнце Италии и которые прошли почти двести лиг за двадцать дней".

Вот любопытные подробности, которые сообщил мне друг; и я могу гарантировать правдивость его рассказа так же, как если бы я сам был очевидцем всего, что произошло в памятную ночь с 20 на 21 марта 1815 года. Продолжая свое уединение в течение ста дней и долгое время спустя, я не могу сказать ничего такого, чего весь мир не знал бы так же хорошо, как я, относительно этой важной эпохи в жизни императора. Я пролил много слез над его страданиями во время его второго отречения и пытками, которым подвергал его на острове Святой Елены несчастный Хадсон Лоу, чья бесславная слава войдет в историю бок о бок со славой императора. Я просто ограничусь тем, что добавлю к предыдущему определенный документ, который был доверен мне бывшей королевой Вестфалии, и в заключение скажу несколько слов о том, куда, по моему мнению, лучше всего передать первый крест Почетного легиона, который носил первый консул.

Принцесса Екатерина Вюртембергская, жена принца Иеронима, как хорошо известно, женщина необычайной красоты, одаренная в то же время более солидными качествами, которые со временем увеличиваются, а не уменьшаются. К природному интеллекту она присоединяет высокоразвитый ум, характер, поистине достойный невестки императора, и доводит даже до энтузиазма свою любовь к долгу. События не позволили ей стать великой королевой, но они не помешали ей остаться опытной женой. Ее чувства благородны и возвышенны; но она ни с кем не выказывает высокомерия, и все, кто ее окружает, находят удовольствие в хвастовстве прелестями ее доброты по отношению к своим домочадцам, и она обладает счастливейшим даром природы, который состоит в том, чтобы сделать себя любимой всеми. Принц Джером не лишен определенного величия манер и формальной щедрости, которым он научился, находясь на кассельском троне, но обычно он очень надменен. Хотя вследствие великих перемен, произошедших в Европе после падения императора, принц Джером обязан комфортным содержанием, которым он до сих пор пользуется, любви принцессы, она, тем не менее, демонстрирует поистине образцовую покорность его воле. Принцесса Екатерина занимается почти исключительно своими тремя детьми, двумя мальчиками и одной девочкой, все они очень красивы. Старший родился в августе 1814 года. Ее дочь, принцесса Матильда, обязана своим превосходным образованием заботе, которую проявляла об этом ее мать; она хорошенькая, но в меньшей степени, чем ее братья, у которых все черты лица матери.

После отнюдь не лестного описания, которое я только что дал принцессе Екатерине, может показаться удивительным, что, обладая столькими солидными качествами, она так и не смогла преодолеть необъяснимую слабость к мелким суевериям. Так, например, она крайне боится садиться за стол, где тринадцать гостей. Я расскажу анекдот, достоверность которого я могу гарантировать и который, возможно, может способствовать слабости людей, подверженных тем же суевериям, что и принцесса Вюртембергская. Однажды во Флоренции, присутствуя на семейном обеде, она увидела, что тарелок ровно тринадцать, внезапно побледнела и упрямо отказалась занять свое место. Принцесса Элиза Баччиочи высмеяла свою невестку, пожала плечами и сказала ей, улыбаясь: "Опасности нет, на самом деле их четырнадцать, поскольку я

заключена". Принцесса Екатерина уступила, но с крайним отвращением. Вскоре после этого ей пришлось надеть траур по своей невестке, а смерть принцессы Элизы, как вполне можно предположить, немало способствовала тому, что она стала еще более суеверной в отношении числа тринадцать, чем когда-либо. Что ж! пусть сильные умы хвастаются, как могут; но я могу утешить слабых, поскольку осмелюсь утверждать, что, если бы император стал свидетелем подобного происшествия в своей собственной семье, инстинкт, более сильный, чем любые другие соображения, более сильный даже, чем его всемогущий разум, вызвал бы у него несколько моментов смутного беспокойства.

Теперь мне остается только рассказать о том, как я вручил первый почетный крест, который носил Первый консул. Читателю не нужно пугаться; я не зря воспользовался им; оно находится на груди храброго солдата нашей старой армии. В 1817 году я познакомился с месье Годо, бывшим капитаном императорской гвардии. Он был тяжело ранен под Лейпцигом пушечным ядром, которое сломало ему колено. Я обнаружил в нем такое сильное и искреннее восхищение императором, он так настойчиво убеждал меня подарить ему что-нибудь, что бы это ни было, принадлежавшее его Величеству, что я преподнес ему почетный крест, о котором я уже говорил, поскольку он давным-давно был награжден этим орденом. Этот крест, я бы сказал, исторический сувенир, поскольку, как я уже говорил, он первый, который носил его величество. Он из серебра, среднего размера и не увенчан императорской короной. Император носил его год; в последний раз оно украшало его грудь в день битвы при Аустерлице. Фактически, с того дня его величество носил золотой офицерский крест с короной и больше не носил крест простого члена легиона.

На этом мои воспоминания закончились бы, если бы при перечитывании первых томов моих мемуаров факты, о которых я там рассказал, не напомнили мне о некоторых других, которые могут представлять интерес. Ввиду невозможности изложить их в надлежащем порядке и связи, я решил, чтобы читатель не был ими обделен, предложить их в виде отдельных анекдотов, которые я постарался классифицировать, насколько это возможно, в соответствии с хронологией событий.

ГЛАВА XXX.

АНЕКДОТЫ И ПРОИСШЕСТВИЯ.

Как я часто имел случай отмечать, вкусы императора были чрезвычайно просты во всем, что касалось его особы; более того, он проявлял решительное отвращение к модным обычаям; ему не нравилось, так сказать, превращать ночь в день, как это делалось в большинстве блестящих кругов парижского общества при консульстве и в начале Империи. К сожалению, императрица

Жозефина не придерживалась тех же взглядов и, будучи покорной рабыней моды, любила продлевать свои вечера после ухода императора на покой.

У нее была привычка собирать вокруг себя самых близких дам и нескольких друзей и угощать их чаем. Игры были полностью исключены из этих ночных встреч, единственной прелестью которых были разговоры. Эта беседа в высших кругах общества была самым приятным развлечением для императрицы; и этот избранный круг часто собирался без ведома императора, и на самом деле это было очень невинное развлечение. Тем не менее, какой-то услужливый человек был настолько нескромен, что представил императору отчет об этих собраниях, содержащий вопросы, которые вызвали его неудовольствие. Он выразил свое недовольство императрице Жозефине, и с этого времени она ушла в отставку одновременно с императором.

Затем от этих чаепитий отказались, и все лица, состоящие на службе у императора, получили приказ не засиживаться после ухода императора на покой.

Насколько я помню, именно так я слышал высказывания его Величества по этому поводу. "Когда хозяева спят, камердинеры должны отправляться в постель; а когда хозяева бодрствуют, камердинеры должны быть на ногах". Эти слова произвели желаемый эффект; и в тот же вечер, как только император лег в постель, все во дворце удалились, и в половине двенадцатого не спал никто, кроме часовых.

Постепенно, как это всегда бывает, строгое соблюдение приказов императора постепенно ослабевало, но императрица по-прежнему не осмеливалась возобновить свои ночные сборища. Однако слова его Величества не были забыты и хорошо запомнились меье Коласу, консьержу павильона Флоры.

Однажды утром, около четырех часов, г-н Колас услышал непривычный шум и продолжающееся движение внутри дворца и предположил, что император проснулся, в чем не ошибся. Он оделся со всей поспешностью и пробыл на своем посту десять минут, когда император, спускавшийся по лестнице вместе с маршалом Дюроком, заметил его. Его величеству обычно доставляло удовольствие показывать, что он замечает точность в выполнении своих приказов; поэтому он на мгновение остановился и сказал меье Коласу: "А! уже проснулись, Колас?" — "Да, сир; я не забыл, что слуги должны быть на ногах, когда хозяева бодрствуют". — "У вас хорошая память, Колас; превосходная вещь".

Все это было очень хорошо, и день начался для меье Коласа самым благоприятным образом; но вечером утренняя медаль была вынуждена показать противоположную сторону. В то утро император отправился осмотреть работы на канале Урк. Он, по-видимому, был очень недоволен, ибо вернулся во дворец в таком явном дурном расположении духа, что г-н Кола, заметив это, позволил этим словам сорваться с его губ: "Il y a de l'oignon". Хотя он говорил тихо, император услышал его и, резко повернувшись к нему, гневно повторил: "Да, меье, вы не ошиблись; я - де л'Оаньон". Затем он быстро поднялся по лестнице, в то время как консьерж, опасаясь, что наговорил лишнего, подошел к великому маршалу, умоляя его извинить его перед его Величеством; но у него и в мыслях не было наказывать его за допущенную им вольность, а выражение, сорвавшееся с его губ, вряд ли можно было встретить в императорском лексиконе.

Приезд папы Римского в Париж с целью коронации императора - одно из тех событий, которых достаточно, чтобы отметить величие эпохи. Император никогда не говорил об этом иначе, как с

крайним удовлетворением, и он желал, чтобы его Святейшество был принят со всем великолепием, которое подобает основателю великой империи. С этим намерением его Величество отдал приказ, чтобы без каких-либо комментариев было предоставлено все, не только то, что может потребовать папа, но и все, что могут потребовать лица из его свиты. Увы! Святой отец не своими личными расходами способствовал истощению императорской казны.

Пий VII пил только воду, и его трезвость была поистине апостольской; но это было не так с аббатами, состоявшими у него на службе, поскольку этим джентльменам каждый день требовалось пять бутылок вина Шамбертен, не считая других сортов и самых дорогих напитков.

Это напоминает о другом происшествии, которое, однако, лишь косвенно связано с пребыванием папы в Париже. Известно, что император приказал Давиду выполнить картину "Коронация", работу, которая предполагала невероятное количество почти непреодолимых трудностей и которая, по сути, была одним из шедевров великого художника.

Во всяком случае, подготовка этой картины вызвала споры, в которые император был вынужден вмешаться; и дело было серьезным, как мы увидим, поскольку речь шла о кардинальском парике. Дэвид настаивал на том, чтобы не красить голову кардинала Капрары в парике; и со своей стороны кардинал не хотел позволять ему красить голову без парика. Кто-то встал на сторону художника, кто-то - на сторону натурщицы; и хотя дело рассматривалось с большой дипломатичностью, ни от одной из договаривающихся сторон не удалось добиться уступок, пока, наконец, император не встал на сторону своего первого художника против парика кардинала. Это напоминает историю о бесхитростном человеке, который не позволил бы нарисовать свою голову непокрытой, потому что он так легко переносил простуду, и его картину повесили бы в комнате без огня.

Когда г-н де Буррьен покинул императора, как хорошо известно, его сменил г-н де Меневаль, который ранее состоял на службе у принца Жозефа. Император все больше и больше привязывался к своему новому личному секретарю по мере того, как лучше узнавал его. Постепенно работа кабинета, в ходе которой решалась большая часть важнейших дел, стала настолько значительной, что одному человеку было невозможно выполнять ее в одиночку; и с 1805 года два молодых человека, протеже г-на Маре, государственного секретаря, были удостоены чести работать в кабинете императора; и хотя по характеру своих обязанностей они были посвящены в важнейшие государственные тайны, никогда не было ни малейшей причины сомневаться в их совершенной скрытности. Кроме того, они были очень прилежны и наделены большим талантом, так что у его Величества сложилось о них превосходное мнение. Их положению можно было позавидовать. Поселенные во дворце и, следовательно, снабженные топливом и светом, они также были накормлены и получали каждый жалованье в размере восьми тысяч франков. Вполне можно было бы подумать, что этой суммы будет достаточно для того, чтобы эти джентльмены жили наиболее безбедно, но это было не так. Ибо, если они были усердны в часы работы, они были не менее усердны в часы, посвященные удовольствиям; отсюда и получалось, что не успевал пройти второй квартал, как все годовое жалованье было потрачено, часть его в азартных играх, а остальное - среди низших товарищей.

Среди двух секретарей, принятых на службу к императору, был один, который наделал столько долгов, а кредиторы его были настолько безжалостны, что, не будь другой причины, он был бы безошибочно уволен из личного кабинета, если бы слух об этом достиг ушей его Величества.

Проведя целую ночь в размышлениях о своем затруднительном положении, изыскивая в воображении какой-нибудь способ раздобыть сумму, необходимую для удовлетворения самых назойливых кредиторов, новоиспеченный расточитель искал отвлечения в работе и в пять часов утра сел за свой письменный стол, чтобы отогнать тягостные мысли; не думая, что в этот час его кто-нибудь услышит, и во время работы начал изо всех сил насвистывать "Линотту". Итак, этим утром, как часто бывало прежде, император уже целый час работал в своем кабинете и только что вышел, как вошел молодой человек и, услышав этот свист, немедленно вернулся.

- Уже здесь, месье, - сказал его величество. - Черт возьми! Это замечательно! Марет должна быть вами вполне довольна. Какое у вас жалованье?" — "Сир, у меня восемь тысяч франков в год, и, кроме того, я живу во дворце". — "Это хорошо, сударь, и вы должны быть очень счастливы".

Молодой человек, видя, что его величество пребывает в прекрасном расположении духа, подумал, что фортуна послала ему благоприятную возможность избавиться от смущения, и решил сообщить императору о своем тяжелом положении. "Увы, сир! - сказал он, - без сомнения, я должен быть счастлив, но я не счастлив". — "Почему это?" — "Сир, я должен признаться вашему величеству, что мне приходится нести так много англичан, и, кроме того, я должен содержать старого отца, двух сестер и брата". — "Вы всего лишь выполняете свой долг. Но что вы подразумеваете под своим английским? Вы их тоже содержите?" — "Нет, сир; но это они кормили мои удовольствия деньгами, которые они мне ссудили, и все, у кого есть кредиторы, теперь называют их англичанами". — "Остановитесь! остановитесь, месье! Что? у вас есть кредиторы, и, несмотря на ваше большое жалованье, вы наделали долгов! Хватит, месье. Я не желаю больше иметь рядом с собой человека, который прибегает к английскому золоту, когда на то, что я ему даю, он может жить достойно. Через час вы получите выписку".

Император, высказавшись так, как мы только что слышали, взял со стола какие-то бумаги, бросил суровый взгляд на молодого секретаря и оставил его в таком отчаянии, что, когда, к счастью, в кабинет вошел кто-то еще, он был готов покончить с собой длинным резак для бумаги, который держал в руке. Этим человеком был дежурный адъютант, который принес ему письмо от императора, составленное в следующих выражениях:

"Сударь, вы заслуживаете увольнения со службы, но я подумал о вашей семье и прощаю вас из-за них; и поскольку именно они пострадают от вашего недостойного поведения, я посылаю вам вместе со своим прощением десять тысяч франков ассигнациями. Заплатите этой суммой всем англичанам, которые вас мучают, и, главное, не попадайтесь им снова в лапы, ибо в этом случае я вас покину. НАПОЛЕОН".

Громкое "Да здравствует Император!" самопроизвольно сорвалось с губ молодого человека, который молниеносно выскочил наружу, чтобы сообщить своей семье об этом новом доказательстве императорской тирании.

Однако это был еще не конец; ибо его товарищ, узнав о том, что произошло, а также пожелав получить несколько банкнот, чтобы успокоить свой английский, удвоил усердие и активность в работе и в течение нескольких дней подряд приходил в кабинет министров в четыре часа утра и тоже насвистывал Линотту; но все было напрасно, император, казалось, его не слышал.

В Париже и при дворе много говорилось о нелепых высказываниях жены маршала Лефевра, и можно было бы составить сборник ее странных речей, многие из которых являются чистыми

выдумками; но также потребовался бы целый том, чтобы описать все поступки, которыми она проявляла свою доброту сердца.

Однажды в Мальмезоне (я думаю, вскоре после основания Империи) императрица Жозефина отдала недвусмысленный приказ никого не впускать. Маршальша Лефевр представилась, но швейцар, подчиняясь его приказу, не позволил ей войти. Она настаивала, и он по-прежнему отказывался. Во время этого обсуждения императрицу, переходившую из одних апартаментов в другие, видели через стеклянную дверь, отделявшую эти апартаменты от тех, в которых тогда находилась герцогиня. Императрица, тоже увидев ее, поспешно вышла ей навстречу и настояла на том, чтобы она вошла. Прежде чем войти, мадам Лефевр повернулась к билетеру и сказала ему насмешливым тоном: "Ну, мой дорогой, вы видите, я вошла!" Бедный билетер покраснел до ушей и в замешательстве удалился.

Маршал Лефевр был не менее добр, не менее превосходен, чем его жена; и о них вполне можно было бы сказать, что высокие почести несколько не изменили их манер. Невозможно описать, что хорошего они оба сделали. Можно было бы сказать, что это было их единственным удовольствием, единственной компенсацией за большое семейное несчастье. У них был только один сын, который был одним из худших людей во всей Империи. Каждый день на него поступали жалобы; сам император часто делал ему замечания из-за высокого уважения, которое он питал к своему храброму отцу. Но улучшения не последовало, и его природная злобность проявилась только сильнее. Он был убит в каком-то сражении, я забыл, в каком именно; и как бы мало он ни был достоин сожаления, его смерть стала глубоким горем для его замечательной матери, хотя он даже забылся настолько, что неуважительно отзывался о ней в своих грубых речах. Обычно она поверяла г-ну де Фонтану свои горести, поскольку великий магистр университета, несмотря на свою изысканную вежливость и восхитительный литературный стиль, был очень тесно связан с семейством маршала Лефевра.

В этой связи я вспоминаю анекдот, который лучше всего, что можно было бы сказать, доказывает доброту и совершенную простоту маршала. Однажды ему объявили, что некто, чье имя не было названо, желает с ним поговорить. Маршал вышел из своего кабинета и узнал своего старого капитана французской гвардии, в которой, как мы уже говорили, маршал был сержантом. Маршал просил разрешения обнять его, предлагал свои услуги, свой кошелек, свой дом; обращался с ним почти так же, как если бы он подчинялся его приказам. Старый капитан был эмигрантом и, вернувшись, еще не решил, чем будет заниматься. Стараниями маршала его имя было быстро вычеркнуто из списка эмигрантов; но он не желал возвращаться в армию и все же очень нуждался в должности. Обеспечив себя во время эмиграции уроками французского и латыни, он выразил желание получить должность в университете. "Хорошо, мой полковник, - сказал маршал со своим немецким акцентом, - я немедленно отведу вас к моему другу месье де Фонтану". Вскоре карета маршала подъезжает к дверям, и почтенный защитник и его протезе входят в апартаменты великого магистратуниверситета. Господин де Фонтанес спешит навстречу маршалу, который, как мне сообщили, произнес свою презентационную речь в таком стиле:

- Мой дорогой друг, я представляю вам маркиза...

- Он был моим бывшим капитаном, моим хорошим капитаном. Он хотел бы получить место в университете. Ах! он не бездельник, человек Революции, как вы и я. Он мой старый капитан, маркиз де... Наконец маршал закончил словами: "Ах, хороший, превосходный человек! Я никогда не забуду, что, когда я шел за распоряжениями к моему доброму капитану, он никогда

не упускал случая сказать: "Лефевр, дитя мое, ступай на кухню; принеси что-нибудь поесть". Ах, мой добрый, мой превосходный капитан!"

Все члены императорской семьи очень любили музыку, особенно итальянскую; но они не были музыкантами, и большинство из них пели так же плохо, как и сам его величество, за исключением принцессы Полины, которая воспользовалась уроками Бланджини и пела сносно. Что касается его голоса, принц Евгений показал себя достойным быть приемным сыном императора, ибо, хотя он был музыкантом и пел с пылом, это было не так, чтобы удовлетворить его слушателей. В качестве компенсации, однако, голос принца Евгения был великолепен для командования военными маневрами, преимуществом, которым также обладали граф Лобау и генерал Дорсенн; и, следовательно, именно одного из них его Величество всегда назначал командовать по его приказу на больших смотрах.

Несмотря на строгий этикет императорского двора, всегда находилось несколько привилегированных особ, которые имели право входить в его апартаменты, даже когда он был в постели, хотя их число было небольшим. В их состав входили следующие лица:—

Господин де Талейран, вице-великий курфюрст; де Монтескью, великий камергер; де Ремюза, первый камергер; Маре, Корвизар, Денон, Мюрат, Иван; Дюрок, великий маршал; и де Коленкур, великий конюший.

Долгое время все эти лица приходили в апартаменты императора почти каждое утро, и их визиты положили начало тому, что впоследствии получило название "маленький рычаг". Г-н де Лавалетт также часто приходил, а также г-н Реаль и г-н Фуше и Савари, когда каждый из них был министром полиции.

Принцы императорской семьи также пользовались правом входить в апартаменты императора по утрам. Я часто видел мать императора. Император поцеловал ей руку с большим уважением и нежностью, но я много раз слышал, как он упрекал ее в чрезмерной бережливости. Мадам Мер выслушала, а затем привела в качестве оправдания того, что не изменила свой образ жизни, причины, которые часто раздражали его величество, но которые, к сожалению, оправдались событиями.

Мадам Мер была необыкновенной красавицей и до сих пор оставалась очень хорошенькой, особенно когда я увидел ее в первый раз. Невозможно было найти лучшую мать, преданную своим детям; она давала им самые мудрые советы и всегда вмешивалась в семейные ссоры, чтобы поддержать тех, кого считала правыми; долгое время она была на стороне Люсьена, и я часто слышал, как она горячо защищала Жерома, когда первый консул был особенно строг к своему младшему брату. Единственным недостатком в характере мадам Мер была ее чрезмерная экономность, и по этому поводу можно было говорить удивительные вещи, не опасаясь преувеличения, но все во дворце любили ее за доброту и приветливость.

Я вспоминаю в связи с мадам Мер случай, который очень позабавил императрицу Жозефину. Мадам провела несколько дней в Мальмезоне, когда однажды одна из ее фрейлин, за которой она велела послать, войдя в комнату, обнаружила, к своему великому изумлению, кардинала Феша, исполнявшего обязанности камеристки, зашнуровывая свою сестру, на которой были только нижнее белье и корсет.

Одной из тем, по которой император не желал слушать никаких насмешек, была таможенная пошлина, и по отношению ко всем операциям с контрабандой он проявлял непреклонную строгость; и это дошло до того, что однажды мсье Суарис, начальник таможни в Версейле, конфисковав посылку из шестидесяти кашемировых шалей, отправленных из Константинополя императрице, император одобрил его действия, и кашемировые шали были проданы в пользу государства. В таких случаях император всегда говорил: "Как может государь добиваться соблюдения законов, если он сам их не уважает?" Я вспоминаю другой случай и, думаю, единственный случай, когда он допустил нарушение таможенных правил; но мы увидим, что речь шла не об обычной контрабанде.

Гренадеры Старой гвардии под командованием генерала Сулье вернулись во Францию после заключения Тильзитского мира. По прибытии в Майнц сотрудники таможни постарались выполнить свой долг и, следовательно, осмотрели сундуки охранника и генерала. Тем временем начальник таможни, не зная, какие меры предпринять, обратился к генералу, чтобы сообщить ему о возникшей у него необходимости исполнять законы и выполнять прямые приказы императора. Ответ генерала на эту вежливую увертюру был простым и энергичным: "Если хоть один офицер посмеет дотронуться до коробочек с моими старыми усами, я брошу его в Рейн!" Офицер настаивал. Служащие таможни были довольно многочисленны и готовились приступить к досмотру, когда генерал Соулз приказал поставить ящики посреди площади и выделить полк для их охраны. Директор таможни, не осмеливаясь идти дальше, послал генеральному директору рапорт для представления императору. При любых других обстоятельствах дело было бы серьезным; но император только что вернулся в Париж, где его приветствовали более сердечно, чем когда-либо прежде, народными возгласами по случаю праздников, устроенных в честь мира, и эта старая гвардия возвращалась домой, сияющая славой, после самого восхитительного поведения при Эйлау. Все это вместе взятое успокоило гнев императора; и, решив не наказывать, он пожелал вознаградить их, а не принимать всерьез их нарушение таможенных правил. Генерал Сулье, прибыв в Париж, предстал перед императором, который сердечно принял его и, сделав несколько замечаний в адрес гвардии, добавил: "Кстати, что это вы делали? Я слышал о вас. Что? вы действительно угрожали сбросить моих таможенников в Рейн! Сделали бы вы это?" — "Да, сир, - ответил генерал со своим немецким акцентом, - да, я бы это сделал. Это было оскорблением для моих старых гренадеров — пытаться осмотреть их логи". - "Ну же, - сказал император очень приветливо, - я вижу, как обстоит дело. Вы занимались контрабандой". — "Я, сир?" — "Да, я говорю. Вы занимались контрабандой. Вы покупали белье в Ганновере. Вы хотели красиво обставить свой дом, поскольку предполагали, что я назначу вас сенатором. Вы не ошиблись. Иди и прикажи сшить тебе сенаторский сюртук, но не повторяй этого представления, потому что в следующий раз я прикажу тебя пристрелить".

Во время нашего пребывания в Байонне в 1808 году все были поражены неуклюжими манерами короля и королевы Испании, безвкусицей их туалетов, позорным видом их экипажей и некоторой атмосферой стеснения, которая была характерна для всех лиц их свиты. Элегантные манеры французов и великолепие императорских экипажей составляли такой контраст со всем этим, что делали их неописуемо смешными. Император, обладавший таким изысканным тактом во всех вопросах, понял это не одним из последних, но, тем не менее, был недоволен тем, что нашлась возможность высмеять коронованных особ. Однажды утром, во время своего туалета, он сказал мне: "Послушайте, месье ле Дроль, вы, кто так хорошо разбирается в этих вопросах, дайте несколько советов камердинеру короля и королевы Испании. Они выглядят такими

неуклюжими, что действительно вызывают у меня жалость ". Я с готовностью сделала то, что предложил его величество; но он не удовлетворился этим, а также поделился с императрицей Жозефиной своими наблюдениями о королеве и ее фрейлинах. Императрица Жозефина, которая была воплощением вкуса, отдала соответствующие распоряжения, и в течение двух дней ее парикмахеры и помощницы были заняты исключительно тем, что давали уроки вкуса и элегантности своим испанским братьям. Это поразительное свидетельство того, как император находил время для всего и мог снизойти от своих высоких обязанностей до самых незначительных дел.

Главный маршал дворца (Дюрок) был почти одного роста с императором. Походка у него была плохая и нелюбезная, но голова и черты лица были сносными. Он был вспыльчив, импульсивен и ругался как солдат; но у него были большие административные способности, о чем он не раз свидетельствовал в организации императорского двора, который умело и мудро регулировался. Когда вражеская пушка лишила его величество этого преданного слуги и искреннего друга, императрица Жозефина сказала, что она знает только двух человек, способных занять его место; это были генерал Друо и господин де Флао, и весь дом надеялся, что один из этих двух джентльменов будет выдвинут; однако этого не произошло.

Г-н де Коленкур, герцог Виченцкий, был чрезвычайно суров к своим домочадцам; но он был справедлив и отличался рыцарской верностью, и его слово было крепче контракта: его боялись и в то же время любили. У него был пронизывающий взгляд, говорил быстро и непринужденно. Уважение императора к нему было хорошо известно, и, конечно, никто не был более достоин этого, чем он.

Граф де Ремюза был среднего роста, с гладким белым лицом, услужливый, дружелюбный, с природной вежливостью и хорошим вкусом; но он был экстравагантен, ему не хватало порядка в ведении своих собственных дел и, следовательно, дел императора. Такие щедрые траты, достойные восхищения с одной точки зрения, могли бы подойти любому другому государю; но император был бережлив, и хотя он был очень привязан к г-ну де Ремюза, уволил его с должности заведующего гардеробным бюро и поставил на его место г-на де Тюренна, который соблюдал строжайшую экономию. Г-н де Тюренн обладал, возможно, чуть большим количеством того, чего не хватало его предшественнику, но именно это нравилось императору. Г-н де Тюренн был довольно симпатичным человеком, возможно, слишком высокого мнения о себе, большим собеседником и англоязычным человеком. маньяк, что побудило императора дать ему имя милорда Кинсестера (который не может молчать); но он хорошо рассказывал историю, и иногда его Величеству доставляло удовольствие заставлять его рассказывать парижские хроники.

Когда граф Тюренн сменил графа Ремюза на посту главного гардеробщика, чтобы не превышать сумму в двадцать тысяч франков, которую его величество выделил на свой туалет, он максимально сэкономил на количестве, цене и качестве вещей, необходимых в домашнем хозяйстве. Мне говорили, но я не знаю, правда ли это, что для того, чтобы точно установить, каковы были прибыли мебельщиков императора, он отправился на различные фабрики Парижа с образцами перчаток, шелковых чулок, древесины алоэ и т. Д.; Но даже если это правда, это только делает честь усердию и честности г-на де Тюренна.

Я очень мало знал графа Сегюра, великого церемониймейстера. В доме говорили, что он был надменным и несколько резким, но безукоризненно вежливым и интеллигентным, с тонким и утонченным лицом.

Чтобы полностью понять это, нужно было бы быть свидетелем совершенного порядка, царившего в доме императора. Со времен консульства генерал Дюрок привнес в управление внутренними делами дворца тот дух порядка и экономии, который был особенно характерен для него. Но как ни велико было доверие императора к генералу Дюроку, он не побрезговал бросить взгляд повелителя на вещи, которые казались незначительными и которыми, как правило, государи редко занимаются. Так, например, в начале Империи в определенных частях дворца была некоторая расточительность, особенно в Сен-Клу, где адъютанты накрывали на стол; но это, тем не менее, было далеко от чрезмерной расточительности древнего режима. Шампанское и другие вина употреблялись в больших количествах, и было крайне необходимо, чтобы император установил правила в отношении своего погреба. Он вызвал начальника домашней службы Супе Пьерруга и сказал ему: "Месье, я вручаю вам ключи от моих императорских погребов; вы будете там распоряжаться винами всех сортов; некоторые из них необходимы в моих дворцах Тюильри, Сен-Клу, Компьене, Фонтенбло, Марраке, Лакене и Турине. Установите умеренную цену во всех этих домах, и вы один будете поставлять вина в мой дом". Такая договоренность была достигнута, и все виды мошенничества были невозможны, поскольку заместитель месье Супе Пьерруг доставлял вина только по расписке, подписанной заведующим кухней; все неоткрытые бутылки возвращались, и каждый вечер давался отчет о том, что было использовано за этот день.

Когда мы участвовали в кампаниях, у службы были те же правила. Помнится, во время второй кампании в Вене депутатом палаты представителей от Супе Пьерруг был месье Эжен Пьерруг, откровенный, веселый, остроумный и всеми нами горячо любимый. Неосторожность дорого ему обошлась, ибо вследствие естественной в его возрасте беспечности он сломал руку. Мы были тогда в Шенбрунне. Те, кто видел эту императорскую резиденцию, знают, что перед дворцом простираются великолепные проспекты, ведущие к дороге в Вену. Поскольку я часто совершал конные прогулки по городу, господин Эжен Пьерруг однажды пожелал составить мне компанию и одолжил лошадь у одного из квартирмейстеров дворца. Его предупредили, что лошадь очень вспыльчива, но он не обратил на это внимания и немедленно пустил ее в галоп. Я придержал свою лошадь, чтобы не волновать лошадь моего спутника; но, несмотря на эту предосторожность, лошадь вырвалась, бросилась в лес и сломала руку своему несчастному и неосторожному всаднику. Г-н Эжен Пьерруг, однако, не был выбит из седла ударом и некоторое время оставался в седле после ранения; но оно было очень серьезным, и его пришлось отнести обратно во дворец. Я, больше, чем кто-либо другой, был огорчен этим ужасным происшествием; и мы установили регулярное наблюдение за ним, так что, по крайней мере, кто-то мог всегда быть с ним, когда позволяли наши обязанности. Я никогда не видел, чтобы страдания переносились с большей стойкостью; и они были доведены до такой замечательной степени, что, обнаружив, что его рука плохо срослась, через несколько дней он снова сломал ее, и эта операция причинила ему ужасные страдания.

Мой дядя, который был приставом императорского кабинета, рассказал мне анекдот, который, вероятно, совершенно неизвестен, поскольку все, как мы увидим, происходило под покровом глубочайшей тайны. "Однажды вечером, - сказал он мне, - маршал Дюрок лично отдал мне приказ погасить свет в салоне перед кабинетом его Величества и оставить зажженными только

несколько свечей. Я был удивлен таким новым приказом, тем более что великий маршал не привык отдавать их таким образом напрямую, но, тем не менее, выполнил его в точности и ждал на своем посту. В десять часов маршал Дюрок вернулся в сопровождении человека, черты лица которого невозможно было различить, так как он был полностью закутан в большой плащ, голова его была покрыта, а шляпа надвинута на глаза. Я удалился, оставив их наедине, но едва успел покинуть салон, как вошел император, и маршал Дюрок тоже удалился, оставив незнакомца наедине с его Величеством. По тону, которым говорил император, было легко понять, что он был сильно раздражен. Он говорил очень громко; и я услышал, как он сказал: "Что ж, месье, тогда вы никогда не изменитесь. Вам нужно золото, всегда золото. Вы пользуетесь всеми иностранными банками и не доверяете банкам Парижа. Вы разорили гамбургский банк; из-за вас господин Друэ (или Друо, поскольку это имя произносилось очень быстро) потерял два миллиона:

"Император, - продолжал мой дядя, - долго беседовал в таком тоне, хотя незнакомец не отвечал или отвечал так тихо, что невозможно было расслышать ни слова; и сцена, которая, должно быть, была очень мучительной для таинственного персонажа, продолжалась около двадцати минут. Наконец ему разрешили уехать, что он и сделал с теми же предосторожностями, что и по прибытии, и удалился из дворца так же тайно, как и пришел".

Ничего об этой сцене не было известно в Париже; и, более того, ни мой дядя, ни я никогда не пытались выяснить имя человека, которого император осыпал столь многочисленными и суровыми упреками.

Когда позволяли обстоятельства, образ жизни императора был очень регулярным, и его время почти равномерно распределялось следующим образом. Каждое утро, ровно в девять часов, император покидал императорские апартаменты; его точность в соблюдении часов была доведена до крайности, и я иногда видел, как он выжидал две или три минуты, чтобы никого не застать врасплох. В девять часов его туалет был готов на весь день. Когда он добрался до приемной, первыми были допущены дежурные офицеры, которые получили приказы его Величества на время их службы.

Сразу после этого состоялось то, что получило название *grandes entrees*. Иными словами, допускались особы высокого ранга, которые имели это право в силу своих обязанностей или по особой милости императора; и я могу утверждать, что этой милости очень завидовали. Это было предоставлено, как правило, всем офицерам императорского двора, даже если они не были при исполнении служебных обязанностей; и каждый оставался на ногах, как и император. Он обошел всех присутствующих, почти всегда обращаясь к каждому с замечанием или вопросом; и было забавно наблюдать впоследствии, в течение всего дня, гордое и надменное поведение тех, с кем император разговаривал немного дольше, чем с другими. Эта церемония обычно длилась полчаса, и как только она заканчивалась, император кланялся, и каждый удалялся.

В половине десятого подавался завтрак императора, обычно на маленьком столике красного дерева; и эта первая трапеза обычно длилась всего семь или восемь минут, хотя иногда она затягивалась и даже продолжалась довольно долго. Это, однако, случалось лишь в редких случаях, когда император был в необычайно хорошем расположении духа и желал доставить себе удовольствие беседой с очень достойными людьми, которых он давно знал и которые случайно присутствовали на его завтраке. Там он больше не был формальным императором дамы; он был в некотором роде героем Италии, завоевателем Египта и, прежде всего, членом

Института. Чаще всего приходили месье Монж, Бертолле, Костаз (суперинтендант crown buildings), Денон, Корвизар, Дэвид, Жерар, Изабей, Тальма и Фонтен (его первый архитектор). Сколько благородных мыслей, сколько возвышенных чувств находило выход в этих разговорах, которые император имел обыкновение начинать словами: "Пойдемте, господа, я закрываю дверь своего кабинета". Это был сигнал, и было поистине чудесно видеть способность его Величества связывать свой гений с этими великими интеллектами с таким разнообразием талантов.

Я вспоминаю, что в дни, предшествовавшие коронации императора, г-н Изаби регулярно присутствовал на завтраке императора и присутствовал почти каждое утро; и, как ни странно, ему не показалось абсурдным видеть, как детские игрушки использовались для представления величественной церемонии, которая должна была оказать такое большое влияние на судьбы мира. Умный художник, написавший портреты для кабинета его Величества, распорядился разместить на большом столе несколько маленьких фигурок, представляющих всех персонажей, которые должны были принять участие в церемонии коронации; у каждого было свое определенное место; и никто не был пропущен, от императора до папы римского и даже до хористов, каждый был одет в тот костюм, который от него ожидали.

Эти репетиции проводились часто, и всем не терпелось проконсультироваться с моделью, чтобы не ошибиться относительно места, которое каждому предстояло занять. В те дни, как можно себе представить, дверь кабинета была закрыта, и поэтому министры иногда некоторое время ждали. Сразу после завтрака император принимал своих министров и генеральных директоров; и эти аудиенции, посвященные особой работе каждого министра и каждого директора, продолжались до шести часов вечера, за исключением тех дней, когда его Величество занимался исключительно государственными делами и председательствовал в государственном совете или министерских советах.

В Тюильри и Сен-Клу обед подавали в шесть часов; и император каждый день обедал наедине с императрицей, за исключением воскресенья, когда на обед приглашалась вся семья. Только император, императрица и мадам Мер сидели в креслах; у всех остальных, будь то короли или королевы, были только обычные стулья. Перед десертом было только одно блюдо. Его величество обычно пил вино Шамбертен, но редко без воды и вряд ли больше одной бутылки. Обедать с императором было скорее честью, чем удовольствием для тех, кто был допущен; ибо приходилось, пользуясь общепринятым выражением, проглатывать на скорую руку, поскольку его Величество никогда не оставался за столом дольше пятнадцати-восемнадцати минут. После обеда, как и после завтрака, император обычно выпивал чашку кофе, которую наливали императрица. При консульстве мадам Бонапарт ввела этот обычай, потому что генерал часто забывал выпить свой кофе; она продолжила его после того, как стала императрицей, и императрица Мария Луиза сохранила тот же обычай.

После обеда императрица спустилась в свои апартаменты, где застала в сборе своих фрейлин и дежурных офицеров; император иногда сопровождал ее, но оставался ненадолго. Таков был обычный распорядок жизни во дворце Тюильри в те дни, когда утром не было ни охоты, ни концерта, ни театра вечером; и жизнь в Сен-Клу мало чем отличалась от жизни в Тюильри. Иногда, когда позволяла погода, совершались поездки в каретах; и в среду, в день, назначенный для заседания совета министров, эти официальные лица неизменно удостоивались приглашения отобедать с их Величествами. Когда в Фонтенбло, Рамбуйе или

Компъене устраивалась охота, обычный распорядок был опущен; дамы следовали в каретах, и весь дом обедал с императором и императрицей в палатке, установленной в лесу. Иногда случалось, хотя и редко, что император неожиданно приглашал некоторых членов своей семьи остаться и отобедать с ним; и это напоминает анекдот, которому должно быть место в этой связи. Однажды неаполитанский король приехал навестить императора и, получив приглашение отобедать, согласился, забыв, что он был в утреннем костюме, и у него едва было время сменить костюм, а следовательно, и некому было возвращаться в Елисейский дворец, где он тогда жил. Король быстро поднялся в мою комнату и сообщил мне о своем смущении, которое я немедленно разрешил, к его великой радости. В то время у меня был очень красивый гардероб, почти все предметы которого были тогда совершенно новыми; поэтому я подарила ему рубашку, жилет, бриджи, чулки и туфли и помогла ему одеться, и, к счастью, все сидело так, как будто было сшито специально для него. Он проявил по отношению ко мне ту же доброту и приветливость, что и всегда, и поблагодарил меня самым очаровательным образом. Вечером король Неаполя, попрощавшись с императором, вернулся в мою комнату, чтобы надеть утренний костюм, и попросил меня прийти к нему на следующий день в лейзее, что я пунктуально и сделал, после того как рассказал императору обо всем, что произошло, к большому его удовольствию. По прибытии в Елисейский дворец я был немедленно представлен в покои короля, который повторил свою благодарность в самой любезной форме и подарил мне красивые часы Breguet.

[Абрахам Луи Бреге, знаменитый часовщик, родился в Невшателе в 1747 году; умер в 1823 году. Он внес многочисленные усовершенствования в часы, а также в морские и астрономические инструменты.]

Во время наших кампаний мне иногда случалось оказывать небольшие услуги такого же рода неаполитанскому королю; но тогда речь шла не о шелковых чулках, как при Сен-Клу, ибо не раз на бивуаке я делился с ним охапкой соломы, которую мне посчастливилось раздобыть. В таких случаях я должна признать, что жертва с моей стороны была гораздо большей, чем когда я делилась с ним своим гардеробом. Король не замедлил выразить свою благодарность; и я подумал, что это самое замечательное - видеть государя, чей дворец был наполнен всей роскошью, которую только можно изобрести для повышения комфорта, и всем, что может создать искусство, что великолепно и величественно, который был слишком счастлив, получив половину пучка соломы, на которую можно было положить голову.

Теперь я приведу несколько свежих воспоминаний, которые только что пришли мне на ум относительно Придворного театра. В Сен-Клу, чтобы попасть в театральный зал, нужно было пересечь всю Оранжерею, и ничто не могло быть более элегантным, чем то, как она была украшена по этим случаям. Ряды редких растений были расположены ярусами, и все они освещались лампами; а зимой ящики прятали, покрывая их мхом и цветами, которые при свете ламп производили очаровательный эффект.

Партер театра обычно был заполнен генералами, сенаторами и государственными советниками; первые ложи были зарезервированы для принцев и принцесс императорской семьи, для иностранных принцев, маршалов, их жен и фрейлин. На втором ярусе были размещены все лица, прикрепленные к Суду. В перерывах между актами подавались мороженое и прохладительные напитки; но древний этикет был восстановлен в одном конкретном случае, что очень не нравилось актерам, — аплодисменты запрещались; и Тальма

часто говорил мне, что холодность, создаваемая этим молчанием, была очень вредна в определенных частях, где актер чувствовал потребность в воодушевлении. Тем не менее иногда случалось, что император, выражая свое удовлетворение, делал легкий знак рукой; и тогда, а также в самые торжественные моменты, мы слышали если не аплодисменты, то, по крайней мере, лстивый ропот, который зрители не всегда могли подавить.

Главной прелестью этих блестящих собраний было присутствие императора, и, следовательно, приглашение в театр Сен-Клу было желанной честью. Во времена императрицы Жозефины во дворце не было представлений в отсутствие императора; но когда Мария Луиза была одна в Сен-Клу во время Дрезденской кампании, давались два представления в неделю, и перед ее Величеством последовательно исполнялся весь репертуар Гретри. В конце каждого произведения всегда был небольшой балет.

Театр Сен-Клу не раз был, так сказать, театром первых попыток. Например, мсье Рейнуар впервые исполнил там "Этац де Блуа", произведение, которое император не разрешил исполнять публично и которое фактически было поставлено только после возвращения Людовика XVIII.

"Венецианцы" М. Аманда также впервые появились в театре Сен-Клу, или, скорее, в Мальмезоне. В то время это не придавалось большого значения, но безошибочное суждение, проявленное императором в выборе пьес и актеров, было самым замечательным. Обычно он отдавал предпочтение г-ну Корвизару в решении этих вопросов, о чем тот рассуждал с большим самодовольством, когда позволяли его более весомые занятия. Обычно он был менее суров и более справедлив, чем Жоффруа; и очень хотелось бы, чтобы критические замечания и мнения императора в отношении авторов и актеров сохранились. Они принесли бы большую пользу прогрессу искусства.

Говоря об отступлении из Москвы, я ранее упоминал в своих мемуарах, что мне посчастливилось предложить место в своей карете молодому принцу Арембург-скому и помочь ему продолжить путешествие. Я вспоминаю другой случай из жизни этого принца, когда один из моих друзей был ему очень полезен, некоторые подробности которого могут быть небезынтересны.

Принц Арембергский, офицер императорской артиллерии, как мы знаем, женился на мадемуазель Ташер, племяннице императрицы Жозефины. Будучи отправленным в Испанию, он был там схвачен англичанами, а затем доставлен пленником в Англию. Сначала его пребывание в плену было очень неприятным; и он сам сказал мне, что был очень несчастлив, пока не познакомился с одним из моих друзей, господином Герцем, военным комиссаром, который обладал тонким умом, был очень интеллигентен, говорил на нескольких языках и, как и принц, находился в плену в Англии. Знакомство, сразу завязавшееся между принцем и г-ном Герцем, вскоре стало настолько близким, что они постоянно были вместе; и таким образом они проводили время настолько счастливо, насколько это возможно с человеком, находящимся вдали от своей родины и лишенным свободы.

Так они и жили, скрашивая друг другу скуку плена, когда г-на Герца обменяли, что, возможно, стало для него большим несчастьем, как мы увидим впоследствии. Во всяком случае, принц был глубоко огорчен тем, что остался один; но, тем не менее, передал г-ну Герцу несколько писем своей семье и в то же время послал его матери свои усы, которые он прикрепил к медальону на

цепочке. Однажды принцесса Арембергская прибыла в Сен-Клу и потребовала личной аудиенции у императора.

"Мой сын, - сказала она, - требует разрешения вашего величества на попытку побега из Англии".
— "Мадам, - сказал император, - ваша просьба в высшей степени неловка! Я не запрещаю вашему сыну, но ни в коем случае не могу разрешить ему это".

Именно в то время, когда я имел честь спасти жизнь принцу Арембергскому, я узнал от него эти подробности. Что же касается моего бедного друга Герца, то его свобода стала для него роковой в силу необъяснимого развития событий. Будучи послан маршалом Ожеро в Штральзунд для выполнения секретной миссии, он умер там, задохнувшись от огня медной печи в комнате, в которой спал. Его секретарь и слуга чуть не стали жертвами того же несчастного случая, но им повезло больше, чем ему, и их жизни были спасены. Принц Арембергский говорил мне о смерти господина Герца с искренним чувством; и было легко видеть, что, будучи принцем и союзником императора, он питал самую искреннюю дружбу к своему товарищу по плену.

ГЛАВА XXXI.

ВОЕННЫЕ АНЕКДОТЫ.

Я собрал под названием "Военные анекдоты" некоторые факты, которые стали мне известны, когда я сопровождал императора в его походах, и достоверность которых я гарантирую. Я мог бы разбросать их по своим мемуарам и разместить в соответствующие периоды; я не сделал этого не из-за забывчивости с моей стороны, а потому, что я подумал, что эти инциденты будут представлять дополнительный интерес, если их собрать воедино, поскольку в них мы видим прямое влияние императора на его солдат и, таким образом, можем легче составить точное представление о том, как его Величество обращался с ними, его уважении к ним и их привязанности к его персоне.

Осенью 1804 года, между созданием империи и коронацией императора, его Величество совершил несколько поездок в Булонский лагерь; и из этого факта возникли слухи, что экспедиция против Англии вскоре отправится в плавание. Во время одной из своих частых инспекционных поездок император, остановившись однажды в конце лагеря слева, заговорил с каноником сторожевого корабля и, беседуя с ним, задал ему несколько вопросов, среди прочих, следующий: "Что здесь думают об императоре?" — "От этого "сакре тонду" у нас перехватывает дыхание, как только он появляется. Каждый раз, когда он приходит, у нас нет ни минуты покоя, пока он здесь. Можно подумать, что он был взбешен против этих английских собак, которые всегда избивают нас, что не очень-то идет на пользу нам самим".

- Значит, вы верите в славу? - спросил император. Затем канонир пристально посмотрел на него: "Отчасти, я думаю. Вы сомневаетесь в этом?" — "Нет, я в этом не сомневаюсь, но в деньги вы тоже верите?" — "Ах! что—я вижу - вы хотите оскорбить меня, вы, спрашивающий? Я не знаю никаких других интересов, кроме государственных". — "Нет, нет, мой храбрый солдат; я не собираюсь оскорблять тебя, но держу пари, что двадцатифранковая монета не помешала бы тебе выпить чашечку за мое здоровье". Говоря таким образом, император вытащил из кармана "Наполеон", который он вручил канониру, после чего последний издал крик, достаточно громкий, чтобы его услышал часовой на западном посту на некотором расстоянии; и даже бросился на императора, которого он принял за шпиона, и собирался схватить его за горло, когда император внезапно распахнул свое серое пальто и показал, кто он такой. Можно себе представить изумление солдата! Он пал ниц к ногам императора, пораженный своей ошибкой; но тот, протянув руку, сказал: "Встань, мой храбрый товарищ, ты выполнил свой долг; но я совершенно уверен, что ты не сдержишь своего слова; ты примешь этот кусок и выпьешь за здоровье "святого тондо", не так ли?" Затем император продолжил свой обход, как будто ничего не произошло.

Сегодня все признают, что, пожалуй, никогда ни один человек не был одарен искусством обращения к солдатам в такой степени, как император. Он высоко ценил этот талант в других; но ему нравились не красивые фразы, и поэтому он считал, что шедевром такого рода была очень короткая речь генерала Вандама перед солдатами, которыми он командовал в день битвы при Аустерлице. Когда начало светать, генерал Вандам сказал войскам: "Мои храбрые товарищи! Вот и русские! Заряжайте свои ружья, подбирайте кремни, насыпайте порох в форму, закрепляйте штыки, будьте готовы и — вперед!" Я помню, как однажды император рассказал об этой речи маршалу Бертье, который посмеялся над ней. "Это на вас похоже", - сказал он. "Ну, все защитники Парижа не сказали бы этого так хорошо; солдат понимает это, и именно так выигрываются сражения".

Когда после первой венской кампании, столь счастливо завершившейся Пресбургским миром, император возвращался в Париж, к нему поступило множество жалоб на поборы некоторых генералов, в частности генерала Вандама. Среди прочих жалоб была выдвинута жалоба на то, что в маленькой деревушке Ланца этот генерал позволял себе пятьсот флоринов в день, то есть тысячу сто двадцать пять франков, просто на ежедневные расходы по своему столу. Именно по этому поводу император сказал о нем: "Грабит, как безумец, но храбр, как цезарь". Тем не менее император, возмущенный такими поборами и полный решимости положить им конец, вызвал генерала в Париж, чтобы сделать ему выговор; но последний, как только вошел в присутствие императора, начал говорить, прежде чем его Величество успел обратиться к нему, сказав: "Сир, я знаю, зачем вы меня вызвали; но поскольку вам известна моя преданность и моя храбрость, я надеюсь, вы простите некоторые незначительные препирательства по поводу сервировки моего стола, во всяком случае, это слишком мелкие дела, чтобы занимать ваше величество". Император улыбнулся ораторскому искусству генерала Вандама и ограничился тем, что сказал: "Ну и ну! больше ничего не говори, но в будущем будь более осмотрительным".

Генерал Вандамм, довольный тем, что отделался столь мягким предостережением, вернулся в Ланцу, чтобы возобновить свое командование. Он действительно был более осмотрителен, чем в прошлом; но он нашел и воспользовался случаем, чтобы отомстить городу за принудительное самоотречение, навязанное ему императором. По прибытии он обнаружил в пригороде большое количество новобранцев, прибывших из Парижа в его отсутствие; и ему пришлось в

голову заставить их всехвойти в город, утверждая, что необходимо, чтобы они прошли обучение у него на глазах. Это были огромные расходы для города, который был бы очень рад отозвать свои жалобы и продолжать свои расходы в размере пятисот флоринов в день.

Император не фигурирует в следующем анекдоте. Однако я расскажу об этом как о хорошем примере хороших манер и проницательности наших солдат во время кампании.

В 1806 году, когда часть наших войск размещалась в Баварии, солдат четвертого линейного полка по имени Варенго был поселен в Индерсдорфе у столяра. Варенго хотел заставить хозяина платить ему два флорина, или четыре ливра десять су, в день за его удовольствия. Он не имел права требовать этого. Чтобы добиться того, чтобы подчинение отвечало его интересам, он решил постоянно поднимать шум в доме. Бедный плотник, не в силах больше терпеть это, решил пожаловаться, но счел благоразумным не сообщать о своих жалобах офицерам роты, в которой служил Варенго. Он знал по собственному опыту, по крайней мере, по опыту своих соседей, что эти джентльмены ни в коем случае не были доступны для жалоб подобного рода. Он решил обратиться к главнокомандующему и отправился по дороге в Аугсбург, главный город округа.

По прибытии в городское бюро его встретил генерал и начал рассказывать ему о своих злоключениях; но, к сожалению, генерал не знал немецкого языка, поэтому он послал за своим переводчиком, велел плотнику объясниться и спросил, на что тот жалуется. Так вот, секретарем-переводчиком генерала был квартирмейстер, который был прикреплен к штабу генерала со времен Пресбургского мира и, по счастливой случайности, приходился двоюродным братом тому Варенго, на которого была подана жалоба. Без колебаний квартирмейстер, как только он услышал имя своего двоюродного брата, дал совершенно неправильный перевод отчета, заверив генерала, что этот крестьянин, хотя и находился в очень комфортных обстоятельствах, нарушил распорядок дня, отказавшись поставлять свежее мясо для бравого солдата, который поселился у него; и это было причиной разногласий, на которых основывалась жалоба, и никаких других мотивов для требования изменения не выдвигалось. Генерал был сильно раздражен и отдал приказ своему секретарю потребовать от крестьянина, под страхом сурового наказания, доставить свежее мясо для его гостя. Приказ был составлен; но вместо того, чтобы передать его под надзор генерала, секретарь-переводчик пространно выписал, что плотник должен платить Варенго два флорина в день. Бедняга, прочитав это по-немецки, не смог сдержать порыва гнева, видя который, генерал, решив, что он воспротивился приказу, приказал ему выйти, пригрозив хлыстом для верховой езды. Таким образом, благодаря своему двоюродному брату, переводчику, Варенго регулярно получал два флорина в день, что позволяло ему быть одним из самых веселых солдат в своей роте.

Император не любил дуэлей. Он часто притворялся, что ничего не смыслит в дуэлях; но когда ему приходилось признаваться, что он знаком с одной из них, громко выражал свое недовольство. Я вспоминаю в этой связи два или три обстоятельства, о которых попытаюсь рассказать.

Вскоре после основания империи произошла дуэль, вызвавшая большой переполох в Париже из-за ранга двух противников. Император только что санкционировал формирование первого иностранного полка, который он пожелал принять на службу Франции, — полка Аремберга. Несмотря на название этого корпуса, большинство принятых офицеров были французами; и это было хорошее начало, предусмотрительно созданное для богатых и титулованных молодых

людей, которые, приобретая роты по распоряжению военного министра, могли таким образом быстрее пройти первые классы. Среди офицеров Арембергского полка были г-н Шарль де Сент-Круа, который недавно служил в министерстве иностранных дел, и очаровательный молодой человек, которого я часто видел в Мальмезоне, г-н де Мариоль, который был близким родственником императрицы Жозефины. Похоже, что обеим была обещана одинаковая позиция, и они решили разрешить спор частным поединком. Г-н де Мариоль упал и скончался на месте, и его смерть вызвала ужас среди дам салона в Мальмезоне.

Его семья и родственники объединились, чтобы подать жалобу императору, который был очень возмущен и говорил о том, чтобы отправить г-на де Сент-Круа в тюрьму Темпл и предать его суду за убийство. Он предусмотрительно скрылся во время первой вспышки гнева по поводу этого дела; и полиции, которая была пущена по его следу, было бы очень трудно найти его, поскольку он находился под особой защитой г-на Фуше, который недавно вернулся в министерство и был тесно связан со своей матерью, мадам де Сент-Круа. Все закончилось угрозами его Величества; поскольку М. Фуше заметил ему, что при такой непривычной суровости злоумышленник не преминул бы заявить, что он совершает не столько акт суверенитета, сколько акт личной мести, поскольку жертва имела честь быть связанной с ним самим.

Таким образом, дело было прекращено; и здесь я поражен тем, как одно воспоминание приводит к другому, поскольку я помню, что со временем император очень привязался к г-ну де Сент-Круа, чье продвижение в армии было блестящим и быстрым; поскольку, хотя он поступил на службу в возрасте двадцати двух лет, ему было всего двадцать восемь, когда он был убит в Испании, будучи уже тогда дивизионным генералом. Я часто видел месье де Сент-Круа в ставке императора. Мне кажется, я вижу его до сих пор: маленького, хрупкого, с привлекательным лицом и очень маленькой бородкой. Его скорее можно было принять за молодую женщину, чем за храброго молодого солдата, которым он был; и в самом деле, черты его лица были такими нежными, щеки такими румяными, светлые волосы завивались такими естественными локонами, что, когда император был в хорошем настроении, он называл его не иначе, как мадемуазель де Сент-Круа!

Еще одно обстоятельство, которое я не должен опускать, - это дуэль, произошедшая в Бургосе в 1808 году между генералом Франчески, адъютантом короля Иосифа, и полковником Филанджиери, полковником его гвардии, оба из которых были конюшими его Величества. Предмет ссоры был почти таким же, как между г-ном де Мариолем и де Сент-Круа; поскольку оба оспаривали должность первого конюшего короля Жозефа, оба утверждали, что она была им обещана.

Не успели мы пробыть во дворце Бургоса и пяти минут, как императору сообщили об этой дуэли, которая произошла почти под стенами самого дворца и всего за несколько часов до этого. В то же время император узнал, что генерал Франчески был убит, и из-за разницы в их званиях, чтобы не нарушать военный этикет, они сражались в форме конюших. Император был поражен тем фактом, что первое известие, которое он получил, было плохим; и с его представлениями о фатальности это действительно оказало на него большое влияние. Он отдал приказ найти и доставить к нему полковника Филанджиери, и тот появился через несколько минут. Я не видел его, так как находился в другой комнате; но император говорил с ним таким громким и резким тоном, что я отчетливо слышал все, что он говорил. "Дуэли! дуэли! вечные дуэли! - воскликнул

император. "Я этого не допущу. Я накажу это! Вы знаете, как я их ненавижу!" — "Сир, испытай меня, если хочешь, но выслушай меня". — "Что ты можешь мне сказать, ты, кратер Везувия? Я уже простил вашу связь с Сен-Симоном; я не сделаю подобного снова. Более того, я не могу в самом начале кампании, когда все должны быть полностью едины! Это производит крайне неблагоприятный эффект! Здесь император с минуту помолчал; затем продолжил, хотя и несколько более резким тоном: "Да! у вас голова Везувия. Посмотрите, в каком прекрасном состоянии я прибываю и нахожу кровь в своем дворце! После еще одной паузы, несколько более спокойным тоном: "Посмотрите, что вы наделали! Джозефу нужны хорошие офицеры, а здесь вы одним ударом лишили его двоих— Франчески, которого вы убили, и себя, который больше не может оставаться у него на службе. Здесь император на несколько мгновений замолчал, а затем добавил: "А теперь удаляйся, уходи! Сдайся в плен в туринской цитадели. Там ждите моих приказаний, или, скорее, отдайте себя в руки Мюрата; он будет знать, что с вами делать; у него тоже есть Везувий в голове, и он окажет вам теплый прием. А теперь немедленно убирайся отсюда.

Я думаю, полковника Филанджиери не нужно было уговаривать ускорить выполнение приказов императора. Я не знаю, чем закончилось это приключение; но я знаю, что это событие глубоко тронуло его величество, потому что в тот вечер, когда я раздевал его, он несколько раз повторил: "Дуэли! Какой позор! Именно таким мужеством обладают каннибалы!" Более того, если гнев императора смягчился по этому поводу, то это было из-за его привязанности к молодому Филанджиери; сначала из-за его отца, которого император высоко почитал, а также из-за того, что молодой человек получил образование за его счет во французском Притани, он считал его одним из своих усыновленных детей, особенно потому, что он знал, что г-н Филанджиери, крестник неаполитанской королевы, отказался от полка, который последняя предложила ему, когда он был еще простым лейтенантом консульской гвардии, и, кроме того, потому, что он не имел права служить в полку. согласился снова стать неаполитанцем до тех пор, пока французский принц не будет призван на неаполитанский престол.

То, что еще предстоит сказать по поводу дуэлей при Империи и поведения императора в отношении них, о чем мне стало известно, несколько напоминает небольшую пьесу, которую разыгрывают в театре после трагедии. Теперь я расскажу, как случилось, что сам император сыграл роль миротворца между двумя младшими офицерами, которые были влюблены в одну и ту же красоту.

Когда французская армия заняла Вену, спустя некоторое время после битвы при Аустерлице, два младших офицера сорок шестого и пятидесятого линейных полков, поссорившись, решили драться на дуэли и выбрали местом поединка место, расположенное на краю равнины, примыкавшей к Шенбруннскому дворцу, резиденции императора. Два наших чемпиона уже обнажили ножны и обменялись ударами своими короткими мечами, которые, к счастью, каждый отразил, когда мимо них случайно прошел император в сопровождении нескольких генералов. Можно себе представить их ошеломление при виде Императора. Их оружие выпало, так сказать, из их рук.

Император поинтересовался причиной их ссоры и узнал, что истинным мотивом была женщина, которая оказывала свои услуги обоим: каждый из них не желал иметь соперниц.

Эти два воина случайно узнали, что они знакомы одному из генералов, сопровождавших его Величество, и сообщили ему, что это два храбрых солдата при Маренго и Аустерлице,

принадлежащие к таким-то полкам, чьи имена уже внесены в список для награждения Почетным крестом; после чего император обратился к ним примерно в таком стиле: "Дети мои, женщина капризна, как и фортуна; и поскольку вы солдаты при Маренго и Аустерлице, вам не нужно приводить новых доказательств вашей храбрости. Возвращайтесь в свой корпус и отныне будьте друзьями, как добрые рыцари. Эти два солдата потеряли всякое желание сражаться и вскоре поняли, что их августейший миротворец не забыл о них, поскольку они незамедлительно получили Крест Почетного легиона.

В начале Тильзитской кампании император, находясь в Берлине, однажды вздумал совершить пешую прогулку в квартал, где наши солдаты в трактирах предавались удовольствиям танцев. Он увидел квартирмейстера кавалерии своей гвардии, прогуливавшегося с грубой, полной немкой, и позабавился, слушая галантные замечания, которые этот квартирмейстер делал своей прекрасной спутнице. - Давай повеселимся, моя дорогая, - сказал он. - это "тонду" платит музыкантам "кричами" твоего государя. Давайте перейдем на наш собственный шаг; да здравствует радость! и вперед" — "Не так быстро", - сказал император, приближаясь к нему. "Конечно, всегда нужно идти вперед, но подождите, пока я не озвучу приказ". Квартирмейстер обернулся, узнал императора и, несколько не смутившись, приложил руку к киверу и сказал: "Это бесполезные хлопоты. Вашему величеству не нужно бить в барабан, чтобы заставить нас двигаться". Этот ответ вызвал улыбку императора и вскоре после этого принес эполеты младшему офицеру, который, возможно, еще долго бы ждал, если бы не эта прихоть его Величества. Но, в любом случае, если случай иногда и способствовал получению наград, они никогда не давались до тех пор, пока он не убеждался, что те, кому он их даровал, были достойны.

В Эйлау не хватило провизии; в течение недели, когда запасы хлеба были исчерпаны, солдаты питались, как могли. Вечером перед первой атакой император, желавший все осмотреть сам, совершил обход бивуаков и, добравшись до одного, где все мужчины спали, увидел, как варится картошка, ему захотелось ее съесть, и он взялся вытаскивать ее из огня кончиком своего меча. Мгновенно проснулся солдат и, увидев, что кто-то присваивает часть его ужина, сказал: "Я говорю, вы не очень церемонны, поедая нашу картошку!" — "Мой товарищ, я так голоден, что вы должны меня извинить". — "Ну, тогда возьмите одну или две, если это так; но уходите". Но поскольку император не спешил выходить, солдат настаивал еще настойчивее, и вскоре между ним и императором завязалась жаркая дискуссия. Судя по словам, они собирались перейти к драке, когда император решил, что пришло время заявить о себе. Замешательство солдата было неопишным. Он почти ударил императора. Он бросился к ногам его величества, прося прощения, которое было с готовностью даровано. "Это я был не прав, - сказал император, - я был упрям. Я не желаю тебе зла; встань, и пусть твой разум будет спокоен, как сейчас, так и в будущем".

Император, наведя справки об этом солдате, узнал, что он был хорошим парнем и не безрассудным. При следующем повышении он был произведен в младшие лейтенанты. Невозможно дать представление о влиянии подобных происшествий на армию. Они были постоянной темой разговоров с солдатами и невыразимо стимулировали их. Наибольшим почетом в его обществе пользовался тот, о ком можно было сказать: "С ним говорил император".

В битве при Эсслинге храбрый генерал Далайм, командовавший дивизией четвертого корпуса, оказался в самый разгар боевых действий в месте, простреливаемом артиллерией противника.

Император, проходя мимо него, сказал: "В вашей местности тепло!" — "Да, сир; разрешите мне погасить огонь". — "Идите". Этого одного слова было достаточно; в мгновение ока ужасная батарея была взята. Вечером император, увидев генерала Далейма, подошел к нему и сказал: "Кажется, вам нужно было только подуть на него". Его Величество имел в виду привычку генерала Далейма беспрерывно свистеть.

Среди храбрых генералов-офицеров, окружавших императора, некоторые не были высокообразованными, хотя их отличали другие прекрасные качества; некоторых прославляли не только за их военные заслуги. Так, генерал Жюно и генерал Фурнье были известны как лучшие стрелки из пистолета; генерал Ласеллетт был знаменит своей любовью к музыке, которой он предавался до такой степени, что всегда держал пианино в одном из своих багажных вагонов. Этот генерал пил только воду; но, напротив, с генералом Биссоном все было совсем по-другому. Кто не слышал о самом жестоком пьянице во всей армии? Однажды император, встретив его в Берлине, сказал ему: "Ну что, Биссон, ты все еще много пьешь?" — "Умеренно, сир; не более двадцати пяти бутылок". На самом деле это было большим улучшением, поскольку он не раз достигал сорока, не будучи пьяным. Более того, у генерала Биссона это был не порок, а непреодолимая потребность. Император, зная это и будучи очень привязан к нему, назначил ему пенсию в двенадцать тысяч франков из своего личного кошелька и, кроме того, часто дарил ему подарки.

Среди офицеров, которые были не очень хорошо образованы, нам может быть позволено упомянуть генерала Гро; и способ, которым он был произведен в генералы, подтверждает этот факт. Но его храбрость была равна любому доказательству, и он был превосходным образцом мужской красоты. Одна только ручка была для него непривычным оружием, и он с трудом мог использовать ее, чтобы подписать свое имя; и говорили, что он был ненамного более искусен в чтении. Будучи полковником гвардии, он однажды оказался один в Тюильри, в апартаментах, где ждал появления императора. Там он с удовольствием рассматривал свое отражение в зеркале и поправлял галстук; и восхищение, которое он испытывал при виде собственного изображения, побудило его поговорить вслух с самим собой или, скорее, со своим отражением. "Ах! - сказал он. - Если бы вы только знали "bachibachiques" (математику), такой человек, как вы, с таким солдатским сердцем, как у вас, ах! император сделал бы тебя генералом!" — "Ты и есть генерал", - сказал император, хлопнув его по плечу. Его величество вошел в салон незамеченным и развлекался тем, что подслушивал разговор, который полковник Гро вел сам с собой. Таковы были обстоятельства его повышения до звания генерала и, более того, до звания гвардейского генерала.

Теперь я подошел к концу своего списка военных анекдотов. Я только что говорил о повышении генерала и закончу историей простого барабанщика, но барабанщика, известного во всей армии как законченный шут, фактически знаменитого Рата, к которому генерал Гро, как мы увидим, был глубоко привязан.

Армия наступала на Линц во время кампании 1809 года. Рата, барабанщик гренадер четвертого линейного полка, известный как шут, узнав, что должен пройти караул и что им командует генерал Гро, пожелал повидать этого офицера, который был его начальником батальона и с которым он прежде позволял себе всевозможные вольности. Вслед за этим Рата подкрутил усы и подошел отдать честь генералу, обратившись к нему так: "А, вот и вы, генерал. Как ты?" — "Действительно, очень хорошо, Рата; а ты?" — "Всегда хорошо, но, мне кажется, не так хорошо,

как ты. Поскольку у вас все так хорошо получается, вы больше не думаете о бедном Рате, потому что, если бы он не пришел повидаться с вами, вам бы и в голову не пришло послать ему несколько су на покупку табака. Сказав: "Ты так хорошо справляешься", Рата быстро схватил шляпу генерала Гросса и надел ее ему на голову вместо своей собственной. В этот момент проезжал император и, увидев барабанщика в шляпе генерала своей гвардии, едва поверил своим глазам. Он пришпорил коня и осведомился о причине. Затем генерал Гро сказал, смеясь, воткровенной речи, к которой он так часто обращался даже к императору: "Это храбрый солдат из моего старого батальона, привыкший шалить, чтобы позабавить своих товарищей. Он храбрый малый, сир, и мужчина до мозга костей, и я рекомендую его вашему величеству. Более того, сир, он сам может сделать больше, чем целый артиллерийский парк. Ну же, Рата, подставь нам широкую сторону, и никакой пощады. Император слушал и почти оцепенело наблюдал за тем, что происходило у него на глазах, когда Рата, нисколько не смущенный присутствием императора, приготовился выполнить приказ генерала; затем, засунув палец в рот, он издал звук, похожий сначала на свист, а затем на разрыв снаряда. Имитация была настолько совершенной, что император невольно рассмеялся и, повернувшись к генералу Гро, сказал: "Пойдемте, возьмите этого человека сегодня же вечером в гвардию и напомните мне о нем в следующий раз". Вскоре у Раты был крест, которого часто не было у тех, кто бросал во врага настоящие снаряды; так много каприза входит в судьбу людей!

L'ENVOI.

(АВТОР ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ 1830 ГОДА.)

Жизнь любого человека, сыгравшего выдающуюся роль, предлагает множество точек зрения, число которых увеличивается пропорционально тому влиянию, которое он оказывал на ход событий. В случае с Наполеоном это было больше, чем с любым другим персонажем в истории. Продукт эпохи потрясений, во всех изменениях которой он принимал участие и которую он, наконец, завершил, подчинив все идеи правилу, которое когда-то обещало быть прочным, он, подобно Катилине, нуждается в Саллюстии; подобно Карлу Великому, в Эгинхарде; и подобно Александру, в Квинте Курции. Г-н де Буррьен, действительно, в манере Коммина, показал нам его неприкрытым в его политических манипуляциях и в частной жизни его Двора. Это большой шаг к познанию своей индивидуальности, но этого недостаточно. Именно в тщательном знакомстве с его личной жизнью этот разочарованный возраст обнаружит тайные пружины драмы его замечательной карьеры. Великие люди прошлых эпох были скрыты от нас облаком предрассудков, сквозь которое едва проникал даже здравый смысл Плутарха. Наш век, более аналитичный и более свободный от иллюзий, в великом человеке стремится найти индивидуальность. Именно благодаря этому испытанию настоящее отбрасывает все иллюзии, и будущее будет стремиться оправдать свои суждения. В государственном совете

государственный деятель облачен в мантию, на поле боя воин облачен в доспехи, но в своей спальне, раздетый, мы находим настоящего мужчину.

Было сказано, что ни один мужчина не является героем для своего камердинера. Было бы весьма уместно сделать остроумное замечание, вошедшее в поговорку, эпиграфом к этим мемуарам. Камердинер героя уже по самому этому факту является чем-то большим, чем просто камердинер. Янтарь - это всего лишь земля, а болонский камень - всего лишь кусок скалы; но первый источает аромат розы, а другой излучает лучи солнца. Характер свидетеля подчеркивается торжественностью сцены и величием актера. Еще до прочтения рукописи М. Констана мы были твердоубеждены, что столь необычные и поразительные впечатления поднимут его на уровень данного события.

Теперь читатель может судить об этом сам. Это мемуары М. Констана — автографические мемуары одного из ныне живущих людей, который написал их, чтобы сохранить свои воспоминания. Это частная история, знакомая жизнь, моменты досуга, проведенные в раздевании, Наполеона, которые мы сейчас представляем публике. Это Наполеон, снятый без маски, лишенный генеральской шпаги, консульского пурпура, императорской короны, — Наполеон, отдыхающий от совета и битвы, забывший о власти и завоеваниях, Наполеон, разгибающийся, лежащий спать, спящий сном обычного человека, как будто мир не зависел от его снов.

Это поразительные факты, настолько естественные и простые, что, хотя предвзятое суждение, возможно, может преувеличить их характер и усилить их важность, они предоставят беспристрастному и вдумчивому уму множество доказательств, намного превосходящих пустые домыслы воображения или предвзятые суждения политических партий.

В этом свете автор этих мемуаров - не автор, а просто рассказчик, который ближе и интимнее, чем кто-либо другой, видел Хозяина Запада, который в течение пятнадцати лет был и его хозяином; и то, что он написал, он видел собственными глазами.